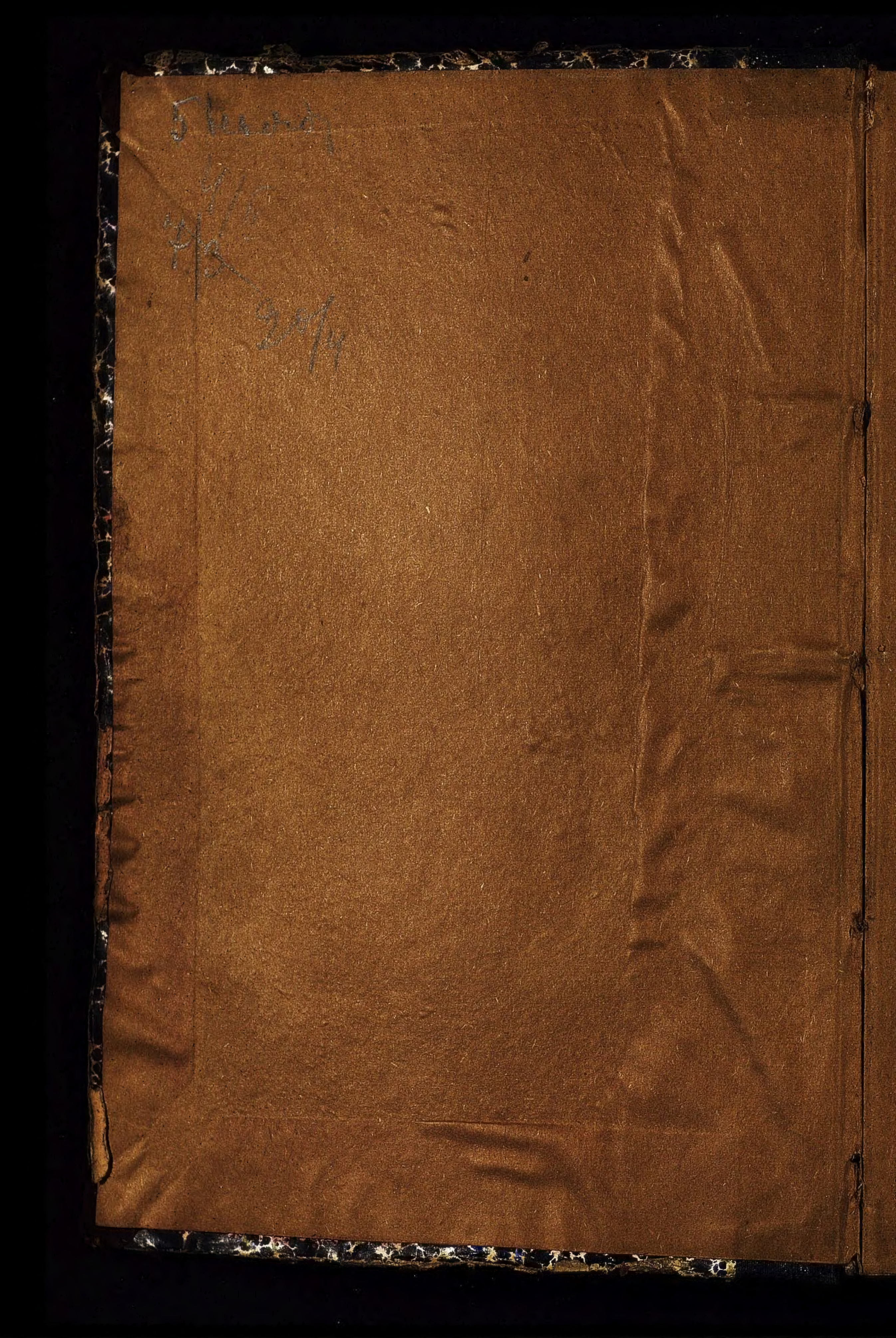

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

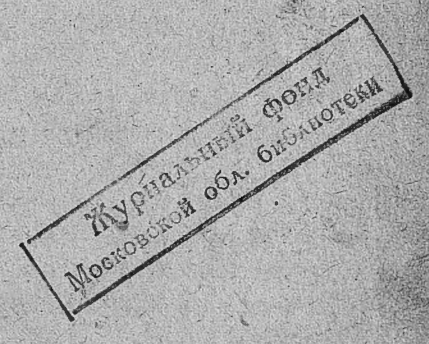
ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

МАРТЪ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала:
Загородный проспектъ, № 14.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4017

ПОБѢЖДЕННЫХЪ—НЕ СУДЯТЪ

(Изъ „по-смутнаго" времени.)

*Окончаніе *).*

XXIII.

Въ темноватомъ кабинетѣ профессора Шаброва, заставленномъ шкапами, сумракъ давно сошелъ. На столѣ горѣла только электрическая лампочка подъ зеленымъ абажуромъ.

Надѣинъ вглядывался въ милыя ему черты худого, нервнаго лица своего давнишняго пріятеля, и ему отрадно было прислушиваться къ его высокому и тихому голосу, съ разными особенностями произношенія и ритма рѣчи, которыя онъ зналъ уже болѣе четверти вѣка.

Въ полусвѣтѣ онъ не могъ разглядѣть все, что время и недавняя тяжкая болѣзнь наложили на черты лица: ни новыхъ морщинъ, ни меньшей яркости взгляда темносѣрыхъ глазъ, ни черты горечи, залегшей подъ нижней губой. Носъ былъ все съ той же извилистой, изящной линіей, и абрисъ черепа съ рѣдѣющими, но еще не очень посѣдѣвшими волосами.

И та же борода клинушкомъ, и тѣ же нѣсколько вверхъ приподнятыя къ вискамъ брови, что придавало его типу что-то мефистофелевское, вопреки простотѣ и добродушію всего его облика и его цѣльной натуры.

Профессоръ жилъ одинъ. Семью онъ для здоровья отправилъ въ Крымъ, куда и самъ собирался на зимнія вакаціи.

---

*) См. февраль, стр. 30.

Опасная и внезапная болѣзнь захватила его прошлымъ лѣтомъ, и Надѣинъ узналъ объ этомъ уже позднѣе. Оба были за границей, но на двухъ концахъ Европы. Видѣлись они въ послѣднiй разъ здѣсь же.

Леонтiй Ильичъ Шабровъ былъ коренной петербуржецъ, здѣсь родился, здѣсь учился, здѣсь прошелъ весь свой научный путь, послѣ ученья за границей и разныхъ экскурсiй натуралиста.

Надъ его письменнымъ столомъ Надѣину виденъ былъ вбокъ давно знакомый ему большой портретъ, въ натуральную величину—прекрасный офортъ,—съ головой сѣдобородаго старца, съ его характерной некрасивостью, густыми, надвинутыми бровями, изъ-подъ которыхъ смотрѣли проницательные и добрые глаза.

Леонтiй Ильичъ благоговѣйно относился къ тѣни автора книги „О происхожденiи видовъ". Онъ дорожилъ, какъ святыней, памятью о великомъ „учителѣ" и любилъ говорить, какъ о самыхъ драгоцѣнныхъ изъ своихъ воспоминанiй, о тѣхъ свиданiяхъ, какiя имѣлъ съ тѣмъ великимъ старцемъ.

Надѣинъ прежде даже подтрунивалъ надъ нимъ за эту „пассiю" и предсказывалъ ему, что въ немъ умретъ самый непреклонный, полный энтузiазма „дарвинистъ".

Такъ оно и случилось.

И раньше, въ ихъ послѣднее свиданiе, онъ слышалъ уже отъ своего прiятеля—и во многомъ единомышленника—невеселыя рѣчи о томъ, какъ ему и такимъ, какъ онъ, стало жутко среди теперешней „неразберихи". Такъ называлъ Шабровъ—и не онъ одинъ—то, что дѣлается въ ихъ отечествѣ.

Онъ уже давно—заслуженный. Но противъ него пошла сначала подпольная, а потомъ и очень явная интрига.

Съ преподаванiемъ онъ свыкся, какъ съ своей стихiей. Но онъ былъ уже недавно наканунѣ окончательнаго разрыва съ своей „alma mater"... и не могъ уйти, остался въ качествѣ простого доцента.

Въ немъ Надѣинъ видѣлъ рѣдкiй въ нашей интеллигенцiи образецъ безстрашнаго и горячаго поборника научной истины и тѣхъ принциповъ, за которые всю свою жизнь ратовалъ, безъ малѣйшей уступки, безъ намека на какой-либо компромиссъ.

Послѣднiе три года—помимо болѣзни и надвигающейся старости—его прежнее настроенiе покачнули.

Жизнь обманула не его личные надежды и разсчеты—у него не было ни честолюбiя, ни жадности, ни суетности,—но его вѣру и въ настоящее, и въ будущее русскаго общества и всей родины.

Сквозь его обычный молодой, полушутливый тонъ пробива-

лись горькія нотки, какихъ Надѣинъ еще не отмѣчалъ три года назадъ.

И все, что Леонтія Ильича смущало и печалило, чѣмъ онъ возмущался и передъ чѣмъ недоумѣвалъ — все это было и для него самого такимъ же.

Но была и разница, которую онъ, въ этотъ разъ, отчетливѣе распознавалъ.

Хотя онъ былъ на много лѣтъ старше, но въ себѣ онъ не распознавалъ той непреклонности, съ какой профессоръ Шабровъ держался за главные пункты своего научно-мыслительнаго credo.

Въ этомъ онъ сознавалъ себя моложе, все равно что сравнительно съ тѣми слишкомъ суровыми охранителями русской изящной словесности, о которыхъ сегодня онъ такъ разговорился съ Марьей Петровной.

Но съ Шабровымъ онъ ни подъ какимъ видомъ спорить бы не сталъ.

XXIV.

— Да, другъ Дмитрій Александровичъ,—говорилъ профессоръ—никогда бы я не могъ вообразить, что въ началѣ двадцатаго вѣка я, проработавши тридцать лѣтъ въ духѣ вотъ этого геніальнаго старца—и онъ повернулъ свою живописную голову въ сторону портрета—долженъ буду воевать... съ чѣмъ?..

И онъ поднялъ вверхъ указательный палецъ.

— Съ чѣмъ же?—подсказалъ Надѣинъ.

— Съ такой ископаемой идеей, какъ жизненная сила! *Витализмъ*! Ха, ха! Когда я только что кончилъ курсъ въ гимназіи, то и тогда уже эта пресловутая жизненная сила была сдана въ архивъ. Кто тогда надъ нею не издѣвался! Лѣнивый не прохаживался насчетъ этого пережитка средневѣковой премудрости. А теперь это, какъ говорятъ, „послѣдній крикъ“. Мы, вѣрные эволюціонному началу, мы—грубые матеріалисты, прямолинейные доктринеры, старомодные нигилисты временъ „Отцовъ и дѣтей“!

И глаза его заискрились. Онъ прошелся по волосамъ правой рукой.

— Къ этому идетъ—тихо промолвилъ Надѣинъ.

— Какая-то умственная эпидемія расползается повсюду. И не у насъ только, а и на Западѣ... въ Германіи. Вотъ скоро старикъ Гэккель, самый отважный, хотя и не во всемъ право-

вѣрный дарвинистъ, будетъ справлять свое семидесятипятилѣтіе... И посмотрите... да вы навѣрно знаете это! — его травятъ, на него клевещутъ, его второстепенныя обмолвки и ошибки превращаютъ въ нѣчто чудовищное, постыдное для ученаго. Вы думаете, изъ святой любви къ истинѣ? Какъ бы не такъ! Все это союзъ новоявленныхъ спиритуалистовъ съ лютеранскими и иными клерикалами, съ той бандой, которая теперь проникаетъ всюду и подводитъ свои мины не хуже отцовъ іезуитовъ! Ха, ха!

Всѣ эти тирады были проникнуты горькимъ чувствомъ; но тонъ поражалъ своей живостью. Интонаціи голоса были совсѣмъ молодыя.

— И неужели вамъ, Леонтій Ильичъ, пассовать, хотя бы и передъ этой черной братіей?—спросилъ Надѣинъ и, пододвинувшись къ нему, прикоснулся рукой къ его колѣну.—Если не вы, то кто же останется на полѣ брани?

— Я и остаюсь, но что̀ я, въ сущности, дѣлаю? Я только свожу счеты... съ прошлымъ... печатаю то, что накопилось... въ послѣдніе годы. Тороплюсь съ выпускомъ въ свѣтъ разныхъ своихъ вещей и чужихъ, съ моимъ предисловіемъ. И если я не теряю вѣры въ то, что все это повѣтріе пройдетъ черезъ десять-двадцать лѣтъ, то въ настоящій моментъ, другъ Надѣинъ, мы въ авантажѣ не обрѣтаемся!..

И, пододвинувшись къ своему гостю поближе, онъ положилъ лѣвую руку на спинку его кресла.

— Да и вы... беллетристы, вѣрные завѣтамъ великихъ русскихъ писателей—тоже вѣдь имѣете полное право возмущаться.

— Этимъ дѣлу не поможешь, другъ Леонтій Ильичъ!

— Знаю... дружище... знаю. Но вчужѣ всетаки негодую. Я не художникъ слова, я только читатель, воспитавшій свой вкусъ и свое внутреннее чувство на нашихъ классикахъ. И чѣмъ же меня принуждаютъ восхищаться? Что̀ теперь козыряетъ передъ публикой, которая—точно какая блудница — отдается всякому, кто ее схватитъ за шиворотъ, кто поднесетъ ей къ носу что-нибудь забористое и... зловонное? До чего дошло! Вы сами знаете! И что за шабашъ, что за свальный грѣхъ всякой, какъ я называю, хлыстовщины!.. Что̀ проповѣдуютъ всѣ эти богоискатели-оргіасты, эти мистики, а-моралисты... и какъ ихъ тамъ еще надо величать?!.

Онъ засмѣялся болѣе нервно.

Надѣинъ ждалъ именно такихъ „выпадовъ“. И не хотѣлъ ему противорѣчить. Самъ онъ—какъ писатель—могъ быть еще болѣе огорченъ, чѣмъ такой ученый. Но онъ оставался „при

особомъ мнѣніи" и свою болѣе объективную оцѣнку всего этого выносилъ не безъ борьбы съ самимъ собою.

— Накипь!—выговорилъ онъ все такъ же искренно.

— Вотъ вы сами увидите... и услышите! Походите по разнымъ заламъ и клубамъ, гдѣ читаютъ рефераты всѣ эти сенсуалистическіе богоискатели. Увѣренъ, что васъ самихъ будетъ—какъ народъ нашъ говоритъ—съ души воротить.

— Похожу—кротко отвѣтилъ Надѣинъ.—Но нашему брату, художнику-бытописателю, приходится всетаки хуже, чѣмъ вамъ, жрецамъ чистой науки.

— Почему? Потому что у насъ нѣтъ такого стаднаго преклоненія передъ новыми идолами? Есть! Но, разумѣется, не въ такой степени.

— Вы, другъ, и всѣ такіе, какъ вы, хотя бы ихъ была маленькая горсточка, можете сказать про себя стихами поэта:

„Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ!"

— Утесъ!.. Вотъ онъ!.. Профессоръ широкимъ жестомъ указалъ опять на портретъ великаго старца.

XXV.

Та же лѣстница, устланная ковромъ, и лакеи въ длинныхъ сюртукахъ у длинной вѣшалки, занимающей цѣлую комнату.

Надѣину захотѣлось отобѣдать именно въ этомъ ресторанѣ, чтобы сейчасъ же получить *ноту* того Петербурга, который сильнѣе всего былъ ему антипатиченъ.

Онъ ходилъ сюда въ каждый свой пріѣздъ; больше завтракать, на верху же, но въ другомъ залѣ. Внизу, въ rez-de-chaussée, часъ завтраковъ былъ для него выставкой петербургскихъ биржевыхъ дѣльцовъ, игроковъ и „чинушей", на которую изрѣдка можно было поглядѣть; но раза черезъ два, черезъ три эта компанія, точно оставшаяся неприкосновенной съ эпохи щедринскаго Ѳеди Кротикова, дѣлалась для него трудно переваримой.

Когда шинельный служитель снималъ съ него пальто, изъ залы ресторана донеслись звуки цыганскаго „чардаша".

Онъ зналъ, что будутъ цыгане—венгерскіе или румынскіе—въ красныхъ ментикахъ или въ бѣлыхъ расшитыхъ курткахъ.

Пройдя черезъ пустой салонъ, оставленный съ ослабленнымъ

освѣщеніемъ, онъ попалъ въ знакомую, длинную, узковатую залу, гдѣ, въ самой глубинѣ, помѣщается эстрада музыкантовъ.

И мгновенно, вмѣстѣ съ запахомъ ѣды, гуломъ разговоровъ, гортанныхъ, отрывистыхъ фразъ татарской прислуги, все съ тѣмъ же бритымъ, монгольскимъ профилемъ, охватилъ его „воздухъ" того Петербурга, который ничто не сдвинетъ съ его рельсовъ.

Какъ будто это было вчера, а не около трехъ лѣтъ назадъ.

Вонъ тамъ, за большимъ столомъ, компанія кавалеристовъ; слѣва—двѣ-три пары неизбѣжныхъ вивёровъ, съ тѣми же самодовольными или гемороидальными физіономіями; кокотка, въ уголкѣ, одна, въ ужасающихъ размѣровъ шляпкѣ и съ остро-хищнымъ стрѣляньемъ подкрашенныхъ глазъ—вправо и влѣво. А у другой стѣны—свѣтская барыня „изъ сферъ", одѣтая совершенно такъ же, какъ и эта француженка, съ молодымъ генераломъ и бритымъ, какъ англійскій лакей, штатскимъ. Дальше, къ концу залы, вправо, гдѣ онъ обыкновенно садился,—еще нѣсколько „мусьячковъ", не то изъ прессы, не то изъ канцелярій.

И ничего своего, никакой бытовой окраски, ни единаго новаго штриха, который показывалъ бы, что по этому городу пронесся вихрь массоваго движенія, что 9-е января еще свѣжо въ памяти всѣхъ, у кого есть душа, что еще два года назадъ въ представительствѣ страны впервые заслышались голоса возмущеннаго чувства націи.

Да, но вѣдь и тогда, въ самое смутное время, какое эта „Пальмира" переживала—здѣсь, въ этомъ ресторанѣ, въ кабинетахъ его и въ общей залѣ—чопорная ѣда, стильное пьянство и холодный развратъ съ обезьяничаньемъ съ парижскихъ притоновъ—все это было такое же, какъ онъ себя помнитъ, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ и больше.

Нѣтъ, тогда, т.-е. въ шестидесятыхъ годахъ, барское прожиганіе жизни было менѣе бездушно. Тогда—даже многіе изъ тѣхъ, у кого отняли рабовъ—притворялись, что они сочувствуютъ „эмансипаціи", шире и наивнѣе проживали свои выкупныя свидѣтельства. Не было такого повальнаго хищничества, сверху до низу, такой фальши, такого цинизма въ торжествующемъ режимѣ.

Тогда жизнь и смерть что-нибудь да значили. Было хоть подобіе стыда и человѣчности или, по крайней мѣрѣ, чувства внѣшняго приличія.

А теперь?

Надѣинъ—когда сѣлъ за свой столикъ—еще разъ оглядѣлъ залу, ища чего-нибудь такого, что было бы характерно для по-

слѣднихъ двухъ слишкомъ лѣтъ, безвыѣздно проведенныхъ на чужбинѣ.

Онъ не настолько ригористъ, чтобы обличать себя самого за то, что вотъ и онъ, по доброй волѣ, сидитъ среди всѣхъ этихъ „холоповъ добровольныхъ“ и „гробовъ повапленныхъ“; но общее между нимъ и ними, въ данную минуту, только то, что и они, и онъ ѣдятъ обѣдъ въ такую-то цѣну — ничего больше.

И можетъ-быть — думалось ему — здѣсь еще не такъ жутко, какъ будетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ собирается теперешняя „хаздвая“ интеллигенція. Съ этимъ станомъ „неунывающихъ“ россіянъ онъ никогда не имѣлъ ничего общаго, кромѣ menu завтраковъ и обѣдовъ. А тамъ, быть-можетъ, придется самому пройти черезъ ѣдкіе итоги, которые его пріятель, профессоръ Шабровъ, въ такихъ горькихъ изліяніяхъ кидалъ ему въ ихъ недавней бесѣдѣ.

Татаринъ—сѣдой, рябоватый, также хмурый, какъ и десять, и двадцать лѣтъ назадъ — служилъ ему съ угрюмой поспѣшностью, такъ что онъ долженъ былъ сказать ему:

— Пожалуйста, не подавайте мнѣ такъ скоро.

Это „вы“ — привычное ему съ юношескихъ лѣтъ — звучало почти дико среди этихъ петербуржцевъ, щеголяющихъ своимъ парижскимъ „bagoût“. Нигдѣ, ни въ какомъ публичномъ мѣстѣ, они не могутъ разстаться съ своимъ привилегированнымъ „ты“— ни за что и ни подъ какимъ видомъ.

А теперь, послѣ появленія „зубровъ“—и подавно. Это—ихъ „пароль“ и „лозунгъ“.

XXVI.

Изъ обѣда была съѣдена только половина, и Надѣина начало уже разбирать то трудно опредѣлимое чувство, какое онъ всегда испытывалъ въ такихъ мѣстахъ.

Музыкѣ онъ былъ радъ. Вальсъ цыгане играли горячо и нервно, и его мелодія позволяла отрѣшиться немного отъ своего „я“, отъ той вереницы горькихъ итоговъ, какіе отовсюду ползутъ—отъ этихъ стѣнъ, столовъ, запаховъ ѣды и дамскихъ духовъ, отъ лицъ, прическокъ, мундировъ, шпоръ, бритыхъ щекъ и модныхъ коковъ на лбахъ.

Чья-то высокая и плотная фигура показалась въ дверяхъ. Онъ взглянулъ туда, надѣлъ свое pince-nez и сдѣлалъ чуть слышное восклицаніе.

Это былъ одинъ изъ его московскихъ пріятелей — адвокатъ Солонинъ. Онъ не видался съ нимъ также около трехъ лѣтъ; но изрѣдка переписывался.

— Николай Иванычъ!—позвалъ онъ его въ полголоса и поднялся, чтобы тотъ замѣтилъ его сейчасъ же.

— А-а! Батюшка! Дмитрій Александровичъ!

Широко раскинувъ руки, подходилъ къ нему москвичъ, улыбаясь и добрыми, игривыми глазами, и пышнымъ ртомъ цвѣтущаго блондина, которому никто бы не далъ сорока-пяти лѣтъ. На немъ мѣшкомъ и какъ-то „профессіонально" сидѣлъ фракъ присяжнаго повѣреннаго, со значкомъ на лѣвомъ обшлагѣ.

Они поцѣловались, и Солонинъ тутъ же присѣлъ къ нему и заказалъ себѣ, передъ обѣдомъ, рюмку англійской горькой и бутербродъ.

Отъ него сейчасъ же пахнуло, вмѣстѣ съ холодкомъ, принесеннымъ съ улицы, и особаго рода „московскимъ" тепломъ. И его грудной баритонъ, и говоръ, и интонаціи, и игра лица, и характерность линій головы, плечъ, рукъ—все это дѣлало его живымъ и яркимъ контрастомъ съ тѣмъ, что̀ кругомъ сидѣло, жевало, глотало „холодное", громко или чопорно болтало подъ звуки цыганскаго оркестра.

— Ахъ, милый Николай Иванычъ!

Надѣинъ, сидя сбоку, слегка ударилъ его по бедру.

— Вотъ сюрпризъ-то! Вотъ впору повторить изъ „Горе отъ ума":

„Я полагала васъ далеко отъ Москвы".

Ужъ я и забылъ—когда вы писали и откуда.

— А кто виноватъ, Николай Иванычъ?

— Каюсь, я.

— Вѣчное некогда?

— Именно. Проклятое некогда! Прежде нашъ братъ москвичъ хоть въ этомъ отличался отъ петербуржца. У всѣхъ былъ досугъ. А нынче и мы—въ родѣ здѣшнихъ совмѣстителей—прибавилъ онъ немножко потише.

— Неужели это такъ? Я и то называю свои письма друзьямъ въ Россію — *монологами.*

— Ха, ха! Вѣрно! Но оставимъ упрэки — протянулъ онъ дурачливо, съ удареніемъ на звукѣ „э" — вы здѣсь смотрите молодцомъ, моложе и бодрѣе насъ. И когда же къ намъ, въ Москву?

— Больше мѣсяца здѣсь не высижу.

— Да и этого много.

Характерно поморщившись, послѣ рюмки водки, Солонинъ сдѣлалъ передышку и рѣзко измѣненнымъ тономъ выговорилъ потише звукомъ:

— И у насъ... мгла и слякоть... и на улицѣ, и въ душѣ.

— Да?—огорченно откликнулся Надѣинъ.

— Злость беретъ... а главное, прострація нападаетъ. Точно и тебя самого, и всѣхъ кругомъ кто подмѣнилъ. Что у насъ дѣлается... въ нашей сатрапіи...

И онъ, на ухо, добавилъ:

„Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй!“

— Вотъ и вы... такой энтузіастъ... Николай Иванычъ... Такимъ ли я васъ видѣлъ осенью тысяча-девятьсотъ-пятаго года!

— Чего захотѣли! Ха, ха! Но вѣдь мы были иллюминаты какіе-то! Мы вѣрили чуть не въ водвореніе Царства Божія на московскихъ стогнахъ, и вездѣ, по матушкѣ Руси! Ха, ха!

Когда онъ доѣлъ супъ, Солонинъ, взъерошивъ свой неподатливый вихоръ, продолжалъ съ усиленной вибраціей своего необычайно пріятнаго голоса:

— И какъ всѣ попрятались въ норы, какъ презрѣнно испугались, съ какой подлой жадностью накинулись на реабилитацію—святой плоти... Точно шабашъ какой совершаютъ!

— И у васъ такая же вакханалія сенсуализма?

— И юродства по части мистическаго анархизма. Помилуйте... самые заурядные изъ здѣшнихъ модернистовъ приглашаются въ кружокъ на гастроли. И что за аудиторія! Дѣвули съ истерическимъ закатываньемъ глазъ, въ прозрачныхъ туникахъ и съ стильными зачесами на уши! И что за дичь проповѣдуютъ! Какія пренія, какая требуха изъ всего, вплоть до проповѣди Содома и садизма!

— Значитъ, тоже—вездѣ? — упавшимъ голосомъ спросилъ Надѣинъ.

— Вездѣ! А въ провинціи—Держиморды и трепещущій обыватель. Картежъ, взятки, развратъ, бабье и шампанское - *Кристаль*—двѣнадцать рублей бутылка!

XXVII.

Нельзя, видно, было выйти изъ того же надорваннаго настроенія — всѣхъ, кого Надѣину удалось встрѣтить съ пріѣзда сюда.

Но въ московскомъ адвокатѣ это звучало какъ-то особенно обидно и жутко.

Солонинъ всегда былъ чѣмъ-нибудь заряженъ: идеей, фактомъ, цѣлымъ движеніемъ—и всегда увлеченъ какой-нибудь личностью. Его пріятели подтрунивали надъ нимъ, спрашивая, въ какой онъ, въ данный моментъ, полосѣ: красной, фіолетовой, голубой или оранжевой?

Эта взвинченность куда-то запряталась. Чувствовалась какая-то оторопь и потеря вѣры въ то, что могутъ еще явиться люди, какихъ ждетъ родина.

Съ тѣми, кого „прибрали“ съ общественной арены, онъ—съ очень многими—водилъ близкое знакомство; но и объ нихъ онъ говорилъ въ тусклыхъ, подавленныхъ тонахъ.

— У всѣхъ носъ на квинтѣ. Никто не собирается воевать; да и невозможно. Въ пустой печкѣ жару не добудешь. Всѣ во все извѣрились; а вся страна стонетъ.

Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но оглянулся и не договорилъ.

Мѣсто-то было уже слишкомъ неподходящее для такихъ изліяній.

Надѣинъ, послѣ маленькой паузы, наклонился въ его сторону и спросилъ:

— Вы сюда по дѣлу?

— Да.

— По кляузнымъ дѣламъ, какъ вы любите сами выражаться, Николай Иванычъ? Какой-нибудь гражданскій процессъ?

— Н-ѣтъ—протянулъ Солонинъ—по уголовному процессу... Лучше и не распрашивайте.

— А что?

— Безнадежно.

— Неужели... въ военномъ судѣ?

Адвокатъ кивнулъ головой и тотчасъ же отпилъ изъ своего стакана.

— Покушеніе?

Надѣинъ сталъ говорить въ полголоса и—невольно—оглядываясь то въ ту, то въ другую сторону.

Что-то такое Солонинъ сказалъ ему на ухо. Онъ не сразу понялъ; но не захотѣлъ переспрашивать.

Ему было бы слишкомъ больно услыхать подтвержденіе того, что ему послышалось.

— Боже мой!—глухо вырвалось у него. — И что же—все это идетъ въ гору?

Солонинъ понялъ, что это—„все“.

— А вы развѣ не заглядываете въ эту статистику?—подчеркнулъ онъ слово „эту“.

— Я кончилъ тѣмъ, что не читаю хроникъ или тѣхъ короткихъ резюме, какія печатаются отдѣльно въ каждомъ номерѣ, въ нѣкоторыхъ газетахъ.

Въ голосѣ Надѣина сейчасъ же задрожали совсѣмъ другія ноты. Онъ въ послѣдніе мѣсяцы рѣшительно потерялъ способность хладнокровно говорить *объ этомъ*. За границей легче было избѣгнуть такой темы; но здѣсь въ трое сутокъ вотъ уже онъ третій разъ долженъ былъ наталкиваться на нее.

И чтобы сколько-нибудь смягчить настроеніе ихъ обоихъ, онъ заговорилъ какъ будто даже въ болѣе веселомъ тонѣ:

— Знаете что, Николай Иванычъ... Я въ первый разъ пожалѣлъ, что никогда въ жизни не писалъ стиховъ, ни оригинальныхъ, ни переводныхъ.

— Будто и юношей не грѣшили?

— Никогда.

— А что же такое?

— Когда-то въ Парижѣ—я еще былъ молодой человѣкъ—попалъ я въ Comédie Française. Давали одноактную пьесу „Gringoire“. Она и по-русски шла когда-то подъ заглавіемъ „Король и поэтъ“. Этого средневѣковаго голоднаго поэта игралъ тогда еще молодой Кокленъ. Его приводятъ къ королю Людовику XI, и тотъ заставляетъ его продекламировать ему сочиненную имъ балладу, гдѣ описывается фруктовый садъ, въ которомъ вмѣсто деревьевъ—все висѣлицы. И я до сихъ поръ помню задорный и сочный голосъ Коклена, какъ онъ повторяетъ свою пѣсню, зная, что его ждетъ та же участь.

— Отлично!—вырвалось у москвича.—И у насъ тоже—фруктовый садъ по всему государству...

Ресторанъ пустѣлъ. Цыгане проиграли свой послѣдній номеръ. Отъ стола съ кавалеристами доносилось еще бряцанье шпоръ.

Надѣинъ вынулъ часы.

— А вѣдь мнѣ пора.

— Куда?

— На рефератъ... сенсуалиста-богоискателя или что-то въ этомъ родѣ.

— Навѣрно изъ тѣхъ, что выписываютъ къ намъ на гастроли... Что же! у меня свободный вечеръ. Поѣду и я съ вами. Побудемъ весь вечеръ вмѣстѣ; а завтра я—обратно. Когда еще свидимся... Мнѣ все сдается, что вамъ сдѣлается такъ невыно-

симо, что вы черезъ какую-нибудь недѣлю обратно въ Европу турманомъ полетите!

Они спросили счетъ и москвичъ закурилъ.

XXVIII.

Низковатая зала, тусклое освѣщеніе, эстрада съ большимъ столомъ, гдѣ сидятъ члены комитета, а сбоку столикъ для лектора, и уходящіе въ глубь ряды стульевъ, съ темной массой публики — вотъ что видѣлъ Надѣинъ, котораго распорядители пригласили сѣсть среди членовъ бюро.

Его московскій пріятель помѣстился въ публикѣ.

То, что̀ Надѣинъ уже испытывалъ и раньше, три года назадъ—теперь еще сильнѣе охватило его. Никогда еще онъ не сознавалъ себя такимъ *отчужденнымъ* отъ всей этой публики, съ которой долженъ былъ бы быть хотя чѣмъ-нибудь связанъ.

Онъ вглядывался въ лица. Преобладаетъ молодежь, всего больше дамы и дѣвицы, но есть и пожилые люди. Вонъ, въ концѣ перваго ряда—сѣдая старушка, около которой, передъ началомъ реферата, толпилась цѣлая кучка. Что-то такое онъ вспомнилъ. Кажется, это какая-то знаменитость, долго жившая въ изгнаніи, вернувшаяся послѣ амнистіи. Но лично онъ ее не зналъ. Да и она пропадаетъ среди этой особенно настроенной аудиторіи.

Точно это какая-то секта, какое-то „согласіе", собравшееся на свое „радѣніе". Прежде не бывало такихъ лицъ, выраженія глазъ, мужскихъ костюмовъ съ умышленно высокими галстухами и прическами, такихъ женскихъ „хитоновъ" и обтянутыхъ вокругъ бедръ мѣшковъ.

И все это сбѣжалось слушать рефератъ на тему, въ одномъ заглавіи которой уже звучала проповѣдь того, съ чѣмъ писатели его поколѣнія, и даже моложе—никогда не выступали.

Но онъ не хотѣлъ *предвзятаго* настроенія. Онъ искренно желалъ—особенно въ этотъ свой пріѣздъ—усвоивать себѣ sine ira et studio то, что̀ проповѣдники новаго эстетико-мистическаго слова такъ проникновенно и авторитетно возглашаютъ „urbi et orbi".

Съ угла, у зеленаго стола, гдѣ онъ сидѣлъ, ему была видна огромная голова референта, точно съ какимъ вѣнцомъ изъ неподатливыхъ, всклоченныхъ, длинныхъ волосъ, и его профиль— не то аскета, не то актера, буро-желтое окрашиваніе впалыхъ

щекъ, сгорбленная надъ столикомъ впалая грудь и вся фигура, въ умышленно-длинномъ черномъ сюртукѣ.

И голосъ его вызывалъ въ немъ что-то необычайно жуткое. Это похоже было на дребезжанье металлической струны на цитрѣ или мандолинѣ, съ намѣреннымъ отчеканиваньемъ не только отдѣльныхъ фразъ, но и слоговъ, въ болѣе длинныхъ, отвлеченныхъ словахъ.

И на каждомъ шагу неологизмы, сочиненные самимъ референтомъ термины, или греческія и латинскія слова, произносимыя съ особеннымъ смакованьемъ—что похоже было на урокъ влюбленнаго въ себя учителя-классика.

Но эти блестки книжнаго архаизма пестрили только снаружи рѣчь, лившуюся все съ возрастающей нервностью, съ интонаціями, близкими къ взрывамъ истерики.

Надѣинъ сосредоточенно и добросовѣстно силился проникнуть въ основную идею этой рѣчи, которую референтъ болѣе считывалъ съ листковъ, чѣмъ говорилъ свободно.

Дѣло шло совсѣмъ не о чемъ-либо новомъ, особенно для такой аудиторіи: объ истинномъ смыслѣ символизма, въ словесномъ и пластическомъ творчествѣ.

Надѣинъ силился отмѣтить что-нибудь оригинальное въ самой концепціи—и наталкивался только на изреченія, на цитаты, на термины, на курьезныя слова.

Аудиторія внимала. Нигдѣ ни разговоровъ въ полголоса, ни скучающихъ лицъ, ни протестующихъ движеній головы.

И лекторъ, и его слушатели точно предавались какому-то „служенію“.

Раза два Надѣинъ и его московскій пріятель встрѣчались взглядами. Солонинъ усмѣхался и глаза его досказывали то, что онъ самъ испытывалъ. Но ему все это было уже „въ привычку“. И когда они сюда вошли, то онъ уже шепнулъ Надѣину, что этого самаго лектора выписывали въ Москву „на гастроль“ и что, кажется, и тема—та самая, за которую онъ уже заполучилъ тамъ положенный для заѣзжихъ извѣстностей гонораръ.

Надѣину хотѣлось чего-нибудь болѣе рѣзкаго и смѣлаго, въ чемъ бы прозвучалъ „послѣдній крикъ“ самыхъ юныхъ душъ, захваченныхъ волной оргіастическаго или мистико-анархическаго энтузіазма.

А это слишкомъ отзывалось школой, книжкой, стилемъ, словесной игрой во всякаго рода архаизмы, чтобы облечь старыя погудки романтизма, который—ровно черезъ сто лѣтъ—забурлилъ такъ, какъ онъ пробурлилъ уже въ самомъ началѣ

XIX-го вѣка у нѣмцевъ, у всѣхъ „ясновидцевъ“ и иллюминатовъ тогдашняго романтическаго похода.

Чтеніе прекратилось. Отъ сидѣнья и напряженнаго слушанья Надѣинъ чувствовалъ нѣкоторую разбитость и со вздохомъ облегченія спустился съ эстрады и, сдѣлавъ знакъ Солонину, вышелъ на обширную площадку.

XXIX.

— Дмитрій Александровичъ!

Теплый женскій голосъ внезапно раздался ему навстрѣчу.

— Анна Сергѣевна! Какъ я радъ!

Толпа, двинувшаяся изъ залы въ перерывъ, разъединила Надѣина съ Солонинымъ и онъ очутился у барьера одного изъ пролетовъ на главную лѣстницу.

И тамъ его окликнула брюнетка во всемъ черномъ, красивая и стройная—неопредѣленныхъ лѣтъ.

Они протянули другъ другу руки и, послѣ крѣпкаго пожатія, стали въ уголкѣ, у перилъ.

— Опять у насъ!—тихо-радостно выговорила она и ея прекрасные свѣтлые глаза ласкали его.

— Потянуло, Анна Сергѣевна! Болѣть родиной издали едва ли еще не болѣе тяжко... А вы?

Онъ зналъ по газетамъ, что около года назадъ она потеряла самаго близкаго человѣка.

— Вотъ видите... осталась жить — выговорила она съ улыбкой.—Тѣмъ, кто ушелъ—право, лучше.

— Такимъ, какъ вы, нельзя уходить!

— Ахъ, полноте!

Она махнула рукой.

Но отъ всего ея существа, сквозь горькій тонъ словъ—пахнуло такой теплой жизненностью.

— Что объ этомъ... — заговорила она, точно стряхивая съ себя что-то.—Не хочу наводить на васъ уныніе. Спасибо, что пріѣхали. Но, право, лучше было остаться тамъ, гдѣ солнце, гдѣ ликующая природа.

— Не выдержалъ, Анна Сергѣевна! Захотѣлось опять окунуться въ вашу...

— Трагическую неразбериху...

Когда стало просторнѣе на площадкѣ, они прошли въ одну изъ боковыхъ комнатъ и тамъ сѣли въ уголкѣ.

Цѣлая полоса здѣшней жизни пронеслась въ памяти стараго писателя.

Эта женщина—на исходѣ пятаго десятка—встаетъ передъ нимъ пышнымъ цвѣткомъ, когда она была еще девятнадцатилѣтней курсисткой.

Какая она была тогда трепетная, ясная, обаятельная... Сколько правъ имѣла на роскошное личное счастье!

Но не испытала его. Тяжелое замужество, тяжелыя заботы и огорченія, тайная любовь, полная новыхъ испытаній.

А снаружи все въ ней осталось такимъ удачнымъ, блестящимъ, полнымъ самаго широкаго участія—во всемъ, чѣмъ въ теченіе тридцати лѣтъ жила интеллигенція.

И вотъ теперь—одиночество, безъ семьи, запоздалая свобода, послѣ смерти мужа.

Но ему сильнѣе всего хотѣлось ей сказать:

„Начинайте новую жизнь. Вы способны дать счастье всякому, кого ваша чуткая душа изберетъ, съ кѣмъ вы вступите въ тихую и свѣтлую пристань".

— Ахъ, Анна Сергѣевна,—заговорилъ онъ, чувствуя, какъ у него въ груди что-то вздрогнуло.—Еслибъ я не былъ *маститымъ*—какое ужасное слово!—я бы мечталъ о такой женщинѣ, какъ вы. Насъ жизнь скорѣе разводила, чѣмъ сводила, но каждый разъ, когда я думаю о Петербургѣ и свожу съ нимъ свои горькіе счеты—вашъ образъ смягчаетъ меня, васъ хочется видѣть, знать, что вы еще не потеряли вѣру въ какой-нибудь просвѣтъ.

— Не знаю... Не вамъ у меня, а мнѣ у васъ надо лѣчить свою душу. Вы еще не знаете, какъ я стала тяготиться всѣмъ. Я и всегда-то была пессимистка, милый Дмитрій Александровичъ... Вы помните, уже около года назадъ наша переписка прервалась...

— Не по моей винѣ!

— Я знаю. По моей! Но тогда я была такъ плоха, что считала прямо непозволительнымъ, гадкимъ—разстроивать васъ своими изліяніями. Теперь я какъ будто застыла. Видите, бываю вотъ даже на такихъ вечерахъ... Вездѣ бываю. Можетъ, потому, что бѣгаю отъ самой себя... Простите!

Она выпрямилась и отвела голову.

— Вотъ вы куда удалились!—раздался голосъ москвича.—И съ дамой!

— Мой пріятель, Николай Иванычъ Солонинъ,—назвалъ Надѣинъ.

— Да мы знакомы съ Анной Сергѣевной.

— Я вѣдь всѣхъ знаю—пошутила она.

— Останемся на „прìо“?—спросилъ москвичъ.

— Выпьемъ чашу до дна — пошутилъ Надѣинъ.—Я хочу слышать голоса изъ этой—увы!—чуждой мнѣ публики.

— Да вѣдь она и для меня чужая! — обронила Анна Сергѣевна.

— Знаете что, господа!—предложилъ Солонинъ.—Поѣдемъ въ клубъ на ночное представленіе... тамъ останемся и поужинать.

— До котораго же это часу?—спросилъ Надѣинъ.

— Тамъ только въ первомъ часу начинается. И до пѣтуховъ! Знаете, разные бываютъ виды запоя... Такъ и это прожиганіе.

И всѣ трое двинулись въ залу, заслышавъ раскаты звонка.

XXX.

На Невскомъ электрическіе шары уже давно померкли.

Ночной тащилъ Надѣина отъ Литейнаго. Дрожки дребезжали и подъ верхъ залетали капли изморози. Фонари тускло выступали въ чемъ-то похожемъ на туманъ.

Сѣдоку было досадно на себя и совѣстно. Какъ могъ онъ — съ его привычкой къ правильной жизни — превратить ночь въ день?

Навѣрно, время — уже въ исходѣ пятаго; а онъ только что возвращается въ свой отель.

Чѣмъ-то кошмарнымъ кажется ему ночь, проведенная не въ притонѣ, не въ вертепѣ, а въ клубѣ, гдѣ собираются писатели, актеры, художники... и игроки обоего пола. Игра и даетъ тамъ всему импульсъ. На игрецкіе проценты клубъ и можетъ нанимать барскіе чертоги.

Въ этихъ самыхъ чертогахъ, онъ — лѣтъ такъ пятнадцать назадъ — былъ въ гостяхъ, нѣсколько разъ, съ визитомъ и на вечернемъ чаѣ. Но онъ съ трудомъ узналъ и гостиную, и бывшую столовую, тогда всю обставленную и обвѣшанную чудесной коллекціей фарфора.

Теперь это—что-то въ родѣ тѣхъ казино, которые имѣются на водахъ и на Ривьерѣ. Но въ самомъ пеклѣ игры, въ Монте-Карло, уже нѣтъ такой игры послѣ полуночи и все гораздо приличнѣе, подтянутѣе, съ соблюденіемъ нѣкотораго декорума.

Тамъ, рядомъ съ игорными залами, идутъ блистательные оперные спектакли, съ нашимъ „Ѳедоромъ Иванычемъ“ въ роляхъ Мефистофеля и Мельника изъ „Русалки“. Туда ѣздятъ на гастроли артисты „Французской Комедіи“.

А тутъ—не раньше часа ночи открывается „кабачокъ", на манеръ парижскихъ литературныхъ cabarets. Рядомъ—игра, выпивка, прожиганіе жизни, съ тѣми дамами, которыя также причисляютъ себя, должно-быть, къ интеллигенціи.

Они внизу сидѣли вмѣстѣ съ Солонинымъ я Анной Сергѣевной. Имъ хотѣлось настроить себя въ униссонъ съ тѣмъ, что шло на сценѣ. Фарсъ нравился этой полуночной публикѣ; дурачества, куплеты, каррикатуры знаменитостей — все это пестрѣло передъ глазами, врывалось въ уши, точно номера какого-то граммофона.

И, впервые, стараго писателя стало щемить на совершенно небывалый ладъ. Онъ еще никогда не видалъ у себя на родинѣ такого безшабашнаго высмѣиванія всего того, чѣмъ увлекалась та же публика, всѣхъ ея идоловъ. Но въ этомъ не было настоящей веселости. Какая-то внутренняя фальшь подтачивала все — точно какой-то кудесникъ, показывающій раекъ, задался цѣлью этимъ лицедѣйствомъ еще нестерпимѣе подчеркнуть то — какая мгла заволокла все, что рвалось, такъ недавно, къ свѣту и свободѣ.

Было что-то похожее на „Пиръ во время чумы".

А рядомъ—полуночничали игроки обоего пола, въ облакахъ табачнаго дыма, или сидѣли, часами, за столиками, поглощая алкоголь въ разныхъ видахъ, раздражая или подавляя себя вязкими илн задорными разговорами... и все на тѣ же темы — нервной, озлобленной или издѣвающейся писательской и артистической богемы.

Когда они втроемъ кончали ужинать и москвичъ поднялъ свой стаканъ и чокнулся сначала съ Анной Сергѣевной, а потомъ съ нимъ, у Надѣина вырвался полугромкій возгласъ:

— Какая жалкая, какая ужасная жизнь!

И это слово „ужасная" онъ повторялъ и теперь, сидя въ глубинѣ пролетки, и чувствуя удручающій гипнозъ петербургской ночи и этой, давно ему опостылѣвшей „перспективы".

Неужели и онъ, оставаясь здѣсь недѣлю, втянулся бы въ такую жизнь, сдѣлалъ бы изъ нея свою норму?

Онъ даже вздрогнулъ.

Зрѣлище, которое начинается только послѣ полуночи! Но развѣ это не норма для всей этой „братіи"? Она не признаетъ никакой другой программы дня... И такъ изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ!

Что же останется—въ мозгу, въ мышцахъ, въ нервахъ, въ душѣ—энергіи отъ такого превращенія всей своей сознательной

жизни въ кошмарныя ночи, съ шутовствомъ, игрой и алкогольнымъ отравленіемъ?

Развѣ оттуда можетъ исходить какой-нибудь просвѣтъ и возрожденіе?

— Чего?—глухо крикнулъ онъ и расхохотался.

И этотъ смѣхъ испугалъ его самого.

— Куда ворочать-то, направо? — окликнулъ его извозчикъ.

— Направо!—торопливо отвѣтилъ онъ, выглянувъ изъ-подъ фартука.

Сонный малый — помощникъ швейцара — впустилъ его въ подъѣздъ и снялъ съ полки ключъ его комнаты.

Часы, на лѣстницѣ, показывали сорокъ шесть минутъ пятаго.

Разбитый, еле переводя ноги—хотя и совсѣмъ трезвый—дотащился онъ до двери номера и, войдя въ него, не смогъ сразу снять пальто и опустился безпомощно въ кресло.

XXXI.

Леонтій Ильичъ Шабровъ поднимался своей легкой, молодой походкой на четвертый этажъ дома въ одной изъ линій Васильевскаго Острова.

Швейцаръ на его вопросъ:—Дома профессоръ Тимофѣевъ?—отвѣтилъ:

— У себя.

Третій день, какъ Шабровъ находится въ нервномъ настроеніи. И всякій разъ что-нибудь особенно непріятное вызываетъ у него, съ утра, его обычный „тикъ"—боль въ вискѣ, иногда и въ обоихъ.

И сегодня онъ проснулся съ той же височной невралгіей. Сильный пріемъ аспирина немного притупилъ ее.

Онъ поднимался къ своему старому коллегѣ, такому же „заслуженному", какъ и онъ, но старше его. Тому уже давно перевалило за семьдесятъ.

Позвонилъ онъ на площадкѣ верхняго этажа и горничной сказалъ увѣренно:

— Степанъ Степанычъ дома.

Она усмѣхнулась, признавъ его, и сказала:

— Пожалуйте... Они въ кабинетѣ. Куда-то собрались.

— Хорошо. Доложите—профессоръ Шабровъ.

— Я знаю-съ.

И она пошла впередъ, къ двери кабинета, пріотворила ее и очень громко доложила:

— Профессоръ Шабровъ.

Баринъ ея былъ туговатъ на одно ухо.

Шаброва встрѣтилъ небольшого роста, немного сутулый старикъ, весь бѣлый, какъ лунь, съ длинными волосами, въ вицмундирѣ и съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Лицо было розовое, съ блескомъ на довольно полныхъ щекахъ.

— А! дорогой коллега!—привѣтствовалъ онъ гостя.

Они не видались давно, чуть ли не съ послѣдняго засѣданія Совѣта.

Шабровъ привыкъ считать этого старца хранителемъ хорошихъ академическихъ традицій, осторожнымъ, но убѣжденнымъ сторонникомъ автономіи, на которую, со всѣхъ сторонъ, выдвинуты стѣнобитныя машины чиновничьей реакціи.

— Вы собираетесь, Степанъ Степанычъ?

— Да, милѣйшій... не скрою. Но нѣсколько минутъ могу удѣлить. Душевно радъ видѣть васъ у себя.

Они сѣли другъ противъ друга. Розовое лицо старца продолжало улыбаться. Голову онъ повернулъ лѣвымъ ухомъ къ собесѣднику.

— Совсѣмъ ничего не слышу правымъ—замѣтилъ онъ шутливо.—Извѣрился въ спеціалистовъ. Лѣвымъ еще кое-какъ слышу.

— Я къ вамъ—возбужденно началъ Шабровъ—за вашимъ голосомъ, многоуважаемый коллега.

— Какимъ голосомъ? Хе, хе!

— На засѣданіе будущей недѣли. Вы вѣдь знаете, что наша черная клика хочетъ провести свою подпольную интригу. Она направлена, между прочимъ, и на меня; но я уже рѣшилъ безповоротно, что если клика восторжествуетъ—я совсѣмъ ухожу.

— Ахъ, зачѣмъ!

— Не могу. Но дѣло идетъ о послѣднихъ крохахъ академической автономіи... и васъ, какъ ея самаго маститаго сторонника, не можетъ не возмущать весь этотъ заговоръ ея тайныхъ и явныхъ враговъ.

Розовыя щеки старца какъ будто немного поблѣднѣли. Онъ часто замигалъ и сдѣлалъ неопредѣленный жестъ своей серебристой шевелюрой.

— Къ тому идетъ... къ тому идетъ.

И онъ уже опредѣленнѣе покачалъ головой.

— Но на васъ мы можемъ опереться, какъ на каменную стѣну.

— Хе, хе... На этихъ засѣданіяхъ мнѣ, признаться сказать, очень тяжко приходится, милѣйшій; половину не слышу, да и тонъ у всѣхъ такой рѣзкій, бранный.

— Не принимайте участія въ преніяхъ; но дайте вашъ голосъ.

— Былъ бы радъ. Но я недостаточно въ курсѣ дѣла. Надо во все досконально вникнуть; а я даже не считаю себя достаточно компетентнымъ. Вы—люди точной науки, а мы—только обществовѣды... Хе, хе!

— Другими словами—нервно возразилъ Шабровъ—мы не можемъ навѣрняка разсчитывать на вашу поддержку?

— Но какъ же я могу впередъ?.. Это было бы насиліе надъ моей совѣстью старика. Мнѣ въ пору и совсѣмъ удалиться. Вѣдь мнѣ уже пошелъ съ осени семьдесятъ пятый годокъ!

— По крайней мѣрѣ... дайте мнѣ слово—явиться на засѣданіе.

— Ахъ, батюшка, я и радъ бы душой, но мало ли что можетъ случиться. Вотъ въ правой ногѣ у меня капризная боль. Одни говорятъ: артритъ, другіе—ишіасъ. Но знаете, по французской поговоркѣ: blanc bonnet—bonnet blanc! Одинаковая гадость! Приспичитъ—хоть бѣлужиной пой!

Онъ вынулъ часы и быстро взглянулъ на нихъ вбокъ.

— Я васъ задерживаю, коллега, извините—другимъ тономъ сказалъ Шабровъ, поднимаясь съ мѣста.

— Простите... Выѣздъ хоть и скучный, а необходимый.

И, протягивая руку, онъ прибавилъ:

— Эхъ, батенька, автономія-то теперь, сами знаете, попала въ опалу. Надо переждать. Натягивать струны не слѣдуетъ. Хе, хе! Всего хорошаго, коллега!

Онъ проводилъ гостя до передней.

XXXII.

Полтора часа спустя Надѣинъ сидѣлъ съ Шабровымъ за столомъ—въ буфетной комнатѣ ресторана своего отеля.

Они сѣли въ уголъ, у окна. Часъ былъ еще ранній и жизнь ресторана только что начиналась.

Шабровъ явился ровно въ двѣнадцать—какъ они наканунѣ согласились—и нашелъ своего пріятеля у буфета.

Одинъ взглядъ на лицо Леонтія Ильича подсказалъ Надѣину,

что тотъ чѣмъ-то особенно заряженъ, хотя и старается затушевать это своей обычной усмѣшкой. Но глаза блестѣли какъ-то особенно.

Когда они, закусивъ у буфета, сѣли и заказали завтракъ, Надѣинъ, подавшись впередъ, сказалъ въ полголоса:

— Другъ Леонтій Ильичъ... что-нибудь неладное у васъ... а?

Тотъ выразительно пожалъ плечами и слегка измѣнился въ лицѣ.

— Пришло царство хама—съ подавленнымъ смѣхомъ выговорилъ онъ.

— Пришло!—подтвердилъ ему въ тонъ Надѣинъ.

— Надо строить себѣ келью и возлагать на себя схиму.

— Вы-то!

— Жажду, жажду отрясти прахъ съ сандалій моихъ.

— Уходите?

— Но что же остается дѣлать?

И сдерживая себя—звуки голоса не измѣнили ему—онъ передалъ ему мотивъ своего визита къ тому „старцу", котораго онъ имѣлъ наивность причислять къ людямъ своего лагеря.

— Да и зачѣмъ ему, стоящему одной ногой въ гробу, ввязываться въ исторію... Вѣдь онъ знаетъ, что насъ прокатятъ на вороныхъ. А ему всетаки совѣстно было бы сидѣть, набравши въ ротъ воды. Одинъ изъ насъ могъ бы ему крикнуть: что же вы молчите, Степанъ Степанычъ?

— А вы всетаки отчитаете ихъ?

— Не знаю. Вѣрите, дружище, до такой степени все это гнусно и отвратительно, что глаза бы не глядѣли на самое-то зданіе на берегу Невы.

— Понимаю—обронилъ Надѣинъ замѣтно спавшимъ голосомъ.—Понимаю. Но вѣдь если такіе, какъ вы, будутъ уходить, то черезъ два года хамъ уже будетъ торжествовать по всему полю битвы... Леонтій Ильичъ! Дорогой!

— Знаю! И тысячу разъ долженъ повторять себѣ этотъ именно аргументъ. И вотъ здѣсь, подъ ложечкой, неутолимая тошнота. На вашихъ глазахъ происходитъ всеобщее отступничество.

— Что же это доказываетъ?—остановилъ Надѣинъ и поднялъ вверхъ указательный палецъ.

— Что?

— Что въ тѣхъ, кого вы считали людьми вашего стана—не было настоящей закваски... или лучше та—фарисейская, о которой говорится въ Писаніи. Вѣтеръ подулъ съ другого

конца—вотъ все это и сжалось, и потянулась вереница перебѣжчиковъ.

— Ну да... Я и сегодня, когда сходилъ сверху, отъ того старца—выбранилъ себя за мою, можно сказать, мальчишескую наивность. Теперь я—окончательно поумнѣлъ.

Буфетная комната стала наполняться. Вправо отъ нихъ, за большимъ круглымъ столомъ, сѣло нѣсколько человѣкъ иностранцевъ, всѣ какъ-то на одно лицо: бритые, въ высочайшихъ воротничкахъ и пестрыхъ „сьютахъ".

Ихъ говоръ дѣлался все выше. Англійская рѣчь долетала весьма отчетливо до столика, гдѣ завтракали Надѣинъ и Шабровъ.

— Навѣрно корреспонденты—замѣтилъ Шабровъ и сталъ прислушиваться.

Оба они говорили по-англійски. У обоихъ было немало личныхъ воспоминаній изъ годовъ своей второй молодости.

— Вѣдь вотъ что обидно—заговорилъ Шабровъ въ полголоса—всѣ эти британцы, проживающіе здѣсь для корреспонденціи—болтаютъ въ своихъ газетахъ каждый день о Думѣ, о высшей политикѣ, о самоновѣйшихъ новостяхъ изъ высшихъ сферъ; но нашей подоплеки они вотъ настолько не знаютъ.

И онъ показалъ на кончикъ пальца.

— Разумѣется!—подтвердилъ Надѣинъ.

— Ему что!—продолжалъ нервно Шабровъ.—У него британская конституція. Онъ гражданинъ сѣвероамериканскихъ штатовъ. А мы—въ его глазахъ—должны благодарить Творца міровъ и за то, что̀ намъ октроировали. У нихъ вотъ есть академическая автономія. И ни одинъ на̀большій изъ чинушей не смѣетъ въ нее сунуть носа!

— Такъ-то такъ—добавилъ Надѣинъ,—но вѣдь у нихъ тоже человѣкъ вашего научнаго credo, другъ Леонтій Ильичъ, былъ бы одинокъ... и въ любой ихъ академической корпораціи.

Шабровъ вбокъ посмотрѣлъ на него.

— Не знаю, какъ было еще при жизни вашего великаго учителя. Но теперь... вѣдь я жилъ въ Оксфордѣ, еще десяти лѣтъ не будетъ, и убѣдился, что въ тамошнемъ философскомъ преподаваніи господствуетъ нѣмецкая метафизика, нашему съ вами желудку непригодная. У насъ сверху душатъ; а тамъ, по собственной охотѣ, идутъ въ обученіе къ затхлому и фальшивому идеализму, подъ которымъ что̀ кроется?..

— Бунтъ противъ науки!—подсказалъ Шабровъ.

— Именно. Бунтъ! Дайте срокъ, вы увидите—что еще предстоитъ, по этой части, и у насъ!

Шабровъ только махнулъ рукой.

XXXIII.

Темно и душно въ тѣсноватой спальнѣ Ипполита Семеновича. Онъ лежитъ на спинѣ, еще весь трепетный отъ жестокаго припадка удушья и рѣжущей боли въ полости сердца.

Холодный потъ покрываетъ его лобъ, шею и грудь. Но онъ боится встать и перемѣнить бѣлье—въ засвѣжѣвшемъ воздухѣ спальни, гдѣ ночью температура всегда опускается до десяти градусовъ.

Если будетъ вторая схватка—а она можетъ быть еще болѣе тяжкая,—то пожалуй совсѣмъ и не встанешь.

Его предательскій недугъ просыпается всегда неожиданно. Вчера онъ сидѣлъ часу до второго, перечитывалъ Пушкина. Это для него самый благоуханный напитокъ, дающій ему сейчасъ радостный взглядъ на жизнь. Такъ легко забыть себя, надвигающійся конецъ, полный безплодныхъ, оскорбительныхъ болей, всѣ обиды и разочарованія, весь грузъ „надеждъ разбитыхъ“.

Легъ онъ бодрый, безъ всякаго предчувствія припадка.

И проснувшись, когда хотѣлъ глотнуть воздуха—удушье схватило его сильнѣе, чѣмъ въ послѣднія недѣли, если не мѣсяцы.

И боль въ сердцѣ стала и рѣзать, и точно рвать въ куски мышцы и отражаться во всей груди, до самыхъ концовъ нервныхъ нитей.

Въ лѣкарства онъ извѣрился. Есть успокоительныя снадобья... Но одно успокоеніе—вѣчный сонъ.

Онъ его когда-то боялся, но теперь готовъ къ нему каждое мгновеніе — и въ когтяхъ недуга, и даже въ самые спокойные промежутки между припадками.

„Умереть — уснуть!“ — любилъ онъ одно время повторять гамлетовскій возгласъ.

Но еслибъ онъ допускалъ сонъ съ уничтоженіемъ его духовнаго „я“, онъ считалъ бы себя самымъ несчастнымъ созданіемъ и жизнь была бы ему глубоко противна, по своей безсмысленной жестокости.

Страдай, борись, вѣрь въ добро и правду, и какъ четвероногіе—ложись и уходи въ ничто!

Со студенческихъ годовъ, когда прошелъ для него искусъ

невѣрія, онъ прилѣпился душой къ идеѣ... не общей только безпредѣльности и вѣчности мірозданія, но и безсмертія своей духовной личности.

А въ послѣднее время это стало для него единственнымъ средствомъ безстрашно встрѣчать идею тѣлесной смерти.

Когда онъ беретъ книжку Новаго Завѣта, то его пальцы—привычнымъ движеніемъ — раскрываютъ тѣ страницы апостольскаго посланія, гдѣ пламенно вѣрующій въ воскресеніе, бывшій фарисей взываетъ:

„Не знаете ли, что тѣло ваше — храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, который имѣете вы отъ Бога?"

И далѣе:

„...Если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ".

И далѣе:

„По (разсужденію) человѣческому, когда я боролся съ звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ? Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ".

И слова: „станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ" — сдѣлались его любимымъ изреченіемъ.

Въ такія минуты, какъ это ночное бдѣніе, послѣ жестокаго натиска неумолимаго недуга—онъ представлялъ себѣ безсмертіе своего „я" не въ видѣ тѣлеснаго воскресенія на этой землѣ, а въ лучезарномъ образѣ вѣчнаго духа, но не холоднаго, не отрѣшеннаго отъ всѣхъ думъ, надеждъ, чувствъ, упованій того, кто былъ при жизни облеченъ въ плоть, а въ продолженіи своего „я", достигшаго высоты всевидѣнія и всепониманія.

Чего ему страшиться смерти? Онъ всячески готовъ. Завѣщаніе его давно составлено. Счетовъ у него ни съ кѣмъ нѣтъ.

Тяжко прощаться такъ, въ одиночествѣ холостой доли. Но теперь уже слишкомъ поздно мечтать о бракѣ и домашнемъ очагѣ.

И вдругъ онъ сталъ думать о Марьѣ Петровнѣ. Вотъ его сестра милосердія. Разъ, при ней, съ нимъ случился припадокъ. Она не уходила до позднихъ часовъ ночи. И ужъ тогда онъ сказалъ себѣ:

Вотъ о комъ надо бы упомянуть въ своемъ завѣщаніи.

А почему же не доставить ей обезпеченія на старость? Чего же проще: передать ей законныя права на свою пенсію? Для этого надо назвать ее своей женой—и только.

Развѣ это не самый великодушный поступокъ передъ уходомъ въ вѣчность?

Этотъ бракъ былъ бы чисто духовный.

А вдругъ какъ и этого не успѣешь сдѣлать? — пронизалъ ядовитый вопросъ. И онъ замеръ, въ ожиданіи новой схватки.

XXXIV.

Только къ разсвѣту Ипполитъ Семеновичъ могъ немного забыться.

Совсѣмъ разбитый, съ землистымъ цвѣтомъ лица и тягостнымъ самочувствіемъ, сѣлъ онъ въ кабинетѣ за столъ—позднѣе обыкновеннаго.

День былъ такой гнилой и сумрачный, что съ десяти часовъ надо было уже зажигать лампу.

Сердце пока молчало; но во всемъ тѣлѣ онъ ощущалъ зловѣщую разбитость.

Слѣдовало опять лечь; но ему было противно „валяться". Посылать за докторомъ—тоже не хотѣлось. Онъ знаетъ напередъ, что тотъ предпишетъ, послѣ того, какъ выслушаетъ ему сердце; знаетъ всѣ его гримаски и его „хм! хм!", и выговоры насчетъ „переутомленія" умственной работой. И лѣкарства его всѣ уже перепробованы.

Наканунѣ они условились съ Марьей Петровной—заняться немного въ передъ-обѣденные часы. Это его очень пріободрило, и опять та мысль, которая такъ неожиданно явилась ему ночью, стала передъ нимъ... и не показалась ему странной. Только онъ сказалъ про себя:

„Какой же я женихъ! Краше въ гробъ кладутъ".

Но рѣшеніе оставить послѣ своего ухода изъ жизни такой въ высокой степени симпатичной ему женщинѣ что-нибудь „на черный день"—окрѣпло. И надо это сдѣлать тотчасъ же. Еще двѣ-три такихъ схватки, какъ нынче ночью—и вмѣсто него его лакей найдетъ на постели бездыханный трупъ.

Подлинное завѣщаніе лежитъ у него въ банкѣ; но копія—всегда при немъ. Онъ досталъ ее изъ ящика письменнаго стола, нѣсколько разъ перечелъ и набросалъ одинъ новый параграфъ, который опять внимательно перечиталъ.

Ему стало вдругъ лучше; онъ съ аппетитомъ съѣлъ яйцо въ смятку за своимъ завтракомъ и выпилъ стаканъ молока.

Ровно въ два часа раздался въ передней звонокъ. Это была Марья Петровна.

Навѣрно, человѣкъ уже успѣлъ шепнуть ей—какую баринъ

провелъ ночь. Она вошла встревоженная, вглядываясь въ его лицо.

— Ахъ, Ипполитъ Семенычъ!—тихо заговорила она.—Зачѣмъ вы встали? Вы себя убьете.

Слезы показались у нея на рѣсницахъ.

— Ничего... Садитесь, дорогая. Мнѣ съ вами будетъ лучше. А лежать не хочу. Васъ напугалъ мой фамулюсъ.

Онъ всегда такъ называлъ своего служителя.

— Неужели вы будете сегодня работать?

— А зачѣмъ же я понапрасну заставилъ бы васъ пожаловать?

— Но только—не диктовка. Я рѣшительно отказываюсь... Читать—сколько угодно.

— Ну хорошо, ну хорошо. Вы почитаете мнѣ... вонъ тамъ, въ картонкѣ сверху, лежитъ рукопись. Она очень разборчиво переписана... Это—моя вещь.

— Будете, слушая, волноваться.

— Клянусь вамъ, Марья Петровна, не буду. Я стану прослушивать для мелкихъ поправокъ. Это меня оживитъ.

— Вотъ это-то и опасно!

— Ахъ, полноте! Надо торопиться, дорогая... Вы сами знаете, что надо—повторилъ онъ съ усмѣшкой.

Федосѣева послушно достала рукопись изъ картонки, вернулась къ письменному столу, сѣла вбокъ отъ его кресла, за маленькій столикъ, надѣла очки и принялась-было начинать.

Ипполитъ Семеновичъ оглядѣлъ ее вбокъ; но такъ, чтобы она этого не замѣтила.

Въ полумглѣ комнаты, подъ свѣтомъ лампы, висѣвшей нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, ея голова, въ сѣрыхъ волосахъ и профиль въ очкахъ, вся она показалась ему „старушкой" больше, чѣмъ когда-либо; а еще недавно онъ не считалъ ее такой.

— Марья Петровна—заговорилъ онъ, остановивъ ее жестомъ приподнятой руки.—Слыхали вы исторію—какъ одинъ изъ нашихъ большихъ писателей женился?

И онъ назвалъ фамилію писателя.

— Не помню, Ипполитъ Семенычъ.

— Она была его секретаремъ. Онъ диктуетъ ей романъ и вдругъ спрашиваетъ ее: „А какъ вы думаете—вотъ эта дѣвушка пошла бы за моего героя? Вѣдь это все равно, еслибъ я вамъ вдругъ сдѣлалъ предложеніе—развѣ вы бы пошли за меня?" А она ему въ отвѣтъ: „А почему же нѣтъ?"

Она подняла голову, изъ-подъ листовъ рукописи, которые круто держала передъ собою.

— Что жъ, Ипполитъ Семенычъ, — весело отвѣтила она— можно только пожалѣть, что вы слишкомъ любили свою свободу.

— И вотъ теперь приходится кусать локти.

Оба разсмѣялись. Она, про себя, ничего не сказала, а онъ подумалъ:

„Да, старенькая она, да и я-то хорошъ!“

И опять повторилъ:

„Краше въ гробъ кладутъ“.

XXXV.

Дорогой къ себѣ отъ Брянскаго, Марья Петровна раза два спросила себя: зачѣмъ Ипполитъ Семеновичъ разсказалъ ей случай изъ жизни знаменитаго романиста?

Неужели это былъ намекъ?

Она не хотѣла допускать этого.

Ему — такъ любящему свою свободу — связывать себя подъ конецъ жизни! Если ему нужна сестра милосердія—она готова ходить за нимъ безкорыстно.

А сдѣлаться его женой—это такъ или иначе разсчитывать на матеріальное обезпеченіе послѣ его смерти.

Ему стало жаль ее, теперь сильнѣе, чѣмъ это было прежде, и, быть можетъ, ему дѣйствительно пришла эта мысль — взять такой способъ для того, чтобы ее обезпечить?

И невольно она подумала о своемъ миломъ горюнѣ — Уразовѣ. Онъ съ нею почти одних лѣтъ; если она старше его, то не больше, какъ года на два, на три.

Приди онъ и скажи ей:

— Марья Петровна! Будьте моей женой. Станемъ держаться другъ за друга, въ нашей некрасной долѣ.

Одно, что она сказала бы ему:

— Да я ужъ старуха.

Но врядъ-ли бы рѣшилась отказать. Для него она могла бы быть поддержкой, и сдѣлаться его женой—не значило бы, ни въ какомъ случаѣ, обезпечивать себѣ, послѣ его ухода изъ жизни, хорошее вдовье содержаніе.

Ей было странно, и даже забавно, что она—Марья Петровна Федосѣева—думаетъ на такія темы. За одно она благодаритъ Создателя, что вотъ у нея два существа, здѣсь, въ Петербургѣ,

для которыхъ она—не пришибленная прошлымъ женщина, а товарищъ, и сотрудникъ, и сестра милосердія.

Ея вѣрная служительница, впуская ее, доложила въ полголоса:

— Николай Платоновичъ у васъ сидятъ... уже давно. Хотѣли безпремѣнно дождаться васъ.

„Радость или бѣда?“ — вопросъ мгновенно укололъ Марью Петровну, когда она торопливо снимала пальто, шляпу и калоши.

— Николай Платонычъ? Вы?—крикнула она ему въ дверь первой комнатки.

Они пожали другъ другу руку въ дверяхъ.

Мгновенно она, по складкѣ надъ правой бровью, зачуяла что-нибудь неладное.

— Пойдемте ко мнѣ! — повела она его въ свою рабочую комнату-спальню.

И посадивъ его въ кресло, сама сѣла на кровати и тотчасъ же спросила:

— Что-нибудь неладное? Говорите!

— Чего надо было ожидать. До меня дошло, черезъ одного дошлаго человѣка, что меня уже намѣтили тамъ—онъ показалъ рукой—въ подлежащихъ сферахъ, и на дняхъ надо ждать ночного визита.

— Какъ же быть? Уѣзжайте скорѣе.

— Нѣтъ, я бѣжать не хочу, Марья Петровна. За мной ничего такого не значится. Пускай являются. Но я боюсь—какъ бы васъ не потревожили.

— Меня?

— Очень просто. Вы вѣдь, навѣрно, занесены въ книгу живота. Вы—мать дѣвушки, которую смерть вырвала изъ ихъ когтей. Съ вами мы ведемъ дружбу... Стало, сейчасъ подозрѣніе—не держу ли я въ вашей квартирѣ какихъ-нибудь сокровенностей.

— Я не боюсь, Николай Платонычъ; но если они до васъ доберутся—чѣмъ же это грозитъ вамъ?

— Или простой высылкой изъ столицы, или административнымъ путешествіемъ опять въ такія мѣста, гдѣ я уже перебывалъ, или арестомъ и новымъ дѣломъ. Но дѣла не будетъ.

— А новая ссылка?

— Возможно.

— И вы опять одинъ... безъ просвѣта, безъ друзей, безъ возможности работать...

— Ахъ, голубушка! — остановилъ онъ ее горячимъ возгла-

сомъ—только съ вами я здѣсь и отвожу душу. А остальное—онъ махнулъ рукой—„одна слеза“, какъ москвичи говорятъ. Здѣсь еще обиднѣе сознавать, что тебя забыли и тѣ, кто еще кое-какъ перебиваются—морочатъ самихъ себя, воображая, что они что-то такое изъ себя представляютъ. И имъ нельзя говорить правды: сейчасъ обидчивость, счеты, попреки, обвиненіе чуть не въ ренегатствѣ. Чтобы получить грошевый заработокъ, надо проходить черезъ такія мытарства, какихъ никогда прежде не зналъ. Или идти съ ручкой—клянчить единовременное пособіе.

— Всетаки здѣсь лучше будетъ, Николай Платонычъ! Почему же намъ не бороться съ жизнью рука въ руку? Мы васъ въ обиду не дадимъ. Вашъ пріѣздъ—вы сами видите—далъ мнѣ такую душевную поддержку!

Въ голосѣ ея заслышались тревожные звуки.

— Спасибо, голубушка!—онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.—Разлука съ вами только и есть для меня великое лишеніе. А пока что—я васъ предупредилъ. Можетъ, есть у васъ какая нелегальная литература—книжки, брошюры: уничтожьте ихъ.

— Ничего у меня нѣтъ!—рѣшительно выговорила Марья Петровна.

XXXVI.

Марья Петровна удерживала Уразова отобѣдать у нея, но онъ не остался.

— Не хочу наводить на васъ уныніе, голубушка, а чувствую, что подвинтить себя не могу.

Ему надо было побывать еще въ одномъ мѣстѣ—затѣмъ только, чтобы предупредить, что на его работу разсчитывать навѣрно нельзя, такъ какъ съ нимъ можетъ выйти „маленькая непріятность“.

Но это самое и давало чувство жалкой безпомощности.

Ужъ пускай опять лишатъ его всякой свободы передвиженія. Но мыкаться такъ по этому зловонному городу, съ перспективой новой гадости—доводило его до пароксизмовъ глубокой подавленности.

У Марьи Петровны онъ еще себя сдерживалъ, не желая ее слишкомъ разстраивать.

Взять бы ее съ собою, хотя бы туда, откуда онъ сюда пріѣхалъ. Вдвоемъ они бы могли начать совсѣмъ другую жизнь. Никто больше его не цѣнитъ этой прекрасной личности; ни въ комъ и онъ не получалъ никогда такого трепетнаго отклика.

Болѣе нѣжное влеченіе уже давно теплилось въ немъ. Для него она еще не потеряла и женскаго обаянія. Но особое стыдливое чувство сковываетъ его.

Да и какъ онъ будетъ звать ее на новую жизнь, когда онъ самъ-то такъ пришибленъ своей незадачей? Здѣсь она нашла уже и работу, и поддержку.

Рана ея—гибель ея Нины—заживаетъ. Сына она не будетъ оплакивать: онъ этого не стоитъ.

Опять Уразовъ очутился—часу въ седьмомъ—около того ресторана, гдѣ собирается богема изъ пишущей братіи.

Цѣлаго обѣда онъ не спроситъ, а закуситъ чего-нибудь подешевле.

И только что онъ присѣлъ къ столику, какъ опять тотъ же циникъ-юмористъ подсѣлъ къ нему, и первый его вопросъ былъ:

— Вы еще имѣете хожденіе по стогнамъ этой милой резиденціи?

— Какъ видите.

— А мнѣ кто-то говорилъ, точно будто вы уже чуть ли не въ тундрахъ.

Ему совсѣмъ не хотѣлось завязывать бесѣду съ этимъ „собратомъ"; но тотъ сѣлъ противъ него, бросивъ небрежно:

— Вы позволите примоститься?

Обѣдающихъ было мало. Влѣво отъ того мѣста, гдѣ они сидѣли, въ углу, обѣдали двое—оба немолодые, съ просѣдью, съ бородками, небрежно одѣтые, съ характерными признаками посѣтителей „изъ интеллигенціи".

— Вы ихъ не знаете?—въ полголоса спросилъ юмористъ.

— Нѣтъ.

— Будто? По имени конечно. Да, если не ошибаюсь, одинъ изъ нихъ принадлежалъ когда-то къ вашей компаніи. Онъ былъ заядлый народникъ, потомъ сдѣлался правовѣрнымъ эсъ-декомъ, а теперь правовѣрный, но уже съ запахомъ ладана и лампаднаго масла.

— Который же это?—неохотно спросилъ Уразовъ.

— Да вѣдь онъ—вашъ бывшій коллега. Вы не можете не знать его. Но вамъ трудно его признать, такъ какъ сидите спиной.

И онъ назвалъ его фамилію.

— Неужели?

Уразова что-то точно рѣзнуло. Больнѣе тяжелой встрѣчи онъ не могъ бы имѣть здѣсь. Но то, что изъ его коллеги вышло, онъ зналъ по его статьямъ, особенно за послѣдніе два года.

Подойти къ нему было бы для него слишкомъ тяжело. Лучше такъ просидѣть. Авось тотъ не обернется и не узнаетъ его—что очень возможно: вѣдь съ тѣхъ годовъ онъ самъ страшно измѣнился.

— Вы помните... многоуважаемый,—заболталъ юмористъ—какъ у Герцена въ знаменитой параллели: „Петербургъ и Москва“ говорится про нѣкоторую здѣшнюю твердыню, что въ ней измѣняются не только образы мыслей, но и самые „образы мыслителей“. Это печально, но всетаки лучше. А вѣдь эти господа, по доброй волѣ, перешли отъ своихъ credo къ проповѣди, отзывающейся ладаномъ и деревяннымъ масломъ.

Уразовъ ничего на это не сказалъ. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе уйти и отъ этого несноснаго „собрата“, и отъ возможности столкнуться — носъ къ носу—съ своимъ бывшимъ „коллегой“.

— И вотъ про такихъ господъ принято теперь повторять прибаутку о ихъ хрустальной искренности. Помилуйте! Это его убѣжденіе, его вѣра! Прекрасно! Но вѣдь инквизиторы, въ родѣ Торквемады, тоже были искренни? А? Дѣло не въ убѣжденности, а въ томъ, что у насъ—у каждаго такого искателя истины—семь пятницъ на недѣлѣ!

Что-то еще такое болталъ его собесѣдникъ; но Уразовъ ничего не слышалъ. Онъ думалъ только о томъ, когда ему подадутъ то, что онъ заказалъ. Онъ спроситъ счетъ, и ему можно будетъ поскорѣе уйти отсюда—и не быть поставленнымъ въ необходимость узнать бывшаго „коллегу“.

XXXVII.

Надѣина извозчикъ подвезъ къ казенному, среднихъ размѣровъ, дому, на набережной.

Это было въ половинѣ перваго дня.

Въ сѣняхъ швейцаръ, въ министерской ливреѣ, бритый и сѣдой, похожій на стараго бывшаго двороваго, попросилъ его подняться въ первый этажъ, гдѣ на площадкѣ его принялъ такой же пожилой, полный, бритый и сѣдой оффиціантъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ — и почтительно снялъ съ него верхнее платье.

— Его превосходительство—въ кабинетѣ.

И глазами онъ добавилъ: „насчетъ васъ отданъ приказъ; я знаю, что вы приглашены завтракать“.

Съ этимъ молодымъ сановникомъ Надѣинъ познакомился за границей, гдѣ тотъ и проходилъ всю свою службу. По дѣлу онъ никогда къ нему не обращался и вообще воздерживался всегда и вездѣ отъ всякихъ „представленій“.

Они сошлись, до извѣстной степени, на почвѣ литературы и — отчасти — искусства. И — недавно еще — передъ переводомъ того сюда, Надѣинъ нашелъ его въ одной изъ столицъ, уже на очень видномъ посту, завтракалъ у него. Иногда они и переписывались—все больше о новостяхъ литературы.

У нихъ установился спокойный тонъ на совершенно равной ногѣ. Щекотливыхъ вопросовъ внутренней политики они избѣгали — по молчаливому соглашенію. Довольно было и того, что этотъ — еще очень нестарый — сановникъ, до сихъ поръ холостой, выказывалъ такіе умственные интересы, какими обыкновенно въ его сферахъ не отличаются, любилъ русскихъ „классиковъ“, не отрицалъ таланта и въ молодыхъ.

Бесѣдовать съ нимъ было легко, особенно если воздерживаться отъ рѣзкихъ приговоровъ и мнѣній уже не литературнаго и эстетическаго, а общаго, политико-соціальнаго credo.

— Ah! Cher maître! — привѣтствовалъ его хозяинъ своей обычной французской любезностью.—Душевно радъ привѣтствовать васъ.

Хозяинъ встрѣтилъ его въ дверяхъ изъ гостиной въ кабинетъ. Квартира состояла изъ анфилады высокихъ, длинныхъ комнатъ, съ суховатой отдѣлкой и нѣсколько чопорно разставленной мебелью.

— Не хотите ли перейти прямо въ столовую? Не будемъ терять драгоцѣннаго времени. Въ два часа я — увы! — долженъ буду улетучиться.

Онъ говорилъ молодымъ голосомъ, съ очень отчеканенными звуками корректнаго петербургскаго говора. Лицо его, съ красноватыми щеками, скрашивалъ веселый блескъ сѣрыхъ глазъ. Своей прической и туалетомъ онъ не особенно занимался, и врядъ ли кто бы на улицѣ и въ гостиной принялъ его за сановника, прослужившаго четверть вѣка за границей, въ той сферѣ, гдѣ нужна внушительная представительность.

Онъ ввелъ Надѣина въ слишкомъ просторную столовую, гдѣ они сѣли за круглый столъ, на которомъ стояли только два прибора.

Два лакея стали имъ подавать.

— Вы у пристани, Илья Андреевичъ? — спросилъ Надѣинъ, принимаясь за первое блюдо.

— Какъ разъ наканунѣ отплытія.

— Какъ такъ? Вы, кажется, не больше какъ годъ переведены сюда?

— Для меня слишкомъ достаточно.

— Но вѣдь ваше мѣсто—прямой ходъ въ принципалы?

— Не всегда! Но положимъ, что это и бываетъ. Съ меня—довольно. Принципалъ еще плотно сидитъ на своемъ креслѣ и мы съ нимъ старые пріятели. Онъ плаваетъ, какъ рыба въ водѣ; это—его прирожденная стихія. А во мнѣ, саго maestro, нѣтъ никакого, ни личнаго, ни, такъ сказать, государственнаго честолюбія.

— И неужели... вы уходите?

— Ухожу... Одного года достаточно было, чтобы вкусить всю сладость такого *поста*—подчеркнулъ онъ,—гдѣ вы состоите мишенью всякихъ домогательствъ, претензій, жалобъ и требованій. Надо возиться только съ персоналомъ, а не съ идеями, не съ комбинаціями высшаго порядка. C'est un guêpier... Настоящее гнѣздо осъ!

— Но вѣдь вы бы могли просить о назначеніи на постъ за границу.

— Довольно! Въ концѣ концовъ и тамъ вѣдь не сладко... Просидишь пять и больше лѣтъ на одномъ мѣстѣ... Все вѣдь въ сущности—чуждое. Я цѣню западную культуру; но все-таки между вами и самымъ развитымъ иностранцемъ всегда—заслонка. Пріятнѣе умнаго русскаго человѣка еще нигдѣ нѣтъ... Это, кажется, гдѣ-то сказалъ патентованный западникъ, Тургеневъ.

— И неужели вы, по доброй волѣ, отправитесь къ старичкамъ... туда, въ Маріинскій дворецъ?

— Избави Боже! Никакой синекуры не желаю. Прошу дать мнѣ приличную пенсію... Есть у меня и свой, хотя и не ахти какой достатокъ. Холостяку—довольно. И къ новому году отряхаю прахъ съ сандалій и перехожу на собственную квартиру—превращаюсь въ петербургскаго обывателя! Ха, ха!

XXXVIII.

Такое рѣшеніе въ человѣкѣ карьеры и удивило Надѣина, и вызвало въ немъ чувство, какого онъ еще не имѣлъ къ хозяину этой казенной квартиры.

Все, что тотъ говорилъ сейчасъ, было сказано простымъ и теплымъ, искреннимъ тономъ.

— Честь и хвала вамъ, Илья Андреевичъ! — сказалъ онъ также искренно.

— А вы не считали меня на это способнымъ? Скажите откровенно.

— Почему нѣтъ? Я не думалъ никогда на эту тему.

— Тутъ и цинциннатства нѣтъ никакого. Усталъ, хочу полной свободы... Ни отъ кого не зависѣть, никуда не ѣздить въ опредѣленный часъ, не подмахивать бумагъ... не вести тошныхъ разговоровъ. Мнѣ идетъ шестой десятокъ; но я еще — благодареніе Создателю—далеко не руина. Столько можно—на полной свободѣ — прочесть хорошихъ книгъ, водить дружбу съ людьми, которые вамъ по душѣ! А главное, стряхнуть съ себя всякую суету.

— И васъ не страшитъ петербургская мгла, этотъ убійственный климатъ?

— На меня онъ не дѣйствуетъ. Я здѣсь родился. Когда затоскую о теплѣ и лазурномъ морѣ — съѣзжу на югъ. Да и то мечтаю скорѣе о Крымѣ, чѣмъ о пріѣвшейся, банальнѣйшей Ривьерѣ. Право!

— Что жъ! — заговорилъ ему въ тонъ старый писатель. — Я вдвойнѣ радъ вашему рѣшенію, и знаете почему, Илья Андреевичъ?

— Скажите.

— Потому что у меня теперь будутъ руки развязаны—или, лучше, языкъ—въ бесѣдахъ съ вами.

— А развѣ мы съ вами не всегда бесѣдовали мирно и вполнѣ свободно?

— Такъ-то такъ; но обо многомъ мы съ вами никогда не говорили.

— Насчетъ политики? И прекрасно!

— Не политики, въ тѣсномъ смыслѣ; а обо всемъ, что теперь творится въ нашемъ отечествѣ.

Хозяинъ поморщился; но глаза его оставались съ игривымъ выраженіемъ.

— Къ чему?

— Неужели вы—въ послѣдніе годы—не *болѣете родиной?* Это вѣдь новый недугъ всякаго русскаго человѣка.

— Переболѣлъ, caro maestro! И одно время былъ даже близокъ къ нѣкоторому маразму. Но вѣдь это былъ кошмаръ. И мы его стряхнули съ себя.

— Кто же это *мы?*—остановилъ Надѣинъ такимъ звукомъ, что его собесѣдникъ приподнялъ голову и быстро взглянулъ на него вбокъ.

— Вотъ всѣ такіе, какъ мы.

— Значитъ, вы полагаете, что теперь наступаетъ настоящее успокоеніе?

— Хочу въ это вѣрить!

— И думаете, что это сдѣлано теперешнимъ режимомъ?

— А то чѣмъ же?

И не прошло десяти минутъ, какъ оба—и хозяинъ, и гость—очутились на двухъ берегахъ глубокаго оврага. Надѣинъ изумлялся, какъ можетъ такой бывалый европеецъ, какъ его заграничный старый знакомый, вѣрить въ то, что теперь все пришло въ норму и „гидрѣ“ отсѣчена голова.

Тотъ сначала отговаривался въ полушутливомъ тонѣ, но не выдержалъ его и пустилъ уже такія фразы и такія интонаціи, которыхъ Надѣинъ никогда у него не слыхалъ.

— Чего же вы хотите?—почти крикнулъ онъ.—Чтобы насъ, землевладѣльцевъ, опять угощали усадебными фейерверками господъ „эсъ-дековъ“ и максималистовъ? Есть, по крайней мѣрѣ, хоть какая-нибудь увѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

— Да вамъ-то что же смущаться? Вѣдь вы будете жить на вашу пенсію, въ богоспасаемой ингерманландской столицѣ!

— Позвольте-съ... я тоже землевладѣлецъ. А угодно вамъ знать, сколько у меня, который, въ жизни своей, не взялъ съ мужика лишней полтины арендной платы — сколько у меня истреблено добра? На сколько тысячъ россійскихъ рублей?

— Какъ же я могу знать?

— На тридцать слишкомъ тысячъ. Да-съ! Вѣдь это треть всего моего достоянія! За что? Такъ — какъ нѣмцы говорятъ — „mir nichts, dir nichts“.

Лицо его вдругъ раскраснѣлось; даже бѣлки глазъ стали краснѣть.

Надѣинъ помолчалъ и тихо, разставляя слова, выговорилъ:

— И вы полагаете, что практика того, что̀ во Франціи называютъ оффиціально „les bois de justice“ — въ такомъ ужасающемъ количествѣ—излѣчитъ всѣ язвы и недуги отечества?

— Право самозащиты, добрѣйшій!

Это „добрѣйшій“ звучало уже совсѣмъ по новому.

— Я слишкомъ поторопился радоваться — продолжалъ Надѣинъ, уже не скрывая своего настроенія.

— Радоваться чему?—нервно подтолкнулъ хозяинъ.

— А вотъ тому, что ваше удаленіе въ обывательскую жизнь сдѣлаетъ возможнымъ свободный обмѣнъ нашихъ итоговъ... и симпатій!

— Ни въ тайныхъ, ни въ явныхъ крамольникахъ — извините—никогда не бывалъ!

Завтракъ подошелъ къ концу. Надѣинъ удалился черезъ десять минутъ, и больше уже они не задѣвали „проклятыхъ вопросовъ“.

XXXIX.

Третій день стоитъ мгла и что-то мокрое и расплывчатое падаетъ сверху.

Изъ двухъ оконъ номера, выходящихъ на улицу, видна все-таки картина. Два дома — одинъ съ огромной вывѣской, другой съ подъѣздомъ магазина, два-три извозчика у подъѣзда и мимо ѣдущіе экипажи, больше подъ арку, къ Дворцовой площади. Пѣшеходы—всѣ безъ зонтиковъ; значитъ—не культурный народъ. И если не видѣть мокраго снѣга или иглистаго дождя, то трудно и узнать сразу: идетъ что-нибудь или нѣтъ.

Сидя на диванѣ, передъ столомъ, гдѣ стоялъ стаканъ съ кофеемъ и лежала крошечная, скаредная плюшка, старый писатель только было-взялся за номеръ газеты, которую подавали ему съ кофе, но отложилъ ее и долго глядѣлъ въ окно.

Что-то необычайно тягучее и нудное чувствовалъ онъ въ это утро. Петербургъ успѣлъ опостылѣть ему въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. Побывалъ онъ вездѣ — въ обществѣ, на лекціяхъ, въ театрахъ, въ Думѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, объѣхалъ всѣхъ своихъ пріятелей и добрыхъ знакомыхъ. И опять все тотъ же вопросъ поднимается въ немъ:

„*Зачѣмъ* ты сюда пріѣхалъ? Доживалъ бы тамъ, гдѣ тепло, гдѣ солнце, гдѣ ликующая природа, гдѣ вокругъ тебя нѣтъ ничего такого, что щемитъ тебя, возмущаетъ, даетъ постыдное сознаніе того, что ты—ничтожная песчинка, что все будетъ идти на твоей родинѣ вопреки всему тому, что ты хранилъ въ душѣ твоей, какъ святыню“.

Но и тамъ, на лазурномъ прибрежьѣ, до какой хандры одиночества и отрѣшенности доходилъ онъ! И тогда его неудержимо начинало тянуть опять сюда же. Не выдержалъ онъ и трехъ лѣтъ, и поѣхалъ—не съ радужными, конечно, мечтами, а все-таки съ желаніемъ войти опять душой въ то, что творится на родинѣ.

Но „родину“ сейчасъ же заслонилъ ему этотъ Петербургъ, все тотъ же, все такой же чуждый и тяжкій для него, послѣ чуть не полувѣкового житья въ немъ.

Заново здѣсь устроиться онъ не въ силахъ. Лучше уже попробовать свить себѣ гнѣздо въ Москвѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть чуется „почва", тамъ нѣтъ и застарѣлыхъ счетовъ и обидъ писателя.

А эти обиды всплыли точно затѣмъ, чтобы показать ему — до какой степени Петербургъ ему враждебенъ.

Не дальше, какъ вчера, какая-то дружеская рука отправила ему сюда, въ отель, подъ бандеролью, номеръ издавна ненавистной газеты, и въ немъ отмѣтила синимъ карандашомъ цѣлый столбецъ пакостнаго фельетона.

Ни съ того, ни съ сего, а какъ говорится „здорово-живешь"—фельетонистъ прохаживался на его счетъ. И опять вся тридцатилѣтняя травля прошла передъ нимъ—безсмысленная, нахальная и безнаказанная.

Вѣдь не на старости же лѣтъ, по примѣру французскихъ журналистовъ, вызывать пасквилянта на поединокъ?

Давно онъ поставилъ крестъ на всякіе личные счеты. И, живя подолгу на чужбинѣ, не читалъ такихъ вотъ газетъ. Да и здѣсь бы не сталъ заглядывать. Но вотъ нашелся „дорогой собратъ", который, случайно узнавши, что онъ здѣсь и живетъ въ такой-то гостинницѣ—послалъ ему номеръ.

„На-те, молъ, откушайте отъ петербургскаго блюда".

И въ такой нравственной атмосферѣ оставаться добровольнымъ участникомъ всей этой неизлѣчимой и безпробудной гадости, въѣвшейся въ нравы собратовъ, точно какая наслѣдственная и прилипчивая болѣзнь!

Повернувъ голову отъ окна, гдѣ уже видны были, въ сѣромъ полусвѣтѣ, вертящіяся въ воздухѣ снѣжинки, онъ протянулъ руку къ газетѣ — единственной, какую онъ читалъ и за границей — и сталъ разсѣянно пробѣгать столбцы.

И опять все то же: передовицы съ показываньемъ кукиша въ карманѣ, партійные счеты, мелкое политиканство, полемика изъ-за выдуманныхъ мотивовъ.

Вмѣсто того, чтобы идти сомкнутой ратью противъ общаго врага, каждый день всплываетъ какая-нибудь новая блажь или происходитъ превращеніе вчерашнихъ свободныхъ мыслителей и обличителей прогнившаго строя въ государственныхъ „націоналистовъ", въ мистиковъ, въ суесловныхъ „богоискателей", въ „людей звѣринаго числа", въ радѣтелей какой-то эстетики анархической „хлыстовщины".

Газета выпала у него изъ рукъ. Кофе оставалось недопитымъ.

XL.

Вечеромъ онъ сидѣлъ въ маленькой столовой Марьи Петровны, у самовара.

Они были вдвоемъ. Надѣинъ—утромъ—отправилъ ей записку съ посыльнымъ, гдѣ стояло:

„Жажду посидѣть у васъ, дорогая Марья Петровна; совсѣмъ я захирѣлъ душой въ этомъ ужасномъ Петербургѣ".

Самоваръ ласково мурлыкалъ между ними. Хозяйка наклонилась надъ столомъ и полоскала свою чашку. Гость ея—сквозь паръ и эту музыку—глядѣлъ, полузакрывъ глаза, на ея умную сѣдѣющую голову съ гладко причесанными на двѣ пряди волосами.

— Неужели, Дмитрій Александровичъ,—спросила она, обтирая полотенцемъ чашку, — не вытерпите дольше конца этого мѣсяца?

— Надѣюсь все еще на Москву. Можетъ быть, тамъ уляжется во мнѣ душевная диспепсія, которую даетъ эта ингерманландская столица.

— А я такъ радовалась.

Онъ взялъ ея руку и пожалъ.

— Простите. Только съ вами, да еще съ двумя-тремя сверстниками, я и отвожу душу. Но слишкомъ горько и даже бездушно—изображать изъ себя только зрителя.

— Такъ вѣдь вы—бытописатель!

— Былъ имъ. Тогда я могъ и наблюдать, и самъ отдаваться жизни.

И, допивъ свой чай изъ стакана, Надѣинъ заговорилъ нервнѣе, съ вибраціей въ голосѣ:

— Не хочу я, дорогая, представлять изъ себя стараго ворчуна, который и рветъ и мечетъ на все, что моложе его. Меня интересуютъ молодые. Я цѣню ихъ даровитость, я желалъ бы сойтись съ ними. Но это адски трудно. Я готовъ ближе узнать лично всякаго, въ комъ есть искра дарованія, кто искренно увлекается своими идеями. Но мы для нихъ не существуемъ. И какъ бы вы благодушно ни были къ нимъ настроены, но что-то роетъ между вами яму, и перескочить черезъ нее вы не сможете.

— Да, это такъ!

Федосѣева сказала это съ глубокимъ вздохомъ.

— И надо уходить... если не въ вѣчность, то въ самого

себя, въ свои думы, въ книги, въ подведеніе своихъ итоговъ. Да и тутъ разбираетъ тебя холодящее сомнѣніе: кто будетъ тебя читать, кому нужна твоя исповѣдь?

Она слушала его съ поникшей головой. И взгляни онъ на нее въ эту минуту, онъ подмѣтилъ бы—и при своей близорукости—слезинки на ея рѣсницахъ.

— Не добивайте! — чуть слышно промолвила она. — Черезчуръ тяжко такъ кончать. Да и нельзя, Дмитрій Александровичъ! Слишкомъ много кругомъ горя, всякихъ ужасовъ! Грѣхъ уходить въ себя... Вотъ теперь вы знаете ли, что вашъ московскій пріятель, адвокатъ Солонинъ...

— Что такое?—тревожно остановилъ Надѣинъ.

— Мы вѣдь съ нимъ давно знакомы, по мужу.

— Развѣ онъ опять здѣсь?

— Нѣтъ. Но долженъ быть на-дняхъ... Я получила отъ него умоляющее письмо.

— Неужели съ нимъ стряслась бѣда?

— Онъ хлопочетъ за одного... политическаго, спасаетъ его отъ военной юстиціи... Надо дѣйствовать и здѣсь. И онъ умоляетъ меня броситься... какъ вы думаете, къ кому?

— Къ кому же?

— Къ брату... Павлу. У него есть тамъ связи.

— И вы поѣдете?

— Какъ же я могу отказать? Но раньше надо добиться свиданія съ арестованнымъ... Видѣть молодое существо, полное жизни... и знать, что ему предстоитъ, быть можетъ, позорная казнь...

Надѣинъ опять полузакрылъ глаза, и въ ушахъ его раздался голосъ французскаго комика и куплетъ пѣсенки средневѣковаго поэта.

Но и другое чувство сейчасъ же захватило его.

— Стыдно мнѣ — старому головастику — носиться тутъ со своей писательской хандрой! Вотъ вы — съ такимъ огромнымъ личнымъ горемъ—и такъ забываете себя!.. И я знаю—не будетъ конца этой жизни за другихъ.

— Какъ же иначе, милый Дмитрій Александровичъ! Хоть въ это уйти!

— Я знаю васъ! — горячо повторилъ онъ. — Вы и въ расцвѣтъ вашей личной жизни были бы способны на то же самое!

Марья Петровна не поднимала головы и тихо, про себя, проговорила:

— Ну, я поѣду... къ Павлу. Но изъ этого ничего не бу-

детъ. Чтобы онъ тронулся судьбой одного изъ тѣхъ, кого онъ самъ бы, я думаю, былъ радъ...

Она не договорила, и ея ротъ сложился въ горькую усмѣшку.

Надѣинъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ; а рука его потянулась къ ней, чтобы пожать ея руку—еще разъ.

XLI.

Марья Петровна собралась уходить послѣ ранняго завтрака.

Кто-то довольно сильно позвонилъ. Она не успѣла сказать прислугѣ, чтобы та не принимала, и въ дверяхъ столовой столкнулась съ сыномъ своимъ Орестомъ.

Сзади него виднѣлась женская фигура въ шляпѣ съ громадными полями.

Орестъ—въ длинномъ сюртукѣ и высочайшихъ воротничкахъ, съ какимъ-то смѣшнымъ клокомъ на лбу, но свѣжій, благоуханный, улыбающійся — стоялъ передъ ней въ позѣ джентльмена, дѣлающаго визитъ знакомой пожилой дамѣ.

— Здравствуй, мама! Это я.

Онъ наклонился, точно съ желаніемъ поцѣловать ея руку.

— Здравствуй, Орестъ, — очень серьезно выговорила Федосѣева и вопросительно взглянула на особу, съ которой явился ея сынъ.

— Вотъ, maman... позволь представить тебѣ... m-lle Перевертеву... Аделаиду Львовну... мою невѣсту... Я не хотѣлъ, чтобы ты узнала сюрпризомъ о томъ, что я женюсь.

Особа эта оказалась та самая, которую провожалъ Орестъ на хоры Дворянскаго Собранія.

— Очень рада!

Онѣ подали одна другой руку, и Марья Петровна пригласила жестомъ невѣсту сына присѣсть.

На лицо дѣвицы падала тѣнь отъ безобразно большой шляпы, отдѣланной кружевами.

Отъ нея шелъ запахъ крѣпчайшихъ духовъ. И вся она, въ длинномъ, точно чехолъ, до-нельзя обтянутомъ платьѣ, производила странное, почти жуткое впечатлѣніе.

Поступокъ Ореста былъ, какъ всегда, съ особымъ оттѣнкомъ безцеремонности. Онъ могъ бы хоть написать матери записку и предупредить ее.

Но разъ онъ уже самъ явился и привезъ невѣсту—нельзя же

было ей, съ ея взглядами и правилами, начать говорить въ недовольномъ или протестующемъ тонѣ.

Онъ—давно совершеннолѣтній, живетъ на свой заработокъ, хочетъ жениться... На что же ей возражать, да еще при ихъ отношеніяхъ?

— Моя невѣста—развязно и вовсе не волнуясь заговорилъ Орестъ—хотѣла быть тебѣ представленной. Она знаетъ, какихъ ты вообще взглядовъ... какой, словомъ сказать, платформы. Но она—какъ и я же—никакой воинствующей политикой не занимается. Мы съ ней сошлись совсѣмъ на другой почвѣ. Она—поклонница красоты. И все ее влечетъ къ искусству. Когда-то уходила въ книжки... но теперь стряхнула съ себя всякіе вопросы... Также какъ и я.

— Вы—бывшая курсистка?—спросила Марья Петровна.

— Да, немножко—отвѣтила дѣвица манерно, выпрямляя свой туго обтянутый бюстъ.—Только вы, пожалуйста, не считайте меня декаденткой. Это уже старомодная кличка. Мы съ Орестомъ—настоящіе индивидуалисты. Мы жить хотимъ... во всю. И вотъ, теперь, согласившись обвѣнчаться, мы останемся—каждый—при полнѣйшей свободѣ своего „я".

— Обвѣнчаться надо—подхватилъ Орестъ,—уже для того только, чтобы насъ не считали банальными вольнодумцами. Мы хотимъ пользоваться и внѣшнимъ признаніемъ общества.

— Да и нельзя безъ символа—продолжала невѣста, точно давая реплику на сценѣ.—Обрядъ вѣнчанія—красивъ. И пѣніе, и всѣ символическія подробности, и вѣнцы... Безъ формы нельзя. Жизнь надо украшать какъ можно больше!

— Беря изъ нея и все существенное—съ какимъ-то чуть слышнымъ кряканьемъ добавилъ женихъ.

Мать его сидѣла точно подъ какимъ-то гипнозомъ.

Эта чета была для нея чѣмъ-то тоже „символическимъ". Она поражала своимъ „подборомъ".

— Мы съ ней—указалъ Орестъ головой на невѣсту—самые терпимые люди. И она знаетъ, что я радъ былъ бы найти съ тобою другой, такъ сказать, modus vivendi... У тебя свое credo, у меня свое. Если мы—когда устроимся—не будемъ тебя видѣть у себя, то не по своей винѣ.

— А пока—продолжала невѣста—я отъ себя и отъ Ореста попросила бы васъ сдѣлать намъ честь—присутствовать на нашемъ вѣнчаньѣ.

— Зачѣмъ?—спросила Марья Петровна, обращаясь больше къ сыну.

— Вы понимаете, maman,—перешелъ онъ на „вы“—и для меня, и для нея, и—главное—для ея родныхъ и знакомыхъ—такое нежеланіе быть въ церкви и на поздравленіи, послѣ вѣнчанія—было бы нѣчто—некорректное.

— Въ какомъ же смыслѣ?

— Понятно—въ какомъ!

— Сдѣлайте это для меня!—возбужденно воскликнула невѣста.

— А когда свадьба?—спросила Марья Петровна.

— Мы еще не рѣшили—въ какое именно число; но—во всякомъ случаѣ—до поста.

И, не дожидаясь отвѣта, оба, переглянувшись, разомъ встали, стали прощаться и быстро ушли.

XLII.

Женихъ съ невѣстой удалились, а Марья Петровна, все еще въ шляпкѣ, одѣтая къ выходу изъ дому—вернувшись въ свою жилую комнату, присѣла къ письменному столику и глубоко задумалась.

Какъ-то заново стало ей и горько, и обидно—особенно какъ матери.

Что это было за шутовское посѣщеніе? Зачѣмъ?

Развѣ затѣмъ, чтобы выказать матери хоть подобіе чувства... хоть намекъ на то, что онъ, какъ сынъ, хочетъ сдѣлать ее участницей и въ такомъ моментѣ своей жизни?

Да и что это за бракъ!

Она—мать—понадобилась имъ затѣмъ только, чтобы все было высокоприлично на ихъ вѣнчаньѣ, чтобы значилась на лицо „belle-mère“ дѣвицы, чтобы съ обѣихъ сторонъ были родители, когда, гдѣ-нибудь при модной домовой церкви, въ особой залѣ, будутъ разносить шампанское.

И если она не поѣдетъ на эту свадьбу—будутъ кричать про ея запоздалый нигилизмъ и бездушную мстительность.

Она такъ ушла въ свои думы, что опять не слыхала звонка въ передней.

И только что хотѣла крикнуть прислугѣ: „пожалуйста не принимайте“—какъ кто-то уже вошелъ въ столовую.

Это были мужскіе шаги.

Уразовъ? А къ нему она и хотѣла завернуть. Можетъ, онъ уже получилъ приказаніе выѣхать изъ Петербурга.

— Это вы?

Въ дверяхъ стоялъ Солонинъ.

Они должны были видѣться сегодня вечеромъ.

— Матушка Марья Петровна—заговорилъ онъ, запыхавшись отъ быстраго подъема по лѣстницѣ.—Безмѣрно радъ, что захватилъ васъ! Надо дѣйствовать. Дѣло принимаетъ скверный оборотъ.

— Съ вашимъ кліентомъ?

— И какой юноша! Просто за душу хватаетъ. Диву даешься, что такое хрустальное сердце... и вдругъ долженъ искупать свою навязчивую идею... чѣмъ?!

И перебивая себя, Солонинъ взялъ ее за обѣ руки и стремительно выговорилъ:

— Поѣзжайте къ вашему братцу.

— Развѣ онъ дѣйствительно можетъ что-нибудь сдѣлать... Вы не подумайте, что я отнѣкиваюсь... Я готова! Вѣдь не о себѣ буду просить его. Но не повредитъ ли это? За Павла я не поручусь. Онъ способенъ нарочно...

— Все равно—перебилъ Солонинъ.—Какъ бы онъ ни повелъ себя—хуже не будетъ того исхода, какой грозитъ моему кліенту.

— Я поѣду.

— Надо сегодня... во что бы то ни стало!

Сразу въ ней самой затихли всѣ ея счеты съ братомъ. Все равно, какъ еслибы она принуждена была ѣхать къ какой-нибудь власть имѣющей особѣ, въ рукахъ которой судьба близкаго человѣка.

И спокойнымъ, почти радостнымъ тономъ она повторила:

— Я ѣду.

— Спасибо!

На рѣсницахъ Солонина блеснули слезинки. Все его возбужденное лицо пошло ходуномъ. Еще одно слово, и онъ разрыдается.

— Хотите—подвезу васъ?—спросила она, поднимаясь съ мѣста.

— Подвезите. А вы знаете адресъ брата?

— Узналъ.

Они вмѣстѣ вышли въ прихожую.

— Марья Петровна!—заговорилъ Солонинъ, когда за ними заперли входную дверь—скажите, эта эксцентричная пара, которую я встрѣтилъ на лѣстницѣ, поднимаясь къ вамъ, это не сынъ вашъ? Почему-то я подумалъ...

— Да, это онъ.

И она, сдерживая себя, разсказала ему содержаніе визита Ореста и его невѣсты.

— Фютюрйсты!—вымолвилъ москвичъ съ гоноромъ.

— Какъ вы сказали?

— Фютюрйсты. Это новая секта... смѣсь ничшеянства еще съ чѣмъ-то. Высшей пробы прожигатели жизни.

Но онъ сейчасъ почувствовалъ, что мать страдала больше, чѣмъ она показывала.

Имъ пришлось ѣхать на Дворцовый мостъ и потомъ по Англійской набережной.

Марья Петровна глядѣла на шпиль крѣпостного собора и на каменную темницу-громаду надъ полотномъ рѣки. И спутникъ ея смотрѣлъ туда же.

И, навѣрно, однѣ и тѣ же жуткія мысли овладѣвали ими. Тамъ сидѣла и ея Нина, передъ тѣмъ, какъ ее перевели въ то мѣсто, гдѣ злой недугъ унесъ ее. Это было извѣстно и Солонину.

Оба—минутой позже—перешли своей скорбной думой къ тому, чѣмъ можетъ кончить тотъ юноша съ хрустальнымъ сердцемъ, „надъ которымъ“ уже надвинулась—въ недалекомъ будущемъ—позорная казнь.

Вотъ такъ же будетъ мглисто, какъ сегодня, только не въ эти дообѣденные часы, а рано утромъ, съ туманомъ и колючей изморозью, гдѣ-нибудь на пустынномъ прибрежьѣ.

— Господи!—вырвалось у нея вслухъ.—Какъ ужасно жить у насъ... Есть ли еще другая такая земля...

— Какъ наше отечество?—остановилъ ее Солонинъ.

— Да! И на чемъ отдохнуть душой? На чемъ?

Онъ только махнулъ рукой и крикнулъ извозчику:

— Шевелись, голубчикъ, шевелись!

XLIII.

Она сидѣла съ братомъ въ его кабинетѣ—размѣрами съ залу—съ цѣлымъ рядомъ оконъ на Неву.

И опять, съ своего мѣста, у громаднаго письменнаго стола, ей виденъ былъ, сквозь спускающуюся съ неба мглу, золотой шпиль крѣпостного собора.

И этотъ разжирѣлый, красный, лысый баринъ, похожій на банкира изъ какихъ-то инородцевъ—ея „Павликъ“, тотъ юноша,

который сдѣлался ея идеаломъ, когда она сама была подросткомъ...

Самый голосъ сталъ хрипловатый, раскатистый и задорно самодовольный.

Одѣтъ онъ въ домашній бархатный, темнокоричневый, съ отливомъ, пиджакъ. На жилетѣ—цѣпь, съ множествомъ всякихъ поднесенныхъ ему жетоновъ.

Онъ сидѣлъ, круто заложивъ одну жирную ногу на другую, и курилъ крѣпчайшую сигару.

Сестра только что изложила ему поводъ ея визита.

Но онъ не отвѣтилъ ей сразу чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ. Сначала изъ его толстыхъ губъ вылетали какіе-то фыркающіе звуки, глаза заискрились и лѣвая, свободная рука сдѣлала въ воздухѣ круглый жестъ.

— Выходитъ, сестра, что вы разсудили пожаловать ко мнѣ только затѣмъ, чтобы хлопотать о какомъ-то максималистѣ, не желающемъ подвергнуться процедурѣ военнаго суда?

— Вы видите.

Она, входя къ нему, первая стала говорить ему „вы"; отъ „ты" она отказалась еще тогда, когда произошелъ ихъ разрывъ.

— А иначе... вы совершенно игнорировали бы мое существованіе на этомъ свѣтѣ? А? Хе, хе!

Его смѣхъ—въ носъ—былъ для нея особенно противенъ; но она себя усиленно сдерживала.

— Все это лишнее, Павелъ... Дѣло идетъ о жизни юноши... стоющаго сожалѣнія. Онъ—наполовину—невмѣняемъ.

— Это говоритъ его повѣренный. Ну да, конечно! Всѣ они невмѣняемы, когда удается ихъ сцапать!

Марья Петровна выпрямилась.

— Неужели, еслибъ я къ вамъ явилась, братъ, съ такой же просьбой о покойной Нинѣ—вы бы такъ же говорили со мною?

Онъ спустилъ ногу и, наклонивъ слегка голову надъ столомъ, осторожно снялъ пепелъ съ своей сигары.

— Не знаю! Можетъ, во мнѣ заговорило бы родственное чувство. Но вотъ въ эту минуту, съ глазу на глазъ, вы вѣдь не станете утверждать, сестрица, что ваша дочь была также невмѣняема? А?

И свой вздернутый носъ онъ поднялъ кверху, точно что нюхая имъ.

— Послѣ такихъ словъ—какого же мнѣ ждать еще отвѣта отъ васъ?—выговорила медленно Марья Петровна и сдѣлала движеніе, какъ бы желая сейчасъ же подняться.

— Постойте!.. Вашъ пріятель—защитникъ юноши, котораго вы—сколько я понимаю—даже никогда не видали—все выдумалъ. У меня нѣтъ никакихъ ходовъ въ тѣ сферы, которыя вамъ съ нимъ нужны.

И, помолчавъ, онъ добавилъ:

— Да, откровенно говоря, и будь даже у меня такіе ходы—я бы не сталъ просить.

Она только поглядѣла на него. Братъ вынесъ этотъ взглядъ и, развалившись опять въ креслѣ, въ прежней позѣ, продолжалъ, точно слушая то, что̀ онъ говорилъ:

— Съ какой стати, разсудите сами, любезная сестрица, сталъ бы я себя компрометировать—хлопотать о первомъ попавшемся крамольникѣ... и такого пошиба? Я ненавижу это злодѣйское подполье. Они виной всему, что̀ происходитъ теперь въ моемъ отечествѣ нелѣпаго, возмутительнаго, что̀ грозитъ всей странѣ общимъ крахомъ. Да-съ! Я ненавижу ихъ. И очень счастливъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что съумѣлъ вашего сына оградить отъ этой заразы и поставить его на ноги.

Краска выступила на щекахъ Марьи Петровны.

— Вашему совѣту, братъ, — возразила она, поднимаясь съ мѣста—обязана я и тѣмъ визитомъ Ореста, который онъ, какъ разъ сегодня, сдѣлалъ мнѣ съ невѣстой? Я ему понадобилась затѣмъ только, чтобы присутствовать на его блестящей свадьбѣ, въ качествѣ belle-mère, гдѣ и вы будете, вѣроятно, посаженымъ отцомъ?

— Да-съ, буду. Я никакого совѣта Оресту не давалъ, но нахожу его поступокъ въ высшей степени корректнымъ. Но вы, конечно, возмутились. Помилуйте! Вѣдь это ренегатство! Явиться на вѣнчаніе сына!

И опять его носовой смѣхъ рѣзнулъ по ея нервамъ.

Еще немного — и она не выдержитъ и расплачется; а это было бы униженіе передъ этимъ олицетвореніемъ всего, что̀ она такъ глубоко презирала.

— Довольно, Павелъ,—строго и твердо сказала она, уходя.—Довольно! Вы сами должны теперь чувствовать, чего мнѣ стоило явиться къ вамъ просительницей.

— Я тутъ ни при чемъ!—раздался ей вслѣдъ его хриплый возгласъ.

XLIV.

Въ полуосвѣщенномъ кабинетѣ Ипполита Семеновича раздавался только одинъ голосъ Марьи Петровны.

Самого хозяина совсѣмъ не было видно. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, глубоко уйдя въ кресло, и въ полоборота отъ свѣта лампы на столикѣ, гдѣ она читала.

Онъ прослушивалъ главу статьи, которую особенно старательно отдѣлывалъ, и просилъ ее читать помедленнѣе, что̀ она и дѣлала.

Она немного опоздала сегодня. Дома ей стало такъ нехорошо, что она должна была сейчасъ же лечь.

Нервнаго припадка она до себя не допустила. Боль въ вискахъ держала ее совсѣмъ разбитой до восьмого часа. Она уже хотѣла посылать извинительную записку Ипполиту Семеновичу; но ей стало полегче и она собралась.

И, придя къ нему, она пожаловалась просто на мигрень, но ничего не разсказала ему о свиданіи съ братомъ.

Онъ до сихъ поръ не знаетъ о томъ юношѣ и ея хлопотахъ съ Солонинымъ. Она боялась его разстроивать. Всѣ эти дни онъ былъ очень слабъ — больше все лежалъ и проводилъ безсонныя ночи.

Конечно, онъ лучше всякаго другого могъ бы подать совѣтъ. Нашлись бы у него и ходы. Кто сильнѣе его чувствуетъ великую обиду правосудію, кто горячѣе стоитъ за полное уничтоженіе возможности попирать божеское приказаніе: „не убій!“ — какъ не Ипполитъ Семеновичъ Брянскій?

Но и теперь она не рѣшалась заговорить съ нимъ объ этомъ.

То, что̀ она читала, не могло особенно волновать ее. Это была оцѣнка жизни и дѣятельности одного изъ его сверстниковъ, уже покойнаго, съ которымъ онъ былъ особенно друженъ.

Но одна фраза, гдѣ вылилась вся его печаль, когда онъ приводитъ предсмертныя слова этого скромнаго труженика и рѣдкаго сердцемъ человѣка—и голосъ ея вдругъ дрогнулъ.

Рукопись выпала у нея, она схватилась за лицо руками и вдругъ зарыдала.

Онъ быстро обернулся и тотчасъ же всталъ.

— Марья Петровна, дорогая, что̀ съ вами?

Онъ зачуялъ, что не то ее такъ разстроило, что̀ она сейчасъ прочла ему, а что-нибудь въ ней самой уже назрѣвшее.

— Простите, Ипполитъ Семенычъ... нервы, наши глупые нервы.

— Нѣтъ, не одни нервы, Марья Петровна, — шутливо-ласково сказалъ онъ, взялъ стулъ и присѣлъ къ ней.—Не скрывайте ничего отъ вашего стараго сочувствователя.

Сначала она разсказала ему про двѣ своихъ сцены — съ сыномъ и съ братомъ.

И когда онъ узналъ, зачѣмъ она являлась къ брату — онъ затуманился и выговорилъ только:

— Развѣ онъ можетъ тутъ чѣмъ-нибудь помочь? Да еслибъ и могъ, то не двинулъ бы пальцемъ.

Тутъ она призналась ему, что не хотѣла его разстроивать и попросить у него совѣта, направить къ нему адвоката.

Лицо Ипполита Семеновича осталось съ тѣмъ же налетомъ раздумья.

— И я тутъ ничего бы не сдѣлалъ, Марья Петровна.

— И вы?

— Я менѣе, чѣмъ кто-либо. Вѣдь я, до сихъ поръ еще — почти что на положеніи опальнаго, хотя и состою въ сановникахъ.

— Господи!

Наплывъ горечи охватилъ ее опять и подступилъ къ горлу.

Она могла опять разрыдаться.

— Повѣрите... Ипполитъ Семенычъ, — заговорила она медленно, почти шопотомъ, точно боясь звука собственнаго голоса,—этотъ юноша—я его не знаю вѣдь!—точно живой стоитъ передо мною и требуетъ отъ меня своего избавленія отъ позорной казни.

— Но какъ это сдѣлать, дорогая?—почти крикнулъ Брянскій.—Ни за что его не выпустятъ изъ когтей той скоропалительной юстиціи. Надо, для этого, двинуть какое-нибудь исключительное ходатайство. Да и то! Вѣдь онъ пойманъ съ поличнымъ? Да? Исходъ одинъ!

Онъ нервно пожалъ плечами, всталъ и возбужденно заходилъ въ полусвѣтѣ, вдоль письменнаго стола, заложивъ руки за спину своего шлафрока.

А она сидѣла у столика — точно пристыженная взрывомъ своей „нервности".

Онъ ее не осудилъ. Онъ способенъ глубоко понять ее. Но и надъ нимъ, какъ и надъ ней, и надо всѣми — тяготѣетъ теперь нѣчто, чего въ этой же самой странѣ не бывало еще, даже въ самые тяжкіе моменты.

— Простите, Ипполитъ Семенычъ, я не должна была васъ разстраивать.

И она продолжала чтеніе, стараясь выговаривать слова какъ можно отчетливѣе.

XLV.

Ни звука на улицѣ. И весь домъ замеръ въ послѣ-полуночномъ безмолвіи и мракѣ. Снизу не доходитъ съ тротуара и свѣтъ фонаря — слишкомъ высоко до оконъ квартиры Марьи Петровны.

Она лежитъ съ открытыми глазами. И ее то колышетъ нервное дрожаніе во всемъ тѣлѣ, то давитъ что-то въ груди и она не можетъ двинуть ни однимъ членомъ.

Когда она легла—почти бросилась въ постель—то, что̀ она пережила сегодня... тамъ, въ тюрьмѣ—на свиданіи съ приговореннымъ, котораго видѣла въ первый и единственный разъ въ своей жизни—пронеслось передъ нею, и она вдругъ, со всѣмъ ужасомъ раненаго чувства матери — была раздавлена этимъ фактомъ.

И ей стало казаться—точно это была настоящая правда— что она побывала на послѣднемъ свиданіи съ своей Ниной.

Было что-то даже общее въ лицѣ и въ голосѣ, и даже въ мимикѣ у ея Нины и у этого юноши, почти мальчика. Такого могла произвести на свѣтъ и она. И онъ моложе—и теперь— ея дочери.

Такое сліяніе двухъ существъ, чужихъ по крови и родныхъ по участи, дѣлалось для нея все осязательнѣе и достовѣрнѣе.

Она не могла бы быть болѣе уничтоженной, еслибъ вернулась изъ тюрьмы послѣ предсмертнаго свиданія съ нею, съ ея Ниной.

Это какое-то перевоплощеніе одного существа въ другое. Мать точно бьется теперь въ ней съ великимъ горемъ—не за одну дочь, умершую арестанткой, не за этого юношу, а за всѣхъ, кто такъ же кончилъ и кого еще ждетъ такой же исходъ.

Чуть закроетъ она глаза, какъ мгновенно выплываетъ передъ нею съ чернаго фона совсѣмъ ясное, какъ будто изнутри освѣщенное лицо приговореннаго—и губы что-то беззвучно шепчутъ. И она какъ будто слышитъ этотъ шопотъ и понимаетъ его смыслъ.

Ни однимъ словомъ, ни однимъ вздохомъ, ни однимъ жестомъ юноша не выдалъ агоніи своей души. Глаза его были сухи, щеки съ обыкновеннымъ окрашиваніемъ кожи, но между тѣмъ, что̀ онъ переживалъ, и ея душой точно натянута была проволока невидимаго телефона.

То, чѣмъ они обмѣнялись — было такъ обыкновенно, да и

можно ли говорить что-нибудь „отъ души“ въ присутствіи оффиціальнаго лица?

И этого свиданія ей—посторонней осужденному, даже незнакомой ему—можно было добиться съ великими трудностями. Но какъ она жаждала этихъ десяти минутъ свиданія, съ обмѣномъ нѣсколькихъ фразъ! Онъ былъ предупрежденъ своимъ защитникомъ и въ первыхъ словахъ, произнесенныхъ имъ: „Благодарю васъ очень“—зазвучала какая-то тихая радость.

Еслибъ можно было проникнуть черезъ рѣшетку, она бросилась бы къ нему на шею и стала бы обнимать и цѣловать его, какъ родного сына.

Можетъ-быть, онъ получилъ хоть минутное облегченіе. А если нѣтъ? Если этотъ визитъ далъ ему еще болѣе острое чувство неизбѣжности и ужаса казни?

Онъ—круглый сирота, изъ окраины. Ему некому послать привѣта въ родной край. И что-то затаенно-горькое чуяла она въ его тонѣ, когда онъ сказалъ, что онъ уходитъ изъ жизни „совсѣмъ одинъ“.

И вотъ сегодня ночью въ своей одиночной камерѣ — спитъ онъ или мечется, холодѣя внутри отъ призрака *ея*... не той гостьи, которая сторожитъ каждаго, но *неизвѣстно, когда*, а на той же недѣлѣ, неизбѣжно, безповоротно, какъ фактъ тюремной статистики, какъ процедура, запротоколенная подъ такимъ-то номеромъ.

Все, что̀ Марья Петровна читала въ послѣдніе мѣсяцы на ту же холодящую тему, давило ее, точно чугунная надгробная доска. Она перестала вѣдь и заглядывать въ „Событія дня“, гдѣ перечень начинается всегда извѣстными цифрами все одной и той же категоріи.

И вотъ, въ какихъ-нибудь десять минутъ она окунулась во всю бездонную хлябь ужаса, который сотни и тысячи живыхъ существъ — матерей, отцовъ, сестеръ, братьевъ и обреченныхъ на жестокое возмездіе виновныхъ обоего пола — пережили въ отдѣльности, каждый по-своему, въ своей интимной трагедіи.

Вдругъ слезы потекли изъ ея глазъ обильно, неудержимо. И какое-то облегченіе разлилось по ея трепетнымъ нервамъ.

XLVI.

Два дня она не выходила—все ждала, что Солонинъ заѣдетъ къ ней или пришлетъ записку, депешу.

И ей страшно было спросить его. У Ипполита Семеновича

она въ эти два дня не работала. Ему самому очень нездоровилось и онъ предупредилъ ее.

Но она не была бы въ состояніи, еслибъ онъ даже и звалъ ее для чтенія или письма подъ диктовку. Она едва бродила по комнатѣ, испытывая страшную слабость въ головѣ, въ которой что-то болѣло, въ одномъ какомъ-то пунктѣ мозга или нерва.

На третій день она въ состояніи была выйти передъ обѣдомъ.

Отъ Солонина ничего не пришло. Это ей показалось, сначала, чѣмъ-то подающимъ надежду, что казни не будетъ.

Почему? Она не въ состояніи была отвѣтить на этотъ вопросъ. Но если протянется еще цѣлый день безъ всякой вѣсти—она опять сляжетъ.

Вернулась она къ обѣду, но позднѣе обыкновеннаго.

— Ничего не было: ни письма, ни депеши?—спросила она, входя въ переднюю.

— Ничего, матушка. Я все время дома была. И швейцаръ ни съ чѣмъ снизу не подымался.

Ѣсть ей было въ тягость. Она проглотила двѣ-три ложки супу и даже не замѣтила—что̀ ей поставили на второе блюдо.

Она ушла въ спальню и сейчасъ же—одѣтая—прилегла и попросила заварить чаю. Въ полутьмѣ, съ полосой свѣта изъ отворенной изъ столовой двери—она лежала, нарочно, на спинѣ, недвижно, чтобы держать себя какъ бы въ тискахъ, не дозволять, чтобы расходились опять нервы, и отгонять отъ себя всякую мысль все о томъ же.

Но ей это не удавалось.

Она стала прислушиваться къ малѣйшему шороху и ждать все мучительнѣе звонка въ передней.

Или это будетъ Солонинъ, или посыльный, почтальонъ, телеграфистъ.

Стѣнные часики въ кухнѣ стучали, дробно и отчетливо, а время тянулось все тягостнѣе.

И опять пошли какіе-то образы. Неужели явится на черномъ фонѣ то же ясное, точно изнутри освѣщенное лицо... того, кто, быть-можетъ, сегодня на разсвѣтѣ долженъ былъ очутиться въ мѣшкѣ, съ ощущеніемъ, вокругъ шеи, намотанной веревки?

— Нѣтъ! Не могу!—громкимъ шопотомъ выговорила Марья Петровна и соскочила съ постели.

Еще четверть часа такого жданья—и съ ней будетъ припадокъ.

Она даже не оправила платье, когда зажгла свѣчу, на̀скоро надѣла шапку и укуталась дымчатымъ пуховымъ платкомъ. И

не окликая свою служительницу, она тихо и быстро надѣла въ передней пальто и калоши и такъ же беззвучно отворила дверь. И только снаружи, на площадкѣ, она позвонила.

Съ своего четвертаго этажа она сбѣжала точно кто за ней гнался. Швейцаръ предложилъ ей скричать извозчика; она его поблагодарила, выбѣжала изъ подъѣзда и, на углу поперечной улицы, вскочила на извозчика, не спрашивая о цѣнѣ.

Она знала, гдѣ остановился Солонинъ. Это былъ отель въ самомъ концѣ Невскаго, около вокзала.

А вдругъ какъ она его не найдетъ уже въ Петербургѣ?

Это—немыслимо.

Но онъ могъ умышленно оставить ее безъ вѣсти о томъ, что „все кончено", и стремительно уѣхать въ Москву.

Онъ щадилъ ее, щадилъ и себя, не заѣхавъ къ ней самъ и даже не написавъ ей ни строчки.

Въ гостинницѣ она, съ дрожью въ голосѣ, спросила швейцара:

— Присяжный повѣренный Солонинъ—изъ Москвы?

Швейцаръ назвалъ номеръ.

— Онъ еще здѣсь?

— Собирается на машину.

Все ей стало ясно въ одно мгновеніе, и когда она поднялась къ нему во второй этажъ—у нея внутри точно все остановилось и окаменѣло.

Она постучала и, не дожидаясь отвѣта, растворила дверь. Номеръ былъ съ перегородкой.

— Кто тамъ?—раздался голосъ Солонина.

— Это я.

Солонинъ что-то укладывалъ въ дорожный мѣшокъ, наклонившись надъ столомъ.

— Вы! Голубушка!

— Значитъ... все кончено?—глухимъ шопотомъ обронила она.

Онъ опустилъ голову и такимъ же сдавленнымъ звукомъ сказалъ:

— Сегодня.

Потомъ взялъ ее за обѣ руки.

— Простите! Я не рѣшился ѣхать къ вамъ. А депешу мою вы получили бы только завтра утромъ.

Они оба стояли молча, посрединѣ комнаты, и тяжело дышали.

Больше не о чемъ было говорить.

XLVII.

Опять ласковое мурлыканье самовара подъ висячей лампой. И такъ же точно Марья Петровна всполаскиваетъ свою чашку въ полоскательной.

А рядомъ съ нею сидитъ Уразовъ и, слегка наморщивая правую бровь, куритъ, стараясь выпускать дымъ такъ, чтобы онъ ее не безпокоилъ.

Видъ у Марьи Петровны такой, точно она только что встала послѣ тяжкой болѣзни.

Уразовъ взглядываетъ на нее вбокъ—и ему дѣлается такъ жалко оставлять ее теперь. Какъ знать, какой-нибудь злой недугъ, можетъ, сторожитъ ее. И вотъ она сляжетъ. Тифъ или воспаленіе. Будетъ лежать одна какъ перстъ, здѣсь или въ больницѣ.

Кто у нея есть *свой*? Такой „братецъ", какъ Павелъ Петровичъ, и такой „сынокъ", какъ тотъ великолѣпный Орестъ!

Она взглянула на него, въ эту самую минуту, и точно поняла—что̀ у него на душѣ.

— Другъ Николай Платонычъ,—тихо окликнула она:—вѣдь вы не о себѣ, а обо мнѣ думали вотъ сейчасъ?

— Да, вы угадали.

— И я знаю—на какую тему.

— Значитъ, не трудно было догадаться.

Онъ чуть слышно разсмѣялся.

— Вы боитесь... что я слягу... какъ слѣдуетъ?

— Вѣрно! И вотъ еще говорятъ, что чтеніе чужихъ мыслей—шарлатанство!

— Это не мысль, а чувство—вымолвила она, и взглядъ ея озарился глубокой жалостью къ этому горюну.

Завтра онъ уѣзжаетъ—далъ подписку, и если промедлитъ—ему грозитъ еще бо̀льшая непріятность. Послѣдній свой вечеръ онъ непремѣнно хотѣлъ провести съ нею. Проститься съ нимъ и съ нею придетъ вотъ сейчасъ и Надѣинъ. Они съ Уразовымъ почти что не видались здѣсь, да и вообще недостаточно знали другъ друга.

Надѣинъ „бѣжитъ" отсюда по доброй волѣ, ѣдетъ на конецъ зимняго сезона въ Москву. Тамъ онъ все еще надѣется сколько-нибудь помириться съ теперешнимъ угнетающимъ кош-

маромъ „контръ-революціи“—какъ онъ, по-европейски, называетъ то, что дѣлается на его родинѣ.

— Что я слягу?—повторила она свой вопросъ.—Что-жъ! Это возможно. Но знаете, что я вамъ скажу, вамъ, моему неизмѣнному сочувственнику и другу, ужъ прямо до гробовой доски—я была бы почти рада, чтобы жестокій недугъ схватилъ меня и—на время—отнялъ сознаніе.

— Что вы, дорогая!

— Увѣряю васъ. Призывать смерть — всетаки себялюбиво. Есть вѣдь люди, которыхъ моя смерть можетъ огорчить, и я какъ бы не имѣю права. Но уйти хоть на одну недѣлю куда-то, въ міръ грезъ... даже и страшныхъ, нужды нѣтъ. Только бы уйти, забыть то, что пережила.

— Да, да! Не возвращайтесь къ этому!—остановилъ онъ ее движеніемъ руки, боясь, что она впадетъ опять въ тяжелое настроеніе.

И это она мгновенно поняла.

— Не смущайтесь, другъ. Я не прощаюсь съ вами—не стану васъ ничѣмъ огорчать. Веселой я тоже не могу быть. Но мое положеніе гораздо лучше вашего.

Онъ повелъ головой.

— У меня—свобода передвиженія. Я могу васъ навѣстить, и я это непремѣнно сдѣлаю. Придетъ весна, я на цѣлый мѣсяцъ выговорю себѣ вакаціи—и къ вамъ.

— Что вы!

Онъ радостно привсталъ и схватилъ ея руки.

— Непремѣнно. Если только буду жива и на ногахъ. Послѣ поста—я ваша гостья.

Помолчавъ, она досказала:

— Но всетаки вѣдь вы опять—неизвѣстно на сколько времени—подневольный обыватель.

— Эхъ, голубушка!—остановилъ онъ, энергически тряхнувъ рукой.—Нечего очень сокрушаться. Хотите, я вамъ скажу на ушко—и онъ сдѣлалъ шутливый жестъ въ ея сторону: самъ я извѣрился въ этотъ городъ. И чувствую, что мнѣ въ немъ нечего больше дѣлать.

— Вамъ?

— Да, мнѣ! Довольно—какъ я говорю—„зря пыжиться“. Надо умѣть уходить.

— Какъ, совсѣмъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ изъ жизни; а изъ той, которую мы считали альфой и омегой существованія на землѣ и единствен-

нымъ спасеніемъ нашей родины. Идеаловъ своихъ не хочу разбивать, но можно ли и должно ли, въ переходную полосу русской смуты, дѣйствовать нашими средствами—въ это я теряю прежнюю вѣру. И мнѣ нужна опять...

— Ссылка?—подсказала она нервной нотой.

— Да, ссылка—коли на то пошло.

И онъ добродушно разсмѣялся.

— Надо заново уйти въ себя, подвести болѣе строгіе итоги, пока еще не поздно, пока надвигающаяся старость еще не совсѣмъ подсидѣла тебя! Вѣрьте, я это говорю не съ рыву, безъ злобы и отчаянія. Я хотѣлъ бы жить и дѣйствовать совсѣмъ по другому.

И онъ сдѣлалъ большой глотокъ своего остывшаго чая.

XLVIII.

— Это навѣрно Дмитрій Александровичъ! — сказала Марья Петровна, заслыша звонокъ.—Онъ тоже прощается.

— Душевно радъ буду покалякать съ нимъ — отозвался Уразовъ.

— И онъ также бѣжитъ отсюда, хоть и по доброй волѣ— успѣла замѣтить Марья Петровна, прежде чѣмъ Надѣинъ показался въ дверяхъ.

— Дмитрій Александровичъ! Спасибо вамъ огромное! Захотѣли провести вашъ послѣдній вечеръ у меня.

Надѣинъ поцѣловалъ руку у хозяйки и, послѣ рукопожатія съ Уразовымъ, садясь къ столу, обратился сначала къ гостю.

— Съ вами мы почти что не видались. И я объ этомъ сильно сожалѣю. Знаю отъ Марьи Петровны, что васъ отсюда удаляютъ... опять въ чемъ-то заподозривъ. Вы когда ѣдете?

— Завтра.

— Не хотите ли въ одномъ поѣздѣ?

— Да вѣдь я подешевле.

— Поѣдемъ въ почтовомъ. Мнѣ все равно.

Когда-то Уразовъ считалъ этого „маститаго“ писателя немножко бариномъ, немножко скептикомъ; но они давно уже очутились въ одномъ станѣ тѣхъ „интеллигентовъ“, у которыхъ есть общій врагъ, заставившій оставить прежніе предубѣжденія и счеты.

А Надѣинъ и подавно считалъ этого когда-то правовѣрнаго народника *своимъ* человѣкомъ, очутившимся также въ станѣ вы-

битыхъ изъ колеи: временно или нѣтъ — на это отвѣтитъ будущее.

Имъ очень легко стало бесѣдовать. И Марья Петровна передала Надѣину, съ какимъ чувствомъ Уразовъ покидаетъ Петербургъ.

— Что же, Дмитрій Александровичъ — обратился къ нему тотъ:—надо признать вотъ какой непреложный фактъ: интеллигенція, какъ *мы* ее разумѣемъ, дѣйствовала только въ центрахъ. Деревня, мелкій посадскій людъ—за ней не пошли. Фабричные поплатились за все слишкомъ дорогой цѣной... И намъ больше не подняться.

— Николай Платонычъ!—остановила его Марья Петровна.— Зачѣмъ такъ накладывать на себя руки?

— Нѣтъ, это не униженіе паче гордости. Это — фактъ. Кому же это больше сознавать, какъ не намъ... людямъ восьмидесятыхъ годовъ, которые молились на деревню и мужика? Но деревня насъ не знала, ничего отъ насъ не ждала... да врядъ ли и понимала насъ...

— И вы пришли къ тому итогу—спросилъ Надѣинъ, возбужденно глядя на Уразова,—что интеллигенціи надо проститься съ прежней ролью?

— Пришелъ!.. Цѣли могутъ остаться и тѣ же, но при другомъ сліяніи съ жизнью многомилліонной громады...

— Кажется, вы правы—какъ бы про себя выговорилъ Надѣинъ.

— Послѣдніе два года принудительнаго житья въ провинціи—продолжалъ такъ же оживленно Уразовъ—стали мнѣ давать предчувствіе того, что снизу пойдетъ другое движеніе, съ самаго корня. Тамъ хотятъ жить своимъ умомъ—и въ деревнѣ, и въ городахъ: всякая мелкая сошка, тотъ мѣщанскій людъ, которымъ мы такъ пренебрегали—все это начинаетъ стремиться къ двумъ вещамъ — артельный ладъ и хорошая школьная учёба.

— Будто бы?—обронилъ Надѣинъ, сидѣвшій съ опущенной головой, нѣсколько поодаль отъ стола.

— Несомнѣнно.

— А, значитъ, тѣхъ, отъ кого шелъ свѣтъ, по̀-боку?

— Не по̀-боку, а имъ самимъ надо сознать, что прежнимъ просвѣтительствомъ уже пробавляться нельзя.

И оглянувшись кругомъ, Уразовъ докончилъ такими словами:

— Послѣдніе три года сама жизнь столькому научила и мужика, и мѣщанина, и фабричнаго, что, право, совѣстно дѣ-

лается развивать ихъ по-старому! Они и безъ насъ знаютъ отлично—въ чемъ дѣло!

Марья Петровна слушала все это съ полуопущенными рѣсницами, замѣтно блѣднѣя.

— Если такъ—промолвила она вдумчиво и серьезно—вамъ, Николай Платонычъ, будетъ, въ самомъ дѣлѣ, тамъ, въ захолустьяхъ, лучше, чѣмъ среди насъ, сидящихъ, какъ въ Писаніи говорится, „въ тѣни и сѣни смертной".

— Надо Николаю Платонычу пожелать отъ всей души такого бодраго отношенія къ тому, что дѣлается тамъ, въ многолюдной громадѣ народа.

И, оглянувъ ихъ обоихъ, Надѣинъ продолжалъ задушевнымъ звукомъ:

— Пускай мы всѣ побѣждены! Или—лучше сказать—пускай жизнь оказалась сильнѣе насъ; но то, съ чѣмъ мы вошли въ эту самую жизнь — никогда не умретъ и никогда не окажется ложью, грязью и звѣрствомъ!..

— Да, да!—громко прошептала Марья Петровна, и на рѣсницахъ ея заблестѣли двѣ слезинки.

— И вамъ, дорогой собратъ,—добавилъ Надѣинъ, протягивая руку Уразову,—такой ветеранъ, какъ я, можетъ только позавидовать! Вы еще найдете *новый* путь, а мы—не вы, Марья Петровна, вы еще молоды и тѣломъ, и духомъ! — сойдемъ уже „подъ вѣчны своды" съ проблескомъ вѣры въ грядущее.

П. Боборыкинъ.

Апрѣль 1909.
Ницца.

КЪ МЕЛАНХОЛІИ

(Изъ Ленау.)

Ты всегда, вездѣ со мною,
Грусть моихъ суровыхъ думъ!
Въ счастьѣ, въ горѣ ты собою
Наполняешь жизни шумъ.

Ты ведешь меня на скалы,
Гдѣ орелъ одинъ паритъ,
Ели смотрятся въ обвалы,
И лѣсной потокъ гремитъ.

Тамъ я мертвыхъ вспоминаю,
И на грудь къ тебѣ съ слезой
Я лицо свое склоняю,
Омраченное тоской.

Г. Петри.

АДМИРАЛЪ

СТЕПАНЪ ОСИПОВИЧЪ

МАКАРОВЪ

Не берусь писать ни біографіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, ни монографіи о жизни и дѣятельности адмирала, образъ котораго такимъ яркимъ свѣтовымъ пятномъ выдѣляется на сѣренькомъ фонѣ общаго равненія на средину, въ затылокъ и въ ранжиръ, господствовавшаго въ русскомъ флотѣ конца XIX вѣка и приведшаго къ Шантунгу и Цусимѣ.

Это — задача историковъ. Я же — не болѣе, какъ скромный лѣтописецъ, передающій читателямъ краткія записи своего дневника, въ которомъ отмѣчены не только выдающіяся событія, но и тѣ мелочи, изъ которыхъ они складывались.

А вѣдь нельзя не согласиться, что иной разъ увѣсистый томъ историческаго изслѣдованія меньше говоритъ сердцу, чѣмъ какой-нибудь „историческій анекдотъ", характеризующій данную эпоху или ея дѣятеля. Вотъ почему я и рѣшился подѣлиться съ читателями тѣми „историческими анекдотами", которые были записаны мною за время совмѣстной службы съ покойнымъ адмираломъ.

Идея централизаціи власти врядъ ли гдѣ еще получила такое яркое примѣненіе, какъ въ морскомъ вѣдомствѣ, со времени вступленія на постъ управляющаго министерствомъ адмирала Чихачева.

Путемъ различныхъ циркуляровъ и приказовъ по морскому вѣдомству, а въ особенности „разъясненій“ адмиралтействъ-совѣта (этого морского сената), не только просто „командиры“, но даже „главные командиры“ портовъ были, de facto, вовсе лишены той „автономіи“, которая предоставлялась имъ и понынѣ неотмѣненнымъ „Наказомъ“.

Это вѣяніе особенно сказывалось на положеніи главнаго командира Кронштадтскаго порта, благодаря его близости къ адмиралтейскому „шпицу“.

Про одного изъ предшественниковъ адмирала Макарова мѣстные остряки говорили даже, что это не болѣе какъ... автоматъ, подвѣшенный на концѣ телеграфной (еще чаще — телефонной) проволоки, начало которой скрывается въ нѣдрахъ Главнаго Адмиралтейства, и что въ силу подобнаго положенія вещей онъ изъ „начальника“ превратился въ „шефа“, который царствуетъ, но не управляетъ. А потому, если, подражая Цинцинату, онъ посвящаетъ свои досуги садоводству, взращивая хризантемы, о какихъ не снилось ни Фрейндлиху, ни Эйлерсу, то это только похвально.

Трудно сказать, чего было больше въ этихъ остротахъ—добродушнаго юмора или горечи...

Но вотъ, на мѣсто „шефа“ Кронштадтскаго порта былъ назначенъ С. О. Макаровъ—и началась строго-закономѣрная война за возстановленіе „Наказа“, за возстановленіе правъ, узурпированныхъ петербургскими канцеляріями.

Это дѣло покойный адмиралъ считалъ первѣйшимъ.

Правда, незамѣтно, исподволь установившійся порядокъ для всякаго другого представлялъ собою величайшую приманку: почти полную безотвѣтственность. Но это было не по характеру адмирала. Онъ не боялся отвѣтственности; больше того—не боялся самыхъ ошибокъ, за которыя могли бы привлечь его къ отвѣтственности. Любимой его поговоркой было: „Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ“.

И отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ онъ требовалъ прежде всего „дѣла“, строго различая неопытность — отъ небрежности, неумѣнье—отъ нежеланія.

Надо ли говорить, что подобное отношеніе къ своимъ обязанностямъ было встрѣчено далеко несочувственно въ мирно дремавшемъ Кронштадтѣ, а декларація „о правахъ“ нашла самое энергичное, хотя и глухое, противодѣйствіе въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства.

Конечно, всего сразу не сдѣлаешь, плетью обуха не пере-

шибешь. Адмиралъ и самъ хорошо это чувствовалъ. На штурмъ онъ не пошелъ, а двинулся сапой (хоть не всегда выдерживалъ характеръ), въ надеждѣ отвоевать утраченныя позиціи.

Наибольшимъ препятствіемъ къ осуществленію этой надежды была близость къ Петербургу, возможность постояннаго, полуоффиціальнаго вмѣшательства въ дѣло управленія портомъ при посредствѣ бесѣдъ по телефону.

На почвѣ борьбы „за право исполнять свои обязанности" (какъ выразился однажды покойный) отношенія его со „шпицемъ" не разъ обострялись, а весной 1903 г. дѣло дошло до того, что онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Конечно прошенію этому не было дано хода: все уладилось... но чрезвычайно интересна для характеристики С. О. та „капля, переполнившая чашу", которая побудила его къ такому рѣшительному поступку.

С. О. самъ сдѣлалъ свою карьеру, самъ, собственной головой и руками, проложилъ себѣ путь, а потому, естественно, былъ злѣйшимъ врагомъ непотизма, такъ прочно укоренившагося въ нашемъ флотѣ. Просьба флагмана или капитана [1]) объ офицерѣ, отличившемся своей службой, была для него священной; но протекція береговыхъ жителей, особенно дамъ, чаще приносила вредъ, нежели пользу.

— Ну, да, конечно... — подбодрялъ онъ почтеннаго просителя или просительницу, заводившихъ рѣчь о своемъ протежэ, и вдругъ перебивалъ ихъ на самомъ интересномъ мѣстѣ неожиданнымъ вопросомъ:—Можетъ быть, и королева эллиновъ была бы довольна такимъ назначеніемъ?..

Разумѣется, даже при той работоспособности, какою былъ надѣленъ С. О., усмотрѣть за всѣми назначеніями офицеровъ своего порта во внутреннее плаваніе, разобраться въ этихъ назначеніяхъ, главному командиру просто не было времени; но кое-что, наиболѣе яркое, не ускользало отъ его вниманія.

Замѣтилъ онъ однажды, что нѣкій юноша упорно, изъ года въ годъ, пристраивается на какую-нибудь яхту или недвижущійся миноносецъ (есть и такіе), явно уклоняясь отъ плаванія на линейныхъ судахъ—и, не смотря ни на какія просьбы, приказалъ хоть силкомъ вытащить его на соленую воду.

Право главнаго командира назначать во внутреннемъ плаваніи любого офицера своего порта на любой корабль того же

---

[1]) С. О. рѣзко различалъ „флагмановъ и капитановъ", т.-е. плавающихъ моряковъ, отъ „адмираловъ и командировъ", проживающихъ на берегу.

порта до такой степени не подлежитъ сомнѣнію, что даже адмиралтействъ-совѣтъ, и тотъ никогда не пытался его „разъяснить“. Положеніе казалось безвыходнымъ... Но умные люди выходъ нашли. Ужъ и приказъ былъ набранъ въ типографіи штаба порта, и корректура оттиснута и выправлена... Зазвонилъ телефонъ въ кабинетѣ главнаго командира (это значитъ — не кто-нибудь!) — Алло!.. — Да, я... хотѣлъ, на всякій случай, предупредить... мичмана N ближайшимъ приказомъ переводимъ въ одинъ изъ петербургскихъ экипажей... Просили... Такъ вотъ... чтобъ не угнали куда-нибудь—все равно, списывать придется...

Этимъ способомъ милый юноша былъ изъятъ изъ предѣловъ досягаемости власти главнаго командира.

Просто и хорошо.—Но я никогда не видѣлъ адмирала такимъ „встравленнымъ“, какъ въ тотъ вечеръ...

Помимо войны со „шпицемъ“, стремившимся держать главнаго командира привѣшеннымъ на концѣ телефонной проволоки, надо было всколыхнуть еще и то мирно дремлющее болото, обитатели коего, въ противоположность лягушкамъ извѣстной басни, вовсе и не просили Зевса о новомъ царѣ. Онъ явился сверхъ всякаго ихъ ожиданія.

Отошли въ прошлое добродушно-насмѣшливые разсказы о томъ, что главный командиръ „не принимаетъ“ потому, что „занятъ“.—А чѣмъ?—Подрѣзкой молодыхъ деревьевъ, прививкой дичковъ или, въ персиковой оранжереѣ, переносомъ (при посредствѣ кисточки — за отсутствіемъ мухъ) цвѣточной пыли съ одного цвѣтка на другой...

День распредѣлялся иначе.

Съ 8 ч. 45 м. до 9 ч. утра главный командиръ принималъ „являющихся по службѣ“, а также тѣхъ, кто имѣлъ срочный докладъ и просилъ о назначеніи для него опредѣленнаго часа въ тотъ же день; отъ 9 до 11 ч. утра — объѣздъ торговыхъ учрежденій, казармъ, кораблей въ гавани, всегда неожиданный; съ 11 до 11½ ч. утра — спѣшныя, но несложныя дѣла; съ 11½ до полудня (иногда затягивалось) — докладъ начальника штаба порта; завтракъ; съ 1 ч. до 1½ ч. — пріемъ просителей (по должности главнаго командира и военнаго губернатора); въ 2 ч. дня докладъ капитана надъ портомъ и сопровождающихъ его старшихъ портовыхъ техниковъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ ними, объѣздъ производящихся въ порту работъ. Въ 5 ч. пополудни адмиралъ (за самыми рѣдкими исключеніями —

что-нибудь очень спѣшное) возвращался домой, раздѣвался, ложился въ постель и (каковы нервы!) моментально засыпалъ; въ 5 ч. 45 м. его будили, и онъ, принявъ душъ, одѣвался къ обѣду. За обѣдомъ всегда былъ кто-нибудь изъ „нужныхъ на сегодня" людей (часто тѣ, что просили срочнаго доклада), такъ что и послѣобѣденный кейфъ оказывался утилизированнымъ; съ 8 до 10 ч. вечера—внѣ-очередные доклады начальниковъ отдѣльныхъ частей; послѣ 10 ч. — составленіе или редактированіе доклада или записки по дѣламъ порта совмѣстно съ кѣмъ-нибудь изъ спеціально приглашенныхъ техниковъ или начальниковъ отдѣльныхъ частей, никогда не задерживаемыхъ позже $11^1/_2$ ч. вечера (вечерній чай, въ большинствѣ случаевъ, подавался въ рабочій кабинетъ). Послѣ $11^1/_2$ ч. адмиралъ занимался „своимъ" дѣломъ, диктуя „барышнѣ-машинисткѣ" или споря о томъ, что собирался продиктовать, съ тѣми, съ кѣмъ привыкъ дѣлиться своими мыслями (скажу безъ ложной скромности—нерѣдко эта честь выпадала на мою долю). Не позже 1 ч. ночи адмиралъ ложился спать; вставалъ обычно въ 7 ч. утра, принималъ душъ, дѣлалъ гимнастику, одѣвался, пилъ чай, а затѣмъ—въ 8 ч. 45 м. пріемъ „являющихся по службѣ" и т. д.

Такъ изо дня въ день.

По закону отъ главнаго командира не требуется какого-либо писаннаго отчета о его дѣятельности, о мѣрахъ, имъ принятыхъ, о его пожеланіяхъ на будущее; но С. О., вообще мало считавшійся съ тѣмъ, что онъ пренебрежительно называлъ „канцелярской отпиской", основанной на „понеже" и „поелику", нашелъ совершенно необходимымъ представить по-начальству такого рода отчетъ за первые два года своего управленія портомъ. Отъѣздъ на войну и безвременная гибель не дали ему возможности закончить слѣдующій, въ которомъ (какъ я это хорошо знаю) онъ собирался выложить весь свой горькій опытъ, высказаться еще болѣе опредѣленно, чѣмъ въ первомъ, хотя... и въ первомъ было сказано достаточно, и еслибы на этотъ отчетъ (несомнѣнно хранящійся въ архивахъ морского министерства) было обращено должное вниманіе — какъ знать? — можетъ быть, „Цусима" не была бы для русскаго человѣка такимъ же незабываемымъ словомъ, какимъ для француза является „Седанъ"...

Мой экземпляръ этого отчета, полученный (въ качествѣ сотрудника по составленію его) лично отъ адмирала, съ его автографомъ (за номеромъ и весьма секретно)—погибъ въ бою. Цитировать на память—не рѣшаюсь. Документъ этотъ, несомнѣнно, сдѣлается, со временемъ, достояніемъ исторіи, и тогда — разбе-

рутся... Я же позволю себѣ остаться исключительно на почвѣ „историческихъ анекдотовъ", мною записанныхъ.

Почти всю мою службу (за исключеніемъ двухъ лѣтъ въ академіи, да отпусковъ, которыхъ набралось больше года) я провелъ въ плаваніи на Дальнемъ Востокѣ и, какъ прирожденный „строевикъ", питалъ отвращенье, „родъ недуга", ко всякимъ береговымъ должностямъ въ штабахъ, канцеляріяхъ, управленіяхъ и т. п.

При такомъ моемъ настроеніи, осенью 1901-го года мнѣ было предложено занять мѣсто адъютанта штаба Кронштадтскаго порта, соединенное (чего еще не хватало!) съ должностью старшаго адъютанта военнаго губернатора...

И тѣмъ не менѣе, я охотно согласился, потому что главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта и военнымъ губернаторомъ г. Кронштадта былъ въ то время вице-адмиралъ С. О. Макаровъ, съ которымъ я раньше никогда не служилъ, но о которомъ даже среди „матрозни", собиравшейся на бакѣ „у фитиля" [1]), много слышалъ.

По совѣсти говоря, я не раскаялся въ моемъ рѣшеніи принять „береговую" должность. Служить съ адмираломъ было нелегко. Приходилось частенько не доѣдать и не досыпать, но въ общемъ—жилось хорошо.

Отличительной чертой его нрава (которою я, какъ строевикъ, не могъ не восхищаться) являлась вражда ко всякой рутинѣ, ко всякой канцелярщинѣ и, положительно, ненависть къ излюбленному пріему столоначальниковъ и дѣлопроизводителей „гнать зайца дальше"—т.-е., во избѣжаніе отвѣтственности за самостоятельное рѣшеніе вопроса, сдѣлать на бумагѣ (хотя бы наисрочнѣйшей) соотвѣтственную надпись и послать ее куда-нибудь въ другое мѣсто „на заключеніе" или „для справки".

Единственные (правда, весьма рѣдкіе) случаи, когда адмиралъ, теряя самообладаніе, дѣлалъ выговоры въ рѣзкой формѣ, грозилъ судомъ и всякими административными карами, бывали именно тогда, когда внезапно обнаруживалось съ чьей-нибудь стороны стремленіе „гнать зайца дальше", утопить важное, срочное дѣло въ пучинѣ канцелярской обрядности.

Весьма характеренъ взглядъ С. О. на дисциплину—это по-

---

[1]) На корабляхъ военнаго флота командѣ запрещено имѣть спички и курить гдѣ-либо, кромѣ особо указаннаго мѣста, гдѣ имѣются: кадка съ водой — для бросанія окурковъ, и кадка съ „фитилемъ", отъ котораго закуриваютъ. Офицеры, находясь въ „палубахъ", также не имѣютъ права курить, а если захочется—должны идти къ „фитилю". Тутъ-то и можно всего наслушаться.

нятіе, для выраженія котораго на русскомъ языкѣ не нашлось подходящаго слова. — Весь дисциплинарный уставъ—говаривалъ онъ—полностью убирается въ одну фразу присяги: „не токмо за страхъ, но за совѣсть“. Человѣкъ, проникнутый ея духомъ, никогда не нарушитъ дисциплины, въ высокомъ значеніи этого слова, хотя бы никогда и не заглядывалъ въ дисциплинарный уставъ. „Молчать, когда я съ тобой разговариваю!“—это вовсе не дисциплина, а аракчеевщина. Яковъ Долгорукій, разорвавшій указъ Петра Великаго, не нарушилъ дисциплины!..—

Не осмѣлюсь утверждать, чтобы С. О. избралъ меня повѣреннымъ своихъ сокровенныхъ мыслей, но все же, какъ кажется, онъ часто говорилъ со мной „по-душѣ“. Однажды, послѣ горячей (по телефону) перепалки со „шпицемъ“, онъ вдругъ заявилъ мнѣ:—Знаете, какъ, по нынѣшнимъ временамъ, толкуютъ слова присяги? Какъ требованіе „за совѣсть“, т.-е. по убѣжденію, насквозь проникнуться однимъ только „страхомъ“! Но только меня землю бородой мести не заставишь!—

Такимъ пониманіемъ дисциплины были проникнуты и всѣ отношенія С. О. къ его подчиненнымъ.

Самъ обладая способностью на лету, съ полуслова, схватывать суть дѣла, онъ терпѣть не могъ „пространныхъ изложеній“, но никогда не сердился, если докладчикъ, не успѣвавшій слѣдить за его мыслью, что-нибудь путалъ по неумѣнью комбинировать факты или не могъ быстро найти въ своихъ бумагахъ необходимую справку. Въ такихъ случаяхъ адмиралъ охотно и умѣло приходилъ къ нему на помощь; зато всякая попытка „навести туманъ“ встрѣчала самое энергичное противодѣйствіе. Принимая докладъ, результатомъ котораго должно было явиться опредѣленное рѣшеніе, адмиралъ умѣлъ заставить докладчика выложить чистосердечно все, не исключая даже сомнѣній, умѣлъ заставить отнестись къ казенному дѣлу не по канцелярскому шаблону, а какъ бы къ дѣлу личному. Если докладчикъ, не соглашаясь съ его мнѣніемъ, приводилъ свои доводы, онъ только радовался, никогда не „обрывалъ“, а просто „спорилъ“ и нерѣдко уступалъ, принявъ въ соображеніе новыя данныя, ранѣе ускользнувшія отъ его вниманія.

Выходя отъ него, докладчикъ могъ, съ полнымъ правомъ, считать, что уносимая имъ резолюція есть логическій выводъ изъ его собственной работы, всесторонне и при его же участіи использованной главнымъ командиромъ.

— Я знаю, что мое приказаніе должно быть, и будетъ, исполнено въ точности. Никакого самоуправства я не потерплю! —

5*

говаривалъ адмиралъ.—Но важно, какъ оно будетъ исполнено? Съ яснымъ сознаніемъ, что такъ и нужно, или изъ-подъ палки?—

Наихудшимъ зломъ онъ считалъ затаенное несогласіе со взглядами начальника, прикрытое казенной формулой: „какъ прикажете“.—Такъ никогда толку не выйдетъ! Пусть лучше прямо говоритъ и даже рѣзко! Пусть споръ, даже ссора! Вѣдь не о четвертомъ измѣреніи разсуждаемъ, не метафизикой занимаемся! Подъ руками самые заурядные факты, въ которыхъ всякій и можетъ, и долженъ умѣть разобраться! Если мы оба не безъ царя въ головѣ, то неминуемо придемъ къ тому же выводу, а если не сможемъ—значитъ на разныхъ языкахъ говоримъ, толковать намъ больше не о чемъ, да лучше и не пробовать. Не пойдетъ наша работа! Пассивное повиновеніе—это почти то же, что пассивное сопротивленіе!—

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то рѣзкое различіе, которое С. О. дѣлалъ между проявленіемъ личной иниціативы и неисполненіемъ приказанія. Люди, непонимающіе этого различія, часто обвиняли его въ пристрастіи къ той самой „аракчеевщинѣ“, противъ которой онъ такъ горячо боролся. На самомъ дѣлѣ онъ не только предоставлялъ каждому самую широкую иниціативу въ предѣлахъ его компетенціи, но даже требовалъ ея, а что касается „предѣловъ“, то всегда относился снисходительнѣе къ попыткамъ ихъ расширенія, нежели къ отговоркѣ: „по закону не имѣлъ права“. Зато и за собой онъ признавалъ право на такую же иниціативу, и приведеніе въ исполненіе своихъ рѣшеній считалъ обязательнымъ для своихъ подчиненныхъ.

По его правилу всякій, даже самый малый чинъ могъ высказывать свое мнѣніе, подавать совѣты, но разъ рѣшеніе было (главнымъ командиромъ) принято, приказаніе отдано—оно должно было быть исполнено во что бы то ни стало. Если обнаруживались какія-нибудь новыя обстоятельства, о нихъ надо было немедленно сообщить ему, не стѣсняясь временемъ (хотя бы среди ночи, разбудивъ и позвавъ къ телефону), но остановить исполненіе приказанія или измѣнить его по личному усмотрѣнію—это онъ считалъ почти личнымъ оскорбленіемъ.

Такой взглядъ на дѣло отнюдь не покажется страннымъ, если принять во вниманіе указанный выше способъ, которымъ С. О. приходилъ къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Въ поясненіе приведу два случая, мелочныхъ, но цѣнныхъ тѣмъ, что не разсказываются на память, а были записаны тогда же.

Требовалась спѣшная выгрузка песку съ баржъ землечерпательнаго каравана. Рабочихъ рукъ не хватало. Адмиралъ, обсу-

дивъ вопросъ съ начальникомъ каравана, пришелъ къ заключенію, что „необходимо", и приказалъ нанять рабочихъ сверхъ комплекта. На слѣдующій день, при посѣщеніи мѣста работъ, начальникъ каравана (полковникъ) докладываетъ, что „вольные" запросили, вмѣсто обычнаго гривенника, пятіалтынный, а потому онъ пошелъ справиться въ портовую контору, гдѣ дѣлопроизводитель сказалъ ему о недопустимости такого перерасхода.—Такъ, значитъ, вы, посовѣтовавшись съ дѣлопроизводителемъ и не спросившись меня, рѣшили отмѣнить мое категорическое приказаніе?—Адмиралъ даже поблѣднѣлъ и возвысилъ голосъ, что съ нимъ такъ рѣдко случалось.—Вы! старый офицеръ! И хоть бы сами! а то... по указкѣ чиновника!..—

Полковникъ (человѣкъ нрава не особенно сладкаго) стоялъ вытянувшись, держа руку подъ козырекъ... Видимо, внутри у него все кипѣло... — Вы, ваше превосходительство, сами знаете, что портовая контора... — началъ-было онъ глухимъ, но рѣшительнымъ тономъ.—Не сердитесь, пожалуйста!—перебилъ его адмиралъ.—Это я черезъ вашу голову... Прошу помнить только, что главный командиръ порта—я, а не дѣлопроизводители, сколько бы ихъ тамъ ни было! И вамъ, получившему приказаніе лично отъ меня и по вашему же докладу, слѣдовало просто рукой махнуть на премудрыя разсужденія какого-то столоначальника!..

Другой случай еще болѣе мелочный, но не менѣе характерный. На завтра предстояло отбытіе изъ Кронштадта французской эскадры, съ президентомъ Лубэ. Точный срокъ отбытія не былъ извѣстенъ; онъ зависѣлъ отъ того времени, какъ кончится парадный завтракъ на „Montcalm". Французскіе контръ-миноносцы, стоявшіе на Невѣ, у Николаевскаго моста, получили приказаніе выйти изъ Петербурга въ Кронштадтъ въ 7 часовъ утра. По этому поводу и въ предвидѣніи того, что, несомнѣнно, будутъ „загулявшіе", французскій адмиралъ просилъ С. О. о дружеской услугѣ — послать какой-нибудь портовый пароходъ забрать опоздавшихъ, такъ какъ уже въ 6 часовъ утра суда въ Петербургѣ начнутъ поднимать шлюпки и готовиться къ походу.

— Кто жъ у насъ есть свободный? — спрашивалъ меня С. О.—Всѣ въ нарядѣ, кромѣ колеснаго парохода № 4... Впрочемъ довольно помѣстительный и чистенькій...—Такъ его и послать. Въ 4 часа утра пусть идетъ отсюда, а въ семь—чтобы отваливалъ отъ Англійской набережной.

Я заспорилъ и сталъ доказывать, что „нѣтчики", какъ всѣмъ извѣстно, обычно опаздываютъ на самые пустяки, но противъ самаго крайняго срока, когда еще можно надѣяться попасть на

корабль при посредствѣ „вольной“ шлюпки (ялика), а потому лучше бы нашему пароходу отвалить не въ семь, а въ восемь, даже въ девять часовъ утра.

— Совершенно правильно!—перебилъ меня адмиралъ,—но я ужъ обѣщалъ французамъ пароходъ въ семь часовъ утра, и сами они такъ просили.—Вотъ, еслибъ нашелся какой-нибудь другой, свободный, чтобъ послать дополнительнымъ рейсомъ...—Другого нѣтъ... придумать не могу... А что, если бы попросить Петербургскій портъ?—Неудобно. Скажутъ еще, что суюсь не въ свое дѣло, обидятся. Вотъ развѣ... поговорите вы, по-пріятельски, съ адъютантомъ главнаго штаба... Изъ нашей бесѣды не дѣлайте отъ него секрета, а онъ, можетъ быть, и распорядится...

Пока я вернулся домой, пока дозвонился до адъютанта главнаго штаба и переговорилъ съ нимъ—оказалось уже два часа ночи. Пожалѣлъ будить адмирала докладомъ объ успѣшномъ результатѣ переговоровъ, зато въ семь часовъ, только вскочивъ съ постели, сообщилъ по телефону, что, кромѣ нашего № 4, для французскихъ „нѣтчиковъ“ будетъ пароходъ „Фонтанка“, который отвалитъ отъ Англійской набережной въ 9 часовъ утра.—Адмиралъ одѣвался, и телефонъ принялъ курьеръ.

Около восьми часовъ утра—телефонъ ко мнѣ:—Васъ проситъ къ себѣ главный командиръ.—Иду, изумляясь столь раннему вызову. Встрѣчаетъ учтиво, но „видъ звѣрскій“, и говоритъ такъ мягко:—Можетъ быть, я забылъ, такъ прошу напомнить... мнѣ кажется, я не отмѣнялъ моего приказанія о посылкѣ въ Петербургъ № 4?—Нѣтъ, ваше превосходительство, не отмѣняли... —Такъ кто же позволилъ себѣ, не спросясь меня, отмѣнить его рейсъ въ виду того, что отъ Петербургскаго порта назначена „Фонтанка“?.. Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ, выдерживая стиль:—Никто вашего приказанія не отмѣнялъ. № 4 вышелъ изъ Кронштадта въ 4 часа утра, и если въ пути не имѣлъ аваріи, то не позже какъ черезъ полчаса долженъ вернуться, отваливъ отъ Англійской набережной ровно въ семь.—А „Фонтанка“?—„Фонтанка“ отвалитъ въ девять.—Что-жъ вы мнѣ докладывали...—Не я, а курьеръ, который, вѣроятно, не такъ понялъ...—Простите за напрасное безпокойство...

Инцидентъ былъ исчерпанъ.

Не разъ и впослѣдствіи, въ Портъ-Артурѣ, я самъ себя спрашивалъ: чему именно былъ С. О. обязанъ своей популярностью среди сѣрой массы? А популярность эта, несомнѣнно, существо-

вала. О ней свидѣтельствовалъ тотъ взрывъ энтузіазма, которымъ привѣтствовалось его назначеніе командующимъ флотомъ Тихаго океана, тотъ всенародный трауръ, въ который одѣлась Россія при извѣстіи о его трагической гибели. Мнѣ думается, что я могу дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Команда видѣла и чувствовала въ немъ своего человѣка—строгаго начальника, но не „барина", который „чудитъ", потому что для него „законъ не писанъ", а перваго среди чернорабочихъ, не бѣлоручку, который умѣетъ только покрикивать...

И какъ онъ умѣлъ двумя-тремя словами ударить ихъ по сердцу... Вотъ примѣръ: осенью 1902-го года уходилъ изъ Кронштадта на Дальній Востокъ отрядъ контръ-адмирала барона Штакельберга. Всѣ церемоніалы закончены; послѣдніе запасы приняты; съемка съ якоря назначена въ 10 часовъ утра, а въ 9 часовъ, какъ сообщено сигналомъ, главный командиръ пріѣдетъ проститься. Еще въ ночь такъ задуло отъ SW, что всякое сообщеніе съ берегомъ (не только на гребныхъ, но даже и на паровыхъ шлюпкахъ) прекратилось. Утромъ, чуть посвѣтлѣло настолько, что можно было различить флаги (не помню — въ концѣ сентября это было или въ началѣ октября), съ отряда, конфиденціально, спросили: не отмѣненъ ли походъ?—Отвѣтомъ было: „Форма—пальто". Это значило, что главный командиръ будетъ, но чтобы офицеры и команда не мерзли, ожидая его прибытія въ парадной формѣ.

Къ 8-ми часамъ утра, какъ было назначено наканунѣ, начальство собралось на Петровской пристани; явился и главный командиръ, не признававшій опозданія. Многіе надѣялись, что „выходъ" будетъ отмѣненъ изъ-за погоды, но я на это не разсчитывалъ и заранѣе принялъ мѣры „къ исполненію приказанія".

Адмиралъ, наскоро поздоровавшись съ лицами, долженствовавшими составить его свиту, вышелъ на край пристани, посмотрѣлъ на катера, прыгавшіе у ея сходни, и сказалъ:—На этихъ не добраться.—Такъ точно.—На чемъ же? Кругомъ заговорили, что проще всего сдѣлать сигналъ: „Желаю благополучнаго плаванія", что не стоитъ задерживать отрядъ въ ожиданіи, пока погода стихнетъ, а сейчасъ ѣхать невозможно, и т. п.

— На чемъ же я поѣду?—рѣзко перебилъ адмиралъ, обращаясь ко мнѣ.—Вѣдь я вамъ приказалъ, чтобы къ $8^1/_2$ часамъ были средства сообщенія съ рейдомъ?

— Такъ точно. Вотъ ледоколъ № 2 готовъ подойти къ пристани [1]).

[1]) Ледоколы №№ 1 и 2—портовые буксирные пароходы, крѣпкой постройки,

— А!.. И прекрасно!.. Господа! кто со мной? Ѣхать необязательно...

Разумѣется, всѣ „почли долгомъ"...

Поматывало даже въ гавани, а на рейдѣ — мотало во всю.

— Прикажете поднять брейдъ-вымпелъ?

Адмиралъ оглянулся на корму, гдѣ трепался по вѣтру портовый флагъ (синій съ бѣлымъ якоремъ).

— На портовомъ пароходѣ не полагалось бы... А впрочемъ... прикажите поднять! Не мѣсто краситъ человѣка!.. — и адмиралъ засмѣялся весело, даже задорно.

Суда отряда стояли въ полной готовности къ походу.—Шлюпки подняты и убраны въ ростры. Только съ подвѣтренной стороны еще не убраны трапы для пріема начальства, не отмѣнившаго своего посѣщенія, не смотря на погоду.

Подошли къ ближайшему крейсеру. Лихо управлялся шхиперъ ледокола (старый боцманъ, не стерпѣвшій „береговой" жизни и опять „нанявшійся" къ родному дѣлу), не зѣвала команда... а все-же трапъ здорово крякнулъ...

Для высадки приходилось „ловить моментъ".

Первымъ, конечно, выскочилъ адмиралъ. Удачно, если не считать, что его „накрыло" волной, ходившей до средней площадки. За нимъ прыгнулъ начальникъ штаба, потомъ — я. Два другіе адмирала (достаточно грузные) воздержались. Кое-кто изъ свиты—тоже.

На шканцахъ адмиралъ, словно не замѣчая, что вода съ него ручьемъ течетъ, принялъ рапортъ начальника отряда, командира и вахтеннаго начальника, поздоровался съ офицерами, а затѣмъ пошелъ по фронту команды.

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! — дружно рявкнули обѣ вахты.

— Какова погода? Кронштадтъ, на прощанье, расхвастался! Да гдѣ ему противъ Артура! Тамъ почище увидите!.. Смотри, не подгадь! Дай Богъ, молодцы, въ добрый часъ!..

— Рады стараться! — Покорнѣйше благодаримъ! — Такъ точно!—нестройно, но дружно загремѣло съ обоихъ бортовъ.

Казенныя слова... а мнѣ чудилось, что смыслъ въ нихъ— далеко не казенный. Чудилось, что, глядя на русую бороду, съ

обладающіе хорошими морскими качествами (самое ихъ названіе говоритъ о работѣ во льдахъ), укомплектованные вольнонаемной командой изъ сословія „морскихъ волковъ".

которой струилась вода, многіе думали: — „Ишь чортъ, пріѣхалъ таки проститься!.. Крѣпокъ на-слово!..“

Не эти ли люди занесли въ Артуръ, не они ли разнесли и по всей Россіи (вѣдь многіе ушли въ запасъ еще до войны) легенду о „Бородѣ“, который любому старому матросу „пить дастъ“... Вѣдь я привелъ единичный случай, врѣзавшійся въ память, а сколько было другихъ, подобныхъ ему!..

На слѣдующемъ кораблѣ—та же исторія, но съ маленькимъ варьянтомъ: трапъ не только „крякнулъ“, а просто „искостился“.— Вылѣзали, можно сказать, по его обломкамъ и, разумѣется, приняли новую ванну...

На обратномъ пути, попутной волной, мотало изрядно, но за то не подхлестывало изъ-за борта. Одинъ изъ грузныхъ адмираловъ, не рѣшившихся на высадку, подбодрившись, корилъ шхипера:—Нечего сказать! Порадовали! Въ первый же заграничный портъ придутъ — чинить трапы. — Гдѣ поломали? — На прощанье, свои же...—Срамъ!..—Шхиперъ только ёжился, не рѣшаясь оправдываться... Мнѣ стало за него обидно, и я, подойдя къ „своему“ адмиралу, разсказалъ... „насплетничалъ“. С. О. сдѣлалъ видъ, будто ему это совсѣмъ неинтересно, и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ.

Вошли въ гавань, подошли къ Петровской пристани. — Церемоніалъ отбытія „Главнаго Командира“.

— А гдѣ шхиперъ?

Коренастый мужчина поспѣшно выступилъ впередъ, не снявъ, а какъ-то сдернувъ фуражку съ головы, покрытой шапкой черныхъ, съ сильной просѣдью, волосъ.

— Спасибо вамъ! Лихо управились! — молвилъ адмиралъ, энергично тряхнувъ его за руку. — А командѣ вашей—выдайте отъ меня по чаркѣ! — И обычнымъ, скорымъ шагомъ пошелъ домой. Старый боцманъ, ожидавшій „разноса“, былъ совсѣмъ ошеломленъ, даже не нашелъ слова сказать въ отвѣтъ... А я, торопясь за начальствомъ, глянулъ на него и подумалъ: — „Вотъ и еще одинъ, который за „Бородой“ пойдетъ въ огонь и въ воду“...

Чтобы покончить съ анекдотами о жизни и дѣятельности С. О. въ Кронштадтѣ, позволю себѣ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, хоть и боюсь, не явится ли такое упоминаніе оскорбительнымъ для его памяти... Какъ будто могло быть сомнѣніе?.. Ну, все равно! Я хочу сказать, что за время службы къ рукамъ адмирала не прилипло ни единой казенной копейки...

Съ точки зрѣнія древнихъ римлянъ, конечно, это вовсе не заслуга, а лишь исполненіе долга, но по нынѣшнимъ временамъ— нельзя пройти молчаніемъ...

Въ этомъ отношеніи покойный доходилъ даже до мнительности. Такъ напримѣръ: за его личный счетъ уплачивалось жалованье „барышнѣ-машинисткѣ“, приходившей по вечерамъ писать подъ его диктовку, хотя, казалось бы, чего проще—потребовать писаря, или даже младшаго чиновника, изъ штаба. Больше того: если какой-нибудь докладъ (служебный) адмиралъ хотѣлъ переписать и отправить на-спѣхъ—писаря, работавшіе ночью, получали вознагражденіе изъ собственнаго его кошелька.

Еще деталь: всѣ знаютъ (и смѣшно было бы отнѣкиваться), что въ Кронштадтѣ не считается преступленіемъ свезти на берегъ съ корабля, пришедшаго изъ-за границы, боченокъ или ящикъ вина мимо таможни. Конечно — не для продажи, а для личнаго употребленія. Сами таможенные смотрятъ на такія дѣла сквозь пальцы... А вотъ С. О. никогда не пользовался этой возможностью, которая для него, казалось бы, была легче легкаго. Вино изъ-за границы онъ выписывалъ, но все имъ выписанное неукоснительно шло черезъ таможню и оплачивалось пошлиной.— Чудитъ вашъ адмиралъ!—говорили мнѣ, бывало, добрые знакомые зеленаго канта.

На себя лично С. О. тратилъ очень мало и велъ жизнь болѣе чѣмъ скромную. Сигары курилъ такія, что гости... всегда спѣшили завѣрить его въ своей исключительной приверженности къ папиросамъ. Когда, вмѣсто лѣтнихъ шинелей, были введены накидки, С. О. осмотрѣлъ мою, одобрилъ, но, справившись о цѣнѣ, свистнулъ и категорически заявилъ: — Это мнѣ не по карману! Шикарьте, пока не прогорѣли! Я въ „экономкѣ“ [1]) за 25 цѣлковыхъ пріобрѣту!—

И это не было рисовкой. Дѣйствительно, С. О. только-только сводилъ концы съ концами, лишній разъ подтверждая старую истину, что „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“.

Послѣ своей трагической гибели на „Петропавловскѣ“ онъ не оставилъ семьѣ ничего, кромѣ долговъ—правда, незначительныхъ—но все-же ничего болѣе, если не считать... славнаго имени...

Благодаря своей изумительной работоспособности, покойный адмиралъ, всего себя, казалось бы, отдававшій службѣ, находилъ

[1]) Обмундировочная мастерская офицерскаго экономическаго общества.

время и для литературныхъ трудовъ. Помимо такихъ капитальныхъ работъ, какъ „Витязь и Тихій океанъ“ и „Ермакъ во льдахъ“, оцѣнку которыхъ предоставляю спеціалистамъ по гидрологіи и метеорологіи, имъ было написано нѣсколько книгъ и брошюръ, въ которыхъ онъ горячо проповѣдывалъ основной принципъ, что „море—для моряковъ“, что фундаментомъ военноморского искусства должно считаться „ремесло“, которому можно научиться лишь на просторѣ океана, а никакъ не въ тиши кабинета.—Для моряка „въ морѣ“ должно значить—„дома“. Не только на берегу, но даже въ гавани, или на тихомъ рейдѣ—онъ лишь въ гостяхъ!—Эта идея была блестяще развита адмираломъ въ его брошюрѣ „Безъ парусовъ“, тщательно замолчанной (излюбленный и всегда успѣшный пріемъ) не только спеціально морскою, но и вообще оффиціозною печатью. Оно и неудивительно. Вѣдь адмиралъ требовалъ, чтобы каждый офицеръ, носящій морской мундиръ, раньше чѣмъ удостоиться этой чести, прошелъ суровую школу изученія морского ремесла; онъ требовалъ черной работы отъ бѣлоручекъ, которымъ успѣшное прохожденіе службы заранѣе обезпечивалось вліятельными родственниками, отъ милыхъ юношей, которые готовы были самоотверженно, ради пользы дорогой родины, посвятить свои силы ознакомленію съ морскимъ искусствомъ, но отнюдь „не тянуть лямку“...

И что важнѣе всего—адмиралъ цифрами доказывалъ, что осуществленіе его идеи—долговременнаго пребыванія кораблей въ морѣ—вполнѣ возможно „безъ обремененія государственнаго казначейства“, при разумномъ пользованіи тѣми средствами, которыя отпускались на содержаніе флота. Ересь получалась двухсторонняя...

Любимымъ дѣтищемъ покойнаго С. О. была его книга: „Разсужденія по вопросамъ морской тактики“. Книга эта подверглась со стороны нашихъ морскихъ „сферъ“ весьма недвусмысленному бойкоту, а потому въ Россіи успѣха не имѣла. Удостовѣрю тотъ фактъ, что ни за шесть лѣтъ пребыванія въ Морскомъ училищѣ, ни за два года пребыванія въ Морской Академіи, я ни на одной лекціи не слышалъ даже упоминанія о ней. Она не вошла даже въ списокъ тѣхъ сочиненій, которыми обязательно (отъ казны) снабжаются судовыя библіотеки.

И вотъ, лѣтомъ 1902-го года, пришло въ Кронштадтъ учебное судно съ гардемаринами флота Аргентинской республики (довольно издалека?). Командиръ этого корабля, носившаго имя „Presidento Sarmiente“, при первомъ же свиданіи, привѣтство-

валъ С. О., какъ учителя, чѣмъ привелъ послѣдняго въ искреннее недоумѣніе. Оказывалось, что въ Аргентинѣ морская тактика преподается по Макарову. Для вящей убѣдительности, командиръ приказалъ одному изъ гардемариновъ принести свой „учебникъ", и, не смотря на полное наше незнакомство съ испанскимъ языкомъ, всѣ мы могли удостовѣриться, что это дѣйствительно переводъ книги контръ-адмирала русскаго флота С. О. Макарова, отпечатанный въ какой-то типографіи Буэносъ-Айреса.

Командира даже обидѣло наше изумленіе.

— Нашъ флотъ еще совсѣмъ молодой—заявилъ онъ, — но тѣмъ внимательнѣе мы слѣдимъ за литературой болѣе старыхъ морскихъ націй! Странно было бы, еслибы наши будущіе офицеры не были знакомы съ книгой, достоинства которой по справедливости оцѣнены въ государствахъ Стараго Свѣта.

А вотъ у насъ, въ Россіи, эту книгу... почти бойкотировали. Невольно приходило на память старое изреченіе:—„Нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ"...

Конецъ III-ей, вся IV-ая и V-ая главы моей книги: „Расплата" посвящены описанію того, что мы переживали въ П.-Артурѣ за краткій періодъ времени, когда „эскадра" воскресла, найдя, въ лицѣ покойнаго адмирала, своего „настоящаго" [1]), какъ лаконически опредѣляли его команда и офицеры.

„Расплата"—это мой дневникъ, изложенный въ литературной формѣ. Пересказывать его—значило бы повторяться, а этого я не хочу, тѣмъ болѣе, что мнѣ грѣхомъ кажется выбросить хоть одно слово изъ записаннаго тогда на мѣстѣ, въ самый моментъ совершавшагося событія.

Дополнить? — Пожалуй, есть чѣмъ дополнить или, вѣрнѣе, освѣтить нѣкоторыя подробности, малозамѣтныя въ сжатой формѣ дневника, богатаго фактами, но бѣднаго ихъ истолкованіемъ.

Не знаю въ точности, какого числа февраля состоялось въ Петербургѣ оффиціальное назначеніе адмирала Макарова „командующимъ флотомъ Тихаго океана". Почему-то извѣстіе объ этомъ назначеніи считалось тайной „штаба намѣстника", но, de facto, это былъ секретъ полишинеля. Путейцы, пользовавшіеся своимъ (желѣзнодорожнымъ) телеграфомъ, неподлежавшимъ цензурѣ, уже 7 февраля разсказывали пріятелямъ, что „Макаровъ вчера выѣхалъ изъ Петербурга, принявъ назначеніе съ условіемъ:

[1]) The right man in the right place.

Алексѣеву въ его дѣла не путаться". Съ этого момента, что бы ни случалось, гдѣ бы ни выходило заминки, — всѣ и всегда подбодряли себя мыслью: „Вотъ пріѣдетъ Макаровъ"...

Откуда взялась эта слѣпая вѣра, этотъ энтузіазмъ, охватившій массы?..

Читатели, вѣрно, слышали анекдотъ о томъ, какъ собралась толпа прохожихъ передъ окномъ магазина, въ которомъ были выставлены часы, необычайно сложнаго устройства. Всѣ ахаютъ, всѣ дивятся. Вдругъ какая-то чуйка съ гордостью заявляетъ: „Хитеръ нашъ братъ, мастеровой!" — А вы сами часовщикъ будете? — спрашиваетъ его сосѣдъ. — „Мы-то? — Нѣтъ! Мы — глинотопы!"

Смѣшно... Но какой глубокій смыслъ въ этомъ смѣшномъ словѣ! — Очевидно, „глинотопъ" считалъ часовщика „своимъ братомъ-мастеровымъ", только пошедшимъ другой дорогой, имѣвшимъ случай научиться тому, чего глинотопу узнать не довелось, а то бы и онъ не хуже сдѣлалъ.

Нѣчто подобное сказывалось въ настроеніи массъ, ожидавшихъ прибытія С. О. Макарова.

Пріѣхалъ онъ въ Портъ-Артуръ 24 февраля, и какъ разъ въ этотъ день удалось откачать „Ретвизанъ", стоявшій на мели, и ввести его въ гавань. Разумѣется, С. О. былъ тутъ ни причемъ. Счастливое совпаденіе. Такъ и говорили въ каютъ-компаніи, хотя, по свойственному морякамъ суевѣрію, не забывали указать на „счастливую примѣту". На бакѣ разсуждали иначе; тамъ прямо говорили: — „Пріѣхалъ и распорядился". — „Нашъ братъ все можетъ — только дай волю!"

Почему строгій и требовательный адмиралъ считался „своимъ братомъ"? — Вотъ интересная задача для людей, занимающихся вопросами военной психологіи...

Не смѣю брать на себя ея рѣшенія, но кажется мнѣ, что вся суть была въ простотѣ обращенія ученаго мастера съ глинотопами. Между ними не было глухой стѣны — вѣками взрощеннаго недовѣрія простого народа къ господамъ. Пословица о томъ, что „добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ", справедлива лишь въ примѣненіи къ сплетнѣ, а не къ здравой, сердечной оцѣнкѣ, какую „мужикъ" даетъ „барину". И что всего важнѣе: нашъ „простой человѣкъ" тяжелъ на воспріятіе опредѣленнаго рѣшенія (долго мнется, долго въ затылкѣ почесываетъ), но ужъ разъ увѣрился — по гробъ жизни уперся.

С. О. Макарова, еще не видѣвъ (можетъ-быть недавно при-

бывшіе изъ Кронштадта поразсказали?), сразу признали „своимъ братомъ". А въ этомъ—все.

Существуетъ мнѣніе, что „простой народъ", какъ ребенокъ, наиболѣе податливъ на впечатлѣнія внѣшней пышности и величія, что они чаруютъ его, заставляютъ видѣть въ начальникѣ нѣчто въ родѣ земного бога. Въ мирное время, пожалуй, такая теорія можетъ имѣть успѣхъ, но на войнѣ она рушится при первой же перестрѣлкѣ. Самый захудалый и забитый нижній чинъ не можетъ не сообразить, что сунься начальникъ подъ огонь непріятеля — осколокъ снаряда разбирать не станетъ, въ чей лобъ угодить. Но если таково равенство передъ лицомъ смерти, то и въ жизни не должно быть неравенства, ибо „земной богъ", по существу, такой же за-урядъ человѣкъ, какъ любой матросъ второй статьи...

Плохо придется тому „мастеру", по отношенію къ которому „глинотопы" прозрѣютъ лишь въ критическую минуту; но какихъ чудесъ не натворитъ съ ними тотъ, кого они издавна считали „своимъ братомъ", старшимъ товарищемъ, успѣхами котораго хвалились передъ окружающими, считая ихъ „своими"!..

Адмиралъ Алексѣевъ былъ наиболѣе яркимъ выразителемъ перваго направленія, адмиралъ Макаровъ—второго.

Очевидцы удостовѣряютъ, что строгостью этикета и пышностью церемоніала дворъ намѣстника въ значительной степени превосходилъ дворы конституціонныхъ королей, не говоря уже о президентахъ республикъ. Не только самоличное посѣщеніе корабля, но даже случайный проѣздъ мимо него служили поводомъ къ параду. Чтобы „не прозѣвать", была выработана цѣлая система. Идетъ крытый паровой катеръ, одинъ изъ тѣхъ, что предназначались для „особъ". Какъ догадаться, находится ли въ рубкѣ „особа"? — Есть указаніе. Если баковый матросъ сидитъ или стоитъ въ небрежной позѣ—начальства нѣтъ; если же онъ стоитъ на вытяжку и держитъ въ слегка приподнятой рукѣ красный флажокъ — прекращаются всѣ работы, команда и офицеры бросаютъ свое дѣло и бѣгутъ „во-фронтъ", на видномъ мѣстѣ выстраивается караулъ, и горнистъ играетъ „привѣтствіе". Иногда тѣмъ и кончается; но иной разъ изъ рубки катера появляется голова начальства; все замерло... однако, за шумомъ машины катера или въ виду значительнаго разстоянія, рѣдко бываетъ возможно разобрать, просто „оно" смотритъ или говоритъ что-нибудь. Тутъ — новое указаніе: изъ-за „его" спины машетъ чья-то рука; сигналъ принимается на кораблѣ, и дружное — „Здравія желаемъ, ваше превосходительство!" — несется въ отвѣтъ

на никѣмъ не слышанное привѣтствіе... „Оно" все еще смотритъ, не прячется въ рубку... Что бы это значило? — Вдругъ изъ-за „его" спины опять энергично жестикулируетъ благодѣтельная рука, и опять рявкаютъ сотни голосовъ: „Рады стараться, ваше превосходительство!"

Не разъ крейсера получали приказаніе дать крюкъ въ сотни миль, чтобы къ нужному сроку доставить въ Портъ-Артуръ цвѣты и фрукты. Въ 1900-мъ году вся эскадра, находившаяся въ Мазампо и другихъ портахъ южной Кореи и занимавшаяся тамъ артиллерійской и минной стрѣльбой, была экстренно созвана въ Портъ-Артуръ, гдѣ никакихъ такихъ ученій нельзя было производить изъ-за морозовъ и зимнихъ штормовъ, но гдѣ 14-го февраля, на масляницѣ, былъ назначенъ большой балъ, и предвидѣлся недостатокъ въ кавалерахъ...

Утверждали даже, что неготовность эскадры къ отраженію минной атаки въ ночь съ 26-го на 27-ое января, равно какъ и неготовность береговыхъ батарей къ бою утромъ 27-го января, отнюдь не являлись результатомъ какого-то недоразумѣнія или недостаточной освѣдомленности: въ Портъ-Артурѣ очень хорошо знали о состоявшемся перерывѣ переговоровъ и отозваніи посланниковъ, а когда изъ Чифу пришелъ пароходъ съ японскимъ консуломъ, спѣшно забравшій всѣхъ японцевъ, проживавшихъ на Квантунѣ, то ни у кого уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что это — „война". Но... эскадра не приготовилась по боевому; гарнизоны фортовъ пребывали въ городскихъ казармахъ, а пушки на батареяхъ — „по зимнему". И все это потому, что нельзя же было такъ, попросту, объявить: „Будьте готовы къ отраженію атаки". На 27-ое января предполагалось молебствіе, парадъ, объѣздъ воинскихъ частей и судовъ эскадры, торжественныя рѣчи съ призывомъ „стать грудью, лечь костьми, не щадя живота, до послѣдней капли крови..." Досадно, что японцы не отложили начала военныхъ дѣйствій всего только на сутки. Надо думать, что 28-го января ихъ встрѣтили бы иначе, чѣмъ накануне...

Не смѣю ручаться за достовѣрность этого „слуха", но онъ такъ упорно держался и на эскадрѣ, и на берегу... А вѣдь дыма безъ огня не бываетъ.

С. О. Макаровъ, прибывъ въ Портъ-Артуръ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отмѣнилъ всякіе церемоніалы, заявивъ, что службой этого рода займемся послѣ войны. Интересующихся подробностями отсылаю къ „Расплатѣ", а здѣсь позволю себѣ

разсказать объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ въ моей книгѣ упомянуто лишь вскользь.

Вѣроятно, въ интересахъ торжества централизаціи власти и полнѣйшаго единообразія, на эскадрѣ былъ заведенъ такой порядокъ, что (кажется, по четвергамъ) командиръ каждаго корабля представлялъ въ штабъ подробный (по днямъ и часамъ) проектъ ученій и занятій, которыя онъ собирается произвести въ теченіе будущей недѣли. Списокъ ученій и занятій, утвержденный высшимъ начальствомъ, содержалъ въ себѣ 286 нумеровъ, почему въ проектѣ должно было помѣстить нумеровъ какъ можно больше и поразнообразнѣе. Это свидѣтельствовало о стараніи и вызывало одобреніе. Всѣ „проекты" просматривались (иногда даже исправлялись) въ штабѣ, и въ субботу выходилъ огромный циркуляръ, называвшійся въ каютъ-компаніяхъ „простыней", а оффиціально именовавшійся росписаніемъ ученій и занятій судовъ эскадры съ такого-то по такое-то число.

— Какова организація!—восхищались въ Петербургѣ, читая отчеты. — Какова ерунда! — ворчали люди, чувствовавшіе себя связанными по рукамъ и по ногамъ, желавшіе всей душой дѣлать дѣло и вынужденные, вмѣсто того, „отбывать нумера".

Надо ли говорить, что С. О. Макаровъ разрушилъ эту систему въ корнѣ? Онъ съ перваго же шага обратился къ своимъ командирамъ, офицерамъ и командѣ съ живымъ словомъ, призывая къ дружной работѣ, приказывалъ, просилъ и убѣждалъ не стѣсняться никакими формальностями и не покладать рукъ въ пополненіи накопившихся недочетовъ матеріальной части или пробѣловъ въ обученіи. „Хочу вѣрить—говорилъ онъ,—что всѣ, отъ адмирала до новобранца, даже во снѣ будутъ заняты одной мыслью: о наилучшей подготовкѣ и себя, и своей части къ бою!"

И онъ могъ бы смѣло сказать, что его подчиненные не обманули оказаннаго имъ довѣрія. Никогда, даже въ лучшіе дни эскадры, не наблюдалъ я на судахъ ея такой кипучей дѣятельности... Да что на судахъ!—въ порту! Понимаете ли?—въ порту, гдѣ искони „бумажка" — единственное „святое дѣло", гдѣ изъ рода въ родъ передается завѣтъ, что „небо и земля прейдутъ, а отчетность пребудетъ во вѣки" — и тамъ повѣяло жизнью...

Труднѣе будетъ повѣрить, что послѣ гибели Макарова о заведенныхъ имъ ересяхъ открыто и заикнуться не смѣли. Едва лишь на смѣну флага, ушедшаго на дно моря вмѣстѣ съ „Петропавловскомъ", взвился на мачтѣ „Севастополя" флагъ намѣстника, какъ вновь по субботамъ начали выходить „простыни", на ко-

торыя (между нами будь сказано) обращали теперь очень мало вниманія. Кое-что „макаровское“ все же осталось, и кое-гдѣ продолжали „дѣлать дѣло“, хотя украдкой, чтобы „не прогнѣвать“...

Были люди (и въ Портъ-Артурѣ, и въ Петербургѣ), говорившіе, что Макаровъ погибъ жертвой собственной неосторожности, что онъ слишкомъ рисковалъ собою, на что не имѣетъ права „командующій флотомъ“, что онъ слишкомъ переутомлялся, что, увлекаясь мелочами, разбрасываясь, онъ забывалъ о существенномъ—и пошелъ со своимъ броненосцемъ на минную банку, постановку которой видѣлъ наканунѣ собственными глазами.

Что касается риска, то кто же изъ тѣхъ полководцевъ, имена которыхъ сохранились не только въ книжной исторіи, но и въ памяти народныхъ массъ, не рисковалъ собою? Цезарь, Баяръ, Густавъ-Адольфъ, Петръ Великій, Суворовъ, Наполеонъ, Скобелевъ. Объ адмиралахъ и говорить нечего (вспомните хотя бы Нельсона), такъ какъ, по самому роду своей службы, во время боя они всегда въ центрѣ огня, въ центрѣ опасности. Вѣдь непріятель только и мечтаетъ о томъ, чтобы подбить адмиральскій корабль, вывести адмирала изъ строя! Въ этомъ—залогъ успѣха. Главнокомандующій сухопутной арміей *посылаетъ* войска въ бой. Адмиралъ *ведетъ* свою эскадру къ смерти или побѣдѣ... Можно ли при такой обстановкѣ говорить о рискѣ? Можно ли думать, что массы, видя своего начальника „никогда не рискующимъ“, проникнутся сознаніемъ, что онъ бережетъ себя для рѣшительнаго момента?.. Не естественнѣе ли предположить, что въ ихъ голову западетъ мысль: „отъ перестрѣлки прячется! а куда же забьется, когда дойдетъ до настоящаго?“

Выходъ С. О. Макарова на „Новикѣ“, подъ своимъ флагомъ, на встрѣчу японскимъ крейсерамъ, разстрѣливавшимъ „Стерегущаго“, конечно былъ рискомъ, но каково было впечатлѣніе отъ этого выхода! Не хочу повторяться; напомню лишь, что тогда же, въ моментъ совершившагося событія, я записалъ въ своемъ дневникѣ: „Теперь, это—*его* эскадра!.. Смѣло можетъ сказать: *мои*!..“ Вѣдь я, оглядываясь, видѣлъ въ глазахъ у многихъ что-то похожее на слезы—и если это дѣйствительно были слезы, то слезы восторга, которыхъ стыдиться нечего...

Не громкими словами, не пышными фразами пробуждается то, что называется духомъ войска, но дѣломъ, личнымъ примѣромъ. Попробуйте догадаться, что творилось въ душѣ любого матроса, видѣвшаго, какъ самъ командующій флотомъ, ни минуты не задумываясь, кинулся на выручку какого-то миноносца,

гибель котораго была очевидна, и оставалась лишь слабая надежда спасти товарищей отъ смерти или плѣна.

Возвращеніе въ гавань „Новика“ подъ флагомъ Макарова было его тріумфомъ. И не только со стороны эскадры. Весь гарнизонъ фортовъ и батарей усѣялъ брустверa; все населеніе порта и города высыпало на набережныя, чтобы привѣтствовать адмирала, возвращавшагося... послѣ неудачи, которая оцѣнивалась выше побѣды.

По этому поводу не могу не вспомнить другого эпизода, имѣвшаго мѣсто въ 1900-мъ году, при осадѣ Тянь-Цзиня. Гарнизонъ города составляли: 12-ый стрѣлковый полкъ, остатки судовыхъ дессантовъ союзной эскадры, большинство которыхъ ушло съ адмираломъ Сеймуромъ на Пекинъ, и волонтеры (европейцы). Всего — едва 2.200 человѣкъ. На нихъ насѣдала китайская армія, оцѣнивавшаяся въ 25.000 человѣкъ. Окруженіе полное. Приходилось уже „беречь боевые припасы“. Бой—день и ночь. Душой обороны былъ командиръ 12-го полка, полковникъ Анисимовъ. Онъ, собственно говоря, не былъ старшимъ, но какъ-то такъ, само собою вышло, что всѣ обращались къ нему за приказаніями. И вотъ, доносятъ ему, что съ желѣзнодорожной станціи, на которую была направлена самая бѣшеная атака китайцевъ, прислали просить о подкрѣпленіи, сообщая, что гарнизонъ (стрѣлки Анисимова и англичане) выбивается изъ силъ и, что еще хуже, выскальзываетъ изъ рукъ начальниковъ.— Откуда взять подкрѣпленій? Ни одного человѣка въ резервѣ!— Анисимовъ отправляется самъ. Видитъ—стрѣлковая цѣпь залегла впереди станціи, на кладбищѣ, и, прикрываясь могильными холмиками, люди (наши и англичане) „жарятъ зря“, почти безъ прицѣла, команды не слушаютъ. Чувствуется, что случись что-нибудь—паника... А китайцы придвинулись совсѣмъ близко, вотъ-вотъ бросятся на штурмъ...

Анисимовъ вышелъ впередъ цѣпи, усѣлся совершенно открыто на какой-то могилѣ, спиной къ непріятелю, подозвалъ къ себѣ обоихъ офицеровъ (своего стрѣлка и англичанина) и вступилъ съ ними въ разговоръ, въ то же время скрутивъ, вставивъ въ мундштукъ и закуривъ папиросу... Безпорядочная пальба въ цѣпи прекратилась. Стали стрѣлять рѣже, съ прицѣломъ... потомъ бить только на выборъ особенно расхрабрившихся китайцевъ, и въ результатѣ—тѣ не дошли.

Вечеромъ того же дня начальникъ англійскихъ дессантовъ, капитанъ Baley (командиръ крейсера „Аврора“), пришелъ къ Анисимову въ сопровожденіи двухъ своихъ офицеровъ и за-

явилъ: „Не откажите намъ въ чести считаться вашими солдатами".

— Хорошо, что такъ кончилось—скажутъ мнѣ.—А еслибы Анисимовъ былъ убитъ?—Ну, что же?—отвѣчаю я.—Надо надѣяться, что капитанъ Baley такъ же спокойно курилъ бы сигару или трубку, какъ Анисимовъ—свою папиросу...

Весь вопросъ въ томъ: найдется ли достойный замѣститель выбывшему начальнику? И главное: вѣрятъ ли массы, что погибшій не былъ единственнымъ?

Этой-то вѣры и не было на артурской эскадрѣ...

Еслибы, какимъ-нибудь чудомъ, немедленно вслѣдъ за Макаровымъ вступилъ въ командованіе флотомъ Дубасовъ, Чухнинъ или Рожественскій — гибель любимаго адмирала вызвала бы только духъ мщенія; но флагъ намѣстника на „Севастополѣ" вызывалъ лишь ироническія замѣчанія, что „это—для видимости".

Въ роковой день 31-го марта я записалъ въ своемъ дневникѣ, какъ я корилъ старшаго боцмана за его „похоронный" видъ, требовалъ, чтобы онъ всячески подбодрялъ команду, внушая, что безъ потерь нельзя—на то и война... А онъ мнѣ отвѣтилъ: „Что броненосецъ? Хоть бы два, да еще пару крейсеровъ въ придачу!—*Голова пропала!..*"

Думаю, что лучше этого надгробнаго слова, вырвавшагося изъ глубины души стараго морского волка—не сочинишь...

Въ заключеніе—кое-что по поводу „напраснаго переутомленія, результатомъ котораго явилась неосмотрительность" и т. д.

С. О. Макаровъ былъ человѣкомъ, поражавшимъ своей работоспособностью, но никогда не допускавшимъ переутомленія. Много разъ онъ меня отчитывалъ за мою манеру работать „запоемъ", кончить порученное мнѣ дѣло въ наикратчайшій срокъ, а потомъ отдохнуть во-всю.—Поймите—говорилъ онъ,—что нельзя ни наѣсться, ни напиться, ни выспаться за двое сутокъ впередъ или назадъ! Вотъ, какъ на большой встрѣчной волнѣ — винты то вертятся, какъ сумасшедшіе, въ воздухѣ, то работаютъ медленнѣе обыкновеннаго, уйдя глубоко въ воду... Пусть, въ среднемъ, число оборотовъ за часъ будетъ почти нормальное, но вѣдь „перебой" вреденъ машинѣ! Зачѣмъ же вы свою машину портите? Поработали и—законный отдыхъ.

— Да если не спится? Если въ головѣ дѣло, которое надо кончить?

— Вотъ этого я не понимаю!

И онъ, дѣйствительно, не понималъ „этого". Выше я говорилъ уже объ его удивительной способности, рѣшивъ, что можно

отдохнуть, лечь и моментально заснуть, хотя бы на полчаса, а чуть разбудятъ—оказаться свѣжимъ, бодрымъ, безъ всякаго признака промежуточнаго состоянія полу-сна, полу-бодрствованія. При этомъ онъ строго наблюдалъ, чтобы, въ общей сложности, за сутки было не менѣе семи часовъ сна, безъ чего „работоспособность понижается".

Не буду вторично описывать ночь съ 30-го на 31-е марта проведенную адмираломъ на „Діанѣ"; позволю себѣ лишь добавить нѣсколько подробностей, опущенныхъ мною въ „Расплатѣ" съ цѣлью не загромождать общей картины небольшими деталями.

Адмиралъ прибылъ къ намъ около 10 часовъ вечера, путемъ довольно необычнымъ для такого высокаго чина. Крейсеръ стоялъ съ откинутыми сѣтями, а потому подойти къ его борту было невозможно. Катеръ „командующаго флотомъ" присталъ къ кормѣ, и С. О., съ ловкостью мичмана, поднялся на палубу по штормъ-трапу (веревочная лѣстница), и даже разсердился, когда наверху его подхватили подъ-руки.

Адмиралъ, не дослушавъ оффиціальнаго рапорта командира, поздоровался съ нимъ, пожалъ руку командиру кормового плутонга, находившагося здѣсь по долгу службы, затѣмъ, не смотря на слабое освѣщеніе, призналъ меня и поздравилъ съ „монаршей милостью" (значитъ помнилъ такую мелочь, какъ мое производство въ слѣдующій чинъ), прошелся по батареямъ, заговаривая по-просту, по-товарищески, съ офицерами и нижними чинами очередной вахты...

Въ концѣ обхода „наверху что-то увидѣли" и открыли прожекторы. Рѣшивъ, что стрѣлять нельзя, но приказавъ точно записать румбъ и „антретное" (на глазъ) разстояніе, чтобы завтра же протралить это мѣсто,—„не набросали бы какой дряни",—адмиралъ спустился внизъ, въ капитанскую каюту, распорядился „чуть что подозрительное—разбудить немедленно, а если ничего не будетъ, то въ 4 часа утра",—легъ на диванъ и, по своему обыкновенію, тотчасъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ противоположность ему мы, т.-е. офицеры крейсера, обновившаго мѣсто ночного дежурства на внѣшнемъ рейдѣ, да и пріѣхавшіе съ адмираломъ, почти всю ночь не спали; дремали по кресламъ и по диванамъ въ каютъ-компаніи, что-то ѣли, чтобъ разогнать дрему...

Въ 4 часа адмирала разбудили, и въ 4 часа 15 минутъ онъ съѣхалъ съ крейсера, при чемъ выглядѣлъ много бодрѣе любого изъ насъ. На прощанье (должно-быть физіономія у меня была изрядно помятая) сказалъ мнѣ, полу-шутя, полу-серьезно:—

„Чего провожать выскакивали? Сказано—безъ парада! Церемоніймейстеры!“

А черезъ три часа? Когда „Діана“ пропускала мимо себя „Петропавловскъ“, выжидая своей очереди вступить въ строй, и когда мы видѣли въ послѣдній разъ „нашего адмирала“, съ лѣваго крыла мостика броненосца здоровавшагося съ нашей командой и крикнувшаго свое любимое: „Дай Богъ! Въ добрый часъ!“—отвѣтомъ на что было не уставное: „Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!“—а стихійное „ура!..“—Да развѣ въ этотъ моментъ осмѣлился бы кто-нибудь помыслить, что „онъ“ переутомился? Что „онъ“ о чемъ-то забылъ, чего-то не доглядѣлъ?.. „Онъ“-то?—моложе молодого, онъ, чей голосъ безъ всякаго рупора, безъ всякихъ „условныхъ сигналовъ“, мы слышали за сотню саженъ!..

Нѣтъ! по совѣсти надо сказать, что не было тутъ ни переутомленія, ни порожденной имъ забывчивости... Просто—судьба, жестокая судьба, неумолимо казнившая насъ за все время минувшей войны...

И этотъ ударъ былъ ужасенъ...

Для оцѣнки его не могу найти болѣе подходящаго слова, какъ сказанное старымъ боцманомъ:

— Голова пропала!..

Вл. Семеновъ.

ЗА „ПРАВЕДНОЙ ЗЕМЛЕЙ“

(Памяти Ивана Максимовича Игошина.)

„Въ саратовской губернской тюрьмѣ умеръ отъ тифа крестьянинъ Игошинъ, губернскій выборщикъ въ первую Думу“.

(Изъ газетной хроники.)

Въ извѣстной пьесѣ Максима Горькаго: „На днѣ“ странникъ Лука разсказываетъ обитателямъ ночлежнаго дома о нѣкоемъ чудакѣ, который слѣпо вѣрилъ въ „праведную землю“, не сдаваясь ни на какіе резоны и доводы.

— Былъ, примѣрно, такой случай: зналъ я одного человѣка, который въ праведную землю вѣрилъ. „Должна, говоритъ, быть на свѣтѣ праведная земля... въ той, дескать, землѣ особые люди населяютъ,—хорошіе люди! другъ дружку уважаютъ, другъ дружкѣ—за всяко просто—помогаютъ... И все у нихъ славно хорошо!..“ Одна у него радость была—земля эта... Въ Сибири дѣло-то было; прислали ссыльнаго, ученаго... съ книгами, съ плантами онъ, ученый-то, и со всякими штуками... Человѣкъ и говоритъ ученому: „покажи ты мнѣ, сдѣлай милость, гдѣ лежитъ праведная земля и какъ туда дорога?“ Сейчасъ это ученый книги раскрылъ, планты разложилъ... глядѣлъ-глядѣлъ — нѣтъ нигдѣ праведной земли! Все вѣрно, всѣ земли показаны, а праведной— нѣтъ!.. Человѣкъ не вѣритъ... „Должна, говоритъ, быть... Ищи лучше! А то, говоритъ, книги и планты твои ни къ чему, ежели праведной земли нѣтъ“... Ученый — въ обиду: „Мои, говоритъ, планты самые вѣрные, а праведной земли вовсе нигдѣ нѣтъ“. Ну, тутъ и человѣкъ разсердился: „какъ такъ? жилъ-жилъ, тер-

пѣлъ-терпѣлъ и все вѣрилъ—есть, а по плантамъ выходитъ—нѣту! Грабежъ!..“ И говоритъ онъ ученому: „Ахъ ты... сволочь эдакой! Подлецъ ты, а не ученый!..“ Да въ ухо ему—разъ! Да еще!.. А послѣ того пошелъ домой и удавился!..

— Н-нда... Вотъ те и праведная земля... не оказалось, значитъ.—

Мѣсто это въ пьесѣ Горькаго можно признать лучшимъ. Оно оставляетъ въ зрителѣ неизгладимое впечатлѣніе. Однако Горькій не рѣшился вывести на сцену самого „чудака“, искателя „праведной земли“. Онъ оповѣстилъ лишь устами Луки о существованіи на Руси такого типа. Въ этомъ фактѣ нельзя не усмотрѣть значительной доли художественнаго чутья у автора „На днѣ“.

Какъ художникъ, творившій въ эпоху скрытаго наростанія народныхъ силъ, трубившій, подобно древнимъ баянамъ, что „на святой Руси пѣтухи поютъ“, Горькій подмѣтилъ, конечно, бродившую въ народныхъ глубинахъ идею. Устами Луки онъ вынесъ ее на свѣтъ, но, какъ бытописатель дна городской жизни, не могъ воплотить ее болѣе реально. И дѣйствительно, искателю праведной земли незачѣмъ было спускаться „на дно“. Въ крайнемъ случаѣ тамъ возможно было лишь услышать о немъ отъ такого „безпаспортнаго“ проходимца какъ Лука. Даже самъ-то Лука попалъ „на дно“ случайно, мимоходомъ. Пришелъ невѣсть откуда, ушелъ неизвѣстно куда...

Такой „чудакъ“, который не вѣритъ ни въ „планты“, ни въ „резоны“; туманно отмѣченный перомъ художника, проживалъ, какъ реальная величина, не „на днѣ“ и не въ Сибири даже, а гораздо ближе, въ глубинахъ до-революціонной русской деревни, бокъ-о-бокъ съ пробуждавшимся „дномъ“, въ сосѣдствѣ съ восторженно шествовавшимъ къ воплощенію давнихъ мечтаній интеллигентомъ. Здѣсь этотъ „чудакъ“ созрѣвалъ, бродилъ одиноко въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ—и отсюда, въ пору общаго подъема, вышелъ на арену исторіи, не понимающій иного міра, кромѣ крестьянскаго, не вѣрующій ни въ „планты“, ни въ „резоны“, самобытный, идеалистически-наивный. Общеизвѣстно, чѣмъ окончился этотъ „выходъ“. „Планты“ и „резоны“ оказались чуть ли не жестче крѣпостныхъ батоговъ. Если „чудакъ“ не понималъ ничего, кромѣ мужицкой нужды, то его-то самого раскусили скоро.

Онъ не только не нашелъ „праведной земли“, но не сподобился даже, подобно Моисею, полюбоваться на нее издали, съ библейской горы Нево.

Загнанный обратно въ родныя потемки, искатель „праведной земли“ частью погибъ лютой смертью, частью же изнываетъ въ безвыходной тоскѣ, подобно Щедринскому „Барану Непомнящему“.

Можетъ быть, рано еще говорить всю правду о представителяхъ этого своеобразнаго русскаго типа—типа искателя „праведной земли“; можетъ быть, не время еще называть поименно тѣхъ, кто шелъ „дѣлать исторію“, вооружившись лишь пламенной вѣрой въ „праведную землю“. Вѣдь безпристрастный историкъ не произвелъ еще точной расцѣнки событіямъ, и самыя событія такъ свѣжи въ памяти, что не поддаются объективному сужденію... Но пусть всѣ эти сомнѣнія касаются живыхъ. „Мертвые же срама не имутъ“, и ихъ имена пора вплести, какъ необходимую принадлежность, въ сѣть той полосы русской жизни, которую они окрасили въ особый идеалистически-наивный цвѣтъ.

Вотъ передъ нами образъ одного изъ такихъ искателей „праведной земли“—крестьянина девятьсотъ-пятаго года, Ивана Максимовича Игошина, настигнутаго безвременной смертью за холодной рѣшеткой современной тюрьмы. Типичный русакъ, съ кроткими свѣтлыми глазами, окладистой свѣтло-рыжей бородой; говоритъ, также какъ и Горьковскій Лука, на „о“. Лицо, какъ полагается быть чисто-русскому лицу, чуть-чуть рябоватое; весь обликъ у мужика жизнерадостный, не унывающій. Такъ и видно, что нашелъ человѣкъ главную пружину жизни. Вспоминаешь о немъ, а въ ушахъ уже звучатъ кроткія мужицкія рѣчи; добродушный, чуть-чуть сиповатый тенорокъ поетъ:

— Слава тебѣ, Господи! И наши мужички начали, по малости, умомъ шевелить. Дождемся, Богъ дастъ, и мы свѣтлыхъ денечковъ!.. Я къ тебѣ за уважечкой: сдѣлай милость, не откажи пріѣхать...

— Что тамъ у васъ?

— Да ужъ извѣстное дѣло, взгомонился народъ насчетъ правовъ... объ землѣ всё...

— Не знаю, право!—сомнѣваешься бывало.—Какъ бы что не вышло...

— А ты безъ сумленьевъ. Вотъ какъ слушать будутъ—въ церкву никто не пойдетъ, а тебя почтутъ!.. Не оставь безъ вниманья!

Говоритъ, а въ словахъ такъ и дышетъ вѣра въ грядущее мужицкое счастье: „Чтобы, значитъ, все какъ слѣдуетъ быть, по Божьи... И землицы чтобъ всѣмъ вдоволь, шевели только спиной

да покрякивай... И подати чтобъ платить безъ натуги... И начальства бъ поменьше... только на случай: отъ воровъ тамъ, аль для параду“...

Благодаря своей почти экзальтированной вѣрѣ, яркой, послѣдовательно выраженной мужицкой психологіи, Игошинъ послѣднія шесть-семь лѣтъ своей жизни употребилъ исключительно на поиски „праведной земли“, „правды крестьянской“—и на лишенія, неизбѣжно связанныя съ такого рода дѣятельностью. При этомъ не лишнимъ будетъ отмѣтить, что ушелъ онъ въ свои искательства не въ молодомъ возрастѣ; ему было далеко за тридцать, когда, по мужицкому выраженію, его „замстило“. И по своему имущественному состоянію онъ былъ къ этому времени крестьяниномъ далеко не бѣднымъ. Кромѣ земледѣлія, занимался торговлей, держалъ довольно бойкую сельскую лавочку. Еслибы мы захотѣли заглянуть въ болѣе раннюю пору жизни Ивана Максимовича и поискать біографическихъ данныхъ для опредѣленія, хотя бы по намекамъ, тѣхъ причинъ личнаго свойства, которыя могли бы содѣйствовать столь рѣшительному выступленію мужика на путь общественно-соціальныхъ скитаній—то едва-ли бы встрѣтились съ чѣмъ-нибудь оригинальнымъ, чисто Игошинскимъ. Въ этой области мы натолкнемся, правда, на кое-что интересное, но это интересное типично не для одного Игошина, а почти что для всякаго деревенскаго грамотея. И поэтому, говоря объ Игошинѣ, мы, волей-неволей, должны будемъ заняться не столько его личными, индивидуальными переживаніями, сколько характеристикой того общаго фона, на которомъ зрѣли и создавались эти переживанія. Да, пожалуй, это надо отнести не къ одной только ранней порѣ жизни мужика. Вѣдь искать въ мужикѣ ярко выраженной индивидуальности—значитъ ничего о немъ не сказать. По своей природѣ земледѣльца мужикъ не индивидуаленъ, а скорѣе стаденъ.

Какъ водится, родился Игошинъ въ бѣдной крестьянской семьѣ и, когда сталъ подростать, научился, съ грѣхомъ пополамъ, грамотѣ. Научившись читать, пристрастился „къ разнаго рода книжкамъ“, за что „былъ угнетаемъ старшими“, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, чтеніе книгъ отрываетъ отъ работы. Въ юношескомъ возрастѣ помогалъ псаломщику въ церкви: читалъ часы и шестопсалміе, пѣлъ, подавалъ попу кадило, ходилъ въ „богоносцахъ“ и т. д. Въ это время читалъ всякія книги церковной и гражданской печати. „Подъ вліяніемъ чтенія началось у меня—не разъ говаривалъ Игошинъ—пробуждаться желаніе жить хорошей жизнью, по-Божьи... Я старательно работалъ, не пилъ вина, не игралъ ни въ карты, ни въ орлянку“... Но бѣдность

и нужда крестьянская никакъ не хотѣли покинуть пробивающуюся юную жизнь. Въ головѣ роились предположенія, сомнѣнья, догадки. И одна неотступная мысль сверлила мозгъ своей неизбѣжностью: „Сталъ я допытываться: отчего это такъ: живу по хорошему, бьюсь-выбиваюсь, а толку нѣтъ. Я—себѣ, нужда—себѣ?..“ Люди говорятъ: „Богъ наказываетъ“.—„За что? въ чемъ согрѣшилъ я? Думалъ, думалъ, — совѣсть моя чиста... И порѣшилъ: „Есть что-нибудь неладное, да не во мнѣ... И подвернись, братецъ ты мой, книжонка!..“

„Книжонка“ всегда и вездѣ почти играла въ подобныхъ случаяхъ роль электрическаго прожектора въ темную ночь. Все темно, темно, а тутъ — на-поди! Вдругъ да осіяетъ. Мнѣ неизвѣстно, какая именно „книжонка“ подвернулась именно Ивану Максимовичу Игошину, но въ рядѣ крестьянскихъ автобіографій „книжонки“ эти именуются съ особой, тщательной нѣжностью. Одинъ, напримѣръ, разсказываетъ, что такой „книжонкой“ для него была извѣстная „Гигіена“ доктора Реклама. Какъ могла „осіять“ подобная книга, онъ не сможетъ сказать.

— Кто ее знаетъ? Есть въ ней что-то такое вразумляющее. Какъ только прочиталъ, такъ и понялъ, что къ чему: и насчетъ земли, и насчетъ правовъ.

Для иныхъ такими книжонками-прожекторами служили: „Элементарная геологія“, „Исторія культуры“, „Общедоступная астрономія“ и даже обыкновенный „Народный календарь“. Большею частью подобными „книжонками“ являлись нелегальныя брошюры, получившія въ предшествовавшее девятьсотъ-пятому году десятилѣтіе значительное распространеніе въ деревнѣ.

Было бы странно, разумѣется, искать причину „осіянія“ только въ „книжонкахъ“, хотя бы и нелегальныхъ. „Книжонки“ здѣсь играли, скорѣе всего, роль того скромнаго кренделя, которымъ мужикъ изъ басни наѣлся досыта послѣ десятка поглощенныхъ съ голодной жадностью калачей.

— Крендель для нашего брата, мужика, куда будетъ способнѣе, не чета калачу. Вотъ я, къ примѣру, страсть былъ голодный... Купилъ калачъ, съѣлъ—не наѣлся; другой съѣлъ—не наѣлся... Третій, пятый, десятый... всетаки жрать охота!.. А ка-акъ, братъ ты мой любезный, взялъ, опосля этого, кренделекъ, съѣлъ—сразу сытёхонекъ!..

Такимъ же „сытёхонькимъ“ оказывался любознательный крестьянскій умъ, когда, послѣ нудныхъ самобытныхъ поисковъ „правды“, всегда туманной и образно-загадочной, наталкивался на „книжонку“, формулировавшую его собственныя мысли.

Во второй очереди послѣ „книжонки“, въ смыслѣ вліянія на предрасположеннаго къ искательству мужика, стоитъ „такой человѣкъ, который до всего дошелъ, во всемъ извѣстный“. Роль такого человѣка“ въ судьбѣ людей, подобныхъ Игошину, бывала всегда крупнѣй и ярче роли „книжонокъ“. „Книжонка“, написанная не по поводу того или иного волнующаго мужицкое сердце вопроса и зачастую не любезнымъ ему образно-мистическимъ языкомъ, лишь наталкивала на критику, подсказывала искомую „правду“, иногда разъясняла,—а „такой человѣкъ“ будилъ еще и творческія стремленія, окрылялъ, зажигалъ, развертывалъ перспективы... Понятна, поэтому, та постоянная тоска ищущаго деревенскаго люда по „такомъ человѣкѣ, который до всего дошлый“. Тоска эта была сильна въ до-революціонной деревнѣ; не унялась она и теперь. Было бы ошибочно думать, что подъ именемъ „такого человѣка“ я разумѣю тотъ типъ „летучаго агитатора“, который ринулся въ деревню въ 1905—06-мъ годахъ. Нѣтъ. Рѣчь идетъ о той порѣ, когда „увлекающаяся“ интеллигенція смотрѣла на мужика по меньшей мѣрѣ по-Базаровски, какъ на „таинственнаго незнакомца“, а самъ мужикъ склоненъ былъ отвѣчать тѣмъ же:

„— Извѣстно, баринъ; развѣ онъ что понимаетъ!“

„Такой человѣкъ“ долженъ былъ „понимать“. А понимать-таки было что еще задолго до 1905-го года. Взять хотя бы образно-туманный языкъ или, скорѣе, жаргонъ, который вырабатывался въ ожиданіи будущаго „вотъ ужо“... Вѣдь бродившія въ крестьянскихъ глубинахъ идеи имѣли свое воплощеніе, свои образы, подобія, словомъ—свой особый жаргонъ. Посмотрите, какой богатый и упорный языкъ выработала съ годами западная соціалъ-демократія. „Марксистскій жаргонъ“—это вещь не всегда и не во всемъ понятная обыкновенному, непосвященному человѣку, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—одно изъ числа тѣхъ сухожилій, которыя стягиваютъ въ одинъ цѣльный организмъ пролетарскіе элементы всего міра. Нѣчто подобное существовало и среди русскаго крестьянства. Если, напримѣръ, изъ какой-нибудь деревни Пролейки расходится по окрестнымъ деревнямъ нелѣпая легенда о какомъ-нибудь „чудѣ“, „старцѣ“, „знаменьѣ“ и т. д., то никто изъ взрослыхъ мужиковъ или даже бабъ не повѣритъ ей прямо, какъ реальному событію. Услышитъ и скажетъ:

— Пустое болтаютъ!

Однако-же легенда растетъ и распространяется именно среди взрослаго населенія. Ее выслушиваютъ, передаютъ дальше со всѣми подробностями, нюансами, варіантами.

— Слыхалъ, какая диковинная оказія въ Пролейкѣ-то вышла надысь?—спрашиваетъ одинъ толстобородый другого, а самъ уже ухмыляется въ нечесаный усъ. Если тотъ еще не слыхалъ, то разсказчикъ захохочетъ отъ смутнаго предвкушенія, обрадуется:

— Какъ же, голова!.. Ха-ха!.. Робеночка, значится, крестили, новорожденнаго. Попъ-отъ его въ купель—разъ! „Во имя отца"... Онъ, братецъ ты мой любезный, сразу выросъ на двѣ четверти... Попъ—вдругорядь!—Онъ на аршинъ возросъ на цѣлый... молоденчикъ-отъ. А при третьемъ-ти разѣ,—не робенокъ зеленый, а прямо такъ-таки отрокъ стоитъ... Чуть инда-ль не съ крестнаго...

— Болтаютъ!—скептически машетъ рукой слушатель:—чай, поди, бабы?..

— Знамо, бабы! — соглашается и разсказчикъ. Но съ неменьшимъ жаромъ доканчиваетъ:

— Попъ, знамо дѣло, испугался! „Это, говоритъ, что тако за чудо? Господи Сусе"!.. А робенокъ—ему: „Постой, батюшка, это еще какое чудо!.. Вотъ ужо-тка... Ну, будетъ чудо!.. чудо впереди". И слушатель, и разсказчикъ смѣются:

— Вы-ыдумщики!..

— Выдумщики и есть.

Смотришь, потомъ замолчали оба. Заговорили о хозяйственныхъ дѣлахъ, о погодѣ, о базарѣ, о чемъ угодно. Нелѣпая легенда искренно забыта обоими. И вдругъ срывается у котораго нибудь:

— Н-да, видно ужъ недолго...

— Три-то годка промаемся...

А потомъ помолчатъ и заговорятъ еще болѣе неожиданно и оживленно:

— Да вить и то надо сказать: какъ только они въ терпѣньѣ, эти самы Пролейскіе?... Зар-рѣзъ!

— Да и земля-то, сказываютъ, съ испоконъ вѣковъ ихняя была... Завладалъ прямо вотъ за непоюшку... Старики помнятъ... На памяти дѣло-то было...

Еслибы близкій къ народу интеллигентный наблюдатель попытался втолковать обоимъ толстобородымъ собесѣдникамъ, что между легендой о пролейскомъ новорожденномъ младенцѣ и концомъ ихъ разговора на тему „зарѣзъ", „земля ихняя" и т. д.—существуетъ неотъемлемая связь, что „новорожденный" есть не что иное, какъ символъ, художественное воплощеніе давней мечты пролейцевъ о „праведной землѣ",—то, я убѣжденъ, оба толстобородыхъ не скоро бы сдались... Они бы увѣряли, что „бабьи

сказки о робеночкѣ“ ничѣмъ не связаны съ земельной нуждой. Но самъ-то наблюдатель могъ бы сдѣлать еще болѣе широкія обобщенія изъ сопоставленія глупой легенды съ болѣе крупными явленіями общественно-бытового порядка. Пройдетъ три-четыре мѣсяца. Пролейская легенда совсѣмъ испарилась изъ народной памяти. Ее замѣнили десятки другихъ не менѣе нелѣпыхъ и дикихъ выдумокъ съ вплетенными въ нихъ Карповками, Горѣловками, Ивановками и т. д. Попробуйте тогда снова заговорить съ тѣми же толстобородыми о Пролейкѣ и пролейцахъ:

— А что, не слыхать было: какъ пролейскій народъ, не въ черной сотнѣ?

— Пролейскій?

— Да.

— Ху, скажетъ тоже! Отколь яму быть въ черной-то сотнѣ?.. Нѣтъ, оборони Господи... Народъ тамъ хорошій: всѣ свои, чай, какъ одинъ будутъ стоять...

— Что-жъ, ты знаешь кого тамъ изъ своихъ-то?..

— Изъ своихъ-то?.. Да нѣтъ, напрямки такъ-таки никого не знаю, ну а только тамъ всѣ наши...

— Почему же ты знаешь?

— Ху, чудакъ человѣкъ, чай слухомъ расходится... Оно ужъ, гдѣ што ведется, доподлинно извѣстно... Хорошій народъ въ Пролейкѣ... Про Алексѣвку ужъ этого не скажешь: безпешный народъ, сидятъ, какъ кроты въ котлѣ, и ни слуху объ нихъ ни духу...

Если при разговорѣ „прислушивается“ баба, то она не преминетъ вступиться за то, что и про Алексѣвку слава идетъ только худая:

— Сказывали, ходилъ тамъ по загумкамъ намеднись монахъ... монахъ — не монахъ, а черный весь, что арабъ... и все сѣялъ чего-то, все сѣялъ... Старикъ съ выселковъ идетъ мимо, спросилъ:

— Чего-й-то ты, отецъ, сѣешь?

— А вотъ,—слышь,—чертополохъ.

— Для че?..

— Онъ и пропалъ пропадомъ, монахъ-отъ...

Мужики „цикнутъ“ на бабу, баба замолчитъ, а тамъ, смотришь, изъ ряда легендъ о „робеночкахъ“ и „монахахъ“ вырисовывается физіономія Пролеекъ и Лексѣвокъ, выясняется готовность тѣхъ и другихъ „постоять за права“, за „слободную землю“ и т. д.

Приведенный примѣръ—лишь маленькая черточка изъ тысячи

разнообразныхъ чертъ, сплетающихъ деревенскую психологію, опирающуюся, какъ извѣстно, на всю полноту законовъ земледѣльческаго труда, на „власть земли", съ ея лицомъ и подоплекой, съ ея буднями и праздниками, радостями и горестями. „Такой человѣкъ" долженъ знать эту психологію, понимать ее. И именно понимать, такъ какъ, вслѣдствіе своего болѣе развитого интеллекта, онъ не можетъ удовольствоваться одними смутными, неосознанными ощущеньями, удовлетворяющими простого человѣка.

Но кромѣ знанія народной психологіи, народнаго языка, кромѣ пониманія подоплеки народнаго творчества, всегда символическаго и туманнаго, „такой человѣкъ" долженъ обладать еще и запасомъ тѣхъ знаній, которыя составляютъ достояніе культурныхъ слоевъ человѣчества. Необходимо это потому, что „такому человѣку" самой его жизненной ролью предназначено учительство и даже воспитательство. Направляя народную волю на путь искательства „праведной земли", „правовъ" и „всеобщаго счастья", направляя къ этому стремленья лучшихъ представителей деревни, нельзя, разумѣется, оставлять въ сторонѣ и того, до чего дознался человѣческій геній: приходится учить, или, какъ дразнились одно время интеллигентскіе круги—„культурничать".

Не мудрено, что такой, желательный для деревни, человѣкъ бывалъ въ рѣдкость.

И даже наша художественная литература, всегда чуткая къ подобнаго рода явленіямъ, на сколько помнится не дала до сихъ поръ подходящихъ типовъ „такого человѣка". Кромѣ Тургеневскаго Соломина изъ „Нови", я, по крайней мѣрѣ, не помню ни одного имени. Были подобные типы въ дѣйствительной жизни, но имена ихъ большой публикѣ неизвѣстны, хотя, надо полагать, для исторіи они не пропадутъ безслѣдно, такъ какъ благодарный народъ умѣетъ хранить о нихъ добрую память. Назову для примѣра хотя бы одного покойнаго Агринскаго. Высокій курганъ на его могилѣ возвышается въ Аткарскихъ степяхъ, подобно кургану Шевченки надъ Днѣпромъ. „Народная тропа" къ нему „не заросла". О грандіозныхъ похоронахъ этого народнаго любимца, котораго духовенство отказалось отпѣвать, а тысячи сѣраго люда провожали собравшись чуть ли не за сотни верстъ — до сихъ поръ разсказываются былины и сказанья... А вѣдь Агринскій былъ не кто иной, какъ саратовскій помѣщикъ. Не помѣщикъ-филантропъ, какихъ губернія знавала немало и имена которыхъ, несмотря на даровую раздачу ихъ земель крестьянамъ, всетаки исчезли изъ народной памяти. Нѣтъ, онъ былъ просто деревенскій интеллигентъ, знавшій мужика, какъ самого себя,

жившій съ народомъ бокъ-о-бокъ, какъ гражданинъ съ гражданами. Немало молодыхъ мужиковъ типа Игошина получили прозрѣніе благодаря знакомству съ Агринскимъ. Но, какъ сказано выше, Агринскіе были рѣдки въ деревнѣ, а она жаждала ихъ, искала... и часто замѣняла суррогатами. Кто мало-мальски знакомъ съ жизнью пчелъ, тому должно быть извѣстно, что семья, потерявшая матку, сильно тоскуетъ, убивается; вечернее гудѣнье такого улья напоминаетъ жалобныя завыванья по покойникѣ. Если пчеловодъ, неопытный или нерадивый, не дастъ осиротѣвшей семьѣ новой матки, то нѣкоторыя изъ рабочихъ пчелъ, преимущественно старыя и отличающіяся развитымъ, сравнительно, брюшкомъ, начинаютъ класть яйца вмѣсто матки. Такихъ пчелъ называютъ трутовками, ибо изъ ихъ неоплодотворенныхъ яицъ выводятся не пчелы, а мелкіе трутни. Пчеловоды не любятъ трутовокъ; опытные изъ нихъ умѣютъ ихъ отличить отъ рядовыхъ пчелъ, такъ какъ у трутовки — говорятъ они — „совѣсть не чиста, суетлива она некстати“. Такъ говорятъ пчеловоды, понимающіе гибельную для семьи работу ретивой пчелы. Но еслибы мы захотѣли стать на точку зрѣнія самихъ пчелъ, то роль трутовки далжна бы быть возведена нами на высшую степень геройства: вѣдь она, взявшись за несвойственное ей дѣло, чужое и для нея вредное, ни больше, ни меньше какъ спасаетъ отъ неминуемой гибели всю многочисленную колонію; она вѣдь не подозрѣваетъ о своемъ печальномъ свойствѣ—плодить однихъ трутней, вмѣсто рабочихъ пчелъ!.. Трутовка—несомнѣнный пчелиный герой. Нѣчто подобное этому бываетъ и въ крестьянской средѣ. Людей, которымъ можно было бы вполнѣ довѣриться, за которыми можно было бы идти, какъ слѣпому за опытнымъ и надежнымъ поводыремъ,—такихъ людей въ деревнѣ, какъ мы говорили, мало... Даже ихъ совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ, по условіямъ русской государственности, ихъ чаще сажаютъ въ тюрьму, чѣмъ за деревенскій праздничный столъ. И вотъ, тѣ изъ мужиковъ, которые чуть-чуть хлебнули мудрости, которыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ „осіяло“ — волей-неволей начинаютъ замѣщать вакантныя мѣста руководителей и учителей народныхъ массъ. Они — мученики своего долга, двойные мученики, въ квадратѣ и даже въ кубѣ. Мучитъ ихъ то, что они уже сознали свои права, но не въ силахъ пользоваться ими. Еще больше мучитъ собственная неопытность, неподготовленность къ возложеннымъ на себя обязанностямъ: учи не зная чему, руководи не зная какъ — вотъ положеніе!

Вернувшись снова къ личности Игошина, мы видимъ, что въ такое именно положеніе былъ поставленъ и онъ въ началѣ своей общественной дѣятельности. Только недюжинный умъ и упорная, хотя и фантазирующая воля помогли ему пройти болѣе или менѣе удачно весь тернистый путь общественнаго дѣятеля-самоучки, дѣятеля-страдальца. Послѣ того, какъ его „осіяло" отъ прочитанной случайной „книжонки", послѣ того, какъ ему довелось два-три раза побесѣдовать съ „такимъ человѣкомъ, который до всего дошлый",—судьба двинула Игошина впередъ, поставила во главѣ крестьянскаго движенія значительнаго района. Вышло все это чрезвычайно просто и вмѣстѣ съ тѣмъ неумолимо послѣдовательно: разразилась русско-японская война, деревня всколыхнулась, потянулась къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, выросла необходимость въ газетѣ, въ политическихъ разговорахъ. Игошинъ былъ грамотенъ и любознателенъ, по натурѣ привѣтливъ, и у него же была лавочка—обычное мѣсто для сельскихъ сборищъ. И чего-чего только не переговорили, не передумали здѣсь мужики въ досужіе зимніе вечера!

— Вотъ пошло наше царство войной на какого-то японца... Зазнался, слышь, оченно... норовистъ...

— Что-то будетъ?—вздыхаетъ тотъ, у кого сынъ въ солдатахъ.

— Чему быть?.. Супротивъ русской силы никто не устоитъ... безпремѣнно наша возьметъ...

— А тады манифестъ: земля отойдетъ отъ господъ... на волю.

— Далъ бы Господь...

И начинается усиленное ожиданіе побѣды, съ ея „неизбѣжнымъ" результатомъ—землей...

Ожиданіе „вольной земли" было своего рода маніей, чуть ли не болѣзнью того времени. Всѣ явленія жизни, какого бы порядка они ни были, толковались и понимались только въ связи съ землей, а война—и подавно. Думали даже и такъ:

— Вотъ, дастъ Богъ, завоюютъ наши „Зеленый клинъ китайскій" и пустятъ народъ на вольное переселенье...

Но съ войны шли дурныя вѣсти: народу гибло пропасть, нашихъ били, гнали назадъ къ русской границѣ... Наряду съ этимъ внутри страны становилось безпокойно. Въ городахъ наростали кадры людей, которые стали ломать установившіяся искони традиціи. Людей этихъ деревня прозвала сначала „студентами"; потомъ слово „студентъ" замѣнилось словомъ „забастовщикъ". Чѣмъ больше ширились событія въ городахъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ слѣдила за ними деревня—и, слѣдя,

связывала ихъ, разумѣется, со своей завѣтной думой о „праведной“ землѣ.

Полный неуспѣхъ въ борьбѣ внѣшней и, наряду съ этимъ, ростъ борьбы внутренней заставили мужика оглянуться вокругъ себя, внесли въ его крылатыя мечтанья значительную долю реализма... Раньше онъ думалъ о Сибири, рисуя ее себѣ въ розовыхъ краскахъ. Бурлаки, возвратившіеся съ отхожихъ промысловъ, хвалили Кавказъ и Туркестанъ—онъ мечталъ о Кавказѣ и Туркестанѣ. Пошли передъ войной слухи о „Зеленомъ китайскомъ клинѣ“—онъ не прочь былъ пофантазировать и насчетъ „Зеленаго клина“. Разговоры о сосѣднихъ помѣстьяхъ заходили лишь въ той мѣрѣ, въ какой живы были преданья о незаконности владѣнья, о захватахъ, сдѣланныхъ на памяти у стариковъ. Все это измѣнилось съ ростомъ революціоннаго движенія въ городахъ. Прислушавшись къ городскому движенью, широкая масса крестьянства стала помышлять о сосѣднихъ помѣстьяхъ... У насъ часто винятъ въ этомъ такъ-называемыхъ „агитаторовъ“. Среди помѣщиковъ средней черноземной полосы, куда входитъ Саратовская губернія, господствуетъ убѣжденіе, что только подъ вліяніемъ народнической интеллигенціи, въ лицѣ ея крайнихъ представителей, крестьянскія массы протянули руку за помѣщичьимъ добромъ. Глазами помѣщиковъ смотритъ на это дѣло и правительство. Даже судебныя учрежденія, поскольку попадали въ ихъ руки такъ-называемыя „аграрныя дѣла“, всегда отличали интеллигентовъ отъ крестьянъ. Въ то время, когда послѣдніе отдѣлывались годомъ-двумя тюрьмы за активное нарушеніе права частной собственности,—интеллигентъ шелъ въ каторгу или на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ, за „подстрекательство“, т.-е. за пропаганду революціонныхъ идей.

На самомъ дѣлѣ было нѣчто иное. Революціонная интеллигенція до „дней свободы“ не входила въ соприкосновеніе съ крестьянскими массами. Она имѣла дѣло лишь съ единицами, и единицъ этихъ не такъ-то ужъ было много. Вотъ тѣ цифровыя свѣдѣнія, которыя сохранились у меня въ памяти. Они относятся къ первой половинѣ 1905-го года, т.-е. къ той самой порѣ, которая непосредственно предшествовала „аграрнымъ безпорядкамъ“. Въ Саратовскомъ уѣздѣ, связанномъ съ губернскимъ городомъ нитями повседневныхъ сношеній, насчитывается 210 болѣе или менѣе крупныхъ селеній. Однако только въ тридцати изъ нихъ революціонная интеллигенція знала „своихъ людей“, черезъ посредство которыхъ распространяла нелегальную литературу обѣихъ соціалистическихъ партій, иногда посылала разъѣзд-

ныхъ агитаторовъ. Въ ряду этихъ „своихъ людей“ чистыхъ крестьянъ, землепашцевъ можно было насчитать 7—8 человѣкъ, по крайней мѣрѣ такихъ, къ которымъ разъѣздные агитаторы изъ города могли адресоваться непосредственно. Остальные всѣ были сельскіе интеллигенты: помѣщики, управляющіе, врачи, учителя, сидѣльцы винныхъ лавокъ, писаря, псаломщики, студенты, семинаристы, ученики сельскохозяйственныхъ школъ и т. д. Въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ наиболѣе интенсивны были безпорядки, насчитывается 300 селеній. Изъ нихъ только въ 18—20 велась революціонная пропаганда, тоже черезъ посредство „своихъ людей“; при этомъ добрыхъ три четверти этихъ селеній находились внѣ района аграрныхъ безпорядковъ. Въ Петровскомъ уѣздѣ изъ общаго числа 280 селеній только въ 21-мъ были такъ-называемыя „крестьянскія братства“ партіи с.-р., имѣвшія, въ среднемъ, по 8—10 членовъ. Приблизительно такъ же обстояло дѣло и въ Балашовскомъ уѣздѣ. Что касается прочихъ уѣздовъ губерніи, то въ нихъ можно было лишь случайно набрести на одинъ-два „революціонныхъ“ пункта. Если и пошла саратовская деревня массой навстрѣчу пропагандистскому шествію городской интеллигенціи, то уже послѣ аграрныхъ волненій: въ „дни свободы“ и во времена первой Думы.

Такимъ образомъ, взволнованная всѣмъ ходомъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій, не распропагандированная, а лишь заинтригованная обрывками долетавшихъ до нея революціонно-соціалистическихъ идей, руководимая доморощенными вожаками, въ родѣ Игошина, деревня волновалась, прибѣгала къ исконнымъ „своимъ средствіямъ“, стихійно поднимала голову. И чѣмъ напряженнѣе, бурнѣе все это шло, тѣмъ труднѣе приходилось передовому мужику, руководителю. Не разъ приходилось слышать жалобы такого рода:

— Тебѣ хорошо указы давать. Пріѣхалъ на день, скажемъ, надавалъ совѣтовъ разныхъ: „жечь господъ не могите, потому — это вамъ же во вредъ; лѣсъ рубить тоже не могите, сноповъ не увозите... все это, — слышь ты, — воровство, а не революція“... Этто все такъ, а поди-ка-сь, совладай съ парнями нашими „сознательными“...

— А что?

— Что? Они такъ разсуждаютъ. Ежели, къ примѣру, попался, скажемъ, человѣкъ на поджогѣ, — про лѣсъ аль про потраву и толковать нечего, — то онъ простой уголовный... Судъ да дѣло... На поруки выйдетъ, дома живетъ покудова, а тамъ дадутъ годъ какой, а то и того меньше... А ну-ко попадись на

забастовкѣ? Сейчасъ тебѣ жандаръ прискачетъ, въ каменный мѣшокъ безъ суда, безъ слѣдствія—да въ Сибирь на три года... Толкуй тамъ, что, молъ, „административно“... Все равно дома не работникъ, все одно: ссылка—она ссылка и есть... Ты гляди,—за грамотку пустую аль за слово одно по году въ острогѣ морятъ... пре—два—ри—тельно... Отъ этого слаще тюрьма-то?..

И дѣйствительно, стоило только заглянуть въ хронику судебныхъ процессовъ и административныхъ ссылокъ, сопоставить результаты тѣхъ и другихъ, какъ становилось ясно, что мужики обдуманно избирали для себя изъ многихъ золъ наименьшее. Мужики дѣйствовали вопреки всякимъ уговорамъ своихъ руководителей. Руководителямъ все время приходилось быть между двухъ огней. Съ одной стороны революціонныя организаціи предписывали бойкотъ и забастовку. Надо было выполнять эту „директиву“—иначе что же будетъ за организація? Съ другой стороны, само крестьянство не только шло на разгромы, но тащило за собой на это дѣло своихъ руководителей. Помню одинъ такой случай, разсказанный подъ живымъ впечатлѣніемъ самимъ „руководителемъ“, попавшимъ въ нелѣпое положеніе.

— На самую Кузьму-Демьяну (1 ноября), сплю этто ночью, слышу: стукъ-стукъ!..

— Кто тамъ, чего надобно?

— Запрягай проворнѣй!.. Ѣдемъ!..

Екнуло у меня сердце:

— Куда ѣдемъ, зачѣмъ?—спрашиваю, а самъ ужъ догадался: собрались наши „сознательные“. И—громить, потому кругомъ ужъ эта сама баталія шла. Говорю я имъ:

— Я не поѣду, и вамъ не совѣтую...

— А, — говоритъ, — такъ-то!.. Трусу повѣровалъ?.. Этто, видно, не языкомъ чесать!.. „Сла-бода“!—дразнится такъ на меня. Глянулъ я въ окно, вижу въ сумеркахъ-то обозъ здоровенный маячитъ: подводъ подъ тридцать. Куда дѣнусь?.. Ждутъ, галдятъ... Запрегъ, поѣхалъ. Ѣдемъ такъ тихо, молчимъ, будто на страшный судъ торопимся. Ни собака тебѣ гавкнетъ, ни лошадь заржетъ... Грязца только лишь похлюпываетъ... Пріѣхали. На барскомъ дворѣ, что въ могилѣ: тихо, темно. Что теперь дѣлать? Стали кругомъ около меня:

— Что теперича дѣлать?

Я молчу, чувствую, что не дѣло выходитъ у насъ, а сказать не рѣшаюсь: свои люди, съ каждымъ, можно сказать, безъ штанишекъ бѣгалъ, а теперь—не узнать... Сами не свои.

— Прикажи,—говоритъ одинъ,—сперва наперво свѣту подать, чтобы видно было...

— Что-жъ, говорю, подайте свѣту!—Обрадовались, кричатъ другъ дружкѣ:

— Подпаливай, ребята, ометы!

Подпалили ометы: стало свѣтло отъ пожарища. Опять ко мнѣ за приказомъ:

— Ломать что-ли замки-те?

— Ломайте...

Взломали у амбаровъ замки, принялись хлѣбъ насыпать, а парни молодые кинулись по усадьбѣ искать, гдѣ что плохо положено. И все тащатъ ко мнѣ: хомуты, ведра, музыку разную...

— Брать что-ли это?

Я говорю:

— Это бросьте, это возьмите...

Они такъ и дѣлаютъ. И до чего доходило? Тащитъ одинъ парень самоваръ ведерный.

— Возьмемъ что-ль?

Гляжу—добрая вещь, а самъ говорю, словно во снѣ будто:

— На кой лядъ тебѣ его?.. Ай самовара не видалъ сроду?..

Ка-акъ хлобыснетъ его объ камень — звенькнуло только... Другой дверь съ петель снялъ, волокетъ, пыхтитъ:

— Класть что-ли дверь-ту на возъ?..

Я не гляжу даже, говорю:

— Клади!—А на что „клади"... Эдакую махину: для церкви впору.

Онъ вваливатъ, кладетъ... И такъ всю ночь до ранняго утра, что дѣти малыя работаютъ, возятся, и все имъ приказъ отдай во всемъ...—

И вотъ, когда видишь рядъ подобныхъ картинъ, невольно начинаешь удивляться той колоссальной выдержкѣ, какую проявилъ Иванъ Максимовичъ Игошинъ въ роли крестьянскаго руководителя. Со времени объявленія войны до конца 1905-го года онъ былъ заваленъ работой: надо было удовлетворить непомѣрно народившуюся крестьянскую любознательность, а для этого учиться самому и учить другихъ. Онъ это дѣлалъ. Чуть ли не каждую недѣлю ѣздилъ въ Саратовъ за семьдесятъ верстъ, будто по дѣламъ своей торговли, доставалъ книги, газеты, разыскивалъ нужныхъ людей, разузнавалъ все, что надо было знать мужикамъ, иногда привозилъ „такихъ людей" къ себѣ въ волость: чайку попить, съ народомъ побесѣдовать...

Къ концу 1905-го года страсти разгорѣлись. Крупнѣйшая во-

всей округѣ экономія Д. представляла большой соблазнъ для отчаянныхъ головъ деревни. Плотнымъ кольцомъ охватила она всю Больше-Дмитріевскую волость, руководимую Игошинымъ. Кругомъ жгли. Въ имѣніи г-жи Ч. на Карамышѣ пожары не прекращались съ 1904-го года, а это было рядомъ, въ десяти верстахъ. Неспокойно было и по Медвѣдицѣ, но б.-дмитріевцы держались въ строго обдуманныхъ рамкахъ. Игошина и нѣсколькихъ другихъ, выдвинутыхъ событіями мужиковъ слушались: молчали и ждали... Подошло горячее время, и во владѣньяхъ г. Д. разразилась совершенно мирная, но внушительная забастовка. За какихъ-нибудь два—три часа застопорилась вся жизнь имѣнья. Управляющій съ десяткомъ служащихъ безпомощно мечутся по имѣнью, не зная, какъ успокоить ревущую скотину, какъ охранить достояніе своего довѣрителя. Предположили, что крестьяне позволятъ себѣ всякія вольности.

Моментально вызванъ былъ изъ Саратова эскадронъ казаковъ, на всякій случай. Но казакамъ пришлось играть не роль усмирителей, а быть простыми штрейкбрехерами. Усмирять было некого. Крестьяне, предъявивъ необходимыя требованья стѣснившей ихъ до нельзя экономіи, держали себя корректно и мирно. Всѣ забастовавшіе странніе батраки получили у нихъ пріютъ и даровое содержаніе: ихъ развели по избамъ на постой, на очередную кормежку. Забастовка была выиграна крестьянами, и волость сплотилась еще тѣснѣе вокругъ своихъ руководителей.

Наступила осень со всѣми своими бурными страстями, наполненная чисто вулканическими неожиданностями. Позади была побѣда надъ исконнымъ поработителемъ, въ перспективѣ—Дума, рисовавшаяся въ самыхъ розовыхъ краскахъ; въ рукахъ—манифестъ 17 октября...

И странное дѣло: оффиціальный документъ, легализовавшій лозунги революціи, провозгласившій тѣ самыя слова, за одно произнесеніе которыхъ приходилось до того платить тюрьмой и ссылкой,—этотъ самый документъ, вмѣсто безмятежной радости, внесъ въ ряды революціи смутную тревогу...

Стало замѣтно, какъ на ряду съ здоровымъ ядромъ сельскаго населенія, искренно и горячо привѣтствовавшаго манифестъ, зашевелились подонки деревни. Началось загадочное ночное воровство; профессіональные пьяницы подняли неожиданно головы и заговорили о политикѣ, „о Богѣ и царѣ“, которыхъ вдругъ стало „не надо“, и т. д. Сельскія власти стали афишировать свое „безсиліе“ въ борьбѣ съ воровствомъ, съ дебоширствомъ пьяницъ... и даже, гдѣ-то на задворкахъ барскаго двора,

какіе-то невѣдомые „аграрники“ завладѣли гнилой барской соломой, увезли ее зачѣмъ-то въ село, а остатки зажгли и тѣмъ „вынудили“ администрацію имѣнья ходатайствовать о новой присылкѣ въ Большую-Дмитріевку казаковъ.

Выразители молодой деревни работали не покладая рукъ. Игошинъ совершенно забросилъ свою торговлю, свое хозяйство. Въ волости происходили одинъ за другимъ сходы; въ школахъ собирались толпы сѣрыхъ стариковъ послушать нынѣшнихъ разговоровъ; объединялась вся округа въ „крестьянскій союзъ“; надо было вездѣ быть, всюду поспѣть. На волостномъ сходѣ провели рядъ рѣшительныхъ постановленій противъ воровства и пьянства, установили ночные патрули съ очередныхъ дворовъ, избрали новаго старшину, новыхъ старостъ, изъ своихъ, надежныхъ. Священника, постоянно вздорившаго съ приходомъ и мѣшавшаго успокоенію, „честью“ попросили перевестись въ другое мѣсто. Подали сколько надо общественныхъ подводъ, помогли матушкѣ уложить весь духовный скарбъ, отвезли въ Саратовъ.

— Тамъ, батюшка, попросишь себѣ другой приходецъ: намъ ты не съ руки.

Въ началѣ декабря б.-дмитріевскіе созвали у себя громадный съѣздъ крестьянскихъ уполномоченныхъ отъ сосѣднихъ волостей трехъ уѣздовъ; въ половинѣ декабря принимали самое дѣятельное участіе въ съѣздѣ болѣе широкомъ, общегубернскомъ. Привѣтливый призракъ „праведной земли“ казался близкимъ, мечты—сбыточными... Но къ этому времени всѣ болѣе или менѣе острыя волненья были подавлены; казачья конница, въ избыткѣ доставленная въ губернію, могла быть двинута и на „лойяльныхъ бунтарей“...

Ночью передъ Рождествомъ Христовымъ у новаго старшины постучали подъ окномъ, тихонько такъ, подружески:

— Выдь-ка, кумъ, на часокъ,—парой словъ перекинуться!

Обулъ старшина валенки на босую ногу, накинулъ на плечи полушубокъ, вышелъ безъ шапки — только и видѣли его на селѣ...

За старшиной захватили такъ старосту, съ десятокъ видныхъ мужиковъ.

Игошинъ на этотъ разъ спасся отъ ареста, такъ какъ жилъ не въ волостномъ селѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ, на деревнѣ: предупрежденье дошло къ нему раньше набѣга. Оставшись на волѣ, Игошинъ жилъ всю зиму въ своей волости нелегально, и это „удовольствіе“ стоило мужику такихъ лишеній и тревогъ,

какія не всякому подъ силу перенести. Было ли отдано особое предписаніе объ арестованіи во что бы то ни стало этого смиреннѣйшаго изъ кроткихъ мужиковъ, или заговорило въ мѣстномъ приставѣ полицейское самолюбіе—неизвѣстно; только Игошинъ сдѣлался вдругъ предметомъ яраго спорта. Каждую ночь происходили облавы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только можно было предположить его пребыванье. Жену и дѣтей осадили, сосѣдей притянули къ дозору, искали, слѣдили, пускались на всевозможныя уловки—напрасно. Мужики просто и остроумно прятали Ивана Максимовича отъ полицейскаго глаза. Наконецъ приставъ прибѣгъ къ послѣднему средству: было объявлено, что тому, кто доставитъ Игошина живымъ или мертвымъ, дадутъ 600 рублей награды. Обѣщанье это усилило старанья сыска: пошли въ ходъ подпаиванья, подслушиванья, выпытыванья свѣдѣній отъ семилѣтнихъ ребятъ, новыя учащенныя облавы... Мужики не выдали.

Такъ прожилъ Игошинъ до конца февраля 1906-го года. Подошло время выборовъ въ Государственную Думу.

Полицейскія строгости не вытравили изъ мужицкой головы мечтаній о „праведной землицѣ". Вмѣстѣ съ выборами оттаяли прежнія думки:

— Господь не безъ милости!.. Авось дождемся отъ Думы разрѣшенья на землю... какъ-ни-какъ, а можетъ быть!..

Въ Большой-Дмитріевкѣ были приняты всѣ мѣры къ задержанію Игошина въ моментъ выборовъ. Но онъ былъ выбранъ заочно. Шаръ къ шару покатились всѣ бѣляки, всѣ направо... На уѣздныхъ выборахъ въ Аткарскѣ Игошина съумѣли-таки арестовать, но поздновато: онъ уже былъ избранъ передъ тѣмъ въ губернскіе выборщики отъ уѣзда.

Заволновались всѣ восемьдесятъ уполномоченныхъ отъ сорока волостей, сбѣжались къ уѣздной полиціи, прямо къ исправнику:

— Въ чемъ дѣло? За что посадили нашего выборнаго?.. Развѣ мы затѣмъ сюда посланы отъ народа, чтобы насъ по острогамъ сажали?

Должно-быть въ чиновной средѣ еще не было такого взгляда на народныхъ избранниковъ, какой установился потомъ. Исправникъ устыдился немного и поспѣшилъ войти съ мужиками въ соглашеніе:

— Онъ—исправникъ—довѣряетъ крестьянскому избраннику не меньше самихъ крестьянъ, такъ какъ Игошинъ нуженъ не ему, исправнику, а жандармскому управленію, то аткарская полиція напишетъ только рапортъ объ арестованіи Игошина и

отдастъ этотъ рапортъ ему на руки. Пусть, когда Игошинъ поѣдетъ въ Саратовъ на губернскіе выборы — зайдетъ къ жандармамъ, отдастъ бумагу, и вся недолга...

Такъ и сдѣлали.

Получилъ Иванъ Максимовичъ „секретную" бумагу на руки, расписался и поѣхалъ въ Саратовъ. А въ бумагѣ написано:

„Во исполненіе предписанія такого-то, при семъ препровождается арестованный аткарскимъ уѣзднымъ исправникомъ крестьянинъ д. Двоенки, Больше-Дмитріевской волости, Иванъ Максимовъ Игошинъ"...

Такъ была соблюдена „форма". Заполучивъ самоконвоированнаго арестанта, жандармы на этотъ разъ не были къ нему строги. „Предварительнаго" заключенія, „мѣръ пресѣченія" не потребовалось.

Игошинъ былъ отпущенъ для выполненія своихъ гражданскихъ обязанностей: выбирать депутатовъ въ первую Государственную Думу...

Званіе губернскаго выборщика дало бы несомнѣнно истрадавшейся душѣ Игошина то высоко-нравственное удовлетвореніе, въ которомъ онъ такъ нуждался, еслибы... еслибы не новыя терніи и на этомъ пути...

За все время освободительнаго движенія Игошинъ былъ близокъ къ лѣвымъ организаціямъ. Его считали своимъ „партійнымъ человѣкомъ" и „эс-дэки", и эс-эры", и „крестьянскій союзъ". Такая „межпартійная партійность" для городского человѣка можетъ показаться высшей степенью нелѣпости—въ деревнѣ же она была обычнымъ явленіемъ. Надо сказать, что въ саратовской деревнѣ въ періодъ освободительнаго движенія „работали" обѣ соціалистическія партіи. Правда, „работа" шла не съ одинаковымъ успѣхомъ, но и тѣ, и другіе съ равнымъ усердіемъ дискредитировали другъ друга въ глазахъ мужика: и все для того, чтобы получить наибольшее количество послѣдователей. Однако старанія внести въ деревню понятіе о партійной розни не дали сколько-нибудь ощутительныхъ результатовъ. Рознь просто не прививалась. Спросишь, бывало, какого-нибудь простодушнаго парня:

— Ну, знаешь разницу между эс-эрами и эс-дэками?

Тотъ гордо пріосанится:

— А какъ же?

— Въ чемъ же эта разница?

— Эсеры—это тѣ, что ходятъ въ городу съ краснымъ флагомъ, а эсдеки—съ синимъ!..

Таковъ отвѣтъ „малосознательнаго“. Подчасъ же и „болѣе сознательный“ разбирался въ этомъ скучнѣйшемъ для деревни вопросѣ не лучше:

— Ты, гришь, разница какая?.. Я вотъ, къ примѣру, буду эсдекъ!..

Такъ говоритъ почтенный бородатый мужикъ и, по всему видно, не шутитъ.

— Потому я какъ есть соціалъ-демократъ, къ примѣру-то я на все иду по закону: понадобилось, скажемъ къ примѣру дровецъ—иду къ управителю, шапченку — подъ мышку, и разговоръ веду: „дозвольте, молъ, потому могуты никакой...“ отъ-што... А эсеръ—онъ не такъ!

— Какъ же эс-эръ?

— Эсеръ-отъ?.. Онъ ночку выберетъ потемнѣй, топоръ подъ себя, да айда въ барскій лѣсъ!.. Не модель!..

Но въ лучшемъ случаѣ бывало то же, что и съ Игошинымъ. Онъ относился къ тѣмъ, другимъ и третьимъ одинаково ровно, благодушно и внимательно. Выслушавъ всѣ совѣты обстоятельно, моталъ на усъ то, что признавалъ подходящимъ, и дѣлалъ такъ, какъ подсказывала собственная совѣсть. Такое поведеніе мужика станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы припомнимъ, что цѣлью всей его дѣятельности было то, что для друзей-интеллигентовъ было лишь средствомъ—именно земля. Земля не только какъ символъ справедливости, не какъ талисманъ, при помощи котораго возможно осуществить права человѣка и гражданина на равную долю, а земля самая обыденная: „супесокъ“, „черноземъ“, „суглинокъ“... та самая земля, которая дразнитъ мужицкое обоняніе первымъ весеннимъ паромъ, радуетъ его взоръ сизымъ маревомъ урожая.

Земля заставляла его, какъ вѣрнаго любовника, откидывать за скобки всѣ програмныя различья. Она же поманила его въ Государственную Думу въ тотъ самый моментъ, когда вся совокупность интеллигентныхъ друзей и вѣрныхъ союзниковъ бойкотировала ее, эту самую Думу. И вотъ, покойному было брошено въ лицо жестокое слово: „измѣнникъ“... „Измѣнникъ“— потому что выбираетъ въ такую Думу, которая объявлена подъ бойкотомъ всѣхъ организацій и даже „крестьянскаго союза“, опубликовавшаго хлесткую фразу: „врагъ народа—тотъ, кто будетъ выбирать въ первую Государственную Думу“... Ударъ, полученный покойнымъ въ этотъ моментъ, былъ едва ли не однимъ изъ самыхъ тяжкихъ, ибо дружеская плеть всегда бьетъ сильнѣе и хлеще. И если что искупило тогда тяжесть укоровъ „друзей

слѣва", такъ это торжественность момента. Дни избирательной кампаніи 1906-го года надо признать однимъ изъ двунадесятыхъ праздниковъ русской исторіи. Представители разныхъ классовъ народа впервые столкнулись въ пылу идейной борьбы, и правящія сферы имѣли случай понаблюдать, какъ гибнутъ иногда разсчеты и планы, основанные на темнотѣ и невѣжествѣ массъ..

Баринъ и мужикъ стали лицомъ къ лицу, каждый со своей правдой и обоснованіемъ права на землю.

— Трудъ—вотъ источникъ права!—сказали крестьяне. Они, только что съѣхавшіеся, незнакомые между собою, представлявшіе національный конгломератъ изъ русскихъ, хохловъ, нѣмцевъ, татаръ, мордвы и чувашъ,—въ одинъ день объединились въ „союзъ трудящихся".

Плотнѣе сомкнулся навстрѣчу крестьянству десятилѣтіями процвѣтавшій помѣщичій кругъ. Были пущены въ ходъ всѣ исконныя средства, отъ страха до подкупа включительно. Напрасно: близкій призракъ „праведной земли" освѣщалъ путь мужицкому сознанью. Выбирали своихъ.

Я не буду останавливаться на подробностяхъ этой радужно-героической поры. Она и безъ того свѣжа въ памяти. Скажу лишь, что не одинъ Игошинъ, но и другіе выборщики-крестьяне убѣдились воочію, какъ крѣпка крестьянская солидарность. Они повезли домой, въ свои наполовину терроризированныя деревни, бодрящее чувство—чувство крестьянскаго единства, сознаніе общности интересовъ. Съ легкимъ сердцемъ возвратился Иванъ Мактимовичъ домой. Пріятно было привезти радостныя вѣсти; не менѣе пріятно пріобрѣтенное за время выборовъ легальное положеніе.

Весна была въ полномъ разгарѣ. Шумно, восторженно проводили депутатовъ въ Петербургъ.

Надо было браться за плугъ, за борону, спасать хозяйство отъ полнаго раззоренія, такъ какъ за время „освободительной борьбы" оно сильно пошатнулось...

Но не пришлось Игошину хозяйствовать. Вокругъ Думы заклубились страсти, назрѣвали событія. Розовыя надежды стали омрачаться тревожными слухами. Заговорили кругомъ о „поддержкѣ"; крестьянство встрепенулось, стало писать приговоры, наказы... Послали и б.-дмитріевцы обѣщанье „поддержать"... Игошинъ и его округа не могли удовлетвориться однимъ бумажнымъ обѣщаніемъ: надо было сдѣлать что-нибудь существенное, а для этого первымъ долгомъ вскрыть и выяснить бывшую у всей Россіи на устахъ фразу: „поддержать Думу".

И не далѣе, какъ въ маѣ, мы видимъ Игошина уже въ Петербургѣ, въ роли „ходока“. Онъ бесѣдуетъ съ депутатами, прислушивается къ ходу событій, посѣщаетъ многочисленные съѣзды и собранія, ищетъ дѣла для себя, для делегировавшей его крестьянской округи.

Собираются съѣзды въ Финляндіи. Игошинъ бросается туда. Ему необходимо оріентироваться, разобраться во всемъ, опредѣлить свое мѣсто въ томъ „великомъ шествіи“ къ „праведной землѣ“, которое, казалось—вотъ-вотъ двинется...

Войдя въ курсъ центральныхъ событій, Иванъ Максимовичъ спѣшитъ домой, въ Саратовъ. Здѣсь онъ становится однимъ изъ иниціаторовъ губернскаго съѣзда выборщиковъ и съ лихорадочной поспѣшностью работаетъ надъ реализаціей завѣтныхъ мужицкихъ думъ: о землѣ, о правахъ. Къ этой порѣ изъ „темнаго мужика“, „осіяннаго“ когда-то случайно подвернувшейся „книжонкой“, выработался разумный и стойкій политическій дѣятель. Но событія пошли такъ, что весь опытъ жизни, всю стойкость, выработанную съ невѣроятными усиліями,—все приходилось прятать, нести въ подполье или въ тюрьму.

Съ роспускомъ первой Думы Игошинъ снова понадобился жандармамъ. Какихъ-нибудь особыхъ дѣлъ за нимъ не числилось, но вспомнили, что за „свободные дни“ конца 1905-го года мужикъ не отсидѣлъ предварительнаго заключенья. Къ нему тогда были сверхъ обыкновенья „милостивы“.

Опять пошли обыски, посулы... Снова удалось Игошину избѣжать ареста и даже провести избирательную кампанію во вторую Думу...

Во второй половинѣ 1907-го года онъ былъ, наконецъ, арестованъ и приговоренъ къ тремъ годамъ административной ссылки въ одну изъ сѣверныхъ губерній Европейской Россіи. Только благодаря числившемуся за Игошинымъ судебному дѣлу ссылка была отложена до конца процесса.

Судъ состоялся 20-го октября 1908-го года. Судили по 1 ч. 129 ст., за организацію „преступнаго сообщества“—саратовскаго отдѣла „Всероссійскаго крестьянскаго союза“. Приговорили Игошина къ двумъ годамъ крѣпости.

Нечего и говорить, какъ тяжело отразилась вся судебная процедура на психологіи мужика-идеалиста. Ужъ одно то обстоятельство, что въ числѣ судей своихъ Игошинъ видѣлъ предводителя дворянства, бывшаго губернскаго выборщика, горячаго участника предвыборной борьбы, организатора враждебной Игошину партіи крупныхъ помѣщиковъ,—одно это заставило под-

судимаго пережить цѣлую душевную бурю. Попытка подсудимыхъ отвести предводителя изъ состава суда, путемъ вызова его въ свидѣтели, не удалась. Палата отказала подсудимымъ въ вызовѣ указанныхъ ими свидѣтелей, ограничившись спросомъ тѣхъ лицъ, какихъ намѣтилъ прокуроръ. Сенатъ утвердилъ приговоръ.

Игошинъ, подъ конвоемъ приходившій въ судъ, подъ конвоемъ же былъ уведенъ обратно въ тюрьму, а оттуда подъ конвоемъ же—на кладбище... Его въ числѣ многихъ заключенныхъ сразилъ тифъ... Земля, холодная могильная земля обняла эту горячую голову, когда-то полную пылкихъ идей и радужныхъ надеждъ.

Но... мертвые срама не имутъ.

С. Аникинъ.

НАУЧНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Зодіакальный свѣтъ [1]).

Надъ плоскогорьемъ Эквадора
Блестѣлъ зодіакальный свѣтъ.
Онъ изъ предзвѣзднаго простора
Пустынѣ посылалъ привѣтъ.

Въ ней путникъ шелъ по дальнимъ горамъ,
Онъ жадно нѣжный свѣтъ ловилъ
И все слѣдилъ усталымъ взоромъ
За нимъ среди ночныхъ свѣтилъ.

Съ тѣхъ поръ промчались милліоны
Вѣковъ надъ горною страной,
И жизнь и смерть, и смѣхъ и стоны
Давно утихли надъ землей.

Давно ея завяла флора,
Въ равнинахъ вѣчный ледъ царилъ.
И по предгорьямъ Эквадора
Ужъ больше путникъ не бродилъ.

---

[1]) Зодіакальнымъ свѣтомъ называется блѣдное сіянье, видимое послѣ заката солнца на западѣ или передъ восходомъ на востокѣ и представляющее остатки той туманности, изъ которой произошла наша солнечная система.

Тамъ все кругомъ въ тиши печальной
Покрылось снѣжной пеленой,
И только свѣтъ зодiакальный
Сiялъ, какъ прежде, надъ страной.

II.

Въ химической лабораторiи.

Въ глубинѣ лабораторiй,
Лишь умолкнетъ все вокругъ,
Удивительныхъ исторiй
Ты наслышишься, мой другъ.

Реагенты и приборы,
Колбы, тигли и песты
Тамъ вступаютъ въ разговоры,
Шепчутъ вслухъ свои мечты.

Видишь круглый холодильникъ,
Льдомъ и снѣгомъ окруженъ;
Подъ ретортою свѣтильникъ
Установленъ и зажженъ.

Здѣсь мельчайшiя частицы
Миллiонною толпой
Какъ невидимыя птицы
Вылетаютъ предъ тобой;

Вылетаютъ, улетаютъ
И туда, гдѣ таетъ ледъ,
Словно ласточки свершаютъ
Свой весенiй перелетъ.

Загляни же, другъ мой милый,
Въ этотъ тихiй уголокъ,
Гдѣ таинственныя силы
Свой устроили чертогъ.

Это силы—исполины,
Передъ ними, милый другъ,

Словно нити паутины
Все, что видишь ты вокругъ.

Ихъ работа изъ алмазовъ
Жизнь земную создала,
Ими сотканы изъ газовъ
Наши гибкія тѣла;

Въ нихъ источникъ тѣхъ стремленій,
Что сроднили насъ съ тобой,
Въ нихъ разгадка всѣхъ явленій
Вѣчной жизни міровой.

III.

Смыслъ созвѣздій [1]).

Путь былъ труденъ, путь былъ дологъ,
Мгла легла со всѣхъ сторонъ,
И безмолвенъ шелъ астрологъ,
Созерцая небосклонъ.

Передъ нимъ на небосклонѣ
Поднимался Боотѣсъ;
Молча къ Сѣверной Коронѣ
Змій влѣзалъ на сводъ небесъ;

Гидра съ Чашею причастной
Хищно по небу ползла...
—„Покажи мнѣ, Боже властный,
„Чѣмъ чревата ночи мгла?

„Дай мнѣ смыслъ Твоихъ созвѣздій!
„Что готовишь для людей?
„Въ знакъ какихъ Твоихъ возмездій
„Небеса полны звѣрей?“

„И когда же укротитель,
„Твой возлюбленный пророкъ,

[1]) Упоминаемыми здѣсь названьями обозначаются созвѣздія неба, дѣйствительно видимыя на небѣ въ указанныя времена.

„Зміедержецъ, нашъ Спаситель,
„Снова выйдетъ на востокъ?“

Но созвѣздія молчали,
Не разверзлась ночи тьма
И была полна печали
Все сковавшая зима;

Были льдомъ покрыты рѣки,
Въ снѣгъ окуталась земля...
Это было въ пятомъ вѣкѣ,
Въ поздній вечеръ февраля.

Пронеслось тысячелѣтье.
Въ томъ краю астрономъ жилъ.
— „Какъ люблю на васъ смотрѣть я!“ —
Тѣмъ же звѣздамъ говорилъ.

До утра смотрѣлъ астрономъ.
Былъ въ цвѣтахъ душистый май,
И надъ блѣднымъ небосклономъ
Выплылъ новый неба край.

Лебедь былъ въ зенитѣ міра,
Внизъ спускался Геркулесъ,
Въ вышинѣ горѣла Лира
И сіялъ весь сводъ небесъ.

Но созвѣздій очертанья
Въ мигъ астрономъ позабылъ,
Видѣлъ онъ лишь звѣздъ мерцанье
И въ восторгѣ говорилъ:

— „Въ вѣчныхъ звѣздахъ нѣтъ возмездій!
„Разъясни же, небо, мнѣ
„Вѣчный смыслъ твоихъ созвѣздій!
„Что намъ свѣтитъ въ вышинѣ?

А въ отвѣтъ вдали зарею
Загорались небеса,
Раскрывалась надъ землею
Утра ранняго краса.

Лучезарное свѣтило
    Всѣмъ послало свой привѣтъ
И, ликуя, говорило:
    Смыслъ созвѣздій—это свѣтъ!

Николай Морозовъ.

ВОЖДИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ ВЪ АНГЛІИ

Общественная жизнь Англіи движется маленькими, но вѣрными шагами, и всегда въ одномъ направленіи, по крайней мѣрѣ за послѣднія 80—85 лѣтъ. Національная „походка" ея— плавная, весьма однообразная, съ рѣдкими перемѣнами въ темпѣ. Внезапныхъ переворотовъ здѣсь нѣтъ, а имѣется только видимый и ощутительный для всѣхъ политическій и соціальный прогрессъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ этого безостановочнаго прогресса въ англійской общественной жизни является партійная система управленія, дѣйствующая не только въ государственныхъ, но и во всѣхъ муниципальныхъ и другихъ выборныхъ учрежденіяхъ.

Когда въ свободной странѣ за власть борются только двѣ партіи, онѣ неминуемо стараются обгонять другъ друга. Правда, у одной изъ нихъ цѣли могутъ быть прогрессивныя, у другой— реакціонныя, но эти послѣднія, если и бываютъ, то въ скрытомъ, затаенномъ видѣ. Открыто, прося у народа довѣрія, даже реакціонная партія вынуждена что-нибудь предложить взамѣнъ, обѣщать что-нибудь общеполезное, заманчивое, хорошее. Иначе вѣдь не выберутъ. Между двумя партіями происходитъ, такимъ образомъ, какъ бы состязаніе на призъ. Конечно, побѣдившая партія, ставшая у власти, не всегда исполняетъ свои обѣщанія. Но въ раскрытіи именно грѣховъ партіи, въ обнаруженіи обманчивости ея обѣщаній или неспособности исполнить ихъ и состоитъ въ парламентской странѣ политическая борьба. И даже часто противъ своей воли партія проводитъ благодѣтельныя реформы,

считая ихъ единственнымъ способомъ сохраненія за собою довѣрія страны. Такое партійное состязаніе возможно, однако, только тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, власть сосредоточивается, въ каждый данный моментъ, въ рукахъ одной партіи, которая и является всецѣло отвѣтственной за ошибки и недостатки правленія, а въ случаѣ успѣшности законодательства и правительства—можетъ приписывать одной себѣ всѣ заслуги.

Само собою разумѣется, что при такомъ значеніи партійнаго правительства должна быть чрезвычайно крупной роль партійныхъ вождей. Это—бывшіе или настоящіе члены правительства. На ихъ плечахъ лежитъ не только партійная тактика, но и проведеніе въ жизнь проповѣдуемаго ими, вся практическая сторона исполнительной работы. Партійный вождь въ Англіи долженъ быть, поэтому, не только учителемъ и проповѣдникомъ, но и искуснымъ практичнымъ дѣятелемъ и работникомъ. Отсюда чувство отвѣтственности не только за дѣйствія, но и за слова. Вожди партій осторожны въ обѣщаніяхъ и обязательствахъ, какъ и въ дѣйствіяхъ.

Умѣнье сосредоточить вниманіе партіи на потребностяхъ даннаго времени и измѣрить возможность ихъ удовлетворенія требуетъ большой талантливости. Нельзя овладѣть вниманіемъ огромной партіи, обнимающей почти половину населенія, не заслуживъ раньше ея довѣрія и любви—а это послѣднее пріобрѣтается, главнымъ образомъ, твердостью убѣжденій, преданностью дѣлу партіи, краснорѣчіемъ. Неудивительно, поэтому, то уваженіе, которымъ въ Англіи пользуются главные партійные вожди, не только въ средѣ своей партіи, но и среди своихъ политическихъ противниковъ. Бываетъ, что въ пылу полемики, въ разгарѣ предвыборной кампаніи или въ другомъ какомъ-нибудь изъ ряду выходящемъ случаѣ, сорвется у противника рѣзкое слово по адресу вождя партіи. Но такіе рѣдкіе случаи въ счетъ не идутъ. Обыкновенно вожди обѣихъ большихъ партій окружены всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, и сами они въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ выказываютъ другъ другу самую глубокую почтительность. Наврядъ ли въ другой какой-либо странѣ вожди враждующихъ партій обмѣниваются такими любезностями и комплиментами, какъ въ Англіи. Такъ, недавно, на обѣдѣ одного уэльскаго общества, на которомъ присутствовали Ллойдъ-Джорджъ, въ качествѣ вице-президента этого общества, и Бальфуръ, въ качествѣ почетнаго гостя, первый, провозгласивъ тостъ въ честь второго, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Мы собрались сегодня чествовать одного изъ наиболѣе выдающихся людей на-

шего времени. Не стану говорить о его положеніи въ литературѣ. Я его лучше знаю, какъ государственнаго человѣка и какъ члена палаты общинъ—и я заявляю, что мы гордимся имъ, гордимся его дарованіями, его мужествомъ, его рыцарской натурой".

Первое мѣсто среди партійныхъ вождей занимаютъ премьеръ-министръ, какъ глава правительственной партіи, и лидеръ оппозиціи, какъ бывшій или будущій премьеръ. Кромѣ этихъ двухъ оффиціальныхъ вождей, каждая партія обладаетъ еще нѣсколькими выдающимися членами, тоже успѣвшими пріобрѣсти довѣріе огромной части народа и создать себѣ имя. Иногда среди этихъ неоффиціальныхъ вождей попадаются и такіе, популярность которыхъ даже больше, чѣмъ популярность премьеръ-министра или вождя оппозиціи.

Мы остановимся на характеристикѣ трехъ нынѣшнихъ главныхъ руководителей либеральной партіи: Асквита, Ллойдъ-Джорджа и Черчилля.

По англійскимъ понятіямъ законъ, какъ высшій авторитетъ, передъ которымъ должны отступать всякія другія соображенія, дѣлаетъ излишнимъ краснорѣчіе, взывающее къ чувству. Каждый англійскій адвокатъ смотритъ на себя какъ на будущаго судью и съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности пріучаетъ себя къ полнѣйшему безстрастію, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Работая въ судахъ и у себя въ кабинетѣ надъ дѣлами, онъ мало-по-малу пріобрѣтаетъ особую манеру говорить и мыслить. Вмѣсто того, чтобы поставить себѣ идеалъ и затѣмъ искать путей къ нему, онъ сопоставляетъ разныя мнѣнія и обстоятельства и уже изъ нихъ выводитъ „истину". Какъ адвокатъ, онъ не „защищаетъ", а содѣйствуетъ „раскрытію истины", и вмѣстѣ съ судьей какъ бы священнодѣйствуетъ.

Какъ политическіе вожди, адвокаты свѣтятъ, но не грѣютъ. Каковы бы ни были ихъ достоинства, но они въ Англіи очень рѣдко достигаютъ той степени популярности, какою, напримѣръ, пользовались Пальмерстонъ, Дизраэли, Гладстонъ, главнымъ образомъ потому, что имъ не хватаетъ одушевленія идеей. Если, поэтому, мы скажемъ, что Асквитъ—англійскій адвокатъ, то этимъ мы сразу опредѣлимъ не только его профессію и образованность, но и его ораторскую и политическую физіономію. Какъ иллюстрацію, укажемъ здѣсь на его рѣчь, произнесенную 18-го сентября 1909-го года въ Бирмингамѣ. Любопытно сопоставить ее съ рѣчью Ллойдъ-Джорджа, произнесенной нѣсколько

позже въ Ньюкестлѣ. И Асквитъ, и Ллойдъ-Джорджъ говорили объ одномъ и томъ же предметѣ, въ одномъ и томъ же направленіи, при одинаковой почти обстановкѣ, передъ публикой одного и того же характера. И однако, какая разница въ пріемахъ краснорѣчія, въ аргументаціи и точкахъ отправленія!

Защищая бюджетъ и отражая нападки лорда Розбери, незадолго передъ тѣмъ выступившаго противъ бюджета въ Гласго, Асквитъ ссылался на Адама Смита, Дж. Ст. Милля, Гладстона и самого лорда Розбери. Цитатами и анализомъ цифръ онъ доказывалъ необходимость и справедливость предложеннаго въ бюджетѣ обложенія и шагъ за шагомъ разрушалъ возраженія противниковъ. Касаясь вопроса о правѣ палаты лордовъ не утверждать бюджета, ораторъ ссылался на обычный текстъ, съ котораго начинаются въ Англіи финансовые билли и который ясно говоритъ объ исключительной, нераздѣльной власти палаты общинъ. Тутъ же онъ приводилъ рѣшенія Кока и Селдэна, „двухъ блестящихъ именъ въ исторіи англійской конституціи“, мнѣнія герцога Веллингтона, лорда Сольсбери, Бальфура и того же Розбери о недопустимости вмѣшательства лордовъ въ финансовыя дѣла государства. Въ общемъ, рѣчь Асквита была убѣдительная, безукоризненно логическая и вполнѣ радикальная по направленію. Громадная аудиторія, состоявшая изъ восьми тысячъ слушателей, встрѣчала оратора громомъ апплодисментовъ. Мы, однако, сильно сомнѣваемся, чтобы Асквитъ этой своей рѣчью кого-либо глубоко расшевелилъ и тронулъ. Ни въ голосѣ его, немного монотонномъ, ни въ чистой, но холодно-простой дикціи, ни въ жестикуляціи, лишенной порывовъ, ни въ самомъ содержаніи рѣчи не было увлекательной силы.

Этимъ даромъ щедро надѣленъ Ллойдъ-Джорджъ. Онъ не ссылается на прецеденты, не роется въ старыхъ книгахъ и документахъ; онъ черпаетъ доказательства изъ окружающей жизни. Онъ не ссылается на Кока и Селдэна, украшавшихъ англійское судебное сословіе въ первой трети XVII-го вѣка, а саркастически спрашиваетъ, кто стремится къ нарушенію конституціи? Не тѣ ли, которые, когда дѣло идетъ объ охраненіи ихъ ренты, неустоекъ, доходовъ съ минеральныхъ богатствъ и пр., стоятъ за ненарушимость конституціи, а когда послѣдняя хочетъ у нихъ что-либо отнять, начинаютъ ее сами рвать на куски“? „Неужели — спрашиваетъ онъ дальше — какихъ-нибудь пятьсотъ самыхъ обыкновенныхъ людей, случайно набранныхъ изъ „безработныхъ“ (т.-е. ничего не дѣлающихъ, бездѣльниковъ), могутъ опрокинуть хорошо обдуманное рѣшеніе милліоновъ лю-

дей, создающихъ богатство страны? По чьему велѣнію вся британская земля должна быть доходной статьей для немногихъ? Кто сдѣлалъ десять тысячъ человѣкъ собственниками земли, а весь остальной народъ—нарушителями владѣній въ собственной родинѣ? Кто является виновникомъ системы, при которой одинъ долженъ всю жизнь провести въ тяжеломъ трудѣ ради скуднаго и жалкаго существованія? И почему, когда, къ концу своей жизни, онъ требуетъ отъ общества, которому служилъ, какихъ-нибудь восемь пенсовъ въ день въ видѣ пенсіи, онъ можетъ ихъ добиться лишь путемъ революцій, а другой, ничего не дѣлая, получаетъ въ каждый часъ дня и ночи болѣе чѣмъ его бѣдный сосѣдъ получаетъ въ годъ тяжелаго труда? Откуда эта скрижаль закона? чей палецъ начерталъ ее?"

Такого рода вопросовъ Асквитъ не задастъ. Онъ знаетъ, что у лэндлорда есть „документъ", силу котораго не можетъ не признать судья. Для него право немногихъ „безработныхъ" на всю британскую землю неоспоримо. Но съ другой стороны и государство, и парламентъ тоже имѣютъ извѣстныя права, во имя которыхъ Асквитъ и можетъ идти рука объ руку съ Ллойдъ-Джорджемъ. Разница между ними заключается больше въ темпераментѣ и воспитаніи, чѣмъ въ образѣ мыслей. Оба идутъ въ одну сторону, и если одинъ, благодаря большей импульсивности, шагаетъ шибче, то все же не настолько, чтобы уйти слишкомъ далеко впередъ.

Англійскіе біографы Асквита приписываютъ его характеръ не его адвокатской профессіи, а вліянію Бенджамэна Джоуэтта, бывшаго директора старѣйшаго въ Оксфордѣ колледжа Балліоля. „Покуда читатель не знаетъ значенія Бенджамена Джоуэтта, онъ не можетъ должнымъ образомъ понимать Асквита", — пишетъ Эліасъ, авторъ книжки объ Асквитѣ, вышедшей въ 1909 г. „Насколько вообще—продолжаетъ онъ—одинъ человѣкъ можетъ создать другого, Джоуэттъ создалъ Асквита. Премьеръ стоитъ передъ нами, какъ выдѣлка джоуэттской фабрики".

Асквитъ поступилъ въ колледжъ Балліоля въ 1870 г., по окончаніи средней школы въ лондонскомъ Сити. Подъ вліяніемъ Джоуэтта онъ оставался до 1874 г., какъ студентъ, и затѣмъ еще два года какъ „товарищъ" (fellow), какъ членъ преподавательской коллегіи. Несомнѣнно, Джоуэттъ, какъ выдающійся педагогъ, долженъ былъ оставить нѣкоторые слѣды на духовномъ обликѣ своего ученика; но было бы страннымъ преувеличеніемъ считать нынѣшняго премьера Англіи, „какъ онъ стоитъ передъ нами", продуктомъ „джоуэттской фабрики". Прежде всего Асквитъ

вовсе не похожъ на глину, изъ которой можно вылѣпить что угодно. Уже въ средней школѣ онъ обратилъ на себя вниманіе, какъ сильный характеръ и выдающійся умъ. Онъ всегда былъ очень сдержанъ съ товарищами, трудолюбивъ и заинтересованъ въ общественныхъ и политическихъ вопросахъ. Самъ Асквитъ рѣдко упоминаетъ о Джоуэттѣ, нынѣ уже умершемъ, но съ большой любовью и признательностью говоритъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, о докторѣ Абботѣ, бывшемъ директорѣ средней школы. „Онъ былъ“ — сказалъ Асквитъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, уже будучи министромъ, — „учителемъ прекраснѣйшаго типа, учившимъ смыслу жизни и умѣнью пользоваться ею“. Но и Абботъ не создалъ Асквита. Послѣдній и въ средней школѣ создавалъ самъ себя. „Достаточно было къ ногамъ его поставить лѣстницу, чтобы онъ полѣзъ по ней вверхъ“ — заявилъ самъ Абботъ, говоря о своемъ знаменитомъ ученикѣ. Съ твердой волей, съ яснымъ умомъ, мало смущаемымъ посторонними для логическаго хода мышленія соображеніями, съ прямодушно честной натурой, чуждой интригантства, съ глубокимъ и обширнымъ знаніемъ исторіи и права своей страны, онъ собственными руками пробилъ себѣ дорогу отъ скромнаго жилища торговца сукномъ въ небольшомъ городѣ Морлеѣ до резиденціи высшаго послѣ короля въ Англіи лица, до резиденціи премьеръ-министра въ Доунингъ-стритѣ.

Уже студентомъ въ Оксфордѣ Асквитъ обнаружилъ глубокій интересъ къ общественнымъ вопросамъ и выдвинулся въ первые ряды на дебатахъ университетскаго Союза, избравшаго его въ свои президенты. Въ Союзѣ онъ принадлежалъ, какъ потомъ и на практикѣ, къ „либеральной партіи“. Когда онъ выступалъ въ немъ ораторомъ, онъ говорилъ въ пользу мѣръ, предложенныхъ Гладстономъ, и рѣчи его отличались такой богатой аргументаціей, что вызывали привѣтствіе и со стороны оппонентовъ. Несомнѣнно уже тогда онъ производилъ впечатлѣніе незаурядной личности. И Джоуэттъ, какъ проницательный человѣкъ, отлично оцѣнилъ его. „Изъ всѣхъ молодыхъ людей, учившихся подъ моимъ руководствомъ, Асквитъ—единственный, успѣхъ котораго въ жизни я могу смѣло предсказать“,—писалъ онъ одному пріятелю, когда Асквитъ окончилъ курсъ въ Balliol-college. Столь же проницательнымъ оказался и Гладстонъ, когда, при составленіи своего кабинета въ 1892 г., онъ поставилъ Асквита сразу во главѣ такого важнаго вѣдомства, какъ Home office (министерство внутреннихъ дѣлъ). До тѣхъ поръ Асквитъ былъ болѣе извѣстенъ какъ адвокатъ, чѣмъ какъ политическій дѣятель. Поступивъ въ

адвокатское сословіе въ 1876 г., онъ тогда же началъ принимать участіе и въ политической жизни, выступая на митингахъ, работая въ комитетахъ и сотрудничая въ разныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ экономическихъ журналахъ. Но широкая публика о немъ мало знала. Рѣчи его не вызывали энтузіазма и не увлекали обыкновенныхъ слушателей, особенно изъ рабочаго класса. Да и какъ адвокатъ онъ былъ извѣстенъ лишь въ тѣсномъ судебномъ кругу, а не въ публикѣ. Онъ избѣгалъ уголовной практики и спеціализировался на желѣзнодорожномъ и избирательномъ законодательствѣ, по которому издалъ въ 1883 г. книгу: „Путеводитель избирателя", считающуюся знатоками образцомъ ясности и сжатости изложенія. Но впослѣдствіи его адвокатская и политическая дѣятельность какъ бы слилась въ одно, создавъ ему прочную популярность въ либерально-радикальныхъ слояхъ общества. Въ 1886 г. онъ былъ избранъ въ члены парламента въ Восточномъ Файфѣ (въ Шотландіи). Этотъ округъ онъ продолжаетъ представлять и понынѣ. На его кандидатурѣ особенно настаивалъ Чемберленъ, тогда выдающійся дѣятель либеральной партіи и членъ министерства Гладстона. Чемберленъ, рано познакомившійся съ Асквитомъ, угадалъ въ немъ большую политическую силу и толкалъ его на парламентскую карьеру. Асквитъ долго откладывалъ моментъ выступленія кандидатомъ на выборахъ. Ему было сдѣлано шестнадцать предложеній въ разное время, но онъ все отказывался; только въ семнадцатый разъ онъ принялъ кандидатуру, считая политическій моментъ весьма важнымъ. Это было въ разгаръ агитаціи за и противъ ирландскаго гомруля. Асквитъ былъ всецѣло на сторонѣ Гладстона. Въ то же время, какъ адвокатъ, онъ выступилъ въ двухъ дѣлахъ, имѣвшихъ сильную политическую окраску—и въ обоихъ роль его, какъ адвоката, всецѣло совпадала съ симпатіями либеральной партіи. Въ 1887 г. онъ защищалъ Грегема и Бернса (нынѣ министра), привлеченныхъ къ суду за безпорядки на Трафалгарской площади, а въ 1889 г. былъ однимъ изъ представителей Парнелля передъ коммиссіей, изслѣдовавшей дѣло о подложныхъ письмахъ въ „Times". Имя Асквита сдѣлалось широко извѣстнымъ. На него стали смотрѣть какъ на одного изъ главарей либеральной партіи, и когда въ 1892 г. Гладстонъ, близко присмотрѣвшійся къ новому члену парламента, предложилъ ему важный министерскій постъ, это никого не удивило.

За всѣ дальнѣйшіе годы Асквитъ остался удивительно вѣренъ тому представленію, которое создалось о немъ еще на студенческой скамьѣ, съ той лишь разницей, что основныя черты

его характера выступили еще рѣзче, еще рельефнѣе. Впечатлѣніе, производимое человѣкомъ, какъ и скульптурной фигурой, зависитъ отъ пьедестала, на которомъ онъ стоитъ. Чѣмъ выше пьедесталъ, тѣмъ больше стушевываются мелкія черточки, тѣмъ рѣзче выступаютъ характерные контуры. И фигура Асквита на министерскомъ пьедесталѣ получила ту полноту и выпуклость очертаній, которыхъ ему не хватало на адвокатскомъ поприщѣ. Какъ администраторъ и составитель законопроектовъ, онъ высказалъ большое сочувствіе рабочимъ массамъ. Осуществленныя имъ мѣры для охраны здоровья рабочихъ въ свинцовомъ, полотняномъ и точильномъ промыслахъ, какъ и проведенный имъ фабричный законъ 1895 г., останутся прекрасными памятниками его трехлѣтняго пребыванія въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Другой замѣчательный билль его—объ отвѣтственности хозяевъ за жизнь и здоровье рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ,—вслѣдствіе поправокъ лордовъ не прошелъ, но все же не остался безрезультатнымъ, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ во всѣхъ почти частностяхъ воспроизведенъ министерствомъ Сольсбери и сталъ закономъ.

Сочувствіе къ рабочимъ массамъ, которое Асквитъ не разъ выказывалъ на дѣлѣ и въ рѣчахъ, было плодомъ не мягкости сердца, а глубокаго чувства справедливости. Когда вопросъ шелъ о торжествѣ не права, а чувства, онъ никакихъ увлеченій, никакихъ уступокъ не допускалъ. Достаточно указать, для примѣра, на его твердость въ отказѣ освободить ирландскихъ динамитчиковъ, приговоренныхъ судомъ къ пожизненной каторгѣ (они позже были выпущены консервативнымъ правительствомъ Сольсбери), или въ дѣлѣ американки Мэйбрикъ, приговоренной къ 15-ти годамъ каторги за убійство мужа. Столь же мало сентиментальнымъ онъ оказался и въ дѣлѣ подавленія безпорядковъ въ Фетерстонѣ въ сентябрѣ 1893 г. Его рѣчь, произнесенная 20 сент. 1893 г. въ отвѣтъ на запросъ о фетерстонскомъ инцидентѣ, характерна именно своей правовой стороной. Это рѣчь знатока и поклонника англійскаго государственнаго права, а не человѣка, ищущаго популярности.

Склонностью смотрѣть на все съ точки зрѣнія юриста по натурѣ и привычкамъ объясняется и отношеніе Асквита къ англо-бурской войнѣ, которая едва не привела его къ разрыву съ демократическимъ крыломъ либеральной партіи. Ненавидя вообще войны и всегда проповѣдуя сокращеніе военныхъ расходовъ, онъ все же одобрялъ войну съ бурами, потому что, по его мнѣнію,

на сторонѣ Англіи было „право“. Въ рѣчи, произнесенной имъ вскорѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій, онъ далъ юридическій анализъ конфликта и пришелъ къ заключенію, что война была неизбѣжна. Мысль о томъ, что можно поступиться своимъ правомъ, если оно даже доказано, чтобы избѣжать кроваваго столкновенія, Асквиту была чужда. Но зато это же глубокое чувство законности и права заставило его работать въ пользу дарованія завоеваннымъ колоніямъ полнаго самоуправленія. Самое представленіе объ имперіализмѣ у него — соціально-правовое. „Что такое имперія?“ — спрашивалъ онъ недавно въ Лидсѣ, и, отвѣчая на собственный вопросъ, продолжалъ: — „какъ всякая политическая постройка, воздвигнутая человѣческимъ геніемъ, она держится не внѣшнимъ блескомъ и не обширными размѣрами, а тѣмъ, что сдѣлано для удовлетворенія соціальныхъ и духовныхъ нуждъ и для развитія общественной жизни среди ея населенія“.

Выйдя въ 1895 г., вмѣстѣ съ кабинетомъ лорда Розбери, въ отставку, Асквитъ опять занялся адвокатской практикой, представивъ собою первый тогда въ Англіи примѣръ практикующаго адвоката, бывшаго раньше членомъ кабинета министровъ. Однако, съ выступленіемъ въ маѣ 1903-го года Чемберлена въ роли тарифнаго бойца, Асквитъ отдался всецѣло защитѣ свободы торговли и совершенно забросилъ свое профессіональное дѣло. Какъ выдающійся экономистъ, съ твердыми и здравыми взглядами на экономическую политику Англіи, онъ оказался самымъ сильнымъ противникомъ Чемберлена, буквально преслѣдуя его по пятамъ. Вездѣ, гдѣ говорилъ Чемберленъ, вскорѣ появлялся съ своими рѣчами и Асквитъ и побивалъ Чемберлена имъ же приведенными цифрами и фактами. Если Асквитъ, вслѣдствіе малозамѣтной его политической дѣятельности во второй половинѣ 90-хъ годовъ и вслѣдствіе поддержки англо-бурской войны въ 1899—1902 гг., и потерялъ значительно въ глазахъ обширныхъ слоевъ либеральной партіи, то его защита свободы торговли, предпринятая столь энергично и веденная съ принесеніемъ въ жертву всякихъ личныхъ интересовъ, окружила его новымъ ореоломъ, поставивъ его рядомъ съ оффиціальнымъ лидеромъ оппозиціи, бывшимъ тогда любимцемъ демократіи, Кэмпбелль-Баннерманомъ. И когда, въ концѣ 1905-года, послѣдній былъ призванъ образовать новое министерство, должность канцлера казначейства, первая послѣ должности премьера, оказалась естественно принадлежащею Асквиту.

Какъ канцлеръ казначейства, Асквитъ будетъ памятенъ уста-

новленіемъ въ финансовой практикѣ Англіи разницы между доходами, получаемыми за личный трудъ (earned income), и доходами отъ капиталовъ, получаемыми сверхъ вознагражденія за трудъ (unearned income). И еще болѣе памятно будетъ введеніе пенсій для лицъ, достигшихъ 70-ти лѣтъ, хотя честь этого дѣла ему придется раздѣлить съ Ллойдъ-Джорджемъ, его преемникомъ по должности канцлера казначейства. Для Асквита очень характерно безусловное осужденіе политики займовъ, которыхъ онъ совершенно не допускаетъ для благоустроеннаго государства. Конечно, рѣчь идетъ о займахъ на обыкновенные государственные расходы, а не на чрезвычайные, въ родѣ военныхъ или строительныхъ. Но даже на постройку флота Асквитъ не допускаетъ займа. Правосознаніе его возмущается возможностью возложенія обязательствъ на чужія плечи, на будущія поколѣнія, никакого голоса въ современныхъ дѣлахъ не имѣющія. Заемъ — это скачокъ въ неизвѣстное, признакъ плохого веденія государственныхъ финансовъ, увеличеніе бремени налоговъ. Бюджетныя его рѣчи полны предостереженій противъ системы займовъ, которой Англія и раньше всегда избѣгала при сведеніи баланса обыкновенныхъ расходовъ.

Въ началѣ апрѣля 1908-го года Кэмпбелль-Баннерманъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, сложилъ съ себя званіе премьеръ-министра, которое въ обычномъ конституціонномъ порядкѣ и перешло къ Асквиту. Дальше идти ему некуда. Но долго держаться на этой вершинѣ столь же трудно, какъ на гребнѣ морской волны. Въ случаѣ усиленія въ странѣ рабочей партіи Асквитъ, вѣроятно, вынужденъ будетъ уступить премьерство другому. Но и тогда онъ останется въ партіи и даже въ кабинетѣ министровъ. Такіе случаи въ Англіи бывали. Достаточно вспомнить Пальмерстона и Росселя: съ 1846 по 1852 г. Россель былъ премьеромъ, Пальмерстонъ — министромъ иностранныхъ дѣлъ, а въ 1859—65 гг. Пальмерстонъ былъ премьеромъ, Россель — министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Но кто же этотъ другой, который больше отвѣчалъ бы настроенію народа какъ главный вождь, въ случаѣ роста вліянія рабочей партіи? Въ отвѣтѣ наврядъ ли можетъ быть сомнѣніе: это—нынѣшній канцлеръ казначейства, Ллойдъ-Джорджъ.

Ллойдъ-Джорджъ — также адвокатъ, но принадлежитъ къ младшей отрасли англійской адвокатуры, къ разряду „ходатаевъ" (solicitors), выступающихъ лично только въ низшей инстанціи

суда и подготовляющихъ дѣла для „барристеровъ", практикующихъ въ высшихъ инстанціяхъ. У солиситоровъ нѣтъ тѣхъ вѣковыхъ традицій, той старинной корпоративности, какія имѣются у барристеровъ. Они ближе къ публикѣ, часто болѣе демократичны по происхожденію, менѣе образованы. Ллойдъ-Джорджъ, поэтому, не смотря на свою адвокатскую профессію, чуждъ тѣхъ свойствъ ея, которыя наложили печать на Асквита. Впрочемъ, его темпераментъ, его независимая, мужественная натура прорвались бы черезъ всякія наслоенія и сбросили бы всякія искусственныя цѣпи. Какъ и Асквитъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ исключительныхъ людей, которые достигаютъ высокаго положенія только благодаря собственнымъ силамъ. Но въ то время какъ Асквитъ пробивалъ себѣ дорогу въ верхнихъ слояхъ общества, пріобрѣтая уваженіе и дружбу политическихъ вождей, Ллойдъ-Джорджъ началъ съ низшихъ слоевъ, любовь которыхъ вынесла его на верхъ. Замѣчательно, что Ллойдъ-Джорджъ сдѣлался членомъ кабинета министровъ въ такомъ же возрастѣ, какъ и Асквитъ: ему было тогда 42 года. Очевидно, даже и въ наше демократическое время выдающіеся люди, посвящающіе себя политической дѣятельности въ Англіи, не могутъ рано достигнуть положенія министра, если у нихъ нѣтъ покровительства родныхъ, аристократическаго герба или милліоннаго состоянія.

Не смотря на то, что Ллойдъ-Джорджъ состоитъ членомъ парламента съ 1890-го года и что его популярность не только на его родинѣ, въ Уэльсѣ, но и во всей Англіи росла изъ года въ годъ, онъ попалъ въ члены министерства лишь въ 1906 г. Конечно, главную причину этой продолжительной задержки на политическомъ пути слѣдуетъ видѣть въ томъ, что съ 1895-го по 1905-ый годъ Англіей правила консервативная партія. Но еслибы даже все это время были у власти либералы, Ллойдъ-Джорджу едва ли была бы дана возможность стать членомъ министерства такъ рано, какъ напримѣръ Остэнъ Чемберленъ, получившій должность лорда адмиралтейства въ 32 года, или Гербертъ Гладстонъ, назначенный лордомъ казначейства въ 26 лѣтъ. Для политическихъ дѣятелей въ Англіи обстановка ихъ ранней жизни можетъ считаться, однако, лишь полезнымъ толчкомъ, не больше. Дальнѣйшая карьера каждаго уже всецѣло зависитъ отъ его собственной личности. Какъ ни рано, напримѣръ, Гербертъ Гладстонъ началъ свою министерскую карьеру, а дальше третьестепенной политической величины онъ едва ли пойдетъ.

Сынъ школьнаго учителя, потомокъ длиннаго ряда фермеровъ,

Ллойдъ-Джорджъ въ дѣтствѣ остался сиротою и съ своимъ братомъ былъ взятъ на воспитаніе дядею по матери, Ричардомъ Ллойдомъ, деревенскимъ сапожникомъ. О культурности этого уэльскаго сапожника достаточно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, желая подготовить племянника къ поступленію въ сословіе солиситоровъ и не имѣя средствъ пригласить въ деревню соотвѣтственнаго учителя, онъ самъ на старости лѣтъ сталъ изучать необходимые предметы (юриспруденцію и французскій языкъ), дабы быть въ состояніи обучить имъ племянника. Старанія сапожника не пропали даромъ. Племянникъ его выдержалъ экзаменъ и былъ зачисленъ въ солиситоры. Въ этомъ качествѣ онъ быстро занялъ прочное положеніе въ небольшомъ городкѣ Портмадокѣ, лежащемъ на берегу Кардиганскаго залива, въ уэльскомъ графствѣ Карнарвонъ, и вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Вильямомъ, основалъ солиситорскую фирму, продолжающую успѣшно работать и теперь. Но душа Ллойдъ-Джорджа тяготѣла не къ судебнымъ дѣламъ, а къ политикѣ, которою онъ сталъ заниматься рано, сначала какъ любитель, въ мѣстномъ обществѣ дебатовъ (Debating Society), а затѣмъ какъ общественный дѣятель. Одинъ изъ біографовъ Ллойдъ-Джорджа отыскалъ газетный отчетъ объ одной изъ его рѣчей въ обществѣ дебатовъ, произнесенной въ 1882-мъ году, когда оратору было всего 19-ть лѣтъ. Предметомъ преній были событія, происходившія тогда въ Египтѣ. Уже тогда Ллойдъ-Джорджъ выступилъ непримиримымъ противникомъ войны и защитникомъ мелкихъ національностей, какимъ онъ остался по настоящее время.

Мѣстный патріотъ по рожденію, по крови, по религіи (нонконформистъ), по языку и, главнымъ образомъ, по національнымъ симпатіямъ, Ллойдъ-Джорджъ — котораго, для краткости, зовутъ и просто Джорджемъ,—сначала интересовался только Уэльсомъ. Онъ былъ избранъ членомъ совѣта графства Карнарвонъ, какъ только впервые были учреждены совѣты графствъ (1888). Его борьба противъ лэндлордизма и привилегій англиканской церкви въ Уэльсѣ, его неустанныя работы на пользу оживленія національнаго духа и объединенія сѣвернаго и южнаго Уэльса въ одну политическую организацію создали ему такую популярность, что его кандидатура въ парламентъ на дополнительныхъ выборахъ 1890-го года въ его родномъ графствѣ была встрѣчена общимъ одобреніемъ. 17-го апрѣля 1890-го года онъ вступилъ въ парламентъ молодымъ, безвѣстнымъ въ политическомъ мірѣ человѣкомъ, скромнымъ провинціальнымъ солиситоромъ, наврядъ ли сознававшимъ въ себѣ тѣ внутреннія силы, которыя черезъ пят-

надцать лѣтъ должны были посадить его на „передовую скамью“ палаты общинъ. Въ парламентѣ онъ посвятилъ себя сначала почти исключительно національно-уэльскимъ вопросамъ: его стали даже звать Парнеллемъ Уэльса. Только спустя пять-шесть лѣтъ онъ сталъ заниматься и обще-англійскими дѣлами, ничуть, однако, не измѣняя своимъ симпатіямъ къ родному Уэльсу. Его любовь къ этой странѣ, его гордость ею имѣютъ нѣжный, мистически-религіозный оттѣнокъ. Въ уэльскомъ патріотизмѣ Ллойдъ-Джорджа отсутствуютъ скорбь и гнѣвъ ирландца. Это — любовь сына къ старушкѣ-матери или привязанность взрослаго къ своей старой нянѣ. „Насъ часто хотятъ уколоть тѣмъ, что мы (уэльсцы)—маленькій народъ, считающій не больше двухъ милліоновъ душъ“,—сказалъ онъ однажды во время предвыборной кампаніи въ Карнарвонѣ. „Да, только два милліона. Но мы твердо рѣшили сдѣлать все что въ нашихъ силахъ, чтобы создать изъ нихъ прекраснѣйшихъ людей, какіе только живутъ на Божьей землѣ“.

Популярность Ллойдъ-Джорджа, какъ оратора и политическаго дѣятеля, до конца 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія не шла дальше Уэльса. Имя его, правда, уже стало достаточно извѣстнымъ въ политическомъ мірѣ, и такіе люди, какъ Бальфуръ, уже задолго до того времени предсказывали ему блестящую будущность. Но широкая публика о немъ знала мало, и на публичныхъ митингахъ внѣ Уэльса онъ выступалъ весьма рѣдко. Въ концѣ 1899-го года разразилась война, вызвавшая глубокій протестъ въ душѣ Ллойдъ-Джорджа и поднявшая въ немъ всю энергію человѣка, готоваго, ради принципа, на величайшія жертвы. Англо-бурская война возмущала его и тѣмъ, что въ ней большое государство шло на маленькое, и тѣмъ, что она была лишена достаточныхъ поводовъ. Онъ съ замѣчательнымъ мужествомъ, въ парламентѣ и въ странѣ, выступилъ противъ войны и, не взирая на враждебное ему теченіе, неуклонно продолжалъ свою агитацію. „Патріоты“ въ его же избирательномъ участкѣ, охваченные военной лихорадкой, избили его; въ Бирмингамѣ полиція, для спасенія его жизни отъ враждебно настроенной противъ него толпы, должна была прибѣгнуть къ хитрости: одѣвъ его констеблемъ, она вышла вмѣстѣ съ нимъ послѣ митинга на улицу и довела его до дома, въ которомъ онъ остановился. И всетаки онъ продолжалъ протестовать, покуда страна, остывъ отъ воинственнаго жара, не вышла изъ своего изступленнаго состоянія. Когда былъ подписанъ миръ, имя Ллойдъ-Джорджа уже было популярно во всей Англіи не меньше чѣмъ въ Уэльсѣ. Широкая публика вполнѣ оцѣнила задушевный, свойственный одному Ллойдъ-

Джорджу тонъ рѣчи и его блестящія остроумныя импровизаціи, чуждыя пошлой шутливости, бьющія не въ бровь, а прямо въ глазъ. „Мы должны дать гомруль не только Ирландіи, но и Шотландіи и Уэльсу“—сказалъ онъ въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей. „И гомруль для ада также!“—крикнулъ въ толпѣ какой-то его противникъ. „Совершенно вѣрно!—отрѣзалъ тутъ же на мѣстѣ ораторъ.—Я люблю тѣхъ, которые отстаиваютъ свою родную страну“...

Какъ только власть перешла въ руки либераловъ, Кемпбелль-Баннерманъ предложилъ популярному уэльсцу одинъ изъ важныхъ министерскихъ постовъ. И премьеръ-министръ не ошибся. Ллойдъ-Джорджъ оказался замѣчательнѣйшимъ президентомъ совѣта промышленности, успѣвшимъ въ какіе-нибудь два года сдѣлать больше, чѣмъ его предшественники за многіе десятки лѣтъ. Всѣмъ стало ясно, какого дѣятеля имѣетъ въ немъ Англія. И когда Асквиту пришлось образовать свой кабинетъ, то ему уже никакъ нельзя было обойти Ллойдъ-Джорджа, хотя, быть можетъ, симпатіи его принадлежали другимъ коллегамъ, болѣе близкимъ ему по имперіалистскимъ и инымъ чувствамъ. Онъ обошелъ сэра Эдуарда Грея, обошелъ Гольдена, не далъ хода и Морлею, а сдѣлалъ своей правой рукою Ллойдъ-Джорджа, назначивъ его канцлеромъ казначейства и, такимъ образомъ, поставивъ его первымъ кандидатомъ въ премьеръ-министры Англіи. Асквитъ видѣлъ, что Ллойдъ-Джорджъ отражаетъ именно то новѣйшее теченіе въ средѣ либераловъ, которое идетъ бокъ о бокъ съ соціальной программой рабочей партіи.

Должность канцлера казначейства дала Ллойдъ-Джорджу новую возможность работать въ избранномъ имъ направленіи—и опять-таки съ мужествомъ, искусствомъ и искренностью, которыхъ Англія уже давно не видѣла на этомъ важнѣйшемъ министерскомъ посту. Первый же бюджетъ Ллойдъ-Джорджа оказался настолько изъ ряду вонъ выходящимъ по широтѣ пониманія задачъ государственнаго хозяйства, что съ него начинается, можно сказать, новая эра въ финансовой и политической жизни Англіи. И въ своей борьбѣ за бюджетъ канцлеръ казначейства нашелъ способнѣйшаго соратника въ лицѣ Винстона Черчилля, своего преемника по должности президента совѣта промышленности и наиболѣе вѣроятнаго будущаго преемника на болѣе важныхъ постахъ.

Если Асквитъ внушаетъ довѣріе своимъ осторожнымъ умомъ и твердымъ характеромъ, если Ллойдъ-Джорджъ снискалъ себѣ

любовь задушевностью и быстрымъ, творческимъ умомъ реформатора, то Черчилль плѣняетъ своей богато одаренной, художественной личностью. Никто не увѣренъ, что Черчилль останется до конца дней своихъ тѣмъ демократическимъ борцомъ, какимъ онъ выступаетъ нынѣ. Есть скептики, сомнѣвающіеся въ искренности его и теперь. Рѣчи его не трогаютъ слушателей, какъ рѣчи Ллойдъ-Джорджа, но онѣ чрезвычайно „нравятся", и въ чтеніи онѣ производятъ не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ въ устахъ оратора. Самъ Черчилль признался одному изъ своихъ біографовъ, что иныя свои рѣчи онъ собственноручно переписывалъ и передѣлывалъ шесть разъ прежде чѣмъ ихъ произнести. Но зато когда онъ ихъ произноситъ, онѣ льются блестящимъ каскадомъ хорошо отшлифованныхъ періодовъ, богатыхъ юморомъ, сарказмомъ, поэтическими образами и возвышенными мыслями. Онѣ не могутъ не нравиться, какъ и всякое истинно художественное произведеніе. Обладая драгоцѣннымъ талантомъ приспособлять рѣчи къ характеру аудиторіи, онъ имѣетъ одинаковый успѣхъ, какъ ораторъ, и въ стѣнахъ парламента, и среди университетской аудиторіи, и на публичныхъ митингахъ въ какомъ-нибудь рабочемъ кварталѣ.

Черчилль—прежде всего художникъ слова; изданныя имъ уже восемь или девять книгъ каждой своей строчкой свидѣтельствуютъ о крупномъ писательскомъ дарованіи. Но, конечно, въ министры, въ вожди либеральной партіи онъ попалъ не изъ-за одного своего писательскаго таланта. Рядомъ съ художникомъ въ немъ сидитъ и очень энергичный дѣловой человѣкъ. „Я никогда не сомнѣвался насчетъ того, у какого конца проволоки (телеграфной) слѣдуетъ быть. Лучше создавать новости, чѣмъ получать ихъ; лучше быть актеромъ, чѣмъ критикомъ",—писалъ онъ въ 1898 г. въ своей „Исторіи Малакандскаго похода". И дѣйствительно, едва онъ окончилъ съ отличіемъ военную школу въ Сандгерстѣ, куда онъ перешелъ изъ Гарроу, и вступилъ лейтенантомъ въ фешенебльный гусарскій полкъ, какъ сейчасъ же ринулся на сцену настоящей борьбы. Его не удовлетворяла жизнь молодыхъ офицеровъ, какъ бы нарочно подготовленныхъ къ роли танцоровъ на аристократическихъ и придворныхъ балахъ. Едва пробывъ мѣсяцъ въ формѣ гусара, онъ добился отпуска, чтобы, въ качествѣ корреспондента „Daily Graphic", поѣхать на Кубу на американско-испанскую войну. Когда онъ вернулся съ Кубы, его отправили съ полкомъ въ Индію; но и тутъ онъ предпочелъ присоединиться къ арміи, дѣйствовавшей на границѣ, чѣмъ вести обычную казарменную жизнь въ большомъ городѣ. Кор-

респонденціи, которыя онъ посылалъ отсюда въ „Daily Telegraph“ и другія газеты, составили впослѣдствіи весьма интересную книгу. Изъ Индіи онъ отправляется въ походъ противъ суданцевъ въ Африкѣ и корреспондируетъ оттуда въ „Morning Post“. Возвратившись въ Англію, онъ подаетъ въ отставку и выставляетъ свою парламентскую кандидатуру въ Ольдгемѣ, но терпитъ пораженіе на выборахъ, на которыхъ побѣдителемъ оказывается Ренсиманъ, нынѣшній его коллега по кабинету министровъ. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ южной Африкѣ онъ спѣшитъ туда въ качествѣ корреспондента „Morning Post“, попадаетъ въ плѣнъ къ бурамъ, бѣжитъ изъ плѣна, присутствуетъ при вступленіи англичанъ въ осажденный Ледисмитъ, возвращается на родину, выставляетъ опять свою кандидатуру въ Ольдгемѣ (въ 1900 г.) и одерживаетъ побѣду, произнеся, по словамъ его біографа Маккаллума Скотта, 144 рѣчи, „изъ которыхъ иныя—образцы популярнаго ораторскаго искусства, и всѣ свѣжія, живыя, красивыя“.

Такимъ образомъ въ какія-нибудь пять лѣтъ Черчилль успѣлъ принять участіе, считая два похода въ Индіи, въ пяти войнахъ и въ двухъ избирательныхъ кампаніяхъ. За это время онъ успѣлъ также напечатать четыре книги, изъ которыхъ одна—романъ „Саврола“, появившійся раньше на страницахъ „Macmillan's Magazine“. Неудивительно, что когда человѣкъ, одаренный такимъ богатствомъ юныхъ силъ, избралъ парламентское поприще, то онъ и тутъ пренебрегъ покоемъ и рутиной и сталъ прокладывать новые пути. При первыхъ шагахъ политической своей дѣятельности Черчилль примкнулъ къ партіи торіевъ; но это сдѣлано было имъ исключительно по традиціи. Какъ членъ стариннаго и выдающагося аристократическаго рода, во главѣ котораго стоятъ герцоги Мальборо, какъ сынъ знаменитаго торія-демократа, лорда Рандольфа Черчилля, нынѣшній либеральный министръ счелъ долгомъ вступить въ консервативную партію,— подобно тому какъ Россели, съ герцогомъ Бедфордомъ во главѣ, считаютъ своимъ долгомъ называться либералами. Уже отецъ Винстона, лордъ Рандольфъ, принадлежа по традиціи къ консервативной партіи, былъ консерваторомъ лишь номинально и во многихъ отношеніяхъ оказывался радикальнѣе даже Гладстона, котораго избралъ предметомъ своихъ блестящихъ атакъ. Но лордъ Рандольфъ все же формально не порывалъ съ торіями и для оправданія своего соціально-экономическаго радикализма придумалъ невозможную на самомъ дѣлѣ политическую помѣсь—„торія-демократа“. Сынъ его, обладающій еще болѣе живымъ характе-

ромъ—хотя наврядъ ли большей искренностью,—сразу увидѣлъ невозможность питать демократическія симпатіи и въ то же время быть дѣятельнымъ членомъ партіи торіевъ. Уже первыя его выступленія въ парламентѣ носили больше характеръ нападенія на тогдашнее правительство Сольсбери, Бальфура и Чемберлена, чѣмъ поддержки его и защиты. „Чтобы его чортъ побралъ, этого мальчугана! Онъ постоянно путаетъ!"—вотъ фраза, которую въ началѣ 1902 г. извѣстный въ Англіи парламентскій карикатуристъ „Вестминстерской Газеты" вложилъ въ уста Бальфура, напуганнаго выходкой Черчилля, сидящаго за его спиною.

Въ то время, когда Черчилль вступилъ въ парламентъ, еще не была окончена англо-бурская война, и очень модными вопросами были тѣ, которые касались арміи. Не мудрено, поэтому, что первой жертвой острой и настойчивой критики Черчилля сдѣлался военный министръ Бродрикъ, съ его новымъ планомъ организаціи арміи. Удары Черчилля оказались настолько разрушительными, что Бродрикъ вынужденъ былъ уйти и парламентъ опять долженъ былъ заняться вопросомъ, который казался уже рѣшеннымъ. Самая война съ бурами тоже нашла въ Черчиллѣ не сторонника имперіализма, а горячаго защитника національныхъ правъ буровъ и порицателя всякихъ воинственныхъ лозунговъ. Считая Англію невиновной въ возбужденіи войны и самую войну вполнѣ необходимой, Черчилль требовалъ, чтобы миръ былъ заключенъ какъ можно скорѣе и какъ можно почетнѣе для буровъ. „Я бы хотѣлъ — говорилъ онъ на собраніи консерваторовъ въ Лондонѣ 19-го февраля 1902 г.,—чтобы война закончилась рукопожатіемъ. Британскій флагъ потерялъ бы половину своей славы, еслибы онъ развѣвался надъ недовольнымъ и порабощеннымъ населеніемъ, сдерживаемымъ штыками и вездѣсущей полиціей. Я бы хотѣлъ, чтобы война въ южной Африкѣ окончилась договоромъ, въ которомъ права британской короны были бы соблюдены наравнѣ съ правами бурскаго народа". Онъ не боится клички „маленькаго англичанина", бросаемаго имперіалистами въ лицо ихъ противникамъ. „Чемберленъ сказалъ, что наше время—время большихъ имперій, а не маленькихъ государствъ. Я несогласенъ съ этимъ положеніемъ — заявилъ Черчилль въ Манчестерѣ 3-го іюня 1904-го года.—Имперіи, которыя велики только пространствомъ, которыя представляютъ собою только агломерацію подневольныхъ народностей, связанныхъ въ одно центральнымъ правительствомъ и арміей, такія имперіи часто разваливались и будутъ разваливаться отъ одного натиска маленькаго народа, болѣе сильнаго своимъ патріотическимъ чув-

ствомъ... Сила англійской имперіи кроется не въ количествѣ квадратныхъ миль ея территорій, не въ многочисленности ея подданныхъ, не въ искусствѣ полководцевъ и не въ величинѣ арміи, а въ томъ, что эта имперія основывается на согласіи свободныхъ народовъ, соединенныхъ между собою благородными и прогрессивными принципами; что она одушевлена уваженіемъ къ праву и справедливости въ сношеніяхъ съ другими націями и что, въ общемъ, она служитъ факторомъ человѣческаго прогресса и международнаго мира".

Свое презрѣніе къ тому патріотизму, который видитъ всѣ доблести лишь въ своемъ народѣ и отрицаетъ за другими народами право на блага, какими пользуется самъ, Черчилль сталъ высказывать не только тогда, когда онъ сдѣлался политическимъ дѣятелемъ. Еще будучи юнымъ офицеромъ, онъ навлекъ на себя неудовольствіе генерала Китченера откровеннымъ осужденіемъ поруганія, совершоннаго этимъ генераломъ надъ трупомъ Махди, обезглавленнымъ и брошеннымъ въ Нилъ. Страницы въ книгѣ Черчилля: „The River War", посвященныя характеристикѣ Махди, дышатъ глубокимъ уваженіемъ къ личности этого выдающагося африканскаго вождя. Для Черчилля Махди—не хуже генерала Гордона, и онъ не понимаетъ того чувства мщенія, которое вызвала смерть послѣдняго.

Не будучи сторонникомъ милитаризма, Черчилль не можетъ одобрять и громадныхъ затратъ на арміи, растущихъ изъ года въ годъ. Одна изъ его лучшихъ рѣчей была произнесена 13-го мая 1901 г. въ пользу сокращенія военныхъ расходовъ. Съ большимъ эффектомъ онъ тогда процитировалъ слова своего отца, который, будучи канцлеромъ казначейства въ первомъ кабинетѣ лорда Сольсбери, предпочелъ уйти въ отставку, чѣмъ „быть участникомъ въ поощреніи военныхъ и воинствующихъ кружковъ къ состязанію съ другими странами въ безумныхъ расходахъ на вооруженія". „Мудрыя слова не ржавѣютъ отъ времени — говорилъ сынъ, напоминая палатѣ слова отца,—и я очень радъ, что палата позволила мнѣ, послѣ промежутка въ пятнадцать лѣтъ, опять поднять истрепанный флагъ сокращеній и экономіи".

Въ рядахъ консеративной партіи этому новому стороннику антимилитаризма, бережливости и свободы мелкихъ національностей оказалось мало мѣста. Разразившійся въ 1903-мъ году политическій кризисъ на почвѣ тарифа окончательно опредѣлилъ дальнѣйшій путь Черчилля. Онъ объявилъ себя безусловнымъ сторонникомъ свободы торговли и съ величайшей энергіей отдался борьбѣ противъ протекціонистовъ, т.-е. противъ своей же консервативной партіи и ея вождей. Это привело къ тому, что кон-

сервативная партія начала его бойкотировать, а консервативный клубъ въ его же избирательномъ участкѣ, гдѣ онъ хотѣлъ собрать митингъ, отказался впустить его въ свое помѣщеніе. Шелъ проливной дождь. Взобравшись на козлы кареты, въ которой онъ подъѣхалъ къ дверямъ клуба, и снявъ шляпу, Черчилль обратился съ краткой, негодующей рѣчью къ окружившей его толпѣ. „Я вступилъ въ эту борьбу не зря — воскликнулъ онъ, — и я рѣшилъ довести ее до конца!“ И хотя комитетъ клуба принесъ ему извиненіе, но онъ самъ пересталъ уже считать себя членомъ консервативной партіи. Черезъ нѣсколько времени, говоря на митингѣ въ Галифаксѣ, онъ сказалъ: „слава Богу, у насъ есть либеральная партія!“ Вскорѣ Манчестеръ пригласилъ его быть кандидатомъ этой либеральной партіи. Черчилль принялъ кандидатуру и въ началѣ парламентской сессіи 1905-го года уже сидѣлъ рядомъ съ Ллойдъ-Джорджемъ на скамьяхъ тогдашней оппозиціи, какъ горячій сторонникъ политики Кэмпбелль-Баннермана.

Несомнѣнно, сфера демократическаго либерализма, сфера стремленій къ безостановочному усовершенствованію жизни, больше подходитъ къ натурѣ Черчилля, чѣмъ салонный консерватизмъ, видящій идеалъ въ самодовольномъ застоѣ. Цѣня жажду дѣятельности и великую способность къ ней, столь очевидныя въ Черчиллѣ, Кэмпбелль-Баннерманъ при составленіи кабинета назначилъ его товарищемъ министра по дѣламъ колоній. Ему было въ то время 31 годъ отъ роду. Министръ колоній, лордъ Эльджинъ, былъ членомъ палаты лордовъ, а Черчилль засѣдалъ въ палатѣ общинъ, что̀ и дало ему возможность показать всю мѣру своихъ способностей и такта. Но, повидимому, должность колоніальнаго under-secretary далеко не поглощала всей его энергіи. Во время парламентскихъ вакацій въ 1907-мъ году онъ совершилъ путешествіе пѣшкомъ по Угандѣ и издалъ объ этомъ путешествіи интересную книгу. Конечно, всѣмъ было ясно, что Черчилль не можетъ долго оставаться во второстепенной роли: большому кораблю — большое плаваніе. При первой же перемѣнѣ въ составѣ кабинета Черчилль сталъ членомъ кабинета министровъ, въ должности президента совѣта промышленности.

Популярность его растетъ и крѣпнетъ, и онъ самъ съ годами все шире развиваетъ свои творческія силы. И теперь уже всѣ смотрятъ на него какъ на будущаго премьеръ-министра, являющагося въ Англіи, въ сущности, представителемъ не одной какой-либо партіи, а всей страны, въ качествѣ наилучшаго выразителя желаній и мнѣній большинства народа.

С. Рапопортъ.

ТИХОЕ ПРИСТАНИЩЕ *)

ПОВѢСТЬ.

I.

Городъ.

Проѣхавъ нѣсколько сотъ верстъ по лѣсистой, почти безлюдной пустынѣ, испытавъ на своихъ бокахъ всевозможные роды почвъ, начиная отъ сыпучихъ песковъ и кончая болотами, съ непремѣнною ихъ принадлежностью—мучительнымъ мостовникомъ,

---

*) Настоящую рукопись мы получили отъ М. М. Стасюлевича, при слѣдующемъ письмѣ:

„Вскорѣ послѣ кончины (28 апрѣля 1889 г.) Михаила Евграфовича Салтыкова, вдова его, Елизавета Аполлоновна, пригласила меня для разбора вмѣстѣ съ нею бумагъ и рукописей, находившихся въ кабинетѣ покойнаго. При этомъ пришлось отложить въ сторону какъ черновики, писанные имъ собственноручно, такъ и бумаги переписанныя, но очевидно прочтенныя авторомъ внимательно, такъ какъ на нихъ встрѣчаются поправки и дополненія, сдѣланныя его рукою. Къ числу послѣднихъ относится и настоящая рукопись. Всѣ эти бумаги были отданы Елизаветой Аполлоновной въ мое полное распоряженіе и хранились у меня въ теченіе двадцати лѣтъ, до настоящаго времени. Между рукописями оказалась неоконченная повѣсть: „Тихое пристанище", не вошедшая въ полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова и, повидимому, нигдѣ до сихъ поръ не напечатанная. Препровождаю эту рукопись въ редакцію „Вѣстника Европы", на случай еслибы редакція пожелала напечатать ее въ своемъ журналѣ".

М. Стасюлевичъ.

На помѣщеніе „Тихаго пристанища" въ „Вѣстникѣ Европы" выразила согласіе Л. Ф. Марксъ, которой принадлежитъ въ настоящее время право литературной собственности на всѣ произведенія М. Е. Салтыкова.—Ред.

пріятно сказать себѣ: скоро конецъ дорожнымъ страданіямъ, конецъ ужасной, изнимающей душу телѣгѣ, конецъ уединеннымъ станціоннымъ домикамъ, около которыхъ вьются тучи комаровъ! Скоро городъ—и въ немъ пріютъ.

Да, непривѣтно глядишь ты, родная равнина; не порадуешь, не утѣшишь ты усталаго путника, день и ночь умирающаго на тряской телѣгѣ, въ переѣздахъ по безконечному твоему раздолью. На десятки верстъ раскинулась ты окрестъ, ничѣмъ не намекая на присутствіе человѣка, ни на чемъ не представляя слѣдовъ работы его, кромѣ узкой и исковерканной дороги, но и та какъ будто не человѣческимъ рукамъ обязана своимъ существованіемъ, а проложена пустыннымъ медвѣдемъ, когда-то просѣкавшимъ здѣсь путь сквозь чащу лѣсную. Однообразная картина непросвѣтнаго лѣса, безконечно протянувшагося по обѣ стороны дороги, неизвѣстно откуда берущіеся лѣсные звуки, такъ чутко и отчетливо пересказываемые эхомъ изъ одного конца лѣса въ другой, полумракъ, въ которомъ, словно въ туманѣ, утопаютъ очертанія деревъ — все это вмѣстѣ взятое дѣйствуетъ на нервы раздражительно. Великаны встаютъ передъ глазами, страшные звѣри мерещутся въ лѣсной глубинѣ, баба-яга скачетъ въ каменной ступѣ, погоняя желѣзнымъ пестомъ, соловей-разбойникъ пускаетъ шипъ по змѣиному... Словомъ, вся дѣтская миѳологія вдругъ проносится надъ душою. Напуганное воображеніе напрягается въ ущербъ разсудку, путникъ инстинктивно озирается по сторонамъ и инстинктивно же прислушивается, не идетъ ли откуда опасность; жгучее, тоскливое нетерпѣніе охватываетъ все существо...

И вотъ на смѣну лѣса является низменная, потная луговина; на смѣну полумрака является полусвѣтъ. Но что это за бѣдность, что это за чахлость и неустойчивость! Блѣдно-зеленые цвѣта и измореннный видъ растительности явно свидѣтельствуютъ о преждевременной зрѣлости, постигшей ее въ этой забытой лучами солнца и непріютной сторонѣ. Только изрѣдка, въ засушливое лѣто, когда все окрестъ тлѣетъ отъ истомы и зноя, когда ликующая природа какъ будто никнетъ подъ бременемъ своей собственной мощи, только въ такія рѣдкія на нашемъ сѣверѣ минуты и эта бѣдная луговина, утративъ излишнюю влагу, одѣвается на время въ праздничный нарядъ свой и сплошь покрывается ярко-желтыми цвѣтами. Тогда въ воздухѣ носятся словно душистыя испаренія меда; тогда, если вы взглянете на золотистую полосу цвѣтовъ, словно радующуюся среди общаго однообразія и бѣдности, вамъ непремѣнно покажется, будто кто-то

вамъ улыбнулся тою мягкою, милою улыбкою, отъ которой вдругъ расцвѣтаетъ ваше сердце... Но вотъ снова пахнуло дождемъ; проѣзжіе извозчики, пользуясь временною засухою, во всѣхъ направленіяхъ избороздили веселую луговину—и передъ вами опять та же черная полоса взрытой земли.

Но уживчивъ и покладистъ коренной гражданинъ этой скучной равнины, русскій мужикъ! Какъ ни бѣдна дарами, какъ ни мало гостепріимна кругомъ его природа, онъ безропотно покоряется ей. Трудно идетъ его работа, горекъ добытый ею кусокъ, но слова: „въ потѣ лица снискивай хлѣбъ свой", слова никогда ему не читанныя, ни отъ кого имъ не слышанныя, по какому-то обидному насильству судьбы такъ естественно и всецѣло слились со всѣмъ его существомъ, что стали въ немъ плотью и кровью, стали исходною точкой, средствомъ и цѣлью всего его существованія. Вонъ, на самомъ краю болотины, среди зыбучихъ песковъ, ютится рядъ бѣдныхъ, ветхихъ избъ... Что это за грустный, надрывающій сердце видъ! Вотъ и прудъ среди селенія, прудъ мелкій и топкій, на неподвижной поверхности котораго плаваетъ зеленая плѣсень и изъ-за котораго по мѣстамъ высовываются почернѣвшія, гнилыя коряги; вотъ и улица, грязная, покрытая толстымъ слоемъ чернозема; вотъ и запачканная семья бѣловолосыхъ ребятишекъ, съ поднятыми до груди рубашенками, бережно переходящихъ по грязи черезъ улицу или копающихся въ землѣ гдѣ-нибудь въ сторонѣ у амбарушка. Вотъ у воротъ избы, на завалинкѣ, вышла погрѣться на солнышкѣ сгорбленная бабушка Офимья, которую ужъ никакіе лучи солнца не могутъ согрѣть въ этомъ мірѣ и которая ждетъ-не дождется той минуты, когда среброкудрые ангелы возьмутъ ея душеньку и успокоятъ ее на лонѣ Авраамовомъ... Вотъ и самъ онъ, достолюбезный русскій мужикъ, тихо идущій за сохою, изнуренный, но не убитый трудомъ, утомленный, но все еще бодрый, угнетенный, но все еще надѣющійся...

Но городъ ужъ близко; болота попадаются рѣже, населенность дѣлается гуще. Вотъ, наконецъ, и старинный сосновый боръ, составляющій какъ бы необходимую принадлежность каждаго русскаго города и служащій любимымъ мѣстомъ прогулокъ для его обывателей.

— Этотъ борокъ-то ужъ городской, — говоритъ ямщикъ, оборачиваясь къ вамъ и какъ-то веселѣе покрикивая на лошадей;—а вонъ тамъ, видишь, просвѣчиваетъ-то — будетъ еще поляночка, а за ней ужъ и городъ.

— А что, хорошъ у васъ городъ?

— Ничего, городъ хорошій, и купцы богатѣющіе есть. По четвергамъ базары бываютъ, такъ и не проѣхать, что̀ туда народу наѣзжаетъ.

И дѣйствительно, какъ только выйдешь изъ сосноваго бора, глазамъ уже открывается весь городъ какъ на ладони. Обычное тревожное чувство неизвѣстности овладѣваетъ при видѣ его: „Что-то будетъ? Какая-то жизнь кроется за этими стѣнами?“— думаете вы и съ любопытствомъ вглядываетесь въ каждый самый незначительный предметъ, попадающійся по дорогѣ.

На этомъ городѣ мы съ вами остановимся, читатель. Имя ему Срывный. Онъ стоитъ на высокомъ и обрывистомъ берегу судоходной рѣки и вдоль и поперекъ изрѣзанъ холмами, оврагами и суходолами. Видъ съ нагорнаго берега рѣки на противоположную сторону до такой степени привлекателенъ, что даже генералъ Зубатовъ, человѣкъ вообще къ красотамъ природы недоброжелательный, удостоилъ обратить на него вниманіе и, обозрѣвъ съ балкона отводной квартиры окрестность, произнесъ: „Достойно примѣчанія“. Въ особенности хорошо бываетъ въ Срывномъ весною. Точно море разливается въ это время рѣка, затопляя и луга, и частый тальникъ, растущій на берегу, и даже старый сосновый боръ, который, словно движущійся островъ, выступаетъ въ это время изъ воды колышущеюся зеленью вершинъ своихъ. Строго и негостепріимно смотритъ огромная масса водъ, мѣняя въ быстромъ и грозномъ бѣгѣ своемъ всевозможные оттѣнки цвѣтовъ, отъ мутно-бураго и темно-стального до свѣтло-бирюзоваго, мѣстами переходящаго въ прозрачно-изумрудный и рубиновый; а въ вышинѣ бѣгутъ гонимыя весенними вѣтрами облака, то отставая, то обгоняя другъ друга и принимая самыя прихотливыя, узорчатыя формы. Картина суровая и неразнообразная, но вмѣстѣ съ тѣмъ поражающая зрителя величіемъ самой простоты своей. Вообще замѣчено, что суровые тоны дѣйствуютъ на душу живительнѣе. Въ виду этого простора, въ виду этой силы стихіи, въ одно и то же время и разрушающей, и оплодотворяющей, человѣкъ чувствуетъ себя отрезвленнымъ, чувствуетъ, какъ встаетъ и ростетъ во всемъ существѣ его страстный порывъ къ широкому раздолью, который дотолѣ дремалъ на днѣ души, подавленный кропотливостью жизненныхъ мелочей.

Въ весенній солнечный день вся окрестность выступаетъ до такой степени отчетливо, что верстъ на двадцать представляется взору со всѣми подробностями и очертаніями. Вдали виднѣются два-три села, съ ихъ бѣлыми церквами и черными группами крестьянскихъ избъ; ближе бурѣетъ поле, мѣстами еще не

вполнѣ освободившееся отъ снѣга, пестрящаго его въ видѣ бѣлыхъ заплатъ, а рядомъ съ полемъ уже пробивается молодая трава на степномъ лугу. Вонъ, въ сторонѣ мелькнулъ гнутый тальникъ, сквозь густыя и перепутанныя насажденія котораго блеснула стальная полоса старицы, а иногда и просто оврага, который лѣтомъ сухъ и печаленъ, а весной до краевъ наполняется водой; по одному берегу его узкой грядкой лѣпится низенькій и тощій лѣсокъ, по другому—тянется безконечная изгородь, мѣстами уже обвалившаяся и вообще плохо защищающая сосѣдній лугъ отъ потравы; а вонъ и болотце, сплошь покрытое волнующейся осокой, сѣрые отливы которой непріятно рѣжутъ глаза, а надъ болотцемъ безчисленными стадами кружатся кулички и прочая птица. Наконецъ, далѣе, на заднемъ планѣ, картина обрамляется синею полосою лѣса, того неисходнаго лѣса, который, по увѣренію туземцевъ, тянется отсюда вплоть до Ледовитаго океана. И все это—облитое горячими лучами весенняго солнца, все это свѣжее, дѣвственное, ликующее, полное обновляющей силы...

По рѣкѣ и на берегу кипитъ жизнь и дѣятельность. Плоскодонныя расшивы, скорѣе похожія на огромные лубяные короба, нежели на суда, лѣсные плоты, барки съ протянутыми отъ мачтъ бичевами—все это снуетъ взадъ и впередъ, мѣшаясь въ самомъ живописномъ безпорядкѣ и едва не задѣвая другъ объ друга. Медленно и самодовольно проползаетъ между ними единственная въ своемъ родѣ огромная и неуклюжая коноводная машина, какъ будто хочетъ сказать встрѣчнымъ судамъ: „Эй вы, сторонись, мелкота! пропусти долговязаго дурака!“ Въ послѣднее время начали изрѣдка пробѣгать даже пароходы, на огромное пространство вспѣнивая и возмущая воду, распугивая шумомъ колесъ робкое царство подводныхъ обитателей и наводя своимъ свистомъ уныніе на всю окрестность, тихій сонъ которой еще не былъ доселѣ нарушенъ торжествующими воплями новѣйшей промышленной вакханаліи. Однако, пароходы еще рѣдкость въ этомъ краю, и мѣстнымъ жителямъ еще не надоѣло собираться толпами на берегу всякій разъ, какъ пронесется по городу вѣсть объ имѣющей прибыть „чортовой машинѣ“. Но увы! въ воздухѣ уже носятся зловѣщія предзнаменованія, предвѣщающія близкій конецъ первобытнымъ формамъ жизни; атмосфера уже заражена тлетворными міазмами грядущихъ акціонерныхъ компаній, этихъ чреватыхъ надувательствомъ и невѣжественною дерзостью чужеядныхъ растеній, которыя поработятъ себѣ туземнаго человѣка, чтобъ утучнять его потомъ тѣла

разбогатѣвшихъ цѣловальниковъ и ихъ развратныхъ любовницъ. Одинокій нынѣ пароходъ приведетъ за собой десятки и сотни другихъ; вытянутся вдоль берега фабрики и заводы; насытятъ они ѣдкостью и смрадомъ дыма свѣжій воздухъ окрестности и отравятъ вольныя воды рѣки... Что-то станетъ съ тобой, милая, дѣвственная страна?

Странный, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримый и въ высшей степени замѣчательный фактъ, что у насъ, на Руси, всякое новое явленіе, обѣщающее, повидимому, облегчить развитіе народной жизни, прежде всего ложится тяжелымъ гнетомъ именно на эту жизнь. Мужикъ теряетъ вездѣ: фабрикантъ его притѣсняетъ, удерживая изъ заработной платы прогульные дни, насчитывая на него разнообразныя утраты; на пароходѣ и въ вагонѣ распоряжаются имъ какъ поклажею. И нигдѣ защиты, нигдѣ управы! Несомнѣнныя выгоды новаго положенія, приносимаго новыми зачатками цивилизаціи, исчезаютъ подъ бременемъ придирокъ, формальностей и какого-то безнравственнаго служенія искусству для искусства, а ущербы и утраты, которые неминуемо влечетъ за собой паденіе старыхъ порядковъ, выступаютъ все яснѣе и настоятельнѣе, и все назойливѣе разжигаютъ въ сердцѣ бѣднаго человѣка горькое недовольство настоящимъ, безъ всякой надежды на будущее. Отчего это? Не отъ того ли, что въ естественномъ порядкѣ всякое новое явленіе въ сферѣ экономической или политической должно входить въ жизнь не одинокое, но окруженное цѣлымъ рядомъ другихъ соотвѣтственныхъ явленій, имѣющихъ споспѣшествующее и обезпечивающее свойство, а у насъ явленіе это всегда становится уединенно, безъ всякой связи съ общимъ жизненнымъ строемъ? Не отъ того ли, что всякое учрежденіе, какова бы ни была побудительная причина его существованія, прежде всего должно служить обществу, его интересамъ, даже капризамъ и прихотямъ, а не порабощать ихъ себѣ, не пріурочивать ихъ къ своему масштабу? Здѣсь не мѣсто, конечно, рѣшать такого рода вопросы, но нельзя не сознаться, что они невольно представляются встревоженному уму и, однажды возбужденные, надолго оставляютъ въ сердцѣ горькій осадокъ недовольства.

Но въ отношеніи къ описываемой мѣстности это покуда только гадательное будущее, а потому станемъ продолжать прерванное описаніе.

Бичевникъ усѣянъ бурлаками и ихъ тощими лошаденками; видъ первыхъ, а равно гортанные и унылые крики, которыми они побуждаютъ какъ другъ друга, такъ и лошадей, наводятъ

тоску на сердце посторонняго наблюдателя; это какой-то выстраданный, надорванный крикъ, вырывающійся съ мучительнымъ, почти злобнымъ усиліемъ, какъ вздохъ, вылетающій изъ груди человѣка, котораго смертельно глубоко оскорбили и который, между тѣмъ, не находитъ въ ту минуту средствъ отомстить за оскорбленіе, а только вздыхаетъ... но въ этомъ вздохѣ уже чуется будущая трагедія.—Особенно широкіе размѣры принимаетъ торговая и промысловая дѣятельность города на пристани. Не надо воображать себѣ, чтобъ это была пристань благоустроенная, съ амбарами, съ укрѣпленною набережной и мощенымъ спускомъ; это просто такъ называемая „натуральная“ пристань, большую часть навигаціоннаго времени непроходимо грязная, съ невозможнымъ спускомъ и ветхими, полуобвалившимися навѣсами, вмѣсто складочныхъ помѣщеній. Бунты кулей съ хлѣбомъ и льнянымъ сѣменемъ, груды рогожъ и мочалы, приготовленныя для сплава, въ безпорядкѣ стоятъ на берегу, ожидая своей очереди къ погрузкѣ; но эта-то безпорядочность и сопряженная съ ней суетливость и придаютъ пристани ту оригинальность, которой она, конечно, не имѣла бы, еслибъ погрузка производилась систематически. Немолчно раздается говоръ и шумъ толпы, весь воздухъ наполненъ этимъ милымъ, какъ будто праздничнымъ гуломъ, который по временамъ принимаетъ самые симпатическіе тоны. Вотъ доносится до васъ замысловато-крѣпкое словцо, но доносится какъ-то не оскорбительно, а скорѣе добродушно, такъ что вамъ остается только развести руки и подумать про себя: „Вѣдь вотъ что выдумалъ человѣкъ! даже правдоподобія никакого нѣтъ... а ладно!“ Рядомъ съ этимъ крѣпкимъ словцомъ слышится дѣйствительно добродушный и задушевный смѣхъ, и раздается острота, но такая мѣткая и хорошая, что лицо ваше проясняется окончательно, и вы невольно, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ пріобщаетесь къ этой внутренней, для равнодушнаго зрителя навсегда остающейся неразгаданною жизни народа, сила которой почти насильственно задѣнетъ всѣ лучшія, свѣжія струны сердца, наполнитъ вашу душу невѣдомыми, неизвѣстно откуда берущимися рыданіями и хлынетъ изъ глазъ цѣлымъ потокомъ слезъ... Гдѣ источникъ этихъ слезъ? въ томъ ли сочувственно-любовномъ настроеніи души, которое заставляетъ симпатически относиться ко всѣмъ даже темнымъ сторонамъ родной жизни, или въ томъ вѣчно расходуемомъ, но никогда не истрачивающемся запасѣ застарѣлыхъ скорбей и печалей, который горькимъ опытомъ цѣлой жизни накопляется въ сердцѣ, набрасывая на него темную пелену унынія и безнадеж-

ности? Не берусь рѣшить этотъ вопросъ, но знаю, что въ слезахъ вашихъ будетъ и своя доля отрады, какъ въ томъ достолюбезномъ народномъ говорѣ, въ которомъ, среди диссонансовъ, слышится иногда такой ясный, поразительно цѣльный звукъ, что изъ сознанія вашего мигомъ изгоняется всякое сомнѣніе въ возможности будущей гармоніи.

Вообще изъ всей обстановки должно заключить, что Срывный—богатый промышленный городъ. Дѣйствительно, онъ и выстроенъ, сравнительно съ другими уѣздными городами, хорошо; главная площадь и главная улица сплошь застроены каменными домами и амбарами, а многочисленность магазиновъ съ красными и галантерейными товарами доказываетъ, что значительная часть его населенія достаточно зажиточна, чтобы дозволить себѣ употребленіе предметовъ роскоши. Тѣмъ не менѣе, каменныя палаты купцовъ смотрятъ негостепріимно. Есть что-то угрюмое въ звукѣ цѣпей, которыми замыкаются тяжелыя ворота, отворяемыя только для пропуска телѣгъ, тяжело нагруженныхъ громоздкимъ товаромъ, и потомъ снова и надолго запираемыя. Маленькія и глубоко врѣзавшіяся въ толстыя стѣнки окна домовъ тоже всегда заперты; не проглянетъ изъ-за нихъ въ глаза прохожему пригожая головка хорошенькой купеческой дочери, не освѣжитъ его слуха молодой и рѣзвый смѣхъ дѣтей, этотъ смѣхъ вѣчно ликующей, вѣчно развивающейся жизни; зеленоватыя и покрытыя толстымъ слоемъ грязи стекла скрываютъ отъ взора даже внутренность комнатъ. Постороннему человѣку представляется, что тамъ, за этими тяжелыми воротами, за этими толстыми каменными стѣнами, начинается совершенно иной міръ, міръ холодный и безстрастный, въ которомъ не трепещетъ ни одно сердце, не звучитъ ни одна живая струна. Тамъ, мнится ему, въ этой безшумной и темной области, живутъ люди съ потухшими взорами, съ осунувшимися лицами, люди, не имѣющіе идеала, не признающіе ни радостей, ни заблужденій жизни, и потому равнодушнымъ окомъ взирающіе на проходящее мимо нихъ добро и зло. Тамъ старики-отцы заживо пожираютъ безгласныхъ дѣтей; тамъ проходимцы-святоши, смиренные и угодливые съ вида, въ сущности же пронырливые и честолюбивые, держатъ въ рукахъ, при помощи фанатическихъ старухъ, судьбы и честь цѣлыхъ семействъ.

Въ особенности вечеромъ это полное отсутствіе жизни принимаетъ грустный, даже мучительный характеръ. Едва спустились на землю сумерки, какъ вслѣдъ за ними почти мгновенно исчезаетъ и всякое движеніе по улицѣ; наступаетъ глубокая,

мертвая тишина, лишь изрѣдка прерываемая лаемъ спущеннаго съ цѣпи пса — и ни въ одномъ окнѣ не покажется зазывнаго свѣта, ни въ одномъ концѣ не застучитъ земля подъ ногою запоздавшаго пѣшехода, а сомнительные и дрожащіе лучи зажженныхъ передъ образами лампадокъ, прорѣзываясь сквозь мглу, дѣлаютъ ее еще болѣе мрачною и непроницаемою.

Но самая характеристическая особенность города, опредѣлившая однажды навсегда и составъ, и занятія его населенія, заключается въ томъ, что онъ стоитъ на углу, гдѣ сходятся рубежи трехъ губерній, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ центръ, въ который стекаются всѣ безвѣстные, неоффиціальные пути, ведущіе изъ-за Урала въ великую Россію. Это положеніе представляетъ слишкомъ много удобствъ для всякаго рода запрещенныхъ сдѣлокъ и укрывательствъ, чтобы люди смышленые не спѣшили воспользоваться подобнымъ преимуществомъ. Изстари Срывный сдѣлался, съ одной стороны, становищемъ всевозможныхъ раскольническихъ толковъ, съ другой—гнѣздомъ искусниковъ, промышляющихъ всякаго рода зазорными ремеслами. Возможность легко и скоро сбыть подозрительную вещь, а въ крайнемъ случаѣ—и самому скрыться за рѣку, которая составляетъ заповѣдную для мѣстной полиціи черту, положила начало промысламъ подобнаго рода въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что полиціи остается только самой принимать въ нихъ косвенное и небезвыгодное участіе. Круглый годъ, а въ особенности съ открытіемъ рѣчной навигаціи, въ Срывномъ проживаютъ цѣлыя толпы бродягъ, между которыми нерѣдко можно встрѣтить даже бѣглыхъ каторжниковъ, а преимущественно всякаго рода искателей приключеній, которымъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сдѣлалось тѣсно и душно подъ родной кровлей.

II.

Веригинъ.

Въ концѣ мая 1857-го года въ Срывномъ поселился молодой человѣкъ, по фамиліи Веригинъ. Прибылъ онъ туда въ качествѣ агента, предвѣстника обширнаго промышленнаго предпріятія, и немедленно же оказалъ примѣрную дѣятельность по исполненію возложеннаго на него дѣла.

Извѣстно, что у насъ, лѣтъ пять тому назадъ, промышленнымъ проектамъ и предпріятіямъ всякаго рода, особенно по-

счастливилось. Общество неожиданно прониклось духомъ спекуляцій и жаждою пріобрѣтенія; послѣ продолжительнаго оцѣпенѣнія, оно вдругъ встрепенулось, бросилось въ промышленный идеализмъ, прониклось наивною вѣрой въ какое-то обновленіе Россіи и торопливо рвалось (словно милостью воспользоваться спѣшило) пустить свои залежавшіеся капиталы въ различныя предпріятія, обѣщавшія несомнѣнныя и безконечныя выгоды. Акціонеры того времени и доселѣ ощущаютъ на себѣ послѣдствія этой промышленной горячки, заявившія себя и въ упадкѣ акцій до половинной цѣны, и въ невыдачѣ дивиденда. Но тогда имъ жилось легко. Тогда ихъ обольщала карта Россіи; подобно мужикамъ, двинувшимся на Сыръ-Дарью изъ внутреннихъ губерній Россіи, они вѣрили, что существуютъ гдѣ-то кисельные берега, между которыми текутъ молочныя рѣки; вѣрили и мечтали, вѣрили и безпрекословно подписывались на акціи.

Какъ бы для усугубленія ажитаціи, явились на сцену особаго рода промышленные меценаты, изъ людей бывалыхъ, обладавшіе значительными капиталами и, что̀ всего важнѣе, обязанные своимъ благосостояніемъ личному труду. Эти меценаты разсуждали резонно и скучно (что, какъ извѣстно, составляетъ необходимую принадлежность русской дѣловитости), доказывали, что дважды-два четыре, а отнюдь не пять, отказывались отъ своего прошлаго и, скромно краснѣя, убѣждали общество не увлекаться, не кидать капиталовъ на вѣтеръ, но дѣйствовать осторожно и осмотрительно. „Прежде всего,—говорили они,—слѣдуетъ достовѣрно узнать, дѣйствительно ли такъ обильна земля наша, какъ свидѣтельствовали о томъ тремъ братьямъ Варягамъ достославные сподвижники старца Гостомысла“. Слыша такія разумныя рѣчи, акціонеры кричали: „ура!“ и безпрекословно поручали свое достояніе опытнымъ мужамъ, которые, служа столько лѣтъ преимущественно по питейной части, не могли же не знать Россіи вдоль и поперекъ. Нѣкоторые даже ласково роптали на излишнюю осторожность меценатовъ и убѣждали ихъ быть болѣе смѣлыми. „Дерзость и натискъ—вотъ лозунгъ нашего времени!“ говорили они и расходились по домамъ, утѣшенные сладкимъ сознаніемъ исполненнаго долга.

Промышленные замыслы, проекты и вычисленія выростали на каждомъ шагу, изумляя своимъ разнообразіемъ и грандіозностью умы самые дерзкіе и наполняя сладкимъ трепетомъ сердца скопидомовъ, передъ которыми, къ довершенію всего, опекунскій совѣтъ угрюмо затворилъ свои гостепріимныя двери. „Самъ Василій Панкратьичъ проговорился, что тутъ пахнетъ

пятнадцатью процентами!"—раздавалось изъ конца въ конецъ. „А Моисей Самойлычъ клянется: будь я подлецъ, если не получится цѣлыхъ двадцати!"—откликалось промышленное эхо. Капиталы стекались; меценаты радовались и поздравляли акціонеровъ съ пробужденіемъ общества къ дѣятельности; акціонеры радовались и благодарили меценатовъ за лестное объ обществѣ мнѣніе.

И, надо быть справедливымъ, „опытные мужи" вполнѣ оправдали ту лестную репутацію, которая имъ предшествовала. Всѣмъ извѣстно, сколь плачевно окончились мыльные пузыри, носившіе у насъ громкое названіе промышленныхъ предпріятій. Но опытные мужи вышли невредимы изъ общаго избіенія. Какъ только верхнее чутье доносило до нихъ смутное извѣстіе объ угрожающей опасности, они немедленно и небезвыгодно устремлялись въ кусты, предоставляя мелкотѣ-акціонерамъ считаться между собой и даже укорять другъ друга въ безпутствѣ и малоуміи.

Но оставимъ въ сторонѣ меценатовъ. Для насъ гораздо важнѣе то, что тотъ же духъ промышленныхъ предпріятій далъ мѣсто другому, тоже довольно многочисленному классу людей. Это—классъ агентовъ, ходоковъ, путешественниковъ-аматеровъ, вывѣдывальщиковъ, которые, странствуя по разнымъ краямъ Россіи, ловко поддѣлываются подъ народную рѣчь, собираютъ свѣдѣнія о цѣнахъ на всевозможные предметы, о мѣстныхъ промыслахъ и заработкахъ и проч. Большею частью это народъ молодой и порядочный, приступающій къ дѣлу съ увлеченіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ бѣдный, начинающій жизненную карьеру на свой собственный счетъ, а не на счетъ бабушекъ и тетушекъ. Частную службу эти люди предпочитаютъ всякой другой, во-первыхъ потому, что она представляетъ болѣе независимости и разнообразія, а во-вторыхъ и потому, что она солиднѣе обезпечиваетъ средства существованія. Время, которое мы переживаемъ, вызвало къ дѣятельности много такихъ людей; это тѣ самые, которые прежде всѣхъ запримѣтили такъ называемую эпоху возрожденія и первые же запѣли въ честь ея страстные диѳирамбы. Надо сказать правду: это послѣднее было съ ихъ стороны опрометчивостью, въ которой они впослѣдствіи горько раскаялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ опрометчивостью не необъяснимою. Кажущееся стремленіе общества выйти изъ застарѣлыхъ формъ жизни обманываетъ; кажущееся раскаяніе закоснѣлыхъ грѣшниковъ трогаетъ. Въ тѣ торжественныя минуты, когда общество, какъ одинъ человѣкъ, посыпаетъ голову пепломъ и объявляетъ себя несостоятельнымъ, все представляется возможнымъ и естественнымъ. Въ такія минуты крокодилъ проливаетъ

слезы, гіена умиляется, откупщикъ клянется прекратить постыдное ремесло своей жизни. „Забудемъ прошлое! поспѣшимъ на помощь меньшему брату!“—слышится со всѣхъ сторонъ, и вслѣдъ за этими возгласами дѣйствительно простираются объятія, и самыя губы складываются въ поцѣлуй. Какъ тутъ не повѣрить? Какъ прослѣдить затаенное коварство, составляющее внутренній смыслъ нравственнаго переполоха?

И молодые люди вѣрятъ; мало того что вѣрятъ, но даже дѣлаются провозгласителями какой-то неслыханной эпохи возрожденія и яростными сторонниками ея. Незлокозненные сами, они и въ другихъ съ трудомъ предполагаютъ злокозненность, возведенную на степень жизненнаго правила; они не видятъ, что старое ехидство еще дышитъ и простираетъ сведенныя судорогой руки, чтобъ задушить зачатки новой жизни. А тутъ подвернется еще нужда, а тутъ обстоятельства подойдутъ, которыя свяжутъ и спутаютъ по рукамъ и по ногамъ, какъ тенетами... Куда дѣваться въ то время, когда цѣлый рядъ горькихъ фактовъ и гнусныхъ откровеній докажетъ, что мечты о независимости были только наноснымъ самообольщеніемъ и что, думая служить дѣлу общему, въ сущности служишь лишь дѣлу немногихъ тунеядцевъ, утучняющихъ тѣла свои на счетъ общества?

Но каково бы ни было рѣшеніе, которое приметъ молодой человѣкъ, чтобы выйти изъ этого положенія,—т.-е. захочетъ ли онъ освободиться отъ него во что бы то ни стало, или же предпочтетъ относиться къ нему нѣсколько игриво и пользоваться имъ для иныхъ цѣлей, опредѣляемыхъ его личными наклонностями, — во всякомъ случаѣ время, проведенное среди кипучей практической дѣятельности, не останется безъ слѣда для него самого. Вращаясь постоянно въ самомъ источникѣ народной жизни, приступая къ изученію ея съ сердцемъ свѣжимъ, не подкупленнымъ гнилымъ опытомъ общественныхъ отношеній, онъ научится распознавать истинную вѣру народа, научится относиться къ нему сочувственно. Это одно произведетъ въ немъ цѣлый нравственный переворотъ и опредѣлитъ характеръ его дѣятельности въ будущемъ.

Однако возвратимся къ герою нашего разсказа. Съ самаго дѣтства жизнь неблагосклонно приняла Веригина. Онъ былъ сынъ мелкопомѣстнаго дворянина, который, не смотря на свою бѣдность, успѣлъ, однакожъ, съ помощью разныхъ милостивцевъ пристроить сына сначала въ гимназію, а потомъ въ университетъ. Это стоило старику много хлопотъ и еще больше униженій; милостивцы ломались и заставляли своего кліента выдѣ-

лывать различныя колѣнца. Сынъ помнилъ, хотя довольно смутно, эти странныя, унизительныя похожденія, которымъ долженъ былъ, изъ-за куска хлѣба, предаваться отецъ. Помнилъ онъ, какъ они скитались съ отцомъ по благодѣтелямъ изъ дома въ домъ: гдѣ обѣдали, гдѣ ночевали; помнилъ, какъ неохотно съ нимъ играли дѣти милостивцевъ, какъ дарили ихъ обносками. Все это, разумѣется, въ дѣтствѣ скользило по душѣ его и скоро забывалось, но впослѣдствіи, когда сама собой раскрылась передъ глазами горькая загадка жизни, забытое прошлое вспомнилось какъ живое и страшною, разъѣдающею язвой откликнулось въ оскорбленномъ сердцѣ.

Связь между Веригинымъ и родительскимъ домомъ была порвана съ первой же минуты поступленія его въ гимназію. Съ самой этой минуты онъ почувствовалъ себя, такъ сказать, отвѣтственнымъ лицомъ за свои поступки и дѣйствія. Въ то время какъ товарищи разъѣзжались на праздники и на каникулы по домамъ, Веригинъ, съ немногими подобными ему бездомными бѣднякам, постоянно оставался въ заведеніи. Одинъ разъ только отецъ прислалъ навѣстить его какого-то калѣку-мужика, который цѣлыхъ двѣ недѣли тащился зимой, въ изорванномъ паниткѣ, неся изъ за двухсотъ верстъ запасъ деревенскихъ гостинцевъ, состоявшій изъ сушеной малины и мерзлыхъ колобковъ; но и этотъ знакъ родительской заботливости подѣйствовалъ на Веригина скорѣе странно, нежели благотворно. Привыкнувъ къ стройной и красивой внѣшности казеннаго заведенія, тринадцатилѣтній мальчикъ оторопѣлъ, увидѣвъ передъ собой разбитаго и оборваннаго старика, съ низкимъ поклономъ подававшаго ему холщевый мѣшокъ и родительское „писемцо".

— Что ты! что ты! возьми себѣ! — бормоталъ Веригинъ, отклоняя мѣшокъ и чувствуя, что на него устремлены насмѣшливые взоры швейцара, отъ которыхъ кровь приливала къ его головѣ.

Но старикъ упрямился и пустился пространно доказывать, что самъ батюшка Семенъ Иванычъ приказали ему беречь гостинецъ пуще глаза и отдать Николенькѣ въ руки. На сцену эту налетѣли товарищи; поднялся шумъ и крикъ; злосчастный мѣшокъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

— Господа! Веригину страсбургскій пирогъ прислали! — говорилъ одинъ.

— Господа! за Веригинымъ ливрейный лакей въ каретѣ пріѣхалъ! — кричалъ другой.

Къ Веригину, однакожъ, приставали недолго, потому что онъ

тотчасъ же далъ почувствовать, что къ нему приставать безнаказанно нельзя. Тѣмъ не менѣе, происшествіе это произвело на него тяжелое впечатлѣніе. Молодая душа его почувствовала себя еще болѣе уязвленною, еще болѣе одинокою. Читатель, забывшій годы своего дѣтства, быть можетъ найдетъ моего героя скверным и пошленькимъ мальчишкой; но въ такомъ случаѣ прошу его потревожить свою память. Пусть припомнитъ онъ, какъ горько для молодого самолюбія чувствовать себя всегда послѣднимъ, какъ бы обойденнымъ; пусть припомнитъ онъ, какъ тяжело то безмолвное отреченіе отъ участія въ товарищескихъ складчинахъ и пирушкахъ, на которое обреченъ бѣдный школьникъ. Жизнь школы представляетъ собой тотъ же разнообразный міръ отношеній, который царствуетъ и внѣ стѣнъ ея. Такъ же, какъ и тамъ, въ этихъ стѣнахъ существуетъ и неравенство положеній, и право сильнаго надъ слабымъ, съ тою только разницею, къ невыгодѣ школы, что здѣсь право защиты почти ничтожно и что своекорыстіе воспитателей и дурная система воспитанія не только не сглаживаютъ этихъ неровностей, но, напротивъ того, какъ будто еще болѣе увеличиваютъ ихъ. Веригинъ рано сознаъ, что онъ самъ долженъ быть творцомъ своего будущаго, что никто ему не поможетъ, никто не выведетъ. Сознавая это, онъ возмущался и въ одномъ горькомъ чувствѣ непріязни соединялъ и школу, не давшую спокойнаго пріюта его дѣтству, и товарищей, позволявшихъ себѣ издѣваться надъ нимъ, и родныхъ, бѣдность которыхъ послужила первымъ поводомъ къ его униженію.

Но гимназическій курсъ окончился. Веригину предстояло поступить въ университетъ. Жизнь взглянула еще строже, еще суровѣе. Правда, на первыхъ же порахъ она давала нѣкоторую свободу дѣйствія, она избавляла отъ рокового общенія съ существами антипатичными, но вмѣстѣ съ тѣмъ знакомила съ другимъ чудовищемъ — матеріальною нуждою. Необходимо было обшиться, найти себѣ пристанище и, наконецъ, прокормить себя. Матеріальныя средства, обезпечивающія существованіе большей части студентовъ, въ послѣднее время обратили на себя всеобщее вниманіе, и частная любознательность имѣла полную возможность отыскать въ этой темной и горькой области факты совершенно поразительные. Трудно повѣрить, напримѣръ, что студентъ, который ежедневно даетъ въ трехъ домахъ уроки, получаетъ за это въ вознагражденіе лишь право по очереди обѣдать у каждаго изъ своихъ питомцевъ; трудно повѣрить, что молодой человѣкъ, потерявъ одинъ изъ такихъ уроковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ временно

теряетъ возможность дважды въ недѣлю утолять свой голодъ; трудно представить себѣ всѣ эти жгучія заботы объ одеждѣ и обуви, о завтрашнемъ днѣ, которыя изъ часа въ часъ преслѣдуютъ бѣднаго молодого человѣка; трудно вообразить зловонныя, тѣсныя каморки, въ которыхъ онъ находитъ себѣ на ночь пріютъ, послѣ трудового дня. Стало быть, въ этихъ людяхъ есть искра, которая и за всѣмъ тѣмъ не даетъ имъ ослабнуть; стало быть, есть въ нихъ мощь, которая заставляетъ переносить всѣ бѣдствія, всѣ мелочныя преслѣдованія жизни, часто даже не прикрашиваемыя розовыми мечтаніями. Да, тутъ есть нѣчто такое, что невольно заставитъ задуматься; тутъ есть своего рода рокъ. Та же роковая сила, которая царитъ надъ міромъ неразумія и лжи, побуждаетъ и доброе и благородное совершать до конца естественное теченіе свое. Подобно пропасти, она втягиваетъ въ себя; подобно василиску, она очаровываетъ и цѣпенитъ. Многіе погибнутъ въ борьбѣ, многіе пойдутъ на сдѣлку съ жизнью, но многіе выйдутъ изъ испытанія крѣпкими и бодрыми.

Веригинъ прошелъ эту суровую школу вполнѣ; онъ вынесъ нужду на крѣпкихъ плечахъ своихъ. Но, какъ бы въ вознагражденіе за всевозможныя лишенія, онъ узналъ всю сладость свободныхъ отношеній къ людямъ и дружески сошелся со многими изъ своихъ товарищей. Къ счастью, кружокъ, въ который онъ попалъ, не былъ причастенъ тому легкомыслію, которое такъ нерѣдко безвозвратно губитъ молодыхъ людей. Въ немъ не чувствовалось наклонности ни къ франтовству, ни къ кутежамъ. Въ вечернихъ собраніяхъ, которыя почти ежедневно назначались то у одного, то у другого изъ товарищей, было скорѣе нѣчто однообразно-строгое, словно монастырское. Каждый вечеръ лились шумныя и живыя рѣчи, приправленныя скромной чашкой чая; каждый вечеръ обсуждались самые разнообразные и смѣлые вопросы политической и нравственной сферы. Отъ этихъ бесѣдъ новая жизнь проносилась надъ душою, новыя чувства охватывали сердце, новая кровь сладко закипала въ жилахъ... Однако, это не были словопренія безплодныя, и молодая жизнь не утопала въ нихъ, какъ въ мягкомъ морѣ; напротивъ того, проходя черезъ рядъ фактовъ и умозаключеній, мысль фаталистически приходила къ сознанію необходимости дѣятельнаго начала въ жизни, такого начала, которое не играло бы только на поверхности мечтаній и пожеланій, но стремилось бы проникнуть въ глубину самой жизни. И хотя дѣятельность, которая представлялась при этомъ молодымъ воображеніямъ, была трудная и суровая, отовсюду окру-

женная тревогами и опасностями, но и это какъ-то не пугало, а разжигало и подстрекало еще болѣе.

Нельзя не сознаться, что между направленіемъ нынѣшняго молодого поколѣнія и того, которое жило, надѣялось и мечтало лѣтъ двадцать тому назадъ, есть весьма существенное различіе. Прежнее молодое поколѣніе не выходило изъ сферы идеаловъ и какъ-то брезгливо относилось къ дѣйствительной жизни, потому ли, что не знало ея, или потому, что идеалы красоты, добра и истины, къ которымъ оно стремилось, какъ-то плохо примѣрялись къ голой дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ тутъ было дано слишкомъ много мѣста фразѣ и слишкомъ мало—дѣлу; а отсюда—явный разрывъ съ жизнью. Говоря безпристрастно, въ этомъ щегольствѣ мысли и формы, въ этомъ презрѣніи къ интересамъ дня заключалось даже нѣчто похожее на затаенный аристократизмъ. Люди, въ сферѣ мысли смѣлые до дерзости, оказывались робкими и несостоятельными, чуть только дѣло доходило до соприкосновенія съ дѣйствительностью. Злоба дня заставала ихъ безоружными, готовыми погибнуть, но не бороться. Коли хотите, между ними могли быть и даже были мученики, но дѣятелей не было. Напротивъ того, нынѣшнее молодое поколѣніе прежде всего заботится о дѣлѣ. Наученное опытомъ своихъ предшественниковъ, оно опасается фразы; оно знаетъ, что мысль отвлеченная, заключенная въ тѣсномъ пространствѣ кружка, безплодна, и что только воплощенная въ дѣло она пріобрѣтаетъ свой истинный, не мнимый смыслъ. Правда, что тутъ горизонтъ мысли съуживается, что мысль принижается и потеряетъ свою окрыленность; правда также, что самое дѣло, поставленное въ свои естественные предѣлы, представляется уже менѣе блестящимъ и громаднымъ; но зато мысль обмірщивается и дѣлается достояніемъ массъ, а не привилегіей немногихъ избранниковъ, но зато дѣлается дѣло не призрачное, а дѣйствительное, не изсушающее почву, но утучняющее ее. И если, до сихъ поръ, самое это стремленіе къ дѣлу практическому имѣло характеръ нѣсколько теоретическій, если дѣятельность молодого поколѣнія оказывается не всегда достигающею своихъ цѣлей (что̀ и подаетъ поводъ къ обвиненію его въ мечтательности), то причины этого должно искать совсѣмъ не въ неспособности къ дѣлу, а въ той трудности, съ которою вообще раскрывается глубь русской жизни для всякаго, кто желаетъ въ ней дѣйствовать. Ясно, что при такихъ условіяхъ дѣловитость находитъ себѣ прибѣжище покамѣсть только въ наукѣ; но уже и тутъ она на каждомъ шагу доказываетъ, какою силой она можетъ

сдѣлаться въ жизни, какъ скоро достигнетъ возможности обладать ею.

Веригинъ вполнѣ отдался этой жизни кружка. Онъ уже не чувствовалъ себя ни бездомнымъ, ни одинокимъ; онъ понялъ, что бываютъ на свѣтѣ связи болѣе живучія, нежели тѣ, на которыя рокъ кладетъ безпощадное клеймо свое. Прошедшія воспоминанія дѣтства и родныхъ мѣстъ удалялись все дальше и дальше; какъ солнце, склоняющееся къ западу, они освѣщали умирающими лучами только одинъ край горизонта и, какъ оно же, готовы были утонуть въ туманѣ. Какъ ни тяжела бываетъ такая оторванность отъ призраковъ прошлаго, какъ ни протестуетъ порой противъ нея самое холодное сердце, но, однажды признавъ ее, однажды принявъ ее, какъ необходимое условіе жизни, человѣкъ не только привыкаетъ къ ней, но чувствуетъ себя какъ бы отрезвленнымъ. Обманы жизни утрачиваютъ свою власть; почва не дрожитъ и не исчезаетъ подъ ногами.

Особенною, характеристическою чертою людей этого молодого кружка было полнѣйшее, если можно такъ выразиться, половое цѣломудріе. Я не даромъ сказалъ, что здѣсь царствовало что-то монастырское. Женщина представлялась какою-то теоретическою отвлеченностью, всегда нравственною, всегда окруженною ореоломъ и благоуханіемъ чистоты. То былъ идеалъ, о которомъ мечтало молодое воображеніе, но который оно не дерзало себѣ воплотить; то была одна изъ вѣчно зовущихъ задачъ жизни, къ которой горячо стремилось тревожное сердце, но передъ осуществленіемъ которой чувствовало какую-то цѣломудренную робость. Однимъ словомъ, женщина являлась скорѣе какъ одинъ изъ величайшихъ жизненныхъ вопросовъ, нежели какъ воплощеніе, и чѣмъ свѣтозарнѣе было облако, одѣвавшее этотъ идеалъ чистоты, тѣмъ благоговѣйнѣе относилась къ нему мысль, тѣмъ просвѣтленнѣе и чище становилось самое чувство, имъ возбуждаемое.

Подобно прочимъ членамъ кружка, Веригинъ жилъ тою цѣломудренною, полу-аскетическою жизнью, которая могла бы назваться безрадостною, еслибъ не оживлялась тѣми незамѣтными для большинства радостями мысли, которыя держатъ человѣка въ возбужденномъ состояніи и не даютъ ему поникнуть подъ бременемъ скуки и апатіи. Подобно прочимъ, онъ былъ человѣкомъ нетронутымъ жизнью, представлявшимъ собой только возможность, откуда впослѣдствіи должна была развиться та дѣятельная сила, которая составляетъ непремѣнное условіе для того, чтобъ бороться съ жизнью, а не падать подъ ярмомъ ея. Подобно

прочимъ, онъ былъ матеріалистомъ въ мысли и идеалистомъ, даже нѣсколько фанатикомъ—въ жизни. Фактъ, повидимому, странный, но далеко не необъяснимый, если мы вспомнимъ ту разладицу между мыслью и жизнью, которая составляетъ типическую черту неустановившагося общества и которая и до сихъ поръ заставляетъ насъ сравнивать мысль съ мечомъ.

Я знаю, что многіе смотрятъ непріязненно на эту особную, сосредоточенную жизнь, которую ведутъ лучшіе молодые люди нашего времени, на ихъ суровыя, нерѣдко носящія характеръ исключительности и нетерпимости отношенія къ дѣйствительности. Этой непріязненности не чужды не только тѣ, которые находятъ для себя выгоднымъ, чтобы молодые люди меньше размышляли, учились бы по тетрадкамъ, а въ свободное отъ занятій время развлекали себя въ танцклассахъ, но и тѣ, кто самъ нѣкогда былъ причастенъ той работѣ, продолжателемъ которой является современное молодое поколѣніе. Я не распространяюсь о первыхъ: это ужъ такое печальное ремесло; но думаю, что и со стороны послѣднихъ непріязнь истекаетъ изъ не совсѣмъ чистаго источника, и что во всякомъ случаѣ она заклеймена печатью пристрастія. Странную картину представляютъ собой смѣняющія другъ друга поколѣнія русскихъ людей: это какъ будто бы обрубленныя звенья цѣпи. Каждое считаетъ себя какъ бы началомъ и концомъ исторіи; каждое, сказавъ свое слово, признаетъ его окончательнымъ выраженіемъ истины. И потому всякая попытка развить начатое дѣло встрѣчается не только съ недовѣрчивостью, но даже съ ненавистью; въ этой попыткѣ мы видимъ не продолженіе нашего же собственнаго труда, но какое-то преднамѣренно-наносимое намъ оскорбленіе, какой-то обидный намекъ на то, что, вотъ, выискались же люди, которые увидѣли то, чего мы не видали, додумались до того, о чемъ мы не помышляли. Всѣ эти перекоры идеалистовъ съ матеріалистами, которыхъ мы были свидѣтелями въ недавнее время, исходятъ изъ этого источника; всѣ скандальныя обвиненія въ самонадѣянности, мальчишествѣ, казачествѣ, неуваженіи къ наукѣ, которымц осыпалось и осыпается современное молодое поколѣніе, опять-таки находятъ себѣ объясненіе въ томъ же источникѣ. Мы слишкомъ скоро забываемъ свое прошлое, то дорогое прошлое, когда и насъ обзывали мальчишками; мы слишкомъ охотно мнимъ себя вѣчно-юными, и когда исторія сама возьмется доказать намъ, что она не истощается, мы злобимся и протестуемъ, мы кричимъ на весь свѣтъ, что насъ рѣжутъ и грабятъ, мы пускаемся въ огульный доносъ.

Но молодость есть тоже своего рода сила, которая не имѣетъ ни малѣйшаго повода уступать безъ борьбы свои права на жизнь. Не надо забывать, что если у нея и есть недостатки, то недостатки эти созидаются нами самими. Мы слишкомъ легко даемъ знать, что матеріальная сила еще не ускользнула изъ нашихъ рукъ, и что право давать жить другимъ вполнѣ зависитъ отъ нашего усмотрѣнія. Мы оскорбляемъ молодость въ ея лучшихъ стремленіяхъ, мы преслѣдуемъ и раздражаемъ ее, мы на всѣ ея заявленія отвѣчаемъ какимъ-то презрительнымъ и тупоумнымъ fin de non recevoir — и удивляемся, что она относится къ намъ съ неуваженіемъ, что она безъ всякой деликатности развѣваетъ одинъ за другимъ по вѣтру тѣ призраки, которыми красна была наша жизнь. Но спросите же себя хоть одинъ разъ, стоимъ ли мы сами уваженія и деликатности?!

Да, я знаю, что молодое поколѣніе живетъ не нормальною, а фанатическою жизнью, но я знаю также, что грѣхъ этотъ ляжетъ не на него, а на тѣхъ, которые сознательно или безсознательно устраиваютъ ему такое положеніе. И каковы бы ни были заблужденія и увлеченія молодости, будь благословенно во вѣкъ ты, время свѣтлыхъ вѣрованій и безкорыстныхъ, теплыхъ упованій! И пусть оскудѣетъ рука, которая рѣшится написать обвинительный приговоръ твой! Да, я смѣло пишу слово: „вѣрованіе", ибо если и нѣтъ здѣсь мѣста вѣрованью для вѣрованья, то есть вѣра въ правоту дѣла, есть вѣра въ плодотворность подвига, есть вѣра въ будущія судьбы человѣчества.

Кончивши курсъ въ университетѣ, Веригинъ почему-то не пожелалъ начать свое жизненное поприще государственною службой. Вообще онъ какъ-то холодно относился ко всему, что носило на себѣ печать оффиціальности. Вкоренилось ли въ немъ это непріязненное чувство вслѣдствіе собственной работы мысли, или было оно просто наплывное, навѣянное разговорами и разсужденіями настроеннаго въ извѣстномъ тонѣ дружескаго кружка, во всякомъ случаѣ Веригинъ, въ противоположность тѣмъ молодымъ людямъ еще весьма недавняго времени, которые, едва оставивъ школьную скамью, прежде всего спѣшили укрыться подъ сѣнью широковѣтвистаго древа бюрократіи, находилъ, что теорія безусловнаго подчиненія народной жизни всепоглощающей идеѣ государства заключаетъ въ себѣ нѣчто мертвенное, въ самомъ зернѣ своемъ осужденное на вѣчное безплодіе. Не имѣя, въ качествѣ простого повѣствователя, ни права, ни обязанности опредѣлять, въ какой степени правильны были убѣжденія моего героя, я могу сказать только одно: разъ принявъ ихъ, Вери-

гинъ считалъ, что съ его стороны было бы нечестно входить въ какія бы то ни было соглашенія съ тѣмъ, что такъ положительно и рѣзко отвергала его мысль. Онъ даже не допускалъ того, что можно находиться въ самомъ центрѣ извѣстнаго дѣла и въ то же время не только отрицать, но даже практически подрывать его, что въ иныхъ случаяхъ это даже самый удобный и успѣшный образъ дѣйствія.

Однако, эта брезгливость мысли едва не сдѣлалась для него гибельною на первыхъ же порахъ. Покуда онъ учился, онъ могъ существовать уроками — но за стѣнами школы этого уже оказывалось недостаточно. Не то чтобы матеріальныя требованія его сдѣлались менѣе скромными, но онъ какъ-то вдругъ почувствовалъ, что рамки учительскаго поприща слишкомъ тѣсны, что жизнь не умѣщается въ нихъ, и что если онъ хочетъ пріобщиться къ жизни, то не запираться долженъ отъ нея, а, напротивъ того, отмыкать всѣ замки и запоры, которые скрываютъ ее отъ него. Мечтаніе дерзкое и самонадѣянное, но мы поймемъ его, если вспомнимъ, что Веригину было всего двадцать два года и что въ эти лѣта и кровь живѣе обращается въ жилахъ, и сердце горячѣе бьется, и все какъ-то зоветъ и манитъ вдаль и вдаль.

Но куда же идти, къ чему примкнуться?—въ этомъ заключался весь вопросъ. Жизнь представлялась подобіемъ неизвѣданнаго моря, на которомъ нѣтъ торныхъ дорогъ, на которомъ смѣлый пловецъ долженъ самъ просѣчь себѣ грудью безслѣдную дорогу. Но не это еще одно составляетъ крайнюю трудность дѣла; существенное затрудненіе заключается въ томъ, что самая цѣль, къ которой стремится жизненный пловецъ, еще не опредѣлена, но составляетъ лишь искомое. Эта цѣль, эти новыя формы жизни, въ которыхъ общество чувствовало бы себя просторно и находило бы полное удовлетвореніе своимъ потребностямъ, для многихъ составляютъ предметъ мучительныхъ тревогъ и размышленій. Гдѣ эти формы, какія онѣ? Конечно, здѣсь на помощь является теорія, но въ наше время люди какъ-то извѣрились въ теоріи, какъ-то мало довольствуются хлѣбомъ духовнымъ, а требуютъ дѣла настоящаго, дѣла хотя маленькаго и неблестящаго, но такого, при которомъ сразу чувствовалось бы облегченіе. Гдѣ эти формы, какія онѣ? А что, если слѣдуя теоріи, зайдешь въ трущобу, да заведешь туда и другихъ? А что, если, преслѣдуя цѣль, придешь къ заключенію, что дѣйствовалъ облыжно, что слѣдуетъ возвратиться назадъ и начинать съ начала жизненный

путь, который уже считаетъ за собой столько мучительныхъ усилій, столько горькихъ разочарованій и обманутыхъ надеждъ?!

Однако Веригинъ именно эти-то вопросы и съумѣлъ обойти. Основательно или неосновательно, но онъ находилъ, что на нашей почвѣ общественное дѣло не въ томъ заключается, чтобы втискать жизнь въ какія-либо прежде добытыя и одобренныя теоріей формы, но именно въ облегченіи путей къ отысканію этихъ формъ. Процессъ этого отыскиванія, скучный процессъ разработки фактовъ и группированія ихъ онъ считалъ единственною плодотворною задачей всякаго общественнаго дѣятеля, который требуетъ, чтобы голосъ его не былъ гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. По мнѣнію его, онъ имѣлъ дѣло съ искусственнымъ хаосомъ, атомы котораго, двигаясь въ томъ или другомъ направленіи, покорялись не разумно-естественнымъ законамъ природы своей, но законамъ внѣшнимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ этою природой и наложившимъ на нее насильственныя оковы. Разорвать эти оковы, освободить отъ нихъ жизнь — вотъ цѣль, которой достиженіе казалось Веригину достойнымъ усилій и трудовъ цѣлой жизни. А что̀ будетъ потомъ, не выйдетъ ли изъ всего этого анархіи? Съ горестью мы должны сказать, что Веригинъ хотя не отрицалъ умѣстности этихъ вопросовъ, но отвѣчалъ на нихъ уклончиво и какъ-то сомнительно улыбался при этомъ.

Совсѣмъ не въ столь благопріятномъ свѣтѣ представился ему вопросъ, повидимому болѣе легкій: вопросъ о средствахъ пріобщиться къ желаемой жизни, о путяхъ, которые ведутъ въ нее. Здѣсь предстояла борьба съ грядущею нуждою, здѣсь въ перспективѣ виднѣлась даль сомнительная и туманная. Въ самомъ дѣлѣ, какого рода дѣятельность могла предстоять человѣку бездомному, почти безъ правъ состоянія, какимъ былъ Веригинъ? Карьера чиновника или карьера учителя—вотъ два пути, мимо которыхъ еще долго не пройдетъ благорожденный русскій дворянинъ, если онъ не помѣщикъ и не капиталистъ. Конечно, возникшее въ послѣднее время экономическое и промышленное движеніе должно бы, повидимому, вызвать много лишнихъ людей, доселѣ остававшихся незанятыми; но у насъ на такого рода дѣло требуются люди опытные, а опытными людьми называются бывшіе цѣловальники и питейные ревизоры. Всякій человѣкъ имѣетъ какое-нибудь званіе, всякій человѣкъ къ чему-нибудь пріуроченъ; одинъ благорожденный русскій дворянинъ званія не имѣетъ и ни къ какому дѣлу не пріуроченъ. Но кромѣ того, что всякій выходъ изъ своей искони накатанной колеи вообще бываетъ

очень труденъ, весь жизненный строй такъ сложился, что еслибъ даже и свободно было передвиженіе, мы сами не могли бы воспользоваться этою свободой. Мы немощны, мы ни къ чему не приготовлены; мы знаемъ все, чего бы, въ сущности, можно и не знать, и не знаемъ главнаго: той среды, въ которой судьба насъ поставила жить и дѣйствовать. Да; мы именно можемъ примкнуться только туда, гдѣ не требуется ни знаній, ни даже умственной работы, гдѣ все идетъ по заведенному порядку, гдѣ жизнь представляетъ собой разграфленный бланкъ, который слѣдуетъ наполнить извѣстными, напередъ заданными словами, и не произвольно, а въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ это назначено.

Нужда грызла и съ каждымъ днемъ все назойливѣе и назойливѣе подъѣдала душу. Уроки опротивѣли Веригину, и онъ оставилъ ихъ за собой ровно столько, чтобъ не умереть съ голоду. Часто, длинными зимними вечерами, сиживалъ нашъ герой одинъ въ крошечной своей комнатѣ, которую нанималъ отъ жильцовъ, и многихъ горькихъ думъ была ты свидѣтельницей, маленькая, бѣдная комнатка! „Покорись!—шептала нужда:—пойди на соглашеніе, тѣмъ болѣе, что оно нисколько не связываетъ тебя въ будущемъ; впослѣдствіи, когда заручишься силами, ты можешь сбросить съ себя всю ветошь и, изучивъ слабыя стороны своего врага, будешь въ состояніи поразить его собственнымъ его оружіемъ“. Но совѣсть не оставалась безмолвною передъ льстивыми совѣтами нужды. „Иди смѣло! прокладывай себѣ грудью путь новый! — говорила эта совѣсть: — соглашенія вкрадчивы, соглашенія неслышно засасываютъ въ себя всего человѣка; берегись ихъ, ибо, ставъ однажды на этотъ путь, ты безвозвратно посрамишь свою мысль!“

Веригинъ страдалъ и нерѣдко приходилъ въ ужасъ, чувствовалъ какое-то омерзѣніе къ жизни, но всетаки устоялъ и не покорился. Онъ рвался изъ этого страшнаго города, который, какъ вредный и несытый паразитъ, пьетъ соки цѣлой страны, который, какъ червь неусыпающій, кипитъ въ котлѣ какой-то нелѣпой, безсмысленной дѣятельности. Веригинъ чувствовалъ, что онъ тутъ прикованъ, что руки его связаны, что сила, которая ключомъ кипѣла и переполняла все его существо, горькою насмѣшкой судьбы приведена на степень безсилія.

— Неужели же нѣтъ дѣла? неужели нѣтъ такого дѣла, посредствомъ котораго можно было придти въ соприкосновеніе съ массой?—спрашивалъ онъ себя.

Однажды, въ особенно горькомъ настроеніи духа, Веригинъ отправился въ театръ. Давали „Гугенотовъ“, и герой нашъ, рас-

положившись въ пятомъ ярусѣ, безъ особеннаго вниманія слѣдилъ за оперой, до самаго того мѣста, когда нѣкоторый господинъ, потрясая кинжаломъ, клянется иступить его объ груди еретиковъ и требуетъ подобной же клятвы отъ толпы, тутъ же присутствующей. „Клянемся!“—вопитъ полудикая, наэлектризованная электрическимъ словомъ толпа. „Клянемся!“—вторитъ ей оркестръ, и тутъ происходитъ на сценѣ нѣчто страшное, возмутительное: рѣшается бойня нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, бойня холодно обдуманная, бойня спящихъ людей. Сцена эта поразила Веригина.

— Нельзя не сознаться, что этотъ, въ мантіи, преотвратительная каналья, однако дѣло свое понимаетъ!—сказалъ онъ инстинктивно, обращаясь къ своему сосѣду.

Сосѣдъ обернулся: это былъ такой же молодой человѣкъ, какъ и Веригинъ.

— Сужденіе ваше мнѣ нравится, любезный незнакомецъ!—отвѣчалъ сосѣдъ:—но, въ сущности, я даже не обращаю вниманія и на то, въ какой степени каналья этотъ господинъ въ мантіи. Къ совершенному моему удовольствію, я не только не знаю итальянскаго языка, но даже не интересуюсь содержаніемъ оперы. Знаете ли, что именно меня занимаетъ въ этомъ случаѣ?

— А что?

— Меня занимаетъ собственно толпа и тѣ дикіе вопли, которые изъ нея выходятъ. Посмотрите: всѣ хористы подбѣжали къ рампѣ; свѣтъ лампъ прямо ударяетъ въ ихъ лица, и безъ того уже красныя отъ напряженія; они вопятъ и клянутся... Я сижу здѣсь вверху и радуюсь... Меня даже какъ будто подмываетъ. Я знать не хочу, что это—изувѣры-католики; я даже не хочу входить въ сужденіе о томъ, что энтузіазмъ, котораго мы состоимъ свидѣтелями, есть благонамѣренная фальшь композитора; я просто воображаю себѣ, что это—рой молодыхъ и добродѣтельныхъ энтузіастовъ, которые собрались на бой съ насиліемъ и потому клянутся, и кричатъ, и вообще производятъ все, что хореграфическими правилами въ подобныхъ случаяхъ не возбраняется. Тутъ главное заключается въ музыкѣ и сценической обстановкѣ, а не въ томъ, добродѣтельные ли люди или канальи снуютъ и неистовствуютъ на сценѣ.

Веригинъ посмотрѣлъ на своего сосѣда съ любопытствомъ; бѣлокурая голова его глядѣла добродушно, губы мягко и кротко улыбались, только въ большихъ сѣрыхъ глазахъ искрилось нѣчто похожее на иронію.

— Конечно, въ вашемъ замѣчаніи много правды,—сказалъ Веригинъ:—музыка и сценическая обстановка, дѣйствительно, могутъ въ совершенно различныхъ случаяхъ дѣйствовать одинаково возбуждающимъ образомъ; но почему же вы думаете, что со стороны композитора тутъ есть фальшь?

— А то какъ же? Неужели вы полагаете, что этому господину въ мантіи, котораго вы, по мнѣнію моему, слишкомъ снисходительно назвали канальей, предстояла надобность возбуждать энтузіазмъ въ своихъ живодерахъ? Нѣтъ, въ подобныхъ случаяхъ дѣло происходитъ гораздо проще; господинъ созываетъ живодеровъ и говоритъ имъ: „ты, Гекторъ, зарѣжь столько-то душъ; ты, Бенуа, столько-то; а не зарѣжете—сто палокъ вамъ въ спину!“ Энтузіазма никакого нѣтъ, дѣла дѣлаются какъ по писаному: рѣжутъ и свѣжуютъ съ легкимъ сердцемъ и въ награду избавляются отъ палокъ. Какъ хотите, а вѣдь музыка-то тутъ, по настоящему, должна бы быть не подмывающая, а разсудительная или, лучше сказать, отвратительная: какой-нибудь безобразный скрипъ и хрипѣнье лучше всего были бы тутъ на мѣстѣ.

Веригинъ молчалъ и мысленно повѣрялъ слова сосѣда.

— Тѣмъ-то и дорога музыка—продолжалъ между тѣмъ сосѣдъ,—что всякій можетъ къ ней относиться произвольно и находить въ ней именно то, что ему по вкусу. А мнѣ, сверхъ того, знаете ли, что въ этомъ особенно нравится? То, вотъ, что мы здѣсь сидимъ съ вами, въ селеніяхъ райскихъ, и вокругъ насъ цѣлая пестрая масса людей. Споютъ тамъ какой-нибудь хоръ изъ „Нормы“—„Guerra“ что-ли—и ей, этой массѣ, отнюдь не придетъ на умъ, что это поютъ какіе-то полудикіе варвары, до которыхъ ей дѣла нѣтъ. Чувствуетъ она, что сердце въ ней закипаетъ... а отъ чего?

Веригинъ какъ-то сомнительно улыбнулся.

— „То кровь кипитъ, то силъ избытокъ“ — пробормоталъ онъ въ полголоса.

Незнакомецъ взглянулъ на него серьезно.

— Это неправда,—сказалъ онъ почти строго:—то, что вы сказали, есть величайшая несправедливость... даже клевета. Это не „кровь“ и не „силъ избытокъ“, а просто жажда дѣла, и притомъ не инстинктивная какая-нибудь жажда, а именно родившаяся сознательно, и именно вслѣдствіе того, что дѣло, какъ зрѣлый плодъ, манитъ жажду... Неужели вы этого не понимаете?

— Хотѣлъ бы понимать, но не понимаю!—чуть слышно и какъ-то уныло прошепталъ Веригинъ.

— Это еще не важность, что не понимаете: вся сила въ томъ, чтобъ „хотѣть" понимать, и если вы „хотите" искренно...

— Вы говорите: есть дѣло, а я вотъ цѣлый годъ ищу его и цѣлый годъ не могу къ нему приклеиться.

— Позвольте, объ этомъ послѣ, а теперь надо слушать; тутъ есть одно мѣсто, которое отнюдь пропускать не слѣдуетъ, „ибо оно возбуждаетъ похвальныя чувства", какъ выражается одинъ мой пріятель.

Начался дуэтъ Рауля съ Валентиной; публика притихла; томительно скорбные, но вмѣстѣ съ тѣмъ полные мужественной силы звуки лились по залѣ, охватывая зрителей какимъ-то мучительно-страстнымъ чувствомъ. Какъ будто всякому чуялось, что на сценѣ происходитъ нѣчто ему близкое, нѣчто испытанное.

— Это дѣлаетъ ему честь,—сказалъ молодой человѣкъ, когда Рауль вырвался наконецъ изъ объятій удерживавшей его Валентины и театръ застоналъ отъ взрыва рукоплесканій:—знаете ли, какъ подумаешь, что сзади этакое, въ нѣкоторомъ родѣ, любящее существо, сзади безмятежная и сладкая жизнь гдѣ-нибудь въ неприступномъ замкѣ съ вѣковыми аллеями (какъ въ нихъ гулять-то хорошо съ любящимъ существомъ!), или въ королевской гвардіи, а впереди свистъ пуль, сверканіе топоровъ и въ заключеніе вѣрная смерть—какъ хотите, а это многихъ можетъ заставить задуматься! Но меня всетаки больше всего занимаетъ публика; я положительно вѣрю, что она сочувствуетъ Раулю и сочувствуетъ не потому, что онъ „бѣдненькій! такъ молодъ, такъ хорошъ собой и такъ несчастливъ!"—а потому, что происшествіе это шевелитъ ея собственную рану. Въ то время, какъ Рауль отбивается отъ Валентины, публика чувствуетъ, что и у нея есть своя Валентина, простирающая къ ней объятія подъ видомъ безмятежнаго прошлаго, и что въ то же самое время ее нѣчто зоветъ, передъ нею нѣчто очерчивается крупными и рѣзкими чертами—это очерчивается и зоветъ будущее. „Что мнѣ дѣлать?—думаетъ она:—оставаться ли отдыхать подъ смоковницами прошедшаго, или же ринуться впередъ?" И не смотря на всю щекотливость вопроса, всетаки апплодируетъ Раулю—согласитесь, что это замѣчательно!

— Въ театрѣ—процѣдилъ сквозь зубы Веригинъ.

— Да, покуда въ театрѣ. Но дѣло въ томъ, что тотъ, кто сегодня выказываетъ естественно и непринужденно похвальныя

чувства, можетъ выказать завтра и похвальную практику. Да вы, кажется, удивляетесь, что я съ вами такъ говорю?

— Какъ бы вамъ сказать: удивляться-то я не удивляюсь, но что мы въ первый разъ видимъ другъ друга—это дѣйствительно такъ.

— Такъ вы, пожалуйста, не удивляйтесь. Откровенно вамъ скажу, что я съ подобными рѣчами и мыслями обращусь ко всякому здѣсь сидящему, если у него не идіотская физіономія и если (это главное!) голова его не убѣлена сѣдинами опыта. По мнѣнію моему, тутъ даже и риска нѣтъ, ибо я навѣрно знаю, что на десять зрителей я найду девять сочувствующихъ.

— А десятые?

— Ну, и „десятые“ не представляютъ слишкомъ большихъ опасеній. Народъ этотъ сталъ нынѣ осмотрителенъ; все, знаете, ему чудится, что по лицу ударятъ, либо съ моста въ воду столкнутъ, либо инымъ образомъ невзначай жизни лишатъ. А впрочемъ, что-жъ такое, еслибы даже и былъ рискъ? Вѣдь Рауль пошелъ же на вѣрную смерть—ну, и намъ порисковать можно. Кстати, вотъ онъ на сценѣ—умирающій!

Представленіе кончилось; молодые люди пошли изъ театра вмѣстѣ. На улицахъ стояли сырость, темень и слякоть; сверху сыпалъ частый, мелкій дождь, составляющій непремѣнную принадлежность петербургской осени; газъ въ уличныхъ фонаряхъ и окнахъ магазиновъ мерцалъ слабо сквозь туманъ; пѣшеходы роптали и ругались; экипажи сновали словно тѣни. Слышалась жизнь, видно было движеніе, но какая-то подавленная жизнь, какое-то беззвучное движеніе. Новые знакомцы шли нѣсколько времени молча.

— Моя фамилія Крестниковъ—первый прервалъ молчаніе незнакомый молодой человѣкъ.—Я сынъ довольно зажиточнаго купца К-ой губерніи, слушалъ курсъ въ К-омъ университетѣ, но во время бывшихъ тамъ безпорядковъ изъ онаго исключенъ. По этому случаю нахожусь у дражайшаго родителя въ опалѣ, и снискиваю пропитаніе своимъ собственнымъ трудомъ. Теперь позвольте узнать, кто вы.

Веригинъ сказалъ ему.

— Наше положеніе довольно сходно—замѣтилъ Крестниковъ:—разница въ вашу пользу, потому что вы кончили курсъ и имѣете права, а я курса не кончилъ и состою, такъ сказать, лишеннымъ правъ состоянія. Если вы хотите, мы можемъ быть знакомыми.

Веригинъ подалъ ему руку.

— Зайдемте ко мнѣ,—сказалъ Крестниковъ—и тамъ побесѣдуемъ объ васъ, а теперь будемъ говорить о погодѣ. Знаете ли, я полагаю, что погода, подобная той, какою мы наслаждаемся въ настоящую минуту, должна въ значительной мѣрѣ содѣйствовать развитію политической жизни. Возьмите самаго равнодушнаго, одареннаго самыми телячьими свойствами человѣка— и того прорветъ. Вотъ щегольской экипажъ мчится; сидитъ въ немъ полунагая барыня и спѣшитъ на балъ или раутъ тамъ что-ли... а вотъ магазинъ Смурова... какъ хотите вѣдь и на это чувство нельзя не разсчитывать!

Веригинъ молчалъ; казалось, вслушиваясь въ слова своего новаго пріятеля, онъ вслушивался въ самого себя.

— Конечно, на насъ съ вами это не должно такимъ образомъ дѣйствовать,—продолжалъ Крестниковъ:—кромѣ того, что мы должны стоять выше чувства зависти, и дѣйствіями нашими должны руководить побужденія высшей сферы, кромѣ того, говорю я, мы должны быть готовы на все, т.-е. на всякую тѣсноту, и въ этомъ смыслѣ не имѣемъ права изнѣживать не только тѣло, но и мысль свою. Вѣдь мы своего рода опричники, не правда ли?

— Опричники-то опричники... но какого дѣла?

— Объ дѣлѣ мы опять-таки поговоримъ послѣ, а теперь будемъ просто бесѣдовать о погодѣ. Итакъ, мы съ вами опричники, и должны воспитывать въ себѣ прежде всего презрѣніе къ земнымъ благамъ. Намъ это сдѣлать легко, потому что мы воспитаны уродливо, безъ всякой гармоніи: мы, попросту сказать, въ сукъ ростемъ. Но для массъ это презрѣніе невозможно, для массъ земныя блага всегда будутъ стоять на первомъ мѣстѣ— и это совершенно законно. Какое заключеніе должны мы, опричники, вывести для себя изъ этого предрасположенія массъ къ земнымъ благамъ?

Веригинъ улыбнулся.

— Какая, однакожъ, у васъ таинственность въ выраженіяхъ!—сказалъ онъ.

— Это ничего; это просто слѣдствіе привычки скрывать свою мысль. Привычка нехорошая, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщившая нашему слову своего рода особенность, которая, коли хотите, имѣетъ свой шикъ. Для писателей это даже выгодно. У иного идейка съ булавочную головку въ мозгу сидитъ, а начнетъ онъ ее боковыми движеніями развертывать, читателю-то и кажется, что тамъ, за строками, и чортъ знаетъ чего нѣтъ. И начнетъ читатель думать, да, пожалуй, и додумается... Итакъ, намъ,

людямъ безкровной мысли, намъ, презирающимъ земныя блага, слѣдуетъ изъ этого обстоятельства необходимо вывести для себя заключеніе. Но этого мало: намъ изъ каждаго обстоятельства необходимо выводить для себя что-либо поучительное, необходимо, такъ сказать, всякое лыко въ строку класть. А такъ какъ подобнаго рода обстоятельства встрѣчаются безпрестанно, то для каждаго изъ нихъ нужны люди, нуженъ общій планъ, нужна дисциплина. А какъ вы думаете: не перешли ли мы незамѣтнымъ образомъ отъ погоды въ самое сердце дѣла?

Долго за полночь тянулась бесѣда новыхъ пріятелей на квартирѣ у Крестникова. Говорилъ больше хозяинъ дома; Веригинъ жадно его слушалъ. Оказалось, что Крестниковъ, по отцу, имѣлъ довольно значительныя связи въ торговомъ мірѣ, и сверхъ того онъ лично былъ дружески знакомъ со многими молодыми людьми, которые также, въ свою очередь, могли помочь Веригину.

— Я не пользуюсь всѣмъ этимъ для себя — прибавилъ Крестниковъ—потому собственно, что мое дѣло—здѣсь. Не стану изъ ложной скромности скрывать отъ васъ: я пользуюсь довѣріемъ многихъ и на многихъ имѣю значительное вліяніе. Слѣдовательно мнѣ ѣхать отсюда неловко. Здѣсь всетаки центръ, хоть гнилой, хоть искусственный, но центръ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я очень хорошо понимаю, что настоящее дѣло—не здѣсь, а тамъ, въ глубинѣ, и что тамъ необходимо имѣть людей. Намъ удалось уже пристроить къ дѣлу нѣкоторыхъ молодыхъ людей; надѣюсь, что и относительно васъ успѣхъ будетъ неменьшій.

Веригинъ съ увлеченіемъ бросился къ Крестникову. Его вдругъ охватилъ тотъ жгучій и сладкій энтузіазмъ, который понятенъ только очень молодымъ и очень восторженнымъ натурамъ; ему показалось, что „дѣло“ уже въ рукахъ у него, что онъ полагаетъ въ него всю свою душу, что страдаетъ и даже преслѣдуется изъ-за него...

— Не странно ли, однакожъ, мы съ вами познакомились?— сказалъ Крестниковъ, прощаясь съ своимъ гостемъ.—Подумайте: лѣтъ пять тому назадъ возможны ли были такія сближенія? И какимъ же образомъ послѣ этого утверждать, что плодъ не созрѣлъ? А всетаки многимъ можетъ показаться смѣшнымъ, что вотъ мы, два молодыхъ человѣка безъ силы, безъ значенія, сидимъ здѣсь въ конуркѣ четвертаго этажа и что-то рѣшаемъ, и кажется намъ, что и міръ-то намъ тѣсенъ, и земля-то горитъ подъ ногами!

И, помолчавъ съ минуту, съ какой-то горькою ироніей прибавилъ:

— Нѣтъ, это не смѣшно! Тутъ не комедіей отзывается! Знаете ли, какъ кончаютъ самонадѣянные мальчишки, подобные намъ? Они кончаютъ или самоубійствомъ, или...

III.

Меценатъ.

Нѣсколько дней спустя Крестниковъ ввелъ Веригина въ свой кружокъ. Это была довольно многочисленная семья молодыхъ людей, жившихъ одною мыслью, или, по крайней мѣрѣ, шедшихъ подъ однимъ знаменемъ. Передъ ними открывались разнообразнѣйшія поприща, но собственно путь для всѣхъ предстоялъ одинъ — путь простой, чернорабочей дѣятельности. Молодое общество съ энтузіазмомъ говорило объ идеалахъ, о тѣхъ вѣчныхъ началахъ правды, добра и справедливости, къ осуществленію которыхъ стремится человѣчество; но, переходя отъ этихъ болѣе или менѣе грядущихъ дней къ насущнымъ потребностямъ жизни, оно сознавало, что въ отношеніи къ послѣднимъ задача мысли и живой дѣятельности сокращалась значительно. Здѣсь идеалы, не переставая служить путеводною звѣздою для дѣятельности, не должны, однакоже, заслонять собою тотъ тернистый путь, который лежитъ между ними и жизнью; здѣсь вся задача сводилась къ тому, чтобы приготовить почву для осуществленія идеаловъ. Исходя изъ этой мысли, кружокъ пришелъ къ заключенію, что чѣмъ строже онъ ограничитъ сферу своихъ притязаній къ обществу, чѣмъ ближе онъ будетъ держаться земли, не уносясь вверхъ, тѣмъ болѣе у него будетъ данныхъ для успѣха, тѣмъ сильнѣе онъ не только самъ укоренится въ обществѣ, но и найдетъ возможность укоренить въ немъ вѣру въ идеалы. На этомъ основаніи онъ полагалъ: дѣйствовать на всѣхъ поприщахъ, на всѣхъ путяхъ, прислушиваться къ требованіямъ и инстинктамъ массъ и, не отступая отъ этихъ данныхъ, основывать новое зданіе общественнаго устройства.

— Но если общество растлѣнно, если общество до того порабощено, что само не чувствуетъ тяжести на немъ ига?—возражали нетерпѣливыя головы.

— Во-первыхъ, общество никогда не бываетъ растлѣнно,— отвѣчалъ обыкновенно на подобныя выходки Крестниковъ:—можетъ быть растлѣнна только часть общества, и притомъ та именно, которая, такъ сказать, играетъ на поверхности его; но

чтобы могла быть растлѣнною масса общества, никогда не принимавшая въ жизни дѣятельнаго участія, никогда не пользовавшаяся правами, это—дѣло несбыточное. Масса слишкомъ дѣвственна; она въ цѣлости сохранила всю чистоту мысли, всю ясность и неприхотливость жизненныхъ запросовъ. Снимите съ нея только ярмо безмолвія, дайте возможность высказаться, и вы удивитесь сами какъ мудрой ея прозорливости, такъ и простотѣ и непритязательности ея отношеній къ жизни. Но допустимъ самое худое; допустимъ, что масса дѣйствительно растлѣнна— что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Ужъ не то ли, что ее надо скомкать, вертѣть и, вообще, обращаться съ нею, какъ съ негодною тряпкой? Признаюсь откровенно, такое предположеніе было бы слишкомъ противно мнѣ. Я не сознаю ни за собой и ни за кѣмъ другимъ такихъ правъ, въ силу которыхъ могъ бы дозволить себѣ нецеремонное обхожденіе не только съ цѣлымъ обществомъ, но даже и съ отдѣльнымъ лицомъ. Въ такомъ горестномъ случаѣ я предпочту лучше пойти честно на бой съ развратнымъ обществомъ, я буду постоянно и неустанно подкапываться подъ его пороки, пробуждать въ немъ лучшіе инстинкты, буду на каждомъ шагу ставить его въ противорѣчіе съ самимъ собою, буду колоть и язвить его; но гнуть его въ бараній рогъ, но исправлять административнымъ путемъ—это не только противно, но даже и совершенно безполезно.

Веригинъ былъ принятъ радушно. Легко жилось, свободно дышалось въ этой молодой семьѣ, члены которой съ такимъ искреннимъ энтузіазмомъ готовы были броситься въ засасывающій омутъ жизни — и зачѣмъ? Затѣмъ, быть можетъ, чтобы насильственно погибнуть въ немъ!

О могучая, о живоносная, все наполняющая сила молодости! Жалокъ тотъ, кто не извѣдалъ тебя, кто съ дѣтскою довѣрчивостью не приникалъ къ тебѣ всѣмъ существомъ своимъ, кто всецѣло не покорялся тебѣ! Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда? Нѣтъ ни цѣпей, ни тѣсноты тюремной; широко-широко стелется міръ передъ умственнымъ взоромъ и свободно, неудержимо паритъ передъ нимъ мысль!

Мѣсяцъ спустя Крестниковъ сообщилъ Веригину, что съ нимъ желаетъ познакомиться нѣкто Муровъ, богатый откупщикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основатель многихъ акціонерныхъ компаній.

— Человѣкъ онъ плохой, — сказалъ при этомъ Крестниковъ,—но для насъ можетъ быть полезенъ.

Муровъ былъ ловкій и смышленый русскій человѣкъ, который, пройдя всѣ степени откупной іерархіи, разными правдами

и неправдами нажилъ себѣ огромное состояніе, и, всеконечно, до настоящей минуты безмятежно наслаждался бы почетнымъ званіемъ содержателя многочисленныхъ акцизно-откупныхъ коммиссіонерствъ, еслибъ не случилось одно обстоятельство, умѣрившее рьяность его и обратившее его дѣятельность въ другую сторону. Извѣстно, что у насъ, начиная съ 1856-го года, въ обществѣ появилась смутная реакція противъ откуповъ и въ то же время раздались сильные голоса, требовавшіе большей свободы для промышленныхъ предпріятій, указывавшіе на неисчерпаемые источники богатствъ, составлявшихъ мертвый капиталъ и требовавшихъ только рукъ и немного вниманія, чтобы пролить довольство и благосостояніе во всѣ классы народа. Муровъ понялъ это направленіе, и хотя неизвѣстно, повѣрилъ ли ему, но во всякомъ случаѣ сказалъ себѣ: „что-жъ, я ужъ сытъ" — и нашелъ выгоднымъ воспользоваться общественнымъ настроеніемъ. Онъ отказался отъ откуповъ (враги его, однакожъ, увѣряли, что это не мѣшало ему на торгахъ брать срывъ съ бывшихъ своихъ сотоварищей по ремеслу) и всецѣло бросился въ акціонерныя компаніи. Дѣла пошли отлично: акціонерная лихорадка держалась болѣе года и дала неслыханные барыши поборникамъ ажіотажа, впервые еще появившагося въ это время на нашей биржѣ. Муровъ выросъ; свергнувъ съ себя постыдное иго откупщичества, онъ не только не потерялъ отъ этого, но еще выигралъ. Онъ началъ задумываться, онъ началъ мечтать. Ему показалось недостаточно идти старыми, торными дорогами; ему представлялось, что Россія — что-то въ родѣ огромнаго, огромнаго пузыря, гдѣ, куда ни ткни—вездѣ или брызнетъ источникъ живой воды, или выростетъ удивительный хмѣль, или заляжетъ толстый пластъ такого каменнаго угля, о какомъ и понятія не имѣютъ англичане. Воду мы не умѣемъ закупоривать, хмѣль не умѣемъ прессовать, каменнымъ углемъ просто преступно небрежемъ. Все это надлежало устроить и обновить, вездѣ нуженъ былъ глазъ да и глазъ. Муровъ рѣшился взять на себя роль преобразователя и обновителя промышленности въ своемъ отечествѣ. Размышляя объ этомъ, онъ впадалъ въ какую-то меланхолическую восторженность; онъ сознавалъ себя благодѣтелемъ рода человѣческаго; онъ даже плакалъ, чего съ нимъ никогда не бывало въ то время, когда онъ былъ откупщикомъ. Фонтаны живой воды струятся и не только доставляютъ дешевое исцѣленіе бѣдному мужику, но и замѣняютъ ему водку; хмѣль—отлично прессованный, въ щегольскихъ жестянкахъ съ надписью, сдѣланною славянскою вязью: „Русскаго Товарищества сырообрабо-

танныя произведенія. Выгонка I-ая“, хмѣль посылается англичанамъ, которые взамѣнъ того шлютъ намъ свои сукна и хлопчатобумажныя произведенія; разработка огромныхъ залежей каменнаго угля сохраняетъ наши лѣса, устраняетъ обмелѣніе рѣкъ и порчу климата, ведетъ за собой пароходство, въ неслыханныхъ размѣрахъ; съ своей стороны, пароходы везутъ огромные грузы дешеваго киргизскаго сала и казанской нефти, которые также вымѣниваются англичанами на ножички и дешевыя бритвы... И посреди этого движенія, этой суеты—онъ, Муровъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, въ сюртучкѣ изъ дешеваго англійскаго сукна, окруженный краснощекими русскими парнями въ хлопчато-бумажныхъ англійскихъ издѣліяхъ. Таковы были мечтанія Мурова.

Разумѣется, это не мѣшало ему на досугѣ смотрѣть на дѣло и съ другой, болѣе практической или, лучше сказать, карманной точки зрѣнія. Принявъ за правило благодѣтельствовать человѣчеству возможно дешевымъ образомъ, онъ очень хорошо понималъ, что, находясь въ самомъ сердцѣ дѣла, будетъ имѣть возможность слѣдить шагъ за шагомъ за его ходомъ и, на случай неуспѣха, уже заранѣе приготовлять для себя лазейку. И въ самомъ дѣлѣ, публика у насъ такая восторженная, такъ жаждетъ употребить свои капиталы, до сихъ поръ спокойно лежавшіе, какъ у Христа за пазушкой, въ опекунскомъ совѣтѣ да въ приказахъ общественнаго призрѣнія. Отчего же, напримѣръ, не подслужиться ей, не облагодѣтельствовать ее, уступивши свои акціи, особливо во-время, особливо тогда, когда предчувствуешь, что предпріятіе должно разрѣшиться мыльнымъ пузыремъ? „Можно!“—мысленно отвѣчалъ себѣ Муровъ и какъ-то безмятежно при этомъ улыбался. Таковы были мечтанія Мурова. Затѣи изъ всего этого вышли немалыя, а для исполненія ихъ потребовались люди. Молодые люди, къ которымъ преимущественно обращался Муровъ (и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ съ разсчетомъ: во-первыхъ, онъ привлекалъ къ себѣ сердца молодого поколѣнія; во-вторыхъ, выборомъ людей порядочныхъ, не искусившихся въ откупныхъ интригахъ, поселялъ въ публикѣ довѣріе къ себѣ), охотно принимали на себя порученія по различнымъ отраслямъ промышленности, какъ потому, что это давало имъ случай вырваться изъ душной атмосферы города на свѣжій воздухъ, такъ и потому, что здѣсь представлялся имъ единственный, быть можетъ, случай для непосредственныхъ живыхъ наблюденій надъ народомъ.

Когда Веригинъ явился къ Мурову, его не заставили долго дожидаться и попросили въ кабинетъ къ хозяину.

— Милости просимъ! милости просимъ! давно искалъ случая познакомиться! — вскричалъ Муровъ, простирая къ Веригину объятія, и тутъ же три раза облобызалъ его.

Веригинъ взглянулъ на своего мецената. Это былъ приземистый, пухленькій человѣкъ съ круглымъ, чисто русскимъ лицомъ, съ румяными щеками, пухлыми губами, веселыми голубыми глазками и бѣлокурыми кудрями на головѣ. Всѣ эти частности, взятыя вмѣстѣ, подѣйствовали на Веригина довольно пріятно.

— Весь вашъ! весь къ услугамъ молодого поколѣнія! —продолжалъ между тѣмъ хозяинъ, усаживая Веригина въ покойное кресло и подчуя его дорогой сигарой.—Вѣдь вы наша надежда, вы—зерно, изъ котораго долженъ прозябнуть и процвѣсти первый побѣгъ нашего особнаго, нашего народнаго самовозрастія! (Муровъ любилъ выражаться оригинально и съ такимъ разсчетомъ, чтобы слово выражало именно ту самую мысль, которая прозябала въ головѣ его).

Веригинъ наклонилъ голову въ отвѣтъ на комплиментъ.

— Вамъ, конечно, не менѣе меня извѣстно, что Россія находится въ переходномъ состояніи,—ораторствовалъ Муровъ:—мы теперь, такъ сказать, вездѣ постукиваемъ, точь въ точь вотъ какъ постукиваютъ на желѣзной дорогѣ люди, лазящіе подъ вагонами... Конечно, вамъ случалось слышать...

— Да... разумѣется.

— Ну, вотъ-съ, мы и постукиваемъ. Куда ни стукнемъ, все плохо, все нѣтъ ничего. То-есть не то, чтобы ничего не было, а взяться нечѣмъ, умѣнья въ насъ нѣтъ. Промышленность въ младенчествѣ—а отчего? Пути сообщенія—и говорить нечего; а отчего? Сельское хозяйство ничтожное — а отчего? Мужикъ не только не имѣетъ чарки добраго вина за обѣдомъ, но часто считаетъ за роскошь соль — а отчего? Этихъ „отчего“ наберется множество, и это-то вотъ самое и называется постукиваньемъ.

Веригинъ наклонился въ знакъ сочувствія.

— Всѣ эти, такъ сказать, изверженности, таившіяся доселѣ подъ покрывалищемъ сокровенности, нынѣ въ яви, у всѣхъ на глазахъ! Отчего? А оттого опять таки, что постукиванье началось! Куда ни стукнешь—вездѣ мягкоуступаемость, вездѣ изверженность! И опять-таки говорю и не перестану говорить до конца: хвала вамъ, молодымъ людямъ! Вы первые глазомѣромъ наблюдательности подмѣтили эту повсюдную уступаемость и, проведя ее сквозь ростила прозорливости, предъявили на всеобщее позорище!

„Чудакъ, однакожъ, мой меценатъ!“ — подумалъ Веригинъ и взглянулъ на Мурова почти съ недоумѣніемъ.

— Я вижу, что вы удивляетесь. Вы удивляетесь тому, что вотъ я, человѣкъ простой, дошелъ, такъ сказать, до той точки, съ которой виденъ весь небосклонъ государственности. На это я вамъ скажу: я человѣкъ русскій, а русскому человѣку, чтобы обнять предметы самые высокіе, ничего не нужно, кромѣ простого глазомѣра и смётки. Науки полезны—объ этомъ ни слова, но глазомѣръ и смётка важнѣе всего. Тамъ прикинулъ, тутъ сообразилъ, анъ дѣло и въ картузѣ. Такъ-то-съ!

Муровъ ласково похлопалъ Веригина по колѣнкѣ и не то весело, не то лукаво взглянулъ ему въ глаза. Веригинъ не могъ удержаться, чтобъ не улыбнуться.

— Однако—сказалъ онъ,—молодое поколѣніе, которое вы сами осыпаете такими похвалами, едвали вѣритъ въ смётку и глазомѣръ.

— Что объ этомъ говорить! Вы люди ученые—вамъ и книги въ руки! Но опытность-то, но практика-то всетаки останется за нами, стариками, хоть вы и называете насъ старыми, выдохшимися дрожжами! Выдохлись — выдохлись, а всетаки бродимъ подчасъ... Вы вотъ постукивать будете, а мы будемъ указывать вамъ, гдѣ именно стучать нужно: такъ-то оно и пойдетъ у насъ въ совокупной общности, съ поддержаніемъ взаимнодовѣрія и любви.

Въ такомъ духѣ и тонѣ поддерживался разговоръ довольно долгое время, но наконецъ-таки хозяинъ удостоилъ объяснить своему будущему кліенту цѣль назначеннаго свиданія. Оказалось, что въ головѣ Мурова созрѣла мысль объ устройствѣ обширнаго общества лѣсопромышленности. По мнѣнію его, эта часть находилась въ самомъ грустномъ младенчествѣ. Лѣсные офицеры отчасти не понимаютъ своихъ обязанностей, отчасти же употребляютъ во зло довѣріе къ нимъ правительства; промышленники, заодно съ чиновниками, обкрадываютъ казну, но выгодъ отъ этого для себя не получаютъ ровно никакихъ, потому что все расходится по карманамъ; лѣсъ истребляется зря, безъ всякой экономіи, безъ малѣйшаго разсчета („объ липѣ ужъ и говорить нечего,—прибавлялъ Муровъ,—скоро она у насъ только въ паркахъ богатыхъ вельможъ расти будетъ“), топливо становится съ каждымъ днемъ дороже и дороже, а эта дороговизна всею тяжестью падаетъ на поселянина; отсюда самовольныя порубки и кража лѣса—пороки, какъ извѣстно, имѣющіе пагубное вліяніе на нравственность поселянъ. Устранить такое печальное положеніе вещей можно было, по мнѣнію Мурова, только безусловно отдавши государственные лѣса въ частныя руки. Вообще Муровъ полагалъ, что въ словахъ: „отдать въ частныя руки“ заключалось

что-то магическое, что, придя къ такому заключенію, оставалось только разинуть ротъ и лечь спать: тамъ, дескать, сдѣлается само собою. Въ этомъ отношеніи онъ былъ одинъ изъ самыхъ неистовыхъ адептовъ школы laissez passer, laissez faire.

— Какая же будетъ моя роль въ этомъ дѣлѣ?—спросилъ Веригинъ.

— А вотъ вы именно и будете постукивать; вы отправитесь въ К-ую губернію и поселитесь тамъ въ одномъ изъ центровъ лѣсныхъ операцій, изъ котораго можете дѣйствовать и въ другія мѣстности вашего раіона. Тамъ вы познакомитесь съ промышленниками, разузнаете, въ чемъ заключаются ихъ пріемы и какіе можно имѣть виды въ будущемъ; словомъ, будете дѣйствовать вполнѣ по своему усмотрѣнію. Что касается до издержекъ, то вы можете быть увѣрены, что будете вполнѣ обезпечены во всемъ.

Веригинъ хотѣлъ уже раскланяться, но Муровъ остановилъ его.

— Объ одномъ еще буду просить васъ,—сказалъ онъ:—къ мѣстнымъ властямъ будьте внимательны... ну ихъ!

Когда Веригинъ сообщилъ о результатѣ своихъ переговоровъ Крестникову, послѣдній очень обрадовался.

— Вотъ и прекрасно!—сказалъ онъ.—Срывный? мѣстность весьма замѣчательная, и въ особенности тѣмъ, что тамъ упорнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, засѣла старинная наша Русь, не подавленная и не развращенная крѣпостнымъ правомъ. Кстати, тамъ у меня даже родственники по матери есть, Клочьевы, капиталисты весьма значительные, которые, однакожъ, и моего отца антихристомъ величаютъ (вѣдь отецъ мой, въ молодости-то, по старой вѣрѣ былъ!), а меня и подавно. Вы съ ними сблизьтесь; между ними есть очень умные и дѣльные купцы; особливо есть тамъ старикъ Михей Иванычъ: этотъ едвали не самый сильный лѣсопромышленникъ въ цѣломъ краю. Да вотъ еще: найдите вы тамъ нѣкоего Суковатова; онъ тоже мнѣ дальній родственникъ и въ дѣтствѣ мы вмѣстѣ росли, но потомъ какъ-то упустили другъ друга изъ виду. Онъ тоже въ ученые пошелъ и тоже терпитъ горькую участь отъ родственниковъ. Если онъ тамъ, адресуйтесь къ нему отъ моего имени, а въ случаѣ надобности и завербуйте: онъ можетъ вамъ помочь.

Черезъ недѣлю Веригинъ ужъ простился съ новыми своими товарищами, а черезъ три недѣли былъ на мѣстѣ, въ Срывномъ.

М. Салтыковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ТОСКА БЫТІЯ

(На мотивъ изъ Шелли.)

О, вѣтеръ—воитель мятежный,
О, грозныя тучи небесъ,
О, ты, Гималай бѣлоснѣжный,
Гвіаны тропическій лѣсъ,
О, волны въ разгнѣванномъ морѣ,
Могучихъ платановъ семья,
Оплачьте вселенское горе,
Оплачьте тоску бытія!
Вы люди—довольная стая,
Смѣшна вамъ надзвѣздная даль,
Чужда вамъ тоска міровая,
Чужда міровая печаль...

Анатолій Доброхотовъ.

ИЗЪ „МУЖСКИХЪ ПИСЕМЪ“ ПОЛЯ АНДРЭ*)

1.

Жоржъ Дарланъ — Ирмѣ Сержинъ.

Парижъ, 9-го сентября.

Изъ Парижа! Да!—Изъ Парижа я шлю тебѣ это письмо, на другой день послѣ мучительной церемоніи похоронъ, на другой день послѣ моего бѣгства. Вѣдь я бѣжалъ, скрылся сюда, чтобы очутиться среди сутолоки и возбужденнаго опьяненія Парижа.

Ты ждешь меня, не такъ ли, безпокоишься, не знаешь, на что рѣшиться? А я причиняю тебѣ большія страданія...

Но ты не испытываешь и половины тѣхъ мукъ, которыя охватываютъ мое сердце вотъ уже три дня. Я думаю, моя дорогая, что мы больше не увидимся. Никогда! То, о чемъ я говорю тебѣ такъ хладнокровно—самая ужасная вещь, какую я могу себѣ только представить. Никакая болѣе страшная слу-

*) Поль Андрэ — одинъ изъ видныхъ представителей молодого поколѣнія бельгійскихъ писателей (родился въ 1873 г.), авторъ многихъ психологическихъ романовъ, разсказовъ, драмъ, гдѣ анализъ человѣческой души поражаетъ своей глубиной и правдивостью. Однимъ изъ самыхъ яркихъ его произведеній является книга „Мужскія письма“ (Lettres d'hommes), серія совершенно самостоятельныхъ произведеній, общій характеръ которыхъ напоминаетъ манеру Прево или Эрвье. Поль Андрэ—редакторъ одного изъ видныхъ бельгійскихъ журналовъ: „La Belgique artistique et littéraire“.

чайность не могла бы обрушиться съ роковой неизбѣжностью на мою жизнь.

Чудное воспоминаніе о пятилѣтнемъ, несравненномъ ни съ чѣмъ счастьѣ не будетъ заключать въ себѣ достаточно очарованія и нѣжности, чтобы уменьшить горечь тѣхъ словъ, которыя я добровольно сказалъ тебѣ сейчасъ: мы больше не увидимся!

Ахъ! не довѣряй кощунственному сомнѣнію, которое можетъ охватить твой умъ! Я люблю тебя, Ирма, я все еще люблю тебя, какъ любилъ эти пять лѣтъ, можетъ быть еще сильнѣе, такъ какъ къ моей любви отнынѣ прибавляется жертва. Она пріобрѣтаетъ отъ этого большую напряженность, болѣе глубокое совершенство.

Какое странное противорѣчіе, однако, между тѣмъ, что я пишу тебѣ, и тѣмъ рѣшеніемъ, о которомъ я тебя извѣщаю! Въ теченіе пяти лѣтъ мы лжемъ всѣмъ, мы лжемъ во всемъ. Впервые свободные, мы можемъ подтвердить необъятность нашихъ чувствъ.

Въ теченіе пяти лѣтъ мы обманывали женщину: мою бѣдную умершую жену, счастье которой мы украли. Въ первый разъ мы можемъ насладиться нѣжностью, которая не омрачается никакой задней мыслью, никакимъ обманомъ или сомнѣніемъ.

Въ теченіе пяти лѣтъ мы боялись неминуемой катастрофы, вызванной какою-нибудь неосторожностью, неожиданностью; мы жили при безпрестанномъ и немного унизительномъ соучастіи прислуги, среди осложненій, связанныхъ съ опасными свиданіями, въ случайно выбранныхъ гостинницахъ, довольствуясь тайными встрѣчами. Въ первый разъ мы можемъ показать нашу любовь и обмѣняться поцѣлуями, которыхъ мы не должны больше скрывать.

А я, я жду этой минуты, чтобы сказать тебѣ, что я удаляюсь, что мы больше не увидимся. Изъ побѣднаго крика, котораго ты должна ожидать, я дѣлаю мучительное прощаніе.

Ахъ, прости мнѣ, моя дорогая, прости! Но я такъ плакалъ. Я слишкомъ привыкъ къ ласкѣ, которою ты такъ щедро дарила меня; познавъ твою чудесную душу, я сдѣлался слишкомъ добрымъ. Моя доброта становится жестокой: она причинитъ тебѣ страданіе, обрекая меня самого на отчаянныя муки и безуміе.

Да, ты сдѣлала меня добрымъ до безумія!

Ты знаешь, какъ и я, что въ послѣднее время, въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ, наша любовь была такъ сильна и глубока, и она настолько стала для насъ единственной цѣлью и смысломъ нашей жизни, что мы не старались больше скрывать нашихъ отношеній.

Моя жена знала, какая связь соединяла насъ. Она, однако,

никогда ничего не говорила намъ: ты оставалась ея подругой. Нѣкоторая высокомѣрная холодность мѣшала тебѣ оставаться въ такихъ же дружественныхъ отношеніяхъ съ нею, какъ прежде. Въ глазахъ свѣта я не переставалъ быть тѣмъ же корректнымъ, предупредительнымъ мужемъ.

Она страдала сильно, не смотря на ея немного презрительное, равнодушное обращеніе. Теперь я это знаю навѣрное.

Наша любовь, мое отдаленіе отъ нея, не могли не ускорить печальнаго конца этого бѣднаго существа. Мы были жестоки; но мы такъ любили другъ друга!

Она умерла. Ея физическія страданія, къ счастью, были недолги. Ея сердце было слишкомъ надорвано, чтобы вытерпѣть медленную агонію. Смерть дала ей освобожденіе въ три дня.

Я увѣренъ, что еслибъ ты видѣла меня въ ту минуту, еслибъ ты видѣла меня теперь, ты съ трудомъ узнала бы меня въ старикѣ, какимъ я сталъ.

Утромъ, въ день ея смерти, я былъ возлѣ нея. Очень тихая, блѣдная, совсѣмъ слабая, она выказывала такъ мало, мало жизни въ своемъ изнуренномъ тѣлѣ.

Въ этотъ незабвенный часъ она коснулась сухимъ поцѣлуемъ своихъ слегка дрожащихъ устъ моего заплаканнаго лица и сказала мнѣ нѣсколько словъ, очень медленно и очень тихо: „Мой другъ, прощай! Прощай! Ты долженъ жениться на ней; вы такъ любите другъ друга... мой другъ!..“

Освободившись отъ принужденій, свѣтскихъ соболѣзнованій, хлопотъ съ похоронами, мученій, связанныхъ съ моимъ искреннимъ страданіемъ—да, искреннимъ, я не колеблюсь заявить это— я долженъ былъ бы подумать о тебѣ, о нашей любви, о насъ...

...Я бѣжалъ. Я пріѣхалъ, чтобы окунуться съ головой въ парижскій водоворотъ. Я наслаждаюсь шумомъ и волненіемъ. Я провожу ночи напролетъ въ кабарэ. Я изнуряю себя, бѣгая весь день по Булонскому лѣсу, по улицамъ, желая видѣть все, что возможно видѣть. Я боялся одиночества и тишины въ мирномъ уединеніи отдаленной деревни.

И я думалъ о моемъ печальномъ будущемъ. И я понимаю, что не найду силъ одержать побѣду надъ навязчивой мыслью объ этомъ желаньѣ бѣдной и дорогой умершей: „Женись на ней! Люби ее!“

Ахъ, да, я люблю тебя!.. Но ужасъ этой агоніи преслѣдовалъ бы насъ слишкомъ сильно; неизгладимое воспоминаніе объ этой прощальной и полной доброты любви влило бы въ наши поцѣлуи ядъ, котораго не могли бы перенести мои губы...

Та, которая при жизни, даже тогда, когда она убѣдилась въ нашей измѣнѣ, никогда не безпокоила насъ мыслью, что мы можемъ причинить ей зло, — та, умершая и простившая женщина, одерживаетъ верхъ надъ моей душой, странною и непобѣдимою силой посмертныхъ сомнѣній. Она взволновала меня навсегда...

Я люблю тебя, Ирма, люблю до такой степени, что не надѣюсь больше ни на что въ этой жизни и могу ждать только горечи и отчаянія. Но я, принадлежавшій тебѣ вопреки законамъ свѣта, я не могъ бы быть твоимъ, не смотря на свободу, которую намъ предоставило желаніе умершей.

Ты меня больше не увидишь. И я все же сильно люблю тебя!.. Но ея послѣдній взглядъ былъ такъ мучителенъ...

Я не рискну даже прочесть хотя одно слово отъ тебя. Что, если моя рѣшимость ослабѣетъ! Я не даю тебѣ никакого адреса. Буду ли я самъ писать тебѣ? Развѣ я знаю, гдѣ я буду завтра?— *Жоржъ.*

2.

Гарри Миллъ — графу де-Брисэ-Монбаръ.

Графъ!

Несчастный, измученный, бѣдный человѣкъ обращается къ вамъ, могущественному, богатому и счастливому. Онъ плачетъ, умоляетъ и проситъ нѣкотораго состраданія.

Въ теченіе многихъ вечеровъ я замѣчаю, что вы—усердный посѣтитель „Зимняго Цирка". Пунктуальность, съ которой вы занимаете одно и то же мѣсто, въ коридорахъ, ведущихъ къ выходу, гдѣ ваше изящество и довольная улыбка вашего лица были вскорѣ замѣчены и возбуждали восторгъ, привлекли и мое вниманіе. Товарищи — всегда найдутся охотники на это — возбудили во мнѣ первыя сомнѣнія. Съ тревожнымъ страхомъ я отнынѣ сталъ слѣдить за каждой минутой. Я не скрываю, я совершалъ низкіе поступки, противъ которыхъ возмущается моя честность. Но меня хотятъ обмануть, насмѣяться надъ любовью, которая была слишкомъ глубока и полна довѣрія. Поэтому не надо судить меня строго. Я рылся въ ящикахъ, осматривалъ карманы; я шарилъ потихоньку всюду, гдѣ мнѣ казалось, что я могъ бы найти, узнать что-нибудь....

Увы! я узналъ слишкомъ много!

Бетси любитъ васъ или, по крайней мѣрѣ, она опьянена тѣми словами, которыя вы ей говорили наскоро, въ короткія минуты, когда вы могли ее встрѣтить, въ антрактахъ, при выходѣ изъ ея уборной, въ углахъ коридоровъ. Она точно очаровалась вашими взглядами, обѣщаніями. Цвѣты, которые падали къ ея ногамъ, когда вся зала рукоплескала ей, исходили отъ васъ; она это знала, и ея благодарность теперь такова, что она готова протянуть свои губы для вашихъ поцѣлуевъ.

Я же, графъ, люблю Бетси уже девять лѣтъ. На всемъ свѣтѣ она любила только меня; и я клянусь вамъ, что наша любовь была искренней, страстной. Въ первый разъ одинъ изъ насъ готовъ измѣнить другому...

Однако, несчастье еще исправимо, и я прихожу къ вамъ съ унизительными словами, нѣжными просьбами, почти мольбами...

Подумайте обо всемъ этомъ, графъ.

Девять лѣтъ тому назадъ я былъ двадцатилѣтнимъ юношей, очень счастливымъ, спокойнымъ, почти богатымъ. Мои родители надѣялись сдѣлать изъ меня хорошаго, честнаго человѣка: меня послали учиться въ большой городъ, далеко отъ фермы, гдѣ протекло мое спокойное и радостное дѣтство.

Однажды, вечеромъ, я встрѣтилъ Бетси. Я выходилъ изъ пріѣзжаго цирка. Она ходила взадъ и впередъ вдоль высокаго сооруженія изъ досокъ. Бетси ждала, какъ она мнѣ сказала, своего отца, силача труппы. Я подошелъ къ ней, привлеченный ея дѣвичьей красотой и ея улыбкой; мы разговорились. Она согласилась видѣться со мною нѣсколько минутъ каждый вечеръ, и передавала мнѣ свои наивныя, простыя мысли.

Бетси была очень молода, нѣжна и красива. Мы любили другъ друга вполнѣ цѣломудренно, въ теченіе мѣсяца, не стремясь къ иному счастью, какъ встрѣча на нѣсколько минутъ у фонаря, возлѣ цирка, послѣ представленія.

Черезъ мѣсяцъ моя подруга сообщила мнѣ, что она уѣзжаетъ и что мы больше не увидимся. Я никогда не воображалъ, чтобы подобное несчастье могло случиться. У нея сверкали слезы на кончикахъ рѣсницъ; она сжимала мою руку все сильнѣе въ своихъ рукахъ. Когда труппа уѣхала, я, графъ, послѣдовалъ за нею. Сначала меня приняли какъ слугу. Я прошелъ черезъ самую трудную школу. Она сама, дочь своего отца, начинала изучать его искусство.

Наконецъ, я покинулъ конюшню и выступилъ на арену. Я былъ шутомъ, „Огюстомъ", котораго каждый осмѣивалъ, смѣшнымъ идіотомъ, надъ которымъ всѣ издѣваются. Но меня

любили. И наше счастье было такъ хорошо, полно нѣжности, бодрости.

Отецъ Бетси умеръ. Съ тѣхъ поръ Бетси и я, мы не разставались и наша любовь становилась изо дня въ день болѣе глубокой. Мы добились и успѣха.

Супруги Миллъ — такой „номеръ", который теперь директоръ цѣнитъ на вѣсъ золота. Насъ ставятъ въ красную строку и мы имѣемъ успѣхъ каждый вечеръ: намъ завидуютъ, намъ поклоняются.

Но какое дѣло намъ было до всего этого, разъ что мы все еще любили другъ друга?

И Бетси становилась съ каждымъ днемъ болѣе любящей, преданной и красивой. Вотъ уже девять лѣтъ, какъ я сталъ равнодушенъ ко всему свѣту и живу только въ опьяненіи этой сильной и дорогой любви. Что мнѣ въ томъ, что я только бродяга, странствующій изъ города въ городъ, если, вернувшись въ свою комнату, я могу прижать къ сердцу ту, которая является всей моей жизнью и предметомъ всѣхъ моихъ мыслей!

И вотъ, можетъ быть, я долженъ лишиться стольких радостей и счастья...

Можетъ ли Бетси быть для васъ, графъ, чѣмъ инымъ, какъ минутнымъ капризомъ, который приходитъ и уходитъ, легко забывается?..

Зачѣмъ вамъ ея мимолетная любовь, когда столько женщинъ знатныхъ и красивыхъ, готовы считать за честь ваше расположеніе? Бетси—только бѣдный ребенокъ; она допустила увлеченіе, опьяненіе; она забываетъ, что для такого несчастнаго, какъ я, она воплощаетъ собой цѣлый міръ. Оставьте ее мнѣ, графъ, оставьте ее мнѣ: я такъ нуждаюсь въ ея любви!

Затѣмъ, я такъ боюсь, такъ боюсь за нее!

Вы никогда не поймете, какъ я страдаю изъ-за васъ. Вы никогда не узнаете, какую борьбу я долженъ трагически вести самъ съ собою.

Помните ли вы одинъ моментъ, графъ? Это было вчера вечеромъ. Вы занимали ваше обычное мѣсто. Веселый, любезный, украшенный пышной розой, вы улыбнулись Бетси, когда мы вышли на арену. Ахъ! я тоже улыбался, улыбался губами, но въ моемъ сердцѣ царили гнѣвъ и отчаяніе. Что вы хотите? Я точно актеръ изъ балагана. Каждый день, въ опредѣленный часъ я долженъ сдѣлать привѣтливое лицо и мило кланяться тысячѣ людей, пришедшихъ рукоплескать Гарри и Бетси Миллъ, „самымъ извѣстнымъ гимнастамъ". Вы улыбнулись съ аффектаціей. Я поймалъ

взглядъ Бетси: онъ былъ полонъ блеска, счастья и желанія— ахъ, я хорошо это видѣлъ, — и былъ пристально устремленъ на васъ!

Этотъ взглядъ не покидалъ васъ все время, пока мы были въ циркѣ. Вашъ взглядъ и ваша улыбка были обращены на изящную красоту несчастнаго ребенка.

Въ то время, какъ она раскачивалась совсѣмъ наверху купола, прислонившись къ своей трапеціи; во время всѣхъ ея тонкихъ движеній, отличавшихся смѣлостью, легкостью, силою и отвагою, она смотрѣла только на васъ. Во время ея отдыха, когда я самъ, неувѣренный въ моихъ дѣйствіяхъ, охваченный жестокою мукою, изгибался, висѣлъ на рукахъ, ногахъ, бедрахъ, зубахъ, затылкѣ, летая, поднимаясь, сгибаясь, заставляя себя продѣлывать головокружительные прыжки, она и вы обмѣнивались нѣжной симпатіей улыбокъ.

Помните ли вы, графъ: оркестръ замолкъ. Мы должны были продѣлать, какъ и каждый вечеръ, отважное завершеніе нашихъ упражненій. Всѣ, взволнованные, обратили свои испуганные взоры на сверканіе нашихъ красныхъ трико, украшенныхъ блестками. Мы висѣли за ноги, соприкасались головами, и я смотрѣлъ все болѣе трагически на вашу безпрестанную улыбку.

Всѣ вздрогнули въ амфитеатрѣ. Бетси выпустила тонкую, двигавшуюся трапецію и, повернувшись два раза, бросившись съ одного конца цирка на другой, должна была схватиться за мои руки руками.

Не правда ли, графъ, вы, какъ и всѣ ощутили, въ этотъ моментъ, что-то въ родѣ ужасной тревоги, видя, что Бетси пропустила мои руки и что ея руки не схватили моихъ? Сколько нужно было имѣть внезапной энергіи, а также и удачи — ахъ, да!—чтобы быстро протянуть, не смотря ни на что, руку и схватить все же одну изъ ея рукъ, которыя могли такъ легко не попасться мнѣ!

Какой крикъ, какой восторгъ, когда этотъ счастливый случай успокоилъ сразу безумный страхъ!

Это дало вамъ обоимъ возможность нѣжно ласкать другъ друга, на разстояніи, влюбленными взглядами.

Затѣмъ были брошены Бетси обычные цвѣты, ваши руки въ свѣтлыхъ перчаткахъ апплодировали усиленно. Какъ я страдалъ! Какъ вы заставили меня страдать!

Но вотъ что, графъ, я хочу сказать вамъ. Если Бетси чуть-было не упала на арену; если Бетси вчера вечеромъ почувство-

вала близость самой ужасной изъ смертей, это было потому, что я умышленно отказалъ ея рукамъ въ своей помощи, потому что я хотѣлъ намѣренно вызвать этотъ случай.

Но, повторяю вамъ, я ее слишкомъ люблю. И это спасло ее одинъ разъ. Но спасетъ ли это ее сегодня вечеромъ, завтра, всѣ другіе вечера, если я буду видѣть, какъ вы улыбаетесь ей и какъ она вамъ отвѣчаетъ? Удастся ли мнѣ еще въ тотъ моментъ, когда это будетъ нужно, найти въ себѣ силу—въ особенности счастье—удержать ея тѣло, если оно будетъ такъ близко къ трагической судьбѣ, которую я ей готовлю изъ единственнаго стремленія удовлетворить мою ревность.

У меня было вчера достаточно мужества и удачи, чтобы избѣжать несчастья, которое я сначала рѣшилъ вызвать. Можетъ ли это такъ продолжаться, въ особенности если я буду знать, что Бетси уступила искушенію?

Ради нея, ради меня, графъ, избѣгните этого ужаса!

Вы должны встрѣтить сегодня Бетси. Я знаю это. Сегодня въ пять часовъ, въ гостинницѣ. Я знаю, въ какой гостинницѣ. Вы видите, мнѣ извѣстны всѣ подробности моего несчастья; но все еще поправимо. Я не буду дѣлать шума. Я не смогу найти силъ сказать слово упрека, тѣмъ болѣе угрозы Бетси. Я хочу, чтобы она никогда не узнала, что мнѣ была извѣстна ея измѣна, которой она чуть было не разрушила наше счастье. На васъ я разсчитываю, чтобы покончить съ кошмаромъ, который сводитъ меня съ ума.

Вы не напишете больше ни слова Бетси. Вы ни разу не придете въ циркъ; вы поступите такъ, чтобы бѣдная женщина никогда не встрѣтила васъ. Она пойдетъ сейчасъ въ гостинницу и не найдетъ васъ тамъ. Она будетъ искать васъ глазами сегодня вечеромъ, и въ ея улыбкѣ не будетъ больше ужасной нѣжности, которую я у нея угадываю цѣлую недѣлю. Съ завтрашняго дня Бетси будетъ испытывать по отношенію къ вамъ нѣкоторое презрѣніе, пока не забудетъ васъ—что произойдетъ скоро, благодаря моей любви.

И это мелкое презрѣніе, графъ, будетъ небольшой местью, на которую я имѣю нѣкоторое право, согласитесь съ этимъ.

Но если вы все же будете настаивать, если вы украдете у меня въ этотъ вечеръ то, что привязываетъ меня къ землѣ, я не дерзаю обѣщать вамъ, что буду имѣть счастье и удачу спасти Бетси въ минуту ея паденія.

Мнѣ самому стоитъ только прекратить, въ теченіе десятой части секунды, напряженіе моихъ нервовъ, притягивающихъ меня

къ трапеціи, чтобы разбить свою голову рядомъ съ умирающей Бетси—и все это передъ вашими глазами, которые, можетъ быть, на этотъ разъ не будутъ улыбаться.

Примите, графъ, увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи.—*Гарри Милль, артистъ зимняго цирка.*

3.

Вахмистръ Верделэ — M-lle Луизѣ.

Моя бѣдная Луиза! И моя дорогая Луиза! Я люблю тебя, ты это знаешь. Я люблю тебя, я слишкомъ люблю тебя. Я теряю голову отъ любви къ тебѣ.

Моя душа охвачена ужаснымъ безуміемъ. Я точно нездоровъ. И я чувствую, что это кончено, что я не избавлюсь отъ этого состоянія. Когда какая-нибудь болѣзнь охватила васъ, мучила и, къ счастью, вы избавились отъ вашихъ страданій, наступаетъ успокоеніе. Я точно былъ на пути къ выздоровленію, послѣ большой смертельной опасности. Представь себѣ, что я почти забылъ тебя!

Да, это правда. Я, котораго ты захватила цѣликомъ, такъ что могла распоряжаться моею волею, всѣми мыслями, всѣмъ сердцемъ, какъ и всѣмъ тѣломъ, я достигъ того, что почти ни о чемъ не думалъ. Это былъ единственный способъ не думать больше о тебѣ.

Цѣлый день въ казармѣ я съ ожесточеніемъ работалъ безъ перерыва. Я занималъ малѣйшія минуты отдыха изнурительными упражненіями. Я не покидалъ фехтовальной залы или манежа. На самыхъ необыкновенныхъ упражненіяхъ я надорвалъ, въ одинъ часъ, трехъ горячихъ лошадей. Первые дни мнѣ случалось думать съ завистью о легкой возможности разбить голову о какое-нибудь препятствіе или погибнуть подъ ударомъ копытъ моей лошади! Затѣмъ я даже объ этомъ не сталъ думать...

Вечеромъ я читалъ; я работалъ за другихъ по дѣламъ канцеляріи; я ложился рано, усталость моего тѣла вызывала тяжелый сонъ, и я ничего не видѣлъ во снѣ.

Спокойствіе моего ума и сердца — скорѣе пустота — вскорѣ соединились съ физическимъ утомленіемъ, слабостью.

Это продолжалось болѣе двухъ недѣль. Я почти выздоровѣлъ.

Зачѣмъ ты захотѣла снова раскрыть рану, которую я залѣ-

чивалъ съ такимъ успѣхомъ? Зачѣмъ я прочелъ твое письмо? Почему я не бросилъ въ огонь эту проклятую бумагу, когда я узналъ на конвертѣ твой почеркъ?

Но что дѣлать: это было сильнѣе меня. Пьяница знаетъ, что убиваетъ себя, когда пьетъ; но развѣ это мѣшаетъ ему выпить еще, еще стаканъ?..

Затѣмъ, я долженъ признаться въ нѣкоторомъ хвастовствѣ...

Я считалъ себя сильнымъ и смѣялся. Пусть посмотрятъ, позволю ли я посмѣяться надъ собою покинутой возлюбленной, дамъ ли я себя снова увлечь!

„Вернись", писала ты мнѣ. „Вернись, уѣдемъ вмѣстѣ. Я буду очень нѣжной и доброй съ тобою. Далеко отсюда, никто не будетъ знать, кто мы. У меня есть деньги, чѣмъ прожить первое время. Ты будешь работать. Я буду точно твоей женой, буду спокойно, счастливо жить дома. Я не буду больше пѣть и мы будемъ жить для себя".

Ты не подумала о томъ, что̀ ты мнѣ писала, бѣдная, безумная женщина! Ты не знала, что̀ предлагала. Ахъ, для меня это было бы чудесно. Это было бы счастье, истинное счастье, надолго! Я люблю тебя, ты это хорошо знаешь. И мы жили бы *вдвоемъ*. Моя мечта! Вдвоемъ, вдали отъ всѣхъ. Вдвоемъ, гдѣ только насъ двое.

Ты больше не пѣла бы...

Да, ты сказала это вполнѣ искренно. Но ты долго не размышляла объ этомъ. Иначе...

Иначе ты не заставила бы меня предвидѣть все то счастье, которое казалось тебѣ такимъ легкимъ. А я, я хочу сказать тебѣ, что твое письмо и твоя горячая просьба содержатъ въ себѣ то чего ты не видѣла.

Ты не стала бы больше пѣть?

Значитъ, M-lle Луиза, отдаваясь своему искусству, не узнала бы больше тщеславнаго чувства видѣть свое имя напечатаннымъ въ красной строкѣ.

M-lle Луиза, мало одѣтая, показывающая, насколько возможно, свое бѣлое красивое тѣло, не сверкала бы больше ни фальшивыми драгоцѣнностями, ни пестрыми погремушками, пришитыми къ ея свѣтлому, но очень уже потертому платью.

M-lle Луиза съ своимъ голосомъ, не всегда вѣрнымъ, но сопровождающимся безстыдными жестами, искусительнымъ взглядомъ, льстивой улыбкой—ахъ, твоя улыбка!—не произносила бы больше задорныхъ припѣвовъ. Она не слыхала бы больше громкаго смѣха возбужденныхъ зрителей, одобренія всего зала, ко-

торое вспыхиваетъ съ послѣдней, очень громкой нотой ея куплета, среди дыма, пыли и запаховъ кафе-шантана.

M-lle Луиза, послѣ своего номера, больше не проходила бы вдоль столиковъ, стульевъ — протягивая раковину за взносомъ, благодаря любезнымъ словомъ, улыбкою, позволяя погладить свои обнаженныя руки за два су, которые ей даютъ. Ей не пришлось бы больше отказывать только на половину тѣмъ, кто хочетъ заключить ее въ свои объятья, и слишкомъ поздно отклонять свою щеку, предоставленную безцеремоннымъ поцѣлуямъ.

Какъ я живо помню, Луиза, первый мой приходъ въ „Эденъ"! Военные всегда находятъ хорошій пріемъ тамъ, гдѣ поютъ женщины въ кричащихъ туалетахъ и съ вынужденной любезностью. Ты показалась на эстрадѣ: ты исполнила вальсъ съ томнымъ ритмомъ, съ наивно-сантиментальными словами: *Гондольеры*. Ахъ, какъ я все это снова вижу, какъ я это слышу! И съ перваго взгляда въ залу ты устремила на меня твои большіе, веселые глаза. Они не покидали меня въ теченіе всего твоего романса; мои глаза отвѣчали на слова любви, которыя ты такимъ образомъ безмолвно хотѣла мнѣ сказать...

Какъ хорошо можно бесѣдовать, не открывая губъ, если есть любовь! И мы полюбили другъ друга съ этой минуты.

Окончивъ послѣдній припѣвъ, въ то время, какъ всѣ привѣтствовали звѣзду труппы, ты спустилась совершить твой обходъ, но безъ замедленія, не задерживаясь ни у кого, почти не благодаря, желая—я видѣлъ это хорошо—скорѣе подойти ко мнѣ. Во время твоего обхода ты оставила нашъ столикъ въ самый конецъ и безъ стѣсненія сѣла рядомъ со мной... Сколько людей завидовали мнѣ въ эту минуту!

Но зачѣмъ вспоминать все это прошлое? Развѣ мы оба не должны забыть о немъ?

Съ моей стороны это было почти достигнуто, когда пришло твое письмо.

И это письмо сказало мнѣ, что ты больше не будешь пѣть?

Да, это было бы чудесно, красиво и дышало бы неожиданнымъ счастьемъ. Знаешь, дорогая, отъ одной мысли объ этомъ я плачу. Чудесные планы. Я плачу, такъ какъ есть радости, которыхъ люди въ родѣ насъ не должны знать. И ты вызвала въ моемъ воображеніи такую радость, самую большую изъ всей моей жизни, радость, которой никогда не будетъ...

Я не убѣгу съ тобой далеко отъ всего, что меня здѣсь удерживаетъ. И ты будешь продолжать пѣть. Для твоей жизни необходимо это опьяненіе, столь фальшивое, мимолетное, въ сущ-

ности презрѣнное. Тебѣ это нужно. Въ минуту любви, необдуманности, тебѣ казалось, что ты могла бы обойтись безъ погремушекъ, связанныхъ съ жизнью „артистки“. Даже въ „Эденѣ“ можно быть „артисткой“, когда выпрашиваешь свой хлѣбъ, послѣ каждой пѣсенки, чаще всего при помощи обращенія къ нездоровому вожделѣнію зрителя.

И безъ всего этого ты не могла бы обойтись, даже возлѣ меня, какъ и возлѣ кого-нибудь другого.

Ты любишь того, по отношенію къ которому ты можешь выказывать любовь на глазахъ завидующихъ тебѣ товарокъ, всѣхъ тѣхъ, кто сидитъ рядомъ съ нами въ залѣ. Я это хорошо понялъ, видя тебя столь гордой, въ воскресные вечера, когда бываетъ много народу, столь гордой сознаніемъ, что ты можешь пить изъ одного стакана со мной, сидѣть у меня на колѣняхъ, позволять цѣловать себя въ губы безъ всякихъ стѣсненій. И ты умѣла съ такой гордостью обнимать мою шею своей обнаженной рукой, которая оставляла слѣды рисовой пудры на темномъ сукнѣ моего мундира.

Я тоже гордился, какъ и ты сама, такъ какъ очень многіе изъ окружавшихъ завидовали мнѣ. Но я уже говорилъ тебѣ: я ревновалъ также, злобно ревновалъ до такой степени, что могъ стать дурнымъ, грубымъ, когда ты ходила отъ стола къ столу, чтобы собрать твою „выручку“. Надо быть привѣтливой съ тѣмъ, кто вамъ даетъ деньги. Ты не всегда могла отказаться, если тебѣ предлагали стаканъ вина: патронъ требуетъ, чтобы „артистъ“ оживлялъ продажу. А стаканъ вина или лимонада стоитъ ласки!

Но если чья-либо рука касалась твоей бѣлой груди, то словно когти скребли мою собственную грудь...

И я не хотѣлъ больше тебя видѣть — такъ сильно я тебя любилъ, — чтобы не сойти съ ума или не умереть отъ страданій.

Понимаешь ли ты меня теперь, Луиза?

Твое письмо — очень нѣжное, ласковое и, я увѣренъ, искреннее. Вотъ почему я отвѣчаю на него отъ всего сердца. Я тебя забылъ, или, скорѣе, мнѣ удалось не думать о тебѣ. Это не одно и тоже. Прочитавъ твои слова, я снова былъ охваченъ безумной страстью, съ которой не могу бороться.

Уѣдемъ, говоришь ты, уѣдемъ, бросимъ все. Уѣдемъ далеко отсюда.

Да, я уѣзжаю. Да, я оставляю позади себя весь этотъ кошмаръ невозможной любви. Но я уѣду одинъ.

Одинъ, безъ тебя.

Я уѣзжаю сегодня вечеромъ. Я бѣгу, не знаю куда, но туда,

гдѣ никто, даже ты, не сможетъ меня отыскать. Это постыдно; это малодушно. Я солдатъ. Я покидаю свое знамя. Но это безуміе. Мнѣ простятъ этотъ безумный поступокъ. Мои бѣдные родные не поймутъ, что женщина могла принести столько несчастья. Стать дезертиромъ изъ-за женщины, фи! Они могли бы покраснѣть за меня. И это честные люди, которые не заслуживаютъ того, чтобы я ихъ обезчестилъ.

Я оставлю безсвязное письмо, котораго никто не пойметъ. Я не произнесу твоего имени; я не обнажу раны, разъѣдающей мое сердце.

И меня пожалѣютъ. Къ тому же развѣ моя ложь не послужитъ мнѣ оправданіемъ? Развѣ я не стою того, чтобы меня, прежде всего, пожалѣли и не сильно бранили? Развѣ больной, безумный отвѣчаетъ за свое безуміе?..

Да, я бѣгу, я уѣзжаю.

Ты будешь продолжать пѣть, Луиза; ты забудешь обо мнѣ— не сейчасъ, потому что у тебя доброе сердце...

Можетъ-быть, завтра, когда ты получишь это длинное письмо, можетъ-быть слеза на одну минуту будетъ трепетать на твоей рѣсницѣ?..

Я уже буду далеко и постараюсь тебя забыть во второй разъ. Въ особенности, не говори никому ничего. Это будетъ лучшимъ способомъ доказать себѣ самой, что ты меня любила. А всегда отрадно сознавать, что у человѣка есть сердце.

Это можетъ даже приносить радость—если только человѣкъ становится такимъ безумнымъ, какъ я, который удаляется, продолжая мысленно цѣловать, обожать тебя. — *Верделэ.*

4.

Г. де Вильерэ — Г-ну Жану Латуру.

Милостивый Государь,

Мое обращеніе къ вамъ очень странно и некорректно, и я понимаю, что вы вполнѣ въ правѣ удивиться.

Но причина, заставляющая меня это сдѣлать, очень важна, и вы увидите, что она оправдываетъ нарушеніе всѣхъ условностей.

Завтра, на зарѣ, мы должны стрѣляться. Ваши и мои секунданты, въ эту самую минуту, вырабатываютъ условія дуэли, послѣ

которой одинъ изъ насъ двоихъ можетъ остаться, по меньшей мѣрѣ, раненымъ, а въ худшемъ случаѣ—убитымъ.

Вотъ этого-то я и не хочу. Одна мысль, что мы предстанемъ другъ противъ друга какъ враги, кажется мнѣ чудовищной, и чего бы это мнѣ ни стоило, я объясню вамъ мотивы моего поступка.

Предлогъ нашей дуэли баналенъ, почти смѣшонъ. Я застаю васъ у одной женщины, любовью которой, въ виду моихъ щедротъ, я долженъ былъ пользоваться единолично. Нѣсколько словъ, немного колкихъ, обмѣнъ карточекъ, и создана шутовская, но все же мрачная комедія.

Мы не дойдемъ до самой развязки. Вы сейчасъ узнаете, что я имѣю въ виду.

Безъ всякаго предисловія, я скажу вамъ, что я не могу драться съ вами, потому что я—*вашъ отецъ*...

То, что я дѣлаю, открывая вамъ обстоятельства, которыхъ вы могли бы не знать всю вашу жизнь, можетъ-быть, достойно осужденія. Но я не вижу другого способа избавить насъ обоихъ отъ риска совершить преступленіе.

Я знаю, что я не долженъ бояться лишить васъ иллюзій насчетъ вашей матери и запятнать ея память. Madame Латуръ была слишкомъ святой женщиной, чтобы клевета могла даже коснуться ея памяти. Но развѣ это будетъ клевета на женщину, если я скажу о ней, что она, съ свободнымъ сердцемъ, когда-то отдала его цѣликомъ, горячо, что она любила всѣмъ своимъ существомъ и что она отдалась человѣку, котораго полюбила?

M-me Латуръ сдѣлала это. Пускай она сдѣлала это, презирая свѣтскія условности. Она ставила свою искреннюю страсть выше всякаго безсмысленнаго, лживаго предразсудка. Но могла ли она допустить, что ея возлюбленный былъ лицемѣромъ и трусомъ, какимъ онъ оказался?

Ваша мать тогда только что овдовѣла. Сколько обѣщаній и клятвъ я давалъ ей! Ея наивная доброта вѣрила имъ. Еще не родился ребенокъ, какъ я забылъ все, и вы явились на свѣтъ среди отчаянія, тревоги и стыда...

Какъ я краснѣю, вспоминая это прошлое, и какъ униженно прошу у васъ прощенія.

Ваша мать покинула провинціальный городъ, гдѣ узнала меня и гдѣ, вы понимаете, о ней много болтали. Она путешествовала. Она была великодушна и никогда не старалась нарушить мое эгоистическое спокойствіе.

Вы носите имя перваго мужа бѣдной женщины...

Два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ случайно, благодаря одному изъ тѣхъ банальныхъ знакомствъ, которыя завязываются въ клубѣ. Мгновенно ваше имя, вашъ возрастъ поразили меня, и внутренній голосъ возбудилъ во мнѣ чувство раскаянія.

Я узналъ васъ.

Я старался осторожно все узнать.

Я не ошибался. M-me Латуръ умерла; вы считались всегда ея законнымъ сыномъ...

Клянусь вамъ, что въ ту минуту у меня была мысль призвать васъ къ себѣ, разсказать вамъ все, уменьшить мою вину. Вы не были богаты, я узналъ это. Я, одинокій, безъ родныхъ, могъ бы, еслибъ исполнилъ свой долгъ, обезпечить, съ избыткомъ, ваше будущее. Я боялся, кажется, вашихъ справедливыхъ упрековъ, боялся быть униженнымъ вами, не имѣя силъ отвѣтить на обвиненіе. Я не разъ выказалъ себя трусомъ.

Теперь я могъ бы исчезнуть, унести съ собой мою мучительную тайну. Вы никогда ничего не узнали бы и память вашей святой матери была бы незапятнанной малѣйшимъ намекомъ на упрекъ, который ваше сердце можетъ бросить въ ту минуту, когда вы все узнаете. Но вы не могли впослѣдствіи не узнать истины, и тогда она была бы для васъ болѣе тяжкой, оставаясь неясной и непонятной.

Вы можете припомнить, что иногда, въ нашихъ разговорахъ, съ виду банальныхъ, я спрашивалъ васъ о вашемъ отцѣ, о вашей матери. Я могъ убѣдиться, что по отношенію къ вамъ допустили эту святую ложь, обманувъ васъ на годъ въ вопросѣ о времени смерти г-на Латуръ. Не имѣя причинъ безпокоиться, вы никогда не сомнѣвались въ этихъ фактахъ и никогда не были вынуждены провѣрять ихъ. Но несомнѣнно, что случайности жизни, необходимость соблюсти ту или другую формальность заставятъ васъ когда-нибудь провѣрить свои документы. И вы угадаете, не имѣя возможности въ нее углубиться—трагическую тайну.

Вотъ почему я подумалъ, что было бы лучше, открыть вамъ ее теперь. Сверхъ того, открывая ее вамъ, я подвергаю себя мучительному и мстительному наказанію.

Мой недостойный образъ дѣйствій заслуживаетъ и ждетъ этого. Довольно уже лѣтъ, что я влачу безнаказанность моей вины. Мое раскаяніе можетъ искупить хотя бы отчасти мое преступное прошлое.

Однако, я не хочу обременять свою совѣсть лишнею низостью. Не надо, чтобы свѣтъ прибавилъ свое презрѣніе къ ва-

шему, уже достаточно законному. Не надо, чтобы подумали, что я отказался драться съ вами, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Всѣ должны считать, что мои приготовленія къ нашей дуэли продолжаются. И такъ какъ только одно обстоятельство можетъ помѣшать ей, оно произойдетъ.

Какъ только я окончу это письмо, я устрою все, чтобы симулировать несчастный случай. И я прошу васъ, какъ единственной милости, на которую я могу надѣяться съ вашей стороны, содѣйствовать тому, чтобы въ минуту констатированія факта всѣ оставались въ заблужденіи. Взявъ въ руки револьверъ, дома, сегодня вечеромъ, приготовляя его къ завтрашней дуэли, я какъ бы неосторожно спущу курокъ, и неожиданная смерть господина де-Вильерэ не уменьшитъ изъ того дохода, котораго хроникеры ждутъ отъ нашей дуэли.

Вы, котораго я не смѣю назвать своимъ сыномъ — не будьте слишкомъ жестоки къ моей памяти. Правомъ на упреки, даже на ненависть, иногда, во имя человѣчности, не слѣдуетъ пользоваться.

Прощайте...—*Де-Вильерэ.*

Въ этомъ письмѣ я вамъ говорилъ о вашемъ будущемъ, о вашихъ средствахъ. Мое завѣщаніе будетъ сдѣлано раньше, чѣмъ я умру. Пусть запоздавшее матеріальное великодушіе замѣнитъ отчасти благородство души, котораго было слишкомъ мало по отношенію къ вашей матери и къ вамъ.—*Де-Вильерэ.*

5.

Анри де-Вагрэ—Рэнѣ Шеврезъ.

Какого письма вы теперь не ждете вовсе, такъ это моего. Признайтесь, по крайней мѣрѣ, что ваше любопытство не проникнуто злобою. Вы знаете эти длинные бѣлые конверты, на которые мой негладкій, крупный и быстрый почеркъ столько разъ заносилъ ваше имя. Я хотѣлъ бы, чтобы вы не сочли меня фатомъ, если я говорю вамъ то, что я думаю, вполнѣ искренно.

И я представляю себѣ въ вашемъ столь добромъ сердцѣ— вы это столько разъ неизмѣнно доказывали — нѣкоторое безпокойство.

Не правда ли, вашей первой мыслью, при распечатываніи

письма, было узнать сразу его содержаніе и увѣриться въ томъ, что оно не приноситъ вамъ никакого печальнаго извѣстія обо мнѣ? Съ самаго начала я успокою вашу дружескую тревогу: можетъ-быть, я хочу умолять васъ о счастьѣ... да, опять о счастьѣ, если хотите, послѣ всего великаго счастья, которое мы пережили.

Я не хочу спрашивать себя, вполнѣ ли правдоподобно все то, что я воображаю? Не создала ли моя безумная голова фикцію, наслаждаться которой я не имѣю права? Почему, въ самомъ дѣлѣ, стали бы вы испытывать, получивъ это письмо, легкую дрожь безпокойства, легкое потрясеніе, вызванное невольнымъ любопытствомъ?

Послѣ столь долгаго времени, не надо ли мнѣ самому представиться вамъ? Что̀, если вы ничего не знаете обо мнѣ, если мое имя даже ничего не говоритъ вашей памяти?

Послѣ столь долгаго безмолвія! Четыре мѣсяца. Почти цѣлое лѣто, посвященное забвенію, разлукѣ. Четыре мѣсяца въ любви—вѣдь это вѣчность!

Ахъ, наша любовь была прекрасной, лучезарной, полной радостью!

Я вижу отсюда, какъ вы мнете красивымъ, гордымъ и обиженнымъ жестомъ вашей нервной руки этотъ бѣдный, дурно исписанный листокъ бумаги. Между вашими глазами замѣтна складка на тонкой кожѣ. Простите, это правда, я вызываю здѣсь прошлое, о которомъ я одинъ сохранилъ восторженную память.

Тотъ, кто пишетъ это вамъ—человѣкъ, который пользовался въ теченіе трехъ лѣтъ невыразимой нѣжностью самой горячей любви, вашей любви! Этотъ человѣкъ жилъ единственной и постоянной мыслью объ одной женщинѣ — о васъ! Этотъ человѣкъ своими устами пилъ радость, надежду, успокоеніе, наслажденіе и страсть съ чудесно ласковыхъ устъ — вашихъ устъ! Этотъ человѣкъ былъ увѣренъ въ преданности и неизмѣнной любви, увѣренъ, благодаря вамъ!

Но этотъ человѣкъ измѣнилъ глупо, обидно, этой всеобъемлющей и радостной любви. Почему? Понималъ ли онъ это, знаетъ ли онъ это вполнѣ хорошо теперь?..

Утомленіе или жажда новизны; мелкая досада, вызванная насмѣшками пріятелей, которые осмѣиваютъ его постоянство и не знаютъ прелести продолжительной любви; наконецъ, нежеланіе дольше отвѣчать на привѣтливыя приглашенія старой провинціальной родственницы, цѣлыми мѣсяцами до безумія надоѣдав-

шей несчастному своими приглашеніями и утомительными проявленіями своего вниманія.

Вы не узнали, что сталось со мной; объ этомъ я справлялся. Вы можете видѣть въ этомъ доказательство тому, что, *вопреки всему*, извѣстная доля моихъ мыслей и значительная часть моего сердца остались вѣрны вамъ. Но я предпочиталъ скрыть отъ васъ, куда я удалился, чтобы не имѣть необходимости оправдываться во внезапномъ отъѣздѣ и разрывѣ. Въ ту пору мнѣ представлялось, что все это не можетъ быть ничѣмъ оправдано.

Ахъ, клянусь вамъ: я уѣхалъ какъ-то безсознательно, даже не объясняя себѣ почему. Вотъ, разумѣется, лучшая изъ причинъ, почему я не мотивировалъ своего бѣгства въ вашихъ глазахъ, какъ я не могъ мотивировать его въ своихъ собственныхъ.

Я чувствовалъ себя немного утомленнымъ всей моей жизнью. Городъ и его суматоха, его безчувственность; фальшивые друзья; однообразныя зрѣлища, монотонныя безпечныя удовольствія, та же всегда банальная, внушающая отвращеніе обстановка— все это слишкомъ мнѣ надоѣло. Даже чуднаго блеска любви, который такъ прекрасно освѣщалъ мое ничѣмъ не занятое существованіе, не было достаточно, чтобы подкрѣпить меня. Развѣ эта любовь, дѣйствительно, не строилась на обманѣ, малодушныхъ уловкахъ, безпокойствѣ?

Ахъ, еслибъ я могъ предложить вамъ въ то время слѣдовать за мною, еслибъ мы могли бѣжать, скрыть наши поцѣлуи вдали отъ этого города, отъ этой жизни, погрузить наши сердца и наши тѣла въ живительный источникъ деревенской природы, чистаго воздуха, зелени и солнца!

Но вашъ мужъ пользуется правами, которыя свѣтъ, если не ваше сердце, заставляетъ васъ признавать за нимъ. Еслибы я васъ любилъ безумно, еслибы вы меня любили, мы не могли бы даже сказать объ этомъ и заявить объ искренности нашихъ объятій, о нѣжной прелести нашихъ ласкъ.

И тогда я уѣхалъ. Ничего не говоря вамъ, потому что я долженъ былъ все забыть.

Даже васъ...

Да, я мечталъ о подобномъ кощунствѣ: забыть васъ! Теперь я наказанъ за то, что стремился къ невозможному.

Я отправился въ лѣса, къ полямъ, по дорогамъ съ выбоинами, покрытыми травой, которую срываютъ мирныя коровы; къ ручьямъ, разсказывающимъ много веселыхъ исторій камешкамъ и рвамъ, словно наклоняющимся, чтобы ихъ слушать; къ лѣсамъ, гдѣ раздаются чудесные концерты; къ лугамъ, гдѣ чувствуется

такой чудный ароматъ скошеннаго сѣна; къ бѣлымъ домамъ, колокольнямъ со шпицами, возвышающимися надъ линіей зеленоватаго горизонта; къ хорошимъ людямъ, которые косятъ, сѣютъ, сажаютъ, поютъ, въ особенности поютъ, и которые счастливы.

Я уѣхалъ къ зорямъ яркаго свѣта, золотистому полуденному солнцу, тихимъ и нѣжнымъ вечерамъ. Я видѣлъ чудныя звѣздныя ночи, волновавшія меня до слезъ...

Моя старая тетка жила въ деревенскомъ домикѣ, откуда я уѣзжалъ съ ранняго утра, цѣлые дни иногда наслаждаясь веселой свободой, чистымъ воздухомъ и красотой деревенской природы.

Мнѣ кажется, что вы улыбаетесь немного презрительно. Я могъ бы поступить какъ вы, еще такъ недавно!

Моя тетка усиленно знакомила меня. Послѣ перваго опыта это нарушило мою радостную независимость. У сосѣднихъ помѣщиковъ была молодая дочь—ахъ, чудесно красивая! Отличаясь въ меньшей степени тревожащей сердце зрѣлостью, она, блондинка, была полна, можетъ быть, такой же оживленной и очаровательной прелести, какая чувствуется у васъ, величавой брюнетки.

Двадцать лѣтъ, изящество, соединенное съ почти мальчишескою бойкостью, очень веселая наивность—все это сразу захватило меня.

Изъ чувства мести вы должны были бы видѣть эту идиллическую картину... Позвольте моему самолюбію не высказать себя смѣшнымъ, воспроизводя здѣсь различныя сцены: воспоминаніе о нихъ уже приводитъ меня въ бѣшенство. Никто не любитъ, оглядываясь назадъ, выставлять себя въ собственныхъ глазахъ пустымъ и пошлымъ глупцомъ.

Вы поймете, чего мнѣ стоитъ являться такимъ въ вашихъ глазахъ, выраженію которыхъ я теперь, какъ и всегда, придаю такое значеніе.

Я согласенъ, я былъ глупцомъ, не такъ ли? Можно быстро простить вину, въ которой человѣкъ раскаивается безъ ограниченія и уловокъ. Я былъ обольщенъ; надо мною посмѣялись, издѣвались. Это было хорошо выполнено. И смѣхъ вашего очаровательнаго ротика по моему адресу служитъ для меня нѣжнымъ наказаніемъ. Молодая дѣвушка благосклонно отнеслась къ моей влюбленности. Ея родители считали имя и состояніе представителя семьи де-Вагрэ выгодной партіей, что мнѣ сейчасъ же и было показано.

Моя старая добрая тетя радовалась; моя роль блуднаго сына возбуждала ея нѣжныя ласки.

Я былъ женихомъ. Каждый день M-lle Мэди (даже въ деревнѣ существуетъ глупое обыкновеніе этихъ именъ, подобранныхъ въ неизвѣстно какомъ фантастическомъ или экзотическомъ календарѣ!) принимала мое усиленное ухаживаніе. Не сердитесь, потому что я самъ теперь смѣюсь надъ этимъ,—смѣюсь, чтобы не очень стыдиться,—и я готовъ былъ, пусть Богъ меня накажетъ, въ нее влюбиться.

Прощайте, солнце, зелень и добрые деревенскіе люди, мерцаніе тысячи звѣздъ и грубыя ласки сильныхъ вѣтровъ на равнинѣ!

Въ замкѣ былъ „салонъ". Они принимали. Я одѣвался въ хорошее платье и говорилъ съ M-lle Мэди о столицѣ, о высшемъ свѣтѣ, о свѣтскомъ образѣ жизни.

Я ходилъ рядомъ съ ней по тѣнистымъ дорожкамъ въ лѣсу или вдоль полей, усѣянныхъ яркими цвѣтами, или ѣхалъ верхомъ возлѣ нея, изящной и смѣлой амазонки.

Мы придумывали для себя цѣлое будущее...

Рѣшено было, что мы никогда не будемъ жить на склонѣ холма или на опушкѣ большого лѣса. Мы будемъ имѣть домъ въ городѣ, усадьбу у моря для какихъ-нибудь двухъ недѣль сезона, можетъ-быть виллу на Ривьерѣ. Если останется недѣля или двѣ свободныхъ осенью, мы пріѣдемъ сюда, въ родное жилище, ради охоты. И я испытывалъ дрожь, думая о милыхъ козочкахъ, рѣзвыхъ зайчикахъ, которыхъ я буду видѣть прыгающими въ высокой травѣ и кустахъ. Списки приглашенныхъ на охоту уже составлялись: такіе-то, такіе-то...

Разумѣется, каждый карнавалъ мы будемъ проводить въ Ниццѣ.

Два мѣсяца такой жизни довели меня до безумія.

И я началъ думать о васъ все болѣе и болѣе съ отчаяніемъ...

Но я не смѣлъ все порвать и вернуться къ вамъ.

Однажды вечеромъ, на терассѣ замка, я отдался созерцанію величественнаго мирнаго пейзажа. Все засыпало; длинныя тѣни покрывали все окружающее. Мнѣ такъ нравилось оставаться одному—или, лучше сказать, съ вами. Клянусь вамъ: въ тотъ моментъ, вы одна царили въ моемъ сердцѣ!

Но M-lle Мэди слишкомъ нервно смѣялась и очень громко говорила возлѣ меня. Она что-то скрывала; казалось, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она колебалась, желая что-то спросить, безпокоясь. Разсѣянный, немного скучный, озлобленный даже ея болтовней—это я смѣю сказать вамъ теперь—я едва ей отвѣчалъ. Вдругъ она прервала меня:—Анри, вы знаете г-жу Шеврезъ?

А всѣ мои мысли, воспоминанія моего сердца въ эту самую минуту были направлены къ вамъ.

— Я... M-me Шеврезъ? Я... да... не помню хорошо... Можно знать, встрѣчать столько лицъ только одинъ или два раза... Можетъ быть, да...

Я поступилъ какъ трусъ. Я долженъ былъ бы сознаться откровенно. Къ тому же, они постарались узнать все. Вы сейчасъ увидите. M-lle Мэди задорно смѣялась.

— Вспомните: m-me Шеврезъ—брюнетка, очень красивая? Говорятъ, у нея много поклонниковъ. И ея мужъ очень гордился бы, еслибъ...

— M-lle,—прервалъ я, раздосадованный, — вы не знаете, сколько злыхъ языковъ можно встрѣтить вокругъ себя.

— Но вы почти защищаете „красивую m-me Шеврезъ", если говорите такимъ... обиженнымъ тономъ...

Никакого сомнѣнія: она все знала. Или, по крайней мѣрѣ, ей насплетничали и она догадывалась.

Что было дѣлать? Отрицать, обмануть ее ласками, признаться въ вѣчной и единственной любви, къ которой я менѣе чѣмъ когда-либо стремился?

Въ эту минуту я *вполнѣ* овладѣлъ собою.

Изъ гостиной звали „влюбленныхъ" на туръ вальса.

На деревѣ парка птица, разбуженная шумомъ и огнями, испустила нѣсколько звуковъ, насмѣшливыхъ какъ взрывъ хохота. Вокругъ меня разливался нѣжный ароматъ окружающей зелени.

Я скрылся, я уѣхалъ, ничего больше не ожидая, ни съ чѣмъ не считаясь. Я увѣренъ, что весь замокъ теперь возмущенъ, такъ какъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Моя добрая тетушка, пораженная, теперь вся въ слезахъ.

Но я возвращаюсь къ вамъ, которую я никогда не забуду. И всѣ обманулись, если думали, что эту любовь, о которой теперь всѣмъ извѣстно, которую хотѣли принудить меня выставить на показъ, я буду отрицать ради другой. Я люблю васъ, только васъ. Ахъ, вы это хорошо знаете! И чтобы сказать вамъ это, я возвращаюсь, съ желаніемъ принести къ вашимъ ногамъ мою душу и мою нѣжность.

Я достаточно узналъ одну изъ этихъ слишкомъ свѣдущихъ дѣвушекъ, развращенныхъ ранѣе, чѣмъ онѣ что-либо испытали. Я ничего не скрываю отъ васъ изъ того, что я дѣлалъ въ теченіе этихъ мѣсяцевъ отсутствія, молчанія, но не забвенія. И отъ ручки, которая держитъ этотъ листокъ съ длинной исповѣдью,

я жду прощенія и призыва; отъ этихъ глазъ, разбирающихъ нервный почеркъ, я жду взгляда безъ упрека; отъ этихъ очаровательныхъ и обожаемыхъ устъ, которыя вполнѣ основательно сложились въ насмѣшливую улыбку или—кто знаетъ, вѣдь любовь всегда самонадѣянна!—немного сжались отъ досады, я надѣюсь получить сладость одного изъ вашихъ поцѣлуевъ, предвѣщающаго длинный рядъ другихъ.—*Анри де-В.*

6.

Рене Тюрганъ — М-те Тюрганъ, въ Парижѣ.

Люцернъ, 7-го іюля.

Дорогая мама,

Ты ждешь послѣ-завтра моего возвращенія. Передъ тѣмъ, какъ отправиться въ Остенде, ты просила меня пріѣхать къ тебѣ на нѣсколько дней въ Парижъ. Вотъ скоро семь мѣсяцевъ, какъ я тебя не видѣлъ. Ты знаешь, какъ я радовался при одной мысли объ ожидающемъ меня удовольствіи. Увы! я не исполню моего обѣщанія: я не пріѣду въ Парижъ.

Прости меня, мама, если я причиню тебѣ большое огорченіе. Но оно не можетъ быть сильнѣе и острѣе того горя, которое такъ ужасно измучило мое сердце въ теченіе двухъ дней.

И не только на одинъ день я долженъ отложить мое путешествіе. Я думаю, навсегда... Мнѣ кажется, что мнѣ не придется больше тебя увидѣть.

Да, это ужасно, мучительно сказать подобную вещь. Но не правда ли, ты уже меня поняла? И какъ я, ты чувствуешь, что свершилось что-то непоправимое.

Между тѣмъ надо было представить себѣ, что это случится когда-нибудь...

Да, мама, я *все знаю*...

Я знаю твою тайну. Она можетъ разорвать сердце. Если ты страдаешь отъ нея въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ, если ты должна страдать еще сильнѣе въ минуту, когда ты прочтешь это письмо, будь увѣрена, что въ одинъ часъ, здѣсь, я испыталъ безумную тревогу, которая стоила сама по себѣ всѣхъ твоихъ прошедшихъ тревогъ.

Но не думай, дорогая мама, что я пишу тебѣ все это, чтобы жаловаться, чтобы упрекать тебя. Нѣтъ, клянусь тебѣ. Не зная

и не понимая ихъ, я угадалъ, какъ велики должны были быть твои несчастья. Твоя любовь ко мнѣ объясняетъ все остальное.

Я хочу только разсказать тебѣ, что произошло и какъ я считаю необходимымъ поступать въ будущемъ.

Цѣлую недѣлю я былъ въ Люцернѣ. Я встрѣчалъ тамъ нѣсколькихъ друзей, брюссельцевъ, какъ и я, и мы изучали страну, радостные и веселые. Случайное знакомство сблизило насъ съ двумя молодыми людьми изъ Парижа, пріѣхавшими сюда съ той же цѣлью развлечься и повеселиться. Послѣ сутокъ знакомства мы были лучшими друзьями.

Третьяго дня мы должны были ѣхать компаніей въ Кюснахтъ. Это было очень раннимъ утромъ, когда даже изъ оконъ моей комнаты я не могъ ничего различить на озерѣ и на горахъ, подернутыхъ густымъ туманомъ.

Экипажъ ждалъ насъ. Мои товарищи по прогулкѣ, раньше вставшіе, чѣмъ я, нетерпѣливые, постучали въ мою дверь, смѣясь надъ моимъ опозданіемъ. Мнѣ пришла несчастная мысль открыть дверь. Шумные, веселые шутники проникли въ комнату. Я кончалъ наскоро одѣваться. Де-Шалэ, одинъ изъ ново-пріѣхавшихъ парижанъ, замѣтивъ твой портретъ на маленькомъ столикѣ, взялъ его въ руки, посмотрѣлъ. Ты знаешь, что эта дорогая карточка никогда не покидаетъ меня: гдѣ бы я ни былъ, я люблю смотрѣть на твою улыбку.

Де-Шалэ позволилъ себѣ насмѣшливый возгласъ, смѣялся, съ другими, раздражая меня глупыми замѣчаніями по поводу этого портрета...

Да, мама, этотъ де-Шалэ узналъ на карточкѣ нѣкоторую Карменъ, и это имя, сопровождаемое другимъ, особенно громкимъ, съ аристократической частицей, которое я даже не запомнилъ, постоянно приходило ему на языкъ.

Я, можетъ-быть, долженъ былъ бы разсердиться, протестовать, наказать нахала. Но я не знаю, какой свѣтъ неожиданно озарилъ мой разумъ. Вся горькая правда моей жизни представилась мнѣ, и это было ужасно мучительно.

Намеки, шутки этихъ молодыхъ щеголей не допускали съ моей стороны никакого опроверженія. Я не могъ крикнуть имъ: молчите, это моя мать! Я долженъ былъ скрыть мое волненіе.

Я спрашиваю себя, какимъ мучительнымъ зубоскальствомъ долженъ былъ быть смѣхъ, къ которому я принуждалъ себя, и какія слова я находилъ, чтобы перемѣнить тему бесѣды?..

Мы поѣхали. Больше не было разговора объ этомъ случаѣ, столь банальномъ для нихъ всѣхъ, и мы совершили прогулку.

У меня ничего не осталось въ памяти, увѣряю васъ, отъ всего, что мы видѣли, говорили, что ѣли, что встрѣчали на своемъ пути въ этотъ день.

Какъ долго не приходила та минута, когда, наконецъ, я очутился одинъ, чтобы думать, чтобы рыдать!

Мнѣ нужно было принять рѣшеніе.

Можетъ-быть, мнѣ слѣдовало усомниться, предположить ошибку, сходство лицъ, въ концѣ концовъ возможное? Мой умъ не поколебался, мое сердце не возмутилось, охваченное всецѣло ужаснымъ и мучительнымъ стыдомъ.

Впрочемъ, этому не приходится удивляться. Въ теченіе столькихъ лѣтъ тайна, которою вы окружили мою юность столько разъ заставляла меня призадуматься.

Мелкіе или важные факты, непонятные или серьезные, часто безпокоили мою мысль. Такъ мало естественно, чтобы мать держала своего единственнаго ребенка неизмѣнно вдали отъ себя, чуждымъ всей ея жизни. Вы были доброй ко мнѣ, любящей; и я воздавалъ вамъ такою же любовью, не правда ли? И все это, увѣряю васъ, и теперь, *не смотря ни на что*, не исчезло изъ моей души. О моемъ рожденіи, моемъ отцѣ, моемъ раннемъ дѣтствѣ, вы говорили со мной всегда неясно, съ видимой грустью. Этого было достаточно, чтобы я не надоѣдалъ вамъ своими вопросами.

Позднѣе, я вспоминаю о бельгійскомъ коллежѣ, гдѣ совсѣмъ маленькимъ я провелъ болѣе десяти лѣтъ. Тамъ я узналъ мало радости; но я ѣздилъ къ вамъ въ Парижъ, на каникулы. Ахъ! я помню это счастливое время: ваши ласки, вашу нѣжность ко мнѣ, красивое изящество комнатъ, гдѣ вы жили, роскошь моихъ костюмовъ балованнаго ребенка, прогулки съ вами въ экипажѣ, который быстро и мягко катился, красивыхъ дамъ, красивыхъ мужчинъ, которыхъ мы встрѣчали, которые приходили къ намъ, улыбались мнѣ, приносили конфекты, игрушки.

Еще позднѣе, когда я сталъ большимъ мальчикомъ, каникулы проходили въ путешествіяхъ далеко отъ Парижа, при чемъ почти никогда мы не встрѣчали знакомыхъ во время нашихъ дальнихъ странствій.

И вы были всегда такая добрая, такая нѣжная! Тѣмъ не менѣе, ваше видимое счастье—видѣть меня возлѣ васъ—было окрашено меланхоліей. Я иногда замѣчалъ, ничего не говоря объ этомъ, слезы въ уголкахъ вашихъ глазъ. Но я всегда уважалъ тайну этого горя. Я думалъ о моемъ умершемъ отцѣ,—умершемъ, вы сказали мнѣ?—и я былъ грустенъ, такъ какъ вы грустили.

Выйдя изъ коллежа, я началъ научныя занятія, къ которымъ питалъ склонность. Всегда въ изобиліи снабженный деньгами, я уѣхалъ въ Германію. Какъ вы часто уговаривали меня продлить пребываніе въ Лейпцигѣ!

Бѣдная мама, не смотря на то, что̀ это вамъ стоило, какъ вы страшились наступленія того дня, когда, свободный, безъ цѣли, безъ другой привязанности, я, можетъ-быть, пріѣду къ вамъ, въ Парижъ!

Случай все сдѣлалъ. Отъ моей юности я сохранилъ вкусъ къ скитаніямъ по свѣту. Я объѣздилъ всю Европу, проводя въ Парижѣ только нѣсколько дней, видя васъ на короткое время, счастливую, спокойную, но смущенную моимъ присутствіемъ. Лучшее, что̀ я имѣлъ отъ васъ—это ваши дорогія письма, такъ часто доходившія до меня, добрыя, нетерпѣливо ожидаемыя.

Я теперь спрашиваю себя, какъ случилось, что я такъ долго недоумѣвалъ относительно моей странной жизни: какъ я могъ—ничего вамъ не говоря — создавать двадцать романовъ, вмѣшиваться въ двадцать исторій, воображать тысячи гипотезъ, которыя я вскорѣ бросалъ, и никогда разгадка этой тайны не приходила мнѣ въ голову?!

Любовь моя къ вамъ, преданная и непоколебимая, была связана съ такимъ безусловнымъ довѣріемъ!

Я былъ богатъ, благодаря вашей добротѣ. Я былъ счастливъ, надо признаться, не смотря на постоянную заботу о вашей тайнѣ. Мнѣ нравилась моя жизнь, съ ея путешествіями и занятіями, и я не искалъ ничего лучшаго.

Сегодня случайная встрѣча рѣзко бросила мнѣ въ лицо жестокій свѣтъ истины.

Моя мать и Карменъ де... — далѣе слѣдуетъ какое-то имя, которое франты произносили увѣренно, съ веселымъ неуваженіемъ—составляютъ одно.

Для меня этого никогда не будетъ. Моя мать останется, исключительно и навсегда, дорогой, нѣжной и доброй женщиной, которую я люблю и всегда буду любить.

Можетъ-быть, я долженъ былъ бы спросить, почему въ ней не было искренности и смѣлости порвать съ этой Карменъ, съ этимъ прошлымъ, пріѣхать наконецъ, свободной, искренней и бѣдной, къ своему сыну и бѣжать съ нимъ вдаль... У него, у этого сына есть энергія и нѣсколько дипломовъ, которые помогли бы ему зарабатывать кусокъ хлѣба.

Но это пожеланія, можетъ-быть, слишкомъ красивыя, чтобы

осуществиться. Во всякомъ случаѣ—я готовъ посвятить имъ мою волю и силу...

Если, однако, обстоятельства, которыхъ я не знаю,—непреодолимыя привязанности, вкусы или привычки—слишкомъ прочны, чтобы порвать съ ними, не пытайтесь ни на какое усиліе или ложь, чтобы объяснить ваше рѣшеніе.

Я утверждаю, что моя любовь къ *матери*, къ женщинѣ, которую я зналъ до сегодняшняго дня, не ослабѣетъ ни на минуту. Можно страдать, но все же любить.

Отнынѣ мнѣ надо скрывать портреты, которые такъ удивительно походятъ на Карменъ, въ глубинѣ моихъ чемодановъ—или уничтожать ихъ. Мое сердце постарается сохранить воспоминаніе о дорогихъ ему чертахъ...

Я больше не буду путешествовать—по крайней мѣрѣ ради развлеченія или удовольствія. Я постараюсь обезпечить себѣ хотя бы скромную жизнь, послѣ той широкой и легкой, какую вы создавали для меня до сихъ поръ.

Великодушныя присылки, которыми обыкновенно сопровождались ваши письма, не могутъ больше продолжаться.

Къ тому же, мнѣ кажется, что я теперь рѣже буду писать вамъ. Объясните это занятіями, поглощающими все мое время.

Сегодня вечеромъ я покидаю Люцернъ, къ великому удивленію моихъ товарищей. Я ѣду одинъ въ Брюссель. Я сейчасъ же займусь моимъ будущимъ. Больше всего мнѣ хочется найти занятіе очень далеко, за моремъ. Хватитъ ли у васъ мужества послѣдовать за мной?..

Необходимо, чтобы ваше рѣшеніе было быстрымъ и вашъ пріѣздъ немедленнымъ, такъ какъ я надѣюсь все устроить въ короткій промежутокъ времени. Мой отъѣздъ будетъ только вопросомъ дней, можетъ быть часовъ.

Что бы ни произошло, во всякомъ случаѣ, повѣрьте, дорогая мама, что я не вкладываю никакой злобы, никакого упрека въ это письмо. Прочтите его только какъ изліяніе великаго горя и выраженіе хорошо обдуманной воли.

До скораго ли свиданія я долженъ вамъ сказать, заканчивая письмо,—можетъ-быть до завтра?

Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены въ моей постоянной и живой любви и примите очень нѣжные поцѣлуи вашего сына.—

Рене Г.

Перев. съ франц. М. Веселовская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ДѢВА ГОРЪ

Здѣсь нѣтъ цвѣтовъ веселыхъ вёсенъ,
Подъ вѣчнымъ снѣгомъ спитъ просторъ,
Лишь зеленѣютъ иглы сосенъ
По дикимъ склонамъ снѣжныхъ горъ.
Сюда лишь звѣрь одинъ заходитъ,
Здѣсь слышенъ только волчій вой,
Да Дѣва горъ порою бродитъ,
Сверкая ризой парчевой.
Она идетъ неторопливо,
Всегда грустна, всегда блѣдна,
Какъ скалы снѣга—молчалива,
Какъ снѣжный иней—холодна.
Идетъ—и вихри затихаютъ,
Застынетъ серебристый боръ
И звѣзды снѣжныя порхаютъ
Надъ свѣтлой ризой Дѣвы горъ.

Н. Карповъ.

НАРОДЪ и ВОЙНА

„Если есть на свѣтѣ существо, вполнѣ непричастное никакому фанатизму, такъ это именно—русскій солдатъ“.

Ѳ. М. Достоевскій.

Русскій народъ никогда не отличался воинственностью, не смотрѣлъ на войну, какъ на жизненную цѣль или постоянное занятіе, не окружалъ ее ореоломъ нравственныхъ мотивовъ. Древніе славяне не имѣли своего „бога войны“. И если мы обратимся къ произведеніемъ народнаго поэтическаго творчества—этому вѣрнѣйшему выразителю народныхъ воззрѣній, думъ и чаяній, — мы въ нихъ не найдемъ ни идеализаціи войны, ни воинственныхъ поэмъ въ родѣ „Chansons de Geste“, ни боевыхъ пѣсенъ, которыя складывались бы въ пылу битвы и могли бы вызывать воинственный энтузіазмъ.

Что славянская народная муза даже въ древнія времена не вдохновлялась воинственными мотивами, о томъ свидѣтельствуютъ народныя былины, въ которыхъ гораздо больше воспѣваются пиры Владимира Красна-Солнышка, чѣмъ его походы, и очень опредѣленно отдается предпочтеніе крестьянину-пахарю надъ могучими богатырями. Мужичокъ Микула Селяниновичъ, котораго „любитъ мать сыра земля“ и который несетъ за плечами „сумочку съ ея тягой“, оказывается сильнѣе самаго могучаго богатыря Святогора. Въ единственной дошедшей до насъ старинной народной поэмѣ на военную тему, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, мы находимъ, вмѣсто идеализаціи войны и воспѣванія героическихъ подвиговъ русскихъ Роландовъ, горькія жалобы и выраженіе глубокаго отвращенія къ войнѣ.

Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ,
Широко печаль течетъ по Руси;
А князья куютъ себѣ крамолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ...
Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошелъ посѣвъ по Руси горемъ!..
Не снопы то стелютъ на Нѣмигѣ,
Человѣчьи головы кидаютъ!
Не цѣпами молотятъ — мечами!
Жизнь на токъ кладутъ и вѣютъ душу,
Вѣютъ душу храбрую отъ тѣла!
Охъ, не житомъ сѣяны, костями
Берега кровавые Нѣмиги,
Все своими русскими костями!..

Русская народная муза создала циклы военно-историческихъ, солдатскихъ и рекрутскихъ пѣсенъ, но, какъ мы увидимъ дальше, эти пѣсни по своимъ мотивамъ и настроенію, менѣе всего могутъ быть названы „воинственными". Вмѣсто воспѣванія побѣдъ и восторженнаго описанія грома и блеска казовой стороны войны, мы въ нихъ находимъ унылыя жалобы на трудности солдатскаго житья, на голодъ, холодъ и одиночество на чужой сторонѣ.

Въ общемъ, русская народная масса смотритъ на войну, какъ на несчастье, какъ на кару Божью. И если русскій человѣкъ, въ качествѣ солдата, всегда самоотверженно, безъ колебанія шелъ на смерть, то, въ качествѣ гражданина, онъ крайне рѣдко проникался воинственнымъ азартомъ настолько, чтобы по собственной инціативѣ выступить противъ врага, чтобы связывать съ побѣдой или пораженіемъ вопросъ своего національнаго существованія. Такихъ *національныхъ* войнъ русская исторія знаетъ — по опредѣленію Л. Н. Толстого — всего *двѣ:* войны 1612 и 1812 гг. Только относительно этихъ войнъ, въ особенности послѣдней, народная муза могла сказать:

И идетъ-собирается со всей Руси
Силушка великая, несмѣтная.
Бросаютъ мужики своихъ женъ и дѣтей,
Добры молодцы зазнобушекъ,
Слѣзаютъ старики съ печей, заваленокъ,
Расправляютъ кости старыя,
Идутъ биться съ супостатами [1]).

---

[1]) Г. Бѣлозерскій, „Сказитель-гусляръ въ уральскомъ краѣ" („Русск. Богат.", 1902 г., № 11).

I.

Русская народная масса имѣетъ крайне смутное и, большею частью, фантастическое представленіе о собственной родинѣ: о государственномъ устройствѣ Россіи, о ея размѣрахъ, составѣ населенія, и въ особенности о ея роли въ международныхъ отношеніяхъ. Еще болѣе смутны и фантастичны представленія массы о другихъ народахъ. О большинствѣ изъ нихъ, даже о нѣкоторыхъ изъ европейскихъ народовъ, она совершенно никакого представленія не имѣетъ, даже не подозрѣваетъ объ ихъ существованіи.

Главнымъ отличіемъ иноземцевъ отъ русскихъ является, по представленію народной массы, *вѣра*. Истинные христіане, вѣрующіе въ истиннаго Бога—только русскіе, да еще, по довольно распространенному представленію, китайцы (!). Всѣ же другіе народы, и западные, и восточные, не знаютъ правой вѣры и даже поклоняются идоламъ, при чемъ, въ большинствѣ случаевъ, не дѣлается никакого различія между „нехристями", „идольниками", „католиками" и „алюторами".

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія составительницы извѣстной книги: „Что читать народу?" произвели въ различныхъ частяхъ Россіи опросъ взрослыхъ крестьянъ относительно разныхъ географическихъ терминовъ и, между прочимъ, относительно другихъ народовъ, населяющихъ земной шаръ. Среди полученныхъ отвѣтовъ находятся слѣдующіе: „Турки вѣры католической". „Татары — не знаю, чѣмъ завѣдуютъ, католики — народъ особенный". „Англичане вѣры католической" [1]). Зато относительно Китая въ отвѣтахъ говорится: „Китай такой народъ есть, который вѣруетъ, какъ и мы". „Китай, тамъ народъ крещеный".

Въ отношеніи культурномъ народъ рѣзко отличаетъ западные народы отъ восточныхъ. Въ прежнія времена всѣ западныя націи сливались въ его представленіи въ однородную массу, носившую общее названіе „нѣмцевъ". И если эти „нѣмцы" характеризовались какъ народъ безпокойный и непокорный, то за ними въ то же время признавались преимущества культурнаго характера: „нѣмецъ" отличался умомъ, ловкостью и выдумкою. Наиболѣе

---

[1]) Мнѣ приходилось слышать народную легенду, по которой выходило, что „Англичане поклоняются Юпитеру".

сложныя и хитрыя изобрѣтенія носили названіе „нѣмецкихъ штукъ", „нѣмецкой выдумки".

Въ теченіе послѣдняго столѣтія, благодаря развитію промышленности и повышенію уровня умственнаго развитія народной массы, она начала различать среди западныхъ націй, кромѣ нѣмцевъ, еще и французовъ, и англичанъ, и отчасти другіе народы, продолжая признавать за всѣми ими преимущество въ культурномъ отношеніи. „Объ Англіи и Америкѣ — говорится въ книгѣ: „Что читать народу?" — отзываются съ уваженіемъ къ ихъ высокому промышленному и торговому развитію".—„Англійскій народъ достаточно промышленный, они изобрѣтаютъ разные дѣйствующіе инструменты".—„Англія—тамъ живутъ люди, здоровые модники, выдумалъ чугунку, здорово укрѣпленія дѣлаетъ, дѣлаетъ такое, чтобы всѣмъ была корысть (польза), дуже чудной народъ; модники („значитъ—выдумываютъ различное изобрѣтеніе, а не платье для господъ", поясняетъ отвѣчавшій)".—„Есть земля Америка. Тамъ люди образованные, ученые. Но работать очень проворные, не смотря на то, что ученые".—„Американцы живутъ богато, потому что тамъ народъ искусственный, какъ для работъ, какихъ они болѣе способны, такъ для прочихъ".—„Въ Австріи живетъ народъ больше именитый, онъ больше способенъ на разное рукомесло, такъ что если который человѣкъ бѣдный, то они другъ другу помогаютъ".

Совершенно иное представленіе имѣетъ народная масса о восточныхъ племенахъ и народахъ. Въ прежнія времена, когда русскому народу приходилось вести борьбу съ окружающими племенами, онъ различалъ всѣ эти племена и характеризовалъ каждое изъ нихъ какимъ-нибудь прозвищемъ („чудь бѣлоглазая", „пермь большеротая" и т. д.).

Названія этихъ племенъ, совершенно забытыя современными поколѣніями, сохранились только въ народныхъ былинахъ, пѣсняхъ и заговорахъ. Въ „Заговорахъ ратнаго человѣка, идущаго на войну", возсылается моленіе о томъ, чтобы быть укрытымъ „отъ силы вражьей"... „отъ всей поганой татарской силы, отъ казанской рати, отъ литовскихъ богатырей, отъ невѣрныхъ людей: нагайскихъ, нѣмецкихъ, мордвы, татаръ, башкирцевъ, колмыковъ, гулянцовъ, бухарцовъ, кобытей, вовуловъ, бумирцовъ, турчениновъ, якутовъ, яунасовъ, черемисовъ, вотяковъ, либаловъ, китайскихъ людей" [1]).

Въ настоящее время народная масса имѣетъ болѣе или

---

[1]) П. И. Сахаровъ, „Сказанія русскаго народа". Ч. I, стр. 53—56.

менѣе опредѣленное представленіе только о двухъ восточныхъ государствахъ: Китаѣ и Турціи, а въ самое послѣднее время— и о Японіи. Всѣ другія восточные племена и народы сливаются въ общемъ названіи „азіаты“, о которыхъ у народной массы существуютъ самыя фантастическія представленія. „Объ Азіи знаютъ, какъ о странѣ съ одноглазыми людьми, объ одной рукѣ и ногѣ,—пишутъ составительницы „Что читать народу?“— при чемъ приводятся слѣдующіе „отвѣты“: „Въ Азіи есть такіе люди, у которыхъ по одному глазу во лбу, по одной рукѣ и ногѣ. Они живутъ въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ люди мало ходятъ. Но если увидятъ посторонняго человѣка, они не отпустятъ его живымъ, такъ что одинъ не можетъ бѣжать, то схватятся двое и пустятся бѣжать, такъ что тотъ человѣкъ (пришлый) не можетъ убѣжать отъ нихъ. Они его нагонятъ и съѣдятъ. Они называются людоѣдами“. Людоѣдами въ одномъ отвѣтѣ изображаются и китайцы, вопреки обычному о нихъ высокому мнѣнію: „Живутъ тамъ (въ Китаѣ) плохо, ѣдятъ своихъ дѣтей“.—На Кавказѣ „въ горахъ живутъ люди съ однимъ окомъ—„песьеголовцы“. Къ Азіи же пріурочивается полуфантастическая „Арапія“, гдѣ живутъ люди съ „пьесьими головами“. Почему-то держится мнѣніе, что тамъ „недостатокъ въ женщинахъ“. Во время всеобщей переписи 1897 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „ходили слухи, что въ какой-то Арабіи умерло много людей, а потому туда хотятъ переселить молодыхъ бездѣтныхъ вдовъ и выдавать замужъ за арабовъ [1]). Ходятъ еще слухи о бѣлой Арапіи, которая смѣшивается съ Китаемъ и „которая покоритъ весь свѣтъ“ [2]).

Нѣмцы, французы и англичане въ Европѣ, турки и китайцы въ Азіи извѣстны, хотя бы по имени, даже самой темной массѣ; о нихъ циркулируютъ различныя легенды политическаго характера. Характерно, прежде всего, то, что всѣ эти народы обыкновенно конкретизируются въ представленіи народной массы въ одномъ лицѣ. Для массы существуетъ не Англія и Франція, не Китай и Турція, а „англичанка“, „французъ“, „турка“, „дядя Китай“. При этомъ „дядя Китай“ или „царь Китай“ рисуется богатымъ, добродушнымъ и щедрымъ, но лѣнивымъ и неподвижнымъ старикомъ, имѣющимъ двухъ сыновей. „Англичанка“ изображается хитрой, коварной и сварливой бабой, которая иногда не прочь и выругаться нехорошимъ словомъ. „Ту-

---

[1]) Я. А. Плющевскій-Плющикъ. „Сужденія и толки народа объ однодневной переписи“. Спб., 1898.

[2]) М. Дикаревъ. „Толки народа о кончинѣ міра“. „Этн. Обозр.“ 1904 г., № 2.

рокъ“ изображается въ видѣ глупаго и безтолковаго существа, неопредѣленнаго рода, которое, не зная зачѣмъ, мутитъ, бунтуетъ, дѣлаетъ глупости и, попадая въ критическое положенiе, трусливо прячется за спиной „англичанки“ и проситъ „пардону“.

Ближе и лучше всего народная масса знаетъ, конечно, нѣмцевъ. Человѣку изъ народа, крестьянину, рабочему или мѣщанину, часто приходилось и приходится сталкиваться съ нѣмцами, какъ съ управителями, начальниками, главными мастерами, нерѣдко чиновниками и т. п., и поэтому въ массѣ выработалось опредѣленное представленiе о нѣмцахъ, какъ о представителяхъ особой культурной нацiональности. Но, рядомъ съ этимъ, масса совершенно не интересуется „нѣмцемъ“ съ точки зрѣнiя политической и международной. Обширно ли нѣмецкое государство, сильно ли оно, каковы отношенiя „нѣмца“ къ Россiи и Бѣлому царю—къ этимъ вопросамъ народное творчество остается совершенно индифферентнымъ. Въ многочисленныхъ легендахъ о войнахъ, дипломатическихъ столкновенiяхъ и т. п. „нѣмецъ“ почти никогда не фигурируетъ, точно онъ никакого значенiя не имѣетъ въ международныхъ отношенiяхъ.

Приблизительно таково же отношенiе народной массы и къ французамъ, съ которыми массѣ несравненно рѣже приходится сталкиваться въ повседневной жизни, чѣмъ съ нѣмцами. Не смотря на то, что всѣ свѣдѣнiя о французахъ имѣютъ своимъ основанiемъ нашествiе 12-го года и, отчасти, севастопольскую войну, „французъ“ не фигурируетъ въ народныхъ легендахъ какъ „держава“, какъ воинственная сила, которая можетъ быть дружественной Россiи или „бунтовать“ противъ нея. Что еще болѣе характерно—народъ не сохранилъ по отношенiю къ „французу“ никакого непрiязненнаго чувства. Напротивъ, французъ рисуется въ народныхъ легендахъ и разсказахъ съ очень симпатичной стороны, какъ деликатный, обходительный и добрый.

Гораздо больше вниманiя, чѣмъ нѣмцу и французу, удѣляетъ народная легенда „турку“, который трактуется уже исключительно какъ политическая и воинственная сила. Однако, народная масса, судя по ея легендамъ и разсказамъ, отказывается видѣть и въ Турцiи самостоятельную силу. Вообще, отношенiя къ „турку“ или „туркѣ“, какъ къ государству и какъ къ нацiи—самое презрительное. Въ упомянутой выше анкетѣ хотя и повторяется нѣсколько разъ отзывъ о Турцiи, какъ о „самой богатой странѣ“, потому что тамъ „много золота“, „множество золота, серебра и винограду“, но самимъ туркамъ дается характеристика далеко не лестная.—„О Турцiи въ отвѣтахъ гово-

рится по большей части не съ особенной симпатіей—отмѣчаютъ составительницы отчета.—О туркахъ знаютъ, главнымъ образомъ, благодаря послѣдней войнѣ: „Мы знаемъ про турокъ, турки народъ некрещеный и очень злы и напрасливы... Люди некрасивы и грязны и видъ ихъ ненавистный, суровый, притомъ же немилостивый, настоящіе кровожаты". Подробную и яркую характеристику отношенія народа къ турку во время турецкой войны далъ въ своихъ „Письмахъ изъ деревни" А. Н. Энгельгардтъ: „Турокъ надоѣлъ до смерти,—писалъ онъ по поводу толковъ о войнѣ 1877—8 г. Все изъ-за его бунтовъ выходитъ. Но отношеніе къ турку какое-то незлобивое, какъ къ ребенку: несостоятельный, значитъ, человѣкъ, все бунтуетъ. Нужно его усмирить; онъ отдышется, опять бунтовать станетъ, опять будетъ война, опять потребуютъ людей, подводы, холсты, опять капусту выбирать станутъ. Нужно съ нимъ покончить разъ навсегда... Никакой ненависти къ турку, все злоба на нее, на англичанку. Турка просто игнорируютъ, а плѣнныхъ турокъ жалѣютъ, калачики имъ подаютъ. Подаетъ *кто*? Мужики".

Эта незлобивость народной массы къ непріятелю, къ народу, который въ прошломъ причинялъ или даже сейчасъ причиняетъ много горя Россіи, представляетъ собою очень характерную особенность русскаго человѣка, нѣсколько разъ отмѣченную Л. Н. Толстымъ въ „Войнѣ и Мирѣ". Еще ярче изобразилъ эту черту русскаго характера Гл. Ив. Успенскій въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, гдѣ онъ сравниваетъ „самодовольнаго побѣдителя" нѣмца (послѣ франко-прусской войны) съ русскимъ солдатомъ. „И въ темнотѣ вагона—пишетъ онъ—припоминается нашъ солдатикъ Кудыничъ, который, прослуживъ двадцать пять лѣтъ Богу и государю, теперь доживаетъ вѣкъ въ караулкѣ на огородѣ, пугая воробьевъ... Онъ тоже весь израненъ, избитъ, много дрался и имѣлъ враговъ изъ разныхъ націй, а поговорите-ка съ нимъ, врагъ ли онъ имъ.

— А поляки? Какъ?

— Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый...

— Добрый?

— Поляки народъ, надо сказать, народъ добрый, хорошій... Она, полька, ни за что тебя, напримѣръ, не допуститъ въ сапогахъ... напримѣръ, заснуть ежели...

— Не допуститъ!

— Ни Боже мой! Ходи чисто, благородно!

— А черкесы! Ты дрался съ черкесами?

— Эво! Мы черкеса перебили смѣты нѣтъ! Довольно намъ

черкесъ извѣстенъ; лучше этого народа, надо такъ сказать прямо, не сыщешь.

Всѣ его враги—добрые люди, неизвѣстно зачѣмъ бунтуютъ... Всѣхъ онъ усмирилъ, и вотъ теперь сидитъ въ караулкѣ, тачаетъ что-то, разговариваетъ съ собаченкой и, вспоминая прошлое, говоритъ: „Охъ, грѣхи-грѣхи тяжкіе!" [1])

Съ совершенно особеннымъ интересомъ останавливается народное легендарное творчество на тѣхъ двухъ народахъ, Англіи и Китаѣ, съ которыми Россія рѣже всего имѣла военныя столкновенія. Темная масса какъ бы инстинктомъ отгадала и могущество, и международное значеніе этихъ двухъ народовъ и признала за ними гегемонію надъ двумя частями свѣта: Англіи—надъ Западомъ, Китая—надъ Востокомъ. Какое бы крупное политическое событіе ни произошло на Западѣ — это дѣло рукъ одной только Англіи, которая является въ представленіи народа повелительницей не только Турціи, но и другихъ державъ (кромѣ Россіи, конечно). Та же роль приписывается (или приписывалась до японской войны) Китаю на Востокѣ. Только эти два народа могущественны настолько, что Россіи приходится съ ними серьезно считаться. И насколько народная масса высказываетъ непріязнь и недовѣріе къ Англіи, которую считаетъ виновницей всѣхъ заговоровъ и „бунтовъ" противъ Россіи, настолько же она относится дружелюбно и довѣрчиво къ Китаю, въ которомъ видитъ неизмѣннаго союзника и даже защитника Россіи.

Мы уже указывали выше, что народъ считаетъ Англію одной изъ самыхъ культурныхъ странъ: „Въ Англіи люди живутъ хорошо, т.-е. богато и роскошно". „Англійскій народъ достаточно промышленный". Англичане „приспособлены къ разнымъ ремесламъ", „работаютъ разныя машины".

Англія считается самой богатой страной, и богатство ея приписывается опять-таки ея культурности: „Самая богатая сторона Англійская, потому она теплѣе и народъ богаче и хитрѣй на всякія науки или что тамъ сработать — машины разныя, или вообще какія новенькія разныя выдѣлки, и вообще у нихъ болѣе серебра и золота!" Но рядомъ съ этимъ сами англичане рисуются далеко не симпатичными. „Англичанскій народъ очень хитрый. Всѣ хитрости отъ нихъ происходятъ... Порядокъ у нихъ не хорошъ".

Хитрость и коварство—неотъемлемыя черты „англичанки". Отъ нея идетъ всякая смута, она натравливаетъ одинъ народъ

[1]) „Больная совѣсть". Соч., т. I, стр. 709.

на другой, а сама всегда остается въ сторонѣ. Въ 70-мъ году она натравила нѣмцевъ на французовъ, въ 84-омъ году —француза на Китай, въ 77-мъ она уговорила турку „взбунтоваться“ противъ Бѣлаго царя и тайно оказывала ему, турку, помощь. Не безъ тайнаго вмѣшательства англичанки обошлась и русско-японская война.

Характеризуя отношеніе крестьянъ къ русско-турецкой войнѣ, А. Н. Энгельгардтъ писалъ: „О войнѣ стали поговаривать уже давно, года три-четыре тому назадъ. Носились разные слухи, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ фигурировала „англичанка“. Какъ ни нелѣпы были эти слухи и разсказы, но общій ихъ смыслъ былъ такой: „вся загвоздка—въ англичанкѣ“.

Это же констатируетъ и другой наблюдатель деревенскаго настроенія того времени. По поводу манифеста о войнѣ съ Турціей крестьяне разсуждали: „Это все аглечанка мутитъ, подлая. Кому больше, знамо она: завидно, что въ Россіи спокой сталъ“. Когда война затянулась и выступили наружу ея трудности и огромныя потери русскаго войска, крестьяне „стали упорнѣе доискиваться причины войны. Но отвѣта никто не могъ дать на этотъ мучительный вопросъ. Никто ничего не зналъ. И все сваливали на миѳическую англичанку. — Это она все... Гдѣ бы туркѣ съ Россіей!“ [1])

На почвѣ этого же убѣжденія, что во всемъ виновата „англичанка“, которая орудуетъ за спиной Турціи, сложилось и на Уралѣ любопытная легенда о Скобелевѣ, которую приводитъ В. Г. Короленко. Оказывается, что „Скобелевъ вовсе не умеръ, а „скрылся“, потому что былъ приговоренъ къ разстрѣлу за обиду, нанесенную „англичанкѣ“.

— „Онъ, значитъ, стоитъ на Балканахъ противъ Царя-града, а англичанка загородила дорогу. Нѣмецъ и говоритъ: даромъ, что Скобелевъ на Балканахъ, — англичанка юбкой потрясетъ, онъ и уберется...

А онъ услышалъ и осердился.

— Ахъ, она, говоритъ, такая, сякая... Давай ее сюда, я ее... Ну, и загнулъ...

— По русски!

— Да, она, конечно, обидѣлась...

— Всетаки королева...

— Само собой... Императрица! Ну, нашему Царю изъ-за

---

[1]) И. Соколовъ, „Въ глубинѣ Россіи“ („Образованіе“, 1903, № 3).

Скобелева не воевать. И скрылся—будто растрѣлянъ. А подойдетъ война, онъ тутъ"... [1])

То обстоятельство, что Плевна держалась дольше, чѣмъ могли ожидать, объяснялось тоже вмѣшательствомъ Англіи. По словамъ Энгельгардта, крестьяне толковали: „Она (т.-е. англичанка) отъ себя желѣзную дорогу подземную въ Плевну сдѣлала и по ней турку войско и харчъ доставляла, а онъ-то, Черняевъ [2]), англичанкину дорогу сейчасъ увидалъ и засыпать приказалъ. Ну, сейчасъ тогда Плевну и взяли".

Въ 90-хъ гг., во время холерной эпидеміи, когда въ нѣкоторыхъ губерніяхъ произошли холерные безпорядки, въ народной массѣ циркулировала слѣдующая ужасная легенда: „Англичанка узнала, что въ Россіи народилось много народу, вотъ она и подкупила докторовъ, чтобы они отравляли колодцы и сѣяли въ народѣ моръ. Хотѣла, значитъ, чтобы русскаго рода поубавилось, чтобы его можно было легко истребить".

Разсуждая объ англичанкѣ, человѣкъ изъ массы иногда не прочь покуражиться: „Мы вотъ какъ ее, англичанку-то!" „Мы ей въ хвостъ вдаримъ". „А въ морду не хочетъ она, твоя англичанка?" и т. п. Но, вмѣстѣ съ этимъ, въ народѣ крѣпко держится сознаніе, что англичанка—большая сила и что безъ хитрости намъ съ нею, пожалуй, и не справиться. И народная фантазія работаетъ надъ вопросомъ, какъ укротить этого могущественнаго врага.

Женитьба англійскаго принца на дочери Александра II вызвала въ народѣ много толковъ, слуховъ и легендъ. Этимъ фактомъ объяснялось долготерпѣніе русскаго царя по отношенію къ вражескому государству:

— „И отчего ее не пристукнетъ нашъ царь? — удивлялись крестьяне. — Пристукнулъ бы—и шабашъ. Али хлѣба не отпущалъ бы туда. Зачѣмъ хлѣбъ отпущаютъ? Безъ хлѣба-то немного поскакала бы, какова она тамъ ни есть.

— Нельзя, значитъ, не отпущать. Царь первѣйшую свою дочку за англичанку отдалъ. Слышь, бабъ туда изъ Россеи набирать станутъ. Россійскій народъ разводить хотятъ, чтобы значитъ не скучно царевнѣ-то было среди нехристей".

Подобная же легенда о „бабскомъ наборѣ" въ связи съ борьбой противъ англичанки приводится и у Энгельгардта:

„Стали говорить, что будетъ наборъ изъ дѣвокъ, что этихъ

---

[1]) „У казаковъ" („Русск. Богатство" 1901 г., № 10).

[2]) По другимъ версіямъ: Скобелевъ, Гурко.

дѣвокъ царь отдаетъ въ приданое за дочкой, которая идетъ къ англичанкѣ въ домъ. Дѣвокъ, толковали, выдадутъ замужъ за англичанъ, чтобы дѣвки ихъ въ нашу вѣру повернули". Этому послѣднему средству, „обращенію въ нашу вѣру", придавалось особенное значеніе: „Поднесеніе принцу Эдинбургскому иконы Смоленской Божьей Матери дало обильную пищу толкамъ и слухамъ, которые всѣ можно свести къ одной мысли: мы стремимся перевести англичанку въ нашу вѣру". „Общій смыслъ — резюмируетъ Энгельгардтъ—таковъ: чтобы вышло что-нибудь, нужно соединиться съ англичанкой, а чтобы соединиться, нужно ее въ свою вѣру перевести. Не удастся же перевести англичанку въ свою вѣру—война".

Мнѣ лично привелось записать слѣдующую характерную легенду объ англичанкѣ и ея враждебномъ отношеніи къ Россіи. „Теперь ей, старой лютрѣ, англичанкѣ, значитъ, и конецъ будетъ! Мутила, мутила она противъ Россіи, а теперь ей самой хвостъ прижали! Пока сынъ ея былъ въ малыхъ лѣтахъ, она что хотѣла, то и дѣлала. И справиться съ нею трудно было, потому что сила у нея большая была. А какъ подросъ сынъ, онъ и говоритъ ей: „Выдѣли мнѣ, говоритъ, половину царства. Хочу самъ править". Ну, она туда-сюда, вертѣлась, хитрила, да ничего подѣлать не могла и выдѣлила ему половину царства. Тогда онъ возьми да и поддайся нашему царю въ подданство! Вотъ она и сѣла. Съ половиною царства много не навоюешь. А какъ захочетъ она противъ насъ идти — сейчасъ сынъ противъ нея пойдетъ, дорогу ей загородитъ!"

Насколько подозрительно и недружелюбно народная масса относится къ англичанкѣ, настолько же довѣрчивы и дружелюбны ея отношенія къ Китаю, который изображается самымъ богатымъ, самымъ сильнымъ и наиболѣе расположеннымъ къ Россіи народомъ.

При анкетѣ составительницъ „Что читать народу?" на вопросъ: „*Какая самая богатая страна?*"—изъ 98 отвѣчавшихъ, 35 указали на Китай [1]), при чемъ отвѣты сопровождались слѣдующими поясненіями:

„Китайская страна богатая и тамъ люди живутъ очень богато; потому они богаты, что тамъ хлѣбъ хорошій родится и у нихъ земля плодородна.

„Китай сторона самая богатая, потому что она сама въ себѣ живетъ".

[1]) Остальные 63 отвѣта раздѣлились слѣдующимъ образомъ: Россія — 24, Амуръ—10, Англія—13, Турція—6, Индія—4, Соедин.-Штаты—4, Франція—2.

И въ силѣ, какъ и въ богатствѣ, первенство тоже отдается Китаю. На вопросъ: „Какая самая сильная земля?“ —изъ 85 отвѣтовъ, Китай названъ въ 42-хъ (Россія—въ 37, Англія — 2, Австрія—2, Швеція—1, евреи—1).

Сила Китая объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ еще никогда не воевалъ: „Китайская земля силу съ начатія вѣка не теряла“. „Самый сильный—Китай: онъ еще силы не тратилъ ни съ кѣмъ, потому онъ и силенъ“. „Китай сильнѣе всѣхъ потому, что у его много людей и такъ что отъ роду не воевалъ ни съ кѣмъ“. Подобныхъ отвѣтовъ насчитывается болѣе десяти. Въ другихъ отвѣтахъ какъ источникъ силы Китая указывается его населенность. Въ нѣсколькихъ отвѣтахъ сила Китая приписывается обилію войска и припасовъ, чему противорѣчитъ гораздо болѣе распространенное мнѣніе, что „китайцы къ военному дѣлу мало способны, не проворны“.

Въ воззрѣніяхъ народа на Китай, какъ и вообще на восточныя страны, очень часто выступаютъ представленія мистическаго характера. Китай „отъ вѣка не тронутъ“, и его война связывается съ кончиной міра. „Завѣтъ отъ Бога данъ имъ (китайцамъ) не воевать. Когда завѣтъ исчезнетъ, тогда и конецъ міру“.

Въ другомъ отвѣтѣ сила Китая объясняется тѣмъ, что „тамъ 400 медвѣдей сидятъ въ погребахъ; когда ихъ выпустятъ, они всю Россію пройдутъ, и тогда китайцы всѣхъ обратятъ въ магометанство, тогда конецъ міру“.

Эту же мистическую нотку въ воззрѣніяхъ народа на Китай отмѣчаютъ и другіе изслѣдователи: „Пресловутый Китай-царь— пишетъ извѣстный этнографъ М. Дикаревъ — любимый герой народа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сельскій политиканъ желаетъ хвастнуть передъ собесѣдникомъ своей политической мудростью; этотъ герой также связывается съ вопросомъ о кончинѣ свѣта: „Якъ пройде Китай черезъ увесь свитъ, тогда вже и конецъ свиту буде“ (Полтав. губ.). „Великороссы Нижнедѣвицкаго у. (Ворон. губ.) разсказываютъ, что передъ страшнымъ судомъ Китай (онъ же Бѣлая Арапія) покоритъ весь свѣтъ, въ томъ числѣ и Бѣлаго Царя, котораго будетъ держать въ плѣну 3 года; какъ только Бѣлая Арапія выпуститъ изъ плѣну Бѣлаго Царя—немедленно же настанетъ конецъ свѣта“ [1]).

По представленію народа, между Россіей и Китаемъ существуетъ вѣчный миръ. Это представленіе облечено въ слѣдующую

---

[1]) М. Дикаревъ. „Толки народа (1892 г.) о скорой кончинѣ міра“ („Этнограф. Обозр.“ 1894 г., № 2).

легенду: „На границѣ земли русской и китайской стоитъ столбъ и на томъ столбу надпись, кѣмъ сдѣлано, отъ вѣчныхъ временъ неизвѣстно, чтобы Китаю съ Россіей не воевать. Былъ у царя китайскаго сынъ, и очень ему была охота большая воевать, и онъ пришелъ къ отцу и сталъ просить, чтобы отецъ далъ войско идти на Россію войной. А царь ему говоритъ: этого сдѣлать тебѣ нельзя. Развѣ не знаешь?—Сынъ ничего не сказалъ царю, пошелъ на границу и ту надпись стеръ. Тогда приходитъ къ отцу и говоритъ: теперь той надписи нѣтъ: я ее уничтожилъ. Царь удивился и сказалъ: теперь дѣлай, какъ самъ знаешь. Сынъ собралъ большое войско и пошелъ на Россію. Только подходятъ на границу, а тамъ на столбѣ опять прежняя надпись есть. Такъ долженъ онъ былъ воротиться и войско распустить".

„Говорятъ, что въ предстоящемъ кровопролитіи — пишетъ одинъ этнографъ по поводу толковъ народа въ 1891-2 г. о войнѣ—приметъ участіе „Китай-царь". Онъ, какъ слышно отъ стариковъ, когда-то давнымъ-давно воткнулъ свою саблю въ стѣну своего дворца и сказалъ: „До тѣхъ поръ не буду воевать, пока моя сабля не обростетъ мохомъ". Теперь, стало быть, это время пришло. Силенъ Китай-царь, но не народомъ, а деньгами: найметъ столько войска, что оно всѣхъ непріятелей, что называется, шапками закидаетъ, и верхъ обязательно его будетъ. А стоять онъ будетъ непремѣнно за русскихъ" [1]).

Эта же надежда на помощь Китая выражалась, хотя съ опаской, и во время русско-турецкой войны. По словамъ Энгельгардта, въ то время высказывались „самыя, повидимому, безсмысленныя вещи, смѣшныя даже:—Китай за насъ подымается. Царь Китаю не вѣритъ, боится, чтобы не обманулъ, говоритъ ему: „Ты, Китай, свой берегъ Чернаго моря стереги, а я, говоритъ, буду свой беречь". „Вотъ только бы Китай поддержалъ,— говорили другіе. — Царь-то вотъ Китаю не вѣритъ", добавляли съ огорченіемъ. „Мужикъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что дядя-Китай предлагаетъ нашему царю денегъ, сколько хочешь".

Отъ Китая ожидается помощь не только людьми и деньгами для войны, но и землей, которой въ Китаѣ много. Во время поѣздки Государя, въ его бытность Наслѣдникомъ, въ Японію, въ народѣ ходила легенда о „Китайскомъ клинѣ". „Наслѣдникъ— говорилось въ этой легендѣ — сватаетъ китайскую царевну, и царь-Китай даетъ за дочерью въ приданое большой клинъ земли, въ много милліоновъ десятинъ. Наслѣдникъ собирается жениться

---

[1]) Д. И. Успенскій. „Толки народа" („Этн. Об." 1893 г., № 2).

на китайской царевнѣ, чтобы раздать землю крестьянамъ". Подобныя же легенды ходили въ народѣ и во время всеобщей переписи 1897 г. „Въ Зубцовскомъ уѣздѣ — пишетъ одинъ изъ участниковъ переписи—вопросъ о переселенiи создалъ слѣдующую легенду: „У царя-Китая два сына. Онъ при живности раздѣлилъ свое царство между ними. Младшiй сынъ пожелалъ въ нашу вѣру перейти и нашего царя отцомъ крестнымъ назвалъ. Царь нашъ окрестилъ его, и за это крестникъ ему 20.000 квадратныхъ верстъ земли подарилъ. Вотъ Государь нашъ съ Дона казаковъ туда перегнать хочетъ, а на Донъ будетъ отсюда переселять, будетъ добровольно приглашать". Подобные слухи ходили и въ Ветлужскомъ уѣздѣ. Тамъ значенiе переписи объяснялось такимъ образомъ: „Государь Императоръ, прiобрѣтая въ Китайской имперiи земли, повелѣлъ произвести перепись для того, чтобы узнать, сколько потребно земли для его государства, и если у кого окажется по переписи большая семья и земли мало, то такимъ предложатъ, но безъ всякаго принужденiя, переселиться на китайскiя земли".

II.

Вопросы войны и мира подлежатъ, по представленiю народа, вѣдѣнiю однѣхъ только коронованныхъ особъ. Цари ведутъ между собою переговоры, объявляютъ войну и принимаютъ вызовъ на войну, просятъ мира и заключаютъ его. Но этимъ и ограничивается участiе коронованныхъ лицъ въ военномъ дѣлѣ. Они, за нѣкоторыми исключенiями (Иванъ Грозный, Петръ Великiй, Наполеонъ, отчасти Александръ I), не принимаютъ участiя ни въ выработкѣ плана войны, ни въ сраженiяхъ. Едва только война переходитъ изъ области дипломатическихъ переговоровъ на поле битвы, главными и совершенно самостоятельными руководителями ея выступаютъ полководцы, которые и несутъ отвѣтственность за всѣ ея послѣдствiя.

Объявленiе войны происходитъ, по представленiю народа, слѣдующимъ образомъ: царь посылаетъ другому царю посла съ письмомъ или устнымъ заявленiемъ, въ которомъ предъявляются какiя-нибудь требованiя (большею частью—уступка какихъ-нибудь городовъ) и высказывается угроза въ случаѣ отказа. Царь или король, получившiй такое письмо, отвѣчаетъ на него, обыкновенно, вызывающей насмѣшкой, требуетъ къ себѣ генераловъ и приказываетъ имъ начать войну.

Въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ о войнахъ со шведами и съ Пруссіей объявленіе войны изображается именно такимъ образомъ:

Пишетъ, пишетъ король шведскій государынѣ письмо.
Русская государыня, замирися ты со мной!
Не замиришься—не прогнѣвайся на меня;
Ты отдай, государыня, свои славны города,
Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня,
Отдай Тулу, отдай Леверъ (Ревель), отдай Короштанъ (Кронштадтъ).

Или:

Пишетъ, пишетъ король прусскій государынѣ самой:
Охъ ты, гой еси, Россійская государыня сама!
Не раздѣлайся, государыня, по честности со мной—
Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,—
Ужъ я съ силушкой сберуся, сквозь землюшку пройду и т. д. [1])

Обыкновенно, по полученіи такого „грознаго письма, государыня, а иногда и царь, въ первый моментъ отъ неожиданности теряется, даже плачетъ.

По полученіи письма отъ шведскаго короля

Тутъ-то наша государыня
Призадумалась,
Призадумалась государыня,
Порасплакалась.

Или:

Милосерда государыня
Испужалася весьма.
Рѣзвы ноженьки королевскія
Подгибались на ходу,
Рѣзвы рученьки королевскія
Опускались на маху.

Тоже и Александръ-царь, при объявленіи ему войны Наполеономъ, призываетъ совѣтниковъ, а

Самъ рѣкой плачетъ—разливается.

Этотъ испугъ и слезы объясняются тѣмъ, что государыня или царь ничего про свою „силу-армію“ не знаетъ. Такое незнаніе приписывается и другимъ королямъ:

Разбезсчастненькій, безталаненькій
Нашъ-отъ король прусскій...

---

[1]) „Пѣсни“, собранныя П. В. Кирѣевскимъ (изд. 1872 г.). Вып. IX, стр. 81, 88.

Ничего-то король про свою армеюшку,
Ничего не знаетъ!.. [1])

Оправившись отъ перваго испуга, государыня, или царь, обращается къ полководцамъ.

Ходила наша государыня на красный на крылецъ,
Говорила государыня такія словеса:
Есть ли у меня крупны люди кругъ меня?

И на этотъ кличъ является передъ нею „генералушка большой, Краснощековъ господинъ“, и успокаиваетъ ее:

Ты не бойся, наша матушка, Прускòва короля;
Не бывать ему, собакѣ, во Питерѣ городѣ.

По другой версіи:

Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:
Охъ вы, гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои,
Вы подите, приведите Суворова графа ко мнѣ.

По другимъ пѣснямъ, передъ нею сами являются то сразу „генералы“, то кто-нибудь изъ популярныхъ полководцевъ: Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, и успокаиваетъ ее тѣмъ, что у него есть „чѣмъ принять, чѣмъ попотчивать“ врага.

Совершенно въ иномъ видѣ изображается объявленіе войны Петромъ I. Онъ не плачетъ, не ждетъ вызова. Онъ самъ вызываетъ другихъ на „бой-драку“, а роль плакальщиковъ (очевидно—обязательная) выпадаетъ на долю сенаторовъ. Въ пѣснѣ разсказывается, какъ „свѣтъ нашъ батюшка, первый императоръ“ въ золотой каретѣ на вороныхъ лошадяхъ ѣдетъ въ Сенатъ. Когда онъ „во присудствіе заходитъ“.

Сенаторы всѣ да испугались,
Изъ рукъ перья у нихъ да повалились,
Изъ очей слезы да покатились.

Императоръ, помолившись Богу, садится на ременчатый стулъ, беретъ листъ бумаги, „не плохую—гербовую“, лебединое перо и пишетъ доношеніе.

Отсылаетъ доношеніе да въ ину землю,
Желаетъ онъ себѣ бою да драки [2]).

Также и съ Наполеономъ дѣло происходитъ иначе, чѣмъ съ

---

[1]) Тамъ же, стр. 110.
[2]) П. И. Якушкинъ, „Пѣсни историческія и солдатскія“, № 15.

другими. Онъ обращается съ своимъ вызовомъ не къ царю, а прямо къ генераламъ.

„Французъ“ съ арміей валитъ и „рѣчь выговариваетъ“:

„Еще много генераловъ,
„Всѣхъ въ ногахъ стопчу.
„Всея матушку Россеюшку
„Въ полонъ себѣ возьму,
„Въ полонъ себѣ возьму
„Въ каменну Москву зайду“.
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ“ и т. д.

Съ момента появленія на сцену генерала обыкновенно начинается „настоящая война“, которую народное творчество уже облекаетъ мистической дымкой.

„Генералы“ пользуются въ народной средѣ особой популярностью. Въ нихъ видятъ національныхъ героевъ, защитниковъ родины. Ихъ портреты считаются лучшимъ украшеніемъ въ домахъ и иногда почитаются чуть не наравнѣ съ иконами. Ихъ имена сохраняются въ памяти народа на цѣлые вѣка, воспѣваются въ сотняхъ пѣсенъ, окружаются и фантастическими легендами.

По представленію народа, наиболѣе популярные генералы, помимо своей храбрости и „хитрости“, обладали еще таинственными силами: они знали „слово“, знали „счастливый часъ“, умѣли налагать заклятіе на пути и т. п. О Суворовѣ существуетъ легенда, что онъ могъ по звѣздамъ опредѣлять счастливое для битвы время: „Взглянетъ, бывало, на небо и скажетъ: „Вотъ въ этотъ часъ идите и всю непріятельскую силу изничтожите. А въ такой вотъ часъ не ходите, истребятъ васъ до единаго“. Относительно Платова Л. Н. Толстой приводитъ слѣдующую легенду: „Сказываютъ, самого-то Поліона Платовъ два раза бралъ. Возьметъ-возьметъ: вотъ на-те, въ рукахъ прикинется птицей, улетитъ да и улетитъ. И убить тоже нѣтъ положенья“ [1]).

Относительно многихъ генераловъ существовало повѣрье, что они заговорены отъ пуль. Особенно сильно распространено было это повѣрье относительно Скобелева, котораго даже турецкіе солдаты считали застрахованнымъ отъ пуль. „По солдатской легендѣ,—пишетъ В. И. Немировичъ-Данченко — „хивинецъ“ девять дней и девять ночей возилъ Скобелева по „Хивѣ невѣр-

ной“ и заговаривалъ. Потомъ девять дней и девять ночей Скобелеву ѣсть и пить не давали и все заговаривали, пока совсѣмъ не заговорили, такъ что пули проходятъ насквозь, не причиняя Скобелеву ни малѣйшаго вреда“ [1]).

Но особенно характерно, что народная легенда считаетъ популярныхъ генераловъ застрахованными не только отъ пуль, но и вообще отъ смерти, по крайней мѣрѣ преждевременной, пока на смѣну имъ не появился другой популярный полководецъ. Въ этомъ отношеніи народъ переноситъ на генераловъ представленіе, которое съ древнѣйшихъ временъ установилось относительно коронованныхъ лицъ. Легенды о томъ, что „царь не умеръ, а скрылся и гдѣ-то тайно живетъ“, циркулировали чуть ли не относительно всѣхъ русскихъ царей, съ Петра I и даже раньше.

Очень распространены въ народной массѣ легенды относительно популярныхъ генераловъ, давнымъ-давно умершихъ, что они „не умерли, а скрываются“ и въ трудную минуту появятся. Такія легенды ходили въ народѣ и о Суворовѣ, и о Платовѣ, и о Черняевѣ, и о Скобелевѣ, и даже, въ послѣднее время, о Макаровѣ, погибшемъ на „Петропавловскѣ“.

При началѣ русско-турецкой войны народъ, уже хорошо знавшій Черняева, предполагалъ, что онъ выступаетъ подъ именемъ Гурко. Въ народѣ ходилъ слухъ, что „въ дѣйствительности никакого Гурко нѣтъ, что Гурко — это переодѣтый Черняевъ, которому приказано называться Гуркой, потому что Черняева не любятъ, — что какъ пріѣхалъ Черняевъ, такъ и пошли турокъ бить. Слухъ, что Гурко—переодѣтый Черняевъ, распространили раненые солдаты, отпущенные домой на поправку. Понятно, что раненому солдату вѣрятъ, какъ никому“ [2]).

Раньше мы уже привели, со словъ В. Г. Короленко, легенду, по которой „Скобелевъ не умеръ, а скрылся“... Подойдетъ война— онъ тутъ!“ И когда подошла японская война, онъ таки появился, но въ лицѣ Куропаткина. Сотрудникъ „Пет. Вѣд.“ приводитъ слѣдующій свой разговоръ съ крестьяниномъ о японской войнѣ. Крестьянинъ заявилъ съ увѣренностью:

„— Теперь поѣхалъ на войну Скобелевъ и задастъ имъ страху. Собственными глазами видѣли его.

— Куропаткина,—поправилъ я его.

— Куропаткинъ не есть Куропаткинъ, а поѣхалъ Скобелевъ.

---

[1]) „Годъ войны“ (1877—1878), т. I, стр. 330.

[2]) А. Н. Энгельгардтъ. „Изъ деревни“, стр. 307.

На станціяхъ видѣли его. Онъ назвался Куропаткинымъ, чтобы обмануть непріятеля.

— Это зря болтаютъ,—перебилъ появившійся Михей, любитель газетъ.—Куропаткинъ—здѣшній господинъ... потомственный... холмскій... А вотъ Василій Игнатьевъ изъ Березовца и газетину бережетъ о настоящемъ Скобелевѣ. Въ „Биржевыхъ" читано. Зачѣмъ же и писать о Скобелевѣ, если бы не было его въ живыхъ?

Я сказалъ, что тамъ приведена легенда о Скобелевѣ, но Михей упорно настаивалъ на своемъ.

— Царь спряталъ такого вояку, какъ Скобелевъ,—сказалъ онъ.—Нашъ генералъ заспорилъ съ англичанкой и обозвалъ ее дурнымъ словомъ. Та потребовала суда, и Скобелева приговорили къ смерти. У насъ и спрятали его, а англійской королевѣ сказали, что его разстрѣляли. Теперь пришло время выпустить его на войну. Англичанка умерла, и Скобелеву не страшно показаться...

— Его давно похоронили,—продолжалъ я.—Народу много было на похоронахъ.

— Можетъ быть, статую или человѣка подходящаго хоронили?

— Подлинно Скобелева, а не подмѣненнаго...

— Въ газетахъ — горячо перебилъ Михей — напечатано отмѣтисто, что послѣ суда надъ Скобелевымъ разстрѣляли куклу, а генерала нашего спрятали... Явно же напечатано.

Прочіе крестьяне стали подтверждать ту же легенду о Скобелевѣ и воскликнули:

— Куклу разстрѣляли вмѣсто него! Какъ же Скобелева можно было разстрѣлять, когда онъ отъ пуль заговоренъ? Да и солдатикъ узналъ его... Въ прежнихъ войнахъ бывалъ съ нимъ. Тогда Скобелевъ поздоровался съ нимъ и отвелъ въ сторону. Такъ и такъ, молчи, молъ, и подарилъ ему пятирублевую монету. Это ужъ вѣрно... На Куропаткина у насъ зря болтаютъ, что онъ настоящій Скобелевъ. А и послѣдній живехонекъ... У японца, сказываютъ, исполинъ проявился и хочетъ сразиться съ нашимъ воякой. Царь и послалъ Скобелева. А многіе видали его... И солдатикъ думалъ сначала, что Скобелевъ приснился ему во снѣ, но какъ взглянетъ на дареную монету, то такъ и сообразитъ, что, значитъ, дѣло было на яву" [1]).

Объ этихъ слухахъ разсказываетъ и бузулукскій корреспон-

[1]) Фаресовъ. „Война и народъ".

дентъ „Самарскаго Курьера". „Наши крестьяне очень интересуются войной: разговорамъ нѣтъ конца, фантазіи нѣтъ предѣловъ. Распространенію фантастическихъ слуховъ много способствовали приходящіе изъ города Бузулука какіе-то проходимцы... Въ настоящее время крестьяне вполнѣ убѣждены, что живъ Скобелевъ. Одни говорятъ, что Скобелевъ явился на войну, подъ видомъ Линевича, другіе—подъ видомъ Алексѣева. Про погибшаго Макарова разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ погибъ „Петропавловскъ", спускали водолаза, и онъ нашелъ броненосецъ цѣлымъ, а Макарова со своей камандой въ каютѣ—онъ молился Богу передъ паникадиломъ. Макаровъ объяснилъ водолазу, что какъ окончится война, *онъ* выйдетъ изъ-подъ воды" [1]).

Останавливаясь на легендахъ этого цикла о царяхъ и популярныхъ полководцахъ, одинъ изъ нашихъ писателей высказываетъ мнѣніе, что въ этихъ легендахъ „проявился *оптимизмъ* народной фантазіи, которая не можетъ примириться съ мыслью о преждевременной кончинѣ героя" [2]). Намъ, напротивъ, кажется, что въ большей части легендъ этого рода высказывается не оптимизмъ, а пессимизмъ народа, его крайне подозрительное отношеніе къ лицамъ, окружающимъ популярнаго героя, которыхъ онъ подозрѣваетъ постоянно въ стремленіи „истребить" этого героя (царя или генерала). Подозрительность народа по отношенію къ представителямъ высшихъ сословій настолько сильна, что отъ нея не избавлены даже популярные генералы. Идеализація этихъ героевъ нисколько не мѣшаетъ тому же народу обвинять ихъ въ самомъ тяжкомъ изъ преступленій: въ предательствѣ.

Извѣстный собиратель народныхъ историческихъ пѣсенъ, П. В. Кирѣевскій, говоритъ, что обвиненіе полководцевъ со стороны народа въ измѣнѣ „у насъ пріемъ самый обычный: народъ нашъ вообще, а за нимъ и солдатъ [3]), не имѣя возможности проникать въ истинныя причины неудачъ (гдѣ такую роль играетъ особенно наше неумѣнье и невѣжество), привыкъ все взваливать на извѣстную „измѣну", которая сдѣлалась не только житейскимъ, но даже и техническимъ словомъ". Эта измѣна попеременно олицетворяется то въ одномъ лицѣ, то въ другомъ [4]).

Обвиненіе въ измѣнѣ высказывается, и въ очень рѣзкой

---

[1]) Приведено въ „Пет. Вѣд." 1904 г., № 221.

[2]) А. Кирпичниковъ. „Очерки по миѳологіи XIX вѣка". „Этнограф. Обозр." 1894 г., № 4.

[3]) Не обратно ли?

[4]) „Пѣсни", вып. IX, стр. 109.

формѣ, противъ Потемкина. Въ народной пѣснѣ по поводу битвы при Гроссъ-Егерсдорфѣ описывается, какъ

Лопухинъ лежитъ убитъ,
Таки рѣчи говоритъ:

Убитый, онъ „проситъ листъ бумаги и чернила съ перомъ", чтобы написать государынѣ самой,

Что Потемкинъ-генералъ [1])
Въ своемъ полку не бывалъ
Всеё силу растерялъ.
Кое пропилъ, промоталъ,
Кое въ карты проигралъ.

По другому варіанту, Лопухинъ доноситъ не на Потемкина, а на Румянцева. Третій варіантъ обходится безъ Лопухина и обвиненіе бросается Абросиму-генералу (Апраксину). Еще по одной версіи не Лопухинъ доноситъ на другихъ, а кто-то на него доноситъ. До начала битвы, Лопухинъ куритъ трубку и успокаиваетъ армію, что у насъ

Свинца пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.

А послѣ битвы оказались убитыми нѣсколько полковниковъ, нѣсколько генераловъ, а „мелкой содатской силы"—безъ счета:

Которые на горѣ
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ,
Которы подъ горой,
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ,
Таку рѣчь говоритъ:
Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу съ перомъ,
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому
Императору-царю.
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы издержалъ
Ужъ онъ пропилъ, промоталъ,
Досталь въ карты проигралъ,
Инъ удары раздавалъ [1]).

Въ другой пѣснѣ, въ которой говорится о начальникѣ, который „какъ пень стоитъ, ничего не говоритъ, насъ въ строй

---

[1]) Якушкинъ. № 16.

не становитъ", высказывается противъ какого-то безымяннаго генерала такого рода подозрѣніе;

Намъ сказалъ тута одинъ,
Что генералъ нашъ господодинъ
Онъ столуетъ ли, пируетъ
Со прусскимъ королемъ,
Проѣдаетъ-пропиваетъ
Онъ всю армію ему [1]).

Еще въ одной пѣснѣ народная муза устами Голицына обращается къ генералу такъ:

Ужъ ты с... с... каналья, ты
Прозоровъ-генералъ!
То не ваше, то пропало—государево:
Золотой казны затратилъ, да и смѣты нѣтъ [2]).

Въ пѣснѣ „Донцы при Екатеринѣ" говорится:

„Каменцовъ (Каменецкій) сынъ всю ночь не спалъ,
Онъ съ москалями проигралъ
Не въ шашечки, не въ бирюлечки, а въ карточки:
Проигралъ онъ славный Тихій Донъ [3]).

Подобныя обвиненія и подозрѣнія высказывались и по адресу Кутузова и другихъ генераловъ 12-го года, циркулировали въ народѣ и во время крымской кампаніи. П. Якушкинъ, бесѣдуя съ солдатомъ, участникомъ севастопольской обороны, допытывался у него, почему „*ихъ* сила взяла". Солдатъ сперва отвѣчалъ загадочно: „знамо отчего", а затѣмъ открыто заявилъ:

„— Измѣна!.. Вотъ отчего!

— Какая же измѣна?..

— Ну, самъ разсуди, какъ не измѣна? Сколько ни было подъ Севастополемъ нашей силы, всю собрали и пустили на *него*. Хорошо. Бросились мы на *него*, взяли одинъ порядокъ, взяли другой, кинулись на третій; а взяли бы третій—лоскъ ему, совсѣмъ лоскъ, какъ есть!.. А тутъ: тру-ту-ту! Тру-ту-ту!

— Это что?

— А это въ трубу заиграли... отступай, значитъ, назадъ!.. Ну, нѣтъ, думаемъ, ребята, постоимъ! Ступай впередъ!.. А нашъ дружинный кричитъ: „Назадъ, ребята, назадъ, худо будетъ!" Знамо дѣло, думаемъ, худо будетъ, коли начальникъ за

---

[1]) Кирѣевскій, стр. 106—7.
[2]) Тамъ же, 109.
[3]) Тамъ же, 261.

измѣну взялся!.. Глядимъ назадъ, а наши-то всѣ назадъ побѣжали... Видимъ, однимъ намъ не справиться, ну, и мы за ними бѣжать! А *онъ*-то, какъ сталъ въ насъ палить, палить въ насъ!.. И сколько тутъ кровопролитія было, и Боже мой! А все измѣна!..“ [1])

Были подобныя подозрѣнія и при русско-турецкой войнѣ, повторились они и при японской. Вотъ что разсказываетъ г. Фаресовъ: „Близъ станціи Чихачево, московско-виндавской желѣзной дороги, меня поразило стараніе мужиковъ объяснить себѣ наши морскія неудачи случайными причинами... Нашлись остроумцы, обвинявшіе въ нихъ даже бывшаго морского министра: „Дочку свою выдалъ за „апонца“ — съ грустью говоритъ о немъ высохшій старикъ. „Мы слыхали—продолжалъ старикъ,— что онъ породнился съ „Апоніей“ и сказалъ, что нашъ флотъ не силенъ“.

Бываютъ, однако, и такіе генералы, которые не только не пропиваютъ, не проматываютъ армію, но готовы скорѣе принять лютую казнь, чѣмъ измѣнить родинѣ. Такихъ героевъ народная муза воспѣваетъ съ особенной любовью. „Прусскій король“ обращается къ плѣнному „россійскому графу Захаръ Григорьевичу Чернышеву“ съ предложеніемъ перейти къ нему на службу.

Ужь ты будешь ли по мнѣ служить.
Коли будешь ты по мнѣ служить,
Прикажу тебя поить-кормить,
Прикажу дать двойно жалованье.

Закричалъ тутъ россійскій графъ Чернышевъ Захаръ Григорьевичъ:

Ахъ, ты гой еси, прусскій король,
Королевское величество!
Кабы былъ я на своей волѣ,
Я бы радъ былъ тебѣ служить,
На твоей бы буйной головѣ,
На твоей бы шеѣ бѣлыя [2]).

То же самое происходитъ съ Краснощековымъ, когда онъ попадаетъ въ плѣнъ къ хану крымскому. На предложеніе хана: „Послужи же намъ, Краснощековъ, вѣрой-правдою“, онъ отвѣчаетъ:

Послужу я вамъ, друзья мои, саблей острою,
Что надъ вашими, надъ буйными ли головками.

---

[1]) П. Якушкинъ, „Изъ разсказовъ о крымской войнѣ“, стр. 165.

[2]) Кирѣевскій, „Пѣсней“, вып. IX, стр. 127.

Тогда татары, осердившись, стали ругаться надъ Краснощековымъ, стали ему ноги рѣзать.

Они разными муками его мучили;
А правды изъ него не вывѣдали;
Хоть съ него живого кожу содрали,
Но души изъ него не вынули.

Подобныя предложенія о переходѣ на службу дѣлаетъ и нашъ царь генераламъ непріятельской арміи. Въ большинствѣ случаевъ тѣ переходятъ къ намъ на службу. Но иногда непріятельскій генералъ остается вѣренъ своей родинѣ. Послѣ турецкой войны солдаты разсказывали: „Нашъ царь „Остапу-пашѣ", ихъ главнокомандующему генаралу, какъ забрали мы его подъ Плевною, саблю назадъ отдалъ и похвалилъ еще. Молодецъ, говоритъ, турка, хоша ты и нехристь. Звалъ даже на россійскую службу, да не пошелъ.

— Не пошелъ?—дивились слушатели.

— Отказался.

— Почему бы, кажется, коли царь звалъ?

— Холодно, говоритъ, у васъ...

— Холодно!.. Ха-ха-ха...

— Климату нашего не переноситъ.

Представленія народа о войнѣ, о ея причинахъ и окончательномъ исходѣ, носятъ, въ большинствѣ случаевъ, мистическій характеръ. Еще задолго до того, какъ цари рѣшаются воевать, война „возвѣщается" различными „знаменіями", кометами, затменіями, землетрясеніемъ, моромъ и другими стихійными бѣдствіями. Въ борьбѣ армій принимаютъ участіе сверхъестественныя силы, добрые и злые духи, оказывающіе помощь воюющимъ сторонамъ. Если русскому христолюбивому воинству оказываетъ помощь Божественная сила, то супостату-нехристю помогаетъ „нечистая сила". Въ народныхъ легендахъ и сказаніяхъ, какъ и въ лѣтописяхъ, подчеркивается, что на канунѣ рѣшительной битвы русское воинство проводило ночь въ постѣ и молитвахъ, въ то время, когда въ лагерѣ супостата шла непрерывная гульба: пѣли, плясали, хвастали заранѣе побѣдой и всячески угождали дьяволу. „Нечистая сила" оказываетъ помощь непріятелю различными способами. Она нашептываетъ на ухо русскому царю дурные совѣты, напускаетъ страхъ на русскую армію. Полководецъ непріятельской арміи, обладая тайной силой, умѣетъ обращаться въ птицу, стать невидимкой и т. п. Всего чаще нечистая сила помогаетъ непріятелю при посредствѣ женщины,

дѣвки-колдуньи, которая предводительствуетъ арміей, облегчаетъ ей трудные переходы, спасаетъ отъ опасностей, научаетъ „хитростямъ“ и т. д.

Слѣды этой „дѣвки“, помогающей вражьей силѣ, мы находимъ еще въ древнихъ былинахъ. Противъ Добрыни Никитича (а также князя Глѣба) выступаетъ „дѣвка-Маринка“ или „Маришка“, „зелейщица, кореньщица, отравщица, волшебница, лиха, зла, люта гроза, злая еретица“. Особенность Маринки состоитъ въ томъ, что она „хвалится-прихваляется“. Маринка состоитъ въ любовной связи съ злѣйшимъ врагомъ русской силы, Змѣинищемъ Горынищемъ (Тугаринъ Змѣевичъ, Змѣя Притугальникъ) и ведетъ яростную борьбу противъ Добрыни (или Глѣба), котораго она пытается отравить, обращаетъ въ тура и т. п. Съ большимъ трудомъ удается богатырю побѣдить ее [1].

Подобную же „дѣвку“ встрѣчаемъ мы и въ народныхъ заговорахъ отъ пуль, всякаго орудія и проч. И здѣсь главная особенность ея заключается въ томъ, что она „похваляется“.

Одинъ изъ заговоровъ противъ пуль и всякаго орудія начинается словами:

„Въ высокомъ терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ, покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменныя. „Ты, красна дѣвица, отбери ружья: турецкія, татарскія, нѣмецкія, черкасскія, русскія, мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею невидимою силою ружья вражья“.

Въ другомъ заговорѣ фигурируетъ вѣдьма.

„Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору, стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая вѣдьма кіевская. Пойду ли я во лѣсъ стоячій, во боръ дремучій, взойду ли въ избушкѣ къ злой вѣдьмѣ кіевской. Ты, злая вѣдьма кіевская, вели своему ворону слетати подъ море хвалынское, въ мѣдный домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовый ключъ. Заупрямилась, закорячилась злая вѣдьма кіевская о своемъ воронѣ. Не моей старости бродить до моря Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовый ключъ. Разбилъ воронъ мѣдный домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовый ключъ“ и т. д.

Въ третьемъ заговорѣ фигурируетъ опять дѣвица, уже не

---

[1] П. В. Кирѣевскій, „Пѣсни“, вып. II, стр. 42 и сл.

изъ стана „вражьей силы“, но имѣющая такое же вліяніе на исходъ войны:

„Ѣду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярскій, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба, красная дѣвица. Ты, дѣвица, зазноба молодеческая, ѣду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злодѣевъ. Вынь ты, дѣвица, отческій мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовскій; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырскій, отопри ты, дѣвица, коня-ворона... Выдь ты, дѣвица, во чисто-поле, а въ чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружій нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой отъ“... Далѣе идетъ перечисленіе всевозможныхъ орудій. И кончается заговоръ обѣщаніемъ: „А буде я ворочусь по-живу и по-здорову, ино буду, красна-дѣвица, тобою похвалятися, своею молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючь Алатырь“ [1]).

Эта же женщина, то въ видѣ колдуньи, то въ видѣ „дѣвки“ распутницы или еретицы, фигурируетъ въ легендахъ и о современныхъ войнахъ.

По поводу первой неудачной осады Нарвы Петромъ Первымъ въ 1700 г. въ народѣ сложилась легенда, что „на вершинѣ Германовой башни жила колдунья, которая волшебными чарами дѣлала безвредными ядра и бомбы, летѣвшія въ осажденный городъ, и лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда одинъ русскій солдатъ зарядилъ ружье пуговицей и застрѣлилъ вѣдьму, при чемъ и самъ долженъ былъ погибнуть, Петръ Великій сталъ одерживать верхъ надъ шведами“ [2]).

Въ 12-мъ году, въ арміи Наполеона, у котораго было „войсковъ на сто верстъ“, находилась колдунья-волшебница:

Впереди идетъ колдунья-волшебница,
Паскудная-дѣвка Маринка,
Злая еретица-безбожница.
Рѣку перейти—плюнетъ Маринка поганая,
Пересохнетъ рѣка быстрая.
Гору перелѣзть—махнетъ Маринка ручищемъ—
Отъ горы нѣтъ званія.

Маринка, хвасталась своею силою, измывалась надъ русскими:

Побили разъ и еще побьемъ:
Возьмемъ себѣ Москву бѣлокаменную,

---

[1]) И. Сахаровъ. „Сказанія русскаго народа“. Ч. I, стр. 48—55.
[2]) А. В. Петровъ. „Нарвская старина“. „Историч. Вѣстн.“ 1904, № 8.

Перейдемъ въ нее на жительство,
Изничтожимъ церкви Божія.

Когда Наполеонъ уходитъ изъ Россіи, онъ ругаетъ дѣвку Маринку:

На тебя я, Маринка, надѣялся,
На твое на волшебство-гаданіе,
На твою ли силу бѣсовскую.
А теперь, вижу, силы той нѣтъ въ тебѣ...
Выползаетъ Маринка паскудница,
Свой гадючій хвостъ поднимаетъ,
Дрожитъ, какъ осиновъ листъ:
Напрасно мы храмы Божіи безчестили! [1]).

Нѣчто въ родѣ такой же Маринки-волшебницы создала народная фантазія и при русско-японской войнѣ. „Солдаты разсказывали: „У нихъ (т.-е. японцевъ) особая японка есть, безглазая. Пустое мѣсто у носу. Они ее на красномъ коврѣ носятъ. Въ большомъ почетѣ она у нихъ. Эта японка именно все видитъ. Разсказываетъ, по какимъ мѣстамъ мы идемъ, сколько насъ, какія орудіи на платформахъ веземъ, довольно ли съ нами снаряду.

— Какъ же она безъ глазъ?

— Такой въ ней секретъ. Ей все открыто. Куда ее повернутъ—она ту сторону, словно книжку, читаетъ. И на корабляхъ ихнихъ тоже такія японки подъ образами сидятъ и говорятъ, когда нападать на наши суда и когда уходить отъ нихъ. Прежде у этихъ бабъ такія круглыя зеркала были. Куда махнетъ, тамъ сейчасъ народъ помираетъ [2]). Только какъ они воевали съ китайцами, всѣ эти зеркала побили, а новыхъ сдѣлать не умѣютъ. А то бы съ ними не сладить [3])“.

С. Ан—скій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

[1]) „Сказитель-гусляръ“.

[2]) Во время русско-турецкой войны говорили, что турки напускали на русскую армію „сухого тумана“, отъ котораго русскіе солдаты слѣпли.

[3]) В. И. Немировичъ-Данченко.

КАКЪ ЖИВУТЪ РАБОЧІЕ ВЪ АНГЛІИ

Окончаніе *).

IV.

Для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о матеріальныхъ условіяхъ жизни рабочихъ, необходимо знать не столько номинальную сумму ихъ заработковъ, сколько ихъ реальную цѣнность, т.-е. какія основныя жизненныя удобства можно обезпечить себѣ на эти деньги и какими рабочіе дѣйствительно пользуются. Особенно важное значеніе для рабочаго человѣка имѣетъ количество, качество и разнообразіе принимаемой имъ пищи. Еще большее значеніе имѣетъ то или иное питаніе рабочихъ для ихъ дѣтей, такъ какъ отъ этого зависитъ не только ихъ физическое развитіе, но и самая ихъ жизнь. Лэди Белль употребила массу времени и труда на собираніе матеріаловъ этого рода и посвящаетъ значительную часть своей книги бюджетамъ и діэтетикѣ рабочаго населенія Мидльсбру.

Приводимъ *бюджетъ семьи А. В.*, состоящей изъ 3 человѣкъ.

Первая недѣля. Доходъ 18 шил. 6 пенс. (9 руб. 25 коп.). За квартиру уплачено 5 шил. 6 пенс. — сравнительно дорого: обыкновенная квартирная плата—отъ $3^1/_2$ до 5 шил. Очевидно хозяйка очень дорожитъ качествомъ занимаемаго дома, о внѣшнемъ убранствѣ котораго лэди Белль отзывается въ очень лест-

---

*) См. февраль, стр. 83.

ныхъ для хозяйки выраженіяхъ. Всѣмъ, занимавшимся экономическими вопросами, извѣстно, что чѣмъ бѣднѣе тотъ или иной общественный классъ, тѣмъ болѣе значительную долю своего дохода онъ тратитъ на наемъ квартиры. Это вполнѣ подтверждается слѣдующей таблицей, въ которой рабочее населеніе Іорка распредѣлено на восемь слоевъ по размѣру недѣльнаго дохода, при чемъ для каждаго слоя указана средняя величина платы за помѣщеніеи %-ное отношеніе ея къ среднему заработку той же категоріи рабочихъ.

Число семей.	% отношеніе къ рабоч. населенію Іорка.	Средній еженедѣльный доходъ семьи.	Средняя плата за помѣщеніе.	% отношеніе ко всему доходу семьи.
714	6%	10 шил.	2 шил. 11½ п.	29%
1.196	10%	19 „	3 „ 6¼ „	18%
1.586	14%	23 „	3 „ 11½ „	17%
2.828	24%	28 „	4 „ 6 „	16%
2.427	21%	36 „	5 „ 1 „	14%
1.006	9%	45 „ 6 п.	5 „ 8 „	13%
479	4%	55 „ 8 „	6 „ 8 „	12%
738	7%	74 „	7 „	9%
529	5%	не могло быть точно выяснено		
11.560				

Изъ этой таблицы видно, что наиболѣе обезпеченная часть рабочаго населенія Іорка, пользуясь сравнительно прекрасными помѣщеніями, платитъ за нихъ 9—12% своего еженедѣльнаго дохода, тогда какъ наиболѣе бѣдная часть рабочаго населенія того же города платитъ за свои сравнительно плохіе дома болѣе четвертой части своего скуднаго заработка.

Возвращаемся къ изученію бюджета семьи А. В. За уголь, въ количествѣ 2½ пуд., заплачено 2 шил. 4 пенса. На предметы одежды израсходованъ 1 шиллингъ, на страхованіе—7 пенсовъ (28 коп.). Эта послѣдняя цифра требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Въ Англіи весьма распространено страхованіе на случай смерти и болѣзни. Послѣдній видъ страхованія распространенъ главнымъ образомъ среди рабочихъ, для которыхъ, при ихъ вообще малыхъ средствахъ, болѣзнь влечетъ за собой прекращеніе всякаго дохода именно тогда, когда расходы не только не уменьшаются, но, вообще говоря, даже увеличиваются, вслѣдствіе необходимости лучшаго питанія, леченья и т. д. Расходъ на страхованіе является фактически необходимымъ составнымъ

элементомъ недѣльнаго (для удобства рабочихъ взносы принимаются отъ нихъ маленькими суммами еженедѣльно) бюджета почти каждой рабочей семьи въ Англіи, при чемъ особенно предусмотрительные рабочіе страхуются отъ болѣзни въ двухъ и даже въ трехъ обществахъ.

На мясо израсходовано полтора шиллинга (75 коп.). Считая, какъ говоритъ лэди Белль, что семья А. В. платила за фунтъ мяса 6 или 7 пенсовъ и принимая далѣе во вниманіе, что англійскій фунтъ на одну десятую больше русскаго, мы приходимъ къ выводу, что семья А. В.,—состоящая изъ трехъ человѣкъ,—потребила въ теченіе недѣли всего три фунта мяса. Помимо небольшого размѣра семьи и дороговизны мяса въ Англіи (впрочемъ, въ Петербургѣ въ послѣднее время мясо нерѣдко достигаетъ такой же высокой цѣны — 25 коп. фунтъ), указываемое нами обстоятельство объясняется также и тѣмъ, что въ Англіи супъ не считается основной или необходимой частью обѣда; если и приготовляютъ супъ, то обыкновенно или даже почти всегда безъ мяса.

Далѣе семьей А. В. куплено 14 англійскихъ или 15½ русскихъ фунтовъ муки, конечно—бѣлой, такъ какъ другой муки англичане не употребляютъ. За муку заплачено 1 шиллингъ 5 пенсовъ, т.-е. около 70 коп., что составитъ немного болѣе 4 коп. за фунтъ; между тѣмъ у насъ въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ бѣлая мука продается по 7 коп. за фунтъ. На сѣверѣ Англіи рабочіе обыкновенно сами пекутъ хлѣбъ, при чемъ, благодаря припеку, указанное количество муки даетъ, по разсчету лэди Белль, 24 фунта бѣлаго хлѣба (нашихъ же русскихъ фунтовъ—26½). Часть этой муки идетъ, впрочемъ, на изготовленіе сладкаго хлѣба къ чаю — т.-е. очень вкуснаго англійскаго кекса. Кромѣ того, семьей А. В. куплено около 4 русскихъ фунтовъ муки другого сорта (bread meal), за которую заплачено 4½ пенса, т.-е. 18 коп.

За фунтъ ветчины заплачено 9 пенсовъ или 36 коп. Такимъ образомъ и ветчина оказывается если не дешевле, чѣмъ во многихъ русскихъ городахъ, то во всякомъ случаѣ не дороже, особенно если принять во вниманіе, что англійскій фунтъ больше русскаго и что въ Англіи никто не рѣшится продавать тухлятину, которую сравнительно безнаказанно продаютъ рабочему люду въ Россіи. За 4 (англійскихъ) фунта сахару заплачено 8 пенсовъ, т.-е. 32 коп., за полфунта чаю—9 пенсовъ, т.-е. 36 коп. Такой расходъ на чай и сахаръ повторяется изъ недѣли въ недѣлю. Намъ, русскимъ, кажется даже просто невѣроятнымъ, чтобы

семья изъ трехъ человѣкъ, принадлежащая къ наименѣе обезпеченной части рабочаго класса, могла еженедѣльно расходовать полфунта чаю: такого количества чаю, вообще говоря, не расходуетъ въ недѣлю и русская семья *средняго* класса, если она состоитъ всего изъ трехъ человѣкъ. Объясняется это тѣмъ, что англичане любятъ чай не меньше, чѣмъ русскіе, а скорѣе больше. Во всякомъ случаѣ англичане — если принять во вниманіе *всѣ слои* населенія, потребляютъ чаю *больше*, чѣмъ русскіе. Кто былъ въ Англіи, тотъ не могъ не замѣтить этого самъ; а для тѣхъ, кто тамъ не былъ, достаточно сказать, что по даннымъ, относящимся къ 1904 г., душевое потребленіе чаю въ Россіи составляетъ въ годъ одинъ фунтъ, въ Англіи—шесть фунтовъ съ половиной! Вопреки широко распространеннымъ у насъ взглядамъ, мы не только пьемъ, вообще говоря, меньше чаю, чѣмъ англичане, но чай, который мы пьемъ, будучи гораздо дороже, чѣмъ англійскій, въ то же время много хуже. Вполнѣ достаточная англійская семья, вообще говоря, пьетъ чай не дороже, чѣмъ въ одинъ шиллингъ девять пенсовъ, т.-е. 85 копѣекъ за фунтъ. Это чай превосходный—далеко лучше того, который можно купить въ Россіи за 2 р. 20 к. или 2 р. 40 к. [1]). Намъ пришлось въ этомъ лично убѣдиться. Насколько намъ извѣстно, въ Англіи даже нѣтъ чаю дороже, чѣмъ $2^1/_2$ шил. за фунтъ (1 р. 25 к.). Значительное потребленіе чая въ англійскихъ семьяхъ объясняется также и тѣмъ, что англичане пьютъ чай очень крѣпкій — съ точки зрѣнія нашихъ русскихъ привычекъ даже непостижимо крѣпкій, — при чемъ они, повидимому, вовсе не испытываютъ отъ этого тѣхъ дурныхъ послѣдствій — безсонницы, сердцебіенія и т. п., — которыя у насъ единогласно приписываются вліянію крѣпкаго чая. Расходъ въ 8 пенсовъ на покупку сахара повторяется также изъ недѣли въ недѣлю, при чемъ русскаго человѣка должна особенно поразить дешевизна сахара: 8 пенсовъ или 32 коп. за $4^1/_2$ русскихъ фунта, т.-е. $7^1/_2$ коп. за фунтъ. Хотя за эти деньги покупается собственно не сахаръ, а сахарный песокъ, тѣмъ не менѣе у насъ и песокъ стоитъ чуть не вдвое дороже. Для англичанина покупать песокъ или колотый сахаръ — совершенно безразлично, такъ какъ имъ совершенно неизвѣстно питье чая „въ прикуску": они его всегда пьютъ „въ накладку". Вслѣдствіе дешевизны сахара и, само собою разумѣется, вслѣдствіе большей обезпеченности всѣхъ классовъ англій-

[1]) Дороговизна чая въ Россіи объясняется тѣмъ, что онъ обложенъ значительной пошлиной, тогда какъ въ Англіи, насколько намъ извѣстно, на чай нѣтъ ни пошлины, ни акциза.

скаго общества, душевое потребленіе сахара въ Англіи превышаетъ въ шесть слишкомъ разъ душевое потребленіе сахара въ Россіи: по даннымъ, относящимся къ 1904 г., душевое потребленіе сахара въ Россіи опредѣляется въ годъ въ 14 фунтовъ, а въ Англіи доходитъ почти до 91 фунта!

Масла семьей А. В. купленъ одинъ фунтъ, за шиллингъ съ пенсомъ. Масло куплено самаго лучшаго качества, такъ какъ семья ѣстъ его съ хлѣбомъ. Это значитъ, что русскій фунтъ лучшаго масла обошелся семьѣ въ 50 коп. Въ нѣкоторыхъ русскихъ провинціальныхъ городахъ хорошее столовое масло, вѣроятно, можно достать дешевле, но въ Петербургѣ за эти деньги— а то и дороже—можно купить очень хорошее *на вкусъ* столовое масло, но, къ сожалѣнію, это масло, если его продержать три или четыре дня, имѣетъ странное свойство обращаться въ нѣчто весьма отвратительное, напоминающее плохое сало. Мы наблюдали это сплошь и рядомъ при покупкѣ масла въ самыхъ лучшихъ магазинахъ, у самыхъ извѣстныхъ фирмъ... Испытывая это систематически изъ года въ годъ, мы естественно приходили въ ужасъ при мысли о томъ продуктѣ, который продается рабочимъ какъ масло въ лавкахъ на окраинахъ города. Между тѣмъ, когда намъ случалось за границей вообще и въ Англіи въ частности покупать масло въ самыхъ обыкновенныхъ лавкахъ, то, къ великому нашему изумленію, оно не переставало быть масломъ—и притомъ очень вкуснымъ масломъ — на третій, четвертый или пятый день [1]).

Для приготовленія пуддинга и сладкаго хлѣба къ чаю семьею А. В. куплено полфунта сала, за $2^1/_2$ пенса, т.-е. 10 коп. (въ Петербургѣ сало продается по той же цѣнѣ). За двѣ бутылки молока уплачено 3 пенса, т.-е. 12 коп. Молоко, значитъ, обходится англійскому рабочему не дороже, чѣмъ русскому рабочему, живущему въ большомъ фабричномъ центрѣ, и значительно дешевле, чѣмъ петербургскому рабочему. Дрожжей куплено на одинъ пенсъ, фунтъ мыла — за три пенса (это — и петербургская цѣна хорошаго простого мыла), полъ-мѣры картофеля (около 8 фунтовъ) за три пенса, или 12 коп. (это скорѣе дешевле той цѣны, за которую можно получить такое же количество картофеля въ болѣе значительныхъ промышленныхъ

[1]) *Качество* продуктовъ, потребляемыхъ англійскими рабочими, можно назвать вообще очень хорошимъ. Весьма значительная часть англійскихъ рабочихъ вообще и рабочихъ Мидльсбру и Іорка въ частности состоятъ членами потребительныхъ обществъ. Въ лавкахъ этихъ обществъ рабочіе производятъ большую часть своихъ покупокъ и потому всегда получаютъ очень хорошіе продукты.

городахъ Россіи). За порошокъ для чистки мѣдныхъ вещей (globe-polish) уплаченъ одинъ пенсъ и столько же заплачено за порошокъ для мытья бѣлья. Затѣмъ куплено луку на одинъ пенсъ, спичекъ на пенсъ и керосину на два пенса. Какъ спички, такъ и керосинъ въ Англіи дешевле, чѣмъ въ Россіи. Замѣтимъ, что часть потребляемаго англичанами керосина и сахара привозится въ Англію изъ Россіи. — Наконецъ, въ теченіе недѣли куплено табаку на 9 пенсовъ и внесено въ погашеніе долга 3 пенса. Всего въ теченіе недѣли семьей А. В. израсходовано 18 шил. 6 пенсовъ, что какъ разъ соотвѣтствуетъ доходу семьи за ту же недѣлю.

Всѣ приведенные выше расходы можно свести къ слѣдующимъ главнымъ статьямъ:

Помѣщеніе	5 шил.	6 пенс.
Пища	7 „	5 „
Отопленіе (уголь).	2 „	4 „
Одежда	1 „	— „
Освѣщеніе и поддержаніе чистоты . .	— „	8 „
Табакъ.	— „	9 „
Страхованіе.	— „	7 „
Погашеніе долга	— „	3 „
Итого . .	18 шил.	6 пенс.

Лэди Белль, близко наблюдавшая семью А. В., говоритъ, что хозяйка дома расходуетъ деньги въ высшей степени умѣло: всякій пенсъ получаетъ возможно лучшее употребленіе. Единственная несообразность, которую можно замѣтить въ только что приведенномъ бюджетѣ—это трата 9 пенсовъ на табакъ, въ то время какъ на молоко тратится всего 3 пенса. По мнѣнію лэди Белль, съ этимъ всетаки можно примириться, такъ какъ куренье составляетъ единственное удовольствіе, которое позволяетъ себѣ хозяинъ дома, и вообще единственный расходъ семьи, который нельзя считать безусловно необходимымъ.

Семья, съ недѣльнымъ бюджетомъ которой мы познакомились, принадлежитъ къ очень бѣднымъ, по англійскому масштабу. Если она не попала въ число самыхъ бѣдныхъ, то не вслѣдствіе размѣра заработка главы семьи, — такъ какъ этотъ заработокъ несомнѣнно принадлежитъ къ минимальнымъ среди рабочихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ Мидльсбру,—а только благодаря искусному и разумному веденію хозяйства. Хозяйкѣ дома дѣлаетъ большую честь уже та чрезвычайная обстоятельность, съ которой ведется регистрація всѣхъ мельчайшихъ расходовъ. Мы

позволили бы себѣ спросить по этому поводу читателей, много ли у насъ найдется семей средняго круга, гдѣ бы запись всѣхъ расходовъ велась съ такой же аккуратностью?

Лэди Белль приводитъ съ такими же подробностями всѣ расходы семьи А. В. въ теченіе послѣдующихъ пяти недѣль. Мы не находимъ нужнымъ воспроизводить здѣсь эти бюджеты: скажемъ лишь, что мы находимъ въ нихъ — съ весьма небольшими варіаціями—тѣ же статьи расхода и почти тотъ же общій ихъ размѣръ. Заработокъ главы семьи колебался за эти шесть недѣль между $18^1/_2$ и $23^3/_4$ шиллинга. Послѣдняго размѣра заработокъ достигъ только одинъ разъ, и хозяйка дома воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы купить сапоги, израсходовавъ на это 5 шил. 11 пенсовъ. И всетаки этотъ расходъ оказался столь тяжелымъ для семьи, что пришлось отказаться на этотъ разъ отъ еженедѣльнаго взноса на погашеніе долга [1]).

Заработокъ семьи А. В. слѣдуетъ считать по англійскому масштабу минимальнымъ, вслѣдствіе чего можно почти быть увѣреннымъ, что ея глава состоитъ на заводѣ чернорабочимъ [2]). Расходъ семьи А. В. на пищу почти совпадаетъ съ тѣмъ минимумомъ, который установленъ классическими работами англійскихъ соціологовъ Чарльза Буса [3]) (не имѣющаго ничего общаго съ извѣстнымъ „генераломъ“ Арміи Спасенія Ч. Бусомъ) и А. Раунтри.

Не смотря на весьма скудныя средства семьи А. В., занимаемый ею отдѣльный домикъ, по словамъ лэди Белль, „безукоризненно чистъ и имѣетъ веселый, уютный характеръ“. Мужъ, жена и дѣвочка хорошо одѣты; это особенно поразительно, если принять во вниманіе незначительность расходовъ семьи на одежду. Впрочемъ — прибавляетъ лэди Белль — выяснить сколько-нибудь точно размѣръ расходовъ семьи на одежду очень трудно. Въ теченіе тѣхъ шести недѣль, къ которымъ относятся бюджеты, семья, повидимому, была достаточно обезпечена платьемъ, и ей можно было ограничиваться тѣми мелочными расходами на этотъ предметъ, какіе были указаны нами выше. Между тѣмъ въ этихъ

---

[1]) Зато въ теченіе другой недѣли уплачено въ счетъ долга 1 шил. 3 пенса— весьма значительная сумма для семьи А. В.

[2]) Лэди Белль не называетъ спеціальность рабочихъ, съ бюджетами которыхъ она знакомитъ своихъ читателей: по весьма понятнымъ причинамъ она хотѣла затруднить опознаніе тѣхъ семействъ, о бюджетахъ которыхъ она говоритъ въ своей книгѣ.

[3]) См. его монументальный трудъ (въ 17-ти томахъ): „Life and Labour of the people in London“. Ни одна страна не можетъ похвалиться такимъ обстоятельнымъ соціологическимъ изслѣдованіемъ, предпринятымъ по иниціативѣ частнаго человѣка и выполненнымъ всецѣло на его средства.

бюджетахъ нѣтъ абсолютно никакихъ остатковъ, которые можно было бы употребить на экстренные расходы того или иного характера. Поэтому чьей-либо болѣзнью семья была бы поставлена въ ужасное положеніе.

Семью А. В. едва ли можно считать типичной: она скорѣе можетъ служить примѣромъ того, какъ можно жить на тѣ небольшія средства, какими располагаетъ эта семья. Однако, даже и при той тщательности и аккуратности, съ какими ведется хозяйство семьи А. В., она всетаки часто оказывается въ затруднительномъ положеніи; въ это время она по необходимости входитъ въ долги, уплачивая ихъ затѣмъ, какъ мы видѣли, небольшими еженедѣльными взносами.

Ознакомимся теперь съ недѣльнымъ бюджетомъ семьи рабочаго С., зарабатывающаго 26 шил. въ недѣлю. Хотя эта семья болѣе обезпечена, чѣмъ семья А. В., но и она всетаки принадлежитъ къ болѣе бѣдной части рабочаго населенія. Семья состоитъ изъ мужа, жены и пятерыхъ дѣтей. Недѣля взята наудачу изъ ряда почти неотличающихся одна отъ другой. Недѣльный заработокъ—26 шиллинговъ.

Плата за помѣщеніе (домъ)	5	шил.		
Отоплен. и освѣщеніе (уголь, растопка и керосинъ)	3	„		
Мясо (7 фунтовъ)	3	„	6	пенс.
Мука	2	„	10	„
Рисъ, горохъ, ячная крупа.	—	„	6	„
Чай, сахаръ и т. п.	2	„	5	„
Молоко	1	„	2	„
Сапоги и платье.	2	„	6	„
Страхованіе на случай болѣзни и смерти	1	„	6	„
Мыло, сода и синька.	—	„	$6^1/_2$	„
Разная мелочь	—	„	6	„
Итого	25	шил.	$11^1/_2$	пенс.
Въ остаткѣ	—	„	$^1/_2$	пенса.

Если этотъ бюджетъ распредѣлить на основныя рубрики, то получится такая картина:

Пища	12	шил.	11	пенс.
Помѣщеніе	5	„	—	„
Отопленіе и освѣщеніе. . . .	3	„	—	„
Одежда.	2	„	6	„
Страхованіе	1	„	6	„
На чистку и мытье	—	„	$6^1/_2$	„
Разная мелочь	—	„	6	„

Изъ сравненія бюджетовъ А. В. и С. видно, что въ послѣднемъ семействѣ на пищу уходитъ немного болѣе половины всего заработка хозяина дома, тогда какъ въ первомъ, гдѣ заработокъ главы дома меньше, на пищу уходитъ немного менѣе половины. Это легко объясняется сравнительной многочисленностью семьи С. Она принуждена экономить на помѣщеніи и тратитъ на него только 5 шил., т.-е меньше, чѣмъ семья А. В., состоящая изъ трехъ человѣкъ.

Имѣя пять человѣкъ дѣтей, С. весьма естественно тратитъ гораздо болѣе на страхованіе, чѣмъ А. В. Какъ болѣзнь, такъ и въ особенности смерть хозяина дома поставила бы вдову С. въ еще болѣе критическое положеніе, чѣмъ вдову А. В., у которой осталась бы на рукахъ только дѣвочка-подростокъ.

Вотъ еще примѣръ: бюджетъ рабочей семьи D., состоящей изъ 6 человѣкъ (включая родителей). Заработокъ ея—24 шил. въ недѣлю.

Помѣщеніе	4 шил.	6 пенс.
Провизія (кромѣ мяса)	9 „	6 „
Мясо (8 фунт.)	4 „	— „
Отопленіе и освѣщеніе	2 „	6 „
Страхованіе	1 „	2 „
Неизвѣстно на что	2 „	4 „
Итого	24 шил.	— „

Будучи распредѣленъ по основнымъ статьямъ, этотъ бюджетъ примѣтъ слѣдующій видъ.

Помѣщеніе	4 шил.	6 п.
Пища	13 „	6 „
Отопленіе и освѣщеніе	2 „	6 „
Страхованіе	1 „	2 „
Неизвѣстно на что	2 „	4 „
Итого	24 шил.	— „

Въ только что приведенномъ бюджетѣ требуетъ объясненія графа: „неизвѣстно на что“ (unaccounted for). Въ Англіи,—какъ впрочемъ и вездѣ—мужья обыкновенно отдаютъ женамъ не весь свой заработокъ, а только болѣе или менѣе значительную часть его. Иногда они удерживаютъ такимъ образомъ пустяки — 3, 6, 9 пенсовъ, на табакъ, спички и т. п.; иногда—въ особенности если заработокъ болѣе или менѣе значителенъ—довольно большую сумму, при чемъ женѣ не всегда даже извѣстенъ ея размѣръ или способъ ея употребленія. „Болѣе чѣмъ

въ одной трети домовъ, которые были посѣщены мною или моими помощницами",—говоритъ лэди Белль,—„жены не знаютъ даже, сколько зарабатываютъ ихъ мужья. По общераспространенному взгляду, критерій для сужденія о томъ, можно ли считать того или другого рабочаго „хорошимъ мужемъ", заключается именно въ томъ, какую часть своего заработка онъ отдаетъ женѣ. Во многихъ случаяхъ, когда мужъ отдаетъ женѣ свой заработокъ цѣликомъ, между ними условлено, что извѣстную часть денегъ она должна ему вернуть и онъ можетъ тратить эти деньги какъ ему угодно, безъ контроля или упрековъ жены. Въ первомъ разсмотрѣнномъ нами бюджетѣ A. B. мужъ, какъ мы видѣли, располагаетъ 9 пенсами въ недѣлю на табакъ. Въ бюджетѣ D. два шиллинга и четыре пенса, которые показаны истраченными „неизвѣстно на что", вѣроятно были просто удержаны мужемъ, не давшимъ затѣмъ женѣ никакихъ указаній относительно способа ихъ расходованія". „Мнѣ извѣстно—говоритъ лэди Белль—одно семейство, состоящее изъ мужа, жены, одного ребенка трехъ лѣтъ и другого ребенка, только что родившагося. Мужъ зарабатываетъ 42 шиллинга (21 рубль) въ недѣлю, которые онъ отдаетъ цѣликомъ своей женѣ; послѣдняя въ свою очередь даетъ ему изъ этихъ денегъ 7 шиллинговъ „на прихоти", какъ выражаются они оба (по-англійски — to waste, т.-е. тратить зря, бросать). Изъ болѣе подробныхъ распросовъ выяснилось, что мужъ тратитъ эти деньги на сласти, театръ и такъ-наз. music-hall [1]). Хозяинъ дома въ этой семьѣ—человѣкъ вполнѣ почтенный. По воскресеньямъ (когда театры и другія увеселительныя мѣста закрыты) онъ всегда остается дома, проводя время за чтеніемъ (а не идетъ въ питейныя заведенія, которыя по воскресеньямъ бываютъ открыты, хотя и не все время). Онъ не куритъ и не пьетъ, почему, надо думать, считаетъ себя въ правѣ расходовать одинъ шиллингъ въ день на развлеченія. Другой рабочій, который зарабатываетъ, вѣроятно, отъ 2-хъ до 3-хъ фунтовъ стерл. (отъ 20 до 30 рубл.) въ недѣлю, обыкновенно откладываетъ изъ своего заработка въ особый карманъ 30 шил. (15 руб.), назначая эти деньги женѣ. Онъ выражается по этому поводу такъ: что бы ни было, я откладываю для жены 30 шиллинговъ; затѣмъ уже ея не касается, куда я дѣваю остальныя деньги. Повидимому,—говоритъ лэди Белль—такой образъ дѣйствій удовлетворяетъ ихъ обоихъ. Третій рабочій никогда не говоритъ

[1]) Music-hall—нѣчто въ родѣ кафе-шантана, но безъ элемента цинизма и грубости. Пѣніе и музыка, которыми потѣшаютъ посѣтителей этихъ учрежденій, большею частью вполнѣ невиннаго свойства.

своей женѣ, сколько онъ зарабатываетъ (вѣроятно, около 3 фунт. или 60 шиллинговъ въ недѣлю), и даетъ ей всегда 30 шиллинговъ въ недѣлю на расходы. Онъ вноситъ еженедѣльно 5 шил. въ сберегательную кассу и 9 пенсовъ—въ два общества страхованія отъ болѣзни, но еженедѣльные взносы за страхованіе на случай смерти заставляетъ дѣлать жену изъ ея 30-ти шиллинговъ. „Это она сама должна дѣлать"—говоритъ онъ:—„страхованіе на случай смерти принесетъ пользу ей; ей же, поэтому, слѣдуетъ платить и взносы". Четвертый рабочій, получающій 45 шиллинговъ въ недѣлю, отдаетъ женѣ всѣ деньги. Она ему даетъ шиллингъ въ день въ качествѣ карманныхъ денегъ, которыя онъ тратитъ на сласти и шоколадъ [1]). Она заставляетъ его также платить изъ своихъ карманныхъ денегъ три пенса въ день за выпиваемое имъ пиво, которое она считаетъ излишней роскошью. Вообще, по наблюденіямъ лэди Белль, „когда женщина въ домѣ играетъ господствующую роль, то хотя деньги зарабатываются мужемъ и получаются ею отъ него, удѣляемая ему женою часть ихъ считается какъ бы ея милостью" (a favor). Въ общемъ, какъ думаетъ лэди Белль, такой порядокъ даетъ лучшіе результаты въ смыслѣ разумнаго употребленія денегъ и посильнаго удовлетворенія всѣхъ важнѣйшихъ нуждъ семьи.

Вернемся къ детальному изученію типичныхъ бюджетовъ отдѣльныхъ рабочихъ семействъ.

Вотъ бюджетъ рабочей семьи Е., въ которой имѣется четверо дѣтей. Заработокъ 30 шиллинговъ.

Помѣщеніе	5 шил.	6 пенс.
Отопленіе и освѣщеніе	2 "	9 "
Мясо	3 "	6 "
Въ бакалейную лавку (groceries)	6 "	— "
Мука	3 "	6 "
Картофель	— "	7½ "
Ветчина	1 "	6 "
Молоко	— "	7 "
Яйца	— "	6 "
Платье и обувь	3 "	— "
Страхованіе жизни	— "	9 "
Страхованіе отъ болѣзни	1 "	9 "
Школа [2])	— "	6 "
Итого	30 шил.	5½ п.
Перерасходовано (сверхъ заработка)	— "	5½ "

[1]) Англичане очень любятъ сласти и, въ особенности, шоколадъ. На всякихъ народныхъ гуляньяхъ обязательно продаютъ шоколадъ, охотно покупаемый какъ дѣтьми, такъ и взрослыми.

[2]) Обученіе въ начальныхъ народныхъ школахъ всегда безплатное, но за посѣ-

Тотъ же бюджетъ, сведенный къ основнымъ рубрикамъ:

Помѣщеніе	5 шил.	6 пенс.
Пища	16 „	$2^1/_2$ „
Отопленіе и освѣщеніе.	2 „	9 „
Платье и обувь	3 „	— „
Школа.	— „	6 „
Страхованіе	2 „	6 „

Въ этомъ бюджетѣ болѣе всего поражаетъ значительность расходовъ на страхованіе: на это уходитъ одна двѣнадцатая часть недѣльнаго дохода семьи—$2^1/_2$ шиллинга изъ 30. Нельзя не видѣть въ этомъ серьезнаго доказательства высокой предусмотрительности даже наименѣе обезпеченныхъ англійскихъ рабочихъ.

Заключимъ серію изучаемыхъ нами бюджетовъ рабочихъ семей Мидльсбру еще однимъ.

Семья F., изъ трехъ человѣкъ. Заработокъ — 21 шиллингъ 9 пенсовъ.

Помѣщеніе	5 шил.	— пенс.
Въ бакалейную лавку (grocеries).	10 „	— „
Мясо	— „	9 „
Рыба	— „	3 „
Молоко	— „	7 „
Сладкій хлѣбъ (cakes).	— „	$4^1/_2$ „
Сухари для собаки (dog-biscuits).	— „	$2^1/_2$ „
Уголь	1 „	8 „
Проѣздъ на паромѣ.	— „	$6^1/_2$ „
Карманныя деньги (мужа) . . .	1 „	$2^1/_2$ „
Разная мелочь.	1 „	2 „
Итого	21 шил.	9 пенс.

Всѣ семьи, бюджеты которыхъ мы до сихъ поръ изучали, принадлежатъ къ самымъ бѣднымъ и даже—по англійскому масштабу—къ абсолютно бѣднымъ, т.-е. къ такимъ, которыя почти не въ состояніи удовлетворять въ *должной* мѣрѣ всѣ свои основныя потребности, при вполнѣ разумномъ и цѣлесообразномъ расходованіи своихъ денегъ. Это не значитъ, конечно, чтобы въ Мидльсбру не было семей, испытывающихъ еще большую нужду. Далеко не во всѣхъ семьяхъ имѣются разсчетливыя и разумныя хозяйки; нерѣдко семьи, располагающія нѣсколько

щеніе вечернихъ дополнительныхъ школъ для подростковъ и взрослыхъ взимается небольшая плата. Къ сожалѣнію, лэди Белль не говоритъ, за сколькихъ дѣтей уплачено 6 пенсовъ и какія школы они посѣщали.

большими средствами, живутъ поэтому не лучше, а даже хуже [1]). Не слѣдуетъ забывать также, что среди чернорабочихъ и вообще среди наиболѣе плохо оплачиваемыхъ рабочихъ встрѣчаются чаще, чѣмъ среди лучше поставленныхъ рабочихъ, люди склонные къ злоупотребленію спиртными напитками, къ азартнымъ играмъ и т. п. Часто именно пристрастіе человѣка къ спиртнымъ напиткамъ мѣшаетъ ему получить болѣе отвѣтственную и лучше оплачиваемую работу.

Какъ ни бѣдны семьи, бюджеты которыхъ мы только что изучали, однако каждая изъ нихъ живетъ въ отдѣльномъ домикѣ, всѣ онѣ, хотя изрѣдка, ѣдятъ мясо, всѣ имѣютъ во всякомъ случаѣ вдоволь чаю и сахару, у всѣхъ ихъ находятся деньги для страхованія на случай болѣзни и смерти. Очевидно понятія англичанъ о томъ, что̀ составляетъ „абсолютную" бѣдность, значительно отличаются отъ тѣхъ, которыхъ держимся мы, русскіе.

Одно изъ средствъ, которыя употребляютъ болѣе бѣдныя семьи для увеличенія своихъ денежныхъ средствъ — держанье жильцовъ, обыкновенно — молодыхъ, холостыхъ рабочихъ. По наблюденіямъ лэди Белль, около трети всѣхъ семей рабочаго класса держатъ жильцовъ. Жилецъ платитъ обыкновенно отъ 12 до 15 шиллинговъ, т.-е. 6 — $7^1/_2$ руб. [2]) въ недѣлю: за это ему даютъ помѣщеніе и столъ, а также стираютъ бѣлье. Въ общемъ такой жилецъ даетъ хозяйкѣ около 3 шиллинговъ прибыли въ недѣлю, что̀ составляетъ немаловажное подспорье для нуждающейся семьи.

По словамъ лэди Белль, отношенія между хозяевами и жильцами обыкновенно бываютъ очень хорошія: къ жильцу относятся какъ къ члену семьи, хотя, конечно, присутствіе въ домѣ посторонняго человѣка бываетъ иногда крайне некстати, а иногда ведетъ даже къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ двѣ трети семей рабочаго населенія Мидльсбру, занимая каждая отдѣльный домикъ, жильцовъ не держатъ. Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить

---

[1]) Изъ 900 рабочихъ семей Мидльсбру, изслѣдованныхъ лэди Белль и ея помощницами самымъ обстоятельнымъ образомъ, около трети оказались терпящими нужду: изъ нихъ 125 семействъ терпятъ нужду исключительно вслѣдствіе недостаточности средствъ и изъ бѣдности, такъ сказать, не выходятъ. Остальныя 175 семействъ часто по разнымъ причинамъ оказываются въ большой нуждѣ, но по временамъ живутъ вполнѣ сносно.

[2]) Вспомнимъ, что наше студенчество—даже въ столичныхъ городахъ, гдѣ все такъ дорого — живетъ часто на 30 руб. въ мѣсяцъ. Это какъ нельзя болѣе рѣзко подчеркиваетъ разницу въ уровнѣ потребностей англичанина и русскаго, въ степени комфорта, которымъ привыкъ себя окружать тотъ и другой.

тотъ фактъ, что у насъ весьма часто держатъ жильцовъ даже семьи, принадлежащія къ низшимъ слоямъ *средняго* класса, на что, вообще говоря, почти никогда не идетъ англійская семья соотвѣтственнаго общественнаго положенія. Въ рабочей же средѣ у насъ, если имѣть въ виду города съ 80.000 или 100.000-нымъ населеніемъ, жильцами въ чужихъ квартирахъ часто являются не только холостые рабочіе, — что понятно, — но даже и цѣлыя семьи съ дѣтьми!! Это фактъ глубоко печальный и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый упрекъ всему нашему общественному укладу...

Ничто, быть можетъ, не показываетъ столь наглядно разницы въ уровнѣ комфорта, которымъ могутъ себя окружать и которымъ дѣйствительно окружаютъ англійскіе и русскіе рабочіе, какъ то обстоятельство, что въ англійскихъ рабочихъ семьяхъ можно нерѣдко найти фисгармонію или піанино, пріобрѣтаемыя въ разсрочку. Имѣть въ гостиной фисгармонію или піанино считается въ англійской рабочей средѣ своего рода хорошимъ тономъ. Лэди Белль находила иногда піанино и въ такихъ семьяхъ рабочаго класса, гдѣ, какъ ей было хорошо извѣстно, никто не умѣлъ играть. На выраженіе ея удивленія ей отвѣчали: „о, піанино у насъ не для игры, а для обстановки". Конечно, это фактъ исключительный, и мы на него указываемъ лишь для ознакомленія съ тѣмъ, что между хорошо оплачиваемой частью англійскихъ рабочихъ считается „прилично" обставленной гостиной. Англичане, особенно въ сѣверной части страны, очень любятъ музыку, хорошо ее понимаютъ и часто играютъ на разныхъ инструментахъ. Лэди Белль разсказываетъ объ одной семьѣ, гдѣ старшая дочь хорошо поетъ, имѣя пріятное сопрано. По возвращеніи съ работы, отецъ ея—по профессіи кузнецъ—садится обыкновенно за фисгармонію и аккомпанируетъ пѣнію дочери. Въ безплатныхъ народныхъ библіотекахъ имѣется иногда довольно большой выборъ нотъ. Мы видѣли тамъ ноты для фортепіано, но, быть можетъ, были ноты и для игры на другихъ инструментахъ. А у насъ далеко не рѣдкость семьи средняго круга, гдѣ не имѣется никакого музыкальнаго инструмента, такъ какъ пріобрѣтеніе его оказывается не по средствамъ. Что же касается рабочихъ классовъ, то у насъ пока имъ доступны только гармоніи и балалайки.

Желаніе характеризовать обычный уровень комфорта домашней обстановки рабочаго населенія Мидльсбру и Англіи вообще заставило насъ сдѣлать отступленіе въ сторону музыки. Лэди Белль вообще подчеркиваетъ стремленіе англичанокъ рабочаго класса къ возможно лучшему украшенію своего дома, къ

возможно болѣе удобной и даже изящной домашней обстановкѣ. Онѣ подражаютъ въ этомъ отношеніи классамъ болѣе обезпеченнымъ, которые по удобству, комфорту и изяществу своихъ жилищъ превосходятъ соотвѣтственные классы континентальной Европы вообще и Россіи въ особенности. Указанное стремленіе англичанокъ рабочаго класса, заходящее иногда даже слишкомъ далеко, тѣмъ легче находитъ удовлетвореніе, что къ услугамъ хозяекъ всегда имѣется масса лицъ, объѣзжающихъ и обходящихъ улицы, занятыя семьями рабочаго класса, и предлагающихъ покупку въ разсрочку тѣхъ или иныхъ предметовъ домашней обстановки. Лэди Белль относится весьма снисходительно къ проявляемой при этомъ слабости женщинъ рабочаго класса: вѣдь все, что придаетъ дому удобство, комфортъ, изящество, дѣлаетъ его болѣе привлекательнымъ, болѣе дорогимъ для всѣхъ членовъ семьи и, слѣдовательно, служитъ для нея лишнимъ соединительнымъ звеномъ. Изъ такого дома хозяинъ не такъ охотно уйдетъ искать отдыха и развлеченій на улицу или въ кабакъ.

Какъ ни важенъ, однако, вопросъ о комфортѣ, который находитъ рабочій, возвратясь домой съ завода, еще важнѣе для него вопросъ о томъ обѣдѣ, который его дома ждетъ, какъ и вообще вопросъ о питаніи. Мы только что говорили, какъ хороша иногда бываетъ домашняя обстановка у наиболѣе высоко оплачиваемыхъ рабочихъ; посмотримъ теперь, какъ питаются рабочіе, не принадлежащіе къ числу самыхъ бѣдныхъ. Первый завтракъ (breakfast) одной семьи, которую посѣтила лэди Белль, состоялъ изъ холодной ветчины, сыра, сладкихъ пирожковъ, масла, хлѣба и такъ назыв. въ Англіи „мармелада“ (родъ померанцеваго варенья). Эта семья располагала на всѣ свои нужды 30—36 шиллингами (15—17½ рублей) въ недѣлю и, не смотря на нѣкоторую безпорядочность хозяйки дома, жила, повидимому, вполнѣ безбѣдно, хотя ей иногда было трудновато сводить концы съ концами.

Матеріальный достатокъ этой семьи какъ разъ соотвѣтствуетъ среднему заработку рабочихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ Мидльсбру и среднему недѣльному доходу рабочей семьи въ Іоркѣ. Иначе сказать—это всетаки рабочая семья не болѣе какъ средняго достатка. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что англичане, вообще говоря, ѣдятъ основательно сразу же послѣ того, какъ встанутъ съ постели. Въ семьяхъ достаточныхъ классовъ первая утренняя ѣда состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ холодныхъ блюдъ и одного горячаго; кромѣ того подаютъ чай, варенье, масло и сыръ.

Уходя на работу, рабочій, живущій съ извѣстнымъ достаткомъ, беретъ съ собой холодное мясо или ветчину и чай съ сахаромъ; болѣе бѣдный рабочій беретъ съ собой хлѣбъ съ масломъ и сыромъ и чай съ сахаромъ. Если рабочій находится въ такой смѣнѣ, что имѣетъ возможность позавтракать утромъ дома, онъ получаетъ обыкновенно къ завтраку хлѣбъ съ масломъ, мясные консервы и яйца или ветчину. За обѣдомъ всякій рабочій, если онъ не принадлежитъ къ наиболѣе бѣднымъ (какъ тѣ рабочія семьи, бюджеты которыхъ мы привели выше), имѣетъ горячее мясное блюдо — говядину, баранину или свинину. Если рабочему предстоитъ ночная смѣна, то въ 10-ть часовъ вечера онъ ужинаетъ, имѣя часто, если онъ не принадлежитъ къ болѣе бѣднымъ, одно горячее блюдо.

Нѣмецкій рабочій, эмигрировавшій изъ Германіи, поступилъ рабочимъ на одинъ изъ горныхъ заводовъ близъ Ньюкэстля. Вотъ какъ онъ описывалъ, корреспондируя въ дрезденскую газету „Volkswohl“, обычное питаніе горныхъ рабочихъ этой части Англіи (гдѣ находятся Мидльсбру и Іоркъ): „Горнорабочій встаетъ около восьми часовъ утра и завтракаетъ ветчиной или холоднымъ мясомъ, съ парой яицъ, хлѣбомъ и чаемъ. Онъ беретъ съ собой ломтя два хлѣба съ мясомъ или сыромъ. Когда въ четыре часа дня оканчивается срокъ работы его смѣны, онъ обѣдаетъ дома жаренымъ мясомъ и пуддингомъ, или супомъ и яйцами, или холоднымъ мясомъ. За ужиномъ рабочій имѣетъ хлѣбъ съ сыромъ или мясомъ и чай, при чемъ родъ мяса изо дня въ день мѣняется“ [1]).

Въ объясненіе этихъ словъ, могущихъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе у нашихъ читателей, мы считаемъ нелишнимъ сказать, что трудъ горнорабочихъ въ Англіи оплачивается, вообще говоря, особенно хорошо, при чемъ нѣкоторыя категоріи горнорабочихъ нортумберландскаго (гдѣ находится Ньюкэстль) и дергамскаго каменноугольныхъ бассейновъ имѣютъ рабочій день, продолжающійся только семь часовъ. Этимъ объясняется возможность столь поздняго вставанья даже для тѣхъ, кто работаетъ въ дневной смѣнѣ.

Съ питаніемъ рабочихъ, не особенно достаточныхъ, въ Іоркѣ подробно знакомитъ А. Раунтри. Вотъ семья, состоящая изъ отца (полировщика), 35-ти лѣтъ, матери 33-хъ лѣтъ, двухъ мальчиковъ 12-ти и 8-ми лѣтъ и дѣвочки 5-ти лѣтъ. Недѣльный

[1]) Эти письма нѣмецкаго рабочаго были изданы отдѣльной книжкой, съ предисловіемъ проф. Бемерта. Мы цитируемъ по англійскому переводу этой книги: „How English workmen live, by a German coalminer“ (Лондонъ, 1899).

доходъ семьи—25 шиллинговъ, т.-е. значительно меньше средняго недѣльнаго дохода рабочей семьи города Іорка. Въ пятницу хозяйка купила полфунта бифштекса—6 пенсовъ, фунтъ луку—пенсъ, фунтъ сахара—2 пенса, четверть фунта сыра—2 пенса, четверть фунта мясныхъ консервовъ—1½ пенса, чаю на полтора пенса, полфунта ветчины—3½ пенса. Самыя важныя покупки произведены, однако, въ субботу, а именно: три фунта варенья—10½ пенсовъ, 4 фунта говядины—2½ шиллинга, полфунта чая—1 шиллингъ 1 пенсъ, 6 фунтовъ сахара—1 шиллингъ, дрожжей на два пенса, фунтъ сала—6 пенсовъ, 15 фунтовъ картофеля молодого и стараго—9 пенсовъ, капусты на полтора пенса, уксусу на 2 пенса, перцу на одинъ пенсъ, фунтъ мыла—2½ пенса, ваксы на пенсъ, фунтъ изюму—5 пенсовъ, полфунта жиру—3 пенса, 30 фунтовъ муки—2 шиллинга 8 пенсовъ. Кромѣ того, въ субботу же заплачено за молоко, доставленное семьѣ въ теченіе недѣли, 10½ пенсовъ, за страхованіе на случай болѣзни или смерти—2 шиллинга 3 пенса, и куплено газетъ или книгъ на 3 пенса. Въ понедѣльникъ хозяйка внесла квартирную плату за двѣ недѣли—8½ шиллинговъ—и купила четверть фунта сыра за 2 пенса. Во вторникъ уплачено за починку сапогъ 2½ шиллинга. Итакъ, главныя свои закупки хозяйка дѣлаетъ по субботамъ, пользуясь при этомъ главнымъ образомъ лавкой потребительнаго общества, гдѣ хозяинъ дома состоитъ членомъ.

Въ общемъ въ теченіе трехъ недѣль полировщикъ заработалъ не 75 шиллинговъ, какъ слѣдовало бы ожидать судя по указанному выше размѣру его недѣльной заработной платы (25 шил.), а только 70 шил. 1 пенсъ, т.-е. почти на пять шиллинговъ менѣе. Это объясняется тѣмъ, что однажды онъ остался безъ работы. Въ теченіе тѣхъ же трехъ недѣль хозяйкой было истрачено 71 шил. 10¼ пенсовъ, т.-е. немного менѣе нормальнаго заработка мужа и почти на два шиллинга больше, чѣмъ фактически заработалъ въ эти три недѣли мужъ.

По главнымъ своимъ статьямъ трехнедѣльный бюджетъ этой семьи распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Пища и питье	40 шил.	7¼ пенс.
Помѣщеніе	12 „	9 „
Отопленіе (уголь и растопка)	4 „	4 „
Платье	2 „	8 „
Обувь	4 „	— „
Страхованіе	4 „	9 „
Мыло	1 „	—½ „
Газеты (papers)	— „	9 „
Мелочь	— „	11½ „
Итого	71 шил.	10¼ пенс.

А. Раунтри подвергъ тщательному изслѣдованію вопросъ о степени питательности пищевыхъ продуктовъ, потребляемыхъ нѣкоторыми семьями рабочаго населенія Іорка, располагающими на всѣ свои нужды въ теченіе недѣли не болѣе какъ 26 шиллингами, т.-е. 13 рублями. При этомъ приняты во вниманіе изслѣдованія о питательности разнаго рода пищи, произведенныя въ Европѣ и Америкѣ [1]). Въ концѣ концовъ Раунтри пришелъ къ тому печальному выводу, что питаніе всѣхъ такихъ семей неудовлетворительно: оно не восполняетъ всѣхъ тратъ организма, будучи въ общемъ на одну шестую (17%) ниже нормальныхъ требованій организма. „Между тѣмъ — говоритъ Раунтри — семьи, бюджеты которыхъ подверглись нашему изученію, принадлежатъ къ добропорядочнымъ, почтеннымъ (respectable) представителямъ рабочихъ классовъ, фактически ничего не тратящимъ на спиртные напитки. Если, такимъ образомъ, даже семьи трезвыхъ и трудолюбивыхъ рабочихъ имѣютъ возможность потреблять лишь около трехъ четвертей того количества [2]) пищевыхъ продуктовъ, которое необходимо для сохраненія силы и здоровья, то можно себѣ представить, каково должно быть питаніе рабочихъ семей, располагающихъ столь же незначительнымъ доходомъ и въ то же время тратящихъ часть его на спиртные напитки. Раунтри приходитъ къ заключенію, что у рабочихъ семей, располагающихъ доходомъ не свыше 26 шиллинговъ въ недѣлю, не можетъ оставаться свободныхъ денегъ не только на спиртные напитки, но даже и на сбереженія: послѣднія возможны лишь въ ущербъ питанію.

Если таково заключеніе Раунтри — или, вѣрнѣе, физіологіи человѣческаго организма, — относительно питанія болѣе бѣдной части англійскихъ рабочихъ, то что же слѣдовало бы сказать о питаніи рабочаго класса и вообще всей народной массы въ Россіи? О томъ приговорѣ, который выноситъ физіологія этому питанію, краснорѣчиво говоритъ относительная смертность населенія Англіи и Россіи, особенно смертность дѣтей [3]). Разница

---

[1]) Наиболѣе цѣнныя изслѣдованія этого рода произведены въ Сѣверо-Америк. Соединенныхъ Штатахъ и изданы американскимъ министерствомъ земледѣлія. См. соотвѣтственныя указанія въ VIII главѣ труда A. Rowntree: „Poverty“. Если не ошибаемся, недавно на русскомъ языкѣ появилось изложеніе пріемовъ и результатовъ этихъ изслѣдованій, сдѣланное извѣстнымъ (только что скончавшимся) гигіенистомъ докторомъ Смоленскимъ.

[2]) Въ питаніи рабочихъ, какъ это выяснено изслѣдованіями Раунтри, особенно мало азотистыхъ веществъ. Въ этомъ отношеніи оказывается нехватка, превышающая даже четвертую часть (29%) нормы.

[3]) Изъ каждыхъ 10.000 человѣкъ въ Россіи ежегодно умираетъ 348 человѣкъ, въ Англіи—только 189, т.-е. чуть не вдвое менѣе.

между Россіей и Англіей въ этомъ отношеніи не менѣе значительна, чѣмъ та, которая существуетъ и между питаніемъ англійскихъ и русскихъ рабочихъ...

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя данныя, характеризующія домашнюю обстановку той семьи полировщика, недѣльный бюджетъ, питаніе и діэтетику которой мы изложили выше.

Домъ, занимаемый этой семьей, состоитъ изъ трехъ жилыхъ комнатъ и одной темной (scullery), при кухнѣ. Эта комната приспособлена для грязной работы при приготовленіи обѣда и другой пищи, такъ какъ кухня служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жилой комнатой, замѣняя столовую. Впереди дома—небольшой садикъ, отдѣленный отъ улицы деревянной оградой. Лицевая—мы бы сказали: парадная — дверь (front door) открывается прямо въ одну изъ жилыхъ комнатъ. Эта комната—какъ говоритъ Раунтри, изъ книги котораго мы заимствуемъ почти дословно все это описаніе,—красиво и чисто убрана. Между мебелью есть большой комодъ, диванъ (sofa) и качалка. Комната для мытья посуды также безукоризненно чиста: тамъ имѣется кранъ съ проведенной водой и мѣдный котелъ для мытья посуды. Въ этой же комнатѣ имѣется дверь, ведущая во дворъ и служащая, такимъ образомъ, чернымъ ходомъ. Въ домѣ много удобныхъ вещей, сдѣланныхъ хозяиномъ: ящикъ для сапогъ, книжный шкафъ и т. п. Хозяинъ по своей профессіи, въ сущности, плотникъ. Незадолго передъ тѣмъ, какъ Раунтри производилъ свое систематическое изслѣдованіе условій жизни рабочаго населенія Іорка, этотъ плотникъ перенесъ весьма серьезную болѣзнь, оказался вынужденнымъ искать болѣе легкой работы и сталъ полировщикомъ. Вотъ чѣмъ объясняется его весьма скромный, съ точки зрѣнія англичанъ, заработокъ, весьма скудное—съ той же точки зрѣнія—питаніе его семьи, тѣснота и посредственность внутренняго убранства занимаемаго ею дома.

Теперь, когда читатель видѣлъ, какъ живетъ болѣе бѣдная часть рабочаго класса въ Англіи, онъ присоединится, конечно, къ нашему пожеланію, чтобы поскорѣе наступило время, когда у насъ, въ Россіи, станетъ такъ жить хотя бы болѣе обезпеченная часть рабочаго люда.

П. Мижуевъ.

ЭНЕРГЕТИКА и СОЦІОЛОГІЯ

I.

„Энергетическія основы науки о человѣческой культурѣ" (Die energetischen Grundlagen der Kulturwissenschaft, Лейпцигъ, 1909) — подъ этимъ заглавіемъ недавно появилась интересная научная работа, которая даже въ наше время „книжнаго перепроизводства" можетъ привлечь и остановить на себѣ вниманіе не однихъ только профессіональныхъ соціологовъ или философовъ. Выставленные въ этой книгѣ тезисы заслуживаютъ серьезнаго, всесторонняго обсужденія.

Авторъ книги, Вильгельмъ Оствальдъ, принадлежитъ къ группѣ ученыхъ, въ которой выдаются имена Маха, Дюгема, Лебона, Пуанкаре, и которая хотя, можетъ быть, и не произвела переворота въ современной физикѣ,—какъ о томъ возвѣщали слишкомъ восторженные поклонники, — однако внесла глубокія измѣненія въ современное пониманіе истинной природы *вещества* и *силы*. Къ тому же нѣкоторые изъ поименованныхъ естествоиспытателей — преимущественно Оствальдъ и Махъ,— подпавшіе вліянію одновременно и позитивизма Ог. Конта, и критицизма Канта (чрезъ посредство ублюдочной философіи или теоріи познаванія, восходящей къ Авенаріусу и извѣстной подъ именемъ эмпиріокритицизма), неоднократно выступали въ печати съ оригинальными трудами по важнѣйшимъ вопросамъ общей логики и научной методологіи. Такимъ образомъ, на смѣлую попытку Оствальда разрѣшить назрѣвшую къ нашему времени задачу научнаго обоснованія соціологіи едва ли можно смотрѣть какъ на вторженіе натуралиста въ чуждую для него сферу.

Затѣмъ, оставимъ ли мы новой наукѣ имя соціологіи, ставшее классическимъ со времени Ог. Конта, или назовемъ ее, вмѣстѣ съ Оствальдомъ, наукою о человѣческой культурѣ — дѣло отъ этого нимало, конечно, не измѣнится. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ исчерпывающимъ объектомъ изслѣдованій соціолога неизмѣнно явятся однѣ и тѣ же исторически сложившіяся формы цивилизаціи.

Но что такое та „энергетика", которую Оствальдъ пытается превратить въ точку исхода и реальную основу молодой науки объ обществѣ?

Въ прежнее время господствовало твердое убѣжденіе, что человѣческій разумъ и его логическіе законы или нормы составляютъ нѣчто глубоко отличное отъ явленій и законовъ, изучаемыхъ физикой, химіей, біологіей и, наконецъ, соціологіей. Всѣ сходились въ мнѣніи, что между логикой разума и логикой природы существуетъ огромный пробѣлъ, перерывъ, непроходимая пропасть (агностическая теорія міра). Теперь относительно правильности такого взгляда уже возникли сомнѣнія, и даже болѣе чѣмъ сомнѣнія.

Въ глазахъ новѣйшихъ теоретиковъ познаванія, логика и ея законы разсматриваются какъ самый общій результатъ безчисленныхъ опытовъ, положительныхъ и отрицательныхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ непрерывному, постоянному, не прекращающемуся вслѣдствіе простой смѣны поколѣній сотрудничеству болѣе или менѣе обширныхъ общественныхъ группъ или союзовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ доступныя намъ явленія окончательно распредѣлились на три великихъ класса или разряда (неорганическій или механическій міръ, органическая или живая природа и надорганическій или разумный міръ), стало очевиднымъ, что и соборные или коллективные опыты человѣчества, облекающіеся въ конкретную форму личныхъ или индивидуальныхъ переживаній, могутъ быть только или физико-химическими, или біологическими, или общественными. Другими словами, они всегда являются опытами, заключенными въ тѣсныя рамки той или другой области отвлеченнаго знанія (отъ котораго производятся и всѣ виды знанія конкретнаго, образуемаго различными сочетаніями наиболѣе элементарныхъ свойствъ въ природѣ.

Но если это такъ, то не вынуждены ли мы придти къ выводу, что логическія нормы представляютъ собою то, что есть общаго (тождественнаго или кажущагося намъ таковымъ) во всѣхъ только что указанныхъ сферахъ человѣческой мысли? И

не потому ли именно, что логика обращена, и въ той мѣрѣ, въ какой она обращена на существенныя, основныя черты всякаго опыта и всякаго знанія, она и остается въ нашихъ глазахъ всегда одной и той же, не подвергаясь никакимъ колебаніямъ и измѣненіямъ? На самомъ дѣлѣ, однако, подобно всякому другому естественному явленію, и логика подчиняется общимъ законамъ эволюціи: и она развивается, принимая въ различныя эпохи различныя формы. Всякое глубокое измѣненіе, всякая существенная поправка, внесенная въ данныя опыта или въ общіе результаты знанія, отзывается и даетъ себя чувствовать—совершенно независимо отъ того, замѣчаемъ ли мы это, или нѣтъ—въ предѣлахъ логики, въ области, представляющейся намъ чѣмъ-то разъ навсегда опредѣленнымъ и законченнымъ.

Постараемся ближе пояснить нашу мысль. Конечно, законы тяготѣнія, теплоты, свѣта, химическаго сродства, законы жизни, законы психическаго взаимодѣйствія въ общественной средѣ, а слѣдовательно, и законы логики необходимо мыслятся нами какъ неизмѣнные сами по себѣ или по своей природѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разумъ нашъ охотно признаетъ, что и его опытъ, и его знанія могутъ простираться отъ нуля до безконечности, что и тотъ, и другія безпрестанно растутъ, развиваются, дополняются, совершенствуются. Никто этого не оспариваетъ. А съ другой стороны, вѣдь наше пониманіе естественныхъ законовъ и сами эти законы—*для насъ*—рѣшительно одно и то же: это всегда было такъ и иначе быть не можетъ. И потому всякое измѣненіе въ формѣ, во внѣшнемъ обликѣ или во внутреннемъ смыслѣ и содержаніи первой части такого уравненія необходимо предполагаетъ и влечетъ за собою соотвѣтствующую перемѣну въ формѣ, въ обликѣ или въ значеніи и второй половины его. Въ различныя эпохи мы влагаемъ неодинаковое содержаніе въ одни и тѣ же законы природы и формулируемъ ихъ различно (всего чаще—объединяя ихъ, сводя ихъ къ еще болѣе общимъ законамъ).

Вернемся къ энергетикѣ. Если, съ одной стороны, наши переживанія и знанія физическія, химическія и біологическія, а съ другой—наши переживанія и знанія общественныя, отмѣченныя раціональнымъ характеромъ и имѣющія своимъ непосредственнымъ объектомъ переживанія и знанія перваго рода, если все это находится въ процессѣ постояннаго измѣненія, то и такъ называемая логика или совокупность законовъ существованія и развитія, обнимающая всѣ безъ исключенія спеціальныя категоріи опыта и знанія, должна, въ свою очередь, видоизмѣ-

няться и развиваться. Такая эволюція будетъ, разумѣется, менѣе замѣтной и болѣе длительной, чѣмъ эволюція спеціальныхъ отдѣловъ опытнаго знанія; но ее, тѣмъ не менѣе, можно будетъ и распознать, и констатировать.

Энергетическая теорія является, въ нашихъ глазахъ, самымъ недавнимъ подтвержденіемъ того трансформизма, тѣхъ превращеній, которыя испытываетъ, съ теченіемъ времени, общая или обычная логика. Энергетика есть не что иное, какъ развитіе, пріумноженіе, обогащеніе и въ то же время, можетъ быть, новая и болѣе точная формулировка той общей методологіи, которая захватываетъ всѣ области опыта и знанія, которая не носитъ ни исключительно физическаго, ни спеціально химическаго, біологическаго или соціологическаго характера, но имѣетъ универсальное значеніе и примѣнима ко всѣмъ наукамъ безразлично. Правда, развитіе это могло осуществиться, энергетика могла превратиться въ стройную теорію познанія лишь благодаря огромнымъ успѣхамъ, достигнутымъ разумомъ человѣка въ дольше всего обрабатывавшейся и наиболѣе подвинувшейся впередъ области опыта и знанія: въ физикѣ или въ механикѣ, въ строгомъ смыслѣ слова. Но не то же ли самое было и съ первоначальными, наиболѣе древними формами обычной логики? Развѣ онѣ не развились и не расцвѣли подъ непосредственнымъ вліяніемъ самыхъ раннихъ „количественныхъ“ опытовъ и въ тѣсномъ союзѣ съ первыми математическими знаніями?

Какъ бы то ни было, энергетика — которая скорѣе дополняетъ собою общую логику, чѣмъ замѣняетъ ее—очень быстро перешла изъ физики, гдѣ она первоначально зародилась, во всѣ другія области опыта и знанія: въ химію, гдѣ она значительно окрѣпла, въ біологію, которую она завоевала безъ труда, и наконецъ въ соціологію, которую она собирается преобразовать на одинаковыхъ со всѣми другими естественными науками началахъ.

Итакъ, *энергетическія* основы соціологіи являются, на самомъ дѣлѣ, лишь *логическими* основами этой науки, но выраженными въ новыхъ терминахъ, точность и опредѣленность которыхъ—если признать за ними, въ данномъ случаѣ, эти свойства—объясняются главнымъ образомъ продолжительнымъ примѣненіемъ обычныхъ логическихъ нормъ и законовъ къ изслѣдованію наиболѣе общихъ и простыхъ явленій.

Понятая такимъ образомъ, энергетика перестаетъ быть мало осмысленнымъ переносомъ спеціальныхъ законовъ физики и химіи въ область общественныхъ фактовъ, или методологической ошиб-

кой, которую можно назвать *физико-химизмомъ*; она перестаетъ быть и попыткой свести конкретныя соціальныя явленія къ ихъ органическимъ корнямъ и составнымъ элементамъ, съ полнымъ выключеніемъ надорганическаго фактора, или методологической ошибкой, которую можно назвать *біологизмомъ*. Обѣ эти ошибочныя точки зрѣнія одинаково приводятъ къ отрицанію всякой автономіи у ряда наукъ общественныхъ или наукъ человѣческаго духа.

Энергетика не отвергаетъ специфической природы общественнаго или „разумнаго“ явленія; наоборотъ, она признаетъ эту особую природу на томъ же основаніи, на которомъ она признаетъ „специфичность“ явленій жизни, явленій химическихъ и разнообразныхъ видовъ физической энергіи. Но, подобно логикѣ, изъ которой она сама вырабатывается и которой она лишь придаетъ новую, „количественную“ форму, энергетика, сверхъ того, утверждаетъ, что выставляемые ею общіе законы одинаково управляютъ всѣми указанными сейчасъ обширными разрядами явленій.

Энергетика, такимъ образомъ, пополняетъ и исправляетъ главные недочеты, свойственные узкимъ и исключительнымъ точкамъ зрѣнія „физикохимизма“ и „біологизма“. Она раскрываетъ и обнаруживаетъ все то, что въ этихъ направленіяхъ имѣетъ прямое касательство къ *знанію вообще*—и тѣмъ самымъ она помогаетъ намъ встать уже на *общественную*, по существу своему, точку зрѣнія.

Не будучи ни физико-химическимъ, ни біологическимъ объясненіемъ обширной области опыта, энергетика, подобно логикѣ и теоріи познанія, является, скорѣе всего, соціологическимъ пониманіемъ полнаго цикла человѣческихъ знаній. Порожденная тщательнымъ наблюденіемъ *соціальнаго факта познанія* въ той области опыта, гдѣ фактъ этотъ достигъ относительно высшей точки развитія—въ физикѣ, энергетическая теорія не замедлила проникнуть и во всѣ другія отрасли знанія, въ томъ числѣ и въ науки общественныя, у которыхъ она, между прочимъ, заимствовала свойственное ей „телеологическое“ направленіе и „экономическую“ терминологію. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ даже тогда, когда она являлась замкнутой въ предѣлахъ одной физики, энергетическая теорія стремилась не къ спеціальному познанію физическихъ свойствъ вещества или того, что дифференцируетъ физическій видъ энергіи отъ всѣхъ остальныхъ, а къ общему познанію этого вида, т.-е. къ познанію того, что сближало данную форму энергіи со всѣми другими:

съ энергіей жизненной и съ энергіей надорганической или общественной [1]).

Отношенія между силами или энергіями—вотъ единственное содержаніе всякаго человѣческаго знанія. И вотъ почему концептъ „энергіи“ такъ легко и скоро вытѣснилъ собою въ современной наукѣ концептъ *субстанціи* или *бытія*, который, по правдѣ сказать, является полнѣйшимъ его синонимомъ, совершенно равнозначнымъ понятіемъ, всегда служившимъ для выраженія главнаго признака, основного качества всякой энергіи, именно—свойства ея существовать, сохраняться въ цѣлости, не смотря на многочисленныя внѣшнія измѣненія или видимыя превращенія.

Далѣе, если, съ одной стороны, концептъ энергіи означаетъ то же, что и концептъ субстанціи, то, съ другой, онъ можетъ, и часто съ большою пользою, замѣнить собою въ нашихъ логическихъ построеніяхъ концептъ *причины* или, говоря языкомъ Канта, категорію причинности. Дѣйствительно, стоитъ только разсматривать сохраняющуюся энергію какъ основное условіе всего происходящаго въ мірѣ, чтобы тотчасъ же признать за законами энергетики значеніе особаго развитія или новой формулировки всеобщихъ законовъ причинности.

Но чѣмъ вызывается и оправдывается такое „новшество“? И въ силу какой телеологической или цѣлесообразной аргументаціи готовы мы отдать ему предпочтеніе, признать извѣстное превосходство его надъ болѣе старыми логическими формами и терминами, которые, въ сущности, оказывали намъ тѣ же услуги? Недостаточно сказать, вмѣстѣ съ Оствальдомъ, что „всякое явленіе и всякое происшествіе въ мірѣ можетъ быть выражено въ энергетическихъ терминахъ“; надо еще убѣдиться, что такая формулировка является въ наукѣ шагомъ впередъ, что она приближаетъ насъ къ болѣе ясному и точному пониманію вещей, что она представляетъ извѣстныя выгоды, сначала съ точки зрѣнія чистой теоріи, а затѣмъ, рано или поздно, и съ точки зрѣнія своего практическаго приложенія къ нашимъ потребностямъ и нуждамъ.

Слѣдуетъ отдать справедливость Оствальду: онъ прекрасно понялъ истинные характеръ и значеніе предлагаемой имъ замѣны нѣкоторыхъ старыхъ логическихъ терминовъ новыми,

---

[1]) На сколько это вѣрно, можно судить по тому, что энергетическая терминологія—которая, къ слову сказать, находится еще въ процессѣ образованія—до сихъ поръ постоянно заимствовала руководящія понятія свои у общественныхъ наукъ и преимущественно у политической экономіи (цѣнность, полезность, работа и т. п.).

энергетическими. Онъ видитъ въ этой замѣнѣ прогрессъ *концептуальный*, строго логическій. „Всѣ представители прежнихъ взглядовъ—говоритъ онъ—постоянно утверждали, что *вещество* и *сила* образуютъ двѣ „сущности", которыя хотя и отличаются между собой кореннымъ образомъ, однако не могутъ встрѣчаться въ дѣйствительности одна безъ другой: единство міра казалось всегда и всѣмъ равнодѣйствующей, искусственно выведенной изъ этихъ двухъ элементарныхъ понятій. Но такимъ образомъ обнаруживалось рѣзкое несовершенство въ логическомъ ходѣ мысли, которая, съ одной стороны, была безсильна отдѣлить другъ отъ друга эти два элемента, а съ другой—не умѣла и слить ихъ въ единый концептъ. И происходило это оттого, что въ теченіе многихъ вѣковъ люди думали, что вещество и сила не имѣютъ между собою ничего общаго. Концептъ энергіи въ настоящее время „снимаетъ" эту антиномію, разрѣшаетъ древнюю проблему: ибо онъ одинаково приложимъ и къ идеѣ вещества, и къ идеѣ силы, и сразу покрываетъ собою оба понятія".

Оствальдъ замѣчаетъ еще, по тому же поводу, что введеніе во всѣ области опыта и знанія синтетическаго концепта энергіи не только не способствуетъ проникновенію въ нихъ новой метафизической или словесной „сущности", а является обычнымъ или нормальнымъ успѣхомъ ума, вполнѣ схожимъ и однороднымъ съ тѣмъ, который когда-то состоялъ въ сведеніи, напримѣръ, частныхъ понятій о львѣ, лошади, рыбѣ и т. д. къ объединяющей идеѣ животнаго.

Итакъ, повидимому, энергетику слѣдуетъ разсматривать и оцѣнивать какъ дальнѣйшее развитіе общей логики. Это—новый путь, проложенный опытомъ и знаніемъ, путь, ведущій къ единству міра и его явленій въ томъ смыслѣ, какой мы всегда придавали идеѣ единства въ нашихъ философскихъ трудахъ,—именно въ смыслѣ чисто *логическаго или абстрактнаго монизма*. Къ сожалѣнію, послѣдняя черта недостаточно рельефно выступаетъ у Оствальда, который охотно замалчиваетъ ее или оставляетъ въ тѣни, невольно вызывая въ умѣ читателя не совсѣмъ справедливое, можетъ быть, подозрѣніе, что дѣло идетъ у автора о такъ называемомъ *реальномъ*, а въ сущности только *конкретномъ* единствѣ или тожествѣ всѣхъ проявленій міровой энергіи (*трансцендентный монизмъ*) [1].

[1]) А этого почти довольно для возбужденія и другого сомнѣнія: именно, не существуетъ ли между обычной логикой и энергетикой, трактуемой какъ разновидность логики, такой же разницы, какая замѣчается между доброй старой геометріей

Говоря откровенно, намъ вообще кажется, что наклонность если не къ полному смѣшенію, то по меньшей мѣрѣ къ недостаточному различенію абстрактнаго отъ конкретнаго—это старое наслѣдство, этотъ пережитокъ всего научнаго и философскаго прошедшаго человѣчества—является и у Оствальда, и у большинства современныхъ мыслителей, главной тѣневою стороною самыхъ заманчивыхъ и тонко обдуманныхъ теорій и разсужденій, на которыя, такимъ образомъ, ложится неизгладимая печать эмпиризма. Когда Оствальдъ, напримѣръ, опираясь на извѣстную контовскую схему наукъ, рисуетъ намъ высокую пирамиду человѣческаго знанія, онъ никогда не упускаетъ случая подчеркнуть или ярко отмѣтить, что высшія науки, въ родѣ соціологіи, естественно воспринимаютъ въ себя всѣ руководящія идеи, всѣ основныя начала, уже выработанныя науками низшими. И ему и въ голову не приходитъ, что онъ при этомъ дѣлаетъ скачокъ отъ абстрактнаго къ конкретному, прилагая къ простымъ или элементарнымъ явленіямъ общественности законы сложныхъ или производныхъ историческихъ явленій. Энергетическое пониманіе или толкованіе явленій, носящее во всѣхъ наукахъ (въ физикѣ—не менѣе, чѣмъ въ соціологіи) въ высокой степени отвлеченный характеръ, смѣшивается въ его глазахъ съ другими пониманіями или толкованіями, также отвлеченными, но уже несравненно менѣе общими, имѣющими лишь специфически физическое, химическое, біологическое или соціологическое значеніе. Абстрактное изученіе различныхъ порядковъ явленій не допускаетъ такого пріема—а конкретное изслѣдованіе ихъ рѣшительно не можетъ обойтись безъ него, просто потому, что исходной точкой и основой его является то или другое реальное сочетаніе уже добытыхъ отвлеченнымъ знаніемъ аналитическихъ результатовъ. Конкретный біологическій фактъ всегда неразрывно соединенъ съ тѣмъ, что можетъ быть названо его физическими и химическими предпосылками—данными, являющимися исходной точкой общаго заключенія или вывода, именуемаго чистымъ или отвлеченнымъ *явленіемъ жизни*. А конкретный соціологическій фактъ, или фактъ историческій, всегда представляется въ тѣсномъ

Евклида, геометріей трехъ измѣреній, и воображаемой геометріей Лобачевскаго и другихъ, допускающей 4, 5 или *n*-число измѣреній? Геометрія послѣдняго рода появилась, какъ извѣстно, гораздо позднѣе первой; но какъ бы интересна она ни была сама по себѣ и какой бы свѣтъ она ни проливала на многія задачи, занимающія математика, она всетаки никогда не будетъ въ состояніи ни замѣстить собою обычную геометрію, ни даже нанести ея давнему преобладанію сколько-нибудь чувствительный ущербъ.

союзѣ или неразрывной связи со всѣми его физико-химическими и біологическими предпосылками—данными, служащими опорой другому общему выводу: чистому или отвлеченному *соціальному явленію*. И потому неудивительно, что Оствальдъ, мало озабоченный проведеніемъ точной идеальной границы между отвлеченнымъ явленіемъ и реальнымъ или конкретнымъ фактомъ, сплошь и рядомъ впадаетъ въ смѣшеніе законовъ энергетики, управляющихъ всѣми разрядами явленій безъ исключенія, съ спеціальными законами, либо физики и химіи, либо—и это случай, наиболѣе часто у него встрѣчающійся—біологіи. Такъ напримѣръ, не смотря на порою строгое осужденіе имъ органической школы соціологовъ, усматривающей въ человѣческихъ обществахъ подлинныя живыя существа (приравниваемыя преимущественно къ низшимъ организмамъ), Оствальдъ самъ видитъ въ двухъ основныхъ біологическихъ началахъ: въ спеціализаціи функцій и въ жизненномъ согласованіи (*consensus* частей), двѣ тождественныя формы, въ которыя поочередно облекаются всеобщіе законы энергіи въ области явленій жизни и въ области явленій общественныхъ. Но если и не подлежитъ сомнѣнію, что въ человѣческихъ обществахъ мы встрѣчаемъ и раздѣленіе труда, часто доведенное до крайнихъ предѣловъ, и такое соподчиненіе или взаимную зависимость различныхъ видовъ труда, которыя ярко напоминаютъ собою жизненное согласованіе, то не менѣе вѣрно и то, что въ области біологіи оба эти начала входятъ въ *абстрактную категорію дѣйственныхъ причинъ* длиннаго ряда біологическихъ фактовъ и процессовъ, а въ области соціологіи соотвѣтствующіе факты принадлежатъ уже къ *конкретному разряду слѣдствій* (или такъ называемыхъ конечныхъ причинъ), вызванныхъ неизбѣжнымъ сочетаніемъ факторовъ или причинъ органическихъ съ факторами или причинами чисто общественными. И только одинъ эмпиризмъ, процвѣтающій нынѣ въ общественныхъ знаніяхъ, какъ онъ царилъ нѣкогда въ наиболѣе точныхъ и развитыхъ наукахъ, способенъ принять конечныя причины, конкретныя слѣдствія явленій за ихъ дѣйственныя или абстрактныя причины. Возраженіе наше повѣряется или подтверждается еще и тѣмъ, что оба основныя начала, о которыхъ мы говоримъ, не находятъ себѣ ни малѣйшаго приложенія въ обширной области явленій и процессовъ неорганическихъ, физическихъ или химическихъ, строго, тѣмъ не менѣе, подчиненныхъ всеобщимъ законамъ, управляющимъ различными видами энергіи. Казалось бы, слѣдовательно, болѣе правильнымъ придти къ выводу, что спеціализація отправленій и жи-

зненное согласованіе хотя и представляются специфическими фактами біологіи, однако, становясь предметомъ нашего изученія и знанія, въ свою очередь, естественно подпадаютъ дѣйствію общихъ законовъ человѣческаго ума — и притомъ, безразлично, законовъ логики или законовъ энергетики, — управляющихъ именно явленіями познанія.

II.

Перейдемъ теперь къ бѣглому обзору или даже къ простому перечню весьма небольшого числа законовъ или принциповъ, выставляемыхъ новою, энергетической логикой въ качествѣ всеобщихъ нормъ, примѣнимыхъ къ любому разряду явленій въ природѣ.

Первый законъ, составляющій прочную основу всѣхъ остальныхъ, это—великій законъ *сохраненія энергіи*. Ничто въ мірѣ не исчезаетъ всецѣло и не зарождается въ немъ изъ ничего, но различные виды энергіи постоянно—и притомъ всегда только частично — превращаются одинъ въ другой. Истина эта, которую уже предчувствовали или провидѣли и древніе строители логики, положившіе въ основу ея *начало тожества*, и старыя метафизическія системы (синтезисы неполныхъ и неточныхъ знаній своего времени), выработавшія понятіе о *непреложности бытія*,—истина эта въ настоящее время твердо и безповоротно установлена безчисленнымъ количествомъ физическихъ, химическихъ и біологическихъ опытовъ. А такъ какъ конечный исходъ или результатъ міровой энергіи—*общественность* и обусловливаемая ею *разумность* въ мірѣ (или *міровой разумъ*, если вмѣстѣ съ нами допустить его объективную реальность)—суть не что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только особымъ опытомъ, содержаніе котораго вполнѣ исчерпывается указанными выше физическими, химическими и біологическими переживаніями (или еще особымъ знаніемъ, имѣющимъ своимъ предметомъ не явленія и процессы природы, а познаніе этихъ явленій и процессовъ, разсматриваемое какъ новое явленіе, завершающее собою полный циклъ ихъ), — то, очевидно, и общественность, и вносимая ею въ міръ разумность должны, въ свою очередь, подпасть дѣйствію великаго закона, управляющаго ихъ объектомъ, ихъ внутреннимъ содержаніемъ или ядромъ: всѣми другими формами міровой энергіи, съ которыми постоянно и исключительно имѣетъ дѣло коллективный разумъ человѣчества.

Второй законъ.—Если совокупность или сумма различныхъ видовъ міровой энергіи является величиною постоянною, неизмѣнною, то все, что случается въ мірѣ, все, что въ немъ либо схватывается нашими чувствами, либо познается нашимъ умомъ какъ „перемѣна“, сводится къ переходу одного вида энергіи въ другой видъ. Эти два термина, *превращеніе энергіи* и *явленіе*, представляютъ изъ себя полнѣйшіе и точнѣйшіе синонимы. Но процессъ, превращающій одинъ видъ энергіи въ другой, есть не что иное, какъ понятый самымъ широкимъ образомъ или распространенный на всѣ разряды явленій процессъ *причинности*, давно извѣстный обычной логикѣ и изъ нея цѣликомъ перенесенный въ энергетику. Законъ, управляющій этимъ процессомъ, выраженный въ „энергетическихъ“ терминахъ, гласитъ такъ: данная энергія А никогда не превращается вполнѣ въ другую энергію Б или въ рядъ различныхъ энергій Б, В, Г, Д и т. д. (случай, который въ ходячей логикѣ обозначается какъ *множественность слѣдствій*, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ одной причинѣ), но отъ А всегда остается непревращаемая часть $А'$ (что на языкѣ обыкновенной логики называется непреложностью или *постоянствомъ причины*).

Третій законъ.—Первоначальная энергія А необходимо представляетъ собою величину бо́льшую, чѣмъ производная изъ превращенной части ея и являющаяся ея слѣдствіемъ энергія Б (или еще В, Г, Д и т. д.). Въ обычной логикѣ тотъ же общій законъ находитъ болѣе смутное и неопредѣленное выраженіе въ извѣстномъ тезисѣ, по которому причина всегда содержитъ въ себѣ свои слѣдствія.

Четвертый законъ. — Въ энергетической терминологіи первоначальной энергіи А даютъ названіе необработанной энергіи *(Rohenergie)*, а ея слѣдствію Б—названіе полезной энергіи *(Nutzenergie)*. Такимъ образомъ получается отношеніе $\frac{А}{Б}$, въ которомъ причина А всегда содержитъ въ себѣ свое слѣдствіе Б. Расположенное въ обратномъ порядкѣ членовъ, отношеніе это превращается въ „телеологическое“ или „цѣлеисходное“ отношеніе $\frac{Б}{А}$, которое, по необходимости, является дробью, ибо Б ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть величиной большей чѣмъ А. Уравненіе, изъ котораго извлекаются одинаково и причинное отношеніе $\frac{А}{Б}$ (составляющее предметъ чистаго познанія), и „цѣлеисходное“ или цѣлесообразное отношеніе $\frac{Б}{А}$ (предметъ прикладного знанія, гдѣ, пользуясь языкомъ энергетики, и даютъ ему

еще названіе отношенія, выясняющаго *цѣнность*, придаваемую нами происшедшему превращенію энергіи — *Güteverhältniss*), — это уравненіе, говоримъ мы, формулируется слѣдующимъ образомъ: А = Б (или еще Б + В + Г и т. д.) + А′ (доля непревращенной въ другой видъ первоначальной энергіи). Но не требуется особыхъ усилій, чтобы отыскать въ этомъ уравненіи то самое *отношеніе тожества*, которому обычная логика всегда придавала такое огромное значеніе, хотя довольно рано и привыкла смѣшивать его съ простымъ причиннымъ отношеніемъ $\frac{А}{Б}$ или, что было еще хуже и гораздо менѣе допустимо, съ цѣлеисходнымъ отношеніемъ $\frac{Б}{А}$.

Пятый законъ.—Изъ сказаннаго выше необходимо вытекаетъ слѣдующій выводъ: чѣмъ болѣе увеличивается и растетъ наше знаніе свойствъ А и Б, а слѣдовательно и наше знаніе причиннаго отношенія $\frac{А}{Б}$, тѣмъ болѣе растетъ и увеличивается для насъ возможность вызвать или осуществить, при помощи соотвѣтственныхъ техническихъ изобрѣтеній, извѣстныя условія, въ которыхъ дробь $\frac{Б}{А}$ (отношеніе полезности) будетъ стремиться приблизиться къ единицѣ (хотя никогда не достигнетъ этой величины, никогда не сдѣлается цѣлымъ числомъ: вотъ истинная формула общественнаго прогресса). Выводъ этотъ представляетъ собою новый законъ энергетики (или логики), приложенный ко всѣмъ разрядамъ явленій и ко всѣмъ областямъ знанія: къ механикѣ, гдѣ изобрѣтеніе орудія или машины во много разъ увеличиваетъ, въ дроби $\frac{Б}{А}$, значеніе или цѣнность числителя Б, точно также, какъ къ соціологіи, гдѣ открытіе нравственнаго правила, юридической нормы и т. п. сопровождается совершенно одинаковыми послѣдствіями. Право, судоустройство, администрація, политика, какъ прекрасно доказываетъ Оствальдъ, не преслѣдуютъ иной цѣли, кромѣ сохраненія или сбереженія жизненной или психофизической энергіи, напрасно растрачиваемой въ періодъ господства грубой силы, въ борьбѣ однихъ членовъ общества съ другими,—и кромѣ превращенія этой силы, хотя бы отчасти, въ умственную или культурную энергію, источникъ трудовъ и дѣятельности научной, философской, эстетической и технической.

Вообще говоря, разъ ставши на точку зрѣнія цѣлесообразности, которая, какъ мы увидимъ дальше, является однимъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ, дифференцирующихъ разумъ человѣка отъ ума животныхъ, мы не можемъ не согласиться съ

тѣмъ, что то, что̀ мы зовемъ прогрессомъ, существенно сводится къ успѣшному стремленію увеличить, въ цѣлеисходномъ отношеніи $\frac{Б}{А}$, относительную цѣнность Б. А такъ какъ Б очевидно равно $\frac{Б}{А}$, помноженному на А, то въ послѣдней формулѣ мы имѣемъ *основное уравненіе всякой культуры*, т.-е. настоящаго предмета или содержанія соціологіи. Мы можемъ, исходя отсюда, утверждать, что двѣ цѣли, двѣ параллельныя конечныя причины руководятъ человѣческими обществами, постоянно возбуждая и поддерживая въ нихъ надорганическую, разумную энергію (или, если угодно, движеніе) и препятствуя или противясь, насколько возможно, видимому уничтоженію такой высшей формы міровой энергіи, возврату ея къ низшимъ, органическимъ и физико-химическимъ типамъ.

Мы увидимъ позднѣе, какъ объясняется происхожденіе этой основной оріентировки всякой культуры, или гдѣ надо искать первоначальную причину, вызывающую появленіе въ мірѣ рядомъ съ такъ называемыми матеріальными видами энергіи или вслѣдъ за ними, еще новаго и особаго вида, которому вполнѣ приличествуетъ названіе энергіи разумной, надорганической или общественной. Ограничимся, покамѣсть, указаніемъ на два „цѣлевыхъ“ теченія, обусловливаемыхъ этой единственной причиной. Первое изъ нихъ состоитъ изъ ряда усилій, направленныхъ къ увеличенію въ мірѣ общей суммы А, первоначальной или нетронутой энергіи, усилій, которыя постоянно разбиваются о законъ сохраненія или неизмѣнности энергіи и, поэтому, достигаютъ лишь небольшой части А (называемой физиками — но почему бы и не логиками? — *свободной* или находящейся въ нашемъ распоряженіи энергіей). А второе состоитъ изъ ряда еще болѣе важныхъ, ибо всегда болѣе счастливыхъ или удачныхъ усилій, направленныхъ къ майоризаціи, если можно такъ выразиться, цѣлесообразнаго отношенія цѣнности (Güteverhältniss), т.-е. къ увеличенію дроби $\frac{Б}{А}$.

Шестой законъ.—Увеличеніе—или, въ иныхъ случаяхъ, уменьшеніе — отношенія цѣнности $\frac{Б}{А}$ управляется, въ свою очередь, закономъ, обладающимъ такой же высокой степенью общности или универсальности, какую имѣютъ всѣ логическіе принципы и нормы. Согласно этому началу или закону, для того, чтобы произошло какое-либо превращеніе энергіи, недостаточно простого существованія, голой наличности даннаго вида ея, а необходимо еще, чтобы извѣстное *различіе* (называемое нами *сте-*

пенью напряженности силы), какъ бы незначительно оно ни казалось, могло быть констатировано въ *конкретныхъ* проявленіяхъ данной энеріи (т.-е. въ ея сочетаніяхъ съ другими формами міровой энергіи).

Въ этомъ смыслѣ можно утверждать, что каждый видъ энергіи представляется намъ въ двоякомъ состояніи: въ *покоѣ* или *неподвижности*, какъ *скрытая* энергія, не могущая самопроизвольно, *sponte sua*, превратиться въ другіе виды энергіи—и въ *дѣйствіи* или въ *движеніи*, какъ *свободная* энергія, которая одна только и способна превращаться, которая одна только и вызываетъ въ феноменальномъ мірѣ тѣ или другія перемѣны (или событія). И вотъ, необходимымъ условіемъ для того, чтобы энергія оказалась во второмъ состояніи, чтобы она, такъ сказать, мобилизировалась, перешла отъ покоя къ движенію, является предварительная конкретная дифференціація ея. Условіе это неотвратимо и, подъ страхомъ полной неудачи предпринятаго опыта, никогда не можетъ быть добровольно или сознательно обойдено. Этому закону или всеобщей нормѣ можно дать, безразлично, названіе *дифференціальнаго принципа* или *закона напряженности*. Въ области чистой механики напряженность называется скоростью, въ области физики—еще, сверхъ того, температурой, давленіемъ и т. п., въ химіи—атомическимъ вѣсомъ, въ біологіи—асимиляціей и дезасимиляціей, или еще раздражаемостью, чувствительностью; наконецъ въ соціологіи ей надлежало бы, въ согласіи съ нашимъ основнымъ тезисомъ, именоваться *опытною или сознательною напряженностью*.

Седьмой законъ.—Мобилизированная, въ силу предъидущаго закона, или ставшая подвижною энергія переходитъ въ новые виды энергіи; но это превращеніе необходимо сопряжено съ явленіемъ, которое можно обозначить какъ *разсѣяніе* или *потребленіе* (утрату) свободной энергіи; а потому количество послѣдней въ данной совокупности, въ замкнутой системѣ силъ, не только не можетъ возрасти, но непремѣнно должно понизиться.

Таковы главныя положенія или общіе законы современной энергетики. Приложимы ли они ко всѣмъ извѣстнымъ разрядамъ явленій, повѣряются ли они на самомъ дѣлѣ во всѣхъ областяхъ опыта, доступныхъ разуму и знанію человѣка? Если да, то всякія сомнѣнія отпадаютъ, и мы должны включить указанные выше семь законовъ въ одну категорію съ тѣми, въ которыхъ уже не метафизическая, а „соціологическая" теорія познанія видитъ регулирующія нормы, руководящія начала вся-

каго опыта и всякаго знанія. И энергетика сразу становится добавочной главою, новымъ развитіемъ, позднѣйшимъ или, вѣрнѣе, уже современнымъ намъ расцвѣтомъ обыкновенной логики — главою или отдѣломъ, который отличается отъ другихъ частей логики только тѣмъ, что послѣднія занимаются преимущественно разрѣшеніемъ задачъ, связанныхъ съ категоріями „времени“ и „пространства“ (послѣдовательности и сосуществованія), а первый поглощенъ, главнымъ образомъ, вопросами, связанными съ категоріей „субстанціи“ или „бытія“, понимаемаго какъ сомкнутая цѣпь, какъ полный рядъ различныхъ видовъ міровой энергіи.

Энергетическое объясненіе фактовъ физическихъ, химическихъ и даже біологическихъ слишкомъ хорошо всѣмъ знакомо, чтобы здѣсь предстояла надобность на немъ останавливаться. Заключенная въ этихъ границахъ, вселенная есть міръ энергетическій: мы постигаемъ его какъ неисчерпаемый запасъ — въ которомъ ничто не теряется и ничто не создается—трехъ великихъ видовъ энергіи, признанныхъ до сихъ поръ таковыми: энергіи физической, энергіи химической и энергіи жизненной. На эти виды простирается, въ полномъ своемъ объемѣ, дѣйствіе указанныхъ выше семи общихъ законовъ.

Но сохраняютъ ли послѣдніе одинаковую цѣнность и по отношенію къ обширной группѣ разнообразныхъ и крайне сложныхъ фактовъ, которые противополагались такъ называемымъ вещественнымъ или внѣшнимъ явленіямъ: недавно еще — подъ именемъ явленій невещественныхъ, духовныхъ, внутреннихъ, а нынѣ (послѣ того какъ понятія о вещественности и невещественности, о внѣшнемъ и внутреннемъ подверглись, въ ихъ „сверхотвлеченномъ“ или „абсолютномъ“ смыслѣ, экспериментальному и логическому отожествленію)—подъ именемъ явленій раціональныхъ, цѣлесообразныхъ, фактовъ умственнаго и нравственнаго порядка, фактовъ культуры или, однимъ словомъ, фактовъ общественныхъ? Нѣтъ надобности добавлять, кажется намъ, что въ современномъ пониманіи внутренніе или общественные факты уже болѣе не противопоставляются фактамъ внѣшнимъ или вещественнымъ, а непосредственно связываются съ ними и представляются какъ ихъ неизбѣжное продолженіе и увѣнчаніе.

Другими словами, законы энергетики находятъ-ли такое же опытное подтвержденіе въ области соціологіи, какое они уже нашли въ области біологіи, химіи и физики? Управляютъ ли они міромъ *соціальнымъ* въ той же мѣрѣ, въ какой управляютъ міромъ *асоціальнымъ*. Являются ли они законами всеобъемлющими, дѣйствію которыхъ подпадаютъ всѣ безъ исключенія разновид-

ности опыта и знанія, и представляются ли они, въ этомъ смыслѣ, настоящими логическими нормами человѣческой мысли? И если такъ, то не настало ли время, не наступила ли очевидная необходимость дополнить рядъ трехъ основныхъ видовъ міровой энергіи, уже вполнѣ опредѣлившихся и правильно классифицированныхъ, четвертымъ видомъ—энергіей надорганической, признавъ за нею такой же глубокій смыслъ и такую же логическую квалификацію, какія выпали на долю всѣхъ предъидущихъ видовъ?

Кто знакомъ съ нашими трудами, тотъ знаетъ, что послѣдняя гипотеза была уже выставлена въ соціальной наукѣ. Она тѣсно сплелась съ цѣлымъ рядомъ теорій, образовавшихъ ту „соціологическую систему“, которую мы разрабатываемъ и защищаемъ въ общественно-научной литературѣ въ продолженіе болѣе чѣмъ четверти вѣка. Не въ этомъ, слѣдовательно, заключается новизна или оригинальность попытки, дѣлаемой нынѣ натуралистомъ Оствальдомъ. Но его безспорная и значительная заслуга (которая, сдается намъ, будетъ въ полной мѣрѣ оцѣнена уже въ ближайшемъ будущемъ) состоитъ въ томъ, что онъ первый сталъ искать твердой точки опоры для той же гипотезы въ огромной массѣ фактовъ, управляемымъ и объясняемыхъ во всѣхъ другихъ наукахъ, законами энергетики. Онъ пришелъ, такимъ образомъ, къ мысли о необходимости распространить дѣйствіе этихъ законовъ и на общественныя явленія, и при этомъ показалъ намъ, что подобное распространеніе не только неизбѣжно приводитъ къ принятію или допущенію особаго, новаго вида міровой энергіи, но даже является, въ дѣйствительности, опытной повѣркой именно такого постулата [1]).

Краткое сравненіе двухъ сходящихся въ конечномъ результатѣ попытокъ — Оствальда и нашей собственной — не будетъ здѣсь, смѣемъ думать, безполезнымъ.

Оствальдъ, безъ всякаго сомнѣнія, опирался на множество наблюденій надъ фактами, происходящими въ различныхъ условіяхъ общественной среды, и самъ всесторонне изучилъ, глубоко анализировалъ главнѣйшія событія исторіи. Но и на эти факты, и на эти событія онъ посмотрѣлъ почти исключительно съ точки зрѣнія энергетики, законы которой, какъ мы только что старались выяснить, представляются лишь особымъ и весьма недав-

[1]) Съ искреннимъ удовольствіемъ узнаемъ изъ газетъ, что Оствальдъ получилъ одну изъ главныхъ нобелевскихъ премій за 1909 г., но, очевидно, только за свои химическія работы; открытія въ области соціологіи еще нигдѣ не идутъ въ счетъ и не вѣнчаются приговорами академій и ученыхъ обществъ.

нимъ развитіемъ законовъ общей логики. Такой пріемъ былъ правиленъ, и прибѣгнуть къ нему Оствальдъ имѣлъ полное основаніе.

Съ другой стороны, однако, и нашей попыткѣ можно было бы, кажется, оказать ту же степень довѣрія, допустивъ, что и мы, по мѣрѣ нашихъ слабыхъ силъ, приложили одинаковыя старанія къ наблюденію и анализу возможно большаго числа общественныхъ процессовъ и историческихъ фактовъ. Но и эти процессы, и эти факты были изслѣдованы нами съ помощью и при свѣтѣ однихъ только началъ и законовъ обычной логики. Наша аргументація и наши выводы не имѣли иной руководящей нити; и такой пріемъ, въ свою очередь, былъ правиленъ и основателенъ. Мы, по меньшей мѣрѣ, надѣемся, что насъ никто за него не упрекнетъ.

И что̀ же, въ концѣ концовъ, оказалось? Отправившись отъ наблюденія однихъ и тѣхъ же фактовъ, но подвергнувъ ихъ анализу (а кто говоритъ *анализъ*, говоритъ *отвлеченіе*,—вотъ еще пунктъ, въ которомъ мы вполнѣ сходимся съ Оствальдомъ), анализу, руководимому у одного законами энергетики, у другого—нормами обычной логики, мы оба, въ конечномъ исходѣ, пришли къ однимъ и тѣмъ же существеннымъ заключеніямъ. Пути, по которымъ мы шли, на первый взглядъ, казалось, должны были все болѣе и болѣе отдалять насъ другъ отъ друга; въ дѣйствительности они сближали насъ, ибо пути эти, хотя и были различны, но вели къ одной цѣли. Убѣдиться въ этомъ теперь могутъ всѣ, кто знакомъ или ознакомится, съ одной стороны, съ крайне интересной новой книгой Оствальда, а съ другой—съ нашими скромными изслѣдованіями въ области соціологіи.

Е. де-Роберти.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СПОРЪ
О
СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНѢ

I.

Въ странѣ неограниченныхъ возможностей, какою является современная Россія, по вѣрному замѣчанію генерала, когда-то взявшаго Мукденъ и правившаго цѣлыми областями, возможенъ споръ и о самомъ существованіи такихъ основъ народной жизни, какъ мірская собственность или собственность семейная. Еще недавно г. Никольскій не побоялся сказать въ „Новомъ Времени", что у насъ общинной собственности, строго говоря, нѣтъ, и что со времени выкупа крестьянами своихъ надѣловъ—или освобожденія ихъ отъ дальнѣйшихъ платежей за послѣдніе—на-лицо осталась одна общественная собственность. Что бы подумали французскіе юристы объ однохарактерномъ утвержденіи, что общинныя земли (biens communaux) вдругъ стали нераздѣльнымъ владѣніемъ муниципій (biens des communes)—и что бы о томъ же вопросѣ могли повѣдать ученые юристы Германіи, Швейцаріи, Австріи, Бельгіи, Голландіи, Англіи или Скандинавскаго міра! Въ странѣ неограниченныхъ возможностей возможно и совершенное игнорированіе много десятковъ лѣтъ тянувшагося спора о томъ, подводимо ли общинное землевладѣніе подъ понятіе condominium'а или нѣтъ. Споръ велся и во Франціи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи и всюду былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Это знаютъ всѣ, за исключеніемъ нашихъ законодателей.

Но въ чемъ до послѣднихъ лѣтъ и вершители русскихъ судебъ, повидимому, не сомнѣвались, это то, что въ крестьянскомъ быту, какъ общее правило, и недвижимость, и движимость составляютъ собственность или находятся въ наслѣдственномъ или срочномъ пользованіи (отъ передѣла до передѣла) двора и занимающей его семьи. Въ 1876-мъ году, когда вышла въ свѣтъ моя книга о родѣ и семьѣ, такое положеніе считалось труизмомъ, и сравнительному историку права предстояло только показать одно: что въ этомъ отношеніи крестьянскій обычай не представляетъ ничего исключительнаго, что тѣ же порядки существуютъ у южныхъ славянъ и существовали у западныхъ, что семейная община была извѣстна и древне-греческому, и древне-римскому быту, что о ней говорятъ и древнѣйшіе юридическіе памятники Индіи, что она встрѣчается въ равной мѣрѣ и въ Китаѣ, и у жителей древней Мексики и Перу, что ее надо считать основой быта не однихъ горцевъ нашего Кавказа, но одинаково армянъ и грузинъ, что она не осталась чуждой ни древне-кельтическому праву, въ частности—ирландскому, ни древне-германскому, что въ видѣ исключенія она продолжала держаться и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи до эпохи революціи, напримѣръ, въ Ниверне, и въ испанской Галиціи, что еще въ сороковыхъ годахъ ее наблюдали въ департаментѣ Ніевры, какъ наблюдали и наблюдаютъ еще въ Пенджабѣ или Черногоріи.

Что касается въ частности семейной общины въ Россіи, то русскіе юристы расходились по вопросу, что̀ служитъ ей основаніемъ—кровная ли связь или связь по хозяйству, такъ называемое трудовое начало; расходились также мнѣнія насчетъ ея крѣпости и долговѣчности; но никто не оспаривалъ самаго ея существованія. Не оспаривалъ его, разумѣется, и лучшій знатокъ нашего обычнаго права, Е. И. Якушкинъ, справедливо указавшій, что „выдѣлъ имущества сыновьямъ, помимо воли отца, можетъ быть объясненъ только существованіемъ семейной собственности“. Не оспаривалъ его и Пахманъ, признавшій, что у великорусскихъ крестьянъ „сдѣлки, заключаемыя членами семьи, разсматриваются обыкновенно какъ сдѣлки, заключаемыя отъ имени самой семьи ея домохозяиномъ. Власть отца распоряжаться имуществомъ нерѣдко стѣсняется въ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣйствія или распоряженія клонятся къ упадку хозяйства или къ явной обидѣ тому или другому изъ членовъ семьи. На этомъ основаніи всѣ сдѣлки, ведущія къ разстройству хозяйства, могутъ быть объявлены недѣйствительными и даже повлечь за собою устраненіе отца семьи отъ управленія имуществомъ“. Не сомнѣвались, разумѣется, въ существованіи семейной собственности ни Калачевъ,

еще въ 1859 г. объявившій, что „имущество крестьянина не есть его личная собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи“, ни Оршанскій, ни супруги Ефименко, ни Матвѣевъ, ни Мухинъ, ни Костровъ, ни Дальниченко, ни В. Майковъ. Когда въ сравнительно недавнее время нашелся развязный писатель (г. Лозина-Лозинскій), который свой рефератъ въ юридическомъ обществѣ 13-го января 1900-го года, подъ заглавіемъ: „Крестьянскій дворъ“, отпечаталъ затѣмъ въ „Вѣстникѣ Права“ съ цѣлью оповѣстить міръ насчетъ существованія у нашего крестьянства не дворовой или семейной, а личной собственности, собственности домохозяина, то онъ получилъ такую отповѣдь въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“, которая навсегда должна была бы отнять и не у него одного охоту подвергать сомнѣнію столь несомнѣнный фактъ, какъ тотъ, напримѣръ, что нашъ законодатель говоритъ о личной собственности крестьянскаго двора только съ цѣлью показать, что этотъ дворъ не составляетъ части передѣляемой общинной собственности. Не лишено пикантности то обстоятельство, что походъ противъ г. Лозина-Лозинскаго въ защиту семейной собственности крестьянъ былъ предпринятъ никѣмъ инымъ, какъ г. Лыкошинымъ, нынѣ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ сильно вліяющимъ на направленіе работъ коммиссій Думы и Совѣта, занятыхъ разборомъ законопроекта 9-го ноября о крестьянской собственности. Г. Лыкошинъ напечаталъ въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ за май и іюнь 1900 г. весьма обстоятельную и достойную вниманія статью подъ заглавіемъ: „О семейной собственности у крестьянъ“. Еслибы члены коммиссій получили, въ числѣ другихъ матеріаловъ, долженствующихъ опредѣлить ихъ отношеніе къ семейной собственности, и эту работу г. Лыкошина, они несомнѣнно нашли бы въ ней достаточное основаніе для того, чтобы оспаривать многія изъ заявленій, сдѣланныхъ тѣмъ же г. Лыкошинымъ членамъ нашихъ законодательныхъ палатъ.

Г. Лыкошинъ исчерпалъ въ своихъ двухъ статьяхъ вопросъ о семейной собственности у крестьянъ съ большой полнотой и доказалъ какъ нельзя лучше, что этотъ видъ собственности не можетъ быть подводимъ подъ понятіе condominium'а или общей собственности, такъ какъ „отдѣльные члены семьи не имѣютъ никакого самостоятельнаго, независимаго отъ всей семьи въ ея совокупности, права на ту или другую долю семейнаго имущества, а право собственности на все имущество нераздѣльно принадлежитъ всей семьѣ. При общемъ же правѣ собственности, предусмотрѣнномъ ст. 543—556 т. X ч. I, каждому изъ совмѣст-

ныхъ собственниковъ принадлежитъ въ общемъ имуществѣ опредѣленная доля, которою онъ можетъ свободно распоряжаться и выдѣла которой можетъ требовать" („Журн. Мин. Юст.", 1900 г., № 6, стр. 130).

Г. Лыкошинъ съ большой убѣдительностью показываетъ, что семейная собственность признана у насъ и закономъ, притомъ не только мѣстными положеніями, но и общимъ положеніемъ о выкупѣ, что она признавалась сплошь и рядомъ административной практикой, что существованіе ея одинаково признавали и признаютъ Сенатъ и Государственный Совѣтъ, до котораго однажды доходилъ споръ о томъ, составляетъ ли земля собственность домохозяина или всего двора, всей семьи. Какъ читатель увидитъ, въ рѣшеніи вопроса въ смыслѣ несуществованія семейной общины, въ недавнихъ коммиссіяхъ нашихъ законодательныхъ палатъ дѣятельное участіе приняли представители Малороссіи. Не лишнимъ, поэтому, считаю напомнить, пользуясь работою г. Лыкошина, слѣдующую статью (93) малороссійскаго мѣстнаго положенія: „участки мірской земли, предоставленные въ надѣлъ отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, остаются въ потомственномъ пользованіи сихъ семействъ". Мудрено затѣмъ, повидимому, толковать о томъ, что Малороссіи семейная собственность неизвѣстна, да этому противорѣчитъ прямо и та запись малороссійскаго права, которая сдѣлана была въ гетманство Разумовскаго и которую отпечаталъ впервые покойный профессоръ кіевскаго университета Кистяковскій. Вѣдь основу малороссійскаго права составилъ Литовскій Статутъ, тотъ самый статутъ, который дѣйствовалъ нѣкогда въ литовскихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ въ Виленской, гдѣ еще такъ жива семейная собственность крестьянъ. Литовскому Статуту извѣстно совмѣстное владѣніе сябровъ, т.-е. членовъ большихъ крестьянскихъ семей; слѣды сяброваго владѣнія были найдены въ Малороссіи и проф. Лучицкимъ, въ памятникахъ, восходящихъ къ эпохѣ редактированія „правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ". Нѣтъ ничего мудренаго, поэтому, если семейная собственность удержалась въ равной степени и у малороссовъ, и у бѣлоруссовъ, которымъ въ прошломъ одинаково было извѣстно сябровое владѣніе. Процитировавъ на стр. 120 первой своей статьи о семейной собственности у крестьянъ вышеприведенную ст. 93 мѣстнаго малороссійскаго положенія, г. Лыкошинъ прибавляетъ: „буквально то же повторяютъ мѣстныя положенія юго-западнаго (ст. 87) и сѣверо-западнаго края (ст. 81)". Относительно усадебъ при общинномъ владѣніи — продолжаетъ г. Лыкошинъ, — „ст. 110 великорусс.

мѣстн. пол. прямо постановляетъ: усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства. Самые подворные участки именуются въ мѣстныхъ положеніяхъ семейными (ос. прил. V заглав. отд. 4, разр. I, ст. 37, 93, 94, 96, 97 и др.), а пользованіе ими—семейнымъ пользованіемъ".

Что касается до положенія о выкупѣ и общаго положенія о крестьянахъ, то и въ нихъ, по вѣрному указанію г. Лыкошина, встрѣчаются слова и выраженія, не оставляющія сомнѣнія насчетъ того, что законодатель смотритъ на подворные участки какъ на достояніе крестьянскихъ дворовъ. Такъ напримѣръ, въ ст. 176 пол. о выкупѣ говорится, что отвѣтственность за выкупные платежи лежитъ не только лично на домохозяинѣ, но и на всѣхъ членахъ его семейства; а если такъ, то и право собственности на участокъ—разсуждаетъ нынѣшній товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ—„должно принадлежать сообща всѣмъ его выкупившимъ, т.-е. всему семейству домохозяина" (стр. 121). Статьи 127 и 133 положенія о выкупѣ въ свою очередь допускаютъ нѣчто мыслимое только при семейномъ характерѣ дворовой собственности: вмѣсто неисправнаго хозяина, говорятъ онѣ, можетъ быть назначенъ старшимъ въ домѣ другой членъ той же семьи. Опять-таки никто другой, какъ г. Лыкошинъ, указываетъ на то обстоятельство, что „съ точки зрѣнія семейной собственности такой порядокъ является возможнымъ, ибо и по назначеніи новаго хозяина участокъ продолжаетъ оставаться собственностью той же семьи, получающей лишь новаго главу" (ibid., стр. 122). Въ общемъ положеніи о крестьянахъ также имѣется упоминаніе о семейной собственности, а именно въ правилахъ о семейныхъ раздѣлахъ. Ст. 3-я этихъ правилъ говоритъ, напримѣръ, объ усадебныхъ участкахъ, какъ о принадлежащихъ вновь образующимся семействамъ, а ст. 5-я—о принадлежащемъ семьѣ усадебномъ участкѣ, строеніяхъ и томъ движимомъ имуществѣ, которое составляетъ необходимую принадлежность крестьянскаго хозяйства. Она, по вѣрному замѣчанію опять-таки г. Лыкошина, распространяетъ понятіе семейной собственности и на движимость (стр. 123). Терминологія, употребляемая нашимъ законодателемъ, могла бы затемнить для читателя ту истину, что крестьянская собственность принадлежитъ не домохозяину, а цѣлой крестьянской семьѣ, такъ какъ въ положеніи о выкупѣ встрѣчается терминъ: „личная собственность". Г. Лыкошинъ спѣшитъ, поэтому, выяснить—и вполнѣ удачно,—что „личная собственность противополагается не семейной, а общественной,

почему и является возможность говорить о личной собственности крестьянскаго двора" (ibid., стр. 127).

Судебная практика нашего Сената также неизмѣнно смотритъ на крестьянскую собственность не какъ на личную, а какъ на семейную. Сенатъ, при этомъ, принимаетъ во вниманіе не только общія и мѣстныя положенія о крестьянахъ, но и административныя инструкціи и разъясненія. Г. Лыкошинъ хвалитъ его за это и попутно приводитъ самыя эти данныя, въ томъ числѣ инструкцію министра государственныхъ имуществъ люстраціоннымъ коммиссіямъ отъ 6 февраля 1868 г., въ которыхъ говорится, что „отводимыя въ пользу домохозяевъ усадебныя и полевыя земли считаются въ надѣлѣ всего семейства" (примѣч. 2-е къ § 58).

Весьма интересную справку даетъ г. Лыкошинъ и насчетъ пониманія дѣятелями 19 февраля 1861-го года дѣйствительной природы крестьянской собственности. При выработкѣ великорусскаго мѣстнаго положенія въ редакцію 145-ой статьи намѣревались включить сперва слѣдующія слова: „отдѣльныя лица, выходящія изъ общества, пользуются правомъ продажи на свозъ только тѣхъ строеній, которыя принадлежали имъ въ личную, а не семейную собственность". Эти слова были исключены по настоянію двухъ членовъ, полагавшихъ, что пока семейство живетъ вмѣстѣ, у него—все общее, и предоставляемое право поведетъ только къ несогласіямъ и семейнымъ раздорамъ (ibid., стр. 134).

Самыя сенатскія рѣшенія, редактированныя вполнѣ опредѣленно, не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ глазахъ нашего высшаго судебнаго органа крестьянская собственность есть собственность семейная, а не личная. Г. Лыкошинъ побѣдоносно доказываетъ, что Сенатъ и ранѣе 80-хъ годовъ держался такого воззрѣнія, хотя не имѣлъ случая высказывать его иначе, какъ попутно — напримѣръ, допускалъ брата лица, получившаго данную на выдѣлъ выкупленнаго надѣла, къ защитѣ въ судебномъ порядкѣ своего права на участіе въ выкупленной землѣ. Въ этомъ г. Лыкошинъ усматриваетъ доказательство тому, что выдача данной на имя домохозяина не дѣлаетъ его единоличнымъ собственникомъ и что земля продолжаетъ принадлежать всѣмъ членамъ семьи („Журн. Мин. Юст." 1900 г. № 6, стр. 111). Съ 80-хъ годовъ Сенатъ уже прямо высказывается насчетъ семейнаго характера крестьянской собственности въ рядѣ рѣшеній, перечисляемыхъ г. Лыкошинымъ и идущихъ отъ 1881-го до 1899-го года.

Взглядъ Сената на подворные участки, какъ на достояніе всего крестьянскаго семейства, нашелъ выраженіе и въ Высочайше утвержденномъ 4-го января 1888-го года мнѣніи Государственнаго Совѣта по дѣлу Армалиса. Это дѣло перешло въ Совѣтъ вслѣдствіе возбужденнаго имъ разногласія во второмъ департаментѣ и первомъ общемъ собраніи Правительствующаго Сената. „По точному и буквальному смыслу дѣйствующихъ о крестьянахъ узаконеній—гласитъ мнѣніе Государственнаго Совѣта,—выкупаемый крестьянами усадебный и полевой надѣлъ составляетъ общую собственность всего крестьянскаго двора или семейства, а не личную собственность отдѣльныхъ членовъ онаго“ (ibid., стр. 112).

Итакъ, законы мѣстные и общіе, административная практика, толкованія Сената и Государственнаго Совѣта сходились и сходятся въ признаніи, что у русскихъ крестьянъ имѣется, какъ общее правило, не личная, а семейная собственность.

II.

Какимъ же образомъ, спрашивается, могло случиться, что сперва объединенное правительство, а затѣмъ Государственная Дума, какъ явствуетъ изъ внесеннаго нынѣ въ Государственный Совѣтъ законопроекта, признали вдругъ существованіе въ Россіи какъ разъ обратнаго, т.-е. личной, а не семейной собственности, и какія доказательства приведены или приводятся въ пользу такого положенія современными законодателями? Мы не нашли ихъ въ преніяхъ Государственной Думы и не знаемъ, что̀ на этотъ счетъ было высказано въ избранной ею коммиссіи. Но у насъ есть данныя для сужденія о томъ, какими соображеніями поддерживается подобное мнѣніе въ высшей палатѣ. Попробуемъ разобраться въ нихъ. Въ 1900-мъ году г. Лыкошинъ рекомендовалъ въ будущемъ законѣ обусловить заключеніе главою семьи важнѣйшихъ сдѣлокъ по семейному имуществу согласіемъ прочихъ членовъ семьи и указывалъ, что въ этомъ смыслѣ поняты были постановленія закона большинствомъ губернскихъ совѣщаній („Журн. Мин. Юст.“ 1900 г., № 6, стр. 134). Теперь, руководя подготовительными работами членовъ Совѣта, онъ высказался по тому же вопросу слѣдующимъ образомъ. „Согласіе членовъ семьи, отдавая отца подъ опеку жены и дѣтей, не соотвѣтствующую условіямъ крестьянскаго быта, создастъ для него положеніе невозможное... Отдача отцовъ подъ опеку дѣтей, при упадкѣ авторитета и власти родителей, можетъ повлечь за собой гибельныя послѣдствія. Къ

тому же надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что крестьяне владѣютъ въ настоящее время по крѣпостямъ и купчимъ болѣе чѣмъ 25-тью милліонами внѣнадѣльной земли, распоряженіе которой не зависитъ отъ согласія членовъ семьи. Злоупотребленія со стороны родителей безусловно возможны, но для борьбы съ ними существуютъ и другія мѣры. Житейская практика свидѣтельствуетъ, что права дѣтей нарушаются въ большинствѣ случаевъ не путемъ продажи, а путемъ завѣщанія. Что же касается послѣдняго, то оно остается по прежнему подъ дѣйствіемъ обычая. Нѣтъ опасности и въ случаѣ долговъ отца, на томъ основаніи, что надѣльное имущество взысканію по частнымъ долгамъ не подлежитъ. Что же касается залога надѣльныхъ участковъ, то онъ допустимъ лишь въ государственныхъ установленіяхъ, именно въ крестьянскомъ банкѣ. Такимъ образомъ возможные случаи злоупотребленія не могутъ идти въ сравненіе съ нежелательными послѣдствіями отдачи родителей подъ опеку дѣтей".

Память, столь измѣнившая на этотъ разъ г. товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, подсказала другимъ русскимъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ нѣсколько иныя рѣшенія, близкія по духу къ тѣмъ, въ пользу которыхъ ратоборствовалъ г. Лыкошинъ до истеченія десятилѣтней давности со времени появленія его статьи о семейной собственности въ „Журналѣ Министерства Юстиціи". Одинъ находилъ, въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что ранѣе думалъ г. Лыкошинъ, что сенатская практика и общее положеніе о крестьянахъ признаютъ усадебные участки принадлежащими семьѣ и что было бы, поэтому, желательно поставить отчужденіе ихъ въ зависимость отъ согласія жены и совершеннолѣтнихъ дѣтей. Это было бы тѣмъ справедливѣе, что дѣти, уходящія въ отхожіе промыслы, дѣлаютъ періодическіе взносы для веденія семействомъ, къ которому они принадлежатъ, крестьянскаго хозяйства. На этомъ послѣднемъ фактѣ особенно подробно остановился одинъ изъ представителей западнаго края, указавшій на то, что, эмигрируя за границу, многіе литовцы и бѣлоруссы продолжаютъ производить въ пользу двора, изъ котораго они вышли, значительныя денежныя затраты. У каждаго крестьянина, справедливо замѣчалъ другой государственный дѣятель, имѣется понятіе объ усадьбѣ, какъ о мѣстѣ, изъ котораго его нельзя выгнать; посягать на это издавна сложившееся убѣжденіе было бы чрезвычайно неосторожно. Если указъ 9-го ноября серьезно озабоченъ мыслью установить свободу укрѣпленія правъ на землю, то слѣдовало бы предоставить возможность производить такое укрѣпленіе на прежнихъ основаніяхъ,

т.-е. не въ личную, а въ семейную собственность. Лучшее доказательство существованія семейной собственности одинъ изъ людей, ранѣе стоявшихъ во главѣ администраціи, завѣдующей землеустройствомъ, справедливо видѣлъ въ полномъ соотвѣтствіи сенатской практики съ доселѣ державшимся обычаемъ отдѣльныхъ областей Россіи, въ томъ числѣ сѣверо-западнаго края. Семейная собственность восходитъ въ нихъ къ глубокой древности. Ученые изслѣдователи видятъ источникъ ея одни—въ кровномъ родствѣ, другіе — въ трудовой артели, но никто не сомнѣвается въ ея исконности. Одинъ изъ представителей университетовъ и академіи наукъ въ свою очередь оспаривалъ странное мнѣніе, будто семейная собственность установлена впервые сенатской практикой; онъ указывалъ, ссылаясь на свое сочиненіе, что въ 1876-мъ году, когда оно вышло, существовала уже цѣлая литература по вопросу о семейной собственности. Онъ признавалъ совершенно невозможнымъ для законодателя рѣшать вопросъ о ней, идя на перекоръ юридическому сознанію народа. Въ основу законодательства— говорилъ онъ,—должно быть положено тщательное изученіе народнаго быта; въ отношеніи семейной собственности рѣшающее значеніе должно быть признано за мѣстнымъ обычаемъ. Россія велика; нельзя, поэтому, рѣшать вопросы, касающіеся однѣхъ мѣстностей, на основаніи данныхъ, добытыхъ о другихъ. Даже въ такой маленькой странѣ, какъ Черногорія, законодатель не счелъ возможнымъ подвести подъ одинъ уровень семейно-имущественные порядки. Проф. Богишичъ, которому поручено было составленіе законника или свода для Черногоріи, положилъ въ его основу обычное право. Такъ какъ это послѣднее свидѣтельствовало о существованіи въ странѣ одновременно большой нераздѣльной семьи (общей купы), по преимуществу въ селахъ, и малой семьи (инакосна), по преимуществу въ городахъ, при которой въ рукахъ одного домохозяина сосредоточиваются пользованіе и распоряженіе ея достояніемъ, то изъ боязни сколько-нибудь нарушить равновѣсіе между обоими видами семейной организаціи, принесть одну въ жертву другой, Богишичъ отказался отъ нормированія ихъ порядковъ закономъ и предложилъ судьямъ руководствоваться въ связанныхъ съ ними вопросахъ однимъ мѣстнымъ обычаемъ. Слѣдуя его примѣру и допуская возможность упадка въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Россіи того патріархальнаго строя, при которомъ держится семейная собственность, представитель университетовъ предлагалъ, чтобы участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, признавались личной или семейной собственностью въ соотвѣтствіи съ мѣстнымъ обычаемъ.

Крайне опасно, говорилъ онъ, предоставить девяти милліонамъ домохозяевъ-общинниковъ право, вопреки согласію семьи, закладывать крестьянскую землю, хотя бы и въ крестьянскомъ банкѣ. Вѣдь на вторыхъ торгахъ этого банка покупателемъ можетъ выступить и не крестьянинъ, а лицо любого сословія. Такимъ образомъ земли надѣльныя, вопреки правилу объ ихъ неотчуждаемости членамъ другихъ сословій, могутъ выйти изъ крестьянской среды.

Это заявленіе было подтверждено и другими членами Совѣта. Одного сохраненія за крестьянской землей свойствъ надѣльныхъ участковъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, недостаточно. Невозможность обращать на нихъ частныя взысканія ослабляется тѣмъ, что крестьянинъ, продавъ надѣльную землю, можетъ пріобрѣсть другую, уже не охраняемую особымъ закономъ. Что же касается до того, что крестьяне могутъ продавать землю только въ руки крестьянъ, то соблюденіе этого правила поставлено въ зависимость отъ приговоровъ сельскихъ обществъ относительно приписки къ селенію того или другого лица. Достаточно заручиться такимъ приговоромъ, чтобы стать членомъ крестьянскаго общества, а слѣдовательно и пріобрѣсть право на покупку бывшихъ надѣльныхъ земель. Широкая мобилизація земельной собственности—прибавилъ ораторъ—вызываетъ сомнѣнія въ ея полезности съ государственной точки зрѣнія. Въ настоящее время юридическая мысль всего міра озабочена охраной мелкаго землевладѣнія. Однимъ изъ такихъ средствъ является такъ называемая система Homstead'a. Гдѣ существуетъ полная свобода отчужденія крестьянскихъ участковъ, тамъ наблюдалась массовая ихъ продажа. Такъ, въ Галиціи съ 1870 по 1880 г. 400.000 крестьянскихъ участковъ отчуждены лицамъ другихъ сословій.

И другіе ревнители сохраненія за крестьянами ихъ надѣловъ настаивали на томъ, что и въ Америкѣ, и во Франціи приняты законодателемъ мѣры къ тому, чтобы затруднить отчужденіе семейнаго достоянія. Насколько Америкѣ извѣстна система Homstead'a, настолько французамъ — такъ называемая réserve héréditaire (или biens de famille insaisissables). Французскій гражданскій кодексъ запрещаетъ родителямъ распоряжаться по завѣщанію одной третью имущества. Если же число дѣтей доходитъ до трехъ, право распоряженія родителей подвергается еще большимъ стѣсненіямъ.

Сторонники уважительнаго отношенія къ обычаямъ и сохраненія, поэтому, семейной собственности тамъ, гдѣ она еще держится, оказались, однако, въ меньшинствѣ. Возраженіе встрѣчали даже такія заявленія, что законодатель не можетъ навязывать

народу закона, который идетъ въ разрѣзъ со сложившимся укладомъ народной жизни. Напрасно представитель университетовъ останавливался на той мысли, что въ сохраненіи семейной собственности тамъ, гдѣ она удержалась, русское крестьянство найдетъ бо́льшую защиту, чѣмъ та, какую представляетъ въ Германіи Anerbschaft, во Франціи réserve héréditaire, въ Америкѣ Homstead. Напрасно онъ развивалъ мысль, которая по своему консерватизму должна была бы встрѣтить сочувствіе въ той средѣ, въ которую она была брошена, а именно, что цѣлесообразнѣе не вводить новшествъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ законодательствъ, а сохранить существующіе въ крестьянскомъ быту порядки, разъ они ведутъ къ той же цѣли, ради которой предлагаются эти новшества.

Вопреки ранѣе указанному признанію семейной собственности и мѣстными положеніями, и общими законами, и административной практикой, и сенатскими рѣшеніями, нашлись лица, позволявшія себѣ такія, напримѣръ, утвержденія. Семейная собственность есть нѣчто неизвѣстное, обычай въ этомъ отношеніи значенія не имѣетъ; положеніе 19-го февраля не опредѣлило понятія семейной собственности и, установивъ разные для него термины, запутало дѣло. У малороссовъ семейной собственности не существуетъ, въ великорусскихъ же губерніяхъ она имѣется, и это — одинъ изъ видовъ закрѣпощенія крестьянъ, закрѣпощеніе семьѣ. Ораторъ, повидимому, не считалъ возможнымъ признать существованіе семейной собственности и въ сѣверо-западномъ краѣ. Онъ утверждалъ, что если крестьяне, переселившіеся въ Америку, посылаютъ деньги домой, то они дѣлаютъ это не въ интересахъ общаго семейнаго хозяйства. Какой судья съумѣетъ учесть, спрашивалъ онъ, сколько кто кому долженъ въ семьѣ, сколько долженъ уѣхавшій на заработки за то, что кормили его жену и дѣтей, несли за него воинскую и мірскія повинности?

Утвержденіе о существованіи семейной собственности признавалось многими голословнымъ. Наличность ея, въ частности, въ Рязанской губерніи рѣшительно отрицалась. Отрицалось даже то, чтобы существовали какіе-либо опредѣленные обычаи, ну хотя бы, напримѣръ, во Владимірской губерніи, гдѣ „ссылка на обычаи обыкновенно носитъ чисто случайный характеръ, при чемъ самый обычай произвольно мѣняется подъ вліяніемъ обстоятельствъ по преимуществу корыстнаго свойства. Можетъ быть, обычай существуетъ въ печатныхъ трудахъ—замѣчаемо было не безъ ироніи,— но въ жизни съ нимъ встрѣчаться не приходится“. Крестьяне сами избѣгаютъ пользоваться обычаемъ, и волостные судьи стре-

мятся рѣшать гражданскія дѣла на основаніи Х-го т. свода законовъ. Но это утвержденіе энергично оспаривалось лицами, принадлежащими къ той же мѣстности, и членами кассаціоннаго департамента Сената.

Отъ отрицанія, что семейная собственность существуетъ по обычаю, перешли къ отрицанію и того, чтобы законъ признавалъ ее существующей. Указаніе на положеніе 19 февраля, какъ признающее семейную собственность, объявляемо было неубѣдительнымъ на томъ основаніи, что въ этомъ положеніи много противорѣчій и несогласованностей, такъ что опасно дѣлать общіе выводы изъ отдѣльныхъ его статей. Самому Государственному Совѣту (прежняго состава), такъ опредѣленно высказавшемуся, какъ это мы видѣли выше, въ пользу существованія семейной собственности, приписывалось рѣшительное сомнѣніе на ея счетъ. При разсмотрѣніи вопроса о семейныхъ раздѣлахъ—сказалъ одинъ изъ ораторовъ,—Государственный Совѣтъ обратилъ вниманіе на то, что выдѣлы производятся по постановленіямъ сельскихъ сходовъ или рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, при чемъ домогательства желающихъ выйти изъ состава семьи сыновей о предоставленіи имъ части отцовскаго имущества находятъ себѣ опору въ рѣшеніяхъ Сената, разъяснившаго, что принадлежащее крестьянской семьѣ имущество составляетъ не исключительную собственность отца, а общее достояніе всѣхъ членовъ семьи. Лежащій въ основаніи указанныхъ выдѣловъ взглядъ встрѣчалъ, по утвержденію оратора, отпоръ въ Государственномъ Совѣтѣ, почему Совѣтъ и счелъ нужнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ разсмотрѣніе вопроса, нѣтъ ли надобности въ измѣненіи законодательнымъ порядкомъ существующихъ нормъ въ томъ смыслѣ, что у крестьянъ, какъ и у прочихъ сословій, выдѣлъ можетъ производиться только съ согласія отца.

Въ отвѣтъ на эти заявленія пришлось ссылаться на законодательное рѣшеніе Государственнаго Совѣта 1886 г. — на рѣшеніе имъ вопроса о семейныхъ раздѣлахъ, и притомъ въ смыслѣ благопріятномъ признанію семейнаго характера крестьянской собственности. Неправильно ссылаться на журналъ Государственнаго Совѣта — сказалъ въ отвѣтъ вышеупомянутому оратору одинъ изъ сторонниковъ ограниченія правъ домохозяина въ интересахъ крестьянской семьи; ссылка на то, что Совѣтъ отрицаетъ семейную собственность, необоснована, иначе онъ не установилъ бы въ 1886 г. семейныхъ раздѣловъ.

Очевидно, сторонники личной собственности крестьянъ невполнѣ были увѣрены въ томъ, что эта точка зрѣнія можетъ

быть защищена истолкованіемъ дѣйствующихъ обычаевъ или ссылками на законъ. Коммиссія, во главѣ которой стоялъ (въ 70-хъ годахъ) сенаторъ Любощанскій, собрала, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ много данныхъ для обратнаго вывода. Представитель университетовъ, ссылаясь на отпечатанные ею труды, заключающіе въ себѣ самые тексты волостныхъ рѣшеній, въ правѣ былъ сказать, поэтому, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи крестьянское хозяйство ведется съ общаго согласія. Домохозяиномъ не всегда бываетъ старшій по возрасту, а иногда — наиболѣе способный. Рѣшенія, имъ принимаемыя, не требуютъ предварительнаго и формальнаго согласія большинства членовъ семьи, но принимаются, тѣмъ не менѣе, съ общаго уговора. Что же касается до признанія семейной собственности и закономъ, и сенатской практикой, то вопросъ этотъ, какъ видно изъ приведенныхъ ранѣе данныхъ, не допускалъ серьезнаго спора, и потому постепенно былъ оставленъ.

Наиболѣе откровенные защитники указа 9-го ноября перенесли обсужденіе въ другую плоскость. Лейтъ-мотивомъ сдѣлалось утвержденіе, что недавніе аграрные безпорядки производимы были младшими членами семьи, что надо, поэтому, утвердить власть старшихъ, что для этого желательно сосредоточить пользованіе и распоряженіе семейнымъ достояніемъ въ рукахъ домохозяина, а не заводить, какъ выразился одинъ изъ ораторовъ, какихъ-то мелкихъ семейныхъ республикъ. Необходимы — сказалъ другой—мѣропріятія къ поддержанію родительской власти. Лучше допустить гибель немногихъ участковъ (?), чѣмъ принять мѣру, клонящуюся къ подрыву авторитета родителей.

Высказываемо было также то соображеніе, что уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями требуетъ замѣны у нихъ обычаевъ X-мъ томомъ. Необходимо—сказалъ одинъ изъ бывшихъ администраторовъ—принять начало личной собственности, такъ какъ подведеніе крестьянъ въ этомъ отношеніи подъ общіе законы ведетъ къ выполненію задачи установленія гражданскаго равенства крестьянъ съ прочимъ населеніемъ государства. Представитель объединеннаго правительства, не позволяя себѣ согласиться съ тѣмъ, что семейная собственность выдумана Сенатомъ (вѣдь это было бы отрицаніемъ всего написаннаго имъ раньше), въ то же время заявлялъ, что закрѣпленіе этого понятія въ законѣ было бы величайшимъ бѣдствіемъ для Россіи. Сенатская теорія—разсуждалъ онъ—не приносила до сихъ поръ вреда, такъ какъ общинники пока не владѣли личной собственностью, къ подворнымъ же владѣльцамъ сенатская теорія не примѣнялась.

Если же теперь захотятъ понятіе семейной собственности перенести изъ теоріи въ практику, то на родителей будетъ надѣто тяжелое ярмо, и это дастъ самыя гибельныя послѣдствія. Надо признать—звкончилъ онъ свою рѣчь,—что главною причиною смутъ послѣднихъ лѣтъ была подорванная родительская власть; она не въ силахъ была сдерживать молодежь, главнымъ образомъ производившую всѣ безчинства.

Этотъ мотивъ въ концѣ концовъ взялъ перевѣсъ надъ всѣми остальными. Въ интересахъ упроченія законности и укрѣпленія патріархальныхъ началъ рѣшили перенесть собственность изъ рукъ семьи, которой она принадлежала по обычаю и по закону, въ руки старшаго въ семьѣ, укрѣпляя за нимъ надѣлъ, какъ за домохозяиномъ. Оказалось, такимъ образомъ, что хотя основу семейной собственности составляетъ крѣпость патріархальнаго строя, но въ интересахъ еще большаго его укрѣпленія надо отмѣнить семейную собственность. Можно было думать, что законность главнымъ образомъ поддерживается сохраненіемъ въ неприкосновенности имущественныхъ правъ — но путемъ преній выяснено было, повидимому, обратное: что для ея упроченія желательно отнять имущество у семьи и передать его отдѣльному лицу.

Таковы, по крайней мѣрѣ, предварительныя рѣшенія. Станутъ ли они и окончательными?

Кто не потерялъ еще вѣры въ торжество здраваго смысла и законности, тотъ продолжаетъ лелѣять надежду, что законодательныя учрежденія не признаютъ себя призванными производить соціальные перевороты въ невиданномъ еще въ исторіи масштабѣ, отнимая землю у общинъ и семей, землю, данную имъ государствомъ или только признанную за ними послѣднимъ въ интересахъ обезпеченія сельскаго состоянія. Если и согласиться, что развитіе индивидуализма идетъ рука-объ-руку съ экономическими трансформаціями, переживаемыми русскимъ обществомъ, и что послѣдствіемъ этого развитія является упадокъ семейной нераздѣльности, то почему бы, кажется, законодателю забѣгать впередъ, признавая этотъ процессъ завершившимся, когда мы стоимъ только въ началѣ его? И какой интересъ государство можетъ имѣть въ быстромъ ростѣ обезземеленія народныхъ массъ, когда не принято еще никакихъ серьезныхъ и широкихъ мѣръ къ борьбѣ съ безработицей?

Все это вопросы, съ которыми связано будущее нашей родины. Они пока остаются безъ отвѣта.

Максимъ Ковалевскій.

АННА-ВЕРОНИКА

H. G. Wells. „Ann-Veronica“. A modern Love-Story. London, 1909.

XVII *).

Миссъ Стэнли вышла изъ кабинета и остановилась, глядя на Анну-Веронику, спускавшуюся съ лѣстницы. У молодой дѣвушки былъ воинственный видъ; у нея горѣли щеки и сверкали глаза. Никогда еще она не казалась тетѣ такой красивой. Изъ ея маскараднаго костюма — кромѣ зеленовато-сѣрыхъ шелковыхъ чулокъ, поддѣльныхъ турецкихъ туфель и концовъ шелковыхъ шароваръ, необходимой принадлежности надѣтаго ею костюма невѣсты корсара,—все было скрыто подъ широкимъ плащомъ съ шелковымъ капюшономъ. Изъ-подъ капюшона вырывались непокорныя пряди волосъ, перевязанныхъ краснымъ шелкомъ, а въ ушахъ у нея были длинныя, филигранной работы, позолоченныя серьги.

— Я ухожу, тетя!—сказала Анна-Вероника.

— Отецъ проситъ тебя зайти къ нему въ кабинетъ.

Анна-Вероника остановилась въ нерѣшительности, затѣмъ, войдя въ кабинетъ, посмотрѣла отцу прямо въ глаза и сказала съ напускной легкостью тона:

— Прощай, папа! Я спѣшу. Я ѣду въ Лондонъ на балъ съ Виджеттами.

— Подожди, Анна-Вероника! — сказалъ м-ръ Стэнли. — Подожди. Ты не поѣдешь на этотъ балъ.

---

*) См. февраль, стр. 204.

Анна-Вероника перемѣнила тонъ и сказала спокойно, съ большимъ достоинствомъ:

— Мы вѣдь ужъ достаточно объ этомъ говорили, папа.

— Ты не поѣдешь на этотъ балъ! Ты не выйдешь изъ дому въ такомъ шутовскомъ нарядѣ.

Анна-Вероника стала говорить еще болѣе настойчиво, но съ привычной по отношенію къ отцу почтительностью.

— Мнѣ жаль, папа,—сказала она,—что приходится ослушаться тебя. Но что же дѣлать. Лучше...

Она почувствовала, что говоритъ не то, что слѣдуетъ, и быстро поправилась:

— Лучше намъ не ссориться—сказала она и круто повернулась къ дверямъ.

Отецъ преградилъ ей дорогу.

— Ты, кажется, не поняла моихъ словъ, Ви?—сказалъ онъ, едва сдерживая бѣшенство.—Я сказалъ,—онъ крикнулъ—я сказалъ, *что ты не пойдешь!*

Она приняла — немного переигрывая свою роль — видъ принцессы и, гордо поднявъ голову, твердо направилась къ дверямъ.

Но отецъ предупредилъ ее. Подбѣжавъ къ двери, онъ ухватился за ручку.

Анна-Вероника сдѣлала то же самое.

Отецъ и дочь раскраснѣлись отъ бѣшенства.

— Пусти!—крикнула Анна-Вероника.

— Вероника!—крикнула миссъ Стэнли, стараясь образумить ее.—Петеръ!

Съ минуту они точно хотѣли броситься другъ на друга.

Отецъ до тѣхъ поръ ни разу не ударилъ Анну-Веронику за всю ея жизнь, кромѣ одного случая въ дѣтствѣ, когда онъ, не смотря на протесты матери, унесъ ее—какъ она ни кричала и ни отбивалась — въ дѣтскую за какой-то проступокъ... Теперь же онъ подступилъ къ дочери и они стали отчаянно бороться у двери. Анна-Вероника пыталась повернуть ручку, м-ръ Стэнли не давалъ. Она схватила ключъ, торчавшій въ двери изнутри, а отецъ схватилъ ее за руку и стиснулъ такъ, что она вскрикнула отъ боли.

Ее охватило чувство стыда и отчаянія. Въ одну минуту разбилась долголѣтняя привязанность, и она поняла, какое горе и какой позоръ обрушились на нихъ. Она отступила, потомъ вырвалась и, выбѣжавъ изъ комнаты, побѣжала вверхъ по лѣстницѣ съ истерическимъ плачемъ и смѣхомъ.

Войдя въ комнату, она захлопнула за собой дверь и заперла на ключъ, точно боясь погони.

— Боже! Боже!—воскликнула она, сбросивъ плащъ, и стала ходить по комнатѣ. — Почему онъ не поговорилъ со мной толкомъ прежде чѣмъ поступать такъ грубо?

Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ полное отчаяніе.

— Я не могу этого выдержать!—сказала она.—Я сегодня же уйду изъ дому.

Она подошла къ двери, потомъ къ окну; постоявъ передъ окномъ, она открыла его и вылѣзла на крышу надъ пристройкой съ ванной комнатой въ первомъ этажѣ. Этого она не дѣлала ни разу съ тѣхъ поръ, какъ считалась взрослой. Когда-то она съ братомъ спускалась съ этой крыши по водосточной трубѣ. Но то, что подобаетъ шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ въ короткихъ платьяхъ, совсѣмъ не къ лицу молодой дѣвицѣ двадцати одного года, да еще въ маскарадномъ костюмѣ съ плащомъ. Когда она это сообразила, она замѣтила м-ра Прагмара, хозяина аптекарскаго магазина. Онъ жилъ тремя садиками дальше отъ нихъ. Теперь онъ какъ разъ косилъ траву въ своемъ садикѣ, чтобы набраться аппетита къ обѣду. Онъ остановился, оставивъ работу, и сталъ внимательно смотрѣть на Анну-Веронику. Ей съ большимъ трудомъ удалось вернуться въ комнату черезъ окно съ непринужденно-достойнымъ видомъ, и когда она снова очутилась одна у себя, она сжала кулаки отъ бѣшенства и стала топать ногами.

Бѣшенство ея усилилось при мысли, что м-ръ Прагмаръ, вѣроятно, знакомъ съ м-ромъ Рамаджемъ и, чего добраго, разскажетъ ему о томъ, что видѣлъ.

XVIII.

Въ восемь часовъ вечера миссъ Стэнли постучалась въ спальню Вероники.

— Я принесла тебѣ обѣдъ, Ви,—сказала она.

Анна-Вероника лежала на постели при надвигавшейся темнотѣ, поднявъ глаза къ потолку. Она не сразу отвѣтила на стукъ. Но ей очень хотѣлось ѣсть, такъ какъ она не пила чая днемъ, а за завтракомъ тоже почти ничего не ѣла. Она поэтому поднялась и отперла дверь.

Тетя ея не была противницей смертной казни, тѣлеснаго наказанія преступниковъ, колоніальной системы въ Конго, потому

что все это не задѣвало ея воображенія. Но ей тяжело было представить себѣ, что кто-нибудь не пообѣдалъ. Самымъ тяжелымъ признакомъ волненія она считала отсутствіе аппетита. Ее, поэтому, очень мучила мысль объ Аннѣ-Вероникѣ въ теченіе всего обѣда, прошедшаго въ глубокомъ молчаніи. Какъ только обѣдъ кончился, она отправилась въ кухню и приготовила на подносѣ ѣду — не изъ остывшихъ обѣденныхъ блюдъ, а изъ спеціально приготовленныхъ вкусныхъ вещей, способныхъ соблазнить упрямицу. Съ этимъ подносомъ она и отправилась наверхъ.

Анна-Вероника была смущена. Непріятно, когда люди, на которыхъ сердишься, проявляютъ доброту. Она взяла подносъ, всхлипнула и дала волю слезамъ.

Тетя ошибочно подумала, что она раскаивается.

— Милая! — сказала она, положивъ руку на плечо Анны-Вероники.—Ты должна понять, что твоему отцу непріятно такъ поступать съ тобой.

Анна-Вероника отскочила отъ нея съ такой силой, что опрокинулась перечница на подносѣ, и воздухъ наполнился облакомъ перца, отчего онѣ обѣ стали чихать.

— Вы не понимаете—воскликнула она, и слезы потекли по ея щекамъ,—до чего это унизительно для меня. А-чхи!

Она со стукомъ опустила подносъ на туалетный столикъ.

— Но пойми и ты: онъ—твой отецъ. Чхи!

— Такъ что же? — сказала Анна-Вероника, говоря въ платокъ, и не могла продолжать.

Тетя и племянница смотрѣли другъ на друга изъ-подъ платковъ, съ глазами полными слезъ, слишкомъ взволнованныя, чтобы замѣтить комизмъ сцены.

— Надѣюсь,—сказала миссъ Стэнли съ достоинствомъ и повернулась къ двери,—надѣюсь, что ты одумаешься.

Анна-Вероника стояла среди комнаты, сжавъ въ рукѣ платокъ, и глядѣла на дверь, которая захлопнулась за тетей. Душа ея полна была сознаніемъ наступившей катастрофы. Она впервые поступила какъ взрослый человѣкъ, отстаивала свою свободу и независимость, и вотъ какъ съ ней обошлись за это! Ей не покорились, ее даже не покоряли въ достойной борьбѣ. Ее оттолкнули пренебрежительно, грубо, съ невыносимымъ глумленіемъ.

„Клянусь—въ первый разъ рѣшительно сказала себѣ Анна-Вероника—клянусь, что я отстою себя!

XIX.

Аннѣ-Вероникѣ казалось, что она не смыкала глазъ всю ночь. Во всякомъ случаѣ она успѣла безконечно много передумать и перечувствовать до утра.

Что ей теперь дѣлать?

Одно, главное, было для нея ясно; необходимо уѣхать изъ дому. Она должна стать самостоятельной, или она погибнетъ.— Я уйду—говорила она сама себѣ. — Я должна уйти.—Она понимала, что остаться—значитъ уступить во всемъ. И необходимо уѣхать завтра же. Непремѣнно завтра. Если она останется одинъ день, то сможетъ остаться и два. А остаться два дня—значитъ остаться недѣлю, а черезъ недѣлю все пойдетъ по прежнему навсегда.—Я уѣду!—поклялась она ночью.—Уѣду или умру.— Она придумывала планы, обсуждала вопросъ о средствахъ для самостоятельной жизни. Въ этомъ отношеніи ея планы не вполнѣ согласовались съ обстоятельствами. У нея были часы, хорошіе золотые часы, принадлежавшіе ея матери, затѣмъ довольно хорошее жемчужное ожерелье, нѣсколько недорогихъ колецъ, серебряные браслеты, мелкія украшенія, три фунта и тринадцать шиллинговъ туалетныхъ денегъ, а также нѣсколько книгъ, которыя можно было бы продать. Въ этомъ состояло все имущество, съ которымъ она намѣревалась начать самостоятельную жизнь.

Конечно, она достанетъ себѣ работу. Въ теченіе всей ночи она была спокойна въ этомъ отношеніи. Она знала, что работа у нея найдется. Она такъ же способна работать, какъ всѣ другія дѣвушки. Она не представляла себѣ ясно, какъ она найдетъ работу, но чувствовала, что найдетъ. Тогда она напишетъ отцу обо всемъ, и отношенія ихъ примутъ другой характеръ.

Таковъ былъ ея планъ, и въ общихъ чертахъ онъ казался выполнимымъ. Но между моментами сравнительной увѣренности въ будущемъ наступали минуты сомнѣній, когда міръ принималъ угрожающій, зловѣщій видъ, воинственно отвѣчая на ея вызовъ, готовя ей унизительное пораженіе.

— Все равно—говорила Анна-Вероника въ темнотѣ.—Я буду бороться до конца!

Она стала обдумывать подробности своего плана. Самымъ труднымъ казалось ей выбраться изъ Морнинсайдъ-Парка. Трудности, которыя встрѣтятъ ее въ концѣ пути, казались ей менѣе страшными. Онѣ были невѣдомыя, и ей казалось возможнымъ не

считаться съ ними. Она увѣряла себя, что потомъ „все обойдется“. Какъ „обойдется“ — она не знала, и по временамъ ей становилось жутко: казалось, что-то ужасное ждало ее за поворотомъ улицы.

Она пыталась вообразить себя „зарабатывающей“ средства къ жизни. Вотъ она сидитъ за конторкой и пишетъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ, послѣ работы, вернуться къ себѣ въ красивую, уютную квартирку. Но всетаки и эта жизнь рисовалась ей очень смутно: возможно, что въ ней будетъ много хорошаго, но возможно, что и много тяжелаго.—Я всетаки уйду!—повторяла Анна-Вероника въ сотый разъ.—Уйду, что бы потомъ ни случилось!

Она проснулась отъ полудремоты, точно совсѣмъ не спавши. Пора было вставать.

Она сѣла на край постели и стала оглядываться въ комнатѣ, посмотрѣла на рядъ книгъ въ черныхъ переплетахъ.—Я возьму ихъ съ собой,—сказала она, стараясь побѣдить собственное недовѣріе къ себѣ.—Но какъ вынести мои вещи изъ дома?

Видъ тети, нѣсколько холодной въ обращеніи съ Анной-Вероникой, но все же благожелательной, вызвалъ въ ней опять чувство близкой катастрофы. Можетъ-быть она уже никогда больше не будетъ завтракать въ этой комнатѣ! Никогда. Можетъ-быть когда-нибудь, а можетъ-быть и скоро, она будетъ тосковать по этой комнатѣ. Она взяла кусочекъ остывшей поджаренной ветчины и стала опять придумывать, какъ вынести вещи изъ дома. Она рѣшила обратиться за помощью къ Тэдди Виджетту или къ одной изъ его сестеръ.

Когда она пришла, всѣ младшіе Виджетты заняты были воспоминаніями о балѣ; они чувствовали пріятную усталость. Всѣ очень возмутились, узнавъ, почему Анна-Вероника не поѣхала на балъ.

— Боже мой!—воскликнулъ Тэдди съ волненіемъ.

— Что же вы рѣшили дѣлать?—спросила Гетти.

— Что тутъ остается дѣлать?—возразила Анна-Вероника.— Вы бы развѣ это стерпѣли? Я удеру.

— Удерете?—крикнула Гетти.

— Уѣду въ Лондонъ—сказала Анна-Вероника.

Она ожидала восторженнаго сочувствія; но вмѣсто того всѣ Виджетты, кромѣ Тэдди, очень переполошились.—Какъ это возможно?—спросила Констанція.—Съ кѣмъ вы будете жить?

— Одна. Я возьму комнату.

— Да что вы! — сказала Констанція. — А кто же будетъ платить за комнату?

— У меня есть деньги—сказала Анна-Вероника. — Все въ мірѣ лучше, чѣмъ жить въ такой духотѣ дома.—Видя, что Гетти и Констанція придумываютъ возраженія, она сразу стала просить у нихъ содѣйствія. — У меня нѣтъ ничего, во что взять вещи, кромѣ крошечнаго чемоданчика. Не можете ли вы мнѣ что-нибудь одолжить?

— Молодецъ же вы, однако!—сказала Констанція, съ трудомъ, однако, переходя отъ желанія отговорить къ рѣшенію содѣйствовать. Виджетты сдѣлали для Анны-Вероники все, что могли. Они рѣшили одолжить ей портъ-плэдъ и еще большой чемоданъ, который считался общимъ семейнымъ достояніемъ. А Тэдди заявилъ, что для нея онъ готовъ идти на край свѣта и понесетъ вещи на вокзалъ.

Гетти выглянула изъ окна — она всегда курила папироску послѣ завтрака передъ открытымъ окномъ, въ назиданіе болѣе отсталой части общества Морнинсайдъ-Парка—-и увидѣла миссъ Стэнли, которая спускалась внизъ къ лавкамъ.

— Если вы твердо рѣшили уѣхать — сказала Гетти, — то теперь какъ разъ время начать сборы.—Анна-Вероника тотчасъ же ушла съ портъ-плэдомъ, стараясь идти не спѣша, съ достоинствомъ. Тэдди пошелъ садами и перебросилъ чемоданъ черезъ заборъ. Все это было очень интересно и забавно. Тетя вернулась домой прежде чѣмъ вещи были уложены. Анна-Вероника сидѣла за завтракомъ нѣсколько встревоженная: чемоданъ былъ недостаточно скрытъ подъ кроватью. Послѣ завтрака она пошла, съ разгорѣвшимся лицомъ, къ Виджеттамъ, чтобы окончательно обо всемъ условиться; потомъ, какъ только тетя прилегла отдохнуть, она снесла вещи къ садовой калиткѣ, рискуя, что служанки обо всемъ разскажутъ; оттуда Тэдди, горя жаждой помочь ей, снесъ все на вокзалъ. Потомъ Анна-Вероника снова поднялась къ себѣ наверхъ, одѣлась въ городской костюмъ, надѣла скромную шляпу и, едва сдерживая сильное волненіе, пошла на вокзалъ къ поѣзду 3. 17.

Тэдди усадилъ ее въ вагонъ второго класса, для котораго годился ея сезонный билетъ, и сказалъ, что она—„изумительная“.

— Если вамъ что-нибудь будетъ нужно—сказалъ онъ,—или если у васъ будутъ непріятности, пошлите мнѣ телеграмму. Я примчусь къ вамъ съ конца свѣта. Я все сдѣлаю, Ви!.. Ужасно подумать, что съ вами будетъ!

— Вы славный, Тэдди!—сказала она.

— Для васъ всякій сдѣлалъ бы все на свѣтѣ.

Поѣздъ двинулся.

— Вы удивительная! — сказалъ Тэдди; волосы его развѣвались на вѣтру.—Счастливаго пути!

Она кивала ему головой до тѣхъ поръ, пока онъ исчезъ изъ виду при поворотѣ. Она очутилась одна въ вагонѣ, сама не зная, что̀ ей теперь начать, стараясь не думать о томъ, что она навсегда разсталась съ роднымъ домомъ и что у нея нѣтъ больше убѣжища въ мірѣ. Она была болѣе встревожена, чѣмъ ожидала. — Такъ вотъ — говорила она себѣ, стараясь сдержать легкую дрожь, — я поселюсь сразу въ меблированной комнатѣ, потому что это дешевле. Но, можетъ быть, лучше сегодня заѣхать въ гостинницу и осмотрѣться... Все должно устроиться къ лучшему—рѣшила она себѣ въ утѣшеніе.

Но малодушіе ея все возрастало. Въ какую гостинницу заѣхать? Если она сядетъ въ кэбъ и скажетъ кучеру, чтобы онъ отвезъ ее въ отель, въ какой-нибудь отель — что̀ кучеръ подумаетъ, что онъ сдѣлаетъ? Онъ, можетъ быть, повезетъ ее куда-нибудь, гдѣ страшно дорого, а вовсе не въ скромную, тихую гостинницу, какая ей нужна. Наконецъ она рѣшила, что отель она должна сначала выбрать. Поэтому она оставила багажъ на вокзалѣ, при чемъ сначала сказала носильщику снести вещи въ билетную кассу, а не на храненіе. Это недоразумѣніе вскорѣ разъяснилось, и она вышла на лондонскую улицу въ странно возбужденномъ состояніи, чувствуя нѣкоторый страхъ, недовѣріе къ своимъ силамъ, но въ то же время ощущая никогда еще неиспытанное чувство освобожденія.

Она глубоко вдохнула воздухъ—лондонскій воздухъ.

Мимо первыхъ отелей, попавшихся ей по дорогѣ, Анна-Вероника прошла, не заходя, сама не зная почему. Она просто боялась войти и медленнымъ шагомъ перешла черезъ Ватерлоосскій мостъ. Многіе взоры, съ высоты омнибусовъ или съ мостовой, останавливались съ удовольствіемъ на изящной, стройной фигурѣ Анны-Вероники, когда она шла съ рѣшительнымъ выраженіемъ на спокойномъ лицѣ. Она была одѣта, какъ одѣваются всѣ молодыя англичанки—безъ кокетства и безъ чрезмѣрной строгости. Блуза безъ воротника обнажала красивую шею; глаза Анны-Вероники блестѣли и темные волосы красиво вились у маленькихъ ушей.

Сначала ей казалось, что это—самый прекрасный день въ ея жизни. Темза, громадныя зданія на сѣверномъ берегу, Вестминстеръ, соборъ св. Павла, все это было озарено мягкимъ лондонскимъ солнечнымъ свѣтомъ, самымъ нѣжнымъ, самымъ тонкимъ, наименѣе рѣзкимъ солнечнымъ свѣтомъ въ мірѣ. Даже простые

возы, повозки и кэбы, безпрестанно сновавшіе изъ Веллингтонской улицы на мостъ, казались ей очаровательными. Нагруженныя барки дремали на рѣкѣ; надъ ними кружились жадныя лондонскія чайки. Анна-Вероника никогда до тѣхъ поръ не была здѣсь въ такой часъ, при такомъ освѣщеніи, и ей казалось, что она впервые пришла въ это мѣсто. Этотъ большой, обаятельный городъ, этотъ Лондонъ—теперь ея городъ. Тутъ она будетъ бороться, тутъ будетъ ходить, куда захочетъ, тутъ будетъ жить.—Я рада—сказала она себѣ,—что рѣшилась пріѣхать.—

Она выбрала отель, который показался ей не очень роскошнымъ, въ маленькой боковой улицѣ, выходившей на набережную, и, вернувшись на вокзалъ, поѣхала съ вещами въ этотъ отель. Тамъ въ первую минуту не рѣшались дать ей комнату; барышня въ бюро сказала, что пойдетъ справиться. Анна-Вероника, дѣлая видъ, что внимательно читаетъ воззваніе надъ кружкой для пожертвованій на какой-то госпиталь, почувствовала, что сзади ее оглядываетъ маленькій господинъ съ бакенбардами, во фракѣ, вышедшій изъ внутреннихъ помѣщеній отеля. Вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько слугъ въ зеленомъ тоже смотрѣли на нее и на ея багажъ. Результатъ осмотра былъ видимо благопріятный, и она вскорѣ очутилась въ комнатѣ подъ № 47, въ ожиданіи своего багажа.

— Пока все идетъ хорошо—рѣшила она.

XX.

Но вскорѣ, когда она сѣла на единственное кресло, обитое краснымъ шелкомъ, и осмотрѣла сначала свои вещи, потомъ аккуратно убранную, но пустую комнату, въ которой не чувствовалось присутствіе людей, пустой шкафъ, стѣны безъ картинъ и шаблонную обстановку, у нея появилось жуткое чувство. Ей показалось, что она никому не нужна, что ее бросили со всѣми ея вещами въ этотъ уголъ, лишенный всякой уютности.

Она рѣшила опять выйти на улицу, зайти въ чайную и затѣмъ поискать какую-нибудь дешевую комнату. Конечно, это главное: найти дешевую комнату и работать. Комната № 47—только продолженіе желѣзнодорожнаго купэ.

Какъ достаютъ работу?

Она прошла вдоль Стрэнда, черезъ Трафальгаръ-Скверъ, черезъ Гэймаркетъ къ Пикадилли, а затѣмъ мимо скверовъ, вдоль пышныхъ улицъ вышла на Оксфордъ-Стритъ. Мысли ея

были заняты на половину заботой о томъ, какъ достать работу, наполовину наслажденіемъ, которое ей доставлялъ Лондонъ. Она въ первый разъ въ жизни шла по Лондону безъ опредѣленной цѣли. Ей впервые казалось, что она какъ бы впитываетъ въ себя Лондонъ.

Она попыталась представить себѣ, какъ люди ищутъ работу. Можетъ-быть войти куда-нибудь и объяснить, что̀ она умѣетъ дѣлать? Она постояла у окна навигаціонной конторы въ Кокспе（ръ-Стритѣ и у входа въ магазинъ арміи и флота, но рѣшила, что вѣроятно есть какіе-нибудь опредѣленные часы для дѣловыхъ сношеній, и что лучше узнать это раньше, чѣмъ пытаться достать здѣсь работу. Пытаться какъ разъ теперь ей не хотѣлось.

Она стала мечтать о разнаго рода пріятной работѣ, о пріятномъ устройствѣ жизни. Отъ этихъ мечтаній ее отвлекло странное поведеніе какого-то господина среднихъ лѣтъ на Пикадилли. Онъ вдругъ вынырнулъ изъ неизвѣстности близъ Берлингтонской Арки, переходя черезъ дорогу на встрѣчу ей и глядя на нее въ упоръ. Онъ казался ровесникомъ ея отца. Лицо его слегка раскраснѣлось и маленькіе каріе глаза блестѣли. Онъ остановился на тротуарѣ и вдругъ обратился къ ней, говоря черезъ плечо:

— Куда вы идете?—спросилъ онъ странно заискивающимъ голосомъ.—Ошеломленная Анна-Вероника въ первую минуту взглянула ему въ лицо, увидѣла его улыбку, его жадный взглядъ, и пошла дальше, ускоривъ шагъ. Но ея пріятное настроеніе духа разсѣялось.

Странный господинъ!

Искусство невѣдѣнія принадлежитъ къ качествамъ каждой хорошо воспитанной дѣвушки, и это искусство прививается такъ тщательно, что въ концѣ концовъ дѣвушка не знаетъ даже собственныхъ мыслей, предѣловъ своего пониманія. Анна-Вероника могла одновременно недоумѣвать, зачѣмъ собственно этотъ чудакъ заговорилъ съ ней, и въ то же время знать, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, что̀ означало его желаніе заговорить. Бывая ежедневно въ Тредгольдъ-Коллэджѣ, она многое видѣла и многаго не видѣла изъ того, что̀ дѣвушкамъ полагается не знать. Все это имѣло прямое отношеніе къ ней самой, къ ея жизни—и все же, въ силу условностей, было ей несказанно чуждо. При всей своей исключительной умственной предпріимчивости, она все же никогда прямо къ этимъ вопросамъ не подходила.

Она продолжала свой путь уже не предаваясь мечтамъ, не

восхищаясь всѣмъ вокругъ нея, а разстроенная, невольно оглядываясь, скрывая тревогу подъ спокойнымъ выраженіемъ лица. Прежнее чувство непринужденности исчезло.

Приближаясь къ концу Пикадилли, она увидѣла шедшую навстрѣчу ей женщину—высокую женщину, которая на первый взглядъ казалась очень красивой и изящной. Она выступала горделиво, самоувѣренно, какъ статный корабль. Но когда она приблизилась, оказалось, что лицо у нея нарумяненное, и сквозь спокойное выраженіе виднѣлась озабоченность. Чувствовалась какая-то фальшь во всей ея роскоши. Анна-Вероника не могла припомнить слово, опредѣляющее ее; это слово, только на половину понятое ею прежде, но сохранившееся въ ея сознаніи, было—„продажная". Позади этой женщины и стараясь идти рядомъ, шелъ изящно одѣтый господинъ, въ глазахъ котораго свѣтилось желаніе; женщина видимо нравилась ему. Что-то показывало, что эта женщина и этотъ мужчина таинственно связаны другъ съ другомъ; чувствовалось, что она знаетъ, кто идетъ за нею.

Анна-Вероника во второй разъ увидѣла, что возможны возраженія противъ ея требованій свободы и полной самостоятельности. Она увидѣла, что дѣйствительно дѣвушка не можетъ безпрепятственно всегда ходить одна, что есть много злого и опаснаго на свѣтѣ, что ее ждутъ мелкія оскорбленія, болѣе раздражающія, чѣмъ дѣйствительная опасность. Только приближаясь къ Оксфордъ-Стриту, она вспомнила, что и за нею тоже кто-то идетъ слѣдомъ. Она замѣтила на другомъ тротуарѣ человѣка, который слѣдилъ за нею взглядомъ.

— Да не все ли равно!—подумала она, рѣшивъ, что ошибается, и больше не оглядываясь ни направо, ни налѣво.

Пройдя Оксфордъ-Серкусъ, Анна-Вероника вошла въ чайную, выпить чашку чая. Сѣвъ за столикъ, она снова увидѣла слѣдившаго за нею господина. Или это новый преслѣдователь, или же прежній шелъ за нею все время. На этотъ разъ въ его намѣреніяхъ нельзя было усумниться. Онъ вошелъ въ чайную, пристально глядя на Анну-Веронику, а затѣмъ сѣлъ съ другой стороны у зеркала, въ которомъ могъ слѣдить за нею.

Подъ спокойной наружностью Анны-Вероники скрывалась буря. Она была въ бѣшенствѣ, хотя, сохраняя внѣшнее спокойствіе, глядѣла въ окно, слѣдя за движеніемъ на Оксфордъ-Стритѣ. Ей хотѣлось убить этого человѣка. Онъ дѣйствительно провожалъ ее.

Зачѣмъ? Онъ навѣрное шелъ за нею съ Гровноръ-Сквера. Онъ былъ высокаго роста, блондинъ съ голубыми выпуклыми

глазами, съ длинными бѣлыми руками, которыя выставлялъ на показъ. Онъ снялъ шляпу и смотрѣлъ на Анну-Веронику; она сидѣла передъ нетронутой чашкой чая. Онъ старался поймать ея взглядъ. Когда ему разъ показалось, что она смотритъ на него, онъ улыбнулся заискивающей улыбкой. Онъ вертѣлся на стулѣ, поглаживалъ усы и отъ времени до времени самоувѣренно покашливалъ.

— Зачѣмъ онъ живетъ въ одномъ мірѣ со мной!—подумала Анна-Вероника, принужденная непрерывно читать прейскурантъ. Господь вѣдаетъ, какія смутныя грезы страсти и желаній наполняли воображеніе блондина, какія романтическія приключенія грезились ему. Ихъ во всякомъ случаѣ было достаточно, чтобы онъ съ идіотскимъ, непристойнымъ упрямствомъ погнался за Анной-Вероникой, какъ только она вышла на улицу. Она не знала, что дѣлать, но боялась обратиться къ полисмену, не зная, чѣмъ это кончилось бы. Вдругъ составили бы протоколъ, и ей пришлось бы завтра явиться къ мировому судьѣ. Она стала негодовать на себя. Почему она такъ боится этого неотступнаго преслѣдователя? Можно вѣдь не обращать на него вниманія. Она вдругъ остановилась у окна цвѣточнаго магазина. Онъ прошелъ мимо, потомъ вернулся и сталъ подлѣ нея, заглядывая ей въ лицо.

Наступили сумерки. Въ магазинахъ зажигались огни, освѣтились улицы; она сбилась съ дороги. Все обаяніе Лондона разсѣялось. Среди мрачнаго, грознаго, чудовищнаго города она чувствовала только уродство погони за нею. Опять ей сталъ немилъ свѣтъ.

Были минуты, когда ей хотѣлось повернуться къ этому человѣку и заговорить съ нимъ. Но въ его лицѣ было что-то тупое и непобѣдимое, говорившее ей, что онъ будетъ по прежнему навязывать ей свое присутствіе и что заговори она съ нимъ, онъ сочтетъ это большимъ выигрышемъ. Среди полумрака онъ уже не казался отдѣльнымъ человѣкомъ, котораго можно уговорить и пристыдить. Онъ сдѣлался чѣмъ-то страшнымъ, надвигавшимся на нее...

Когда ея состояніе сдѣлалось невыносимымъ и она уже готова была обратиться за помощью къ какому-нибудь прохожему, ея преслѣдователь исчезъ. Она даже въ первую минуту не повѣрила своимъ глазамъ. Его точно поглотилъ мракъ. Но пагубное вліяніе его сказалось на ней. Она утратила первоначальную бодрость и уже не чувствовала себя свободной въ Лондонѣ. Она поспѣшила примкнуть къ потоку возвращавшихся домой

рабочихъ и шла такой же торопливой и озабоченной походкой, какъ они. Такъ она дошла до угла Тотэнгемъ-Кортъ-Рода и Юстонъ-Стрита и тамъ, по надписямъ на омнибусахъ и по выкрикамъ кондукторовъ, поняла, гдѣ она. Она не только дѣлала видъ, что несется по теченію: оно дѣйствительно несло ее. Она боялась, что за нею пойдутъ слѣдомъ, боялась темноты, открытыхъ воротъ, боялась ослѣпительныхъ потоковъ свѣта, боялась оставаться одной и сама не знала, чего боится.

Былъ восьмой часъ, когда она вернулась въ свой отель. Она думала, что уже навсегда отдѣлалась отъ человѣка съ выпуклыми голубыми глазами; но оказалось, что онъ ее сталъ преслѣдовать и во снѣ. Онъ шелъ рядомъ съ нею, онъ глядѣлъ ей въ лицо, онъ придвигался къ ней, съ любезной улыбкой, но неотразимо, пока наконецъ она не проснулась отъ кошмара его близости. Лежа въ постели, она испуганно прислушивалась къ непривычному шуму гостинницы.

Ночью она чуть было не рѣшила уѣхать домой на слѣдующее утро. Но утромъ къ ней вернулась храбрость и первыя внушенія страха окончательно изгладились изъ ея сознанія.

Она послала отцу телеграмму слѣдующаго содержанія: „Все благополучно. Я въ полной безопасности. Вероника“. Потомъ она пообѣдала à la carte, съѣвъ всего одну котлетку, и сѣла писать отвѣтъ м-ру Маннингу на его предложеніе. Но это оказалось очень труднымъ дѣломъ.

„Многоуважаемый м-ръ Маннингъ“,—начала она. Это она написала съ легкостью, также какъ и слѣдующую фразу: „Мнѣ трудно отвѣтить на ваше письмо“. Но дальше она уже ничего не могла придумать и погрузилась въ воспоминанія обо всемъ, что произошло въ этотъ день. Она рѣшила, что на слѣдующій день съ утра будетъ отвѣчать на публикаціи въ газетахъ, которыхъ было множество въ читальной комнатѣ отеля. Вечеромъ она почитала съ полчаса старые номера журналовъ въ гостиной отеля и потомъ пошла спать.

На слѣдующее утро, когда она собралась отвѣчать на публикаціи, это оказалось труднѣе, чѣмъ она предполагала. Она просмотрѣла всѣ газеты въ пенсъ, а потомъ и въ полпенса. Въ одной требовались только гувернантки и няньки и ничего другого; въ другой—только юпочницы. Она отмѣтила нѣсколько болѣе подходящихъ публикацій, но потомъ вспомнила, что у нея нѣтъ еще даже адреса, по которому она могла бы получать письма.

Она рѣшила, поэтому, отложить исканіе работы до слѣдую-

щаго дня и посвятить утро объясненіямъ съ Маннингомъ. Порвавъ нѣсколько листковъ бумаги, она наконецъ написала слѣдующее:

„Многоуважаемый м-ръ Маннингъ, мнѣ очень трудно отвѣтить на ваше письмо. Позвольте мнѣ прежде всего сказать, что я польщена вашимъ серьезнымъ, добрымъ отношеніемъ ко мнѣ. Во-вторыхъ, я должна сказать, что лучше бы ваше письмо ко мнѣ не было написано".

Она перечла нѣсколько разъ это начало прежде чѣмъ продолжать.—Зачѣмъ писать такія фразы?—думалось ей.—Но все равно,—рѣшила она.—Я больше мѣнять не стану. Я слишкомъ ужъ много разъ начинала писать съизнова.—Она продолжала, стараясь писать просто и непринужденно:

„Мнѣ казалось, что мы съ вами были друзьями, а теперь, можетъ-быть, будетъ трудно возстановить прежнія дружескія отношенія. Но если это окажется возможнымъ, я буду очень рада. Мнѣ рано еще выходить замужъ. Я въ послѣднее время много объ этомъ думала, и мнѣ кажется, что замужество—самое важное въ жизни дѣвушки. Это не одно изъ многихъ важныхъ дѣлъ, а единственно важное въ жизни; и какъ рѣшиться поэтому на замужество, имѣя такъ мало жизненнаго опыта, какъ я? Будьте добры, забудьте, что вы написали это письмо и простите мнѣ мой отвѣтъ. Я хотѣла бы, чтобы вы относились ко мнѣ какъ къ пріятелю-мужчинѣ, совершенно не думая о женитьбѣ на мнѣ.

„Я надѣюсь, что вы сможете это сдѣлать, такъ какъ я чрезвычайно цѣню мужскую дружбу. Я буду очень жалѣть, если вы не сдѣлаетесь моимъ другомъ. Лучшій другъ для дѣвушки—мужчина нѣсколько старше, чѣмъ она.

„Вы, быть можетъ, уже знаете о томъ, что я уѣхала отъ отца. Возможно, что вы меня будете очень порицать. Или нѣтъ? Можетъ-быть, вы подумаете, что я сдѣлала это изъ дѣтскаго каприза, только потому, что отецъ не пустилъ меня на вечеръ, на которомъ я хотѣла быть. Увѣряю васъ, что причины, побудившія меня уѣхать, болѣе серьезны. Я чувствовала, что если я останусь дома, мое развитіе остановится; меня точно спрятали отъ живительнаго свѣта жизни, и я боялась зачахнуть въ темнотѣ. Я была точно маріонетка, которую дергаютъ за веревочку, заставляя ее дѣлать все, чего пожелаютъ. А я хочу дѣйствовать по своей волѣ. Я предпочитаю самую тяжелую самостоятельную жизнь опекѣ надъ собой. Я хочу быть самой собой. Можетъ ли мужчина понять это совершенно особое чув-

ство? Я теперь уже не та, которую вы знали въ Морнинсайдъ-паркѣ. Я—молодая особа, которая ищетъ работы, жаждетъ свободы и саморазвитія, т.-е. какъ разъ того, о чемъ я вамъ говорила во время нашей первой бесѣды. Надѣюсь, вы все поймете и не обидитесь на меня, не будете слишкомъ возмущены тѣмъ, что я сдѣлала.—Искренно уважающая васъ Анна-Вероника Стэнли".

XXI.

Днемъ она опять принялась искать комнату. Возбуждавшее ее чувство новизны уступило мѣсто болѣе дѣловитому состоянію духа. Она направилась къ сѣверу отъ Стрэнда и попала въ странный, мрачный кварталъ.

Она никогда не думала, что жизнь можетъ быть такой ужасной, какой она представилась ей въ началѣ ея поисковъ. Она опять увидѣла стороны жизни, о которыхъ ее учили не думать. То, что попадалось ей на глаза, рѣзко разбивало, не смотря на всю ея храбрость, всѣ представленія энергичной, чистой дѣвушки, которая вырвалась изъ Морнинсайдъ-Парка, какъ изъ душной кельи на свѣжій воздухъ. Нѣсколько хозяекъ отказались поселить ее у себя, и она не понимала, почему онѣ при этомъ принимали такой самонадѣянно-добродѣтельный видъ.—Мы дамамъ не отдаемъ комнатъ—заявляли онѣ.

Она направилась черезъ Теобальдъ-Стритъ въ кварталъ около Тичфильдъ-Стрита. Всѣ меблированныя комнаты, которыя она смотрѣла тамъ, были или необыкновенно грязны, или очень дороги, или же и дороги, и грязны. А нѣкоторыя были увѣшаны картинами, хуже которыхъ Анна-Вероника ничего въ жизни не видала. Она любила красивые предметы, любила красоту и въ неприкрытомъ видѣ. Но на этихъ картинахъ грубо подчеркивалась только округленность женской фигуры. Окна въ этихъ комнатахъ были завѣшаны драпировками, на полу лежалъ коверъ въ заплатахъ, на каминѣ стояли фарфоровыя фигурки совершенно особаго вида. И хозяйки этихъ комнатъ, точно сговорившись, заявляли всѣ, что она для нихъ неподходящая жиличка. Ей это показалось страннымъ.

Многіе изъ этихъ домовъ имѣли таинственный видъ, точно тамъ творилось что-то мелко, грязно дурное. Женщины, отдававшія въ наемъ эти комнаты, говорили ласково; но ласковость ихъ была какъ бы маской, изъ-за которой онѣ выглядывали

злобно и враждебно. Одна старуха, близорукая, съ дрожащими руками, назвала Анну-Веронику „милочкой“ и сказала что-то очень туманное; Анна-Вероника поняла скорѣе смыслъ сказаннаго ею, нежели слова.

Въ теченіе нѣкотораго времени она перестала искать комнату и стала просто бродить по грязнымъ улицамъ. Она увидѣла нищету, видъ которой изумилъ и взволновалъ ее; она стыдилась своего прежняго невѣдѣнія. У нея было такое чувство, какое должно быть у индуса, который коснулся чего-нибудь оскорбительнаго для его касты. Она всматривалась въ людей, проходившихъ мимо нея по улицѣ, съ возрастающимъ интересомъ. Нѣсколько разъ мимо нея проходили дѣвушки въ яркихъ нарядахъ, направляясь къ Риджентъ-Стриту. Ей не приходило въ голову, что онѣ, по крайней мѣрѣ, нашли способъ зарабатывать себѣ на пропитаніе и что въ экономическомъ отношеніи у нихъ есть преимущество передъ нею. Ей также не пришло въ голову, что, при всей разницѣ воспитанія и характера, у нихъ была такая же душа, какъ у нея.

Нѣсколько времени Анна-Вероника шла по грязнымъ, мрачнымъ улицамъ. Наконецъ, къ сѣверу отъ Юстонъ-Рода, атмосфера окружающей жизни измѣнилась. На окнахъ появились чистыя занавѣски, ступеньки лѣстницъ были вымыты, въ чисто вымытыхъ окнахъ висѣли аккуратно повѣшанные плакаты, на которыхъ значилось крупными буквами: „Сдаются комнаты“.

На небольшой улицѣ вблизи Гамстэдъ-Рода она нашла комнату, довольно большую, аккуратно прибранную. Хозяйка была высокая женщина, съ добрымъ лицомъ. — Вы, можетъ-быть, студентка? — спросила высокая женщина. — Да, я учусь въ Тредгольдъ-Коллэджѣ — сказала Анна-Вероника. Она поняла, что гораздо спокойнѣе не разсказывать, что она ушла изъ дому и ищетъ работы. Обои въ комнатѣ были зеленые съ крупными разводами, немножко полинявшіе. Кресло и сидѣнья стульевъ обиты были яркимъ кретономъ, изъ котораго была сшита и оконная занавѣсь. Круглый столъ посрединѣ былъ накрытъ зеленымъ сукномъ подъ цвѣтъ обоямъ. Въ углубленіи у камина стояли полки для книгъ. Коверъ былъ не очень потертый, кровать была устлана бѣлымъ покрываломъ. На стѣнѣ не было картоновъ съ библейскими изреченіями. Въ комнатѣ висѣла только довольно хорошая гравюра начала царствованія королевы Викторіи; гравюра изображала пиръ Валтазара. Женщина, которая показывала комнату, имѣла спокойныя манеры и умное лицо умѣлой служанки.

Анна-Вероника перевезла багажъ изъ отеля къ себѣ въ комнату. Она дала на чай швейцару отеля, заплатила за кэбъ больше, чѣмъ слѣдовало, разложила свои книги и свои вещи, что придало комнатѣ уютный видъ, и сѣла въ довольно удобное кресло у огня. Она заказала на ужинъ чай, яйца и компотъ. Вопросъ о ѣдѣ она обсудила съ услужливой хозяйкой. — А теперь—сказала Анна-Вероника, оглядывая комнату съ новымъ для нея чувствомъ собственности,—а теперь что начать?

Весь вечеръ она писала письма. Написала отцу—что было довольно трудно, затѣмъ Виджеттамъ; имъ ей было совершенно легко писать. Это ее очень подбодрило. Необходимость отстаивать себя и говорить увѣреннымъ тономъ значительно содѣйствовала тому, что у нея разсѣялось чувство беззащитности въ огромномъ, мрачномъ мірѣ, изобилующемъ грозными возможностями. Она надписала адреса, подумала еще нѣсколько времени и затѣмъ пошла и опустила письма въ ящикъ. Потомъ ей хотѣлось вернуть письмо къ отцу, чтобы еще разъ прочесть его, и если оно не такое, какъ ей хотѣлось, написать ему другое письмо.

Завтра онъ будетъ знать ея адресъ. Она подумала объ этомъ съ ужасомъ и въ то же время съ какой-то скрытой радостью.

— Бѣдный папа!—сказала она.—Онъ будетъ внѣ себя. Но что же дѣлать? Что-то онъ скажетъ?

XXII.

Слѣдующій день начался спокойно. Анна-Вероника сидѣла въ своей собственной комнатѣ, позавтракала яйцомъ и чаемъ съ вареньемъ и прочла объявленія въ „Daily Telegraph". Пришла телеграмма за подписью тети, напомнившая Аннѣ-Вероникѣ, что у нея нѣтъ мѣста, гдѣ принять гостей. Она пошла къ хозяйкѣ и попросила предоставить ей гостиную въ первомъ этажѣ, которая, къ счастью, не была занята. Она объяснила, что къ ней придутъ по важному дѣлу. Тетя явилась въ половинѣ одиннадцатаго, вся въ черномъ, подъ густой вуалью въ мушкахъ. Она подняла вуаль съ видомъ заговорщицы. У нея было заплаканное лицо. Съ минуту она молчала.

— Милая Ви,—сказала она наконецъ, когда смогла перевести дыханіе,—ѣдемъ сейчасъ же домой.

Анна-Вероника тихо затворила дверь и стояла, ничего не отвѣчая.

— Это чуть не убило твоего отца... Послѣ Гвенъ!

— Я послала телеграмму.

— Онъ такъ любитъ тебя!

— Я телеграфировала, что нечего тревожиться.

— Мнѣ ничего въ голову не приходило. Я ничего не замѣчала.—Она сѣла и тяжело опустила руки на столъ.—О, Вероника!—сказала она.—Какъ можно было убѣжать изъ дому?

Она видимо много плакала раньше и теперь снова заплакала. Анну-Веронику разстроила ея печаль.

— Зачѣмъ ты это сдѣлала?—продолжала спрашивать тетя.— Развѣ ты не могла довѣриться намъ?

— Довѣриться?—спросила Анна-Вероника.

— Что ты сдѣлала?

— Да что я такого сдѣлала?

— Убѣжать изъ дому! Уйти тайкомъ! Мы вѣдь ничего не подозрѣвали. Мы такъ гордились тобой, столько надеждъ возлагали на тебя. Я была увѣрена, что ты—самая счастливая дѣвушка въ мірѣ. Я готова была на все для тебя. Отецъ твой вчера не хотѣлъ ложиться спать. Я едва уговорила его прилечь. Онъ хотѣлъ сейчасъ же надѣть пальто и поѣхать за тобой въ Лондонъ. Совсѣмъ какъ тогда съ Гвенъ. Только Гвенъ оставила письмо на подушечкѣ для булавокъ. Ты даже этого не сдѣлала, Ви!

— Я вѣдь послала телеграмму, тетя.

— Короткую—какъ ударъ ножомъ въ сердце. Ты даже не выписала всѣхъ двѣнадцати словъ.

— Я сообщила, что нечего безпокоиться.

— А Гвенъ написала даже, что она счастлива. Пока не пришла телеграмма, отецъ даже не зналъ, что ты уѣхала. Онъ какъ разъ началъ сердиться на то, что ты опоздала къ обѣду, какъ вдругъ принесли телеграмму. Онъ спокойно открылъ ее, а когда прочелъ, то такъ стукнулъ по столу, что суповая ложка упала на скатерть, расплескавъ супъ.—Я нагоню ихъ и убью его! Я его убью!—кричалъ онъ. Въ первую минуту я думала, что телеграмма отъ Гвенъ.

— Отецъ что-то вообразилъ себѣ?

— Конечно—вообразилъ. Всякій бы на его мѣстѣ подумалъ то же самое. Онъ стоялъ, скомкавъ телеграмму въ рукѣ, и страшно бранился. Потомъ онъ сказалъ: — Анна-Вероника ушла вслѣдъ за сестрой! — Ушла! —воскликнула я. —Ушла!—сказалъ онъ.— Прочти.—Онъ такъ швырнулъ телеграмму, что она попала въ суповую миску. Онъ выбранилъ меня, когда я стала вычерпывать бумажку ложкой и сказалъ мнѣ, что было въ телеграммѣ. По-

томъ онъ сѣлъ въ кресло и заявилъ, что тѣхъ, которые пишутъ романы, нужно повѣсить. Никогда въ жизни я не видѣла твоего отца въ такомъ волненіи.—Ви! Дорогая моя Ви!—стоналъ онъ, закрывъ лицо руками, и долго такъ сидѣлъ, прежде чѣмъ снова сталъ кричать.

Анна-Вероника слушала тетю стоя.

— Послушайте, тетя,—сказала она:—кажется отецъ мой предположилъ, что я ушла—не одна, а съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ?

— Что же другого онъ могъ предположить? Кто же могъ подумать, что ты совершенно сумасшедшая и ушла одна?

— Развѣ это такъ удивительно послѣ всего, что произошло наканунѣ?

— Зачѣмъ поднимать старые споры? Еслибы ты его видѣла сегодня утромъ, блѣднаго какъ полотно, съ изрѣзаннымъ бритвой лицомъ! Онъ хотѣлъ поѣхать съ первымъ же поѣздомъ за тобой, но я сказала:—подожди письма. Когда пришло твое письмо, онъ такъ дрожалъ, что едва могъ разорвать конвертъ. Потомъ онъ бросилъ письмо мнѣ.—Поѣзжай и привези ее домой!—сказалъ онъ.—Это не то, что мы думали. Она просто пошутила.—Съ этими словами онъ уѣхалъ въ Сити съ суровымъ видомъ, не дотронувшись до поджаренной ветчины за завтракомъ. Такъ онъ и не завтракалъ, а вчера почти не обѣдалъ. Со вчерашняго чая у него ничего во рту не было.

Она остановилась. Тетя и племянница посмотрѣли другъ на друга.

— Ты должна сейчасъ же поѣхать со мной домой!—сказала миссъ Стэнли.

Анна-Вероника опустила глаза на свои пальцы, лежавшіе на красной скатерти. Тетя ея вызвала слишкомъ живой образъ ея отца, властнаго, самонадѣяннаго, рѣзкаго, чувствительнаго, безцѣльно крикливаго. Почему онъ ей мѣшаетъ сдѣлаться такой, какой она желаетъ быть? Гордость ея возмутилась при одной мысли о возвращеніи домой. Она подняла глаза и сказала, слегка задыхаясь:—Я очень жалѣю, тетя, но не могу поѣхать съ вами.

Тогда начались увѣщанія. Тетя уговаривала ее въ теченіе часовъ двухъ.—Да вѣдь это немыслимо, милая!—говорила она.—Это совершенно недопустимо. Недопустимо!—И эти слова она повторяла безъ устали, лишь очень медленно убѣждаясь, что Анна-Вероника будетъ твердо стоять на своемъ.—Какъ же ты будешь жить?—спрашивала она.—Подумай, что будутъ говорить!—Это сдѣлалось припѣвомъ ко всему, что она говорила.—Подумай,

что скажетъ лэди Польсворзи! Подумай о томъ-то, о такихъ-то. Что намъ сказать людямъ? А главное, что̀ я скажу твоему отцу?—

Сначала Анна-Вероника вовсе не была увѣрена въ томъ, что она не согласится вернуться домой. Она до нѣкоторой степени мечтала о капитуляціи на условіяхъ большей свободы и самостоятельности дома. Но когда тетя стала выяснять ей послѣдствія ея бѣгства изъ дому, когда она безъ всякой послѣдовательности и логичности переходила отъ одного важнаго соображенія къ другому, перепутывая факты и предположенія, сплетая ихъ съ чувствами, то Анна-Вероника стала все болѣе и болѣе убѣждаться, что если она вернется, то ничто въ ея положеніи не измѣнится къ лучшему.—А что подумаетъ м-ръ Маннингъ?—сказала тетя.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что̀ подумаетъ кто бы то ни было!—сказала Анна-Вероника.

— Не понимаю, что̀ это на тебя нашло!—сказала тетя.—Не могу себѣ представить, что̀ тебѣ нужно, глупая ты дѣвчонка!

Анна-Вероника ничего не отвѣтила. Въ глубинѣ души она какъ-то чувствовала, что сама не знаетъ, чего ей нужно. Но все-таки несправедливо было называть ее глупой дѣвчонкой.

— Развѣ ты совершенно равнодушна къ м-ру Маннингу?

— Какое отношеніе имѣетъ онъ къ моему пріѣзду въ Лондонъ?

— Онъ боготворитъ тебя. Ты этого не заслуживаешь, но таковы его чувства. Такъ, по крайней мѣрѣ, было два дня тому назадъ. А ты вотъ что придумала!

Тетя сдѣлала краснорѣчивый жестъ рукой, затянутой въ перчатку.—Все это прямо безуміе съ твоей стороны! Убѣжать изъ дому—потому что отецъ не позволилъ тебѣ ослушаться его!

XXIII.

Въ тотъ же день, черезъ нѣсколько часовъ, увѣщеваніемъ Анны-Вероники занялся самъ м-ръ Стэнли. Его способъ увѣщеванія былъ нѣсколько рѣзкій и насильственный. Отецъ и дочь сильно поспорили у стола съ красной скатертью, подъ газовой люстрой. Она хотѣла сохранить достоинство, но онъ съ самаго начала впалъ въ состояніе бѣшенства и началъ съ завѣренія, что бунтъ конченъ и что она должна покорно вернуться домой. Отъ этого одного у нея вскипѣла кровь. Въ

своемъ желаніи энергично воздѣйствовать на Анну-Веронику и отмстить ей за пережитую имъ тревогу онъ сдѣлался еще болѣе грубымъ, чѣмъ былъ когда-либо съ дочерью.

— Здорово же вы меня напугали, сударыня!—сказалъ онъ, входя.—Надѣюсь, что этого достаточно.

Она испугалась—гнѣвъ отца всегда пугалъ ее; чтобы скрыть свой испугъ, она приняла видъ оскорбленной королевы. Она выразила надежду, что онъ не будетъ слишкомъ огорченъ шагомъ, который она принуждена была сдѣлать, а онъ ей на это сказалъ, чтобы она не говорила глупостей. Она старалась отстоять себя заявленіемъ, что онъ поставилъ ее въ невозможное положеніе, а онъ крикнулъ въ отвѣтъ:—Глупости! Глупости! Всякій отецъ поступилъ бы на моемъ мѣстѣ совершенно такъ же, какъ я.—

Затѣмъ онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ: — Надѣюсь, что это маленькое приключеніе удовлетворитъ тебя—сказалъ онъ.— Отправься сейчасъ же въ свою комнату и собери вещи. А я скажу, чтобы пошли за кэбомъ.

На это она могла только отвѣтить: — Я домой не вернусь.

— Не вернешься домой?

— Нѣтъ.—Не смотря на свое рѣшеніе держаться съ достоинствомъ, Анна-Вероника начала плакать отъ страха. Ей суждено было плакать всегда, когда она говорила съ отцомъ. Онъ заставлялъ ее неожиданно совершать рѣшительные поступки. Она побоялась, что онъ приметъ ея слезы за признакъ слабости, и потому сказала:—Я не вернусь домой. Лучше умру съ голода.

На минуту разговоръ остановился на этомъ ея заявленіи. М-ръ Стэнли, положивъ руки на столъ, скорѣе въ позѣ защитника, нежели обвинителя, и глядя на дочь сквозь очки, съ нескрываемой враждебностью сказалъ: — А на какія средства ты думаешь жить, осмѣлюсь я спросить?

— Какъ-нибудь проживу! — рыдая, отвѣтила Анна-Вероника.—Объ этомъ нечего безпокоиться. Я какъ-нибудь устроюсь.

— Но я все-таки безпокоюсь,—сказалъ м-ръ Стэнли,—я безпокоюсь. По твоему мнѣ все равно, что дочь моя будетъ бѣгать по Лондону, выискивая случайный заработокъ и унижая себя?

— У меня будетъ постоянный заработокъ, а не случайный— возразила Анна-Вероника, отирая глаза.

Съ этой минуты борьба становилась все болѣе ожесточенной. М-ръ Стэнли опирался на свой авторитетъ и требовалъ, чтобы Анна-Воронresponse ѣхала домой. Она говорила, что не поѣдетъ. Онъ требовалъ послушанія, грозя, что въ противномъ случаѣ

она „никогда болѣе не осквернитъ его порогъ" своимъ появленіемъ и браня ее грубыми словами. Но и послѣ этихъ угрозъ Анна-Вероника повторила, рыдая, что никогда не вернется домой. Они заговорили оба вмѣстѣ, перебивая другъ друга. Онъ спросилъ, понимаетъ ли она, что̀ говоритъ, и еще разъ объяснилъ, что она не получитъ отъ него ни одного пенса—ни одного,—пока не вернется домой. Анна-Вероника сказала, что ей все равно.

Тогда вдругъ м-ръ Стэнли перемѣнилъ тонъ.—Безразсудная дѣвочка!—сказалъ онъ.—Неужели ты не понимаешь, до чего ты безумна? Подумай, отъ какой любви и заботливости ты отказываешься! Вспомни о тетѣ, которая сдѣлалась для тебя второй матерью! Подумай, что̀ было бы, еслибы твоя мать была жива!

Онъ остановился въ глубокомъ волненіи.

— Еслибы моя мать была жива — проговорила среди рыданій Анна-Вероника,—она бы поняла меня.

Бесѣда становилась все болѣе безрезультатной и утомительной. Анна-Вероника сердилась на себя за то, что она ссорится и споритъ съ отцомъ такъ, точно онъ былъ ей братомъ. Это ей казалось ужаснымъ—но что же было дѣлать! Она хотѣла жить своей жизнью, а отецъ препятствовалъ этому своими оскорбленіями и насмѣшками. Впослѣдствіи, вспоминая объ этомъ днѣ, она была поражена тѣмъ, что все пошло прахомъ такъ неожиданно: въ началѣ объясненій съ отцомъ она вполнѣ допускала, что вернется домой, если отецъ согласится на ея условія. Ожидая его прихода, она устанавливала вполнѣ разумно, какъ ей казалось, свои отношенія къ нему въ настоящемъ и въ будущемъ. Она ждала спокойнаго обсужденія обстоятельствъ, а вмѣсто этого послѣдовала буря, крики, плачъ, угрозы, невозможныя требованія. Не только отецъ наговорилъ много непослѣдовательнаго, нелѣпаго, но и она стала говорить въ томъ же духѣ. По его словамъ выходило, что все дѣло—въ ея уходѣ изъ дому, и онъ считалъ единственнымъ возможнымъ исходомъ повиновеніе съ ея стороны. Она стала протестовать противъ такой постановки вопроса и дошла до того, что мятежъ сталъ казаться ей священнымъ долгомъ. Мало того онъ все время дѣлалъ отвратительные намеки на то, что тутъ замѣшанъ какой-нибудь мужчина... Мужчина!

Въ заключеніе бесѣды отецъ остановился въ дверяхъ, держа шляпу въ одной рукѣ и зонтикъ въ другой, и, грозя ей зонтикомъ, въ послѣдній разъ убѣждалъ ее опомниться.

— Понимаешь ли ты, что̀ будетъ?—говорилъ онъ.—Понимаешь?

— Понимаю!—сказала Анна-Вероника, вся въ слезахъ, раскраснѣвшаяся отъ наплыва чувствъ, но говоря съ отцомъ, къ собственному удивленію, какъ равная.—Я понимаю.—Она сдержала рыданіе.—„Ни одного пенса—ни одного"—и „никогда не осквернять своимъ появленіемъ вашъ порогъ".

XXIV.

На слѣдующій день снова явилась тетя и опять стала ее убѣждать. Она только что успѣла сказать, что неслыханно такъ убѣгать изъ дому, какъ явился отецъ. Любезная хозяйка провела его къ дочери.

Отецъ Анны-Вероники перемѣнилъ тактику. Онъ положилъ на стулъ шляпу и зонтикъ и твердо посмотрѣлъ на дочь.

— Теперь пора—спокойно сказалъ онъ—бросить весь этотъ вздоръ.

Анна-Вероника хотѣла возразить, но онъ продолжалъ, не слушая ее, съ тѣмъ же убійственнымъ спокойствіемъ:—Я пріѣхалъ не для того, чтобы снова препираться съ тобой. Довольно. Поѣзжай домой.

— Я вѣдь, кажется, объяснила...

— Ты, кажется, не слышала, что я сказалъ?—снова заговорилъ отецъ.—Я сказалъ, что ты поѣдешь домой.

— Я, кажется, объяснила...

— Поѣзжай домой.

Анна-Вероника пожала плечами.

— Ну, хорошо!—сказалъ отецъ.—На этомъ я кончаю разговоръ.—Намъ нѣтъ надобности дольше молить ее,—прибавилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ.—Пусть научится сама уму-разуму.

— Что ты, что ты, милый Петеръ!—воскликнула миссъ Стэнли.

— Отцу не подобаетъ такъ долго упрашивать дочь—сказалъ м-ръ Стэнли.

Сестра его поднялась со стула и посмотрѣла на Анну-Веронику. Дѣвушка стояла, заложивъ руки за спину, съ рѣшительнымъ видомъ. Прядь ея темныхъ волосъ спустилась на одинъ глазъ, и она казалась отъ этого еще болѣе хрупкой, еще болѣе похожей на упрямаго ребенка.

— Она не знаетъ, что дѣлаетъ.

— Она знаетъ.

— Не понимаю, почему ты такъ упрямишься, — сказала миссъ Стэнли племянницѣ.

— Довольно! — сказалъ ея братъ. — Пусть поступаетъ по своему. Въ наше время дѣти перестали принадлежать родителямъ. Ихъ воля направлена противъ родителей... Дрянные романы и зловредные негодяи! Мы не можемъ даже уберечь дѣтей отъ нихъ самихъ.

Глубокая пропасть раскрылась между отцомъ и дочерью при этихъ словахъ м-ра Стэнли.

— Не понимаю—проговорила, задыхаясь, Анна-Вероника,— почему родители и дѣти... не могутъ быть друзьями?!

— Друзьями!—воскликнулъ отецъ.—Когда вы изъ ослушанія прямо губите себя! Пойдемъ, Молли, пусть она живетъ по своему. Я старался повлiять на нее своимъ авторитетомъ. Она не слушается. Что же я могу еще сказать?

Анна-Вероника вдругъ почувствовала приливъ горячаго чувства къ отцу. Она отдала бы все въ эту минуту за то, чтобы съумѣть обратиться къ нему съ призывомъ, и тѣмъ самымъ перекинуть мостъ черезъ бездонную пропасть, которая открылась между ними. Но она не могла сказать ничего искренняго, ничего, что проникло бы въ сердце отца.

— Отецъ!—крикнула она.—Я хочу жить!

Онъ невѣрно понялъ ее. — Заботься сама о средствахъ къ жизни!—мрачно сказалъ онъ, взявшись за ручку двери. — Или живи со мной въ Морнинсайдъ-Паркѣ.

Миссъ Стэнли обернулась къ ней. — Ви! — сказала она — поѣзжай съ нами домой. Потомъ будетъ поздно.

— Пойдемъ, Молли! — сказалъ м-ръ Стэнли, стоя въ дверяхъ.

— Ви! — еще разъ сказала миссъ Стэнли. — Ты слышишь, что говоритъ отецъ?

Миссъ Стэнли боролась съ волновавшими ее чувствами. Она порывисто бросилась къ племянницѣ, потомъ вдругъ судорожно бросила что-то на столъ и послѣдовала за братомъ. Анна-Вероника посмотрѣла съ изумленiемъ на темно-зеленый предметъ, упавшiй со звономъ на столъ. Это былъ кошелекъ. Она сдѣлала шагъ впередъ.

— Тетя!—крикнула она—я не могу...

Но голубые глаза тети Молли обратились на нее съ мольбой, и она остановилась. Дверь закрылась за тетей и отцомъ. Черезъ минуту раздался стукъ закрывшейся входной двери.

Анна-Вероника поняла, что она осталась одинокой въ мiрѣ.

Отецъ ушелъ навсегда—она это чувствовала, и ей пришлось побороть въ себѣ желаніе побѣжать за нимъ и уступить.

— Теперь все кончено! — сказала она наконецъ, успокоившись. — Будь что будетъ. Она взяла кошелекъ тети и открыла его. Въ немъ было три золотыхъ, шесть шиллинговъ и мелочь, маленькій ключикъ и обратный билетъ тети въ Морнинсайдъ-Паркъ.

Послѣ этой сцены съ отцомъ Анна-Вероника считала себя совершенно отрѣзанной отъ сношеній съ домомъ. Самымъ большимъ подтвержденіемъ этого былъ кошелекъ тети. Но ей пришлось и послѣ этого претерпѣть еще нѣсколько увѣщаній отъ родныхъ и знакомыхъ. Прежде всего явился уговаривать ее братъ ея Родди, работавшій по автомобильной части; затѣмъ ей написала письмо сестра ея Алиса, и кромѣ того ее посѣтилъ м-ръ Маннингъ.

Сестра ея Алиса видимо сдѣлалась крайне благочестивой въ Іоркширѣ. Въ своемъ письмѣ она приводила доводы, которые не оказывали ни малѣйшаго воздѣйствія на Анну-Веронику. Она убѣждала Анну-Веронику не уподобляться „безполымъ интеллигентамъ“, которые—ни мужчины, ни женщины.

Анна-Вероника призадумалась надъ этой фразой.—Это, очевидно, *его* слова!—сказала она.—Бѣдная Алиса!

Братъ Анны-Вероники, Родди, явился къ ней, попросилъ чаю и заговорилъ о томъ же.—Прихлопнула же ты старика!—сказалъ онъ на своемъ грубоватомъ языкѣ, къ которому привыкъ въ гаражахъ.

— Курнуть можно?—спросилъ онъ.—Но я прямо-таки не вижу, что ты за игру ведешь, Ви,—сказалъ онъ.—А что ведешь игру, это ужъ навѣрное.

— Потѣшный мы всѣ народъ! — продолжалъ онъ. — Алиса свихнулась на религіи и у нея куча дѣтворы. Гвенъ—я ее видѣлъ на дняхъ. Она пропадаетъ. А Джимъ по горло занятъ своими магатмами, теософіей, философіей, ерундой и пишетъ письма еще почище Алисиныхъ. А теперь и ты открыла военныя дѣйствія. Кажется, одинъ только я—здоровый членъ семьи. Родитель тоже такой же сумасшедшій, какъ и ты, при всей своей почтенности. Ничего у него нѣтъ основательнаго.

— Да что ты!

— Я тебѣ говорю. Онъ съ самаго начала гнался за восемью процентами. Вотъ увидишь, чѣмъ это кончится! Онъ уже былъ раза два на краю... это и взвинтило ему нервы. Я полагаю, что мы всѣ—человѣческія существа; но вотъ, поди, что за штука

священный институтъ семьи! Если насъ взять цѣлымъ букетомъ. Не дурно, не правда ли?.. Я до нѣкоторой степени одобряю тебя, Ви. Но вотъ не знаю, какъ ты справишься. Родной домъ хоть и клѣтка, но — всетаки домъ. Даетъ право жить на шеѣ старика. А такъ чертовски трудно для дѣвицы достать себѣ заработокъ. Я бы не хотѣлъ быть на твоемъ мѣстѣ.

Онъ сталъ распрашивать ее и нѣсколько времени внимательно слушалъ ея объясненія.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ положилъ этой исторіи конецъ, Ви,—сказалъ онъ.—Я на пять лѣтъ старше тебя, и, конечно, какъ мужчина, гораздо умнѣе. Ты задумала слишкомъ рискованное дѣло. Трудно, чертовски трудно добиться того, что̀ ты хочешь. Самостоятельность очень красивая штука — но адски трудная! Таково мое мнѣніе, если хочешь знать. Всякій трудъ, доступный дѣвушкѣ, дѣлаетъ ее жертвой эксплуатаціи. Лучше помирись съ родителемъ и вернись домой. Очень тебѣ совѣтую! Если теперь не смиришься, потомъ будетъ хуже. Я не могу помочь тебѣ ни однимъ центомъ. Жизнь достаточно трудна теперь для беззащитнаго мужчины. А дѣвчонкамъ и соваться нечего. Нужно брать жизнь такою, какъ она есть, и единственное дѣло для дѣвушки—подцѣтить мужчину, который будетъ работать на нее. Нечего злиться, Ви! Не я такъ устроилъ жизнь. Не я, а небесный Промыслъ. Таковъ порядокъ въ мірѣ. Совершенно тоже что̀ апендициты. Красиваго мало, но мы такъ устроены. Скверно, не спорю; но мы не можемъ этого измѣнить. Вернись домой и живи на счетъ родителя, а потомъ какъ можно скорѣе найди какого-нибудь другого человѣка, который будетъ содержать тебя... Это не сентиментальщина, а здравый смыслъ. Всѣ эти твои эмансипаціи къ добру не ведутъ. Въ концѣ концовъ старина П.—я хочу сказать: Промыслъ—такъ устроилъ, что мужчины въ большей или меньшей степени содержатъ васъ. Онъ построилъ міръ на этихъ началахъ. Нужно брать, что̀ дается.

Таковы были воззрѣнія ея брата Родди. Онъ разыгрывалъ варіаціи на эту тему около часа.

— Вернись домой!—сказалъ онъ на прощанье.—Непремѣнно вернись! Все это прекрасно, свобода и все такое, но совершенно ни къ чему. Міръ еще не приспособленъ къ самостоятельности дѣвицъ. Въ этомъ все дѣло. Дѣти и женщины должны имѣть кого-нибудь, кто бы ихъ содержалъ—иначе имъ конецъ. Такъ будетъ по крайней мѣрѣ еще въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ десятилѣтій. Вернись домой, Ви, и подожди лѣтъ сто—

тогда попытайся опять. Тогда, быть можетъ, у тебя и будетъ шансъ на успѣхъ. А теперь ни тѣни нѣтъ надежды—если ты намѣрена идти по прямому пути.

Анну-Веронику поразило, что м-ръ Маннингъ излагалъ на своемъ совершенно иномъ языкѣ такіе же взгляды, какъ и Родди. Онъ пришелъ, по его словамъ, только навѣстить ее, сталъ пространно извиняться, и весь сіялъ добротой. Адресъ Анны-Вероники ему очевидно дала миссъ Стэнли. Добродушная хозяйка не разобрала его фамиліи, когда онъ назвалъ себя, и сказала Аннѣ-Вероникѣ, что пришелъ высокій, красивый господинъ съ большими черными усами. Анна-Вероника, вздохнувъ противъ правилъ гостепріимства, заказала чай и сказала, чтобы развели огонь въ гостиной. Въ небольшой комнатѣ, при газовомъ освѣщеніи, его высокій ростъ и легкая согбенность производили выгодное впечатлѣніе.

— Я очень извиняюсь за свой визитъ, миссъ Стэнли, — сказалъ онъ, пожимая ей руку по модному, высоко поднявъ ее,—но вѣдь вы сами сказали, что мы можемъ остаться друзьями.

— Какъ ужасно, что вы очутились здѣсь какъ разъ теперь!— продолжалъ онъ, указывая на первый желтый туманъ за цѣлый годъ.—Но ваша тетя разсказала мнѣ о томъ, что̀ произошло... Вы поступали такъ, какъ подобаетъ вашей свѣтлой гордости. Совсѣмъ такъ!

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, пилъ чай съ бисквитами, за которыми успѣла послать Анна-Вероника, и высказывалъ ей свои взгляды, пристально глядя на нее своими глубоко сидѣвшими глазами и стараясь не оставлять крошекъ на усахъ. Анна-Вероника сидѣла, освѣщенная пламенемъ камина, и безсознательно принимала видъ опытной хозяйки дома.

— Но чѣмъ все это кончится?—спросилъ м-ръ Маннингъ.— Вашъ отецъ, конечно, долженъ понять, какъ вы великолѣпны. Онъ не понимаетъ. Я говорилъ съ нимъ; онъ совершенно не понимаетъ. И я не понималъ до вашего письма. А теперь я хотѣлъ бы служить вамъ чѣмъ только могу. Вы точно принцесса въ изгнаніи въ этихъ ужасныхъ меблированныхъ комнатахъ.

— Увы, я далеко не принцесса, когда приходится искать заработка!—сказала Анна-Вероника. — Но, повѣрьте, я доведу борьбу до конца, если только смогу.

— Боже! — воскликнулъ Маннингъ театральнымъ шопотомъ.—Вы ищете заработка! Вы точно принцесса въ изгнаніи— повторилъ онъ, настаивая на своемъ.—Вы появляетесь въ этой жалкой обстановкѣ — простите, что я называю ее жалкой —

начинаешь думать, что обстановка—пустяки. Ничто, окружающее васъ, не могло бы бросить на васъ тѣнь.

Анна-Вероника почувствовала легкое смущеніе.—Не хотите ли еще чашку чаю, м-ръ Маннингъ?—спросила она...

— Знаете,—сказалъ м-ръ Маннингъ, ставя на столъ свою чашку и не отвѣчая на вопросъ Анны-Вероники: — когда вы говорите о заработкѣ, у меня такое впечатлѣніе, точно архангелъ ходитъ по биржѣ — или точно Христосъ продавалъ бы голубей... Простите меня за то, что я осмѣлился это сказать. Я не могъ не подумать этого.

— Ваше сравненіе мнѣ нравится.

— Я зналъ, что вы не разсердитесь.

— Но развѣ эти сравненія отвѣчаютъ дѣйствительности? Очень мило, что вы такъ чувствуете, но развѣ это правда? Развѣ женщины — ангелы, а мужчины — такіе рыцари? Вы, мужчины—я знаю—хотѣли сдѣлать насъ королевами и богинями. Но на самомъ дѣлѣ—посмотрите, напримѣръ, на дѣвушекъ, которыя утромъ идутъ на работу: какія онѣ сгорбившіяся, жалкія, малокровныя! Онѣ не королевы, и никто не обходится съ ними какъ съ королевами. Или вотъ женщины, которыя сдаютъ въ наемъ комнаты съ мебелью... Я на прошлой недѣлѣ искала себѣ комнату. Женщины, которыхъ я видѣла, разстроили мнѣ нервы. Онѣ хуже всякихъ мужчинъ. Куда бы я ни стучалась, всюду была за дверью какая-нибудь страшная женщина—падшая королева—болѣе жалкая, чѣмъ та, которую я видѣла до нея, невыразимо грязная. Какія у нихъ руки!

— Я все это знаю,—сказалъ м-ръ Маннингъ съ достаточнымъ чувствомъ.

— А подумайте о самыхъ обыкновенныхъ женщинахъ, съ ихъ тревогами, ограниченіями ихъ жизни, кучами дѣтей!

М-ръ Маннингъ изобразилъ на лицѣ отчаяніе. Онъ отстранилъ все это отъ себя рукой, съѣдая четвертый бисквитъ.

— Я знаю, какъ ужасно наше общественное устройство— сказалъ онъ — и какъ въ немъ приносится въ жертву все хорошее и прекрасное. Я не защищаю нашихъ порядковъ.

— А затѣмъ, ужъ если говорить о королевахъ — продолжала Анна-Вероника,—то во всякомъ случаѣ есть двадцать одинъ съ половиной милліонъ женщинъ на двадцать милліоновъ мужчинъ. Предположимъ, что подобающее намъ мѣсто—это алтарь. Все же будетъ недоставать милліона алтарей, не считая вдовъ, вторично выходящихъ замужъ. А такъ какъ мальчиковъ уми-

раетъ больше, чѣмъ дѣвочекъ, то въ дѣйствительности несоотвѣтствіе среди взрослыхъ еще бóльшее.

— Я знаю эту ужасную статистику — сказалъ м-ръ Маннингъ. — Я знаю, что вы въ правѣ жаловаться на медленность прогресса. Но скажите мнѣ одно—только одно: чѣмъ вы поможете дѣлу, вступая въ бой и спускаясь въ грязь? Только это я хочу знать.

— Я ничѣмъ помочь не могу—сказала Анна-Вероника.— Я только спорю противъ вашего опредѣленія того, чѣмъ должна быть женщина. Я стараюсь разобраться сама въ этомъ вопросѣ. А я живу здѣсь и стараюсь найти работу, потому что... Чтó же мнѣ было дѣлать, когда отецъ фактически запиралъ меня?

— Я знаю — сказалъ м-ръ Маннингъ, — я знаю... Не думайте, что я не сочувствую вамъ. Но всетаки вотъ вы здѣсь, въ мрачномъ, туманномъ городѣ. Боже мой, какой это ужасъ! Каждый старается побороть другого, никому ни до кого нѣтъ дѣла. Въ такой день, какъ сегодня, каждый толкаетъ васъ. Въ воздухѣ стоитъ дымъ отъ каменнаго угля; все мечется въ хаосѣ, грохочатъ автомобили, лошадь падаетъ на Тотэнгемъ-Родѣ, въ углу страшно кашляетъ старуха. И среди этихъ тяжелыхъ зрѣлищъ столичной жизни появляетесь вы и надѣетесь отстоять себя. Вы слишкомъ отважны, миссъ Стэнли, слишкомъ отважны!

Анна-Вероника задумалась. Она уже два дня какъ искала работы.

— Неужели вы правы?—сказала она.

— Я вовсе не врагъ отважности въ женщинахъ. Мнѣ безконечно нравится отвага. Можетъ ли быть что-нибудь прекраснѣе молодой красавицы, отважно стоящей передъ большимъ, мощнымъ тигромъ! Сказка о Юнѣ и львѣ. Но тутъ не то. Тутъ—уродливая, дикая эксплуатація, грубая конкуренція.

— Отъ этого вамъ хотѣлось бы предохранить меня?

— Да, хотѣлось бы!—сказалъ м-ръ Маннингъ.

— Укрывъ меня въ очаровательномъ саду, гдѣ я носила бы красивыя платья и срывала цвѣты?

— О, еслибы это было возможно!

— А другія дѣвушки въ это время ходили бы на работу, другія женщины сдавали бы въ наемъ комнаты. Въ дѣйствительности прекрасный садъ былъ бы виллой въ Морнинсайдъ-Паркѣ, гдѣ отецъ мой говорилъ бы все болѣе и болѣе сердито и самоувѣренно за обѣдомъ, и гдѣ бы я постоянно ощущала пустоту жизни и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

М-ръ Маннингъ поставилъ на столъ свою чашку и многозначительно посмотрѣлъ на Анну-Викторію.

— Вы несправедливы ко мнѣ, миссъ Стэнли! — сказалъ онъ. — Мой прекрасный садъ былъ бы совсѣмъ другимъ, чѣмъ вы изобразили.

XXV.

Съ этого времени Аннѣ-Вероникѣ пришлось въ теченіе нѣсколькихъ недѣль выяснять свою рыночную цѣнность въ мірѣ. Она ходила по осеннему Лондону, который сдѣлался очень темнымъ, туманнымъ, грязнымъ и непріятнымъ, и старалась найти скромную, но вмѣстѣ съ тѣмъ независимую работу. Прежде ей казалось, что найти это будетъ легко... Она ходила по улицамъ, спокойная, серьезная, изящная и тонкая, не выказывая своихъ чувствъ, каковы бы они ни были, по мѣрѣ того, какъ все яснѣе вырисовывалась передъ нею дѣйствительность. Ея маленькая комнатка была для нея какъ бы логовищемъ, изъ котораго она выходила въ огромный недружелюбный городъ съ его дымно-сѣрыми домами, сверкающими магазинами, темными улицами, подъ тускло-мѣднымъ или грязно-сѣрымъ небомъ. Она шла, какъ идетъ звѣрь искать пищи. Потомъ она возвращалась домой и писала письма или читала книги, которыя брала у Мьюди, внеся десять шиллинговъ залога, или погружалась въ мысли, сидя у камина.

Работы, которыя представлялись ей, совершенно не соотвѣтствовали ея ожиданіямъ. При ея познаніяхъ она могла искать занятій двоякаго рода, при чемъ ни тѣ, ни другія не привлекали ее, а также не могли высвободить ее изъ зависимости, противъ которой она боролась въ лицѣ своего отца. Одинъ путь былъ — сдѣлаться помощницей на жалованьѣ, замѣстительницей жены и матери въ домѣ, словомъ — гувернанткой, помощницей школьной учительницы или бонной. Другой путь, который она могла избрать — это поступить въ магазинъ, принимать заказы у фотографа или быть продавщицей въ модномъ магазинѣ. Первый родъ занятій казался ей слишкомъ несвободнымъ, а для второго ей недоставало опытности. Эти занятія были ей не по душѣ. Она не любила магазины и ей не нравились лица продавщицъ. Къ тому же мужчины, стоявшіе во главѣ такихъ предпріятій, были чрезвычайно непріятные. Одинъ прямо назвалъ ее „милочкой“.

Ей представились также двѣ секретарскія должности, на

которыя принимали и женщинъ. Одна была у радикальнаго члена палаты, другая—у доктора на Гарли-Стритъ. Но оба они отказали ей, поговоривъ съ нею чрезвычайно учтиво и видимо восхищаясь ею. Они явно боялись ея. Былъ у нея интересный разговоръ въ большомъ отелѣ съ дамой среднихъ лѣтъ. Волоса ея были напудрены, она была вся увѣшана брильянтами и страшно надушена. Она искала себѣ компаньонку. Анна-Вероника не подошла къ ея требованіямъ.

И всѣ эти должности плохо, ужасно плохо оплачивались. Онѣ требовали всего времени и всей энергіи—и давали возможность только едва-едва кормиться. Она слышала про женщинъ журналистокъ, писательницъ и т. д. Но ее даже не допускали къ издателямъ, свиданія съ которыми она добивалась; да и неизвѣстно еще, смогла ли бы она исполнить работу, которую они могли ей дать. Однажды она отказалась отъ поисковъ и неожиданно для себя отправилась въ Тредгольдъ-Коллэджъ. Ея мѣсто еще не было занято; ее отмѣтили только отсутствующей, и она смогла поэтому провести пріятно день, анатомируя черепаху. Это было такимъ отдохновеніемъ отъ поисковъ работы, что она цѣлую недѣлю ходила на занятія, какъ будто бы жила дома. Тогда представилось ей третье секретарское мѣсто, возобновившее ея надежды. Богатый больной человѣкъ, занятый литературными изысканіями, хотѣлъ доказать, что „Королева фей“ Эдмонда Спенсера—на самомъ дѣлѣ трактатъ по молекулярной химіи, написанный особымъ, искуснымъ шифромъ.

Пріобщаясь къ жизни, выясняя свою цѣнность въ практическомъ мірѣ, Анна-Вероника вмѣстѣ съ тѣмъ знакомилась съ идеями и дѣйствіями людей, связанныхъ съ преобразованіемъ жизни, съ стремленіемъ сдѣлать жизнь такою, какой она должна была бы быть. Ее свела миссъ Миниверъ съ любопытнымъ кругомъ людей, мечтающихъ о прогрессѣ, о коренныхъ преобразованіяхъ, о новой эрѣ, которая должна уничтожить все зло современной дѣйствительности.

Миссъ Миниверъ слышала объ ея бѣгствѣ изъ дому и узнала отъ Виджеттовъ, гдѣ она живетъ. Она явилась къ Аннѣ-Вероникѣ въ десять часовъ вечера на слѣдующій же день, дрожа отъ волненія и восторга. Она пошла за хозяйкой наверхъ и крикнула Аннѣ-Вероникѣ издали:

— Можно мнѣ къ вамъ? Это я. Вы знаете — Нетти Миниверъ.

Она очутилась въ комнатѣ Анны-Вероники прежде чѣмъ та могла сообразить, кто это—Нетти Миниверъ. Глаза ея сверкали

и прямые волосы демонстрировали ея независимые суффражистскіе взгляды. Пальцы ея вылѣзали изъ перчатокъ, точно имъ не терпѣлось скорѣе придти въ соприкосновеніе съ Анной-Вероникой.

— Вы изумительны!—сказала миссъ Миниверъ восторженнымъ тономъ, схвативъ Анну-Веронику за обѣ руки и впиваясь ей взглядомъ въ лицо.—Изумительны! И вы такая спокойная при этомъ, такая ясная въ своей твердости. Такія дѣвушки какъ вы, дѣвушки съ такимъ твердымъ духомъ, покажутъ имъ, что̀ мы такое!—сказала миссъ Миниверъ.

Анна-Вероника грѣлась въ лучахъ ея восторга.

— Я слѣдила за вами въ Морнинсайдъ-Паркѣ, милая!—сказала миссъ Миниверъ.—Я слѣжу за всѣми женщинами. Мнѣ казалось, что вы—такая какъ всѣ. А теперь вы точно вдругъ выросли.

Она остановилась и прибавила:

— Неужели—вотъ бы это была для меня радость!—неужели васъ убѣдили мои слова?

Она не дожидалась отвѣта Анны-Вероники. Она точно заранѣе рѣшила, что, конечно, Анна-Вероника дѣйствовала подъ ея вліяніемъ.

— Всѣ заражаются нашимъ примѣромъ — сказала она.— Наши идеи распространяются какъ лѣсной пожаръ. Какое теперь великое время! Никогда ничего подобнаго не было. Все назрѣваетъ, идетъ впередъ. Возстаніе женщинъ! Онѣ поднимаются всюду. Скажите мнѣ, что̀ у васъ произошло, скажите мнѣ какъ сестра сестрѣ!

Она нѣсколько расхолодила Анну-Веронику этой фразой, но все же ея восторженность заразила молодую дѣвушку. И ей пріятно было оказаться героиней послѣ стольких увѣщаній со стороны родныхъ и послѣ своихъ собственныхъ тайныхъ сомнѣній. Но миссъ Миниверъ недолго слушала; ей хотѣлось самой говорить. Она сѣла на коврикѣ у камина, подъ полкой съ книгами, стала смотрѣть въ пламя камина, потомъ въ лицо Анны-Вероники и дала волю своимъ чувствамъ.

— Можно затушить лампу? — спросила она. — Гораздо пріятнѣе говорить при свѣтѣ камина.

Анна-Вероника согласилась.

Она сидѣла подперевъ подбородокъ рукой и мало говорила. Миссъ Миниверъ стала объяснять свои идеи, смыслъ которыхъ мало-по-малу проникалъ въ сознаніе Анны-Вероники. Миссъ Миниверъ говорила про огромный, сѣрый, печальный міръ, пре-

исполненный грубыхъ предразсудковъ, міръ, гдѣ людямъ тяжело жить, гдѣ ихъ во всемъ ограничиваютъ. Въ давно минувшія времена зло міра проявлялось подъ видомъ тиранніи, рѣзни, войнъ. Въ настоящее время въ Англіи оно приняло форму меркантильности, конкуренціи, провинціальныхъ предразсудковъ, эксплуатаціи труда и рабства женщинъ. Со всѣмъ этимъ Анна-Вероника соглашалась. Этому міру миссъ Миниверъ противопоставляла небольшое, но энергичное меньшинство, „дѣтей свѣта"— людей, которыхъ она называла „сторонниками агитаціи" или „почти сторонниками". Къ этому Анна-Вероника отнеслась нѣсколько скептически.

Все—доказывала миссъ Миниверъ—„готовится", все „приближается". Высшая философія, проповѣдь простой жизни, соціализмъ, гуманитаризмъ—все это по существу одно и то же. Миссъ Миниверъ во всемъ этомъ принимала участіе, всѣмъ этимъ жила и дышала. До послѣдняго времени въ исторіи только черезъ большіе промежутки встрѣчались предтечи прогресса, голоса которыхъ раздавались и умолкали. А теперь пришло все сразу. Она упомянула съ нѣкоторой фамильярностью Христа и Будду, Шелли, Нитцше, Платона. Всѣ они были предтечами. Эти имена ярко свѣтились въ прошедшемъ, окруженныя огромными пространствами пустоты и мрака, какъ звѣзды въ ночи. Но теперь настало совсѣмъ другое. Теперь взошла заря—настоящая заря.

— Женщины взялись за дѣло—сказала миссъ Миниверъ.— Женщины и простой народъ. Всѣ мчатся впередъ, всѣ поднимаются!

Анна-Вероника слушала, глядя въ пламя камина.

— Всѣ взялись за дѣло,—продолжала миссъ Миниверъ.— Вы тоже должны были вступить въ ряды. Васъ потянуло. Такъ тянетъ всѣхъ, такъ приходятъ къ намъ отовсюду—изъ деревень, изъ городовъ. Я слѣжу за всѣми движеніями. Насколько возможно, я принадлежу всѣмъ. Я прислушиваюсь къ пульсу міра.

Анна-Вероника ничего не сказала.

— Заря!—воскликнула миссъ Миниверъ; въ ея очкахъ отражалось краснымъ заревомъ пламя камина.

— Я собственно пріѣхала въ Лондонъ по личнымъ причинамъ—сказала Анна-Вероника.—Я не понимаю вашихъ мыслей.

— Конечно, не понимаете!—сказала миссъ Миниверъ, жестикулируя съ побѣдоноснымъ видомъ.—Конечно. Но вы поймете. Поймете. Я поведу васъ на митинги, на чтенія и собесѣдованія. Тогда вы начнете понимать. Вы увидите. Я слушаю все, что говорится, пользуясь каждой свободной минутой. Я даже бросаю

для этого работу. Я преподаю въ одной школѣ три раза въ недѣлю. Все остальное время я посвящаю различнымъ движеніямъ. Я могу жить на четыре пенса въ день. Это даетъ мнѣ свободу и возможность бывать всюду. Я непремѣнно поведу васъ всюду—къ суфражисткамъ, къ толстовцамъ, къ фабіанцамъ.

— О фабіанцахъ я слышала—сказала Анна-Вероника.

— Это — замѣчательное общество. Тамъ центръ интеллигенціи. Нѣкоторыя собранія у нихъ поразительны. Какія серьезныя, прекрасныя женщины! Какіе умные мужчины!.. И подумать только, что они создаютъ исторію! Они составляютъ планъ новой жизни. Это дѣлается просто, совершенно просто. Тамъ Шау и Веббъ, Вилькинсъ и Тумеръ, д-ръ Тумпани—изумительные люди! Вотъ вы послушаете, какъ они разсуждаютъ, спорятъ, рѣшаютъ. Подумайте—они создаютъ новый міръ!

— Развѣ они хотятъ все передѣлать? — спросила Анна-Вероника.

— А какъ же иначе?—спросила въ свою очередь миссъ Миниверъ.—Развѣ возможно что-нибудь иное при теперешнемъ положеніи дѣлъ?

Съ англійскаго З. В.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПРИЧИНЫ НАШИХЪ ПОРАЖЕНІЙ

Пять лѣтъ прошло уже со времени пораженія русскихъ войскъ подъ Мукденомъ. Легкомысленно предпринятая кампанія на Дальнемъ Востокѣ была окончательно проиграна въ страшныхъ февральскихъ бояхъ 1905-го года; позднѣйшая морская катастрофа при Цусимѣ была только безплоднымъ дополненіемъ къ общей картинѣ колоссальнаго разгрома, выпавшаго на долю Россіи.

Во всей новѣйшей исторіи не было, кажется, войны болѣе безотрадной и мучительной. Она обрушилась на русскій народъ какъ непонятное и неожиданное бѣдствіе, которое пытались объяснить лишь необычайною „дерзостью" врага. Начатая съ полною увѣренностью въ неминуемой побѣдѣ, она съ самаго начала и до конца, въ теченіе полутора года, состояла изъ сплошного ряда систематическихъ и отчасти позорныхъ неудачъ. Всѣ ужасы кровопролитій имѣли какой-то безнадежный характеръ; величайшія жертвы приносились какъ бы съ намѣреніемъ сдѣлать ихъ напрасными. Ни одного луча свѣта не прорывалось въ этой мрачной войнѣ; ни одного утѣшительнаго факта не могли извлечь изъ нея патріоты.

Многое въ ходѣ военныхъ событій оставалось и понынѣ остается загадочнымъ. Теперь уже хорошо извѣстно, что 26 января 1904-го года, наканунѣ внезапнаго ночного нападенія японскихъ миноносцевъ на русскій флотъ въ Портъ-Артурѣ, была послана изъ Петербурга адмиралу Алексѣеву телеграмма, предоставлявшая ему при извѣстныхъ условіяхъ напасть на японцевъ, „не дожидаясь перваго выстрѣла съ ихъ стороны"; поэтому названный адмиралъ, усердно доказывавшій въ своихъ депешахъ необходимость крутыхъ мѣръ противъ Японіи, долженъ былъ, по меньшей мѣрѣ, держать свой флотъ на-готовѣ для немедленныхъ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, наши лучшіе броне-

носцы оказались беззащитными въ роковую ночь на 27-ое января, когда уже былъ оффиціально объявленъ разрывъ съ Японіею. Это поразительное обстоятельство не было разслѣдовано въ свое время, и потери, понесенныя флотомъ до начала войны, не помѣшали адмиралу Алексѣеву еще нѣсколько времени играть роль полновластнаго распорядителя нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ.

Въ апрѣлѣ 1904-го года безпрепятственно состоялась высадка японской арміи на восточномъ побережьѣ Ляодунскаго полуострова, при отсутствіи всякихъ попытокъ противодѣйствія со стороны русскихъ военныхъ властей; около того же времени произошла первая битва на сушѣ, подъ Тюренченомъ, гдѣ впервые проявилось стремленіе нашихъ командировъ пассивно подчиняться инціативѣ непріятеля и слѣдовать его планамъ, оказываясь слабѣе японцевъ въ каждомъ данномъ пунктѣ боя. Съ тѣхъ поръ крупныя и мелкія пораженія повторялись одно за другимъ съ убійственнымъ однообразіемъ, по одному и тому же шаблону: противнику давали бить нашу армію по частямъ, въ неподвижныхъ позиціяхъ и окопахъ, при чемъ всѣ аттаки успѣшно отражались, въ ожиданіи заключительнаго обходнаго движенія японцевъ, которое неизмѣнно вызывало съ нашей стороны приказъ объ отступленіи. Всѣ разсчеты и распоряженія начальствующихъ были направлены къ тому, чтобы дать войскамъ возможность доказать свое геройство и самоотверженіе, выдержать извѣстное число сокрушительныхъ аттакъ и затѣмъ отступить, съ истребленіемъ заготовленныхъ интендантскихъ запасовъ.

Подъ Тюренченомъ, изъ пяти полковъ и пяти батарей участвовали въ дѣлѣ только три полка и двѣ батареи; остальныя войска бездѣйствовали, ибо — по словамъ оффиціальнаго рапорта — „японцы съ этой стороны аттаки не вели"; зато „аттакованныя части имѣли противъ себя противника, въ пять разъ сильнѣйшаго", что и требовалось для доказательства геройскихъ качествъ русскаго солдата. Въ чрезвычайно важной для судьбы Портъ-Артура битвѣ изъ-за перешейка, ограждающаго Квантунскій полуостровъ съ сѣвера, дѣйствовала противъ японцевъ съ моря—и притомъ весьма успѣшно—только одна канонерская лодка „Бобръ"; другія же, неповрежденныя или исправленныя суда мирно стояли въ Портъ-артурской гавани, точно ихъ не касалось происходившее у Цзинъ-Чжоу. При Вафангоу, въ началѣ іюня, выдвинутъ былъ одинъ корпусъ противъ цѣлой японской арміи — опять какъ бы для того, чтобы заранѣе подготовить и оправдать отступленіе. Подъ Лаояномъ, въ августѣ, огромная русская армія, занимавшая старательно укрѣпленныя позиціи, отбивала всѣ аттаки японцевъ въ теченіе цѣлой недѣли только для того, чтобы послѣ страшныхъ усилій и потерь отойти къ Мукдену. Мѣсяцъ спустя

возвѣщено было намѣреніе „идти самимъ впередъ, навстрѣчу врагу" и „заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ", въ виду достигнутаго нами численнаго превосходства; но грандіозное, безплодное сраженіе при Шахэ вновь подтвердило органическую неспособность русскихъ начальниковъ дѣйствовать самостоятельно и достигать прочнаго успѣха.

Тяжкій кровавый опытъ не оказалъ ни малѣйшаго вліянія на тактику и самоувѣренность главнокомандующаго и его главнаго штаба. Хотя подвластныя ему военныя силы были раздѣлены на три отдѣльныя арміи, но онѣ не могли проявить никакой инціативы и должны были слѣпо подчиняться традиціямъ бюрократическаго формализма. Въ январѣ 1905-го года, когда вторая манчжурская армія была вовлечена въ жестокій трехдневный бой при Сандепу, она оставлена была безъ поддержки, не смотря на видимые шансы успѣха,—и начатое при благопріятныхъ условіяхъ сраженіе было прекращено приказомъ главнокомандующаго. Штабъ главнокомандующаго какъ будто бы считалъ долгомъ ждать, чтобы японскій маршалъ Ойяма собралъ всѣ свои силы, чтобы изъ-подъ Портъ-Артура успѣла безпрепятственно придти освободившаяся армія Ноги и чтобы прибыла на мѣсто вновь организованная армія Кавамуры. Когда все было готово со стороны японцевъ, насталъ моментъ для рѣшительной битвы подъ Мукденомъ. По обыкновенію, наши войска мужественно отражали японскія аттаки въ продолженіе одиннадцати дней, а на двѣнадцатый—подверглись обходу и разгрому. Русская главная квартира предвидѣла возможность отступленія, но тѣмъ не менѣе заготовила въ Мукденѣ и его окрестностяхъ такіе склады провіанта, желѣзнодорожныхъ и иныхъ принадлежностей, какъ будто не подлежало никакому сомнѣнію, что мы крѣпко водворимся въ этой части Манчжуріи. Отступленіе сопровождалось полнымъ разстройствомъ арміи и частью переходило въ безпорядочное бѣгство; многомилліонные запасы уничтожались огнемъ, а другіе достались непріятелю. „Это была уже не отдѣльная потерянная битва,—какъ справедливо замѣтилъ извѣстный военный критикъ, нѣмецкій полковникъ Гедке,—а полное крушеніе. Въ этомъ страшномъ пораженіи пострадало нѣчто большее чѣмъ войско,—цѣлая система получила здѣсь смертельный ударъ. И здѣсь, какъ нѣкогда подъ Іеной и, позднѣе, при Седанѣ, всемірная исторія произнесла свой неподкупный, безошибочный приговоръ".

Къ несчастью, этотъ „неподкупный приговоръ исторіи" не былъ услышанъ или не былъ понятъ. Даже послѣ Мукдена и Цусимы нашлись люди, готовые вѣрить и утверждать, что русскія войска, удрученныя постоянными неудачами и явною несостоятельностью своихъ вождей, могли бы еще одержать побѣду въ случаѣ продол-

женія войны при томъ же военно-бюрократическомъ режимѣ. Военные писатели, участники и очевидцы разгрома, сообщали ужасающіе факты, но не дѣлали изъ нихъ надлежащихъ выводовъ. А впослѣдствіи, мало-по-малу, создавались и усердно разрабатывались легенды о томъ, что нашимъ пораженіямъ способствовала будто бы революціонная пропаганда, проникшая въ армію, и что виновниками ихъ являются дѣятели освободительнаго движенія, забастовщики и разные инородцы. Нѣтъ: сѣрыя массы войска терпѣливо и смиренно умирали въ безнадежныхъ битвахъ, среди растерянности или небрежности распорядителей, и если что-либо подрывало духъ арміи и парализовало ея самоотверженные порывы, то лишь сознаніе безплодности жертвъ при данныхъ условіяхъ и порядкахъ. Чувства притуплялись, и ничто уже не удивляло скромныхъ участниковъ войны. Во время мукденскаго сраженія—говорится, напр., въ весьма благонамѣренной книжкѣ г. А. Геруа: „Послѣ войны о нашей арміи“,— „можно было наблюдать прямо курьезы. 18-го февраля, между линіями расположенія нашей и японской, я видѣлъ мирно расположенные наши интендантскіе склады; флегматично ползли какіе-то возы, нагруженные всякой всячиной; около нихъ беззаботно плелись какіе-то безоружные, въ неуклюжихъ папахахъ, интендантскіе солдатики; часовые у складовъ старательно дѣлали на-караулъ проѣзжавшему начальству; а какой-то интендантскій подполковникъ, смотритель забытыхъ складовъ, въ бинокль разсматривалъ японскую позицію, писалъ донесенія и всѣхъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ: „что же ему начать?..“ Въ ночь съ 18-го на 19-ое февраля эти склады, на которые наложилъ руку самъ ихъ блюститель, наконецъ выведенный изъ оцѣпенѣнія,— запылали огненнымъ заревомъ, старательно и на много верстъ освѣщая войска второй арміи, совершавшей въ это время опасный фланговый маршъ для занятія позицій западнѣе Мукдена“. Это безсмысленное нагроможденіе богатѣйшихъ складовъ въ центрѣ предстоявшаго боя, эта интендантская идиллія наканунѣ катастрофы, это освѣщеніе пути отступавшей русской арміи колоссальнымъ пожаромъ нашихъ военныхъ запасовъ,—все это характеризуется какъ „курьезы“!

Къ числу такихъ же „курьезовъ“ относились поразительные образчики легкомыслія, неумѣлости и отсталости въ дѣятельности многочисленнаго штабнаго персонала. По свидѣтельству того же г. А. Геруа, „пятая стрѣлковая бригада въ бою при Сандепу 13-го января получила одновременно черезъ двухъ *пѣшихъ* (!) солдатъ два чрезвычайно важныхъ *словесныхъ* (!) приказанія, противорѣчившихъ одно другому: одно—отъ командующаго арміей, другое — отъ командира корпуса“; тогда же „командующій арміей, желая приблизиться къ полю сраженія, уѣхалъ отъ своего штаба на двѣнадцать верстъ“, что и отразилось на веденіи

дѣла. Такъ же точно 17-го февраля „ускакалъ въ Мукденъ отъ своей арміи, не поставленной объ этомъ въ извѣстность, и отъ своего штаба— генералъ Каульбарсъ. А вѣдь это былъ мукденскій бой!“ Г. Геруа разсказываетъ „типическій случай“, когда одинъ стрѣлковый полкъ пробилъ себѣ дорогу отъ Мукдена на сѣверъ и благополучно двигался на Телинъ, но имѣлъ несчастье встрѣтить офицера генеральнаго штаба, который взялся найти правильную дорогу и повести по ней полкъ, въ качествѣ старшаго въ чинѣ. Послѣ долгихъ блужданій злосчастный полкъ былъ приведенъ обратно къ Мукдену, прямо къ биваку цѣлой японской дивизіи, и подвергся безпощадному разстрѣлу при попыткѣ пробиться штыками; только жалкіе остатки полка сдались въ плѣнъ. Оказалось, что у офицера не было даже простого компаса и что онъ дѣйствовалъ на-авось. Можно ли считать армію и народъ отвѣтственными за подобные „типическіе случаи“ невѣжества и самомнѣнія?

Наша послѣдняя война представляла много такихъ типичныхъ чертъ, какихъ не встрѣчается, кажется, ни въ одномъ государствѣ Когда наступаетъ великое народное бѣдствіе, требующее напряженія и жертвъ, то обязательно прежде всего соблюдать разсчетливость и обдуманность въ дѣйствіяхъ; у насъ же происходило наоборотъ. Вслѣдъ за войсками на Дальній Востокъ полился золотой дождь безъ мѣры и счета. Военнымъ сановникамъ назначаются неслыханные оклады, о какихъ и не мечталъ Мольтке. Образуются цѣлыя арміи штабныхъ офицеровъ всякаго ранга, безъ опредѣленныхъ функцій. Въ тылу дѣйствующихъ войскъ устраиваются и процвѣтаютъ притоны разврата, распущенности и азартной игры. Вмѣсто того, чтобы прекращать и преслѣдовать этотъ разгулъ, недопустимый на войнѣ, для него создавались законныя рамки и оффиціальныя таксы. Духъ хищенія и карьеризма свободно проявляется въ самыхъ циничныхъ формахъ. Забота о цѣломъ и общемъ исчезаетъ въ соперничествѣ вѣдомствъ и спеціальностей, во взаимныхъ счетахъ начальниковъ, въ ихъ самолюбіи и узкомъ формализмѣ. Чисто-формальное отношеніе къ своимъ обязанностямъ преобладаетъ въ большинствѣ командного состава; подавленіе всякой личной иниціативы и самодѣятельности является общимъ правиломъ. Мертвящее бюрократическое начало принесло для арміи тѣ же плоды, какъ и для другихъ отраслей государственнаго управленія и хозяйства.

Система, заглушающая жизнь и подрывающая корни народной силы и энергіи, далеко еще не потеряла своего господства. За эту систему общей придавленности и безправія горячо стоятъ такъ называемые патріоты и націоналисты, признающіе ее по прежнему спасительною для государства. Естественный порывъ къ необходимымъ кореннымъ реформамъ вскорѣ уступилъ мѣсто старымъ призывамъ

„назадъ", къ пресловутымъ „исконнымъ началамъ" и „историческимъ устоямъ", показавшимъ всѣ свои отрицательныя черты въ роковыхъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ. Въ этомъ отношеніи тяжелые уроки недавнихъ пораженій прошли для многихъ совершенно безслѣдно.

Пять лѣтъ тому назадъ, когда въ „Вѣстникѣ Европы" была напечатана статья: „Тяжелые уроки" (мартъ, 1905 г.), авторъ получилъ по почтѣ отъ командира 10-го корпуса дѣйствующей арміи въ Манчжуріи, генерала Церпицкаго, чрезвычайно интересное письмо, написанное, можно сказать, „кровью сердца", подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страшныхъ разочарованій японской войны. За этимъ письмомъ послѣдовало черезъ два мѣсяца второе, проникнутое уже сознаніемъ скорой, неминуемой смерти. Письма покойнаго генерала показываютъ, что онъ понималъ значеніе пережитыхъ военныхъ ударовъ какъ истинный патріотъ, думающій не только о спокойномъ пользованіи благами жизни, но и о пользѣ и будущности всего государства и народа.

Мы считаемъ своевременнымъ напечатать теперь эти письма, съ небольшими пропусками, а также приложенный къ нимъ документъ, характеризующій отношеніе генерала Церпицкаго къ находившимся въ арміи „инородцамъ". Въ концѣ второго письма обращаетъ на себя вниманіе ссылка на г. Меньшикова, какъ на одного изъ тѣхъ публицистовъ, на которыхъ возлагаются либеральныя надежды; тогда нынѣшній проповѣдникъ дешеваго нововременскаго патріотизма считался еще приверженцемъ единой государственной реформы — конституціонной.

I.

„Бастау ж. д. Лататензы, 4-го іюня 1905 г.

„М. Г.—Съ чувствами глубокаго уваженія и благодарности я прочиталъ вашу глубоко вѣрную и правдивую статью, помѣщенную въ журналѣ „Вѣстникъ Европы" за мартъ мѣсяцъ сего года подъ заглавіемъ „Тяжелые уроки". Вы совершенно вѣрно говорите, что за цѣлый годъ войны не выдвинулось ни одного имени. Но спрашивается: откуда могли бы явиться въ нашей арміи эти имена? Генералы не валятся съ неба, они есть продуктъ арміи, они есть плоть и кровь ея. Наша армія, благодаря давно установившемуся въ ней совершенно безсмысленному и вредному для дѣла бюрократическому режиму, сдѣлалась въ этомъ отношеніи непроизводительна, она перестала давать хорошихъ полевыхъ генераловъ, но за то давала въ изобиліи генераловъ-чиновниковъ, съ которыми побѣждать непріятеля нельзя. На почвѣ

бюрократизма въ нашей арміи прочно свили себѣ гнѣздо протекціонизмъ и фаворитизмъ. Бывшіе кавалергарды, конногвардейцы, преображенцы и прочіе всегда могли получить высшія отвѣтственныя должности, не смотря на свою дряхлость, неспособность и полную отсталость.

„На ряду съ вышедшимъ закономъ о возрастномъ цензѣ въ арміи допущены были для высшаго командованія и руководства войсками такіе дряхлые или совершенно неспособные люди, каковы были: М.-П., 78-лѣтній старецъ, десять лѣтъ не садившійся верхомъ, придворный генералъ, самъ говорившій мнѣ, что онъ ни разу въ своей жизни не имѣлъ терпѣнія прочитать ни одного военнаго сочиненія. Въ пониманіи военнаго дѣла былъ совершеннѣйшій младенецъ, смотрѣвшій на всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ округѣ какъ на своихъ крѣпостныхъ. Генералъ Драгомировъ, при всемъ его бывшемъ талантѣ, въ послѣднія двадцать лѣтъ сдѣлался вреднымъ человѣкомъ, благодаря развившемуся самодурству, чудачеству... и страшному самомнѣнію. Практическаго дѣла Драгомировъ не зналъ вовсе, но стремился всегда всѣхъ учить. Своимъ обращеніемъ, въ высшей степени презрительнымъ и надменнымъ, стремился къ тому, чтобы обратить своихъ подчиненныхъ въ рабовъ. Ч. — старый, дряхлый человѣкъ, вовсе не интересовавшійся арміей (Варшавскаго округа); за него войсками округа командовалъ лѣнивый... человѣкъ, занимавшійся только флиртомъ съ женами своихъ подчиненныхъ, а до него—совершенно ничего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ и вовсе не интересовавшійся имъ. Во главѣ войскъ Московскаго округа стоитъ 80-лѣтній старикъ, который еще въ 1900-мъ году ввѣренную мнѣ бригаду смотрѣлъ изъ экипажа. Такихъ же старыхъ, неспособныхъ и дряхлыхъ много корпусныхъ командировъ и даже начальниковъ дивизій. Нѣкоторые изъ такихъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ дивизій прибыли на театръ войны. Разумѣется, что отъ нихъ нельзя ожидать никакой пользы. Присутствуя разъ на ученьѣ, которое производилъ Драгомировъ, и видя, какъ онъ грубо и дерзко обращался со своими подчиненными, я тогда же сказалъ ему, что плохи тѣ войска, которыя позволяютъ съ собою такъ обращаться. Наша армія, благодаря установившемуся въ ней бюрократическому режиму, обратилась въ огромную толпу рабовъ, а извѣстно, что изъ рабовъ не выходитъ львовъ и орловъ. Воинская дисциплина въ нашей арміи замѣнилась... угодничествомъ.

„Независимо отъ этого, всѣ наши неуспѣхи въ настоящей войнѣ зависятъ отъ результатовъ военнаго воспитанія и обученія арміи въ мирное время... Внѣ военной службы народъ, за отсутствіемъ школъ, грамотѣ не учили, а военное министерство, „въ непрестанной заботливости о развитіи грамотности“, отпускало отъ своихъ щедротъ на

обученіе грамотѣ солдатъ по 10 коп. въ годъ на человѣка. Теперь во ввѣренномъ мнѣ корпусѣ 89% неграмотныхъ. Это въ XX-мъ столѣтіи! Японскіе солдаты всѣ грамотны, свободно читаютъ топографическія карты, умѣютъ начертить на бумагѣ схему и пр. Въ нашей арміи и офицеры-то это дѣло знаютъ нетвердо. На всѣ вопросы, предлагаемые офицерамъ и солдатамъ нашей арміи, всегда получаешь одинъ отвѣтъ: „не могу знать". Отвѣтъ этотъ есть результатъ невѣжества, тупоумія и полнаго равнодушія ко всему. Нашъ голодный, обнищалый, забитый народъ, веденный въ полной убогой темнотѣ, не можетъ быть народомъ патріотичнымъ, такъ какъ всѣ его интересы поглощаются желаніемъ хлѣбушка, чтобы не подохнуть съ голоду. Что касается до войны, то она глубоко непопулярна среди народа, понимающаго всю несправедливость того, что мы ворвались въ край, куда насъ никто не звалъ и не просилъ, и притомъ въ то время, когда у насъ у самихъ было много своего дѣла. Народъ понимаетъ, что мы бросили въ этотъ край милліоны народныхъ денегъ въ то время, когда русскій народъ постоянно почти голодаетъ, когда онъ невѣжественъ, неграмотенъ и нищъ отъ недостатка средствъ для его образованія, отъ неудовлетворительности дорогъ, отъ большихъ пошлинъ на предметы первой необходимости (сахаръ). Я пережилъ здѣсь китайскую войну, и я лично предвидѣлъ настоящую катастрофу, о чемъ неоднократно доносилъ по начальству, но легкомысленный... Ал. ничему не вѣрилъ...

„Можетъ ли дѣло войны идти хорошо, когда теперь установился такой порядокъ, что всѣ уѣхавшіе отсюда на отдыхъ (въ военное-то время) или прогнанные изъ арміи по неспособности, какъ только попадаютъ въ Петербургъ, то какъ бы въ насмѣшку надъ тѣми, которые подвергаются смертельной опасности и которые постоянно переживаютъ ужасную массу лишеній, тотчасъ же получаютъ высшее назначеніе, награды и... пр. Теперь у насъ въ арміи много говорятъ, что стоитъ только такъ или иначе оскандалиться и поѣхать въ Россію, чтобы... сдѣлать себѣ карьеру. Благодаря этому теперь только и слышно объ отъѣздахъ въ Россію разныхъ генераловъ. Разумѣется, здѣсь въ убійственномъ климатѣ, въ отвратительно грязной обстановкѣ живется всѣмъ скверно и всѣ мы мечтаемъ о возвращеніи въ Россію, тѣмъ болѣе, что теперь между офицерами, прослужившими зиму на передовыхъ позиціяхъ въ траншеяхъ при 20-ти-градусныхъ морозахъ, здоровыхъ людей вовсе нѣтъ. Всѣ больны болѣе или менѣе, но нѣкоторые въ силу долга или воинской чести терпѣливо переносятъ лишенія, а другіе при первой возможности, благодаря протекціи, уѣзжаютъ въ Россію, и вотъ эти господа всегда больше выигрываютъ.

„Пишу вамъ для того, чтобы по возможности посвятить васъ въ

наше положеніе. На дняхъ ожидается жестокій бой. Разумѣется только, это не можетъ быть напечатано.

„Еще разъ сердечно благодарю васъ за вашу глубоко правдивую статью. Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности. — *К. Церпицкій*".

II.

(Безъ даты; получено въ августѣ.)

„М. Г.—Простите, что я пишу вамъ карандашомъ. Я совсѣмъ боленъ. Я былъ раненъ 25 февраля въ ногу на вылетъ въ часъ дня, а первую перевязку мнѣ сдѣлали въ 8 ч. вечера. Кромѣ того я былъ два раза сильно контуженъ въ голову, оба раза меня замертво выносили на перевязочный пунктъ, но я, оправившись, возвращался. Благодаря потерѣ крови у меня развилось теперь острое малокровіе. Я ослабѣлъ, похудѣлъ, постоянно впадаю въ обморочное состояніе, но поста своего не оставляю, потому что стыдно. Многіе генералы, въ особенности генеральнаго штаба, уже уѣхали по болѣзни или для свиданія со своими женами. Лучше умереть, чѣмъ сдѣлать это, а они... отлично устроились и ихъ поощряютъ въ Петербургѣ, даютъ высшія, почетнѣйшія назначенія. У насъ въ арміи теперь дизентерія, тифъ, оспа и прочія гадости, а господа уѣхавшіе ничему этому не подвергаются и смѣются надъ тѣми, которые, исполняя свой долгъ, остаются въ арміи терпѣть горе, лишенія, болѣзни. Армія наша, какъ я писалъ, со времени освободительнаго движенія 60-хъ годовъ пошла не впередъ, а назадъ, и обратилась въ толпу рабовъ, управляемыхъ бюрократами. Верхи арміи, начиная со старшихъ, занимались устройствомъ себя... Приведу наиболѣе характерный примѣръ...

„Съ началомъ войны японской черезъ Самару стали проходить войска, и для остававшихся тамъ больныхъ пришлось расширить мѣстный лазаретъ, а потому пришлось увеличить штатъ лошадей при мѣстномъ лазаретѣ. Объ этомъ сдѣлано представленіе было въ мартѣ 1904-го года, и оно удостоилось Высочайшаго утвержденія, пройдя черезъ два военныхъ совѣта, только въ іюнѣ 1905-го года, а расходъ всего былъ въ 300 руб. въ годъ. Теперь другой случай: когда генералъ Куропаткинъ вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, то домъ, въ которомъ жилъ военный министръ, по просьбѣ старика Ванновскаго отданъ былъ въ пожизненное пользованіе его и его жены... Куропаткинъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ, ужасно возмущался этимъ, и въ виду того, что дома для военнаго министерства не было, Куропаткину наняли на Набережной Невки домъ Александровскаго за 8.000 руб. въ годъ, вмѣсто полагающихся ему по закону,

какъ каждому генералъ-лейтенанту, 1.500 руб. квартирныхъ денегъ... Затѣмъ купленъ былъ на Мойкѣ для военнаго министерства домъ, который съ ремонтомъ обошелся казнѣ около одного милліона рублей и на содержаніе его и отопленіе расходовалось ежегодно отъ 40 до 60 тыс. руб... Всѣ эти расходы не проходили черезъ военный совѣтъ и не утверждались Государемъ Императоромъ.

„Такимъ образомъ расходъ 300 руб. вызываетъ канцелярскую бюрократическую волокиту въ полтора года, а расходы стотысячные для одного лица не требуютъ этого. Куроп., разговаривая со мной о предательствѣ и измѣнѣ ему одного лица, сказалъ мнѣ: „что этому... нужно отъ меня, онъ всегда ворчитъ, что ему все мало и что я его недостаточно вознаграждаю за его работу,... а за время моего управленія военнымъ министерствомъ онъ получилъ въ пять лѣтъ пять большихъ наградъ и при жалованьѣ въ 18 тысячъ, при готовой квартирѣ, экипажѣ, обстановкѣ, 50 тысячъ пособія"... Съ такими порядками далеко не уйдешь....

„Почему это въ другихъ иностранныхъ государствахъ министры живутъ... иначе? Я самъ былъ нѣсколько разъ у графа Каприви; онъ жилъ на улицѣ Лейпцигштрассе въ 3-мъ этажѣ, въ 6-ти комнатахъ, со своей старушкой сестрой, ѣздилъ на извозчикахъ, и имѣлъ престижъ, и его всѣ уважали. Почему же въ самой бѣдной странѣ, въ которой половина населенія умираетъ ежегодно съ голоду, необходимо министрамъ и прочимъ высокопоставленнымъ жить по-царски во дворцахъ?

„Я понимаю, что миръ при настоящихъ условіяхъ не можетъ быть пріятенъ Россіи, но съ другой стороны я хорошо понимаю нашу армію. Она обратилась въ совершеннѣйшую милицію. Постоянныя неудачи и отступленія развратили армію. Офицерскій составъ прибылъ изъ числа запасныхъ офицеровъ, большею частью удаленныхъ изъ арміи за порочное поведеніе; прибывшіе нижніе чины оказались дурно дисциплинированными, что выразилось тѣмъ, что многіе изъ нихъ по дорогѣ продали казенныя винтовки, мундиры, шанцевый инструментъ и вторые сапоги, разсчитывая на свою полную безнаказанность и на то, что по приходѣ ихъ въ части имъ выдадутъ вновь всѣ недостающія вещи и оружіе. Независимо отъ этого, на переходѣ въ 18 верстъ изъ 5.000 человѣкъ оказалось 20% отсталыхъ. Нижніе чины оказались очень дурно обученными и, главное, совершенно непроникнуты военнымъ духомъ и дисциплиной. И вотъ этихъ-то людей съ отбросомъ офицерскаго состава приходится вести къ побѣдѣ и славѣ. Эта задача не изъ легкихъ. Разумѣется, Куроп., Сахаровъ (бывш. нач. штаба) желаютъ остаться здѣсь дольше... но они, стоя далеко отъ солдатъ и офицеровъ, не знаютъ, до чего дошла армія,

благодаря бюрократическому режиму... Здѣсь, благодаря неудачамъ и общей обстановкѣ, все это еще болѣе портится. Не говорю, чтобы всѣ были никуда негодны,—есть много истинныхъ героевъ, какъ среди офицеровъ, такъ и среди солдатъ. Про одного изъ таковыхъ прилагаю приказъ по корпусу и копію съ его письма.

„Моя пѣснь спѣта, я чувствую, что медленно умираю, но умру, стараясь быть на своемъ посту до смерти. Во всякомъ случаѣ умру съ сознаніемъ исполненнаго долга. Описаніе моихъ заслугъ прилагаю, хотя я единственный въ арміи генералъ, не получившій еще ни одной награды, благодаря зависти и недоброжелательству,—да мнѣ ихъ не нужно. Куроп. хотѣлъ, чтобы Россія только смотрѣла на него, только на него и молилась и надѣялась. Всякій подвигъ генерала, всякое проявленіе самостоятельности, всякое удачное дѣйствіе генерала его выводило изъ себя, раздражало и дѣлало его врагомъ. Это—его психологія. Она погубила армію, въ связи съ легкомысленностью... Ал. и его... штаба. Я былъ въ Портъ-Артурѣ въ 1900—1901 году и тогда уже ужасался отъ хищенія и позорнаго поведенія... У Ал. была только манія величія... Я еще въ 1901-мъ году предвидѣлъ катастрофу, да ее видѣлъ всякій здравомыслящій человѣкъ, и только люди, погрязшіе въ хищеніи, мошенничествѣ, обжорствѣ, пьянствѣ и развратѣ, ничего грознаго не замѣчали.

„Обращаясь къ вопросу о мирѣ и войнѣ, я спрашиваю себя невольно: развѣ можно имѣть успѣхъ съ такимъ печальнымъ разъединеннымъ высшимъ командныпъ составомъ и съ такими печальными солдатами и офицерами, воспитавшимися въ рабскихъ холопскихъ началахъ?

„Извините за выраженія. Я боленъ, сердце мое обливается кровью. Черноморскіе безпорядки есть также результатъ халатности нашихъ порядковъ. Передъ войной я командовалъ дивизіей въ Севастополѣ и видѣлъ весь безпорядокъ, всю уйму хищеній, видѣлъ всю гадость и мерзость и грязь...

„Страшно усталъ, настоящее письмо писалъ десять часовъ съ отдыхами.

„Искренно преданный *Конст. Церпицкій.*

„На васъ, Меньшикова, Немировича-Данченко—вся надежда, что вы откроете наконецъ глаза правительству и что оно наконецъ пойметъ, что оно губитъ себя, поддерживая прежній режимъ. Насъ не слушаютъ".

III.

Приказъ войскамъ 10-го армейскаго корпуса № 262, 24 іюля 1905 года, д. Ламантенза.

„16 января въ Мукденскихъ бояхъ у д. Цзинъ-тань-тунь во время артиллерійскаго состязанія 31-ой артиллерійской бригады съ артиллеріей противника, взорвавшимся японскимъ снарядомъ оторвало лѣвую руку бомбардиру наводчику 20-ой батареи 31-ой артиллерійской бригады Лазарю Лихтмахеру (еврейскаго происхожденія), какъ разъ въ то время, когда онъ, наводя орудіе, указывалъ куда повернуть хоботъ.

„Посѣтивъ 17-го января утромъ въ лазаретѣ прибывшихъ съ позицій раненыхъ, я въ числѣ ихъ увидѣлъ и Лихтмахера; ему только что ампутировали оставшійся обрывокъ лѣвой руки. Вниманіе мое тогда же обратилъ на себя въ высшей степени бодрый и молодцоватый видъ этого тяжело раненаго, только что перенесшаго серьезную операцію. Распросивъ подробно объ обстоятельствахъ его раненія, я былъ пораженъ той силой воли, терпѣніемъ и бодростью, съ которыми обращался ко мнѣ Лихтмахеръ. Онъ обѣщалъ тогда же по выздоровленіи вернуться въ строй, гдѣ по заявленію его непосредственнаго начальства онъ былъ незамѣнимымъ наводчикомъ и уходъ его батареѣ былъ очень чувствителенъ. Сего числа я получилъ отъ него изъ иркутскаго госпиталя письмо, въ которомъ онъ усиленно молитъ возвратить его снова въ строй, въ родную батарею, такъ какъ онъ горячо желаетъ еще послужить Государю и родинѣ.

„Желаніе его я исполняю и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаю вниманіе всѣхъ на достойный подражанія поступокъ этого нижняго чина.

„Отъ души благодарю Лазаря Лихтмахера за проявленныя имъ чувства преданности Царю и родинѣ, запечатлѣнныя своею кровью. Воинское воспитаніе Лихтмахеръ получилъ въ 31-ой артиллерійской бригадѣ. Изъ въ высшей степени достойнаго поступка его я усматриваю, что силенъ духъ этой бригады, и при такомъ воспитаніи въ дальнѣйшемъ она дастъ еще не одного героя, подобнаго Лихтмахеру. Отъ всей души благодарю командира 31-й бригады, генералъ-маіора Коссинскаго и гг. офицеровъ славной, молодецкой, доблестной бригады, съумѣвшихъ воспитать такихъ солдатъ, какъ Лазарь Лихтмахеръ. Дай Богъ, чтобы всюду относились такъ къ солдату и побольше воспитывали такихъ Царевыхъ слугъ. Въ добромъ, справедливомъ и сердечномъ отношеніи къ солдату, безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, въ заботѣ объ немъ, въ правильномъ воспитаніи его, есть главный залогъ успѣха на войнѣ.

„Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ нѣтъ подраздѣленій по народностямъ, гдѣ всѣ равны: русскій, полякъ, татаринъ, нѣмецъ и еврей,—гдѣ всѣ равно считаются слугами Царя и родины, тамъ всегда будутъ такіе герои-солдаты, и я твердо увѣренъ, что Лихтмахеры найдутся не въ одной

только 31-ой бригадѣ, а и въ прочихъ частяхъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, разъ представится еще случай доказать это.

„Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, сотняхъ и батареяхъ.

„Командиръ корпуса генералъ-лейтенантъ *Церпицкій.*

„Бомбардиръ наводчикъ Лазарь Лихтмахеръ имѣетъ знаки отличія военнаго ордена 3-ей и 4-ой степеней; кромѣ того сдѣлано представленіе о награжденіи знакомъ отличія 2-ой ст. (золотой)."

Съ точки зрѣнія новѣйшихъ націоналистовъ, этотъ „герой", украшенный знаками отличія и поставленный въ примѣръ десяткамъ тысячъ русскихъ солдатъ, не долженъ имѣть права считать Россію своимъ отечествомъ. Онъ остается безправнымъ и чужимъ для государства, ибо „еврейское равноправіе" допустимо только въ области повинностей и жертвъ, а никакъ не въ области элементарныхъ человѣческихъ правъ. Цѣлая пропасть раздѣляетъ въ этомъ отношеніи широкій, истинно-государственный взглядъ генерала Церпицкаго отъ близорукихъ и мелкихъ идеекъ злобнаго племенного псевдо-патріотизма, замѣняющаго нынѣ патріотизмъ государственный.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ НѢДРЪ

(Письмо изъ Волоколамскаго уѣзда.)

Упадокъ общественности, наблюдаемый въ городахъ, сообщился и нашей деревнѣ. Какъ-то не вѣрится, что было время, когда деревня кипѣла отъ охватившаго ее сознанія своего могущества. Наверху ея густой и темной массы поднималась молодая кудрявая пѣна, вылѣзала на бочки, на столы, призывала къ необходимости участвовать въ учетѣ властей и во всѣхъ дѣлахъ мѣстнаго управленія, а въ отвѣтъ на эти призывы изъ самой глубины массы грохотали: „согласны! мы тоже люди", „отчего насъ не спрашиваютъ, когда войну объявляютъ?"

Въ возбужденіи крестьянъ нашей мѣстности не было революціонной подкладки. О соціализмѣ никто не мечталъ. Всей земли не хотѣли, а хотѣли только „надбавки". Если кое-гдѣ и были вспышки, похожія на революціонныя, то это были не сознательныя и плано-

мѣрныя дѣйствія, а случайныя и хаотичныя. И выражались они не активными выступленіями, а пассивными. Просили помѣщика подождать валить лѣсъ, не хотѣли совершать сдѣлки на купленную землю, не шли на работу, задерживали уплату податей. Но и это было признано за революцію, и репрессіи, примѣнявшіяся въ другихъ мѣстахъ, перенеслись и на насъ. Все, что играло роль дрожжей на мѣстахъ, было повытянуто изъ уѣздной гущи и разослано, кто куда; а когда ретивая полицейская рука сняла верхи пѣны, то лишившаяся ея гуща снова осѣла, начала закисать и въ скоромъ времени стала опять безцвѣтной, ни холодной, ни горячей, такъ что, глядя на нее, удивляешься, неужели эта масса могла возбуждать какія-нибудь надежды у тѣхъ мечтателей, которые становились впереди?... Окисленію массы много способствовала природа. Всѣ три года послѣ 1906-го оказались крайне неблагопріятными въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Все время лилъ дождь и мѣшалъ пахотѣ, сѣву, опыленію хлѣбовъ, навозницѣ, уборкѣ. Дождемъ губило всходы озимыхъ, портило всѣ дороги. Землю растворило такъ, что ѣзда въ телѣгѣ и не на далекое разстояніе становилась подвигомъ. На поляхъ не только не вызрѣвалъ хлѣбъ, но не родился картофель; въ огородахъ не было конопли, капусты, огурцовъ; почти все для семейнаго продовольствія приходилось покупать. На мукѣ у всѣхъ торговцевъ былъ самый быстрый оборотъ рубля, и другіе товары глядѣли на нее съ завистью. Совсѣмъ почти не шли ни ситцы, ни сукна, ни мѣстный товаръ: колеса, сани, телѣги, рѣшета, издѣлія бондарей. Торговцы обыкновенно перекликались на базарѣ:

— „Какъ дѣла?“ — „Какъ сажа бѣла!“ — „Выручился?“—„Выручишься ужотко за ужиномъ“.—„Го-о-да пришли!“—„Именно, не спали да выспали“.

Не радостнѣй, конечно, были настроены и покупатели. Ужъ не о переустройствѣ стали думать, а какъ бы скоротать годъ; не до жиру, а быть бы живу, какъ-нибудь бы сколотить на мѣшокъ мучицы.

Большимъ горемъ деревни оказалось и то, что у нея не было никакихъ запасовъ на неудачливые годы, а главное—никакой подготовки къ борьбѣ съ бѣдствіями. Община въ большинствѣ случаевъ даже не сохранила хлѣбныхъ запасовъ въ мірскихъ „магазеяхъ“, а перевела продовольственный запасъ на деньги, которыя внесла въ казну, гдѣ онѣ и застряли. Земство, какъ только произошла заминка въ платежахъ, прикрыло всѣ кредиты обществамъ до пополненія недоимки и усиленно, какъ никогда не бывало, стало взыскивать эти недоимки.

Не сдѣлавши ничего для укрѣпленія своего экономическаго положенія прежде, наша деревня теперь, когда изданъ законъ 9 ноября, кажется, совсѣмъ потеряла возможность скораго возрожденія.

Пишущій эти строки не причисляетъ себя къ противникамъ этого закона. Основной своей частью (правомъ каждаго домохозяина выдѣлить свой надѣлъ къ одному мѣсту) этотъ законъ кажется ему цѣлесообразнымъ. Община, какою она стала въ нашей мѣстности за послѣднее время, часто служила тормазомъ къ развитію сельскохозяйственной культуры. Всюду земля разбита на мелкія полосы. Покосы и луга остаются въ дикомъ состояніи и не улучшаются, а ухудшаются; лѣсная заросль растетъ безъ правильнаго надзора. Покосы въ то же время служатъ и мѣстомъ для пастбища; поэтому урожайность травы на нихъ не только не можетъ повышаться, а въ большинствѣ случаевъ понижается. Уменьшеніе, въ большинствѣ случаевъ, дохода съ земли вліяетъ въ значительной степени и на составъ деревенскаго міра. Не получая отъ земли того, что нужно, и не видя возможности даже при знаніяхъ и любви къ землѣ, по причинѣ ежегодной передѣляемости значительной части крестьянскихъ угодій, поднять ея производительность, болѣе способные къ хозяйству, шевелящіе мозгами крестьяне охладѣвали къ землѣ, считали занятіе земледѣліемъ въ міру переливаніемъ изъ пустого въ порожнее и тянулись на сторону. Въ деревнѣ оставались одиночки, которымъ не отъ кого надолго отойти, разные неудачники и слабохарактерные, да кулаки, мѣстные промышленники, всегда ловящіе рыбу въ мутной водѣ. Изъ такихъ-то элементовъ въ нашихъ мѣстахъ и составляется деревенскій міръ, который управляетъ общинными дѣлами, держитъ въ своихъ рукахъ хозяйственные распорядки деревни. Поэтому одаренная въ хозяйственномъ смыслѣ личность въ нашей „общинѣ“ обыкновенно осуждалась на печальную судьбу. Она чувствовала себя одинокой, вызывала вражду къ себѣ. Въ то время какъ выдающаяся личность, съ культурными трудовыми наклонностями, всегда оцѣнивается и выдѣляется изъ толпы на фабрикѣ, въ мастерской, въ солдатской казармѣ,—въ деревенскомъ міру она дѣлалась нетерпимой. И ей оттуда или нужно уходить, или заботиться только о своемъ благополучіи, не брезгуя никакими средствами, то-есть становиться въ рядъ деревенскихъ кулаковъ.

По всему этому право свободнаго выхода изъ такой общины, предоставляемое закономъ 9-го ноября, всякому свободно шевелящему мозгами крестьянину несомнѣнно можетъ казаться раскрѣпощеніемъ личности и уравненіемъ ея въ правахъ съ другими сословіями.

Всюду идутъ разговоры на одну и ту же тему: о хуторахъ, отрубахъ, о „личной собственности“. Однако, въ защиту новой мѣры землеустроительства слышатся только отдѣльные голоса, а противъ нея—всегда цѣлый хоръ. Осужденіе исходитъ изъ широкихъ массъ, и

осуждается законъ главнымъ образомъ за то, что имъ окончательно разстраивается все деревенское хозяйство.

Крестьянинъ нашей мѣстности, гдѣ урожайность земель поддерживается только удобреніемъ, а удобреніе охотно кладется на поле только тогда, когда знаешь опредѣленный срокъ пользованія своей полосою,—становится втупикъ, когда обнаруживается, что опредѣленное пользованіе полосой у него нарушается. По новому закону часть крестьянъ во всякое время можетъ выдѣлить свою землю къ одному мѣсту, и тогда необходимо будетъ дѣлать передѣлъ, а передѣлъ всегда сопровождается худшей урожайностью и необходимостью усилить вниманіе къ вновь доставшимся полосамъ. Эта новая забота тяготитъ всякаго крестьянина и настраиваетъ на враждебный ладъ. Обезопасить же себя отъ этого, покончить съ тревогою разъ навсегда и выйти на отрубъ, или передѣлить поле и перейти на подворное владѣніе — крестьянинъ боится. У него не хватаетъ ни знанія, какъ къ этому приступить, ни рѣшимости. А больше всего мѣшаетъ страхъ, какъ бы не было хуже. Выйдешь на отрубъ, будетъ прижимать міръ — остаться же съ міромъ, когда выходятъ другіе, также боязно: а ну какъ на отрубахъ окажется лучше, а ты останешься на худшемъ?!

Пунктъ обязательнаго для выдѣляющихся крестьянъ укрѣпленія надѣла въ личную собственность служитъ большимъ препятствіемъ къ принятію закона 9-го ноября широкими массами крестьянства. И вовсе не потому, какъ утверждаютъ нѣкоторые, что крестьяне—противники личной собственности; напротивъ, въ нашей мѣстности они—жадные собственники. И вотъ именно это можетъ выкурить изъ новаго закона все то, что могло бы быть благодѣтельнымъ для населенія.

Обязательность укрѣпленія земли въ личную собственность, введенная въ законъ яко бы для того, чтобы обезпечить новымъ хозяевамъ хозяйственную культуру на ихъ участкахъ—можетъ привести какъ разъ къ противоположному: къ заминкѣ введенія высшей хозяйственной культуры. Въ силу одного этого пункта работоспособныя силы, съ творческими задатками, во многихъ случаяхъ будутъ отторгнуты отъ земли, а на землѣ останутся только хищники и равнодушные, неспособные единоличные владѣльцы, отъ сидѣнья которыхъ на землѣ никому тепло не будетъ.

Земельное хозяйство у насъ всегда велось семьей; каждый членъ семьи былъ не подчиненный домохозяина, а равноправный съ нимъ. И такимъ членамъ семьи никогда въ голову не приходило, что кто-нибудь изъ дома можетъ имѣть исключительное право распоряжаться домашнимъ имуществомъ и особенно землей. Предоставленіе домо-

хозяину этого права въ корнѣ мѣняетъ взаимныя отношенія членовъ семьи. Домохозяинъ получаетъ привилегію, а другіе члены семьи становятся земельно-безправными, подчиненными ему. Это невыгодно прежде всего для самаго хозяйства: оно не можетъ вестись единолично. Необходимо участіе другихъ: а вдругъ культурныя-то задачи окажутся по плечу не самому домохозяину, а младшему члену семьи? Какая же можетъ быть для него гарантія, что его трудъ будетъ обезпеченъ? А когда его трудъ не обезпеченъ, какой ему будетъ разсчетъ вкладывать свои силы въ землю, которая можетъ быть продана и заложена безъ его участія и даже вѣдома? По неволѣ хозяйственная иниціатива такихъ лицъ ослабѣетъ.

До сихъ поръ крестьянское хозяйство предохранялось у насъ отъ окончательнаго упадка отнюдь не домохозяевами, которымъ законъ 9-го ноября даетъ такую привилегію, а тѣми группами, которыя этимъ закономъ обижены. Молодежь, прошедшая школу, не ужившаяся въ общинѣ и ушедшая въ города, была самой дѣятельной пособницей при введеніи плуговъ, травосѣянія и другихъ новшествъ въ деревенскомъ хозяйствѣ. Она давала на это главныя средства, и давала охотно, потому что домъ для нея былъ общее гнѣздо, въ которомъ въ минуту жизни трудную каждому члену семьи найдется мѣсто. Теперь же эта увѣренность поколеблена, и даже на прежнюю поддержку сельскохозяйственной культуры этой молодежью едвали будетъ какая надежда.

А сколько вражды внесено этимъ пунктомъ закона въ крестьянскій міръ! Недавно возвращался я изъ уѣзднаго города. На полдорогѣ мнѣ пришлось остановиться покормить лошадь. Я зашелъ въ трактиръ и спросилъ себѣ чаю. Одинъ изъ группы крестьянъ подошелъ къ моему столу и, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ: — Помните вы, какіе разговоры у насъ шли? А что теперь стало? Личная собственность завелась! Кому отъ этого какая польза?

— А кому она какой вредъ сдѣлала?—спросилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, старый хозяйственный мужикъ.

— Какъ кому? — всѣмъ!.. Всѣхъ съ панталыку сбила!.. Она отъ насъ послѣднюю землю отняла... Мы ждали прибавки, а у насъ послѣднюю отняли!..

— Кто же ее у тебя отнялъ?

— Какъ кто?—законъ!.. То земля наша была, опчая для всѣхъ, а теперь у одного въ домѣ!.. А одинъ этотъ—старикъ... Онъ хозяинъ, а ты его въ родѣ какъ батракъ—да и не батракъ, батракъ жалованье получаетъ, а просто съ боку припека. Захочетъ онъ—тебя къ своему хозяйству допуститъ, а не захочетъ, скажетъ: „убирайся ты на всѣ четыре стороны“!

— А ты уважай старика.

— Какъ его уважить? Годъ поуважаешь, два поуважаешь, а на третій годъ сорвется какое слово—онъ тебя колѣномъ, и вся твоя увага будетъ ни во что. Нѣшто это по божецки? Скажите ради Бога, нѣшто это по божецки?

Въ голосѣ его слышались пьяныя слезы. Одинъ изъ его товарищей подошелъ къ нему, взялъ за рукавъ и потянулъ его отъ нашего стола. — Будетъ блажить-то! — Но онъ не унимался и кричалъ:—Въ своемъ углу враги завелись!.. Насажали!.. Вы поймите, въ своемъ углу!..

Этотъ пьяный крикъ можно принять за выраженіе того душевнаго состоянія, которое переживаетъ деревенское большинство. Оно чуетъ зло тамъ, гдѣ другіе видятъ одно благо, — и ему въ этомъ случаѣ нельзя не повѣрить. Оно знаетъ внутреннюю подоплеку тѣхъ людей, кого новый законъ наградилъ совсѣмъ ненужной имъ привилегіей, и чувствуетъ, какія тутъ могутъ открыться злоупотребленія. И злоупотребленія непривычной властью, данной старымъ домохозяевамъ, уже идутъ. Чванные и спѣсивые старики, больше всего изъ зажиточныхъ семей (голяку нечѣмъ чваниться), почувствовавъ въ своихъ рукахъ новую силу, не прочь использовать ее лично для себя. Очутившись въ положеніи неограниченныхъ хозяевъ надъ домомъ, они начинаютъ дѣйствовать во всемъ свободнѣй („я хозяинъ! что хочу, то и творю!“). А если имъ пробуютъ противорѣчить или даже только отговаривать ихъ, то сейчасъ же слышится угроза—отпихнуть ни съ чѣмъ. А такъ какъ такая угроза легко можетъ осуществиться, то многіе бросаютъ домъ и уходятъ, предоставляя самодуровъ самимъ себѣ. Уходятъ, конечно, безъ всего; а такъ какъ теперь и міръ не даетъ надѣловъ, то сразу же превращаются въ пролетаріевъ. Въ нашей волости такимъ „пролетаріемъ“ оказался самъ волостной старшина съ четырьмя взрослыми сыновьями, котораго старикъ дѣдъ выжилъ изъ дома безо всего, укрѣпивъ весь свой надѣлъ въ личную собственность. Въ сосѣдней деревнѣ у такого же старика два женатыхъ сына очутились за бортомъ; еще въ одной деревнѣ былъ выгнанъ сынъ съ кучей малыхъ дѣтей. У насъ въ деревнѣ отъ одной вдовы самъ ушелъ женатый сынъ, недовольный тѣмъ, что мать укрѣпила надѣлъ не въ семейную, а въ личную собственность. Одинъ москвичъ, литографскій машинистъ, двадцать лѣтъ отдававшій дому всѣ излишки отъ получаемаго въ Москвѣ жалованья и помогшій отцу поставить хозяйство на образцовую степень, съ молотилкой и вѣялкой, заведшій садъ, пчелъ, — вдругъ заявляетъ мнѣ, что онъ возьметъ жену съ собою и больше поддерживать домъ не станетъ.

— Почему?—спросилъ я, удивившись такому неожиданному обороту.

— Какъ же я буду о домѣ заботиться, когда отецъ сталъ полнымъ хозяиномъ? Онъ вотъ возьметъ да и переведетъ все какой-нибудь дочкѣ, а я тогда при чемъ? Онъ вонъ уже грозится.

— Ну, онъ это подъ горячую руку.

— Подъ горячую руку говоритъ, подъ горячую и сдѣлаетъ.

Во всѣхъ указанныхъ семьяхъ правильная хозяйственность нарушена и будетъ нарушаться и впредь. Развитіе сельскохозяйственной культуры здѣсь уже несомнѣнно затормазится, а въ такомъ случаѣ отъ новаго закона будутъ получаться только минусы, а не плюсы.

Обязательство личной собственности вредитъ лучшему устроенію на мѣстахъ еще тѣмъ, что разжигаетъ аппетиты на землю у порвавшихъ связь съ нею и для земельнаго труда ею не интересующихся. Они потянулись къ землѣ съ тою цѣлью, чтобы возстановить свое право, закрѣпить ее за собою и продать. Продать часто за безцѣнокъ, но всетаки хоть что - нибудь да получить. Для этого пріѣзжаютъ изъ городовъ, срываются съ насиженныхъ мѣстъ мельники, трактирщики, арендаторы имѣній, владѣльцы домовъ въ городахъ—и, какъ воронье къ падали, протягиваютъ руки къ мірской землѣ. Міръ, вычеркнувшій ихъ изъ списка владѣльцевъ земли и опредѣлившій ихъ надѣлы кому-нибудь изъ живущихъ въ деревнѣ односельцевъ, обыкновенно упирается. Тогда это воронье старается возстановить свои права черезъ судъ; а такъ какъ въ деревенскомъ міру дѣло часто велось по простотѣ, по обычаю, безъ соблюденія требованія закона всякое земельное дѣло записывать въ приговоръ, то нерѣдко хозяева, имѣвшіе землю, оказываются безъ земли. Въ крестьянскихъ судахъ постановленія дѣлаются большею частью въ пользу тѣхъ тяжущихся, которые не лѣзутъ за словомъ въ карманъ на судѣ и могутъ заплатить писарю за составленіе жалобы—а этой-то способностью больше всего и отличается слетающееся къ землѣ постороннее воронье... Обиженные такими рѣшеніями тоже, конечно, не могутъ благословлять новый законъ.

И видя все это, невольно задумываешься: неужели въ самомъ дѣлѣ нужна была личная собственность? Развѣ нельзя было предоставить всякому выдѣлить пай земли къ одному мѣсту, не укрѣпляя землю въ личную собственность? Тогда выдѣляться стали бы только для болѣе культурнаго пользованія землею, семья бы не распалась, ненуждающіеся въ землѣ не потянулись бы къ ней, меньше бы было злобы и больше энергіи осталось бы на улучшеніе землеустройства.

Еще въ подтвержденіе того, что вслѣдствіе этого пункта новаго закона въ деревнѣ стало больше зла, ко всему вышесказанному могу прибавить, что общественное хозяйство крестьянъ уже стало

вестись не такъ внимательно, какъ прежде. Пріостановились посѣвы общественнаго клевера въ селеніяхъ, гдѣ введено правильное травосѣяніе; за весь послѣдній годъ по всему уѣзду разбили поля подъ травосѣяніе только двѣ маленькія деревеньки. Безпощадно уничтожаются общественныя угодья, въ видѣ лѣса, зарослей и т. п. Мнѣ извѣстенъ даже случай, когда одинъ хуторянинъ, выдѣлившись изъ деревни, вырубилъ на бывшей своей усадьбѣ яблони и употребилъ ихъ на дрова. И когда эти потери изъ общаго богатства наверстаются—Богъ вѣсть!

Я. Андріевскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Бодрость во время тусклаго, унылаго общественнаго затишья представляетъ рѣдкое и вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнное явленіе. Въ здоровой бодрости главнымъ образомъ таятся успѣхи будущаго. Потому-то въ нынѣшніе сумрачные дни встрѣчаешь бодраго общественнаго дѣятеля какъ радостную неожиданность. Недавно навѣстилъ меня гость изъ приволжской губерніи, и повѣяло отъ его простыхъ, бодрыхъ словъ свѣжимъ, укрѣпляющимъ воздухомъ вѣчно-живой жизни...

Сначала, впрочемъ, и онъ пожаловался: „Здѣсь въ Петербургѣ вы и представить себѣ не можете, какъ тяжело живется въ провинціи...“ Но потомъ въ его голосѣ зазвучали иныя ноты:

— Растетъ, растетъ провинція. Главное, изъ низовъ пошло. Въ деревнѣ народились свои люди. Знаете, интересъ къ потребительнымъ обществамъ, кредитнымъ товариществамъ, сельско-хозяйственнымъ обществамъ—удивительный. Большое будущее принадлежитъ этому движенію. Со стороны можно подумать, что и тутъ главнымъ образомъ интеллигенція работаетъ. Но присмотришься—нѣтъ. Въ иномъ селѣ совершенно никакой интеллигенціи не имѣется, а работа идетъ успѣшно. Сами крестьяне руководятъ. И это вотъ самое главное. Новый крестьянинъ нарождается. Собственная мужицкая интеллигенція выходитъ на житейскую сцену. Прежней интеллигенціи, по правдѣ сказать, совсѣмъ у насъ мало. Похватали, конечно, разослали; остальные притихли. Жалуются повсемѣстно на недостатокъ интеллигенціи. Работы уйма, деревня жаждетъ, ищетъ руководителей, а людей нѣтъ. Слышатся въ средѣ интеллигенціи унылыя ноты, кислыя

жалобы, безнадежное настроеніе. На многое надѣялись, потерпѣли крушеніе, разочаровались и не могутъ справиться духомъ. Но это, такъ сказать, интеллигенція среднихъ лѣтъ, восьмидесятники, фатальные нытики. Старички, замѣчаю я, вездѣ въ провинціи молодцы. Видали они не такіе виды, и живъ въ нихъ бодрый духъ шестидесятыхъ годовъ. Но еще важнѣе, что подростаютъ новые люди. Годы бѣгутъ незамѣтно. Вотъ ужъ съ 1905-го года прошло пять лѣтъ, и кто въ то время былъ восемнадцатилѣтнимъ, двадцатилѣтнимъ мальчикомъ, теперь готовится вступить въ жизнь. Разочарованье отъ не вполнѣ удавшагося общественнаго движенья скользнуло по нимъ незамѣтно. Они несутъ въ себѣ полный запасъ свѣжихъ силъ и нетронутую бодрость. Кое-гдѣ эта молодежь готовится обновить земскіе ряды. Въ этомъ смыслѣ у насъ съ нетерпѣніемъ ожидается новый законъ о мѣстномъ судѣ. Пусть даже пройдетъ онъ въ урѣзанномъ казенно-октябристскомъ видѣ, съ цензомъ и прочими урѣзками. Всетаки большое обновленіе. Въ нашей губерніи молодежь съ юридическимъ образованіемъ запасается цензами, чтобы баллотироваться потомъ въ мировые судьи. Слышалъ я, что такая подготовка замѣчается и въ другихъ губерніяхъ. Земская и вообще уѣздная жизнь освѣжится, подкрѣпится. Растетъ интересъ къ земской жизни и со стороны крестьянъ. Раньше для деревни земская дѣятельность была чужда, непонятна, почти враждебна. „Плати подати, а неизвѣстно за что". Теперь наблюдается поворотъ. И главную роль играетъ чрезвычайное развитіе въ деревняхъ начальнаго образованія. Школы растутъ съ неимовѣрной быстротой, какъ грибы. Раньше, бывало, земства воздвигали въ уѣздѣ одну—двѣ школы въ годъ. И это для крестьянъ проходило незамѣтно. Теперь выростаетъ сразу по 15—20 школъ. Положимъ, тутъ не столько земское рвеніе, сколько крупныя казенныя ассигновки двигаютъ дѣло. Но крестьяне видятъ, что отъ земства дѣйствительно идетъ для нихъ нешуточная польза. Въ необходимости образованія теперь мало кто въ деревнѣ сомнѣвается. И у крестьянъ вырабатывается къ земству новое отношеніе.

— Какая выходитъ житейская иронія!—замѣтилъ я:—прогрессивныя земства работали долгіе годы для деревни, и крестьяне чуждались ихъ. А теперь правымъ земствамъ выпало на долю заслужить вниманіе и уваженіе деревни.

— Какія правыя земства? При чемъ же тутъ правыя?—съ нѣкоторой обидой и съ недоумѣніемъ сказалъ собесѣдникъ:—наше земство, во-первыхъ, далеко не правое, а во-вторыхъ, въ земской дѣятельности мудрено выдержать правую линію. Въ сосѣднихъ съ нами земствахъ правые побѣдили на прошлыхъ выборахъ и попробовали хозяйничать по своему, но ничего не вышло: не оказалось у нихъ ни

навыковъ къ работѣ, ни иниціативы, ни людей, чтобы замѣнить третій элементъ. Волей-неволей стали на ту же земскую дорогу, проторенную прогрессивнымъ земствомъ. И съ третьимъ элементомъ примирились; увидѣли, что безъ него не обойдешься. Только развѣ вотъ что... Это, къ сожалѣнію, во многихъ земствахъ сейчасъ замѣчается: гоненіе на евреевъ. Какая-то повсемѣстная волна пошла. Мнѣ лично приходилось слышать отъ земскихъ людей: „Кого угодно на службу примемъ: соціалъ-демократа, эсъ-эра, но только не еврея“. Недавно хлопоталъ я за одного еврея. Превосходный, знающій и дѣльный агрономъ. „Нѣтъ,—сказали мнѣ,—хоть соціалъ-демократа приводите. Примемъ, но только не еврея. Съ соціалъ-демократомъ мы сговоримся, а съ евреемъ—никогда“. У насъ въ губерніи было три агронома-еврея. Хорошіе работники. Выжили всѣхъ троихъ. Административнымъ способомъ: выслали. Нынче это вѣдь легко дѣлается. Почему такое озлобленіе къ евреямъ—трудно сказать. Думаю, что это—вліяніе Петербурга. Надо правымъ и октябристамъ хоть въ чемъ-нибудь проявлять себя. Да, это новая и довольно рѣзкая черта провинціальной жизни. Но въ остальномъ... Вотъ, напримѣръ, забылъ я прибавить: не только начальное образованіе, но и среднее образованіе сильнымъ ходомъ двинулось впередъ. Мой захолустный уѣздный городокъ имѣетъ всего 10 тысячъ жителей, а въ немъ за послѣдніе два года открыты реальное училище и женская гимназія. Конечно, одинъ городокъ не могъ бы наполнить эти два учебныхъ заведенія. Значитъ, тяга къ среднему образованію идетъ со всего уѣзда. И въ нашей губерніи нѣтъ сейчасъ ни одного уѣзднаго городка, гдѣ не было бы по два, по три среднихъ учебныхъ заведенія. Да и въ сосѣднихъ губерніяхъ то же самое. Мы какъ-то этого не замѣчаемъ, а вѣдь двадцать-тридцать лѣтъ назадъ это показалось бы сказкой! Быстро растетъ новая Россія!..

Долго говорилъ въ такомъ бодромъ тонѣ мой собесѣдникъ и, уходя, въ передней припомнилъ еще бодрый штрихъ:

— А вотъ хоть бы взять распространеніе телефоновъ. У насъ теперь почти во всѣхъ уѣздахъ проведены. Сначала въ земскихъ собраніяхъ я высказывался противъ нихъ, но потомъ убѣдился: какъ-ни какъ, вѣдь это—культура, и она проникаетъ глубже и глубже въ русскую жизнь. Плоды пожнемъ въ недалекомъ будущемъ!..

Зашелъ ко мнѣ недавно еще одинъ гость: помѣщикъ изъ захолустья одной сѣверной губерніи.

— Любопытное явленіе замѣчается у насъ среди крестьянской молодежи—разсказывалъ онъ, между прочимъ:—усиленно основываются пожарныя дружины.

— Что же, у васъ очень часто бываютъ пожары?

— Да нѣтъ, нельзя сказать, чтобы очень часто. Деревни разбросанныя, воды много. Озера, рѣки. А пожарныя дружины въ большой модѣ. Суть-то вотъ въ чемъ—продолжалъ онъ, помолчавъ:—деревню всетаки всколыхнуло, пробудилось стремленіе къ организаціи, къ обученію, къ дѣйствію и наукѣ. А пути всѣ закрыты. Даже на потребительныя общества въ нашей мѣстности косятся. А уставъ пожарныхъ дружинъ довольно удобный: можно помѣщеніе имѣть, можно книги и журналы выписывать, читальню устроить, можно собираться. Да, въ большомъ ходу у насъ пожарныя дружины.

Главная суть, конечно, не въ этихъ потребительныхъ обществахъ и пожарныхъ дружинахъ. Ими русской жизни не переустроишь. Но здоровый оптимизмъ видитъ въ этихъ мелкихъ проявленіяхъ новую, крѣпкую жизненность деревни. Деревня не примирилась съ своей оголенной забитостью. Она чего-то напряженно ищетъ, къ чему-то настойчиво тянется. Для точныхъ наблюденій и для опредѣленныхъ обобщеній крестьянская жизнь слишкомъ громадна и слишкомъ все еще темна. Но отдѣльные факты уже даютъ намеки на нѣчто значительное, новое, и главное—жизненно-упорное. Къ приведеннымъ выше фактамъ можно прибавить еще слѣдующій небольшой штрихъ. Одинъ петербургскій писатель разсказывалъ мнѣ на-дняхъ:

— Пришелъ ко мнѣ крестьянинъ. Попросилъ просмотрѣть его стихи. Ну, стихи-то оказались плохіе, а самъ онъ показался мнѣ очень интереснымъ человѣкомъ. Это—представитель новой деревенской интеллигенціи. И вотъ что всего любопытнѣе: онъ совершенно не желаетъ жить въ городѣ. Ненавидитъ городскую обстановку жизни. Въ сущности, все его толкаетъ къ жизни въ городъ: онъ молодъ, холостъ, одинокъ, земли у него жалкій кусокъ, служилъ онъ въ солдатахъ и къ городской жизни, значитъ, уже приглядѣлся; кромѣ того, стихи пишетъ, слѣдовательно, есть тяготѣніе къ литературѣ — по всей видимости, долженъ бы стремиться въ городъ. А онъ прилипъ къ деревнѣ и мечтаетъ только о томъ, какъ бы въ ней зажить по человѣчески. Вотъ если онъ не одинъ, а такихъ много, то это—явленіе громадной важности для деревни. До сихъ поръ она не имѣла собственной интеллигенціи. Все умное, даровитое высасывали изъ нея города и назадъ не возвращали, если не считать врачей и учителей, которые приходили въ деревню съ городскими повадками, „бѣлоручками", и часто были деревнѣ уже не своими, а своего рода „господами". Нѣтъ, чрезвычайно важно, чтобы въ мужицкихъ рядахъ оказалась собственная интеллигенція, въ томъ же полушубкѣ, за той же сохой, но съ новой головой, съ новой мыслью. И, кажется, теперь повсемѣстно въ деревняхъ нарождается такая интеллигенція.

Не совсѣмъ вѣрно, что деревня не имѣла до сихъ поръ своей

интеллигенціи. Она была и сыграла довольно значительную роль въ общественно-народномъ движеніи 1905-го года. Но было этой интеллигенціи весьма немного и народилась она всего нѣсколько лѣтъ назадъ. Теперь же, несомнѣнно, въ деревнѣ идетъ видимый ея приростъ, и нетрудно предсказать, что роль ея въ будущемъ развитіи русской деревни будетъ весьма значительна.

Однако, все это въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а пока деревня нуждается въ руководительствѣ городской интеллигенціи, и жалобы на недостатокъ этихъ руководителей идутъ со всѣхъ сторонъ. Руководителей ждутъ, ищутъ. Нѣкоторые призывы провинціи весьма знаменательны. Недавно, напримѣръ, въ газетахъ было извѣстіе, что уральскіе казаки просятъ себѣ въ епископы бывшаго архимандрита Михаила, перешедшаго въ старообрядчество. Нужно знать, кто уральскіе казаки и кто епископъ Михаилъ, чтобы полностью оцѣнить краткое газетное извѣстіе. Уральскіе казаки, оторванные отъ центральной жизни Россіи, не имѣющіе до сихъ поръ земства и содержимые правительствомъ въ искусственной боевой обстановкѣ, донесли до настоящаго времени темную наивность восемнадцатаго вѣка. Епископъ Михаилъ не ужился, по радикальности своихъ стремленій, въ лонѣ православной церкви, плохо уживается сейчасъ и въ старообрядческой средѣ. Онъ слишкомъ интеллигентенъ, слишкомъ современенъ и слишкомъ нервенъ для старшей, спокойной и консервативной части старообрядчества. Онъ уже объявлялъ себя христіанскимъ соціалистомъ. По политическимъ убѣжденіямъ онъ считался близкимъ къ партіи народныхъ соціалистовъ. Епископъ Михаилъ—тревожный искатель, нервный клубокъ современнѣйшаго образца. И вотъ, его-то уральскіе казаки возжаждали имѣть на своей епископской каѳедрѣ, конечно превосходно ознакомившись съ его духовной физіономіей, которую онъ ни отъ кого и не скрываетъ. Въ малюсенькой и скромненькой уральской газеткѣ перепечатываются теперь статьи епископа Михаила съ восторженными примѣчаніями: „прекрасная статья", „глубоко вѣрная" и т. п. Видимо, мѣстное казачество не на шутку плѣнилось духовнымъ обликомъ этого религіозно-свѣтскаго проповѣдника. Почему восемнадцатый вѣкъ такъ порывисто потянулся къ двадцатому? Это—одинъ изъ внезапныхъ сюрпризовъ живой жизни. Нельзя, очевидно, закупорить въ неподвижности громадную область съ многотысячнымъ населеніемъ. Чѣмъ больше задержана жизнь, тѣмъ къ бо́льшему прыжку способна она при первомъ проблескѣ мысли о своемъ дѣйствительномъ положеніи. Весьма возможно, что маленькій случай съ епископомъ Михаиломъ является первымъ, отдаленнымъ предвѣстникомъ такого пробужденія въ глубокой гущѣ казачества.

Во внутренней Россіи изъ положительныхъ явленій наиболѣе

крупнымъ нужно считать повсемѣстный разливъ начальнаго образованія. Россія какъ будто спохватилась за всѣ пропущенныя десятилѣтія и намѣрена быстрымъ темпомъ нагнать упущенное время. Изъ этой области газеты приносятъ характерныя черточки. Такъ напримѣръ, саратовское губернское земство, довольно правое по нынѣшнему составу, принуждено было заняться вопросомъ объ открытіи въ губерніи нѣсколькихъ учительскихъ семинарій. Сущность этого вопроса была, очевидно, многимъ гласнымъ не по душѣ; одинъ изъ правыхъ гласныхъ въ коммиссіи назвалъ даже семинаристовъ „висѣльниками", не вызвавъ протеста. И всетаки вопросъ обсуждался. До сихъ поръ въ Саратовской губерніи была одна только семинарія, въ г. Вольскѣ. Обслуживала она, притомъ, и многія смежныя губерніи. И при этихъ условіяхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ семинаристы, кончая курсъ, весьма тревожились за свою судьбу, такъ какъ учительскія мѣста отыскивались не сразу. И вотъ теперь правому земству приходится, скрѣпя сердце, разсуждать объ единовременномъ открытіи нѣсколькихъ семинарій. Таково требованіе времени. Учитель сдѣлался необходимымъ и желаннымъ дѣятелемъ деревни. А вотъ черточка, освѣщающая ту же область народной жизни съ другой стороны. „Херсонская губернская земская управа — сообщаютъ газеты, — въ виду предстоящаго въ скоромъ времени усиленнаго школьнаго строительства, обратилась къ знаменитому американцу Эдисону съ просьбой разъяснить степень основательности извѣстій объ его новомъ изобрѣтеніи—отливкѣ домовъ изъ цемента. Эдисонъ любезно отвѣтилъ, что онъ, дѣйствительно, занятъ практическимъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Сейчасъ онъ работаетъ надъ отливкой формъ и сооруженіемъ механизмовъ. По плану Эдисона домъ можно будетъ отлить въ 12 часовъ, а совершенно готовъ онъ будетъ черезъ 6 дней послѣ отливки. Стоимость желѣзныхъ формъ опредѣляется въ 25.000 долларовъ, необходимыхъ машинъ—въ 15.000 долларовъ. Какъ формы, такъ и машины годны для отливки неограниченнаго числа домовъ".

Такимъ образомъ, необходимость въ учителяхъ заставляетъ спѣшно открывать семинаріи, а необходимость быстраго школьнаго строительства принуждаетъ даже обращаться за помощью къ американскому изобрѣтателю! Вѣковой черепашій ходъ Россія какъ будто собирается смѣнить на стремительный американскій бѣгъ. Ну, что же, въ дѣлѣ народнаго образованія поспѣшность во всякомъ случаѣ не будетъ излишнею.

Характерно, однако, что въ то время, какъ изъ глубинъ жизни идетъ такая новая, широкая волна, выносящая безграмотную крестьянскую Россію на дорогу просвѣщенія, казенный учебный міръ возвращается къ своему старому быту, къ прежнимъ пріемамъ выслѣжи-

ванья учениковъ, къ полицейскимъ преслѣдованьямъ и всѣмъ прелестямъ школьной формалистики. Въ „Саратовскомъ Листкѣ", напримѣръ, помѣщено слѣдующее удивительное письмо изъ Аткарска: „Въ ночь съ 9-го на 10-ое января я была разбужена сильнымъ стукомъ въ дверь нашей квартиры и переполохомъ, поднявшимся въ домѣ. Первое мыслью моей было, что случился пожаръ. Но такъ какъ никто не кричалъ этого страшнаго слова, то вѣроятнѣе было предположить, что въ дверь ломятся воры или, по крайней мѣрѣ, пьяные хулиганы. Дома оставались однѣ только женщины: старушка-хозяйка квартиры, ея двѣ дочери и двѣ внучки гимназистки. Хозяйка, которой голоса показались знакомыми, отперла дверь, и на порогѣ показались два надзирателя аткарскаго реальнаго училища. Они шумно вошли въ комнату и стали требовать, чтобы гимназистки вышли и показались имъ, дабы они могли убѣдиться, что онѣ въ этотъ поздній часъ дома. Дѣвушки вышли, очень удивленныя. Тогда надзиратели стали спорить: одинъ—что такъ и предполагалъ, что онѣ дома; другой—что онъ могъ предположить обратное, такъ какъ видѣлъ ихъ брата, служащаго въ земствѣ, гдѣ-то внѣ дома. Въ концѣ-концовъ, въ оправданіе своего визита они сказали, что ихъ прислалъ директоръ. Квартира, въ которой я живу—не ученическая квартира. Двѣ гимназистки, внучки хозяйки дома, живутъ съ матерью и бабушкой и, смѣю думать, если и подлежатъ внѣшкольному надзору въ такое позднее время (былъ 12-й часъ ночи), то только надзору начальницы или своей классной надзирательницы. Какое же право имѣютъ надзиратели реальнаго училища вторгаться ночью въ эту квартиру и безпокоить аткарскихъ обывателей, крича и шумя такъ, какъ будто бы находились въ нетрезвомъ состояніи? Мнѣ кажется, что такое поведеніе никакъ не можетъ содѣйствовать поднятію нравственности учащихся, которымъ они, вѣроятно, желаютъ служить примѣромъ.—Елизавета Малешевская, преподавательница аткарскаго городского училища".

Выразительнымъ, обобщающимъ дополненіемъ къ этому письму служитъ корреспонденція въ „Кіевскія Вѣсти" изъ Каменецъ-Подольска: „Ненормальная постановка внѣшкольнаго надзора въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ стала невыносимой даже и для родителей тѣхъ учениковъ, которые подверглись за послѣднее время многочисленнымъ взысканіямъ. На улицахъ, площадяхъ, а также въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе скопляется толпа, устраивается форменная облава на дѣтей. Пойманнымъ на мѣстѣ „преступленія" тутъ же, при всѣхъ, учиняется допросъ и расправа. Педагогическое начальство, выработавъ правила внѣшкольнаго надзора, общія для всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, не позаботилось о выполненіи ихъ въ наиболѣе мягкой и деликатной

формѣ. Къ тому же несогласованность распоряженій отдѣльныхъ учебныхъ коммиссій бросается въ глаза. Одно учебное заведеніе даетъ разрѣшеніе на посѣщеніе какого-либо развлеченія; другое запрещаетъ это же развлеченіе. Отецъ не можетъ пойти вечеромъ съ сыномъ въ баню, послать его за докторомъ, на почту и въ другихъ неотложныхъ случаяхъ, если сынъ предварительно не взялъ на то разрѣшеніе. Извольте предусмотрѣть болѣзнь, смерть и т. д. Надзиратели и классные наставники съ ногъ сбились, выслѣживая по всему городу воспитанниковъ, нарушающихъ „правила". У нихъ является какое-то соревнованіе въ этой своеобразной дѣятельности: кто больше выслѣдитъ преступниковъ, тому больше и почета. Образовалось два воюющихъ враждебныхъ лагеря. О добромъ, ласковомъ обращеніи, объ истинно-педагогическихъ пріемахъ воздѣйствія на умъ и нравственность питомцевъ нѣтъ и помину. Среди дѣтей, наоборотъ, развивается стремленіе перехитрить всевозможныя препятствія, какъ-нибурь обойти свое начальство и чуть не на его глазахъ продѣлать мальчишескую выходку. Все вниманіе педагогическаго персонала устремлено на внѣшнее поведеніе, на формальное, бездушное отношеніе къ дѣтямъ. Это, конечно, не могло не отразиться на преподаваніи, которое отошло на второй планъ. Нѣкоторые учителя грубы, „тыкаютъ" и даже ругаются при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ начинается новая эра—эра внѣшкольнаго надзора".

Казенная педагогія подбираетъ ту же самую учебную клюку, которая выпала-было изъ ея смущенныхъ рукъ во время общественнаго подъема. Но ужъ какъ-то не вѣрится, что эта клюка по прежнему будетъ всевластна и долговѣчна. А впрочемъ, клюка пока еще побѣдоносно замахивается на русскую жизнь. Вотъ еще одинъ изъ ея взмаховъ, не столько трагическихъ, сколько комическихъ. „Длившійся долгое время конфликтъ между ѳеодосійскимъ земствомъ и администраціей изъ-за послѣдовавшаго постановленія земскаго собранія о вывѣшиваніи портретовъ Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева во всѣхъ земскихъ школахъ — сообщаетъ „Южный Край" — перешелъ въ новую стадію. Директоръ народныхъ училищъ запрашивалъ земскую управу, на какомъ основаніи она вывѣшиваетъ портреты, но получилъ отпоръ и умолкъ. Но въ свою очередь дирекція предписала подчиненнымъ ей учрежденіямъ воздержаться отъ вывѣшиванія портретовъ, такъ что управа, не желая подводить учителей, очутившихся въ положеніи буферовъ, временно пріостановила вывѣшиванія. Вскорѣ въ дѣло вмѣшался губернаторъ, запросившій управу о томъ, на какомъ основаніи она вывѣшиваетъ портреты, и былъ увѣдомленъ, что постановленіе объ этомъ утверждено... имъ же самимъ. Между тѣмъ послѣднее земское собраніе, освѣдомившись о всемъ происшедшемъ,

поручило управѣ обязательно развѣсить портреты и въ случаѣ препятствія съ чьей-либо стороны обжаловать неправильныя дѣйствія. Теперь, послѣ трехмѣсячнаго молчанія, губернаторъ увѣдомилъ земскую управу, что хотя постановленіе и было пропущено имъ къ исполненію, но нынѣ онъ вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ этого незаконнаго, по его мнѣнію, постановленія. Пока же всѣ портреты и Толстого, и Тургенева убраны въ кладовую, гдѣ хранятся въ ожиданіи рѣшенія Сената".

Комичны эти взмахи клюки, если припомнить, что какъ разъ теперь особенно усердно насаждается въ Петербургѣ и въ Россіи патентованный націонализмъ. И въ это же время пробуютъ карликовыми спинами загородить отъ народа двухъ грандіозныхъ представителей національнаго генія. И особенно комичны эти усилія, когда ясно представишь себѣ, что давно уже эти двѣ богатырскія національныя фигуры стоятъ во весь ростъ передъ страной, давно уже любуются, гордятся и восхищаются ими со всѣхъ сторонъ Россіи... А тутъ озабоченно, серьезно волочатъ портреты въ пыльную кладовую. О, маленькіе люди! Они и не подозрѣваютъ, что ихъ самихъ въ скоромъ времени поглотитъ пыльная историческая кладовая для вѣчнаго забвенія!..

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1910.

Новый проектъ университетскаго устава.—Сравненіе его съ проектомъ 1907-го года.— Усиленіе „начальственнаго" принципа. — Роль ректора и роль совѣта. — Порядокъ замѣщенія профессорскихъ каѳедръ. — Учебные планы. — Инспекція и судъ.— Отношеніе къ студенчеству. — Постановленіе московскаго университета и реакціонная печать.—Замѣчательный циркуляръ.

Приближается время разсмотрѣнія университетскаго устава. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу, онъ едва ли окажется существенно отличнымъ отъ первоначальнаго проекта, подробно разобраннаго на страницахъ нашего журнала [1]). Сохранились, по видимому, всѣ основныя черты, вызвавшія рѣшитель-

[1]) См. внутр. обозр. въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1908 г.

ное осужденіе въ прогрессивной печати и въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Министерство народнаго просвѣщенія осталось вѣрнымъ направленію, принятому имъ со времени послѣдней перемѣны въ его составѣ. Выработанный имъ уставъ, если ему суждено стать закономъ, останется такимъ же памятникомъ торжествующей реакціи, какимъ былъ, четверть вѣка тому назадъ, уставъ 1884-го года. А между тѣмъ, еще недавно можно было ожидать совершенно иного разрѣшенія стараго, больного вопроса. Уже послѣ первыхъ побѣдъ регрессивнаго движенія, послѣ манифеста 3-го іюня 1907-го года, послѣ избранія третьей Государственной Думы въ правительственныхъ сферахъ былъ законченъ изготовленіемъ проектъ университетскаго устава, во многомъ прямо противоположный нынѣшнему. Особенно яркій свѣтъ на работу, соединенную съ именемъ А. Н. Шварца, можетъ бросить, поэтому, сравненіе ея съ трудомъ, вышедшимъ изъ рукъ непосредственнаго его предшественника (П. М. фонъ-Кауфмана).

Въ законѣ, собственно говоря, нѣтъ надобности опредѣлять, въ общихъ словахъ, назначеніе даннаго учрежденія: оно выясняется само собою изъ подробнаго перечня его функцій, его правъ и обязанностей. Если, однако, такое опредѣленіе признается нужнымъ, то оно легко можетъ получить какъ бы символическій смыслъ, позволяя предугадать, въ той или другой мѣрѣ, намѣренія составителей закона. Съ этой точки зрѣнія не лишены интереса опредѣленія университета, встрѣчающіяся въ обоихъ законопроектахъ. Университеты — гласитъ статья 2-ая проекта 1907-го года — „суть высшія учено-учебныя учрежденія, имѣющія цѣлью предоставленіе учащимся высшаго научнаго образованія, разработку и развитіе наукъ и распространеніе научныхъ знаній". „Университеты" — читаемъ мы въ ст. 2-ой новѣйшаго проекта — „суть учрежденія, имѣющія своею цѣлью *содѣйствовать развитію наукъ въ россійскомъ государствѣ* [1]) и сообщать лицамъ, надлежаще къ тому подготовленнымъ, какъ общее, такъ и спеціальное высшее образованіе, а также способствовать приготовленію ихъ къ дѣятельности на различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія, требующихъ научной подготовки". Слабая сторона второго опредѣленія, сравнительно съ первымъ, заключается не только въ его многословіи и тяжеловѣсности, но и въ подчеркиваніи практической задачи университета, совершенно излишнемъ въ виду упоминанія о *спеціальномъ* образованіи и могущемъ дать формальную основу для тенденціозной окраски *устанавливаемыхъ* министерствомъ народнаго просвѣщенія учебныхъ плановъ. Говорить о приготовленіи

---

[1]) Подчеркнутыхъ нами словъ въ первоначальномъ проектѣ, если мы не ошибаемся, не было; введеніе ихъ—одна изъ весьма немногихъ серьезныхъ уступокъ, сдѣланныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

къ „государственному служенію“ тѣмъ менѣе нужно, что никакихъ служебныхъ правъ и преимуществъ (кромѣ права на занятіе должностей по учебной части) окончаніе курса въ университетѣ, при дѣйствіи новаго устава, давать не будетъ.

На основаніи ст. 6-ой прежняго законопроекта, „высшее руководство университетами и общій надзоръ за закономѣрностью дѣйствій органовъ университетскаго управленія“ должны были принадлежать министру народнаго просвѣщенія. Статья 4-ая новаго проекта ставитъ университеты „подъ *главное начальство* и общее руководство“ министра. Значеніе этого различія усиливается тѣмъ, что проектъ 1907-го года совершенно устранялъ попечителя учебнаго округа отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ, возлагая „ближайшее завѣдываніе“ университетами на товарища министра (ст. 6), а настоящій проектъ (ст. 4, 6 и сл.) ввѣряетъ попечителю „ближайшій надзоръ за дѣятельностью университетовъ и управленіе ими въ предѣлахъ устава“. Что попечители, за весьма рѣдкими исключеніями, играли въ университетской жизни или роль тормаза, или роль пятаго колеса — это доказываетъ вся исторія нашихъ университетовъ. Не говоря уже о Магницкомъ, Руничѣ, Мусинѣ-Пушкинѣ (николаевскаго времени), Кокошкинѣ, Назимовѣ, спросимъ себя, многіе ли изъ числа попечителей оставили по себѣ такую добрую память, какъ гр. Строгановъ, кн. Щербатовъ, Пироговъ, А. А. Сабуровъ, или хотя бы Е. П. Ковалевскій, И. Д. Деляновъ [1]), А. А. Арцимовичъ? Многіе ли были подготовлены къ трудной, отвѣтственной задачѣ, многіе ли смотрѣли на нее иначе, чѣмъ на любое административное порученіе? И если прежде „ближайшій надзоръ“ надъ университетомъ могъ казаться необходимымъ, въ виду громадности разстояній и медленности сообщеній, то не является ли онъ безусловно излишнимъ въ эпоху желѣзныхъ дорогъ и телеграфа? Отъ обладанія начальническими правами только одинъ шагъ до ихъ примѣненія—примѣненія, вызываемаго не столько необходимостью, сколько стремленіемъ къ наглядному проявленію власти... При изданіи перваго университетскаго устава (1804-го года) рѣшено было назначить мѣсто жительства попечителя не въ томъ городѣ, гдѣ находится подвѣдомственный ему университетъ, именно для того, чтобы предупредить слишкомъ усердное вмѣшательство попечителя въ университетскія дѣла и оградить, тѣмъ самымъ, самостоятельность университета. Въ то время эта цѣль оказалась недостижимой; но теперь, когда съ надзоромъ мѣстнаго начальства—т.-е. попечителя,—конкуррируютъ, сплошь и рядомъ, ревизіи, присылаемыя

[1]) И. Д. Деляновъ, какъ попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа (1859—61), былъ мало похожъ на И. Д. Делянова, ставшаго товарищемъ министра, а затѣмъ министромъ народнаго просвѣщенія.

изъ центра, ничто не мѣшало бы осуществить мудрую мысль „счастливаго начала“ александровской эпохи. Товарищъ министра, живя въ Петербургѣ и, по необходимости, только изрѣдка посѣщая университеты, разбросанные по разнымъ концамъ Россіи, былъ бы именно тѣмъ „наблюдателемъ издалека“, какого имѣлъ въ виду законодатель 1804-го года. Удачнымъ кажется намъ и другое нововведеніе, задуманное П. М. фонъ-Кауфманомъ: учрежденіе особаго совѣта по дѣламъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ которомъ, кромѣ высшихъ чиновъ министерства, должны были участвовать, по очереди, ректоры и директоры высшихъ школъ. Само собою разумѣется, что новый проектъ, весь проникнутый идеей властнаго начальствованія, ничего подобнаго такому совѣту не установляетъ.

Іерархически организуемая новымъ проектомъ серія начальствующихъ лицъ, начинаясь съ министра и продолжаясь попечителемъ, обнимаетъ собою, на слѣдующихъ своихъ ступеняхъ, и ректора, и декановъ. Въ этомъ отношеніи знаменательно самое различіе въ послѣдовательности статей, замѣчаемое между обоими проектами. Въ проектѣ 1907-го года за главою о подвѣдомственности университетовъ непосредственно слѣдовала глава о коллегіальныхъ органахъ управленія университетами (совѣтѣ, сенатѣ, правленіи, факультетахъ), а затѣмъ уже глава объ органахъ единоличныхъ (ректорѣ, проректорѣ, деканахъ); въ новомъ проектѣ принятъ противоположный порядокъ, очевидно—въ силу правила: à tout seigneur tout honneur. Оба проекта даютъ ректору право дѣлать „должностнымъ лицамъ, служащимъ по учебной части“ (слѣдовательно, между прочимъ, и профессорамъ) указанія и напоминанія, но новый проектъ прибавляетъ: и *замѣчанія*, т.-е. облекаетъ ректора, по отношенію къ его товарищамъ, нѣкоторою дисциплинарною властью. Въ проектѣ 1907-го года было сказано: „о неисправностяхъ или неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей ректоръ сообщаетъ совѣту или факультету“, а въ новомъ проектѣ слово: *сообщаетъ* замѣнено словами: *можетъ сообщать*. Прежнею редакціею центръ тяжести отношеній между ректоромъ и преподавателями переносился, фактически, въ совѣтъ, а новою—пріурочивается къ личности ректора. Настоящимъ начальникомъ, облеченнымъ неограниченною властью, новый проектъ, какъ мы увидимъ ниже, дѣлаетъ ректора по отношенію къ студентамъ, на которыхъ онъ, по проекту 1907-го года, могъ налагать только нѣкоторыя дисциплинарныя взысканія. Что касается до декановъ, то кромѣ „ближайшаго наблюденія за преподаваніемъ учебныхъ предметовъ“, возлагавшагося на нихъ и проектомъ 1907-го года, новый проектъ обязываетъ ихъ наблюдать за „точнымъ выполненіемъ преподавателями установленныхъ плановъ преподаванія и программъ курсовъ“. Это,

конечно, не даетъ декану прямой власти надъ профессорами, но сообщаетъ его надзору начальственный привкусъ, мало благопріятный для товарищескихъ отношеній между членами факультета.

Оба проекта сохраняютъ возстановленный Высочайшимъ указомъ 27-го августа 1905-го года выборный характеръ должностей ректора и декановъ; оба проекта, согласно съ тѣмъ же указомъ, требуютъ *утвержденія* этихъ должностныхъ лицъ. И въ этомъ отношеніи, однако, между обоими проектами существуетъ значительная разница. Проектъ 1907-го года не содержитъ въ себѣ никакихъ особыхъ постановленій о послѣдствіяхъ неутвержденія. Предполагалось, очевидно, что оно будетъ встрѣчаться на практикѣ весьма рѣдко и что выборы должны повторяться до тѣхъ поръ, пока не состоится утвержденіе избраннаго лица. Совсѣмъ не то мы видимъ въ новомъ проектѣ. „Если избранный совѣтомъ кандидатъ въ ректоры"—гласитъ ст. 15-ая,—„не будетъ утвержденъ министромъ, то назначаются новые выборы, причемъ неутвержденный кандидатъ на сей разъ не можетъ быть вновь избираемъ совѣтомъ. Въ случаѣ вторичнаго неутвержденія избраннаго совѣтомъ кандидата ректоръ избирается изъ ординарныхъ профессоровъ подлежащаго университета министромъ народнаго просвѣщенія". То же самое повторено въ ст. 27 и 33 относительно избранія проректора и декановъ. Къ университетамъ примѣненъ, такимъ образомъ, тотъ же порядокъ, который давно уже дѣйствуетъ въ земствѣ и въ городахъ и результатами котораго особенно часто можно любоваться въ послѣднее время. Совершенно несостоятельный и крайне вредный въ сферѣ земскаго и городского самоуправленія, онъ еще менѣе находитъ для себя оправданіе въ сферѣ высшей школы. Въ предсѣдатели и члены земскихъ и городскихъ управъ могутъ быть избираемы частныя лица, не состоящія и не состоявшія ни на государственной, ни на общественной службѣ; этимъ, конечно, не оправдывается, но хоть сколько-нибудь объясняется правило, требующее утвержденія ихъ администраціей [1]). Въ иномъ положеніи находятся возможные кандидаты на должности ректора, проректора, декана: они всѣ принадлежатъ къ числу профессоровъ—и, притомъ, профессоровъ ординарныхъ [2]),—всѣ прикосновенны, какъ таковые, къ завѣдыванію

---

[1]) На практикѣ неутвержденіе постигаетъ, по видимому, не столько тѣхъ, кто не успѣлъ еще заявить себя дѣятельностью въ земскихъ и городскихъ исполнительныхъ органахъ, сколько тѣхъ, чья работа въ этихъ органахъ очень хорошо извѣстна—но, снискавъ имъ уваженіе и довѣріе избирателей, сдѣлала ихъ personae minus gratae въ глазахъ административной власти. Стоитъ только вспомнить о неутвержденіи, въ Москвѣ, Д. Н. Шипова, надѣлавшемъ въ свое время такъ много шума.

[2]) По проекту 1907-го года въ деканы могъ быть выбираемъ любой изъ профессоровъ даннаго факультета, т.-е. какъ ординарный, такъ и экстраординарный;

университетскими дѣлами, всѣ имѣютъ равное право занять, въ случаѣ избранія, ту или другую отвѣтственную университетскую должность. Для дискреціонной власти министра, идущей въ разрѣзъ съ двукратнымъ постановленіемъ большинства профессоровъ, здѣсь не должно быть мѣста. Практика восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ показала съ достаточною ясностью, какъ рѣдко и какъ трудно нравственный авторитетъ, столь важный для перваго между равными, давался назначеннымъ ректорамъ и деканамъ. При существованіи, хотя бы только на бумагѣ, выборнаго начала, положеніе ихъ будетъ еще болѣе тяжелымъ. Уставъ 1884-го года *требовалъ* назначенія ректора и декановъ—новый проектъ его только *допускаетъ;* прежде назначеніе происходило *помимо* воли товарищей назначаемаго—теперь оно происходило бы *противъ* ихъ воли и, слѣдовательно, вырывало бы между ними и назначеннымъ лицомъ еще болѣе глубокую пропасть.

Между стремленіемъ проекта возвести ректора, проректора, декановъ на степень начальствующихъ лицъ, и ограниченіями, которыя онъ вводитъ въ выборное начало, нетрудно подмѣтить тѣсную внутреннюю связь. Чѣмъ больше у этихъ должностныхъ лицъ власти, тѣмъ важнѣе для министерства имѣть въ ихъ лицѣ своихъ ставленниковъ или, по меньшей мѣрѣ, своихъ союзниковъ. Предоставить университетамъ полную свободу выбора можетъ только такое министерство, которое не претендуетъ на *управленіе* университетами, не желаетъ идти дальше контроля надъ закономѣрностью ихъ дѣятельности и поддержки всего предпринимаемаго ими на пользу образованія и науки. Къ подобному взгляду на свою роль министерство народнаго просвѣщенія приближалось при генералѣ Глазовѣ, еще больше—при гр. И. И. Толстомъ и П. М. фонъ-Кауфманѣ. Въ послѣдніе два года оно идетъ въ прямо противоположномъ направленіи, яркимъ выраженіемъ котораго и служилъ разбираемый нами законопроектъ. Съ большою ясностью оно отразилось и въ постановленіяхъ, касающихся замѣщенія профессорскихъ каѳедръ. По ст. 109-ой проекта 1907-го года факультетъ, обсудивъ достоинства всѣхъ заявленныхъ на каѳедру кандидатовъ, долженъ былъ подвергать ихъ одновременной баллотировкѣ, и избраннымъ долженъ былъ считаться кандидатъ, получившій наивысшее абсолютное большинство голосовъ. Для вступленія его въ должность требовалось утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, но о послѣдствіяхъ неутвержденія въ проектѣ не говорилось ни слова; это значитъ, что единственнымъ его результатомъ могло быть возобновленіе выборной процедуры. Путемъ назначенія предполагалось

новый проектъ требуетъ избранія декана непремѣнно изъ числа профессоровъ ординарныхъ, безъ всякой надобности стѣсняя, тѣмъ самымъ, свободу выбора.

замѣщать только такія каѳедры, которыя остаются вакантными въ теченіе двухъ лѣтъ. Совсѣмъ иной порядокъ установляется новымъ проектомъ (ст. 125 и сл.). Избранными кандидатами считаются, во-первыхъ, *всѣ* получившіе абсолютное большинство голосовъ; они *всѣ* представляются на утвержденіе министра, которое можетъ быть дано любому изъ нихъ, хотя бы получившему наименьшее число избирательныхъ голосовъ. Этого мало: министръ, „въ случаѣ усмотрѣннаго имъ несоотвѣтствія избранныхъ факультетомъ кандидатовъ требованіямъ преподаванія или пользѣ государственной", можетъ замѣстить вакантную должность, по своему усмотрѣнію, лицомъ, удовлетворяющимъ требованіямъ закона (т.-е. имѣющимъ степень доктора и прошедшимъ извѣстный преподавательскій стажъ). Единоличное усмотрѣніе министра, вовсе, быть можетъ, не принадлежащаго къ ученому сословію или, въ лучшемъ случаѣ, хорошо знакомаго только съ какою-нибудь одною научною областью, ставится, такимъ образомъ, выше рѣшенія цѣлой коллегіи спеціалистовъ. Само собою разумѣется, что при существованіи такого правила мотивомъ къ отклоненію всѣхъ избранныхъ кандидатовъ всего чаще будетъ служить своеобразно понятая *государственная польза*, т.-е., говоря яснѣе, политическіе взгляды и симпатіи министра. Широко, такимъ образомъ, открываются двери для политики, объ изгнаніи которой изъ высшей школы такъ много толкуютъ въ „благонамѣренной" прессѣ. Повторяемъ сказанное нами при первой вѣсти о новомъ направленіи, данномъ университетскому вопросу: меньше чѣмъ гдѣ-либо *назначеніе* профессоровъ можетъ быть признано цѣлесообразнымъ именно у насъ. Наша бюрократія не привыкла уважать науку, прислушиваться къ ея голосу, ставить ея интересы выше собственнаго властолюбія и тщеславія. Въ ея исторіи нѣтъ такихъ именъ, какъ Цедлицъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Альтенштейнъ—или Гизо, Виллльменъ, Дюрюи. Трудно ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ она стала видѣть въ профессорахъ самостоятельныхъ дѣятелей науки, а не чиновниковъ учебнаго вѣдомства. Бюрократическіе взгляды очень быстро усвоиваются у насъ даже бывшими профессорами, призванными къ власти. Припомнимъ, что одною изъ самыхъ печальныхъ эпохъ въ исторіи нашихъ университетовъ было управленіе бывшаго профессора (Боголѣпова).

Если въ только что разсмотрѣнномъ нами вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, проектъ 1907-го года стоитъ значительно выше нынѣшняго, то это еще не значитъ, чтобы онъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Большимъ его недостаткомъ слѣдуетъ признать устраненіе университетскаго совѣта отъ участія въ выборѣ профессоровъ. Въ этомъ отношеніи оба проекта сходятся между собою, со-

средоточивая процедуру замѣщенія профессорскихъ каѳедръ — на сколько она происходитъ въ стѣнахъ университета — исключительно въ рукахъ факультета. Ненормальность такого порядка какъ нельзя лучше раскрыта ректоромъ московскаго университета въ оффиціальной запискѣ, представленной министерству осенью 1908-го года. „Отдѣльныя отрасли знанія, распредѣленныя между разными факультетами"—говоритъ А. А. Мануйловъ,—„часто близко соприкасаются между собою (напр. предметы факультетовъ естественнаго и медицинскаго, юридическаго и историко-филологическаго). Съ другой стороны и факультеты отнюдь не являются собраніями близкихъ другъ къ другу спеціалистовъ (напр. какъ математики, такъ и естественники входятъ въ составъ физико-математическаго факультета). Сужденіе о достоинствахъ кандидата можетъ только выиграть въ своей полнотѣ и разносторонности, будучи перенесено въ совѣтъ послѣ разсмотрѣнія кандидатуры факультетомъ. Совершенно ошибочно предполагать, будто оцѣнка научныхъ достоинствъ кандидата безусловно недоступна представителямъ другихъ спеціальностей. Изъ преній въ совѣтѣ и доклада факультета относительное достоинство кандидатовъ выясняется и для членовъ коллегіи, не принадлежащихъ къ спеціалистамъ по данной отрасли знанія; единство научнаго знанія обнаруживается въ этомъ случаѣ въ единствѣ научныхъ критеріевъ, создающемъ общую для научныхъ дѣятелей почву для сужденія по научнымъ вопросамъ". Подтвержденіе этихъ неопровержимыхъ соображеній можно найти и въ томъ, что оба проекта относятъ къ вѣдѣнію совѣта утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ, присужденныхъ факультетомъ, а также разборъ предположеній факультетовъ о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ, о замѣнѣ одной каѳедры другою, объ открытіи новыхъ каѳедръ. Если для обсужденія такихъ вопросовъ совѣтъ признается компетентнымъ, то нелегко понять, какимъ образомъ могутъ возникнуть сомнѣнія въ способности его судить о достоинствѣ кандидатовъ на профессорскія каѳедры.

Мы едва ли, впрочемъ, ошибемся, если скажемъ, что для составителей новаго проекта важно было не столько согласованіе компетенціи совѣта съ его компетентностью, сколько возможно большее ограниченіе его дѣятельности. Въ этомъ отношеніи проектъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ Высочайшимъ указомъ 27-го августа 1905-го года, возлагавшимъ на обязанность совѣта „заботу о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ". Проектъ переноситъ эту обязанность на ректора и попечителя: вѣдь администраціи удобнѣе имѣть дѣло съ отдѣльными лицами, назначенными или утвержденными министромъ, чѣмъ съ многочисленной [1]) и болѣе или менѣе независи-

[1]) Новымъ проектомъ значительно уменьшается численный составъ совѣта,

мой коллегіей, естественно стремящейся къ самостоятельному руководительству университетомъ. Особенно ясно это обнаруживается изъ сравненія обоихъ проектовъ. Въ проектѣ 1907-го года постановленіями о совѣтѣ начиналась глава объ управленіи университетомъ; дѣла, подвѣдомственныя совѣту, перечислялись въ тридцати пунктахъ, изъ которыхъ девятнадцать касались дѣлъ окончательно рѣшаемыхъ совѣтомъ. Въ новомъ проектѣ постановленіямъ о совѣтѣ предшествуютъ постановленія о ректорѣ, проректорѣ, деканахъ и факультетахъ; дѣла, окончательно рѣшаемыя совѣтомъ, предусмотрѣны въ *шести*, остальныя—въ десяти пунктахъ. Проектъ 1907-го года предоставлялъ совѣту образовывать по дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, временныя или постоянныя коммиссіи; въ новомъ проектѣ объ этомъ не говорится ни слова, и молчаніе его равносильно запрещенію. Чтобы судить о значеніи этой перемѣны, достаточно припомнить, что указъ 27-го августа предоставлялъ совѣту, въ видахъ поддержанія правильнаго хода университетской жизни, „принимать соотвѣтственныя мѣры, дѣйствуя въ полномъ составѣ или чрезъ *избранную для сей цѣли коммиссію*". И на практикѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, роль такихъ совѣтскихъ коммиссій была немаловажна; не разъ имъ удавалось способствовать мирному прекращенію волненій и безпорядковъ. Проектъ 1907-го года, не устраняя совѣтскихъ коммиссій, создавалъ, подъ именемъ сената, особый органъ, спеціальною обязанностью котораго должна была быть забота о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни. Можно сомнѣваться въ необходимости подобнаго органа, разъ что существуетъ возможность свободнаго избранія совѣтскихъ коммиссій; но при томъ составѣ сената, который намѣчался въ проектѣ (кромѣ ректора, проректора и декановъ — по выбору два профессора отъ каждаго факультета, факультетскихъ собраній), можно было бы ожидать полнаго согласія между нимъ и совѣтомъ. Сенату проектъ 1907-го года предоставлялъ, между прочимъ, назначеніе студентамъ стипендій и пособій; новый проектъ передаетъ эту функцію правленію, обусловливая, притомъ, дѣйствительность его постановленій утвержденіемъ попечителя. Въ намѣренія составителей новаго проекта входило, вообще, расширеніе круга дѣйствій правленія, составъ котораго (ректоръ, проректоръ, деканы и назначенный министромъ „совѣтникъ по хозяйственной части")

исключеніемъ изъ него—вопреки дѣйствующему закону и проекту 1907-го года,—всѣхъ экстраординарныхъ профессоровъ. Ничего, кромѣ вреда, эта мѣра принести не можетъ, никакихъ вѣскихъ основаній въ ея пользу привести нельзя—но и она, очевидно, признается недостаточной для желательнаго, съ бюрократической точки зрѣнія, ограниченія вліянія и значенія совѣта.

даетъ основаніе ожидать сравнительно бо́льшей зависимости его отъ администраціи.

Проектъ 1907-го года, слѣдуя, въ этомъ отношеніи, уставу 1884-го года, возлагалъ на совѣтъ установленіе, по представленіямъ факультетовъ, учебныхъ плановъ; не требовалось даже утвержденія ихъ министромъ. Новый проектъ устраняетъ отъ всякаго участія въ этой работѣ не только совѣтъ, но вообще университетъ. „Въ каждомъ факультетѣ—гласитъ ст. 94-ая — преподаваніе ведется по одному или нѣсколькимъ учебнымъ планамъ, *одинаковымъ для всѣхъ университетовъ и установляемымъ министромъ народнаго просвѣщенія*. Въ сихъ планахъ опредѣляется какъ составъ предметовъ, подлежащихъ изученію студентами при прохожденіи университетскаго курса наукъ по избраннымъ спеціальностямъ, такъ и общій объемъ познаній, требуемыхъ по каждому предмету". Факультетамъ—*но не совѣту*—предоставляется только распредѣленіе курсовъ, входящихъ въ учебные планы, по учебнымъ годамъ, раздѣленіе ихъ на общіе и спеціальные, опредѣленіе порядка слушанія этихъ курсовъ и распредѣленіе связанныхъ съ ними обязательныхъ занятій. И все это требуетъ утвержденія министра (по проекту 1907-го года предположенія факультетовъ по всѣмъ этимъ вопросамъ подлежали утвержденію, по принадлежности, совѣта или сената). Регламентація, вводимая новымъ проектомъ, доходитъ, такимъ образомъ, до крайнихъ предѣловъ. Существуетъ анекдотъ объ одномъ изъ французскихъ министровъ просвѣщенія (кажется — временъ іюльской монархіи), гордившемся возможностью опредѣлить, какой предметъ и какая часть его преподается, въ данную минуту, во всѣхъ французскихъ лицеяхъ. Но, во-первыхъ, это — не болѣе какъ анекдотъ; во-вторыхъ, онъ касается только средней школы. Въ французскихъ факультетахъ такое единообразіе едва ли было мыслимо даже при наивысшемъ господствѣ формализма, долго составлявшаго ахиллесову пяту французскихъ учебныхъ порядковъ. Неужели желательно ввести что-нибудь подобное въ нашихъ университетахъ—и ввести, притомъ, именно тогда, когда они перестаютъ быть источниками служебныхъ правъ, когда вездѣ растетъ нерасположеніе къ административной опекѣ?

Какъ ни мало удовлетворительны постановленія новаго проекта, регулирующія устройство университетскаго управленія и положеніе учащихъ, но еще болѣе прискорбнымъ шагомъ назадъ является въ немъ все то, что касается учащихся. Давно уже доказано, что слабой стороной устава 1863-го года—лучшаго изъ всѣхъ, опредѣлявшихъ до сихъ поръ положеніе русскихъ университетовъ,—было отрицательное отношеніе его ко всякимъ студенческимъ организаціямъ. Уставъ 1884-го года значительно обострилъ этотъ недостатокъ, и онъ сталъ на столько оче-

виденъ, что даже въ самый разгаръ реакціи, въ началѣ истекающаго десятилѣтія, сдѣланы были попытки перемѣнить курсъ—конечно, попытки робкія и именно потому не приводившія къ цѣли. Нѣсколько болѣе рѣшительными шагами ознаменована короткая эпоха пробужденія. Указомъ 27-го августа инспекція, столько разъ подававшая поводъ къ безпорядкамъ, была подчинена ректору и вскорѣ послѣ того совершенно упразднена; появились курсовые старосты, легализованы были, до извѣстной степени, студенческія сходки въ стѣнахъ университета. На проложенную такимъ образомъ дорогу вступилъ проектъ 1907-го года. Инспекцію онъ не воскресилъ и ничего похожаго на нее не создалъ. Университетскій судъ, уничтоженный уставомъ 1884-го года, но возстановленный въ 1902-мъ году, оставался въ силѣ. Собранія студентовъ въ стѣнахъ университета допускались, подъ условіемъ разрѣшенія со стороны ректора и проректора. Студентамъ предоставлялось право образовывать организаціи, составлять общества самопомощи, научныя, музыкальныя, художественныя, литературныя и спортивныя, и собранія этихъ обществъ могли происходить въ помѣщеніяхъ университета. Уставы организацій и обществъ подлежали утвержденію сената слѣдовательно—самыя организаціи и общества могли осуществляться легко и скоро.

Новый проектъ исходитъ изъ совершенно другихъ основаній и задается совершенно другими цѣлями. Прежде всего онъ возстановляетъ инспекцію, подъ именемъ факультетскихъ приставовъ, на которыхъ возлагается „ближайшее наблюденіе за исполненіемъ въ университетскихъ зданіяхъ студентами и посторонними слушателями установленныхъ для нихъ правилъ и надзоръ за соблюденіемъ ими порядка во всѣхъ помѣщеніяхъ университета". Возстановляются и такъ называемые педеля, въ видѣ „нижнихъ служителей", назначаемыхъ ректоромъ, „въ потребномъ количествѣ", въ распоряженіе приставовъ. Пристава избираются ректоромъ, по возможности изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, и утверждаются въ должности попечителемъ. Они стоятъ подъ непосредственнымъ начальствомъ ректора, но обязаны исполнять и распоряженія декановъ. Инструкція для нихъ вырабатывается ректоромъ по соглашенію съ деканами (и отъ этой функціи, слѣдовательно, устраненъ совѣтъ!) и утверждается попечителемъ. Ничего, кромѣ давно знакомыхъ неудобствъ, нельзя ожидать отъ новой—или, лучше сказать, слегка подновленной—должности. Въ мирное, спокойное время приставамъ нечего будетъ дѣлать—а волненій они не предупредятъ и не прекратятъ, такъ какъ нѣтъ основанія думать, чтобы блюстители внѣшняго порядка могли пріобрѣсти моральный авторитетъ среди студенчества. То нравственное воздѣйствіе, которое не всегда удается даже наиболѣе любимымъ и ува-

жаемымъ профессорамъ, будетъ совершенно недоступно для университетской полиціи, хотя бы представители ея и обладали высшимъ образованіемъ (практика другихъ учрежденій давно, впрочемъ, доказала, что когда это условіе ставится съ оговоркой: *по возможности*, то оно соблюдается сравнительно слабо). А для воздѣйствія матеріальнаго пристава, даже вмѣстѣ съ предоставленными въ ихъ распоряженіе „нижними служителями", не будутъ располагать достаточной силой. Слишкомъ легко, поэтому, ихъ „наблюденіе" и „надзоръ" будутъ сводиться къ такимъ формамъ, которыя меньше всего способны расположить въ ихъ пользу или примирить съ ними впечатлительную молодежь. Источникомъ безконечныхъ непріятностей для ректора можетъ стать подчиненіе ему приставовъ. Юридически отвѣтственный за нихъ передъ высшимъ начальствомъ, фактически—передъ студентами, онъ будетъ стоять между двухъ огней—и эта перспектива легко можетъ уменьшить число лицъ, согласныхъ принять на себя должность ректора. Весьма возможно также неутвержденіе въ этой должности, вызванное сомнѣніемъ въ умѣньѣ или желаніи избраннаго лица надлежащимъ образомъ направлять дѣятельность подчиненныхъ ему приставовъ.

По проекту 1907-го года университетскій судъ долженъ былъ состоять изъ пяти выбранныхъ совѣтомъ, на одинъ годъ, профессоровъ. Только ему, по приложеннымъ къ проекту правиламъ, предоставлялось примѣнять къ студентамъ высшія дисциплинарныя взысканія—безсрочное увольненіе, удаленіе или исключеніе изъ университета. Дисциплинарная власть сената не шла дальше увольненія на срокъ, дисциплинарная власть ректора и проректора—дальше временнаго запрещенія посѣщать университетъ. Новый проектъ, отмѣняя университетскій судъ, передаетъ его функціи ректору и деканамъ, до крайности ихъ упрощая и обращая ихъ въ нѣчто механическое. За первое нарушеніе студентомъ университетскихъ правилъ—напоминаніе, дѣлаемое деканомъ; за второе—напоминаніе, дѣлаемое ректоромъ; за третье—увольненіе изъ университета: такова лѣстница взысканій, установляемая проектомъ. Во вниманіе принимается, вообще, только число, а не свойство нарушеній; но въ случаѣ важнаго нарушенія порядка ректоръ можетъ немедленно уволить студента. По соглашенію съ деканомъ ректоръ можетъ уволить студента и за совершенный внѣ университета, но получившій огласку „предосудительный поступокъ"; то же право принадлежитъ ему и въ случаѣ осужденія студента общимъ судомъ, независимо отъ тяжести назначеннаго судомъ наказанія. Въ случаѣ нарушенія студентами порядка въ университетѣ или неисполненія распоряженія учебнаго начальства, ректоръ (или проректоръ), при безуспѣшности сдѣланнаго внушенія,

требуетъ немедленно содѣйствія мѣстной полиціи для возстановленія порядка и удаленія виновныхъ и неповинующихся изъ зданія университета [1]). Незавидно будетъ положеніе ректора, которому придется увольнять студента, можетъ-быть во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго, только потому, что противъ него говоритъ *число* допущенныхъ имъ, хотя бы совершенно маловажныхъ нарушеній. И чѣмъ будетъ доказываема наличность нарушеній? Въ большинствѣ случаевъ, по всей вѣроятности—донесеніями факультетскихъ приставовъ, для повѣрки которыхъ ректоръ далеко не всегда будетъ располагать достаточнымъ досугомъ. Чтобы убѣдиться въ несостоятельности порядка, установляемаго проектомъ, стоитъ только вспомнить, что университетскій судъ, упраздненный уставомъ 1884-го года, былъ возстановленъ въ 1902-мъ году, т.-е. въ такое время, когда о снисходительности къ студентамъ, о стремленіи къ обезоруженію власти не было и рѣчи. Причиной частичнаго возвращенія къ уставу 1863-го года была, очевидно, затруднительность положенія, созданнаго для университетскаго начальства упраздненіемъ коллегіи, спеціально призванной къ дѣятельности судебнаго характера... Еще тяжелѣе возлагаемая на ректора обязанность призывать полицію, какъ только окажется безуспѣшнымъ его призывъ къ возстановленію порядка въ стѣнахъ университета. Какъ часто, въ послѣднее время, обращеніе къ этой крайней мѣрѣ удавалось предупредить долгими, настойчивыми усиліями ректора и другихъ профессоровъ! Сколько было предупреждено, благодаря этому, забастовокъ, сколько молодыхъ людей предохранено отъ тяжкихъ, иногда непоправимыхъ невзгодъ! Какимъ недовѣріемъ къ нравственному воздѣйствію и какимъ довѣріемъ къ грубой силѣ дышетъ категорическое требованіе *немедленнаго* обращенія къ полицейской власти! Замѣтимъ, что къ нарушенію порядка приравнивается „неповиновеніе распоряженіямъ учебнаго начальства“: слѣдовательно—полиція можетъ быть призвана въ университетъ и тогда, когда порядокъ еще не нарушенъ, а только можетъ быть нарушенъ. Не всякое же неповиновеніе тотчасъ же влечетъ за собой неизбѣжный безпорядокъ.

[1]) Въ первоначальной редакціи проекта, оглашенной въ печати осенью 1908-го года и тогда же разобранной нами на страницахъ „Вѣстника Европы“, дисциплинарная власть ректора имѣла еще болѣе острый и еще болѣе механическій характеръ: при нарушеніи порядка „дѣйствіями скопомъ“ увольненіе всѣхъ виновниковъ являлось обязательнымъ для ректора, вопреки элементарнымъ требованіямъ справедливости, предполагающимъ извѣстное соотвѣтствіе между степенью виновности каждаго отдѣльнаго лица и тяжестью налагаемой на него кары. Устраненіе неизбѣжной и для всѣхъ равной отвѣтственности принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ перемѣнъ къ лучшему, которыя внесены въ проектъ при окончательномъ установленіи его текста. Другой такой же перемѣной является правило, въ силу котораго обращенію къ содѣйствію полиціи должно предшествовать внушеніе, оставшееся безуспѣшнымъ.

Въ противоположность проекту 1907-го года, новый проектъ (ст. 165 и 166) не допускаетъ внутри университета ни студенческихъ обществъ, организацій и учрежденій, ни студенческихъ собраній, кромѣ тѣхъ, которыя обусловливаются обычными занятіями въ аудиторіяхъ и въ учебно-образовательныхъ учрежденіяхъ. Внѣ университета учреждать общества и созывать собранія студентамъ не возбраняется, но не иначе, какъ въ *общемъ* порядкѣ, на основаніи *общихъ* законоположеній. Въ какой степени эти законоположенія благопріятствуютъ, сами по себѣ, свободѣ обществъ и собраній и въ какомъ смыслѣ „разъясняетъ" ихъ административная практика — это слишкомъ хорошо извѣстно. Не рискуя ошибиться, можно утверждать, что при господствующихъ условіяхъ единственными возможными студенческими собраніями и обществами окажутся устраиваемыя такъ называемымъ академическимъ союзомъ или близкими къ нему по духу организаціями. Чрезвычайно чувствительнымъ, впрочемъ, запрещеніе студенческихъ обществъ и собраній въ стѣнахъ университета было бы даже въ такомъ случаѣ, еслибы внѣ университета какъ тѣ, такъ и другія пользовались дѣйствительною свободой. Не странно ли что студентамъ придется искать — и, можетъ быть, не находить — подходящихъ помѣщеній для своихъ обществъ и собраній, въ то время какъ пустыми будутъ оставаться, по вечерамъ, университетскія аудиторіи и залы?.. Съ другой стороны, какихъ усилій и расходовъ будетъ стоить организація такого надзора, который предупредилъ бы студенческія сходки въ стѣнахъ университета? Вѣдь мѣстомъ сходки можетъ служить любая аудиторія, гдѣ студенты ожидаютъ профессора, любой корридоръ, по которому они ходятъ въ промежутки между лекціями. Какъ уловить моментъ, когда обыкновенный разговоръ превращается въ систематическое обсужденіе вопроса, безформенная толпа—въ организованную сходку? Посильной ли будетъ такая задача для факультетскихъ приставовъ и для ихъ помощниковъ—низшихъ служителей? Не слѣдуетъ ли опасаться возникновенія на этой почвѣ такихъ явленій, отъ которыхъ, при дѣйствіи проектируемаго порядка, будетъ только одинъ шагъ до призыва полиціи въ университетъ?... До послѣдняго времени запрещеніе студенческихъ обществъ и собраній могло быть мотивируемо ссылкою на традицію, въ силу которой они не допускались даже въ минуты наибольшаго довѣрія къ высшей школѣ; но вѣдь теперь придется сдѣлать рѣшительный шагъ назадъ, положить конецъ тому, что фактически и легально существовало нѣсколько лѣтъ сряду, чѣмъ привыкли дорожить и профессора, и студенты. На это нельзя идти „съ легкимъ сердцемъ", въ разсчетѣ на одну все превозмогающую силу.

Всякій разъ, когда высшая школа находилась не въ авантажѣ,

на сцену появлялась — и иногда, въ той или другой мѣрѣ, приводилась въ исполненіе — мысль объ ограниченіи числа студентовъ. Съ этою цѣлью предпринималось съ одной стороны увеличеніе расходовъ, сопряженныхъ съ пребываніемъ въ университетѣ, съ другой — уменьшеніе средствъ на ихъ покрытіе. На этотъ путь вступаетъ и разбираемый нами проектъ, и здѣсь существенно расходясь съ проектомъ 1907-го года. Послѣдній, уничтожая гонораръ, повышалъ плату за право слушанія лекцій до ста рублей въ годъ, т.-е. установлялъ ее въ томъ же, приблизительно, размѣрѣ, котораго она теперь достигаетъ вмѣстѣ съ гонораромъ. Новый проектъ удерживаетъ эту плату для провинціальныхъ университетовъ, но для с.-петербургскаго и московскаго доводитъ ее до 150 рублей — и, что еще важнѣе, совершенно отмѣняетъ практикуемое до сихъ поръ и допускавшееся проектомъ 1907-го года освобожденіе отъ платы. Назначеніе студентамъ стипендій и пособій проектъ 1907-го года, какъ мы уже видѣли, предоставлялъ сенату; новый проектъ предоставляетъ его правленію, для постановленій котораго по этому предмету требуется утвержденіе попечителя учебнаго округа.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одно существенное различіе между обоими проектами, также обусловливаемое, отчасти, стремленіемъ къ уменьшенію числа учащихся въ университетахъ. По проекту 1907-го года въ студенты могли быть принимаемы лица обоего пола, имѣющія аттестаты мужскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія или равносильныя имъ свидѣтельства о знаніи курса другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. По новому проекту въ студенты принимаются лица, успѣшно окончившія курсъ мужскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія или же получившія отъ такихъ гимназій свидѣтельства о выдержаніи испытаній по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса въ полномъ объемѣ. Эта послѣдняя редакція—не говоря уже о возможности рестриктивнаго толкованія слова: *успѣшно*,—закрываетъ доступъ въ университетъ не только для лицъ женскаго пола, но и для всѣхъ окончившихъ курсъ въ другихъ, кромѣ гимназій, среднихъ школахъ, напр. въ реальномъ училищѣ или въ духовной семинаріи. Разрѣшается, такимъ образомъ, въ самомъ узкомъ смыслѣ мучительный вопросъ, такъ давно тяготѣющій надъ молодымъ поколѣніемъ и надъ всѣми интересующимися его судьбою.

Таковъ проектъ университетскаго устава, вносимаго на разсмотрѣніе Государственной Думы. Его принятіе было бы равносильно возвращенію къ худшимъ завѣтамъ реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Отъ автономіи, провозглашенной указомъ 27-го августа 1905-го года, не

осталось бы, въ сущности, и слѣда; въ университетахъ водворилось бы едва прикрытое господство бюрократіи, со всѣми обычными его послѣдствіями; въ интересахъ дисциплины опять были бы оттѣснены на задній планъ интересы науки; опять порвалась бы живая связь между учащими и учащимися; студенчество опять обратилось бы въ безформенную массу и, слѣдовательно, опять стало бы стремиться къ нелегальной группировкѣ; менѣе чѣмъ когда-либо была бы обезпечена судьба каждаго отдѣльнаго студента, больше чѣмъ когда-либо угрожало бы каждому учащемуся увольненіе за невзносъ платы или за „нарушеніе правилъ", констатированное единоличною властью, безъ всякаго подобія судебной процедуры. Неудивительно, что возможность такого исхода взволновала всѣхъ тѣхъ, кому дорога высшая школа. Совершенно понятно, что не остался безмолвнымъ и равнодушнымъ совѣтъ старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ, постановившій представить министру народнаго просвѣщенія сводъ прежнихъ своихъ заключеній по вопросу объ университетской реформѣ, съ ходатайствомъ сообщить этотъ сводъ законодательнымъ учрежденіямъ. Что это постановленіе вызвано было не партійными соображеніями, не агитаціонными цѣлями, а простымъ сознаніемъ долга—лучшимъ доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что оно состоялось *единогласно*. И если оно встрѣтило въ оффиціальныхъ сферахъ пріемъ не только холодный, но прямо враждебный, то объясненіе этому можно найти только въ особомъ характерѣ переживаемой минуты.

Выразителемъ „благороднаго негодованія", какъ и слѣдовало ожидать, явилась „Россія". Въ нѣсколькихъ статьяхъ, мало считающихся съ требованіями приличія, частно-оффиціозное изданіе обвиняетъ московскій совѣтъ въ сознательномъ нарушеніи закона, въ совершеніи „некрасиваго" поступка, въ допущеніи непозволительной демонстративной „выходки", въ преступномъ превышеніи власти, совершенномъ въ разсчетѣ на безнаказанность. Нѣтъ закона, который уполномочивалъ бы совѣтъ выражать, по собственной инициативѣ, мнѣніе объ университетской реформѣ: ergo — онъ долженъ былъ хранить молчаніе и ждать, пока его не спросятъ. Какъ ясно отразилось въ этомъ обвинительномъ актѣ недавно господствовавшее мнѣніе объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ", объ обязанности всѣхъ и каждаго, не исключая учрежденій, почтительно и терпѣливо склоняться передъ намѣреніями власти! Неужели такой корпораціи, какъ университетскій совѣтъ, нравственно отвѣтственный за судьбу представляемой имъ высшей школы, нельзя возвысить голосъ, когда ей угрожаетъ серьезная опасность? Кому и чему можетъ повредить открыто выраженное мнѣніе компетентныхъ лицъ — компетентныхъ и съ точки зрѣнія правительства, нѣсколько разъ обращавшагося къ совѣтамъ съ требованіемъ заключеній по

вопросамъ, касающимся университетовъ? „Россія" старается доказать, что прежде данныя заключенія устраняли надобность въ новыхъ. Нѣтъ: жизнь постоянно даетъ новые уроки, постоянно бросаетъ новый свѣтъ на настоящее и, слѣдовательно, на будущее. Не даромъ московскій совѣтъ ссылается, въ своемъ постановленіи, на указанія опыта послѣднихъ лѣтъ, убѣдившія его въ томъ, что „непремѣнными условіями правильнаго развитія академической жизни являются широкія полномочія профессорской коллегіи въ учебныхъ дѣлахъ и въ управленіи университетомъ, съ правомъ самой организовать надзоръ за порядкомъ внутри университета и допускать въ его стѣнахъ студенческія организаціи и собранія, не противорѣчащія началамъ академической жизни".

Эти соображенія московскаго совѣта, въ связи съ написанною въ томъ же духѣ статьею кн. Е. Н. Трубецкого („Московскій Еженедѣльникъ", № 5), вызвали отпоръ со стороны проф. Богданова, принадлежащаго, если мы не ошибаемся, къ одной изъ правыхъ партій Государственной Думы [1]). Онъ рѣшается утверждать, что въ постановленіи совѣта „нѣтъ правды" — и мотивируетъ свое утвержденіе съ одной стороны тѣмъ, что до 1899-го года университетская жизнь „текла сравнительно благополучно", не смотря на отсутствіе автономіи, съ другой стороны—тѣмъ, что послѣ изданія указа 27-го августа въ высшей школѣ начался періодъ бурныхъ волненій, прекратившихся или ослабѣвшихъ лишь послѣ роспуска второй Думы, благодаря, главнымъ образомъ, Государственной Думѣ 3-го іюня. Оставляя въ сторонѣ послѣднее увѣреніе г. Богданова, возбуждающее только невольную улыбку, замѣтимъ, что безпорядки, и очень крупные, происходили въ университетахъ, при дѣйствіи устава 1884-го года, и до 1899-го года (достаточно вспомнить „университетскія исторіи" 1887 и 1894 г.г.). Первые мѣсяцы послѣ изданія указа 27-го августа были временемъ наибольшаго революціоннаго броженія — и въ это именно время, вслѣдствіе запозданія въ легализаціи политическихъ собраній, митинговая волна, направляясь по линіи наименьшаго сопротивленія, неудержимо, почти безъ препятствій со стороны власти, хлынула въ стѣны университетовъ. Чѣмъ стали университеты, когда миновалъ періодъ бури и натиска, до какой степени успѣхъ академическихъ занятій превышаетъ теперь все что можно было наблюдать въ теченіе послѣдней четверти вѣка—это извѣстно всѣмъ тѣмъ, кто смотритъ на жизнь не сквозь реакціонные очки. Всѣмъ извѣстна также особенно почетная роль, сыгранная въ этомъ отношеніи столичными университетами; всѣмъ памятны блестящія заслуги А. А. Мануйлова

---

[1]) См. „Новое Время", № 12182.

и кн. Е. Н. Трубецкого. Высокій авторитетъ послѣдняго могутъ только укрѣпить неприличнѣйшія нападки, которымъ онъ подвергся со стороны „Россіи“ (№ 1296).

Въ газетахъ появился на дняхъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ на имя губернаторовъ, который мы, въ виду особой его важности, считаемъ необходимымъ привести цѣликомъ.

„Съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 4 марта 1906 г. временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ, среди инородческихъ элементовъ, населяющихъ Россію, стало наблюдаться особое движеніе къ культурно-просвѣтительному развитію отдѣльныхъ народностей на почвѣ пробужденія узкаго національно-политическаго самосознанія и образованіе для этой цѣли цѣлаго ряда обществъ, подъ самымъ разнообразнымъ наименованіемъ, имѣющихъ цѣлью объединеніе инородческихъ элементовъ на почвѣ ихъ исключительно національныхъ интересовъ.

„Преслѣдуя вышеуказанныя цѣли, такія общества несомнѣнно ведутъ къ усугубленію началъ національной обособленности и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствію и безопасности, какъ то и разъяснилъ Правительствующій Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній (указъ отъ 18 іюня 1908 г., № 9120, по дѣлу украинскаго общества „Просвіта“, отъ 4 сентября 1909 г., № 8397 по дѣлу польскаго общества „Освята“ и др.).

„Въ виду сего, я признаю учрежденіе подобныхъ обществъ, на основаніи п. 1 ст. 6 закона 4 марта 1906 г., недопустимымъ и считаю долгомъ указать вашему превосходительству, что при обсужденіи ходатайствъ о регистраціи какихъ бы то ни было инородческихъ обществъ, въ томъ числѣ украинскихъ и еврейскихъ, независимо отъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей, мѣстному по дѣламъ объ обществахъ присутствію надлежитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подробно останавливаться на вопросѣ о томъ, не преслѣдуетъ ли такое общество вышеуказанныхъ задачъ и въ утвердительномъ случаѣ неукоснительно отказывать въ регистраціи ихъ уставовъ, на точномъ основаніи приведенныхъ указаній Правительствующаго Сената.

„Вмѣстѣ съ симъ вамъ надлежитъ въ настоящее время тщательно ознакомиться съ дѣятельностью уже существующихъ инородческихъ обществъ и въ подлежащихъ случаяхъ возбудить установленнымъ порядкомъ вопросъ объ ихъ закрытіи“.

Интересенъ, прежде всего, формальный вопросъ, возбуждаемый этимъ циркуляромъ. Мѣсяца три или четыре тому назадъ, при разсмотрѣніи въ Государственной Думѣ запроса о стѣсненіяхъ, встрѣчаемыхъ профессіональными союзами, товарищъ министра внутрен-

нихъ дѣлъ заявилъ, отъ имени объединеннаго правительства, что по отношенію къ такимъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, какъ губернскія и городскія присутствія по дѣламъ объ обществахъ, административная власть никакихъ средствъ воздѣйствія не имѣетъ. Въ настоящее время оказывается, что такія средства существуютъ и пускаются въ ходъ весьма рѣшительно. Вышеприведенный циркуляръ обращенъ къ губернаторамъ, но содержаніе его несомнѣнно касается присутствій; имъ указывается на то, какъ имъ *надлежитъ* поступать и въ какихъ случаяхъ они должны неукоснительно отказывать въ регистраціи обществъ... Найдутся, быть можетъ, апологеты, которые станутъ утверждать, что рѣзкій переходъ отъ одного взгляда къ другому, прямо противоположному, объясняется и оправдывается постановленіемъ Думы, выразившей пожеланіе, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ „принялъ зависящія мѣры для исполненія подлежащими учрежденіями временныхъ правилъ 4-го марта 1906-го года". Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько вѣроятно вниманіе министерства къ пожеланіямъ Думы, напомнимъ, что постановленіе ея было вызвано стремленіемъ устранить „затрудненія, встрѣчаемыя россійскими подданными въ осуществленіи законнаго права образовывать союзы и общества", а не стремленіемъ еще болѣе затруднить пользованіе этимъ правомъ. Дума ожидала отъ министерства напоминанія о необходимости соблюдать законъ, а отнюдь не толкованія закона въ рестриктивномъ смыслѣ.

Намъ могутъ возразить, что толкованіе закона дано Сенатомъ, а министерство ограничивается напоминаніемъ о немъ. Нѣтъ: министерство усвоиваетъ его себѣ, подкрѣпляетъ его своимъ авторитетомъ и основывается, притомъ, на опредѣленіяхъ, состоявшихся по частнымъ дѣламъ и только для нихъ и обязательныхъ. Если въ дѣлахъ, на которыя ссылается циркуляръ, и были достаточные поводы къ отказу въ легализаціи обществъ, то по отношенію къ другимъ дѣламъ, съ другою фактической подкладкой, такой отказъ очевидно не имѣетъ никакого значенія. Кому неизвѣстно, притомъ, что Сенатъ—не только по первому, но и по кассаціоннымъ департаментамъ,—часто и существенно измѣняетъ свои взгляды? Одна возможность подобныхъ измѣненій устраняетъ необходимость безпрекословнаго подчиненія прецедентамъ, вытекающимъ изъ сенатскихъ рѣшеній. Болѣе чѣмъ страннымъ такое принципіальное подчиненіе представлялось бы именно тогда, когда идетъ рѣчь о томъ, угрожаетъ ли данное общество общественному спокойствію и безопасности. Заранѣе опредѣлить признаки подобной угрозы совершенно немыслимо: установить ихъ наличность или ихъ отсутствіе можно только на основаніи обстоя-

тельствъ каждаго отдѣльнаго случая, внимательно разсмотрѣнныхъ и безпристрастно оцѣненныхъ.

Переходимъ къ содержанію циркуляра. Какія общества онъ предписываетъ считать угрожающими общественному спокойствію и безопасности? Такія, которыя создаются подъ вліяніемъ „движенія къ культурно-просвѣтительному развитію отдѣльныхъ народностей на почвѣ пробужденія узкаго національно-политическаго самосознанія" и имѣютъ цѣлью „объединеніе инородческихъ элементовъ на почвѣ ихъ исключительно національныхъ интересовъ". Преслѣдованіе такихъ цѣлей, по словамъ циркуляра, ведетъ „къ усугубленію началъ національной обособленности и розни". Особенное вниманіе обращаютъ на себя здѣсь термины, насквозь проникнутые тенденціозностью. Почему, напримѣръ, самосознаніе, къ пробужденію котораго (правильнѣе было бы сказать: *къ укрѣпленію*, такъ какъ оно никогда не исчезало или давно уже возродилось) стремятся не-русскія народности Россіи, характеризуется терминомъ: *узкое?* Почему оно признается непремѣнно національно-*политическимъ*, а не просто національнымъ? На какомъ основаніи съ понятіемъ о національной обособленности неразрывно связывается понятіе о *розни?* И неужели легальное существованіе обществъ, ставящихъ себѣ задачей *культурно-просвѣтительное* развитіе, больше способствуетъ обостренію обособленности и розни, чѣмъ систематическое стѣсненіе инородческой культуры?... Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно такое стѣсненіе является цѣлью циркуляра или, по меньшей мѣрѣ, будетъ неизбѣжнымъ его результатомъ. И когда же предпринимается новый походъ противъ самыхъ законныхъ, ничѣмъ, какъ показалъ долгій опытъ, неистребимыхъ стремленій? Тогда, когда во всю ширь развертывается и всячески поощряется русское—или, лучше сказать, великорусское—*націоналистическое* (отнюдь не *національное*) движеніе, одностороннее, себялюбивое, на половину механическое, прямо враждебное всему иновѣрному и инородческому, разсчитывающее на властную поддержку и въ ней одной черпающее свою силу! Именно теперь необходимо было бы создать ему противовѣсъ — и именно теперь искусственно устраняются коррективы, которыми могъ бы быть смягченъ огромный вредъ, приносимый имъ всему народу... Какъ широко раздвигаются цѣли, преслѣдуемыя циркуляромъ—это видно изъ того, что къ числу инородческихъ обществъ онъ относитъ... украинскія!—Послѣдній параграфъ циркуляра сообщаетъ ему обратное дѣйствіе—и, какъ слышно, въ западномъ краѣ уже началось массовое закрытіе спокойно до сихъ поръ существовавшихъ „инородческихъ обществъ".

НОВАЯ ТЕОРІЯ ПОДДАНСТВА

(В. М. Гессенъ, „Подданство, его установленіе и прекращеніе", т. I. Спб., 1909 г.)

Въ концѣ прошлаго 1909-го года появилось въ печати изслѣдованіе, посвященное вопросу о подданствѣ. Это—диссертація на степень магистра государственнаго права приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. М. Гессена, заглавіе которой приведено выше. Авторъ разсматриваетъ избранную имъ тему съ новой точки зрѣнія и старается установить новые взгляды или по крайней мѣрѣ новое освѣщеніе относительно разныхъ ея сторонъ. И важность самой темы, и новизна ея трактовки въ книгѣ г. Гессена даютъ достаточное основаніе для того, чтобы остановиться со вниманіемъ на этой книгѣ и оцѣнить научное ея значеніе.

Вопросъ о подданствѣ является однимъ изъ важнѣйшихъ въ наукахъ государственнаго и международнаго права. Онъ имѣетъ огромное какъ практическое, такъ и теоретическое значеніе. Отъ подданства лица зависитъ опредѣленіе какъ частныхъ его правъ, такъ и правъ публичныхъ. Въ то же самое время опредѣленіе подданства лица представляетъ нерѣдко крайнія трудности, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія относящихся сюда законодательныхъ постановленій разныхъ странъ. Таково практическое значеніе вопроса о подданствѣ. Съ теоретической точки зрѣнія изслѣдованіе его цѣнно потому, что оно помогаетъ уясненію юридической природы государства. При такихъ условіяхъ вполнѣ ясны какъ возможность, такъ и трудность научной разработки данной проблемы. Неудивительно, что въ литературѣ государственнаго и международнаго права есть довольно много посвященныхъ ей изслѣдованій—но въ нихъ преобладаетъ анализъ положительнаго права, а теоретическое значеніе и обоснованіе юридической природы подданства отступаетъ на второй планъ.

В. М. Гессенъ поставилъ своей задачей изучить вопросъ о подданствѣ возможно всесторонне. Къ сожалѣнію, онъ исключаетъ изъ своего изслѣдованія два значительныхъ момента этой темы,—вліяніе на подданство территоріальныхъ перемѣнъ въ государствахъ и подданство въ сложныхъ государствахъ,—дающихъ интересный матеріалъ для уясненія юридической природы подданства.

Въ разсматриваемомъ въ настоящее время первомъ томѣ своего

труда, г. Гессенъ даетъ юридическую конструкцію понятія подданства и представляетъ основныя начала законодательной регламентаціи подданства, подготовляя тѣмъ почву для болѣе детальнаго догматическаго анализа данной темы съ точки зрѣнія legis latae и съ точки зрѣнія политики права, что должно войти въ содержаніе второго тома.

Изслѣдованіе г. Гессена отличается выдающимися научными достоинствами. Прежде всего оно свидѣтельствуетъ о солидномъ знакомствѣ автора съ обширной литературой предмета и о внимательномъ изученіи громаднаго и разнообразнаго матеріала по положительному праву. Тѣмъ и другимъ онъ весьма умѣло пользуется для всесторонняго обоснованія выставляемыхъ имъ положеній. Затѣмъ въ сочиненіи г. Гессена видны свѣжесть и самостоятельность мысли и построеній, которыя если не всегда могутъ быть признаны правильными, то всегда будятъ мысль читателя и показываютъ трактуемый вопросъ въ разностороннемъ и новомъ освѣщеніи. Ту или иную поставленную тему авторъ старается разсмотрѣть съ исчерпывающей полнотою. Наконецъ, самое изложеніе ведется очень ясно, стройно и послѣдовательно. Но обратимся къ самому содержанію книги г. Гессена.

Она распадается на два отдѣла. Въ первомъ (стр. 3—164)—о подданствѣ—устанавливается понятіе подданства и „иностранства", уясняется различіе понятій „гражданства" и „подданства" и дается общая характеристика установленія и прекращенія подданства. Это наиболѣе оригинальная часть всего труда. Остановимся на ней.

Первая глава перваго отдѣла посвящена разъясненію понятія подданства. Подъ подданствомъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ разумѣть „принадлежность къ государству (Staatsmitgliedschaft, Staatsangehörigkeit), являющуюся необходимымъ предположеніемъ status'а гражданина, юридическимъ фактомъ, влекущимъ за собою возникновеніе совокупности публично-правныхъ отношеній между индивидомъ и государствомъ". Быть подданнымъ—продолжаетъ онъ—„значитъ принадлежать къ государству, подчиняться его правотворческой власти, опредѣляться нормами дѣйствующаго въ немъ права" (стр. 4). „Все содержаніе этого понятія исчерпывается однимъ моментомъ—моментомъ принадлежности къ государству, подчиняемости его власти, опредѣляемости его правомъ" (стр. 5).

При такомъ пониманіи подданства „*иностранецъ* [1]) является *подданнымъ* того государства, въ предѣлахъ котораго онъ пребываетъ" (ibid.). „Будучи подданнымъ, иностранецъ, пребывающій на

[1]) Курсивъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, мой.

территоріи государства, является въ то же время гражданиномъ; ибо въ современномъ правовомъ государствѣ всякій индивидъ—лицо публичнаго права" (6 стр.). „Такимъ образомъ, иностранецъ является и подданнымъ, и гражданиномъ" (7 стр.). „Но съ другой стороны современное право, и государственное, и международное, строго разграничиваютъ двѣ категоріи лицъ, являющихся подданными и гражданами въ широкомъ смыслѣ этого слова: съ одной стороны, иностранцевъ, находящихся въ предѣлахъ государства, съ другой—подданныхъ и гражданъ, гдѣ бы они ни находились. Иностранецъ является подданнымъ и гражданиномъ, но въ то же время иностранецъ противополагается подданному и гражданину. Такимъ образомъ, совершенно очевидно, что, кромѣ установленнаго выше *широкаго понятія подданства и гражданства*, существуетъ еще *и другое, болѣе узкое*, охватывающее болѣе тѣсный кругъ, а именно, кругъ всѣхъ вообще, опредѣляемыхъ правомъ государства лицъ—*за исключеніемъ иностранцевъ*".

Для того, чтобы опредѣлить понятіе подданства, въ его второмъ, болѣе узкомъ и спеціальномъ значеніи, необходимо отвѣтить на вопросъ: въ чемъ заключается юридически-необходимое, принципіальное различіе между принадлежностью къ государству подданнаго и принадлежностью къ нему иностранца.

Для того, чтобы опредѣлить понятіе гражданства, въ такомъ же значеніи, необходимо уяснить, какія права или какія обязанности всегда и необходимо отличаютъ подданнаго отъ иностранца" (8 стр.). „Наука государственнаго права пытается установить принципіальное различіе между иностранцемъ и подданнымъ", между подданствомъ и принадлежностью къ государству иностранца (стр. 9). Но, по мнѣнію В. М. Гессена, наука государственнаго права сдѣлать этого не можетъ. Она „не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, какія обязанности и права составляютъ essentiale отношенія гражданства, или, другими словами, какія обязанности и права характеризуютъ гражданина, какъ таковаго,—гражданина въ отличіе отъ иностранца" (стр. 9). „И точно также не можетъ быть опредѣлено наукой государственнаго права понятіе подданства, въ его спеціальномъ или узкомъ значеніи,—понятіе подданства, противополагаемое понятію „иностранства". Тѣ квалифицирующіе моменты, которыми принадлежность къ государству подданнаго отличается отъ принадлежности къ нему иностранца, даются не государственнымъ, а международнымъ правомъ; самое понятіе подданства, въ его спеціальномъ или узкомъ значеніи, является категоріей международнаго, а не государственнаго права. Доктрина государственнаго права получаетъ это понятіе готовымъ изъ рукъ международно-правовой доктрины. Обоснованію выставленныхъ положеній посвящается первая глава настоящаго изслѣдованія" (стр. 10).

Таковъ новый взглядъ на подданство, который защищаетъ В. М. Гессенъ въ своей книгѣ.

Для доказательства отмѣченныхъ, весьма спорныхъ положеній авторъ обращается къ разсмотрѣнію тѣхъ обязанностей и правъ публично-правнаго характера, которыя составляютъ essentiale отношенія гражданства.

По мнѣнію современныхъ германскихъ публицистовъ, совокупность обязанностей индивида въ отношеніи къ государству сводится къ двумъ категоріямъ: къ обязанности послушанія (Gehorsamspflicht) и къ обязанности вѣрности (Treuverpflichtung). „Обязанность послушанія возлагается государствомъ на всѣхъ индивидовъ—на гражданъ и иностранцевъ, пребывающихъ въ его предѣлахъ; наоборотъ, обязанность вѣрности требуется только отъ гражданъ. Обязанность вѣрности является, такимъ образомъ, существеннымъ моментомъ въ понятіи гражданства“ (стр. 12). Но обязанности вѣрности, какъ самостоятельной юридической категоріи, по мнѣнію г. Гессена, установить нельзя (стр. 14—15). Точно также и обязанность отбывать воинскую повинность нельзя считать существеннымъ и необходимымъ моментомъ, характеризующимъ отношеніе гражданства, ибо бываютъ случаи, когда подданные не несутъ этой повинности—и наоборотъ, иностранцы ее отбываютъ.

Къ числу правъ, пользованіе которыми принадлежитъ только подданнымъ, писатели относятъ права политическія (status activus), право жительства въ предѣлахъ отечества (Wohnrecht), заключающееся въ правѣ быть принятымъ отечествомъ и въ правѣ не быть изъ него изгнаннымъ, или удаленнымъ, или выданнымъ для суда за преступленіе, и, наконецъ, право на дипломатическую защиту. Но и эти права, по мнѣнію нашего автора, не могутъ служить признаками, отличающими подданныхъ отъ иностранцевъ, такъ какъ они не принадлежатъ нѣкоторымъ группамъ подданныхъ и, наоборотъ, иногда бываютъ доступны иностранцамъ (стр. 19, 39, 44); кромѣ того „защита гражданъ, находящихся за границей, является, конечно, обязанностью государства; но у гражданъ нѣтъ и не можетъ быть *права* на дипломатическую защиту. Послѣдняя, по терминологіи Jellinek'а, является „рефлексомъ“ объективнаго права, а не субъективнымъ правомъ гражданина (стр. 44). Въ общемъ итогѣ В. М. Гессенъ приходитъ къ заключенію, „что нѣтъ и не можетъ быть такого права или такой обязанности, которая являлась бы существеннымъ моментомъ (essentiale) въ понятіи гражданства“ (стр. 45). Коренное различіе между подданнымъ и иностранцемъ не можетъ быть раскрыто, его необходимость не можетъ быть обоснована наукой государственнаго права (тамъ же). „Для того, чтобы это различіе установить, необходимо отрѣшиться отъ измѣнчиваго со-

держанія положительнаго права отдѣльныхъ государствъ. Въ нормахъ международнаго права слѣдуетъ искать ключа къ *разрѣшенію* интересующей насъ проблемы. Поскольку международное право требуетъ отъ законодательной власти отдѣльныхъ государствъ различнаго отношенія къ подданнымъ и иностранцамъ, — лишь постольку различіе между тѣми и другими имѣетъ юридически необходимый, постоянный и общій характеръ" (стр. 46).

Отвергнувъ возможность установить различіе между подданнымъ и иностранцемъ по различію принадлежащихъ каждому изъ нихъ правъ и обязанностей, В. М. Гессенъ переходитъ къ ученію писателей о различіи между подданными и иностранцами по различію основаній (титуловъ) господства государства надъ тѣми и другими, и находитъ, что дѣйствительно надъ подданными государство господствуетъ въ силу ихъ *личной* принадлежности къ государству, въ силу личнаго верховенства, а надъ иностранцами—въ силу ихъ *пребыванія въ предѣлахъ территоріи*, т.-е. въ силу территоріальнаго верховенства. Но въ то же время онъ утверждаетъ, что теоретическое обоснованіе этого различія можно найти не въ государственномъ, а въ международномъ правѣ (стр. 51, 57).

Ставъ на такую точку зрѣнія, В. М. Гессенъ долженъ былъ представить международно-правовую конструкцію подданства. Онъ это и дѣлаетъ въ IV отдѣлѣ той же первой главы. Ходъ его аргументаціи въ основныхъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

„Существованіе международнаго общенія необходимо предполагаетъ общепризнанное, санкціонированное международнымъ правомъ разграниченіе соотвѣтственныхъ сферъ господства отдѣльныхъ государствъ. Разграничительными моментами при опредѣленіи этихъ сферъ международное право признаетъ территоріальное и личное начало" (стр. 58). „По личному началу государство господствуетъ надъ подданными, гдѣ бы они ни находились—на территоріи государства или за границей. По территоріальному началу—надъ иностранцами, находящимися на территоріи государства" (стр. 59). Какъ личное, такъ и территоріальное верховенство проявляется въ позитивномъ и негативномъ направленіяхъ (стр. 60—61). Третьяго самостоятельнаго титула господства международное право не знаетъ (стр. 62). „Изъ различія титуловъ господства надъ подданнымъ и иностранцемъ международное право выводитъ опредѣленныя слѣдствія, характеризующія юридическій status того и другого" (стр. 67).

Наиболѣе общимъ и существеннымъ изъ этихъ слѣдствій является конкуррирующее господство надъ подданнымъ или иностранцемъ національнаго и территоріальнаго порядковъ, и притомъ господство интегральнаго характера (стр. 67). Изъ этого конкуррирующаго го-

сподства двухъ порядковъ—территоріальнаго и личнаго—авторъ дѣлаетъ цѣлый рядъ выводовъ, а именно отсутствіе обязанности государства выдавать своихъ подданныхъ — оно имѣетъ только право или ихъ судить, или выдать (стр. 70—71),—принадлежащее государству по территоріальному и личному началу право налоговаго обложенія (стр. 73), конфликтныя нормы въ области частнаго международнаго права (стр. 77).

Сверхъ этого, „наряду съ принципіальнымъ и общимъ разграниченіемъ соотвѣтственныхъ сферъ территоріальнаго и личнаго господства, на status иностранца и подданнаго опредѣляющимъ образомъ вліяетъ совокупность конретныхъ международныхъ обязанностей и правъ государства въ отношеніи къ другимъ государствамъ, обусловленныхъ господствомъ его надъ опредѣленнымъ кругомъ лицъ по личному или территоріальному началу" (стр. 81).

Таковы, съ одной стороны, право государства на дипломатическую защиту своихъ подданныхъ, находящихся за границей, какъ „слѣдствіе того факта, признаваемаго международнымъ правомъ, что личная связь, соединяющая подданнаго съ отечествомъ, не разрывается нахожденіемъ подданнаго за границей" (стр. 81), съ другой — обязанность государства оказывать защиту иностранцу (стр. 85). Далѣе международное право налагаетъ на государство обязанность по отношенію къ иностранцу считаться съ его принадлежностью въ качествѣ подданнаго къ другому государству. Отсюда вытекаетъ то слѣдствіе, что политическія права и обязанности подданнаго должны признаваться имѣющими исключительный характеръ, а потому государства не должны ни налагать на иностранца публичныхъ обязанностей личнаго характера (воинская повинность), ни предоставлять ему политическихъ правъ (стр. 88—89). Наконецъ, у государства нѣтъ по отношенію къ иностранцу ни права задерживать его принудительно на своей территоріи, ни обязанности его терпѣть у себя (стр. 95). Напротивъ, ни одно государство не имѣетъ права навязывать другому такихъ своихъ подданныхъ, которые могли бы оказаться послѣднему въ тягость, и слѣдовательно оно не имѣетъ права ни высылать ихъ изъ своихъ предѣловъ, ни запрещать имъ возвращеніе въ отечество, ни лишать ихъ подданства (стр. 103, 106). Въ итогѣ своихъ разсужденій авторъ даетъ обѣщанное опредѣленіе понятія подданства въ тѣсномъ смыслѣ. „Подъ подданствомъ—говоритъ онъ (стр. 109)—мы понимаемъ личную, независимую отъ мѣста пребыванія, принадлежность индивида къ государству. Въ отличіе отъ подданства, отношеніе „иностранства" является территоріальной... юридической связью индивида съ государствомъ" (стр. 108). „Различіе между юридическимъ status'омъ подданнаго и иностранца, находящихся въ предѣлахъ опре-

дѣленнаго государства", сводится къ тому, что „иностранецъ, въ отличіе отъ подданнаго, опредѣляется не однимъ, а двумя правопорядками—отечественнымъ и территоріальнымъ, при чемъ господство надъ нимъ того и другого соотвѣтственнымъ образомъ ограничивается международнымъ правомъ" (стр. 109).

Таковы взгляды В. М. Гессена на юридическую природу подданства и „иностранства" и на различіе между ними.

Надо признать, что авторъ стремился возможно всесторонне выяснить эту тему, и поэтому искалъ ея разрѣшенія какъ въ государственномъ, такъ и въ международномъ правѣ. Вслѣдствіе этого, безъ сомнѣнія, его изслѣдованіе выиграло въ полнотѣ и законченности. Но въ то же самое время основныя положенія, защищаемыя авторомъ, вызываютъ разныя возраженія.

Прежде всего приходится замѣтить, что въ установленіи двухъ понятій подданства — въ широкомъ и узкомъ или спеціальномъ значеніи—нѣтъ ни надобности, ни основанія. Пониманіе подданства въ широкомъ смыслѣ (какъ подчиненіе государственной власти) ведетъ къ сбивчивости и въ терминологіи, и въ понятіяхъ. Дѣйствительно, какъ было показано, подъ такое понятіе подданства авторъ подводитъ положеніе какъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ (стр. 5), и, слѣдовательно, именемъ подданства называется простая *подвластность* лицъ государству, безъ отношенія къ ихъ подданству. Опредѣленіе подданства въ узкомъ смыслѣ дается какъ выводъ изъ международно-правовой конструкціи подданства. Подъ подданствомъ тутъ понимается *личная*, независимая отъ мѣста пребыванія принадлежность индивида къ государству (стр. 108). Это опредѣленіе понятія подданства въ общемъ совершенно правильно, хотя точнѣе было бы сказать, что подданство есть принадлежность лица къ государству въ качествѣ его члена [1]). Оно вполнѣ опредѣленно выражаетъ природу характеризуемаго имъ института. Но отнюдь нельзя согласиться съ г. Гессеномъ, будто понятіе подданства въ его спеціальномъ или узкомъ значеніи, противополагаемое понятію „иностранства", не можетъ быть опредѣлено наукой государственнаго права, будто оно „является категоріей международнаго, а не государственнаго права" и будто „доктрина государственнаго права получаетъ это понятіе готовымъ изъ рукъ международно-правовой доктрины" (стр. 10).

Точно также невозможно согласиться съ положеніемъ, будто, „съ

[1]) Ср. *A. Weiss* — Traité théorique et pratique de droit intern. privé, t. I, 1892, p. 6: „La nationalité est le lien qui rattache à l'Etat *chacun de ses membres*"; *F. Stoerk* — Staasunterthanen und Fremde въ Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts, II, Bd. 1887, S. 589 — „Die rechtlich geordnete *Mitgliedschaft* in einem staatlichen Gemeinwesen bildet nun die Staatsangehörigkeit des Individuums".

точки зрѣнія науки государственнаго права, нельзя установить принципіальнаго, т.-е. юридически необходимаго различія между подданнымъ и иностранцемъ" и будто „наука государственнаго права не въ состояніи отвѣтить на вопросъ, какія обязанности и права составляютъ essentiale отношенія гражданства (стр. 9), а можетъ это сдѣлать лишь право международное (стр. 10). Доказать правильность этихъ положеній автору, по моему мнѣнію, не удалось.

Подданные — необходимый и достаточный элементъ государства. Можно представить себѣ государство безъ иностранцевъ, но безъ подданныхъ оно невозможно. Подданство есть та связь, которая объединяетъ людей въ государственный союзъ, подчиненный верховной власти, и даетъ имъ въ этомъ союзѣ опредѣленное мѣсто, т.-е. лежитъ въ основаніи ихъ правъ и обязанностей. Естественно, что опредѣленіе юридическихъ признаковъ, по которымъ узнаются подданные и отличаются отъ иностранцевъ, а равно правъ и обязанностей относительно государства каждой изъ этихъ двухъ группъ является и должно быть дѣломъ государственнаго права. Предоставленіе въ отдѣльныхъ государствахъ иностранцамъ нѣкоторыхъ изъ отличительныхъ правъ подданныхъ или возложеніе на нихъ отличительныхъ обязанностей подданныхъ—на что указываетъ В. М. Гессенъ, опровергая господствующее въ литературѣ мнѣніе объ отличительныхъ правахъ и обязанностяхъ подданныхъ,—нисколько не подрываетъ основательности этого господствующаго мнѣнія, ибо отмѣченные авторомъ рѣдкіе случаи уравненія иностранцевъ въ нѣкоторыхъ чисто гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ съ подданными являются лишь исключеніями, которыя, какъ исключенія, только подтверждаютъ общее правило. Уже государства и мыслители древности (напр. Аристотель) различали подданныхъ (гражданъ), членовъ государственнаго союза, и иностранцевъ, и для обозначенія тѣхъ и другихъ въ языкѣ отдѣльныхъ народовъ имѣлись опредѣленныя наименованія (πολίτης, ξένος, civis, hostis, peregrinus, subditus и пр.). По мѣрѣ развитія международныхъ сношеній и постепеннаго установленія нормъ международнаго права, послѣднее, говоря о различіи правъ и обязанностей подданнаго и иностранца и о различіи правъ и обязанностей государствъ въ отношеніи подданныхъ и иностранцевъ, только болѣе уясняетъ, дополняетъ и закрѣпляетъ конструкціи государственнаго права по этимъ вопросамъ, но не создаетъ ихъ. Въ своихъ построеніяхъ и выводахъ оно основывается на построеніяхъ и выводахъ государственнаго права, а не наоборотъ.

Да и самъ авторъ въ выводахъ изъ своей теоріи подданства относительно различія правъ и обязанностей подданныхъ и иностранцевъ какъ бы отправляется отъ того положенія, что эти различія устанав-

ливаются раньше съ точки зрѣнія государственнаго строя и государственнаго права, а правомъ международнымъ они лишь *признаются* или изъ нихъ лишь *дѣлаются выводы*. Такъ, на стр. 56 онъ говоритъ: „*признавая* опредѣленныя права государства надъ подданнымъ, хотя бы и находящимся за границей, международное право тѣмъ самымъ *санкціонируетъ* существованіе той личной зависимости, личной принадлежности подданнаго къ государству, которая составляетъ essentiale отношенія подданства. И еще въ большей степени оно *санкціонируетъ* эту личную принадлежность подданнаго къ государству, налагая на государство обязанности международноправового характера"... Или на стр. 67 мы читаемъ: „Изъ различія титуловъ господства надъ подданнымъ и иностранцемъ международное право *выводитъ опредѣленныя слѣдствія*, характеризующія юридическій status того и другого". Но вѣдь несомнѣнно, что титулы господства государства надъ подданными и иностранцами (верховенство личное и территоріальное) вытекаютъ изъ суверенитета государства и устанавливаются государственнымъ правомъ. Далѣе, на стр. 81, говоря о правѣ государствъ на дипломатическую защиту своихъ подданныхъ, находящихся за границей, авторъ замѣчаетъ: „это право—необходимое *слѣдствіе того факта, признаваемаго* международнымъ правомъ, что личная связь, соединяющая подданнаго съ отечествомъ, не разрывается нахожденіемъ подданнаго заграницей". Очевидно, что этотъ фактъ принадлежитъ къ области государственно-правовыхъ отношеній и только *признается* международнымъ правомъ. Наконецъ, на стр. 242 г. Гессенъ говоритъ: „Врядъ ли необходимо доказывать, что, *съ точки зрѣнія современнаго государства*, въ національномъ парламентѣ, точно такъ же, какъ и въ національной арміи, нѣтъ и не можетъ быть мѣста иностранцамъ". Это совершенно вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и то, что политическія права и обязанности подданнаго въ отличіе отъ иностранца основываются, по словамъ самого автора, на государственномъ, а не на международномъ правѣ.

Приведенныхъ примѣровъ, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы показать основательность сдѣланнаго мною выше критическаго замѣчанія. Но защищаемую мною точку зрѣнія можно подкрѣпить и доказательствами другого порядка, именно анализомъ нѣкоторыхъ построеній автора въ области установленія правъ и обязанностей государствъ по отношенію къ подданнымъ и иностранцамъ. Дѣло въ томъ, что эти построенія, которыя послѣдовательно дѣлаются г. Гессеномъ сообразно съ его теоріей подданства, приводятъ къ положеніямъ явно несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Напр. на стр. 73 онъ говоритъ: „съ точки зрѣнія международнаго права,—а только (!) съ этой точки зрѣнія и можетъ быть принципіально рѣшаемъ разсматриваемый

вопросъ (т.-е. вопросъ о финансовомъ верховенствѣ въ международномъ оборотѣ) — налоговое обложеніе является правомъ государства и по территоріальному, и по личному началу". Нужно ли доказывать, что авторъ впадаетъ здѣсь въ очевидное преувеличеніе и что налоговое обложеніе есть право государствъ, совершенно независящее отъ международнаго общенія или международнаго права? Для того, чтобы обладать этимъ правомъ, государству нѣтъ надобности вступать въ международное общеніе. Послѣднее есть фонъ, на которомъ рельефнѣе вырисовывается личная связь съ государствомъ его подданныхъ и территоріальная иностранцевъ. Столь же ошибочно и другое построеніе, которое касается права вызова государствомъ его подданныхъ, находящихся за границей. „У государства — читаемъ мы на стр. 95—нѣтъ и не можетъ быть права принудительно задерживать въ предѣлахъ своей территоріи находящихся на ней иностранцевъ, и, въ особенности, во время войны, задерживать подданныхъ воюющей державы. *Отсюда* — такъ называемое jus avocationis отечественнаго государства". Съ такимъ обоснованіемъ juris avocationis отнюдь нельзя согласиться. Не jus avocationis является результатомъ отсутствія у государства права принудительно задерживать у себя иностранцевъ, а какъ разъ наоборотъ: государство не имѣетъ право задерживать въ своихъ предѣлахъ иностранцевъ, ибо отечеству иностранцевъ принадлежитъ право ихъ вызывать въ случаѣ надобности, послѣднее же право есть результатъ личной связи подданнаго съ государствомъ, сохраняющей силу и во время пребыванія его за границей и независящей отъ международнаго права.

Такимъ образомъ, не смотря на весь интересъ и поучительность разсматриваемой главы въ книгѣ г. Гессена, ея основныя, оригинальныя положенія не могутъ быть признаны правильными. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится отмѣтить, что, давая международно-правовую конструкцію подданства, авторъ не обратилъ вниманія на вопросъ о такъ называемомъ международномъ индигенатѣ (гражданствѣ), т.-е. о принадлежности лица по подданству къ одному изъ государствъ, входящихъ въ составъ международно-правового общенія,—противополагаемомъ подданнической связи человѣка съ государствомъ-не членомъ международнаго союза [1]).

Въ дальнѣйшихъ двухъ главахъ того же перваго отдѣла идетъ рѣчь (глава вторая) о неустойчивости и неправильности употребленія терминовъ „подданный" и „гражданинъ", при чемъ основательно

---

[1]) F. Stoerk, „Staatsunterthanen und Fremde" въ Holtzendorff's Handbuch des Völkerrechts, II Bd., 1887, S. 588; Ф. Листъ, „Международное право", перев. съ 5-го нѣмецк. изд., Юрьевъ, 1909 г., стр. 132; П. Казанскій, „Учебникъ международнаго права", 2-ое изд., Одесса, 1904 г., стр. 74 и сл.

предлагается болѣе правильная терминологія, а затѣмъ разсматривается вопросъ о регламентаціи установленія и прекращенія подданства въ законодательствахъ отдѣльныхъ государствъ и въ международномъ правѣ (глава третья). Относительно регламентаціи установленія и прекращенія подданства авторъ говоритъ, что она представляетъ большой интересъ для каждаго государства и не можетъ не быть его правомъ, но въ то же самое время свобода государства въ этомъ отношеніи должна быть ограничена такими нормами международнаго права, которыя устраняли бы возможность позитивныхъ и негативныхъ конфликтовъ между различными законодательствами и налагали бы на законодателя обязанность такимъ образомъ регламентировать подданство, чтобы каждый индивидъ былъ подданнымъ одного, и только одного государства (стр. 141, 147). Но въ настоящее время такихъ общепризнанныхъ международно-правовыхъ нормъ нѣтъ (стр. 151), и потому представляется естественной возможность и даже неизбѣжность случаевъ двуподданства и безподданства лица. Тѣмъ не менѣе, г. Гессенъ выставляетъ положеніе, будто „съ точки зрѣнія международнаго права состояніе двуподданства и безподданства *вполнѣ и безусловно невозможно*“ (стр. 152). Конечно, двуподданство и безподданство лица — явленія ненормальныя и нежелательныя, и тенденція какъ государственнаго, такъ и международнаго права клонится къ ихъ устраненію; но, не смотря на это, они нынѣ существуютъ и вышеприведенное положеніе представляется невѣрнымъ.

Отмѣченными крупнѣйшими вопросами исчерпывается содержаніе перваго отдѣла книги.

Отдѣлъ второй (стр. 167—448) посвященъ уясненію основныхъ началъ законодательной регламентаціи подданства и распадается на историческій ея очеркъ (глава четвертая) и современное состояніе (глава пятая).

Что касается историческаго очерка, то онъ кратко изображаетъ регламентацію подданства въ новое время, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи. Особый интересъ представляетъ въ этомъ обзорѣ то, что говорится о Россіи (стр. 200—235). Исторія пріобрѣтенія и утраты подданства въ Россіи представлена авторомъ впервые и разработана имъ вполнѣ самостоятельно на основаніи разнообразнаго сырого матеріала. Можно только пожалѣть, что въ этотъ очеркъ вкрались нѣкоторые недочеты и погрѣшности. Такъ, трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, будто „напрасно бы мы стали искать въ положительномъ правѣ XVI-го и XVII-го вѣковъ какихъ-либо нормъ, опредѣляющихъ, категорически и точно, кто именно является подданнымъ и кто иностранцемъ“ (стр. 202) и будто „самое понятіе подданства имѣетъ въ

разсматриваемую эпоху бытовой, а не юридическій характеръ" (тамъ же).

Первое положеніе опровергается фактами, приводимыми самимъ авторомъ въ послѣдующемъ его изложеніи. Такъ, онъ совершенно правильно устанавливаетъ, что дѣти русскихъ подданныхъ являются природными русскими подданными, а „дѣти, рожденныя на территоріи московскаго государства отъ иноземцевъ, остаются иноземцами до тѣхъ поръ, пока они остаются иновѣрцами" (стр. 203; тоже и въ XVIII в.—см. стр. 209 и 214 примѣч.), что по регламентамъ объ управленіи адмиралтейства и верфи 5 апрѣля 1722 г. и объ управленіи адмиралтействъ и флотовъ 24 августа 1765 г. „иноземцы считаются тѣ, которые пріѣхали изъ иныхъ государствъ и вступили въ службу [1]), а которые породились въ Россіи и приняли службу, тѣ, яко Россіяне, почтены имѣютъ быть" (стр. 209—210), что русское подданство въ XVI и XVII в.в. пріобрѣталось принятіемъ православія, а въ XVIII-омъ—присягой на вѣчное подданство Россіи, что юридическія послѣдствія того и другого были одинаковы (стр. 205), что натурализованный иноземецъ становился равноправнымъ членомъ государства (стр. 204) и проч. Словомъ, какъ въ московскую эпоху, такъ и въ XVIII в. выработались, путемъ обычая и отдѣльныхъ законоположеній, извѣстныя нормы, которыми довольно опредѣленно устанавливалось различіе между русскими подданными и иностранцами. Что же касается того замѣчанія, будто понятіе подданства въ XVI и XVII в.в. имѣло „бытовой, а не юридическій характеръ" (замѣчаніе это повторяется на стр. 209 и 211), то это, повидимому—неудачное выраженіе той мысли, что на юридическомъ характерѣ подданства отражаются бытовыя условія, ибо совершенно ясно, что понятіе подданства есть категорія юридическая, а не бытовая.

Затѣмъ, изслѣдуя способы пріобрѣтенія иностранцами русскаго подданства, В. М. Гессенъ говоритъ, что „натурализація праву московской эпохи *совершенно неизвѣстна*" и что въ московскомъ государствѣ „принятіе православія является для иностранца *единственнымъ* средствомъ вступленія въ русское подданство" (стр. 203, 205), а въ XVIII в. къ этому способу присоединяются другіе — рожденіе иностранца въ Россіи въ связи съ поступленіемъ на государственную службу (стр. 210) и присяга на вѣчное подданство (стр. 205—6). Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ удѣляетъ особое вниманіе вопросу о натурализаціи путемъ принесенія присяги на подданство и даетъ этому способу пріобрѣтенія русскаго подданства слѣдующую характеристику.

---

[1]) Какъ и въ московскую эпоху.

„Какъ способъ натурализаціи, присяга на подданство имѣетъ въ теченіе XVIII в. весьма неопредѣленный характеръ“ (стр. 221—222), такъ какъ въ законодательствѣ того времени не было опредѣлено, кто можетъ быть допущенъ къ присягѣ, кѣмъ она производится, какъ можетъ быть удостовѣрена. Самостоятельнаго значенія она въ XVIII в. не имѣетъ, ибо „русское подданство въ разсматриваемую эпоху пріобрѣтается переселеніемъ въ Россію cum animo perpetuum manendi. Присяга на подданство является не столько способомъ пріобрѣтенія подданства, сколько слѣдствіемъ подданства, пріобрѣтеннаго водвореніемъ; она приносится иностранцемъ не для того, чтобы стать подданнымъ, а потому что своимъ водвореніемъ онъ сталъ таковымъ“ (стр. 222). Въ XIX в. „присяга на подданство существеннымъ образомъ мѣняетъ свое значеніе“. „Съ прекращеніемъ колонизаціонной дѣятельности русскаго правительства разрывается та связь, какая въ предшествующую эпоху существуетъ между присягой на подданство и водвореніемъ. Съ этого времени присяга на подданство становится для иностранцевъ средствомъ освобожденія отъ тѣхъ правоограниченій, которыя устанавливаются для нихъ въ интересахъ кореннаго населенія. Въ частности натурализація, т.-е. присяга на подданство, становится для иностранцевъ единственнымъ средствомъ пріобрѣтенія въ Россіи торговыхъ правъ, присвоенныхъ гильдейскому купечеству. Само правительство на вступленіе въ подданство смотритъ какъ на особую форму вступленія въ гильдіи“. При такомъ взглядѣ на натурализацію „наше законодательство обнаруживаетъ постоянную тенденцію къ возможному облегченію и упрощенію порядка принесенія присяги“ (стр. 223—224). „Разсматривая натурализацію, какъ способъ пріобрѣтенія опредѣленныхъ — преимущественно служебныхъ и торговыхъ — правъ, законодательство до самаго 1864 г. не считаетъ и не можетъ считать натурализованнаго иностранца *дѣйствительнымъ* подданнымъ, — такимъ же подданнымъ, какъ русскаго по рожденію; въ частности, ему совершенно чужда мысль о дѣйствительномъ и полномъ уравненіи въ правахъ натурализованныхъ иностранцевъ съ прирожденными подданными“. „Натурализованный иностранецъ остается иностранцемъ, хотя и привилегированнымъ. Какъ таковой, онъ обладаетъ правами, которыхъ лишенъ подданный; онъ лишенъ правъ, которыми подданный обладаетъ“ (стр. 226—227). „Наиболѣе, однако, существенное различіе между подданствомъ натурализованнаго иностранца и прирожденнымъ („естественнымъ“) подданствомъ заключается въ томъ, что первое является *временнымъ*, тогда *какъ* второе *вѣчно*“ (стр. 229). Только закономъ 10 февр. 1864 г. „стирается всякое различіе между пріобрѣтеннымъ и прирожденнымъ подданствомъ“ (стр. 231).

Таковы выводы автора относительно пріобрѣтенія русскаго подданства въ разныя эпохи жизни Россіи. Въ значительной своей части выводы эти страдаютъ разнаго рода недостатками. Такъ, одинъ изъ нихъ отличается односторонностью вслѣдствіе односторонняго подбора тѣхъ фактовъ, на которыхъ они основываются; другіе являются просто ошибочными, вслѣдствіе неправильнаго истолкованія авторомъ соотвѣтственныхъ законодательныхъ памятниковъ. Тѣ и другіе нуждаются, поэтому, въ существенныхъ поправкахъ и измѣненіяхъ.

Прежде всего приходится отмѣтить односторонность и несоотвѣтствіе дѣйствительности того утвержденія, будто *единственнымъ* средствомъ вступленія въ русское подданство въ московскомъ государствѣ было *принятіе православія*, а *натурализація* была праву московскаго государства *совершенно неизвѣстна*, и будто только съ XVIII в. находитъ примѣненіе натурализація путемъ *принятія присяги на вѣчное подданство*. Въ дѣйствительности принятіе православія *не было единственнымъ* способомъ пріобрѣтенія русскаго подданства въ московскомъ государствѣ; послѣднему *была извѣстна натурализація* путемъ *принятія присяги на подданство*, а слѣдовательно послѣднее практиковалось и *до* XVIII в. Чтобы въ этомъ не сомнѣваться, стоитъ принять во вниманіе такой общеизвѣстный фактъ, какъ добровольное присоединеніе къ Россіи Малороссіи и *принятіе русскаго подданства* Богданомъ Хмѣльницкимъ и населеніемъ Малороссіи путемъ *принесенія присяги* въ 1654 г. [1]) Это и понятно, ибо въ данномъ случаѣ установленіе подданнической связи только и возможно было посредствомъ *принесенія соотвѣтственной присяги*, такъ какъ русское подданство принимало населеніе *давно уже православное*. Но присяга, какъ закрѣпленіе узъ русскаго подданства, находила примѣненіе и много раньше, правда—въ случаяхъ принудительнаго присоединенія къ Россіи разныхъ областей, какъ съ православнымъ, такъ и съ нехристіанскимъ населеніемъ, напр. при присоединеніи Новгорода въ 1478 г., Пскова въ 1510 г., царства казанскаго въ 1552 г. и астраханскаго въ 1557 г. [2]).

Далѣе необходимо также внести поправку и въ оцѣнку значенія присяги на подданство въ XVIII и XIX в.в. Вопреки мнѣнію В. М. Гессена, будто присяга на подданство *въ XVIII в. самостоятельнаго значенія не*

---

[1]) Бантышъ-Каменскій—„Исторія Малой Россіи", изд. 4-ое, 1903 г., стр. 202 и слѣд. См. также П. С. Зак., № 119, 27 марта 1654 г.—жалованная грамота Гетману Б. Хмѣльницкому и всему войску запорожскому *на принятіе ихъ въ Россійское подданство*.

[2]) Карамзинъ — „Исторія государства россійскаго", изд. Эйнерлинга 1842 г., книга II, томъ VI, стр. 79; т. VII, стр. 24—27; т. VIII, стр. 114, 138. Соловьевъ—„Исторія Россіи," изд. 4-ое, т. V, стр. 38, 39, 298, 300.

имѣетъ, такъ какъ русское *подданство пріобрѣтается* въ это время *переселеніемъ* въ Россію (водвореніемъ) cum animo perpetuum manendi, и будто *въ XIX стол. она „существеннымъ образомъ мѣняетъ свое значеніе"*, становясь для иностранцевъ *средствомъ освободиться отъ существующихъ въ отношеніи ихъ правоограниченій* и въ частности *средствомъ пріобрѣтенія* въ Россіи *торговыхъ правъ* гильдейскаго купечества, — слѣдуетъ признать, что *какъ въ XVIII, такъ и въ XIX в.в.* присяга на подданство имѣла *одинаковое* и притомъ *самостоятельное* значеніе. *Она*—а *отнюдь не переселеніе или водвореніе*—была однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія русскаго подданства, являвшагося условіемъ пользованія въ Россіи извѣстными правами, доступными только подданнымъ. Такая точка зрѣнія неопровержимо доказывается рядомъ законодательныхъ постановленій, изданныхъ въ XVIII и XIX в.в. Такъ, въ апрѣлѣ 1721 г. Петръ В. издалъ манифестъ (1-ое П. С. З., № 3778; упоминается и у В. М. Гессена) „о призывѣ шведовъ въ службу и о позволеніи имъ въ Россійскомъ государствѣ, *по учиненіи* присяги, селиться, вступать въ супружество, пріобрѣтать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами". По указу 25 марта 1738 г. (П. С. Зак., № 7545) „*прежде* вступленія на службу и принятія деревень грузинскіе князья и дворяне должны *натурализоваться*" (приведено у В. М. Гессена, стр. 214 примѣч. 1). На основаніи манифеста 22 іюля 1763 г. (П. С. З., № 11880) п. 5, „какъ скоро кто изъ иностраныхъ прибудетъ въ Имперію Нашу на поселеніе и явится въ учрежденной для оныхъ Канцеляріи Опекунства, или въ прочихъ нашихъ пограничныхъ городахъ, то, *во-первыхъ*, объявляя о желаніи своемъ, *имѣетъ* потомъ *всякій учинить* по вѣрѣ своей и обрядамъ обыкновенную *о подданствѣ* Намъ въ вѣрности *присягу*" (у В. М. Гессена, стр. 222, примѣч. 2). То же начало продолжаетъ сохраняться и въ законодательствѣ XIX вѣка. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 12 янв. 1808 г. (П. С. З., № 22749) было повелѣно министру коммерціи принимать просьбы о подданствѣ отъ иностранцевъ, желающихъ пользоваться правами россійскаго купечества, а Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 6 февр. 1826 г. (П. С. З., № 121) разрѣшалось иностранцамъ и иностранкамъ вступать въ гильдіи, *по* принятіи присяги на подданство Россіи. Очевидно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ принесеніе присяги на подданство должно было вести къ пріобрѣтенію русскаго подданства, а послѣднее было условіемъ, необходимымъ для пользованія въ Россіи разными правами, изъ которыхъ нѣкоторыя только что указаны.

Естественно теперь поставить вопросъ, какія же права принадлежали у насъ въ XVIII и XIX в.в. принявшему русское подданство иностранцу? На этотъ вопросъ у автора есть, конечно отвѣтъ, но, по

моему мнѣнію, недостаточно полный (не использованъ извѣстный автору матеріалъ) и не во всѣхъ частяхъ пріемлемый. Между прочимъ, В. М. Гессенъ утверждаетъ, будто законодательство до 1864 г. не считаетъ натурализованнаго иностранца дѣйствительнымъ подданнымъ и не уравниваетъ его въ правахъ съ прирожденными подданными, законъ же 1864 г. стираетъ всякое различіе между пріобрѣтеннымъ и прирожденнымъ подданствомъ. Мнѣ думается, что законодательство наше *и до* 1864 г. считало иностранца *дѣйствительнымъ* подданнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ трехъ изданіяхъ IX т. св. законовъ (законы о состояніяхъ), 1832 г. (ст. 927), 1842 г. (ст. 1403) и 1857 г. (ст. 1550), предшествовавшихъ закону 1864 г., мы находимъ воспроизводимое въ неизмѣнномъ видѣ слѣдующее постановленіе: „*По вступленіи въ подданство* Россіи иностранцы съ тѣмъ вмѣстѣ вступаютъ и въ *полное обладаніе* всѣхъ правъ того состоянія, къ которому они будутъ причислены, *безъ всякаго различія* отъ коренныхъ подданныхъ". Это положеніе, хотя и въ нѣсколько иной формулировкѣ [1]), сохранено было и закономъ 1864 г. (19 ст.), а затѣмъ воспроизведено въ послѣдующихъ изданіяхъ IX т. св. зак.— 1876 г. (ст. 1030) и 1899 г. (ст. 857). Такимъ образомъ, въ нашемъ законодательствѣ XIX в. не только съ закона 1864 г., но и *до* него нашло мѣсто начало уравненія въ правахъ иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, съ коренными подданными. Въ то же самое время надо признать, что, не смотря на провозглашеніе такого общаго принципа, между правами обѣихъ группъ русскихъ подданныхъ извѣстное различіе не только существовало *до* закона 1864 г., какъ на это правильно указываетъ и В. М. Гессенъ, но существуетъ *и теперь*, т.-е. *и послѣ* закона 1864 г. Дѣйствительно, на основаніи правилъ объ устройствѣ быта принявшихъ русское подданство иностранныхъ поселенцевъ, водворившихся въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской (Приложеніе II къ ст. 680, примѣч. 2, IX т. св. зак. изд. 1899 г.), „на волостныхъ сходахъ, въ которыхъ участвуютъ выборные отъ *иностранныхъ поселенцевъ*, на должности волостныхъ старшинъ и писарей могутъ быть избираемы исключительно лица, принадлежащія къ *коренному русскому* населенію" (ст. 8), а „кіевскому, подольскому и волынскому генералъ-губернатору предоставляется выдавать водвореннымъ въ подвѣдомственныхъ ему губерніяхъ иностраннымъ поселенцамъ безплатныя эмиграціонныя свидѣтельства безъ испрошенія на то особаго каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія" (ст. 13), которое необходимо для экспатріаціи коренного русскаго подданнаго.

[1]) „Иностранцы, принятые въ подданство Россіи, съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтаютъ *всѣ права* и подвергаются *всѣмъ обязанностямъ* того состоянія, къ которому они причислены, *безъ всякаго различія* отъ коренныхъ подданныхъ".

Точно также и временныя правила о водвореніи въ Волынской губерніи лицъ не-русскаго происхожденія (Прилож. къ ст. 857 примѣч. IX т. св. зак., изд. 1899 г.) содержатъ извѣстное ограниченіе въ правахъ „состоящихъ въ русскомъ подданствѣ иностранныхъ поселенцевъ" по сравненію съ коренными подданными. Первымъ воспрещается „пріобрѣтеніе права собственности на недвижимыя имущества внѣ городскихъ поселеній Волынской губерніи, а равно права владѣнія и пользованія таковыми недвижимыми имуществами, вытекающаго изъ договора найма и аренды" (ст. 1). Но отличіе въ нѣкоторыхъ правахъ между натурализованными и коренными русскими подданными не мѣшаетъ признавать какъ тѣхъ, такъ и другихъ дѣйствительными подданными не только послѣ закона 1864 г., но *и до* него. Наконецъ, чтобы покончить съ вопросомъ о пріобрѣтеніи русскаго подданства, остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Останавливаясь на пріобрѣтеніи русскаго подданства путемъ рожденія, В. М. Гессенъ между прочимъ говоритъ, что „вопросъ о подданствѣ лицъ, рожденныхъ заграницей отъ подданныхъ, непосредственно законодателемъ вплоть до настоящаго времени не предусмотрѣнъ", хотя его рѣшеніе и не возбуждаетъ сомнѣній (стр. 210). Это совершенно вѣрно. Но мнѣ кажется, что при рѣшеніи этого вопроса можно опираться на ст. 841 IX т. св. зак. (изд. 1899 г.), которая гласитъ такъ: „дѣти, рожденныя по принятіи (иностранцемъ русскаго) подданства, признаются русскими подданными". На мѣстѣ рожденія здѣсь законодатель не останавливается, очевидно считая этотъ моментъ не имѣющимъ существеннаго значенія.

Заключительной частью труда г. Гессена является пятая глава, занимающая почти половину книги (стр. 240—448). Въ ней весьма интересно и обстоятельно уясняются основныя начала сложной и пестрой регламентаціи подданства въ современныхъ законодательствахъ. Авторъ вѣрно констатируетъ тотъ фактъ, что законодатель XVIII в. сравнительно мало интересовался вопросомъ о подданствѣ. Такое явленіе, по его мнѣнію, „объясняется... крайней незначительностью того содержанія, которое вкладывается въ понятіе подданства (или гражданства) какъ публичнымъ, такъ и гражданскимъ правомъ стараго порядка" (стр. 240). Самое „понятіе подданства, въ отличіе отъ иностранства, является чуждымъ публичному праву XVIII-го вѣка" (тамъ же).

Совершенный контрастъ XVIII-му столѣтію представляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи XIX-ый вѣкъ. Въ XIX-мъ вѣкѣ проблема подданства пріобрѣтаетъ огромное значеніе (стр. 242) и потому становится повсемѣстно предметомъ всесторонней законодательной регламентаціи, и притомъ регламентаціи на новыхъ началахъ (стр. 240).

Такая перемѣна является слѣдствіемъ стеченія цѣлаго ряда причинъ. „Въ современномъ государствѣ — говоритъ г. Гессенъ, — подъ вліяніемъ національной идеи, подданство становится необходимымъ предположеніемъ многочисленныхъ и весьма существенныхъ публичныхъ обязанностей и правъ индивида; подданствомъ опредѣляется statut индивида, — его положеніе не только въ государствѣ, но и въ гражданскомъ оборотѣ“. „Являясь побудительной причиной къ регламентаціи подданства, національная идея въ то же время опредѣляетъ ея направленіе и характеръ“ (стр. 242), а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе современнаго законодательства о подданствѣ. Наряду съ указаннымъ моментомъ необходимо отмѣтить другой не менѣе важный. Это задачи политики народонаселенія, существенно измѣнившіяся въ XIX-мъ вѣкѣ, когда задачей законодательной политики стало не увеличеніе числа иностранцевъ въ странѣ, а увеличеніе числа подданныхъ (стр. 243).

Взаимное соотношеніе между національной идеей и политикой народонаселенія и неодинаковая степень ихъ вліянія въ разныхъ странахъ приводятъ къ существенному различію въ характерѣ ихъ законодательствъ и къ большому разнообразію ихъ постановленій по вопросу о подданствѣ. Но это еще не все. Необходимо учесть вліяніе еще одного весьма важнаго фактора, именно измѣненіе концепціи государственной власти, которая изъ „исключительно и узко территоріальной“ (стр. 243), какой она была въ XVIII-мъ вѣкѣ, становится въ XIX-мъ столѣтіи не только территоріальной, но и личной. При такихъ условіяхъ подданство въ XIX-мъ столѣтіи разсматривается „какъ личная связь, не прекращаемая удаленіемъ подданнаго за границу“ и соединяемая съ правами и обязанностями государства въ отношеніи подданнаго. Это, въ связи съ небывалой прежде интенсивностью международнаго оборота въ XIX-мъ вѣкѣ, обязаннаго своимъ развитіемъ, между прочимъ, усовершенствованію путей сообщенія, должно было приводить къ конфликтамъ между государствами по поводу подданства тѣхъ или иныхъ лицъ. Для устраненія такихъ конфликтовъ стало необходимымъ опредѣленное разграниченіе соотвѣтственныхъ сферъ господства отдѣльныхъ государствъ. Понятно, что при опредѣленіи условій пріобрѣтенія и утраты подданства современное государство вынуждено считаться съ международной природой подданства (стр. 244). Исходя изъ этихъ соображеній, въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ представляетъ очень интересную и подробно разработанную картину того, какъ на современныхъ законодательствахъ о подданствѣ отразилось вліяніе начала самоопредѣленія личности, національнаго начала, начала государственной пользы и международнаго начала.

Останавливаясь на оцѣнкѣ этой главы, нельзя не признать, что при всѣхъ ея высокихъ достоинствахъ въ нее все-же вкрались и нѣкоторые дефекты. Къ такимъ дефектамъ слѣдуетъ отнести два положенія, выдвинутыя авторомъ для объясненія различія въ постановкѣ вопроса о подданствѣ въ XVIII и XIX стол.: будто „понятіе подданства въ отличіе отъ иностранства является чуждымъ публичному праву XVIII вѣка“ (стр. 240) и будто „въ теченіе XVIII в. концепція государственной власти имѣетъ исключительно и узко территоріальный характеръ“ (243 стр.). Ни то, ни другое положеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Понятіе подданства въ отличіе отъ понятія „иностранства“ *не чуждо* публичному праву не только XVIII в., но и вѣковъ предыдущихъ. Въ книгѣ самого В. М. Гессена во многихъ мѣстахъ (см., напр., стр. 173, 174, 180) приводятся многочисленныя фактическія данныя,—заимствованныя какъ изъ положительнаго права разныхъ странъ и эпохъ, такъ и изъ сочиненій писателей, — которыя совершенно опровергаютъ защищаемое имъ положеніе. Что же касается того, будто концепція государственной власти въ теченіе XVIII в. имѣетъ исключительно и узко-территоріальный характеръ, то явная ошибочность такой точки зрѣнія станетъ несомнѣнной, если вспомнить, что вся совокупность международныхъ договоровъ о правахъ иностранцевъ, законодательныя постановленія объ обязанностяхъ подданныхъ, пребывающихъ за границей, наконецъ, существованіе и дѣятельность органовъ международной охраны интересовъ и правъ подданныхъ (посольства и консульства) въ иностранныхъ государствахъ являются результатомъ не только территоріальнаго, но и *личнаго* характера дѣйствія государственной власти, и притомъ не только въ XVIII в., но и въ болѣе раннее время.

Не смотря, однако, на эти погрѣшности, разсматриваемая глава несомнѣнно имѣетъ большой научный интересъ. Основанія регламентаціи подданства въ современныхъ законодательствахъ представлены въ ней въ яркомъ и всестороннемъ освѣщеніи.

Подводя общій итогъ въ оцѣнкѣ труда г. Гессена, необходимо придти къ заключенію, что трудъ этотъ, не смотря на отмѣченные нѣкоторые недостатки, является весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей ученой литературы.

И. Ивановскій.

14-го января 1910 г.

ЮБИЛЕЙ А. П. ЧЕХОВА

17-го января исполнилось пятидесятилѣтіе со дня рожденія Ант. Павл. Чехова—и неожиданно эта годовщина стала поводомъ къ ряду торжествъ въ память писателя во всѣхъ концахъ Россіи. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Таганрогѣ (родина Чехова), Ялтѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и т. д. устраивались спектакли, въ которыхъ шли пьесы Чехова и произносились въ память его рѣчи; были чеховскіе литературно-музыкальные вечера и собранія учено-литературныхъ обществъ; кое-гдѣ откликнулись гимназіи и школы. Газеты, за немногими исключеніями, выпустили „чеховскіе" номера; за ними поспѣваютъ толстые журналы; вышло, наконецъ, или ожидается, нѣсколько книгъ, посвященныхъ Чехову. Въ этой волнѣ живо сказался искренній энтузіазмъ, теплое чувство къ ставшему для всѣхъ дорогимъ художнику слова.

Настоящимъ событіемъ были чеховскіе дни въ Таганрогѣ. Кромѣ вечеровъ и собраній, устроенныхъ Обществомъ образованія, городская дума не только отслужила панихиду и устроила торжественное засѣданіе, посвященное памяти Чехова, но ассигновала 300 рублей въ пособіе Обществу образованія на изданіе сборника въ память Чехова, постановила назвать чеховскимъ одно изъ городскихъ училищъ, открыть библіотеку и музей, для чего воспользоваться займомъ въ 30 т. рублей изъ запаснаго городского капитала, ходатайствовать о разрѣшеніи подписки на сооруженіе памятника Чехову въ Таганрогѣ и ассигновать на это изъ городскихъ средствъ нѣкоторую сумму; наконецъ, поручить управѣ войти въ переговоры съ владѣльцемъ дома, гдѣ родился А. П. (Чеховская, № 47), съ цѣлью пріобрѣтенія дома въ собственность города. Въ Ялтѣ во время торжествъ также возбужденъ вопросъ о постановкѣ тамъ памятника Чехову. Возникла вполнѣ заслуживающая сочувствія мысль сдѣлать національнымъ достояніемъ извѣстную ялтинскую дачу Чехова. Проектируется сохранить неприкосновенными кабинетъ и спальню Чехова и обратить ихъ въ чеховскій музей; остальныя семь комнатъ должны отойти подъ пріютъ для нуждающихся въ теплѣ и солнцѣ обездоленныхъ писателей и артистовъ. Редакція московской газеты „Русское Слово" заявила, что въ случаѣ осуществленія этого проекта она беретъ на себя обезпеченіе

одной комнаты въ ялтинскомъ чеховскомъ пріютѣ. Откликнулось и московское губернское земское собраніе, постановившее открыть нѣсколько библіотекъ имени писателя, какъ извѣстно—работавшаго въ качествѣ врача въ Московской губерніи.

Какъ водится, не обошлось въ этомъ общемъ порывѣ безъ характерныхъ диссонансовъ. Въ Харьковѣ кружку литераторовъ, желавшихъ устроить собраніе въ память собрата, это было запрещено; въ Трубчевскѣ, Орловской губерніи, не разрѣшили открыть просвѣтительное общество имени Чехова. Русская администрація перестала бы быть сама собою, еслибы не было такихъ выходокъ. Осталась сама собою и наша „правая" печать. „Кіевлянинъ" (№ 19) возопилъ, что „освободители" „экспропріируютъ Чехова" и подъ предлогомъ Чехова чествуютъ „революцію"...

Въ числѣ матеріаловъ для біографіи Чехова (доселѣ ненаписанной), вышедшихъ къ юбилею, первое мѣсто занимаютъ, конечно, его письма, появившіяся въ серіи „Чеховская библіотека" (Москва, книгоиздательство „Современное творчество"), „подъ редакціей и съ комментаріями Владиміра Брендеръ" (sic!). Къ сожалѣнію, редакторъ и собиратель этихъ писемъ отнесся къ затѣянному имъ дѣлу съ непростительною небрежностью. Широко воспользовавшись сборникомъ писемъ Чехова, составленнымъ г. Б. Бочкаревымъ, г. Брендеръ бралъ безо всякой видимой руководящей мысли одни письма и пропускалъ другія; перепечатывая уже бывшее въ печати, онъ нигдѣ не указываетъ источника заимствованій, и т. п. Даты писемъ и примѣчанія г. Брендера меньше всего говорятъ о необходимомъ комментатору внимательномъ изученіи біографіи и произведеній Чехова. Напр., въ письмѣ къ Короленко, помѣченномъ *9-го апрѣля* 1888 г., слова Чехова, что онъ *„готовитъ"* разсказъ для „Сѣв. Вѣстника" сопровождаются примѣчаніемъ, что, повидимому, здѣсь рѣчь идетъ о повѣсти, напечатанной въ *мартовской* книжкѣ журнала того же года (то-есть раньше, чѣмъ Чеховъ ее готовилъ!). Нельзя не порадоваться, что близкіе къ Чехову люди берутъ, наконецъ, дѣло печатанія писемъ покойнаго въ свои руки: въ газетахъ появилось письмо, подписанное О. Л. Книпперъ-Чеховою, М. П. Чеховою и И. П. Чеховымъ, съ заявленіемъ въ этомъ смыслѣ и просьбою ко всѣмъ лицамъ, располагающимъ письмами Чехова, присылать ихъ для снятія копій по адресу: Москва, Тверская, Козицкій пер., д. Бахрушина, кв. 237, Маріи Павловнѣ Чеховой. Пока что, приходится довольствоваться сборниками г.г. Бочкарева и Брендера, при всей случайности ихъ состава и редакціонной неудовлетворительности. Въ письмахъ, простыхъ, задушевныхъ и искреннихъ, дышетъ во всемъ обаяніи чистая и ясная душа ихъ автора. Отрывки изъ неизданныхъ писемъ Чехова

къ роднымъ („Чеховъ за границей", статья въ „Русск. Вѣд.") сулятъ еще неисчерпанное богатство.

Изъ другихъ матеріаловъ для біографіи Чехова выдается статья г. Тана: „На родинѣ Чехова" („Совр. Міръ", янв.). Въ ней много данныхъ для характеристики школьной среды и мѣстной жизни, отразившейся въ созданіяхъ Чехова; въ лицѣ инспектора мѣстной гимназіи времени Чехова указанъ, напр., прототипъ знаменитаго „человѣка въ футлярѣ". О пребываніи Чехова въ таганрогской гимназіи рядъ точныхъ свѣдѣній сообщаютъ ея нынѣшній инспекторъ, К. Ф. Лонткевичъ (на выпускномъ экзаменѣ по русскому языку будущій художникъ получилъ только четверку!) и товарищъ А. П. по гимназіи, г. Дросси, разсказывающій объ увлеченіи А. П. театромъ (въ газетѣ „Пріазовскій Край". Очень интересны статья А. С. Пругавина („Рѣчь") объ отношеніи Чехова къ голодовкѣ въ Поволжьѣ въ 1898-99 годахъ и не вышедшая еще книга г. Суллержицкаго: „Чеховъ и Художественный Театръ", нѣсколько любопытныхъ выдержекъ изъ которой было приведено въ газетахъ въ дни юбилея. Было, наконецъ, напечатано немало отрывочныхъ воспоминаній и анекдотовъ о Чеховѣ. Все это въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказалось мелочами или развязной болтовней „посмертныхъ" друзей, противъ которой энергично и резонно протестовалъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" г. Фингалъ.

Обращаясь къ освѣщенію Чехова, какъ писателя, приходится прежде всего остановиться на двухъ книгахъ. Первая изъ нихъ входитъ въ составъ той же московской „Чеховской библіотеки": это— „Думы въ сумеркахъ". Избранныя мысли изъ произведеній А. П. Чехова. Собралъ Ф. Мускаблитъ (цѣна 50 коп.; 88 стр., изъ нихъ десятка полтора пустыхъ). Никакихъ „думъ въ сумеркахъ" нѣтъ, а просто надерганы наудачу изъ нѣсколькихъ произведеній Чехова длинныя и короткія строчки и распредѣлены по произвольнымъ рубрикамъ: „Жизнь", „Смерть", „Человѣкъ" и проч. Съ такою же безцеремонностью, какъ и г. Брендеръ, г. Мускаблитъ иногда не просто цитируетъ, а *редактируетъ* текстъ Чехова, и вложенное авторомъ въ уста своихъ героевъ съ извѣстными оговорками и ограниченіями превращаетъ въ „избранныя мысли" самого Чехова, выпустивъ то здѣсь, то тамъ начало фразы, нѣсколько словъ и т. п. Брошюркѣ предпослана замѣтка В. В. Каллаша, какъ книжкѣ г. Брендера—предисловіе Ю. Айхенвальда: это — вдумчивые, изящно написанные наброски, и жаль, что они даютъ нѣкоторый авторитетъ предпріятіямъ г.г. Брендера и Мускаблита.

Печать спѣшнаго и разсчитаннаго на злобу дня предпріятія легла и на „Юбилейный чеховскій сборникъ" (Москва, книгоиздательство

„Заря“). Онъ содержитъ статьи Н. Абрамовича, А. Волынскаго, М. Невѣдомскаго, В. Розанова и Д. Философова. Часть этихъ статей была уже въ печати, а вовсе не написана къ юбилею, какъ можно было бы ожидать по заглавію. Самая обширная въ сборникѣ статья— г. Невѣдомскаго: „Безъ крыльевъ“ — построена на мысли, высказанной еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ Н. К. Михайловскимъ (по поводу „Иванова“). Чеховъ принадлежитъ къ числу „безкрылыхъ“ дарованій („не только имъ самимъ — писалъ Михайловскій— никогда до облаковъ не подняться, но они желали бы, чтобы и прочіе люди жили, по малу, по полсаженки низкомъ перелетаючи“). Г. Невѣдомскій также винитъ Чехова въ *обывательской* узкости умственнаго кругозора, въ обывательскомъ скептицизмѣ по отношенію ко всякаго рода политическимъ теоріямъ и программамъ, въ отсутствіи всякаго паѳоса. „И можетъ быть,—пишетъ онъ—трагедія чеховской жизни и опредѣляется прежде всего вѣчнымъ конфликтомъ, вѣчнымъ противорѣчіемъ между тонкой эстетической организаціей, до отвращенія, до боли ненавидѣвшей обывательщину, и этимъ обывательски узкимъ кругозоромъ мысли“... Самъ г. Невѣдомскій, въ концѣ концовъ, почувствовалъ, что его схема ничего не объясняетъ въ обаяніи Чехова, и прибавилъ къ своей статьѣ послѣсловіе въ сущности отрицающее статью, такъ какъ справедливо выдвигается здѣсь, въ качествѣ паѳоса жизни Чехова, художественное творчество его. Хорошо указываетъ статья г. Розанова на тѣсную близость творчества Чехова, всего склада его личности и жизни къ общей картинѣ родной Руси: „и безграничныя равнины Руси, съ ея тихими рѣками, вялой и милой зеленью—все окинулъ онъ ласковымъ и печальнымъ взглядомъ... Онъ сталъ любимымъ писателемъ нашего безгероизма, нашей обыденщины, нашего „средненькаго“... Чехова не забудутъ... Въ немъ есть безконечность—безконечность нашей Россіи. Хороша ли она?— Средненькая.—Худа ли она? — Нѣтъ, средненькая“. „Человѣческій путь“ г. Н. Абрамовича выдвигаетъ въ образѣ Чехова его интимный, умиленный, ярко лирическій откликъ на жизнь: „у него несомнѣнно было нѣчто отъ Франциска Ассизскаго... Художникъ былъ изъ рода свѣтлыхъ экстатиковъ и такъ же волновался поэзіей міра, какъ и св. Францискъ, какъ и Іеронимъ (разсказъ: „Въ свѣтлую ночь“). Но крестъ огромный, тяжкій лежалъ на плечахъ его, — крестъ ничѣмъ не осиленныхъ человѣческихъ страданій, кошмара, ужаса человѣческаго, ужаса пошлости и безсильной яростной (?) тоски“...

Интересно, что, говоря о Чеховѣ въ юбилейные дни, цѣлый рядъ критиковъ освѣщаетъ его творчество именно со стороны интимной близости Чехова къ людямъ, къ жизни вообще. Почти такъ же, какъ г. Абрамовичъ, назвалъ свою статью г. Мережковскій: „Братъ

человѣческій“ („Русское Слово“). О религіозныхъ настроеніяхъ Чехова, связанныхъ съ этою интимною близостью къ міру, говорятъ г. Измайловъ (тамъ же: „Между вѣрою и невѣріемъ“), г. Чужановъ („Одесскій Листокъ“) и др. Коллективная мысль критики обращена въ эту сторону. Дружно и любовно вспоминаютъ и разгадываютъ, чѣмъ милъ всѣмъ Чеховъ, что было для него святая святыхъ его сердца, ставшаго всѣмъ дорогимъ, какъ теплился въ немъ огонекъ міровой тоски по свѣтломъ ликѣ вселенской правды... Поэтъ лирикъ, поэтъ нѣжнаго гуманнаго настроенія и свѣтлыхъ созерцаній сердца заслонилъ собою Чехова сатирика и пессимиста.

Это общее настроеніе выразилъ и вѣчно гоняющійся за парадоксомъ г. К. Чуковскій; въ своей статьѣ „О Чеховѣ“ („Рѣчь“), по обыкновенію перегибая до излома лукъ ранѣе господствовавшихъ взглядовъ на Чехова, какъ на обличителя, онъ утверждаетъ, будто Чеховъ пламенно любилъ весь міръ своихъ „недотепъ“ и неудачниковъ, какъ нѣкую соль земли. Нѣтъ, онъ только болѣлъ за нихъ и страдалъ, не находя въ этомъ мірѣ подлинной соли. Къ нему идутъ слова Полонскаго о поэтѣ нищихъ духомъ: „и душу дѣлитъ пополамъ съ такими жъ нищими, какъ самъ“... И общій итогъ того, что писалось и говорилось въ чеховскіе дни о мірѣ Чехова—не стремленіе замкнуться въ мірѣ всѣмъ родныхъ его героевъ, а желаніе выйти, наконецъ, изъ него. Леонидъ Андреевъ когда-то, подъ впечатлѣніемъ „Трехъ сестеръ“ писалъ: „Какъ жаль сестеръ, какъ грустно... И какъ безумно хочется жить!“ (цитировано въ рѣчи г. Джонсона, „Кіевскія Вѣсти“, № 22). „Но для этого надо сознательно отодвинуть Чехова въ прошлое, переживъ—перерости чеховщину. Нѣжнымъ любовнымъ молчаніемъ (обожаніемъ?) окружить память брата нашего, отмѣченнаго печатью истиннаго Божьяго дара, сложить въ сердцѣ навѣки образъ близкаго и безъ боязни стряхнуть его чары“ (Мережковскій).

Ч. Вѣтринскій.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ВЪ ПРУССІИ

(Письмо изъ Берлина.)

I.

Сумрачный, тяжелый день. Снѣгъ падаетъ большими мокрыми хлопьями и моментально таетъ на берлинскомъ асфальтѣ. Прохожіе пожимаются въ своихъ пальто и не застаиваются на улицахъ. Около импозантнаго подъѣзда прусской палаты депутатовъ, гдѣ сегодня начинаетъ обсуждаться давно жданный законопроектъ о реформѣ избирательнаго права, всетаки виднѣются небольшія группы людей. Въ общей сложности, однако, тутъ едва ли наберется человѣкъ тридцать. Спрятанная по ближайшимъ дворамъ полиція остается безъ „дѣла". Вопреки ожиданію, демонстрація не устраивается.

Около входныхъ воротъ кучка разочарованныхъ. Билеты для публики всѣ разобраны, и вновь прибывшіе съ горечью убѣждаются, что имъ не суждено быть очевидцами историческаго засѣданія. На трибунѣ журналистовъ давка неимовѣрная. Приходится работать локтями, подъ опасеніемъ быть раздавленнымъ между спиной нѣмецкаго и грудью англійскаго или французскаго коллеги. Трибуны для публики также полны. Множество дамъ, немало военныхъ мундировъ. Атмосфера сгущенная, наэлектризованная.

Входитъ Бетманъ-Гольвегъ, одѣтый въ длинный сѣрый сюртукъ; за нимъ длинный хвостъ министровъ, гехеймратовъ и адъютантовъ. Усаживаются. Въ залѣ водворяется тишина. Премьеръ видимо взволнованъ и ерзаетъ на своемъ креслѣ. Онъ то и дѣло посматриваетъ на предсѣдателя, занятаго какими-то формальностями, и все порывается встать. Желанный моментъ наконецъ наступаетъ и предсѣдатель отчетливымъ голосомъ произноситъ: „слово имѣетъ министръ-президентъ". Бетманъ облегченно вскакиваетъ съ своего мѣста, но тутъ же застываетъ пораженный, поблѣднѣвшій, въ непрезентабельной позѣ, опустивъ руки по обѣ стороны своего длиннаго туловища. „Пфуй!" — раздалось по всей залѣ, — „пфуй!", „измѣнникъ народа!" Это кричитъ шестиголовая кучка соціалдемократическихъ депутатовъ, а вслѣдъ затѣмъ раздается многоголосое: „раусъ!" („вонъ!")

и опять „пфуй!“ и вновь: „раусъ!“... Волненіе по залѣ пошло неописуемое, а Бетманъ-Гольвегъ все продолжаетъ стоять; на его губахъ играетъ жалкая, растерянная улыбка; онъ не знаетъ, какъ реагировать на враждебный пріемъ. Спустя минуты двѣ волненіе утихаетъ, и премьеръ, не безъ нѣкотораго усилія, начинаетъ свою рѣчь.

Говоритъ онъ „по учительски“. Безъ подъема, безъ реторическихъ украшеній, сопровождая концы фразъ характернымъ поворотомъ всего тѣла направо и отбрасывая назадъ правую руку. Еслибы такъ говорилъ обыкновенный ораторъ гдѣ-нибудь на публичномъ собраніи, его не стали бы долго слушать. Но Бетманъ — не рядовой политическій агитаторъ, и рѣчь его выслушивается при напряженной тишинѣ, изрѣдка прерываемой возгласами одобренія справа и неодобренія слѣва.

Послѣ рѣчи канцлера въ залѣ и на трибунѣ журналистовъ становится просторнѣе. Начинаетъ говорить министръ внутреннихъ дѣлъ Мольтке, крупный мужчина съ голой, шарообразной головой, но его никто, кромѣ стенографовъ, не слушаетъ. Въ залѣ становится тише лишь тогда, когда на трибуну поднимается консервативный лидеръ, баронъ Рихтгофенъ. Это настоящій митинговый ораторъ, владѣющій тайной, какъ „подогрѣвать“ свою публику. Самоувѣренная, пожалуй даже развязная, пересыпанная сарказмами рѣчь, свободныя манеры, звучный голосъ. Почти каждая фраза вызываетъ откликъ со стороны слушателей. То правая разражается веселымъ смѣхомъ, то она же кричитъ „браво!“, то лѣвая выражаетъ недовольство. Когда Рихтгофенъ кончаетъ, консерваторы неистово апплодируютъ, лѣвая шикаетъ. Судя по апплодисментамъ, успѣхъ Рихтгофена значительно превышаетъ „успѣхъ“ канцлера.

Консервативнаго лидера смѣняетъ престарѣлый вождь нѣмецкаго либерализма, Альбертъ Трегеръ. Юристъ по профессіи, семидесятилѣтній парламентарій грѣшитъ нерѣдко стихами, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются значительнымъ распространеніемъ: томикъ его стиховъ выдержалъ восемнадцать изданій. Въ качествѣ поэта, Трегеръ всегда носитъ пышные галстухи, цвѣтные жилеты и трехвершковые усы. Говоритъ хорошо, но старость беретъ свое и голосъ его едва слышенъ на нашей трибунѣ. Слушаютъ его внимательно или, вѣрнѣе, почтительно. Эту почтительность оказываютъ старому борцу за демократію не только товарищи по партіи, но и противники справа и слѣва. Къ слову Трегера прислушиваются, впрочемъ, не только въ парламентахъ (онъ засѣдаетъ и въ рейхстагѣ), но и вообще въ странѣ. Онъ принадлежитъ къ тому небольшому числу счастливцевъ, которые обыкновенно считаются выразителями „общественнаго мнѣнія“ или общественной совѣсти. Когда въ Россіи разразились печальной памяти еврейскіе погромы, Трегеръ былъ однимъ изъ пер-

выхъ, кто былъ призванъ общественнымъ мнѣніемъ къ протесту противъ этихъ проявленій дикаго варварства. При всѣхъ крупныхъ событіяхъ, волнующихъ Германію, газеты стараются освѣдомиться, какъ думаетъ по данному поводу этотъ старикъ. И теперь его рѣчь, хотя едва слышная въ залѣ, несомнѣнно встрѣтила громкое эхо среди многихъ десятковъ и сотенъ тысячъ внимательныхъ читателей въ странѣ.

Націоналъ-либеральный ораторъ Шифферъ, говорившій послѣ Трегера, обладаетъ лучшими голосовыми средствами. Слушаютъ его также внимательно, но не столько изъ уваженія къ нему, сколько изъ интереса къ мнѣнію представляемой имъ партіи. Націоналъ-либералы играютъ роль рѣшающаго момента; они—das Zünglein an der Wage, стрѣлка колеблющихся въ ту и другую сторону вѣсовъ, и отъ ихъ образа дѣйствій зависитъ принятіе или отклоненіе Бетмановскаго законопроекта. Отсюда понятно, что за рѣчью Шиффера слѣдятъ со вниманіемъ всѣ политики. Однако и ораторскія достоинства Шиффера остаются не безъ вліянія. Онъ отличается живымъ темпераментомъ, умѣетъ быть саркастическимъ, находитъ удачные обороты. Рѣчь его не разъ прерывается взрывами хохота и восклицаніями въ родѣ: „очень хорошо!“ или „слушайте! слушайте“! Особенно сильное впечатлѣніе производитъ его безпощадная критика принципіальныхъ основъ предложеннаго законопроекта.

Рѣчью Шиффера заканчивается первый день историческихъ дебатовъ. Остальные два дня понизили настроеніе. Залъ почти все время пустовалъ, на трибунѣ журналистовъ царила неимовѣрная скука; только трибуны для публики, постепенно обновляемыя свѣжими силами, были попрежнему полны и, повидимому, испытывали интересъ къ тому, что говорилось внизу. Не выдержавъ скуки, я покинулъ залу засѣданія немного раньше конца, не выслушавъ двухъ-трехъ ораторовъ. Стенографическіе отчеты ихъ рѣчей убѣдили меня потомъ, что я потерялъ сравнительно немного.

II.

Рѣчь Бетмана-Гольвега должна была обосновать необходимость реформы избирательнаго права. Въ дѣйствительности весь его монологъ сводился къ доказательству, что въ Пруссіи все и безъ того обстоитъ благополучно, требованіе избирательной реформы лишено основанія. Говорятъ, прусская избирательная система приспособлена къ аграрнымъ и феодальнымъ требованіямъ; она ставитъ аграрные элементы въ привилегированное положеніе, лишаетъ массу политическихъ правъ, ведетъ къ господству реакціи. „Невѣрно!“ заявляетъ

на это канцлеръ. Аграріи не пользуются въ Пруссіи привилегированнымъ положеніемъ, полицейскаго произвола не существуетъ въ странѣ, прусская бюрократія—одна изъ самыхъ совершенныхъ, духъ прусскаго законодательства не оставляетъ желать ничего лучшаго. Было бы логично, еслибы послѣ этихъ заявленій премьеръ сдѣлалъ единственный правильно вытекающій изъ нихъ выводъ: реформированіе того, что и безъ того хорошо, не можетъ стать разумной задачей законодательства. Всякая реформа прекраснаго прусскаго избирательнаго права—не что иное, какъ козни лукаваго.

Бетманъ-Гольвегъ этого вывода не сдѣлалъ, и потому всѣ его разсужденія о прелестяхъ прусскихъ порядковъ оказались лишними, неидущими къ дѣлу. Такъ это поняла и сочувствующая канцлеру аграрноконсервативная пресса, которая прямо заявила: факты, приводимые министромъ-президентомъ, доказываютъ, что никакой реформы не требуется. Такъ, вѣроятно, думаетъ и самъ канцлеръ, не находя однако мужества высказать это открыто. Но, не высказывая этой мысли, онъ *практически* поступаетъ соотвѣтственно ей: внесенный имъ законопроектъ въ дѣйствительности *ничего* не реформируетъ.

Если не касаться мелочей, то всѣ измѣненія дѣйствующей избирательной системы, проектируемыя Бетманомъ-Гольвегомъ, сводятся къ четыремъ пунктамъ. Во-первыхъ, вводится *прямое* голосованіе: выборщики отмѣняются, избиратели непосредственно выбираютъ желательное имъ лицо. Практически это новшество играетъ незначительную роль, ибо и безъ того выборщики выбирались лишь при условіи, что они потомъ будутъ голосовать за опредѣленное лицо. Не смотря на это, консерваторы, чуждающіеся всего новаго, вздумали возражать и противъ такой безобидной „реформы“. Рихтгофенъ энергично убѣждалъ правительство не касаться этого пункта, но послѣднее осталось при своемъ предложеніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Мольтке привелъ при этомъ нѣсколько аргументовъ, усвоить которые не излишне было бы и его русскимъ „коллегамъ“. Косвенные выборы, сказалъ онъ, „пережили себя“. Они „были введены въ то время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, а особенно газетъ и союзовъ. Въ нынѣшнія времена политика находится на поверхности общественной жизни, она стала общимъ достояніемъ“. Посредники, выборщики стали, поэтому, излишними. Если раньше выборщики представляли собою наиболѣе развитой, наиболѣе свѣдущій руководящій элементъ, то теперь эту роль выполняютъ газеты и союзы. „Въ противоположность этому, однако, очень важной является борьба съ избирательной косностью, разросшейся подъ вліяніемъ косвенной системы („ого!“—справа; „совершенно вѣрно!“—слѣва). Косвенные выборы — продолжаетъ министръ — не имѣютъ политическаго значенія.

Они уменьшаютъ, однако, связь между депутатомъ и большой массой избирателей; они умаляютъ самостоятельную политическую дѣятельность и не оказываютъ на избирателей воспитательнаго вліянія; они, кромѣ того, связаны съ крайней формалистикой и волокитой (возраженія справа). Наконецъ — заканчиваетъ Мольтке свою аргументацію, — „во всей системѣ косвенныхъ выборовъ заключается моментъ, уменьшающій значеніе меньшинства. Это обстоятельство удерживаетъ избирателей отъ дѣятельнаго участія, ибо меньшинство заранѣе знаетъ, что его голоса пропадутъ даромъ, а большинство и безъ того увѣрено въ побѣдѣ"...

Во-вторыхъ, законопроектъ вводитъ новый *способъ подсчета голосовъ*. Вмѣсто подсчета по участкамъ, установляется подсчетъ по всему избирательному округу сразу. Благодаря этому устраняются, правда, нѣкоторыя несообразности существующей системы, но много ли такая реформа можетъ содѣйствовать правильному распредѣленію избирательной силы населенія? И всетаки Рихтгофенъ высказалъ глубокомысленныя сомнѣнія и по этому пункту.

Третьимъ значительнымъ нововведеніемъ является такъ называемая „максимація". Чтобы понять, что разумѣется подъ этимъ новымъ терминомъ, необходимо припомнить, какъ въ настоящее время устанавливаются „классы". Прусская избирательная система—„трехклассная". Чтобы составить требуемые три класса, подсчитываютъ раньше всего сумму налоговъ, уплачиваемыхъ всѣми избирателями даннаго участка. Пусть это будетъ шесть тысячъ марокъ. Полученную сумму дѣлятъ на три: получаются двѣ тысячи. Сумма налоговъ каждаго „класса" должна быть приблизительно равна этой цифрѣ. Если имѣется избиратель, уплачивающій единолично двѣ тысячи марокъ, то онъ одинъ и составитъ цѣлый классъ. Если имѣются два избирателя, облагаемые каждый по тысячѣ марокъ, то они вдвоемъ составятъ требуемую группу. Слѣдующій классъ составится изъ плательщиковъ слѣдующихъ по величинѣ налоговъ, и опять въ общей суммѣ въ двѣ тысячи. Плательщики третьей доли составятъ, наконецъ, третью группу. Получающійся результатъ ясенъ. Избирательная сила всѣхъ *классовъ* одинакова; но такъ какъ въ каждомъ классѣ не одинаковое число избирателей, то избирательная роль каждаго отдѣльнаго лица тѣмъ меньше, чѣмъ больше избирателей въ данномъ классѣ. Существуютъ округа, гдѣ голосъ одного какого-нибудь магната равенъ тысячамъ голосовъ другихъ избирателей. Введеніе „максимаціи" смягчаетъ немного этотъ плутократическій характеръ классификаціи: налоги засчитываются полностью лишь тогда, если они не превышаютъ 5.000 марокъ. Всѣ налоги, превышающіе эту сумму, приравниваются къ пяти тысячамъ. Цѣлый рядъ крупныхъ капиталистовъ теряетъ такимъ путемъ часть своей избирательной энергіи.

Само собою разумѣется, что правительство и консерваторы чрезвычайно усиленно подчеркиваютъ эту сторону реформы, надѣясь привлечь такимъ образомъ симпатіи демократическихъ элементовъ. Оппозиція, однако, съ достаточной силой подчеркнула ничтожность этого нововведенія, указавъ, что оно коснется всего-на-всего 13.000 избирателей и будетъ играть роль въ 36 участкахъ изъ общаго числа 29.026! Неискренность правительства въ его борьбѣ съ плутократіей явствуетъ изъ этихъ цифръ съ достаточной опредѣленностью.

Наконецъ, четвертый пунктъ реформаторскихъ новшествъ: *извѣстныя категоріи избирателей третьяго и второго классовъ получаютъ право избирать въ высшихъ разрядахъ*, т.-е. „третьеклассники“ — во второмъ, а „второклассники“ — въ первомъ. Къ этимъ категоріямъ принадлежатъ: лица съ высшимъ образованіемъ, если они сдали соотвѣтственный экзаменъ за десять лѣтъ до выборовъ; члены прусскаго ландтага и германскаго рейхстага, избираемые члены органовъ самоуправленія, офицеры, находящіеся или находившіеся на службѣ десять лѣтъ, предсѣдатели и члены магистратовъ; лица, уплачивающія не менѣе 1.800 марокъ и окончившія среднее учебное заведеніе; наконецъ, нижніе военные чины, добросовѣстно отслужившіе двѣнадцать лѣтъ и въ теченіе пяти лѣтъ располагавшіе особымъ свидѣтельствомъ, дающимъ право на преимущественное принятіе на гражданскую службу (Zivilversorgungschein). Эти изъятія изъ общаго правила должны предупредить скандальные случаи, когда, напримѣръ, богатый владѣлецъ дома терпимости избираетъ въ первомъ классѣ, а недостаточно состоятельный пасторъ—въ третьемъ. Вообще, какъ правильно замѣтилъ націоналъ-либералъ Шифферъ, всѣ эти подраздѣленія представляютъ собою „несправедливое преимущество чисто формальнаго экзаменаціоннаго знанія передъ практическимъ умѣньемъ, несправедливое преимущество бюрократіи передъ свободными профессіями, несправедливое преимущество военныхъ передъ чинами гражданской службы.

Вотъ и всѣ новшества, всѣ „реформы“, вводимыя Бетмановскимъ законопроектомъ. Не права ли была умѣренно-либеральная „Vossische Zeitung“, когда писала, что законопроектъ „жалокъ, скуденъ“? И развѣ далеки отъ истины были радикальный „Tageblatt“ и соціалдемократическій „Vorwärts“, охарактеризовавъ этотъ документъ какъ „провокацію“, „издѣвку“ надъ народомъ?

III.

Вслушиваясь въ похвальную оду Бетмана-Гольвега прусскимъ порядкамъ, я, говоря откровенно, не могъ не поддаться ея вліянію.

Сколько бы нѣмецкіе демократы ни бранили прусскую реакцію, для насъ, русскихъ, задерганныхъ россійской некультурностью, Пруссія еще долго будетъ образцовымъ государствомъ. Но Бетманъ-Гольвегъ обращался не ко мнѣ, а тѣ, къ кому онъ обращался, оказались болѣе требовательными.

Свободомыслящій депутатъ, д-ръ Пахнике, съ большимъ успѣхомъ отвѣтилъ на эту часть Бетмановской рѣчи. Министръ-президентъ — говорилъ Пахнике,—указалъ на подоходный налогъ въ Пруссіи, какъ на прогрессивное учрежденіе, которому завидуютъ настоящія демократическія государства. Онъ забылъ одно: вся финансовая реформа Микеля состоялась только потому, что благодаря ей были отмѣнены всѣ поземельные налоги. Прусскіе аграріи продали свое согласіе за довольно значительныя выгоды. Можетъ ли этотъ фактъ служить опроверженіемъ эгоистическихъ тенденцій прусскихъ законодателей?... Не останавливаясь на старыхъ примѣрахъ, иллюстрирующихъ реакціонный духъ прусскихъ законодательныхъ стремленій, Пахнике приводитъ нѣсколько краснорѣчивыхъ случаевъ изъ практики послѣдняго времени. Развѣ забыли—спрашиваетъ онъ,—что въ этой палатѣ хотѣли обложить велосипеды, которыми пользуются десятки тысячъ рабочихъ и горожанъ, но отказались отъ такого же налога на верховыхъ лошадей, служащихъ предметомъ наслажденія для аграріевъ? Развѣ уже забыли, какъ нѣжно было поступлено съ охотничьими свидѣтельствами? А вопросъ о горнорабочихъ? Развѣ онъ разрѣшенъ такъ, какъ былъ бы разрѣшенъ ландтагомъ, принужденнымъ по самому способу своего происхожденія обращать больше вниманія на рабочихъ избирателей? А желѣзныя дороги? Развѣ не собираются теперь обложить налогомъ билеты пассажировъ IV-го класса? А исторія съ проектомъ прусскаго канала?— прибавляетъ соціалдемократъ Либкнехтъ, — развѣ она не рисуетъ истинно реакціонный духъ прусскаго парламента?

Нѣтъ сомнѣнія, прусскій парламентъ не можетъ удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ населенія. Возникшій еще въ 1849-мъ году, онъ поразительно отсталъ отъ дѣйствительнаго развитія страны. За истекшее шестидесятилѣтіе Пруссія измѣнилась до неузнаваемости. Вмѣсто 16 милліоновъ на ея территоріи помѣщаются теперь 38 милліоновъ жителей; изъ аграрнаго государство превратилось въ промышленное. Численность земледѣльческаго населенія значительно сократилась, численность промышленнаго въ той же пропорціи увеличилась. Справедливость и разумъ требуютъ, поэтому, чтобы въ соотвѣтствіи съ фактическими измѣненіями были измѣнены и правовыя отношенія. Политическія силы должны быть распредѣлены соотвѣтственно дѣйствительнымъ соотношеніямъ соціальныхъ силъ.

Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Каковъ, напримѣръ,

составъ теперешняго прусскаго представительства? Изъ 443 депутатовъ цѣлыхъ 139 принадлежатъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ, противъ которыхъ стоятъ всего 12 представителей торговли, 23 представителя промышленности и всего-на-всего 2 рабочихъ. Въ партійномъ отношеніи прусскій парламентъ представляетъ слѣдующую картину:

Консерваторовъ	152
Партія клерикальнаго центра	105
Націоналъ-либераловъ	64
Вольныхъ консерваторовъ (Freikonservative)	60
Свободомыслящихъ	37
Поляковъ	15
Соціалдемократовъ	6
Датчанъ	2
Дикихъ	2

Насколько этотъ составъ не соотвѣтствуетъ настроенію страны, видно изъ статистики выборовъ въ рейхстагъ. На послѣднихъ выборахъ (1907 г.) за всѣхъ консерваторовъ, аграріевъ, антисемитовъ и т. д. было подано въ общей сложности 1.559.400 голосовъ. Въ то же время соціалдемократы объединили вокругъ своихъ депутатовъ 1.816.900 избирателей. Такимъ образомъ каждый соціалдемократъ въ прусской палатѣ депутатовъ опирается на 305.616 полноправныхъ нѣмецкихъ гражданъ, а за каждымъ консерваторомъ стоятъ всего-на-всего 7.355 человѣкъ. Даже націоналъ-либералы и свободомыслящіе опираются на большій базисъ. По тѣмъ же разсчетамъ за каждымъ націоналъ-либераломъ стоятъ 14.230, за каждымъ свободомыслящимъ—20.127 избирателей.

Всѣ эти цифры съ достаточной убѣдительностью показываютъ, что радикальная реформа прусскаго избирательнаго права является, вопреки Бетману-Гольвегу, насущной политической задачей государства. Еслибы канцлеръ шелъ въ ногу съ требованіями времени, онъ раньше всего долженъ былъ бы позаботиться о введеніи равнаго избирательнаго права, отмѣнивъ всякія дѣленія на классы. Такой реформы требуютъ по меньшей мѣрѣ ²/₃ прусскихъ избирателей (4.273.000 изъ 6.881.000), испытавшихъ, къ слову сказать, значеніе этого института (при выборахъ въ имперскій парламентъ) на опытѣ. Свободомыслящіе, поляки, центръ и соціалдемократы не разъ заявляли это требованіе, повторивъ его и во время послѣднихъ засѣданій ландтага и рейхстага. Правительство, однако, почло за благо обойти этотъ вопросъ многозначительнымъ молчаніемъ, что врядъ-ли свидѣтельствуетъ о его чуткости къ запросамъ дня.

Отмолчавшись отъ одного требованія, министръ-президентъ нашелъ

нужнымъ высказать болѣе чѣмъ странныя соображенія относительно другого, за которымъ стоитъ еще большее количество прусскихъ избирателей. Я имѣю въ виду *тайную подачу голосовъ*. Тайная подача голосовъ способствуетъ, по мнѣнію Бетмана-Гольвега, тому, что избиратели даютъ волю своимъ низшимъ инстинктамъ, личнымъ недоброжелательствамъ и т. д. Намѣреніе законодателя оградить независимость проявленія политическаго убѣжденія не создаетъ еще этого убѣжденія. Полной независимости — неожиданно восклицаетъ канцлеръ—на самомъ дѣлѣ нѣтъ; вся наша жизнь находится въ какой-нибудь зависимости, и, входя въ изоляціонную камеру, человѣкъ не виситъ въ воздухѣ... Въ томъ же, не идущемъ къ дѣлу духѣ были и другіе „аргументы" канцлера противъ избирательной тайны.

Націоналъ-либералъ Шифферъ правильно и не безъ ядовитости назвалъ всѣ эти якобы философскія разсужденія „игрой словами". Отношенія зависимости, которыя естественно присущи человѣку, конечно неизбѣжны и даже желательны. Безъ этихъ отношеній не было бы возможности вліять другъ на друга. Но всѣ они — подчеркиваетъ Шифферъ — вѣдь законныя отношенія, а тайная подача имѣетъ въ виду незаконныя вліянія. Еслибы даже тайная подача голосовъ не въ состояніи была совершенно устранить незаконныя вліянія, то все же это не избавило бы законодателя отъ обязанности сдѣлать попытку смягчить ихъ.

Что такія незаконныя вліянія въ Германіи — не рѣдкость, объ этомъ знаютъ всѣ слѣдившіе за ея политической жизнью. По словамъ Пахнике, цѣлыя кипы актовъ о вліяніяхъ при выборахъ накопились уже въ рейхстагѣ; коммиссіи по провѣркѣ выборовъ выработали даже особыя правила для оцѣнки отдѣльныхъ случаевъ, ибо иначе нельзя было бы справиться съ этой горой матеріаловъ. Консерваторы—язвительно замѣчаетъ ораторъ — должны были бы это хорошо помнить, ибо наибольшее количество воздѣйствій при выборахъ имѣло мѣсто въ деревнѣ, гдѣ господствуютъ помѣщики. „Странно — прибавляетъ Пахнике,—что прусское правительство вообще не усвоиваетъ уроковъ другихъ государствъ. Вѣдь почти во всѣхъ странахъ существуетъ тайная подача голосовъ. Въ Германіи она имѣется въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ, Саксоніи, Ольденбургѣ; она существуетъ во Франціи, Японіи; вся Америка вводитъ ее у себя. Даже въ Россіи,— замѣчаетъ Пахнике подъ хохотъ депутатовъ слѣва,—министръ-президентъ не могъ бы найти нужныхъ ему образцовъ. Все это даетъ право говорить, что въ тайной подачѣ голосовъ мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ европейской, болѣе того,—міровой совѣсти. Противъ этого стихійнаго развитія прусскій министръ-президентъ выставляетъ голый кулакъ (die kalte Faust)".

Не менѣе важнымъ требованіемъ сторонниковъ коренной реформы является пунктъ о *перераспредѣленіи округовъ.* Бетмановскій законопроектъ оставилъ его безъ вниманія. А между тѣмъ, выполненіе этого требованія было бы актомъ самой элементарной справедливости. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, какая колоссальная перемѣна произошла въ группировкѣ населенія за время существованія теперешняго закона! Какъ увеличились города и какъ отстала деревня въ отношеніи населенности! Округа же остались тѣ же самые, какъ и четыре десятка лѣтъ тому назадъ. Благодаря этому получаются такіе курьезы, что какой-нибудь Шримъ-Шрода-Врешенъ, имѣющій всего-на-всего 8.700 избирателей, посылаетъ въ ландтагъ столько же представителей, сколько округъ Риксдорфъ-Шенебергъ, разросшійся до того, что включаетъ въ себѣ около 90 тысячъ лицъ съ правомъ выбора. Помимо всѣхъ другихъ несообразностей прусской избирательной системы, одно это устарѣвшее распредѣленіе округовъ въ достаточной мѣрѣ искажаетъ дѣйствительную волю избирателей. Но именно потому Бетмановскій законопроектъ и оставляетъ въ этомъ отношеніи все по-старому.

IV.

Поскольку единодушна была критика, которою ораторы свободомыслящихъ, національ-либераловъ, центра, соціалдемократовъ и поляковъ подвергли предложенную имъ реформу прусскаго избирательнаго права, постольку же расходились мнѣнія относительно предѣловъ собственныхъ требованій и въ особенности относительно пріемовъ борьбы. Центръ, напримѣръ, требовалъ только тайнаго голосованія, но былъ противъ перераспредѣленія округовъ. Національ-либералы отстаивали и то, и другое, но были противъ распространенія всеобщаго и равнаго избирательнаго права на прусскій ландтагъ. Примѣненія къ Пруссіи общегерманской избирательной системы требовали свободомыслящіе; соціалдемократы шли еще дальше, требуя пониженія возрастнаго ценза и предоставленія избирательныхъ правъ женщинамъ. Эти програмныя разногласія не повели, однако, къ сколько-нибудь рѣзкой межпартійной полемикѣ, чего нельзя сказать относительно разногласій тактическаго характера.

Больше всего вниманія привлекъ вопросъ о массовыхъ демонстраціяхъ. Что соціалдемократы готовы прибѣгнуть къ этому средству борьбы, объ этомъ было, конечно, всѣмъ извѣстно. Именно поэтому національ-либералъ Шифферъ поспѣшилъ съ трибуны ландтага предостеречь вожаковъ рабочей партіи отъ этого пріема „Вспомните — говорилъ онъ — объ отвѣтственности, которую вы, соціалдемократы,

берете на себя. Мы не испытываемъ страха передъ демонстраціями, но мы жалѣемъ о нихъ изъ-за тѣхъ жертвъ, которыхъ онѣ будутъ стоить извѣстному числу участниковъ, не вождямъ; мы жалѣемъ о нихъ, ибо онѣ идутъ не въ пользу, а во вредъ дѣлу, доставляя почти неопровержимый аргументъ противъ политической зрѣлости массы — а эта зрѣлость является предпосылкой для расширенія политическихъ правъ. Вы, соціалдемократы, затрудняете нашу работу въ этомъ направленіи".

Почти то же самое говорилъ и свободомыслящій Пахнике, обращаясь къ соціалдемократамъ со словами: „сдерживайте себя, будьте осторожны, не выходите на улицу, не прибѣгайте къ незаконнымъ средствамъ; у васъ имѣется достаточно законныхъ путей. Говорю это, ибо знаю, что такими неподобающими средствами, въ особенности уличными демонстраціями, вы содѣйствуете только успѣху враговъ. Вы несете воду на мельницу противниковъ избирательнаго права".

Какъ извѣстно изъ газетъ, всѣ эти предостереженія оказались напрасными. Рабочая — и не только рабочая — масса „вышла на улицу", и притомъ въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ. Со временъ „безумнаго года" (das tolle Jahr — такъ называютъ иногда 1848-ой годъ) Пруссія не видала такихъ грандіозныхъ демонстрацій. Въ Берлинѣ насчитываютъ отъ ста (по полицейскимъ даннымъ) до двухъ сотъ (по даннымъ соціалдемократической прессы) тысячъ демонстрантовъ. Въ Галле, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ Бреславлѣ, въ Кенигсбергѣ, въ Дортмундѣ, въ Кельнѣ, въ Неймюнстерѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ число демонстрантовъ также достигало сравнительно большихъ цифръ: въ Бреславлѣ насчитываютъ двадцать, въ Кенигсбергѣ двѣнадцать, въ Галле десять тысячъ. Въ большинствѣ случаевъ демонстраціи прошли безъ столкновеній съ полиціей, но во Франкфуртѣ, Галле и Неймюнстерѣ произошли печальныя „недоразумѣнія", какъ выражается полиція, стоившія немало крови нѣсколькимъ десяткамъ демонстрантовъ, нѣсколькимъ полицейскимъ чинамъ и даже нѣкоторымъ постороннимъ лицамъ. Съ россійской точки зрѣнія число этихъ жертвъ прямо ничтожно, тѣмъ болѣе, что пока объ убитыхъ не слышно. Для притупившихся русскихъ нервовъ, привыкшихъ и не къ такимъ ужасамъ, нужно было бы нѣчто совершенно иное, чтобы взбудоражить общественное мнѣніе. Нервы пруссаковъ, хотя въ общемъ довольно крѣпкіе, всетаки далеко не такъ притуплены, какъ у насъ, русскихъ. Понятно, поэтому, что подвиги полиціи подняли на ноги десятки тысячъ гражданъ, открыто выразившихъ протестъ противъ чрезмѣрной, ничѣмъ не мотивированной нервозности полиціи и противъ нѣкоторыхъ безсмысленныхъ распоряженій высшихъ полицейскихъ чиновъ. Независимая

печать—даже та, которая принципіально противъ уличныхъ демонстрацій,—рѣшительно осудила поведеніе полиціи, признавъ, на основаніи многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній, виновною въ кровопролитіи только ее. Въ этомъ духѣ высказалась, напримѣръ, и сдержанная „Frankfurter Zeitung", имѣвшая возможность провѣрить на мѣстѣ дѣйствительный ходъ вещей при столкновеніи полиціи съ демонстрантами.

Исходъ первыхъ демонстрацій возбуждающе подѣйствовалъ на народныя массы. Насколько можно судить на основаніи различныхъ извѣстій о настроеніи страны, демонстраціонная волна далеко не достигла еще своего апогея. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что при неуступчивости прусскаго правительства волненія примутъ значительно болѣе рѣзкій характеръ. Уже теперь поговариваютъ о массовыхъ забастовкахъ и даже дѣлаютъ (во Франкфуртѣ, напримѣръ) попытки проводить ихъ въ небольшихъ размѣрахъ. Чѣмъ все это можетъ кончиться, трудно себѣ даже представить. Наименѣе всего представляетъ себѣ это, вѣроятно, Бетманъ-Гольвегъ.

Важнымъ моментомъ въ движеніи противъ Бетмановскаго законопроекта является образъ дѣйствій органовъ самоуправленія. Въ рядѣ городовъ—въ Берлинѣ, Шарлоттенбургѣ, Шенебергѣ—городскія думы и магистраты приняли постановленія, въ которыхъ, съ точки зрѣнія интересовъ даннаго городского населенія и отъ его имени, указывается, что внесенный правительствомъ законопроектъ нарушаетъ насущнѣйшіе интересы города. Всѣ эти заявленія, вмѣстѣ съ демонстраціями рабочихъ и многочисленными митингами либераловъ и демократовъ, показываютъ съ непререкаемой ясностью, что Бетманъ-Гольвегъ жестоко ошибся, внося свой по истинѣ жалкій планъ „реформъ". Найдетъ ли онъ въ себѣ достаточно государственнаго смысла, чтобы понять свою ошибку, и достаточно мужества, чтобы признать и исправить ее?

Р. Стрѣльцовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1910.

Французскіе парламентаріи въ Россіи.—Балканскія дѣла и австро-русскія комбинаціи.—Болгарскій царь и царскосельскіе тосты. — Греческій кризисъ. — Политическія волненія въ Пруссіи.—Начало парламентской сессіи въ Англіи.

Въ международныхъ отношеніяхъ намъ приходится часто забывать или замалчивать щекотливые вопросы нашей внутренней политической жизни, но не всегда это удается: диссонансъ между показною внѣшностью и печальными домашними дѣлами иногда настолько рѣзко выступаетъ наружу, что скрыть его невозможно. Однако, наглядное проявленіе этого диссонанса приноситъ нерѣдко и свою долю пользы; оно оказываетъ воспитательное дѣйствіе на умы, пріучая ихъ къ мысли о необходимости реальнаго воплощенія тѣхъ нравственно-политическихъ принциповъ, которые пока еще признаются у насъ только въ извѣстныхъ оффиціальныхъ случаяхъ, ради поддержанія кредита въ Европѣ.

Убѣдительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служилъ недавній пріѣздъ въ Россію французской делегаціи междупарламентскаго союза. Представители законодательныхъ учрежденій французской республики отдали визитъ молодому русскому парламенту и этимъ косвенно выразили увѣренность въ существованіи у насъ дѣйствительнаго парламента и дѣйствительной конституціи. Правительство участвовало въ пріемѣ этихъ почетныхъ гостей и поддерживало ихъ оптимистическое мнѣніе о томъ, что у насъ, слава Богу, существуетъ парламентъ и есть конституція. Многимъ казалось, что для нашихъ французскихъ друзей создается какая-то искусственная обстановка мнимаго политическаго благополучія Россіи и что оппозиціоннымъ партіямъ не подобаетъ принимать какое-либо участіе въ созданіи этой иллюзіи. Мы думаемъ, что прибывшіе къ намъ французскіе сенаторы и депутаты были далеко не столь наивны и не такъ плохо освѣдомлены о русскихъ дѣлахъ, какъ предполагали нѣкоторые дѣятели нашей оппозиціи. Французскіе парламентаріи отлично понимали положеніе нашего правительства и намѣренно подчеркивали то значеніе, какое они придаютъ установленному у насъ конституціонному режиму. Они явились къ намъ въ тройномъ качествѣ—представителей союзной Франціи, проповѣдниковъ

международнаго мира и „коллегъ“ нашихъ русскихъ парламентаріевъ, членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Какъ друзья и союзники, они могли разсчитывать на сочувствіе всѣхъ слоевъ русскаго общества; какъ горячіе сторонники международнаго арбитража, они должны были пользоваться симпатіями всѣхъ просвѣщенныхъ людей; какъ коллеги и гости русскихъ парламентаріевъ, они могли надѣяться на единодушныя симпатіи всѣхъ приверженцевъ идеи народнаго представительства. Если значительная часть оппозиціи воздержалась отъ участія въ публичномъ чествованіи французскихъ делегатовъ междупарламентскаго союза, то мотивы этого воздержанія были для нихъ достаточно ясны и не давали повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ. Французы имѣли нѣкоторую возможность присмотрѣться къ нашимъ внутреннимъ отношеніямъ и обстоятельствамъ; они знали о существующемъ у насъ недовольствѣ и не заблуждались насчетъ его законныхъ причинъ.

Никто не станетъ отрицать, что непосредственное ознакомленіе выдающихся французскихъ дѣятелей съ Россіею и съ русскими порядками въ высшей степени желательно и полезно для обѣихъ сторонъ. Пребываніе у насъ барона Эстурнеля де-Констана съ товарищами не осталось безслѣднымъ и въ политическомъ отношеніи; оно не только заставило наши оффиціальныя сферы хоть на короткое время облечься въ конституціонный костюмъ, но и способствовало выясненію истинныхъ чувствъ вліятельныхъ реакціонныхъ элементовъ относительно Франціи. Открытое выступленіе крайнихъ правыхъ противъ французскаго союза представляетъ фактъ любопытный и характерный для настоящаго момента. До сихъ поръ наши монархическія и черносотенныя организаціи, при всѣхъ ихъ антипатіяхъ къ французской республикѣ, признавали внѣшній союзъ съ Франціею или, вѣрнѣе, мирились съ этимъ союзомъ изъ уваженія къ завѣтамъ императора Александра III; теперь онѣ настолько почувствовали свою силу, что смѣло рѣшаются возставать противъ основъ внѣшней политики правительства. Крайніе правые и прежде относились отрицательно къ франко-русскому союзу и высказывались за возстановленіе традиціонныхъ связей съ Германіею; но въ виду пріѣзда французскихъ „масоновъ“ они грубо и рѣзко формулировали свои требованія, совершенно расходящіяся съ оффиціальною дипломатіею правительства. Французскіе друзья и союзники знаютъ теперь, чего имъ ожидать отъ нашихъ реакціонеровъ-обскурантовъ; этого не могутъ игнорировать и тѣ правительственные дѣятели, которые считаются солидарными съ реакціею или сочувствуютъ ей. Такъ какъ отказъ отъ франко-русскаго союза немыслимъ для Россіи не только по политическимъ, но и по финансовымъ причинамъ, то международная программа „черносотенцевъ“

не имѣетъ пока серьезныхъ шансовъ успѣха. Эти мнимые патріоты предлагаютъ строить внѣшнюю политику Россіи, какъ и внутреннюю, не на жизненныхъ интересахъ государства, а на чувствахъ и предразсудкахъ невѣжественной группы. Правительство, конечно, дорожитъ богатымъ денежнымъ рынкомъ Франціи; министръ финансовъ пытался даже произвести впечатлѣніе на французовъ, показавъ имъ накопленные запасы золота въ подвалахъ государственнаго банка, — но этотъ эпизодъ не принадлежитъ къ числу удачныхъ, ибо металлическій фондъ, добытый главнымъ образомъ заграничными займами, напоминалъ скорѣе о чужихъ богатствахъ, чѣмъ о нашихъ собственныхъ. Глава французской делегаціи справедливо замѣтилъ по этому случаю, что богатство страны заключается не въ собранномъ золотѣ, а въ производительномъ трудѣ и самодѣятельности населенія. Какъ бы то ни было, съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, французскій парламентскій визитъ долженъ считаться событіемъ несомнѣнно благопріятнымъ для политическихъ интересовъ прогрессивной части русскаго общества.

Въ области международной политики большое значеніе придавалось въ послѣднее время вопросамъ и задачамъ, касающимся Балканскаго полуострова. Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Эренталь, ѣздилъ въ Берлинъ и велъ какіе-то секретные переговоры съ германскимъ канцлеромъ и съ его дипломатическими сотрудниками. Оффиціозная печать сообщала, что обѣ союзныя державы наиболѣе озабочены сохраненіемъ status quo и упроченіемъ внутренняго мира и развитія Оттоманской имперіи. Извѣстно, что вѣнскій кабинетъ всегда хлопочетъ о status quo на ближнемъ Востокѣ и что результатомъ этихъ заботъ было пріобрѣтеніе двухъ турецко-славянскихъ провинцій. Принципъ сохраненія установившагося порядка вещей на Балканахъ означаетъ пассивную неподвижность и миролюбіе всѣхъ державъ, кромѣ Австро-Венгріи. Въ духѣ той же своеобразной системы status quo предвидятся и дальнѣйшіе успѣхи австрійской политики, при чемъ непремѣннымъ условіемъ считается молчаливое спокойствіе и терпѣніе такъ называемыхъ балканскихъ государствъ. Было время, когда для этого требовалось также согласіе и дипломатическое содѣйствіе Россіи; но со времени аннексіи графъ Эренталь дѣлаетъ видъ, что въ участіи русской дипломатіи онъ вовсе не нуждается; ему достаточно имѣть увѣренность въ неизмѣнной и твердой поддержкѣ Берлина. Въ отношеніяхъ между Австро-Венгріею и Россіею настало естественное охлажденіе, доходившее до натянутости — что гарантировало насъ, по крайней мѣрѣ, отъ дальнѣйшей активной роли въ австрійскихъ планахъ и пріобрѣтеніяхъ.

Трудно было вообще понять побужденія, заставлявшія нашу дипломатію въ теченіе многихъ лѣтъ служить усерднымъ орудіемъ австрійской политики на ближнемъ Востокѣ. Для чего понадобились намъ тѣ соглашенія и программы, въ которыхъ мы заранѣе брали на себя неподходящія функціи простыхъ исполнительныхъ органовъ вѣнскаго кабинета? Не лучше ли было отказаться отъ всякой дипломатической дѣятельности на Балканахъ, чѣмъ покорно слѣдовать австрійскому руководству подъ обманчивымъ флагомъ status quo? Непріятный и оскорбительный для насъ способъ разрѣшенія боснійскаго вопроса — какъ можно было думать — послужилъ для насъ хорошимъ урокомъ, вся сила котораго чувствовалась непосредственно ближайшими и отвѣтственными руководителями нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Прошло, однако, нѣкоторое время—и опять возникли толки о попыткахъ желательнаго, будто бы, австро-русскаго компромисса на почвѣ балканскихъ дѣлъ. Въ Берлинѣ опять завязывается узелъ новыхъ политическихъ комбинацій, въ которыхъ намъ услужливо отводится роль австрійскихъ сотрудниковъ, — и удивительнѣе всего, что русская дипломатія обнаруживаетъ, повидимому, готовность вновь занять свое обычное мѣсто въ предлагаемой ей комбинаціи. Если для чего-нибудь нуженъ новый австрійскій компромиссъ на Балканахъ, то только для дальнѣйшаго совмѣстнаго „обузданія“ національно-политическихъ стремленій Сербіи, Болгаріи и Греціи. Зачѣмъ же намъ участвовать въ какихъ-то неопредѣленныхъ враждебныхъ мѣропріятіяхъ противъ небольшихъ балканскихъ государствъ, для пользы и блага Австро-Венгріи? При современныхъ обстоятельствахъ Россія безусловно должна сохранять свободу дѣйствій — или, вѣрнѣе, бездѣйствія — на ближнемъ Востокѣ. Говорятъ, что графъ Эренталь вовсе и не стремится къ устройству новаго австро-русскаго соглашенія и что, напротивъ, послѣдняго добивается, будто бы, русское министерство иностранныхъ дѣлъ; но этому трудно повѣрить. Надо надѣяться, что никакіе берлинскіе и вѣнскіе соблазны не заставятъ насъ заняться тасканіемъ каштановъ изъ огня для австрійцевъ.

Сохраненіе свободы дѣйствій или бездѣйствія на ближнемъ Востокѣ тѣмъ болѣе важно для Россіи, что въ настоящее время балканскій кризисъ принялъ крайне острый характеръ и грозитъ крупными замѣшательствами въ ближайшемъ будущемъ. Въ связи съ этимъ кризисомъ находится, по всей вѣроятности, визитъ болгарскаго царя Фердинанда съ супругою. Очень можетъ быть, что Болгарія является въ настоящемъ случаѣ замаскированною союзницею Австро-Венгріи, въ виду существующаго антагонизма между болгарами съ одной стороны, сербами и греками—съ другой. По обыкновенію, оффиціальныя рѣчи и заявленія, которыми по этому поводу обмѣнялись представители

обѣихъ сторонъ, не даютъ никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно политики Болгарскаго царства; видно только одно — что послѣднее сближается съ Россіею, послѣ многихъ лѣтъ явнаго или скрытаго разлада. На парадномъ обѣдѣ, данномъ 11-го февраля въ Царскомъ-Селѣ въ честь болгарскаго царя, Государь Императоръ произнесъ слѣдующее:

„Съ особо радостнымъ чувствомъ привѣтствую прибытіе вашихъ царскихъ величествъ послѣ завершенія столь дорогого сердцу Моему и всей Россіи дѣла независимости Болгаріи. Это знаменательное событіе явилось вѣнцомъ великихъ начинаній незабвеннаго Дѣда Моего, призвавшаго къ самостоятельной жизни юное славянское государство.

„Я увѣренъ, что независимая Болгарія, подъ мудрымъ водительствомъ вашего величества, явится новымъ и прочнымъ залогомъ мира, согласія и порядка на Балканахъ и что оба наши правительства будутъ стремиться къ еще болѣе тѣсному скрѣпленію историческихъ узъ братства и единенія, которыми уже много времени связаны наши народы.

„Я поднимаю бокалъ за здоровье вашего царскаго величества, ея величества царицы, моего дорогого крестника князя Бориса и всего вашего дома и пью за благоденствіе и процвѣтаніе Болгаріи".

Царь Фердинандъ I отвѣчалъ на болгарскомъ языкѣ:

„Осуществивъ провозглашеніе независимости Болгаріи, какъ одинъ изъ дорогихъ идеаловъ, завѣщанныхъ болгарскому народу обожаемымъ Царемъ-Освободителемъ, Августѣйшимъ Дѣдомъ Вашего Величества, я, какъ независимый владѣтель независимой Болгаріи, счелъ своимъ пріятнѣйшимъ долгомъ, вмѣстѣ съ ея величествомъ царицей, прежде всего посѣтить резиденцію Вашего Величества и именно здѣсь, отъ моего и отъ имени болгарскаго народа, принести Вашему Величеству сердечнѣйшую благодарность за все то, что братская Россія и ея Государь сдѣлали для признанія независимости Болгаріи.

„Я всегда высоко цѣнилъ культурное и экономическое преуспѣяніе моего народа, чему могли бы содѣйствовать миръ, согласіе и порядокъ на Балканахъ; носителемъ этихъ началъ является болгарскій народъ, столь дорожащій своимъ всестороннимъ развитіемъ.

„Я увѣренъ, что оба наши правительства сдѣлаютъ все возможное для еще болѣе прочнаго скрѣпленія братскихъ славянскихъ узъ, которыми уже тѣсно связаны наши народы.

„Благодаря отъ всей души за блестящій пріемъ, оказанный намъ Вашими Величествами, я поднимаю бокалъ за здоровье Вашего Величества, Ихъ Величествъ Государынь Императрицъ, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича и за благоденствіе и славное будущее великой братской Россіи".

Нынѣшняя Болгарія представляетъ собою, безъ сомнѣнія, сильнѣйшее и наилучше организованное культурное государство Балканскаго полуострова. Достигнувъ политической независимости, она заинтересована теперь прежде всего въ установленіи мирныхъ и равноправныхъ сосѣдскихъ отношеній съ обновленною и достаточно еще могущественною Оттоманскою имперіею. Въ Македоніи она ничего предпринять не можетъ, въ виду энергіи, проявленной тамъ турецкимъ военнымъ вѣдомствомъ; къ честолюбивымъ завоевательнымъ планамъ Сербіи и Греціи она относится враждебно, такъ что принципъ болгарской политики совпадаетъ теперь съ австрійскимъ status quo. Болгарія не имѣетъ повода волноваться, мечтать о какихъ-либо внѣшнихъ предпріятіяхъ или стремиться къ ускоренію совершающихся событій; она можетъ только выиграть отъ терпѣливаго выжиданія, связаннаго съ естественнымъ внутреннимъ ростомъ и культурно-промышленнымъ развитіемъ страны. Время само работаетъ въ пользу Болгаріи и ея будущаго. Настойчивость и упорное трудолюбіе болгарской народности нашли себѣ сознательнаго выразителя въ лицѣ Фердинанда Кобургскаго, отличающагося, повидимому, характерными традиціонными качествами своей фамиліи—твердою выдержкою, терпѣніемъ и послѣдовательностью въ стремленіи къ разъ намѣченнымъ цѣлямъ. Связавъ свою судьбу съ Болгаріею, онъ старался самъ сдѣлаться болгариномъ по духу и языку, и мало-по-малу заслужилъ репутацію истинно-болгарскаго правителя-патріота. Любопытно, что свою рѣчь въ Царскомъ-Селѣ онъ сказалъ не по-русски и не по-французски, а по-болгарски: эта подробность также имѣетъ свое значеніе для характеристики царя Фердинанда. Русская дипломатія должна теперь позаботиться о томъ, чтобы у насъ возстановились и упрочились постоянныя связи съ Болгаріею, помимо австрійскаго посредничества.

Въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ Болгарія, находится Греція. Греческій народъ давно уже пережилъ эпоху своего самостоятельнаго внутренняго роста; онъ пересталъ идти впередъ и развиваться, потому что въ своемъ собственномъ прошломъ находилъ всевозможные образцы величія и славы. Внѣшняя свобода, демократическіе нравы и учрежденія, широкое національное честолюбіе, смѣлые политическіе планы, героическое фантазерство и краснорѣчіе — все это уживается у грековъ съ бездѣятельностью, съ отсутствіемъ выдержки и трудолюбія, съ недостаткомъ творческой энергіи и предпріимчивости. Политическія мечты и надежды ихъ не сообразуются съ реальными условіями современной государственной жизни. Передовые дѣятели Греціи ставятъ себѣ цѣли, далеко выходящія за предѣлы имѣющихся средствъ; они разсчитываютъ на силу нравственнаго

подъема и увлеченія въ такихъ вопросахъ, которые рѣшаются только военнымъ могуществомъ. Не имѣя хорошей и многочисленной арміи, они предполагали побѣдить Турцію, завладѣть Ѳессаліей и Эпиромъ, вытѣснить болгаръ и сербовъ изъ Македоніи, создать новую греческую имперію и водворить свою власть въ Константинополѣ; они ожидали естественнаго распаденія турецкаго государства, на развалинахъ котораго должна, будто бы, неминуемо возродиться великая Греція.

Къ несчастью для грековъ, Турція раздумала умирать и сдѣлала рѣшительную попытку государственнаго обновленія. Новое турецкое правительство, опираясь на выборный парламентъ и на общественное мнѣніе, положило конецъ всякимъ внѣшнимъ посягательствамъ на отдѣльныя части оттоманской территоріи. Для Греціи насталъ періодъ внутреннихъ волненій и замѣшательствъ. Военная офицерская лига устроила революцію по образцу младо-турецкой, но не съумѣла ввести никакихъ плодотворныхъ и крупныхъ реформъ въ странѣ. Руководители лиги обращались къ министрамъ и парламенту съ своими требованіями отъ имени арміи; они устраняли членовъ королевской фамиліи отъ должностей, выставляли своихъ кандидатовъ въ министры, входили въ соглашеніе съ вождями партій и запутали общее политическое положеніе до того, что возбудили противъ себя неудовольствіе въ народѣ и въ нѣкоторой части арміи. Выдвинутый военной лигой кабинетъ Мавромихалиса показался ей неблагонадежнымъ и долженъ былъ выйти въ отставку; власть перешла къ Драгумису, при которомъ военнымъ министромъ назначенъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей лиги, генералъ Зорбасъ. Чтобы удовлетворить общественное мнѣніе, военная лига выразила готовность сойти со сцены, какъ только будетъ созвано національное собраніе для пересмотра конституціи и для разрѣшенія стоящихъ на очереди національныхъ вопросовъ. Предполагалось, что это собраніе займется, между прочимъ, окончательнымъ устройствомъ судьбы Крита, представитель котораго, Венизолосъ, пользуется большимъ вліяніемъ въ Аѳинахъ и особенно усердно агитируетъ въ пользу созыва національнаго собранія. Но Критъ остается оффиціально турецкимъ владѣніемъ, и Порта заранѣе протестовала противъ участія критскихъ делегатовъ въ греческомъ національномъ собраніи. Въ виду турецкихъ угрозъ, для избѣжанія опасныхъ столкновеній, великія державы предупредили населеніе Крита, что къ острову опять явятся иностранные броненосцы при первой попыткѣ отправить критскихъ депутатовъ въ Аѳины. Въ Турціи растетъ раздраженіе противъ Греціи; турецкіе генералы охотно предприняли бы военную расправу, чтобы покончить съ безпокойною маніею величія греческихъ патріотовъ. Европейской дипломатіи, не успѣвшей въ свое время обезпечить участь Крита, приходится теперь ограждать кри-

тянъ и грековъ не только отъ турецкой мстительности, но и отъ ихъ собственныхъ увлеченій. Вопросъ о греческомъ національномъ собраніи сдѣлался предметомъ международныхъ заботъ, такъ какъ съ одной стороны, онъ затрагивалъ отношенія съ Турціею, а съ другой—подвергалъ опасности положеніе королевской династіи въ Греціи. Говорили, что король Георгъ намѣренъ отречься отъ престола; эта перспектива заставила часть арміи высказаться противъ военной лиги, и популярный генералъ Смоленскій сталъ во главѣ охранительнаго движенія, которое легко можетъ привести къ междоусобію.

Слишкомъ сложныя задачи стоятъ теперь предъ правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ Греціи—и справиться съ ними немыслимо безъ экстраординарныхъ мѣръ, въ родѣ созыва національнаго собранія. Только національное собраніе способно съ авторитетомъ разрѣшить вопросы, поднятые диктатурою военной лиги, и установить опредѣленный порядокъ вещей въ Греціи; но для созыва такого собранія требуются, по конституціи, извѣстныя предварительныя условія, соблюденіе которыхъ равносильно отсрочкѣ или затяжкѣ кризиса по меньшей мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Открытіе національнаго собранія едва ли можетъ состояться раньше осени, а до тѣхъ поръ дипломаты четырехъ державъ-покровительницъ должны зорко слѣдить за ходомъ событій въ Греціи и на островѣ Критѣ.

Въ Пруссіи разладъ между правящимъ классомъ и большинствомъ народа все болѣе переходитъ въ открытую, хотя и легальную борьбу. Новый имперскій канцлеръ и прусскій министръ-президентъ, Теобальдъ фонъ-Бетманъ-Голльвегъ, оказался послѣдовательнымъ и прямолинейнымъ доктринеромъ существующаго сословнаго режима, выразителемъ старыхъ притязаній землевладѣльческаго юнкерства и высшей буржуазіи на исключительное господство въ государствѣ. Своимъ проектомъ новаго избирательнаго закона, внесеннымъ въ прусскую палату депутатовъ, онъ вызвалъ бурю негодованія во всей прогрессивной части нѣмецкаго общества и особенно въ массѣ трудящагося населенія. Можно было предвидѣть, что избирательная реформа, подготовляемая прусскою бюрократіею, не удовлетворитъ даже умѣренныхъ либераловъ; но никто не ожидалъ, что правительство рѣшится, подъ предлогомъ реформы, выступить съ откровеннымъ подтвержденіемъ и восхваленіемъ системы, давно и безповоротно осужденной лучшими представителями общественнаго мнѣнія. Къ законопроекту, внесенному правительствомъ [1]), нѣмецкая публика, отъ

---

[1]) Содержаніе этого законопроекта изложено въ письмѣ нашего берлинскаго корреспондента (см. выше).

умѣренно-либеральной до соціально-демократической, отнеслась въ высшей степени враждебно, усматривая въ немъ не только внутреннее идейное ничтожество, но и насмѣшку надъ здравымъ смысломъ, прямое оскорбленіе народнаго чувства и безцеремонный вызовъ общественному мнѣнію. Предлагать старую трехклассную избирательную систему для выборовъ въ прусскій парламентъ, когда въ той же Пруссіи дѣйствуетъ всеобщее избирательное право при выборахъ въ имперскій сеймъ, значитъ обнаруживать узость мысли, недостатокъ широкаго государственнаго пониманія современной дѣйствительности и самодовольное бюрократическое доктринерство, — свойства, которыми въ такой мѣрѣ не обладалъ ни одинъ изъ предмѣстниковъ фонъ-Бетманъ-Голльвега. Князь Бюловъ былъ тоже убѣжденный консерваторъ и признавалъ себя солидарнымъ съ аграріями; онъ также высказывался противъ примѣненія имперской избирательной системы къ прусскимъ парламентскимъ выборамъ, но онъ отлично понималъ невозможность реформировать прусскій избирательный законъ съ сохраненіемъ его существенныхъ основъ, и потому до конца своего канцлерства старательно воздерживался отъ возбужденія вопроса, казавшагося ему неразрѣшимымъ при данныхъ условіямъ. Бюловъ чувствовалъ, что нельзя выступать съ проектами, противорѣчащими общему духу и направленію націи; у него было всетаки чутье практическаго дѣятеля, подсказывавшее ему, до какихъ границъ можетъ безнаказанно доходить противодѣйствіе демократическимъ стремленіямъ. Нынѣшнему канцлеру, очевидно, чужды обычныя соображенія цѣлесообразности; онъ говоритъ и излагаетъ то, что ему представляется разумнымъ, и хочетъ увѣрить большинство, что оно должно по справедливости подчиняться меньшинству. По мнѣнію фонъ-Бетманъ-Голльвега, богатые и зажиточные классы, крупные землевладѣльцы и капиталисты, составляютъ именно ту отборную часть націи, которой по праву принадлежитъ господство; всякое расширеніе и уравненіе правъ понижаетъ, будто бы, общій уровень умственной и культурной жизни; поэтому система неравенства и взаимной зависимости есть благо, а не зло. Развивать подобныя идеи въ такой странѣ, какъ Германія, при нынѣшнемъ могучемъ ростѣ сознательнаго соціалдемократическаго движенія, было бы довольно смѣло, да и безнадежно, со стороны частнаго лица, писателя или теоретика; но въ устахъ руководящаго министра взгляды и разсужденія такого рода производятъ крайне странное впечатлѣніе. Государственный дѣятель имѣетъ дѣло съ цѣлымъ народомъ, а не только съ богатыми и привилегированными, и долженъ заботиться объ интересахъ цѣлаго, а не только о привилегіяхъ своего класса или сословія. Впечатлѣніе неудачной теоріи ухудшается еще тѣмъ,

что она поддерживается скучными и тягучими резонерскими аргументами, безъ всякаго блеска и остроумія, безъ тѣхъ красивыхъ и эффектныхъ фразъ, которыми привлекалъ слушателей князь Бюловъ. Новый канцлеръ не привлекаетъ своихъ слушателей, а иногда, напротивъ, наводитъ на нихъ уныніе. Въ засѣданіи прусской палаты депутатовъ 10-го февраля (нов. ст.), когда министръ-президентъ поднялся для произнесенія своей вступительной рѣчи въ защиту законопроекта, онъ былъ встрѣченъ такими шумными возгласами протеста, что долго не могъ говорить; предсѣдательствовавшій вынужденъ былъ дважды просить оппозицію успокоиться, чтобы не нарушать свободы слова въ парламентѣ. Правда, шумѣвшихъ было немного,—всего шесть соціалдемократовъ, но потомъ къ нимъ примкнули свободомыслящіе, и по мѣрѣ продолженія рѣчи всѣ оппозиціонныя группы невольно объединялись, проникаясь однимъ и тѣмъ же чувствомъ раздраженія и протеста.

Не мѣшаетъ сопоставить съ внушительнымъ, мирнымъ народнымъ движеніемъ въ пользу права и справедливости тѣ узко-сословныя демонстраціи, которыя періодически устраиваются союзниками и единомышленниками нынѣшняго канцлера, привилегированными и отборными аграріями. На съѣздѣ „союза сельскихъ хозяевъ", 22 февраля, предсѣдатель его фонъ-Резике, говоря о записи ораторовъ, упомянулъ между прочимъ имя „камергера фонъ-Ольденбургъ-Янишау". Послѣдовала бурная, продолжительная овація; „присутствовавшіе—какъ сказано въ отчетѣ „Berliner Tageblatt"—поднялись съ своихъ мѣстъ и непрерывно повторяютъ возгласы въ честь барона фонъ-Ольденбурга; поднялись также члены президіума и привѣтствуютъ Ольденбурга". Предсѣдатель объяснилъ, что очередь еще не дошла до барона Ольденбурга, что раньше будутъ говорить „нѣкоторые болѣе мелкіе землевладѣльцы", и что поэтому можно пока успокоиться. Когда, наконецъ, выступилъ впередъ баронъ Ольденбургъ, онъ удостоился опять безконечныхъ привѣтственныхъ кликовъ и возгласовъ; шумныя оваціи возобновлялись нѣсколько разъ прежде чѣмъ ему дано было начать свою рѣчь, и то же самое повторилось по окончаніи его рѣчи. Чѣмъ вызывался этотъ необыкновенный восторгъ культурныхъ сельскихъ хозяевъ по отношенію къ личности барона Ольденбурга? Великая заслуга этого барона, въ глазахъ аграріевъ, заключалась единственно въ его знаменитой фразѣ, сказанной въ имперскомъ сеймѣ, о правѣ императора „приказать любому лейтенанту взять десять солдатъ и закрыть рейхстагъ". Выходитъ, какъ будто, что баронъ Ольденбургъ совершилъ великій подвигъ своимъ публичнымъ провозглашеніемъ беззаконія, какъ высшаго принципа монархизма—а между тѣмъ тѣ же аграріи очень строго разсуждаютъ о правѣ и законности,

когда рѣчь идетъ о словахъ и дѣйствіяхъ представителей демократіи. Таковъ высокій нравственный уровень корпораціи, къ которой канцлеръ фонъ-Бетманъ-Голльвегъ торжественно причислилъ себя нѣсколькими днями раньше, 16 февраля, въ небольшой рѣчи, произнесенной на банкетѣ германскаго сельскохозяйственнаго совѣта. Окончательный исходъ борьбы за реформу избирательнаго права въ Пруссіи не можетъ представлять никакихъ сомнѣній уже потому, что умственное и нравственное превосходство находится безусловно на сторонѣ народныхъ массъ, ихъ представителей и защитниковъ, а противники ихъ обнаруживаютъ поразительную скудость мысли и чувства.

Засѣданія новой палаты общинъ—„третьяго парламента короля Эдуарда"—открылись 21 февраля при обычной торжественной обстановкѣ. Тронная рѣчь, прочитанная королемъ, только въ немногихъ словахъ отмѣчала сущность важнаго конституціоннаго спора, для разрѣшенія котораго былъ созванъ новый парламентъ. „Недавній опытъ—сказано въ концѣ этой рѣчи—раскрылъ серьезныя затрудненія, вызванныя повторяющимися несогласіями въ установившихся мнѣніяхъ между двумя отраслями законодательной власти. Вамъ будутъ представлены, въ возможно скоромъ времени, предложенія, съ цѣлью опредѣлить отношенія между обѣими палатами парламента, чтобы обезпечить безраздѣльное господство палаты общинъ надъ финансами и преобладаніе ея въ законодательствѣ. Эти мѣры, по мнѣнію моихъ совѣтниковъ, должны быть направлены къ тому, чтобы эта палата (лордовъ) по своему устройству и полномочіямъ способна была безпристрастно исполнять, по отношенію къ предлагаемымъ законопроектамъ, функціи почина, пересмотра и отсрочки подъ условіемъ надлежащихъ гарантій".

Вопросъ о конституціонной реформѣ поставленъ здѣсь достаточно широко—въ томъ именно видѣ, какъ предполагалъ премьеръ Асквитъ передъ выборами. Дѣло идетъ о признаніи исключительнаго авторитета нижней палаты по вопросамъ финансовымъ, съ полнымъ устраненіемъ права отказа и отсрочки со стороны палаты лордовъ, и съ ограниченіемъ этого права относительно всѣхъ другихъ предметовъ законодательства. Такъ какъ принципы этой крупной реформы одобряются всѣми элементами правительственнаго большинства, то на этотъ разъ планъ либеральной партіи по всей вѣроятности осуществится, и палата наслѣдственныхъ законодателей перестанетъ быть тою полновластною, равноправною частью парламента, какою она была въ теченіе столѣтій.

Въ тронной рѣчи упоминаются также двѣ реформы, проведенныя

уже либеральнымъ министерствомъ—установленіе южно-африканскаго союза, первый парламентъ котораго соберется въ этомъ году, и расширеніе функцій законодательныхъ совѣтовъ въ Индіи, съ увеличеніемъ числа ихъ членовъ. Для оффиціальнаго открытія, отъ имени короля, первой сессіи новаго парламента южной Африки отправится туда принцъ Уэльскій. Британскимъ правителемъ новаго союза назначается бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, сынъ знаменитаго Гладстона, возведенный по этому случаю въ званіе лорда. Что касается Индіи, то въ отвѣтъ на революціонное броженіе среди туземцевъ правительство принимаетъ, рядомъ съ неизбѣжными репрессивными мѣрами, и преобразовательныя, положительныя мѣры, съ цѣлью удовлетворить справедливыя желанія и требованія мѣстнаго населенія. Эта всегдашняя успокоительно-реформаторская политика относительно подвластныхъ инородцевъ свойственна одинаково всѣмъ англійскимъ партіямъ, какъ либеральнымъ, такъ и консервативнымъ.

НАША ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

За послѣдніе два года на нашемъ книжномъ рынкѣ наблюдается необыкновенное обиліе переводной литературы. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что сейчасъ на одну новую оригинальную книгу приходится у насъ, по крайней мѣрѣ, десять переводныхъ, а изъ двадцати прочитываемыхъ русскимъ читателемъ романовъ девятнадцать—обязательно иностраннаго происхожденія. И уже не отдѣльная выдающаяся или нашумѣвшая книга переводится теперь, а цѣликомъ весь писатель: началась эпоха перевода полныхъ собраній сочиненій. Появились издательства, существующія и процвѣтающія исключительно на счетъ переводовъ. Критики, за усерднымъ обсужденіемъ переводныхъ новинокъ, забываютъ иногда о существованіи собственной литературы.

Въ указанныхъ явленіяхъ ничего печальнаго и опаснаго не заключается. Вѣдь нельзя же предположить неизбѣжность обратно пропорціональнаго отношенія между количествомъ появляющихся переводныхъ книгъ и нашимъ собственнымъ художественнымъ производствомъ? Вѣдь не оттого же такъ бѣдны мы художественнымъ творчествомъ, что слишкомъ много читаемъ иностранцевъ? И обратное заключеніе было бы не вполнѣ вѣрно: не одно только оскудѣніе собственной литературы заставляетъ насъ хвататься за иностранцевъ, усиленно

переводя и издавая ихъ. Имѣютъ здѣсь свое мѣсто и нѣкоторыя посторонния причины, какъ напр. вѣроятное включеніе Россіи въ международную литературную конвенцію. Что же касается до вліянія, которое можетъ имѣть широкое распространеніе у насъ переводной литературы, то надо вѣрить, что оно будетъ благодѣтельно: зрѣлое творчество нашихъ западныхъ сосѣдей — почему бы не могло оно быть драгоцѣнной прививкой, богатымъ удобреніемъ для собственной оскудѣвшей нивы?

Есть здѣсь, однако, и оборотная сторона. Нехорошо, что это принимаетъ отчасти характеръ коммерческаго азарта и спекуляціи. Полныя собранія выходятъ въ свѣтъ слишкомъ быстро. Переводы иногда крайне неудовлетворительны. Нѣкоторыя издательства пробавляются дешевыми и, слѣдовательно, плохими переводами, иногда даже дѣлаемыми не съ подлинника, а съ какого-нибудь болѣе доступнаго языка. Немало плохихъ переводовъ выпустило, напр., московское издательство В. Саблина (напр. Анатоля Франса). Въ томъ же повинно и издательство „Современныя проблемы" (Стриндбергъ, Гейерстамъ). Но переводы Генриха Мана въ томъ же издательствѣ (подъ редакціей прив.-доц. В. Фриче)—сравнительно тщательны и обдуманны. Да и у Саблина встрѣчаются хорошія работы, какъ напр. переводы Сельмы Лагерлёфъ, принадлежащіе г-жѣ Благовѣщенской.

Необходимо указать еще одну отрицательную сторону въ разбираемомъ явленіи. Общеизвѣстно, что въ судьбахъ литературы и отдѣльныхъ писателей немалую и печальную роль играетъ иногда случай. Этотъ-то случай пріобрѣтаетъ особую и совсѣмъ ненормальную силу въ области международной популярности, въ судьбахъ писателя за предѣлами его родной страны. Здѣсь все зависитъ прежде всего отъ переводчика, отъ того, какая книга случайно попалась ему въ руки, отъ его индивидуальныхъ вкусовъ, не регулируемыхъ и не провѣряемыхъ ничѣмъ. Не переведенный писатель не существуетъ внѣ своей отчизны, какъ бы интересенъ и значителенъ онъ ни былъ. Переведенный, онъ уже въ силу этого одного пріобрѣтаетъ иногда незаслуженную распространенность. Случайныя и неожиданныя репутаціи здѣсь нерѣдки. Переводчики создали успѣхъ Ведекинда, Пшибышевскаго, Тетмайера—писателей, въ сущности, мало значительныхъ. Метерлинкъ, напр., куда бо̀льшая величина въ Россіи, чѣмъ во Франціи. Одна нѣмецкая газета замѣтила даже однажды, что по количеству его читателей онъ долженъ собственно числиться русскимъ писателемъ. По даннымъ той же газеты, Гофманcталь является французскимъ драматургомъ, Горькій — нѣмецкимъ публицистомъ, а Толстой за послѣдніе годы—англо-американскимъ философомъ. Конечно, это явленія уже другого порядка, но и они указы-

заютъ на случайность и измѣнчивость писательскихъ репутацій за предѣлами своей страны.

Выводомъ изъ всего этого можетъ быть лишь пожеланіе, чтобы издатели и переводчики были болѣе освѣдомлены въ дѣйствительномъ положеніи иностранной литературы, и къ выбору своему относились съ бо̀льшею осмотрительностью и бо̀льшимъ вкусомъ. Плохой, но переведенный писатель въ извѣстномъ смыслѣ занимаетъ мѣсто непереведеннаго хорошаго. Многія цѣнныя и значительныя произведенія именно въ силу этого остаются намъ до сихъ поръ неизвѣстными.

Переходя къ обсужденію отдѣльныхъ писателей, необходимо прежде всего отмѣтить слѣдующее обстоятельство. Наибольшій процентъ переводимыхъ книгъ приходится у насъ на скандинавскую литературу. Хотя сейчасъ уже замѣтно падаетъ столь сильная у насъ два года тому назадъ мода на сѣверную литературу (выпущенные въ прошломъ году два тома сборника „Фьорды" не имѣли успѣха), тѣмъ не менѣе, въ силу какой-то своеобразной привычки, наибольшее вниманіе продолжаютъ привлекать сѣверяне. Въ періодъ наибольшаго успѣха у насъ сѣверной литературы (первые выпуски „Сѣверныхъ Сборниковъ", „Шиповника") у насъ создалась даже особая идеологія сѣверянъ: утверждалось, что сѣверный писатель—наиболѣе тонкій, изысканный, наиболѣе одухотворенный и человѣчный писатель. Общій любимецъ Гамсунъ помогъ этому мнѣнію утвердиться. Надо полагать, однако, что оно почти столь же неосновательно, какъ и комичное утвержденіе апологета Италіи, Стендаля, заявившаго, что „южанамъ Богъ далъ умъ, сѣверянамъ же... силу". Пытаясь опредѣлить характерныя черты сѣверныхъ писателей, нужно, я думаю, указать на ихъ бо̀льшую безъискусственность, непосредственность и вмѣстѣ съ тѣмъ бо̀льшій раціонализмъ. Паѳосъ и лиризмъ сѣверянъ какъ-то первичнѣе, не столь зависитъ отъ формы, зажигается и зажигаетъ и помимо нея. Сѣверяне — не стилизаторы и не позёры (въ этой роли ихъ даже и представить себѣ трудно). Но они—меньшіе виртуозы формы и страдаютъ нерѣдко скудостью образовъ и красокъ (напр. Стриндбергъ, Гейерстамъ).

Первое мѣсто въ современной сѣверной литературѣ несомнѣнно и неоспоримо принадлежитъ Гамсуну. Это одинъ изъ наиболѣе субъективныхъ прозаиковъ современности. Его главный герой—всегда онъ самъ; этого героя скоро знаешь очень глубоко и тонко, и неизбѣжно начинаешь любить. Гамсунъ — всегда лирикъ; лиризмъ его неотразимъ и чарующе-увлекателенъ. Все, что пишетъ Гамсунъ—природа, люди, происшествія—все это въ извѣстномъ смыслѣ лишь подчиненный матеріалъ для него самого, нужный ему для проявленія себя, своего *я*. А это *я*—очень широко и многозвучно. Оно очень близко

къ природѣ, какъ бы еще не оторвалось отъ нея, отъ какого-то первичнаго блаженнаго всеединства; живя вмѣстѣ съ природой, оно и подчиняется, и повелѣваетъ ей. Въ Гамсунѣ много стихійнаго и дѣйственно-пантеистичнаго. Природа еще говоритъ черезъ него: это ея мощныя пѣсни, ея творческія грезы находимъ мы въ его книгахъ.

Много общаго съ Гамсуномъ въ Сельмѣ Лагерлёфъ. Какъ и онъ, она глубоко субъективна и лирична. И ея повѣствованіе то и дѣло прерывается страстными пѣснями, мелодичными грезами—тѣми характерными отступленіями, что такъ чаруютъ въ „Панѣ" и „Викторіи". Въ самомъ даже ритмѣ Лагерлёфъ есть какъ будто нѣчто общее съ Гамсуномъ. Но Лагерлёфъ болѣе необузданна и болѣе причудлива, чѣмъ Гамсунъ. Ея творчество похоже на дикій, сказочный лѣсъ, непрочищенный, необслѣдованный, манящій и пугающій своими невѣдомыми чародѣйствами и чудесами. Гамсунъ гораздо болѣе культивированъ, въ немъ больше спокойствія и больше гармоничной красоты. У Лагерлёфъ—настоящій магическій ключъ, отмыкающій тайны природы, одухотворяющій и олицетворяющій ее. Это своего рода Бёклинъ. И лѣсная свѣжесть, лѣсные, дикіе запахи вѣютъ на насъ съ ея страницъ.

Нѣсколько примыкаетъ къ тому же типу и Іонасъ Ли. Въ своихъ романахъ онъ рисуетъ суровое сѣверное море, тяжелую жизнь и бытъ рыбаковъ, полный опасностей и тревоги. И онъ съумѣлъ проникнуться сказаніями и сказками родного сѣвера, напитать ими свое творчество. Оно такъ же мощно, угрюмо и раздольно, какъ сѣверное море. Указанныя черты характеристичны, однако, лишь для одной половины творчества Ли. Другую половину, другую излюбленную область его составляетъ интимная, повседневная, мѣщанская жизнь — психологическій романъ современныхъ среднихъ людей. Сюда примыкаетъ, напр., его популярная книга „Бракъ". И въ этой области Ли обнаруживаетъ большое мастерство, рѣдкую зоркость и тонкое проникновеніе въ самое интимное и тайное.

Интересной чертой творчества Ли является его внѣшняя манера, его техника. Ее можно охарактеризовать какъ импрессіонизмъ. Романы Ли—не пересказъ, не повѣствованіе о чемъ-нибудь уже совершившемся, внѣшнемъ, передаваемомъ лишь кѣмъ-нибудь изъ героевъ (какъ это часто дѣлается у Мопассана, Барбэ д'Орвильи и др.): здѣсь все непосредственно совершается, впервые переживается кѣмъ-либо изъ героевъ—и вотъ эти-то переживанія, наростающія впечатлѣнія и ощущенія и составляютъ матеріалъ романа. Какъ послѣдовательный импрессіонистъ, Ли не описываетъ внѣшнюю видимость совершающагося, но старается передать самое впечатлѣніе и ощущеніе. Это дѣлаетъ его стиль нервнымъ, отрывистымъ, глубоко субъ-

ективнымъ. Подобную манеру почти до абсурда довелъ Пшибышевскій. По мнѣнію біографа Іонаса Ли — Германа Банга,— одна изъ главныхъ заслугъ скандинавскаго романиста — именно въ томъ, что изъ описательнаго онъ сдѣлалъ сѣверный романъ импрессіонистскимъ.

Продолжателемъ І. Ли въ этомъ направленіи несомнѣнно является самъ Германъ Бангъ. Онъ тоже импрессіонистъ; но онъ гораздо менѣе стихіенъ, сказоченъ и непосредственъ. У него больше утонченности, лоска и дѣланности. Онъ больше французъ, чѣмъ сѣверянинъ. Не даромъ дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ его романовъ разыгрывается во Франціи. Вообще это типично-современный писатель, съ характерными разладами современной души, съ обычными теперь трагическими проблемами. Въ этомъ отношеніи интересенъ его романъ „Михаэль". Сущность его—противопоставленіе художника-подвижника, все отдающаго искусству, цѣльному и непосредственному человѣку жизни. Когда послѣдній, изъ-за охватившей его страсти, поступаетъ неблагодарно и неблагородно по отношенію къ своему благодѣтелю и лучшему другу, тотъ, умирая, все же благословляетъ его, говоря: „Я могу умереть спокойно, я видѣлъ великую страсть". Но Бангъ берется и за большія колоритныя полотна, каковы, напр., его романы „Бѣлый домъ" и „Тине", гдѣ въ большомъ масштабѣ описаны ужасы войны, растерянность и гибель обезумѣвшихъ людей. Тутъ же и трагическая концепція любви, какъ рокового бича, подгоняющаго людей къ внѣшней и навязанной имъ цѣли—продолженію рода. И въ этой области Бангъ проявляетъ значительное искусство. Возможно, что этому писателю предстоитъ еще большое развитіе.

Менѣе крупную цѣнность представляютъ Стриндбергъ и Густавъ афъ Гейерстамъ. Въ нихъ есть кое-что общее. Во-первыхъ, оба они лишь въ малой степени художники. Когда ихъ читаешь, кажется, что они ни разу не взглянули на свое писательское дѣло именно какъ на искусство, какъ на строгое и требовательное мастерство. Вопросъ формы для нихъ, повидимому, вопросъ второстепенный. Оба пишутъ растянуто, прозаично и часто утомительно.

Стриндбергъ—большой человѣкъ и слабый художникъ. Несомнѣнно много привлекательнаго въ образѣ этого озлобленнаго Фауста, ничѣмъ неутолимаго, навсегда непримиреннаго, сжигаемаго жаждой знанія и откровеній. Это одинъ изъ самыхъ живыхъ умовъ современности. Что-то привлекательное есть даже въ самомъ его непостоянствѣ, въ его метаніяхъ отъ позитивизма и научности къ мистикѣ и спиритизму, отъ религіи къ публицистикѣ, отъ химіи къ Сведенборгу и отъ Саръ-Пеладана къ Зола̀. По мнѣнію спеціалистовъ, научныя работы Стриндберга по химіи и другимъ отраслямъ естествознанія заключаютъ въ себѣ немало цѣннаго. Это, однако, не мѣшаетъ его

художественнымъ произведеніямъ быть очень слабыми. Отсутствіе художественнаго вкуса, эстетическаго такта и знанія мѣры, равнодушіе къ стилю—характеристичны для Стриндберга. Его маніи, преслѣдующія его навязчивыя идеи, къ которымъ онъ не умѣетъ отнестись хотя бы съ самой поверхностной критикой, не будучи, притомъ, настоящимъ образомъ претворены въ искусство, остаются просто страннымъ и непріятнымъ бредомъ. Разнузданность воображенія и развинченность всѣхъ чувствъ отличаетъ почти всѣ произведенія Стриндберга. Такія книги, какъ „Исповѣдь глупца" и особенно „Адъ"—сплошной бредъ, подлинная исповѣдь маніака. Что же касается до проповѣдуемыхъ Стриндбергомъ воззрѣній, до его парадоксальныхъ нападокъ на женщину и т. п., то все это выходитъ у него какъ-то слишкомъ лично, слишкомъ озлобленно, походитъ на личную месть. Уже въ силу этого всѣ его филиппики не возбуждаютъ довѣрія. Это совсѣмъ не то что безпощадный и глубокій анализъ несчастнаго Вейнингера. Лучшая книга Стриндберга—романъ „На шхерахъ", гдѣ въ лицѣ главнаго героя, Борга, писателю удалось создать могучій и глубокій образъ человѣка почти геніальнаго. Интересны и нѣкоторыя изъ драмъ Стриндберга.

Гейерстамъ болѣе спокоенъ и менѣе активенъ, чѣмъ Стриндбергъ. Онъ склоненъ къ мечтательности. Кто-то сравнилъ его, на этомъ основаніи, съ Роденбахомъ. Это сравненіе болѣе чѣмъ поверхностно. Роденбахъ—прежде всего изумительный художникъ, съ неисчерпаемой кошницей драгоцѣннѣйшаго творческаго воображенія. Можетъ быть, ни у кого изъ новѣйшихъ художниковъ нельзя найти такого богатства самыхъ изумительныхъ, самыхъ неожиданныхъ, но всегда покоряющихъ и очаровывающихъ образовъ, какъ у Роденбаха. Гейерстамъ же скуденъ и голъ, какъ береза въ ноябрѣ. Онъ разсудоченъ, прозаиченъ и безъискусственъ (въ дурномъ смыслѣ слова) не менѣе Стриндберга. Единственный пунктъ его приближенія къ Роденбаху—это его элегическій тонъ, отношеніе его къ дѣйствительности, которая его давитъ, душитъ и обезличиваетъ. Для этой гнетущей дѣйствительности у него есть тонкое воспріятіе и мучительно-обостренное чутье. И въ этомъ—его сила.

Въ противоположность сѣверянамъ, южная литература у насъ и непопулярна, и мало извѣстна. Объ испанскихъ писателяхъ мы почти не слыхали. Изъ итальянцевъ знаемъ лишь одного Габріэля д'Аннунціо. Несмотря на его относительную популярность, это, однако, для насъ мало интересный и мало понятный писатель. Искусство красивыхъ позъ и величавыхъ поступковъ, искусство показныхъ страстей и экзотической роскоши чуждо нашему духу. Что кроется за этой бутафоріей и въ чемъ сущность Аннунціо?

На это отвѣчаетъ намъ нѣмецкій романистъ Генрихъ Манъ, изобразившій Аннунціо (подъ именемъ знаменитаго итальянскаго поэта Маріо Мальвольто) въ своей повѣсти „Пиппо Спано". Маріо Мальвольто страдаетъ отъ сознанія, что его писательство мѣшаетъ ему жить. Въ минуты самаго пламеннаго восторга онъ не можетъ забыть о своемъ писательскомъ дѣлѣ, всегда остается наблюдателемъ и, слѣдовательно, комедіантомъ. Его мечта—стать непосредственнымъ человѣкомъ жизни, умѣющимъ цѣльно любить и умирать безстрашно. Онъ хочетъ быть рѣшительнымъ и сильнымъ, какъ какіе-нибудь средневѣковые кондотьеры, портретъ одного изъ которыхъ—Пиппо Спано—виситъ надъ его рабочимъ столомъ. Пиппо Спано—его совѣсть. Поэтъ хочетъ учиться у него жизни, хочетъ подражать ему. Но самый рѣшительный опытъ въ этомъ направленіи—романъ съ молодою графиней Кантоджи—кончается пораженіемъ и позоромъ. Когда они должны вмѣстѣ умереть, поэтъ убиваетъ свою возлюбленную и не рѣшается убить себя. И вдобавокъ еще сознаетъ, что и эта любовь была тоже игрою и тоже лишь матеріаломъ для его искусства.

Эта безпощадная по своей психологической глубинѣ драма—ключъ къ творчеству д'Аннунціо. Отъ презрѣнія и отвращенія къ собственной слабости и обыденности создаетъ онъ могучихъ и героическихъ людей, на него непохожихъ. Его искусство—непрестанное убѣганіе отъ самого себя. Его величавые герои—проекція во внѣ всего того, чего недостаетъ самому автору. Д'Аннунціо слабъ и обыденъ: только такіе люди рисуются и позируютъ, а итальянскій поэтъ вотъ уже много лѣтъ усердно позируетъ передъ лицомъ всей Европы.

Изъ указанной основной черты вытекаютъ всѣ остальныя свойства д'Аннунціо, какъ писателя. Его искусство—отрицаніе дѣйствительности, скучной и пошлой современности, убѣганіе отъ нея въ мечту, въ преувеличеніе, въ позу. Поэтому д'Аннунціо часто ходуленъ, всегда напыщенъ, чрезмѣрно разукрашенъ и порою фальшивъ. Но его освобожденная мечта достигаетъ иногда вершинъ чистой красоты, въ счастливыя минуты приближается къ преображенію жизни въ искусство.

Извѣстно—„du gleichst dem Geist, den du begreifst". Г. Манъ, который такъ тонко вскрылъ сущность искусства д'Аннунціо, во многомъ подобенъ ему. Ту же погоню за „героями" находимъ мы и у него, то же превознесеніе сильной личности, ту же страсть къ роскоши, яркимъ краскамъ и пышной красотѣ. Въ этомъ отношеніи особенно характерна его трилогія: „Богини или три романа герцогини Асси". Нѣчто общее между двумя писателями есть даже въ ихъ изысканномъ, великолѣпномъ стилѣ. Нѣсколько отдаляетъ Мана отъ Аннунціо лишь его саркастическій смѣхъ, который нерѣдко гулко

разносится въ пышныхъ замкахъ, воздвигаемыхъ его мечтою. Въ Манѣ вообще больше раздвоенности — или, вѣрнѣе, эту раздвоенность онъ болѣе выставляетъ наружу. Отсюда его большая психологичность, особенно въ позднѣйшихъ вещахъ. Здѣсь уже привходитъ вліяніе Бальзака и Флобера, писателей глубоко имъ изученныхъ. Противоположеніе жизни и искусства, какъ тема, какъ сюжетъ чуждое Аннунціо, въ послѣднихъ вещахъ Мана занимаетъ едва ли не центральное мѣсто. И Манъ мечтаетъ о преображеніи жизни силою искусства, о новомъ роскошномъ ренессансѣ жизни, а рядомъ съ этимъ противопоставляетъ жреческое подвижничество художника сильной и непосредственной жизни. Въ лучшихъ вещахъ проза Мана—чудесная, захватывающая симфонія, гдѣ не только слова и ритмъ самой фразы, но образы, мысли и даже описываемые поступки — все обращается въ музыкальные элементы, дающіе въ своей совокупности властную гармонію.

Другой нѣмецкій писатель, переводимый у насъ сейчасъ — Артуръ Шницлеръ. Шницлера давно уже назвали нѣмецкимъ Мопассаномъ. И нужно признать, что изъ всѣхъ современныхъ писателей роль замѣстителя и продолжателя Мопассана наиболѣе по плечу именно ему. Изумительный психологъ, съ безпощадными, иногда почти хирургическими пріемами (онъ—врачъ по профессіи), Шницлеръ раскрываетъ передъ нами душевный разладъ современныхъ людей и этимъ внутреннимъ путемъ умѣетъ дать исчерпывающую характеристику современности. Нѣкоторые психологическіе вопросы прослѣжены у него съ такой детальной и почти клинической точностью, что соотвѣтствующія произведенія, если бы только они не были при этомъ такъ художественно совершенны, хотѣлось бы отнести именно къ „психологическимъ этюдамъ"—тому роду беллетристики, къ которому близко подходитъ, напр., большая часть романовъ братьевъ Гонкуровъ. Но Шницлеръ—и глубокій мыслитель: объ этомъ свидѣтельствуютъ такія его вещи, какъ „Зеленый попугай", „Покрывало Беатриче", „Послѣднія маски", „Сумрачныя души". Въ этомъ отношеніи Шницлеръ идетъ иногда даже дальше Мопассана; но зато онъ темнѣе и запутаннѣе своего французскаго учителя (напр. въ пьесахъ „Крикъ жизни", „Одинокій путь", „Покрывало Беатриче"). Самое характерное для Шницлера — это концепція жизни, какъ игры, завлекающей, азартной, пьянящей. Однако опасно втянуться въ эту игру: случай неустанно стережетъ свою жертву. А можетъ быть — замаскированная судьба. Какъ и подобаетъ игроку, Шницлеръ—фаталистъ, подверженъ страхамъ и суевѣріямъ: игра такъ часто становится трагичной. Но и среди трагичнаго можетъ звучать смѣхъ, можно быть радостнымъ и опьяненнымъ.

И призывы къ радости, къ смѣлости, къ завоеванію жизни часто слышатся со Шницлеровскихъ страницъ.

Изъ французовъ полнымъ собраніемъ сочиненій выходятъ у насъ сейчасъ Мопассанъ, Анатоль Франсъ и Пьеръ Лоти. Мопассанъ для насъ уже настолько не новинка, что распространяться о немъ было бы излишне. Можно развѣ отмѣтить его изумительную изобрѣтательность въ нахожденіи трагическихъ или комическихъ элементовъ въ самыхъ обыденныхъ вещахъ, его геніальную и никѣмъ до сихъ поръ не превзойденную прозорливость въ этой области. Въ этомъ отношеніи онъ настоящій открыватель новыхъ земель, конквистадоръ, безупречно смѣлый, предпріимчивый и находчивый. Но излюбленная манера Мопассана (въ мелкихъ разсказахъ)—пересказъ со словъ кого-либо изъ героевъ уже совершившагося факта—кажется теперь излишне упрощенной и нѣсколько устарѣлой.

Анатоль Франсъ, быть можетъ, больше всѣхъ страдаетъ отъ некультурныхъ переводовъ. По Саблинскому изданію трудно повѣрить, что это лучшій стилистъ современной Франціи. Перевести Франса—задача нелегкая. Быть-можетъ, ни къ кому иному не требуется подходить съ такимъ благоговѣйнымъ педантизмомъ и строгою любовью, какъ къ этому изящному апологету скептицизма, властному воскресителю разнообразнѣйшихъ эпохъ и тончайшему бытописателю и психологу современности.

Пьеръ Лоти — писатель невысокаго разбора. Онъ объѣздилъ весь міръ, но не сталъ отъ этого глубже. Всѣ его романы—разыгрываются ли они въ турецкомъ гаремѣ или въ японскомъ чайномъ домикѣ, въ Пекинѣ или въ Галилеѣ—отличаются одними и тѣми же характерными для него и довольно непріятными чертами. Всѣ они легковѣсны, пошловаты, проникнуты неустаннымъ самолюбованіемъ и самовлюбленностью автора, и въ лучшемъ случаѣ только занимательны. Какъ наблюдатель чуждыхъ странъ, обычаевъ и культуры—Лоти поверхностенъ и одностороненъ. Сравненіе съ другимъ современнымъ писателемъ-туристомъ—мощнымъ и глубокимъ Редіардомъ Киплингомъ—заставляетъ безповоротно убѣдиться, что творчество Лоти—иногда искусно приготовленный, но все же малоцѣнный и недоброкачественный фальсификатъ.

Остается самая отчужденная отъ насъ въ литературномъ отношеніи страна—Англія. Что знаемъ мы о современной англійской литературѣ? Почти ничего. Даже Мередита до сихъ поръ у насъ не переводятъ. А между тѣмъ, по мнѣнію многихъ, въ Англіи сейчасъ богатый расцвѣтъ литературы. Два единственныхъ англійскихъ писателя, попавшихъ въ захватившую насъ сейчасъ волну полныхъ собраній переводныхъ сочиненій—Уэльсъ и Бернаръ Шоу. Уэльсъ—

слишкомъ специфическій писатель, привлекающій вниманіе, большею частью, не литературными и художественными достоинствами, а фантастично-занимательной фабулой и неистощимостью выдумки. Обсуждать его съ чисто художественной точки зрѣнія было бы, поэтому, несправедливо. Что же касается до Бернара Шоу, то успѣхъ его пьесъ въ англійскомъ обществѣ объясняется чисто мѣстными причинами. Шоу бьетъ англичанъ по ихъ самому чувствительному мѣсту—борется съ ихъ гипертрофированнымъ моральнымъ лицемѣріемъ: немудрено, что они заволновались. Мы же, которымъ Шоу не попадаетъ не только въ глазъ, но даже и въ бровь,—не можемъ не видѣть вполнѣ ясно, что это писатель и неглубокій, и легковѣсный, непріятно-болтливый и склонный къ фарсу. Его искусство можно назвать комедіей нравовъ, несчастныхъ стеченій обстоятельствъ и неблагопріятной судьбы. Нельзя сказать, чтобы это былъ лучшій видъ драмы. Чисто психологическая драма, гдѣ завязка и развязка обусловливаются исключительно внутренними причинами, трагическими антиноміями человѣческаго духа—Бернару Шоу совершенно недоступна.

О самыхъ переводахъ было уже кое-что сказано попутно. Общее заключеніе: они нерѣдко неудовлетворительны. Особенно неудачными вышли нѣкоторые тома Стриндберга, Анатоля Франса, Гейерстама. Сравнительно хорошіе переводы даетъ „Шиповникъ“ (Гамсунъ, д'Аннунціо). Мопассанъ въ „Пантеонѣ“ переводится различными лицами и различно: нѣкоторые переводы далеко неудовлетворительны, отличаясь какой-то поспѣшностью и грубостью формы, но переводчица наибольшаго числа томовъ, г-жа Чеботаревская, справляется съ своей задачей довольно успѣшно. Немало погрѣшностей можно найти и въ переводахъ Іонаса Ли, Германа Банга, Пьера Лоти.

Викторъ Гофманъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1910 г.

I.

— Д. Мережковскій. Больная Россія. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

Въ небольшой книжкѣ, съ зловѣщей виньеткой, изображающей апокалипсическаго Всадника на Конѣ Блѣдномъ, г. Мережковскій собралъ рядъ газетныхъ своихъ статей и замѣтокъ по поводу нѣкоторыхъ литературно-общественныхъ явленій послѣдняго времени. Авторъ сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы его книжка читалась меньше. Все время надо пробираться сквозь настоящій лѣсъ неожиданныхъ, большею частью чисто словесныхъ сближеній разнородныхъ понятій, преодолѣвать капризную игру антитезъ и сравненій, притягиваемыхъ за волосы—и это иногда прямо непріятно раздражаетъ. Вотъ примѣръ словесной игры понятіями. Петръ Великій „на высотѣ уздой желѣзной Россію вздернулъ на дыбы". Авторъ ухватывается за слово „дыбы", сближаетъ его съ словомъ „дыба", вспоминаетъ пытаннаго на дыбѣ Петромъ царевича Алексѣя — и вотъ созданіе Петра, Петербургъ, это уже вѣчная дыба, на которой пытаютъ Россію. То же впечатлѣніе праздной, искусственной игры производитъ статья „Иванычъ и Глѣбъ" (о Глѣбѣ Успенскомъ), вся построенная на мотивѣ бреда Успенскаго, отдѣлявшаго въ себѣ чистое, святое существо Глѣба отъ звѣрскаго Иваныча; все вертится на этой антитезѣ. Читатель не найдетъ въ статьяхъ г. Мережковскаго ни связнаго изложенія міровоззрѣнія самого автора, ни опредѣленія „болѣзни" Россіи. Не считать же такимъ опредѣленіемъ фразъ и образовъ въ родѣ слѣдующихъ: „возвращаясь въ Россію, каждый разъ удивляешься, до чего все заплеванное, точно мухами засиженное, пришибленное, ползучее, безкрылое"... „Весь русскій народъ — не этотъ ли бѣдный мальчикъ, котораго безсмертный Аракчеевъ бьетъ желѣзнымъ аршиномъ по носу?"... „Вся Россія—замерзающій бродяга или собаченка Тунька съ переломленной ногой". Вращаясь въ плоскости мистическаго мышленія, уповая на преображеніе религіи въ освобожденіе и освобожденія въ религію, горячо протестуя во имя

Христа противъ религіи, проникнутой государственностью, авторъ, кажется, и не подозрѣваетъ того, какъ далеко онъ отрывается отъ дѣйствительности. „У меня, должно быть, лихорадка. Не удивляйтесь же, что слова мои будутъ похожи на бредъ"—такъ, нѣсколько фамильярно, начинаются: „Зимнія радуги". И не только эта статья, но и вся книга пронизана мрачными, полубредовыми идеями и настроеніями, апокалипсическими предчувствіями ужасовъ конца. „Глазами смотрѣть будутъ и не увидятъ; ушами будутъ слышать и не услышатъ. Не увидятъ Всадника на блѣдномъ конѣ, не услышатъ трубнаго голоса: Петербургу быть пусту".

Читая такія пророчества, одолѣвая прихотливыя словесныя фіоритуры г. Мережковскаго въ его экскурсахъ въ наше прошлое, настоящее и будущее, иногда недоумѣваешь, и подъ апостольскимъ костюмомъ времени апокалипсическихъ ожиданій мерещится черный фракъ петербургскаго эстета. И всетаки, не смотря на отсутствіе подлинной, къ сердцу идущей простоты, не смотря на несносно колючую форму настроеній г. Мережковскаго, его книга—признакъ времени, мѣстами—яркое отраженіе общихъ всѣмъ и глубоко мучительныхъ переживаній. Подавленному удручающими впечатлѣніями жизни автору кажется иногда, что реакція есть prima materia, первозданное вещество Россіи, что сердце нашихъ сердецъ, мозгъ нашихъ костей—этотъ разлагающій радій, что Россія — *значитъ реакція, реакція — значитъ Россія* (курсивъ г. Мережковскаго), что „послѣдняя сущность Россіи — религіозная воля къ реакціи". Своего предѣла это чувство ужаса передъ всѣмъ, что дѣлаетъ разгулъ реакціи, достигаетъ въ статьяхъ: „Земля во рту" и „Когда воскреснетъ". „Не мертвецъ, возставшій изъ гроба, а погребенный заживо—Россія нынѣшняя! Кричитъ, стучитъ въ крышку гроба — и никто не слышитъ, только могильную землю, горсть за горстью, набрасываютъ, и равняютъ, утаптываютъ. Крестъ поставили. Достоевскій пишетъ на крестѣ: „Смирись, гордый человѣкъ". Л. Толстой: „Непротивленіе злу". Вл. Соловьевъ: „Дѣло не въ этомъ" (т.-е. не въ государственномъ строѣ). Вяч. Ивановъ: „Духомъ Св. воскресаемъ!" Нѣтъ, не Духомъ Св. воскресаю, а Духомъ Звѣринымъ удушаюсь, умираю!—могъ бы отвѣтить погребенный. Кричу, стучу—и никто не слышитъ. Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу кричать, голоса нѣтъ. Земля во рту". — „И еще смѣемъ говорить о „Великой Россіи", о нашемъ „честномъ и добромъ національномъ лицѣ", смѣемъ спрашивать, куда оно дѣвалось, почему его не видно. Къ плахѣ пригнулъ палачъ — вотъ почему не видно". Это кошмарное преображеніе всего, что ложится свинцовой доскою на наше общественное сознаніе, составляетъ лучшую сторону несвязной и отрывочной книги. Она — нестройный вопль истерзанной

груди—но вся она, какъ заключительная ея статья: „Когда воскреснетъ?“ (о смертной казни въ Россіи), даетъ почувствовать: „нѣтъ правыхъ, всѣ виноваты—и я, который пишу, и ты, который читаешь,—всѣ виноваты: кровью куплена жизнь, которой мы живемъ, кровью напитанъ воздухъ, которымъ дышимъ, кровью смоченъ хлѣбъ, который ѣдимъ, съ кровью смѣшана вода, которую пьемъ“.

II.

— „Друкарь“. Литературный сборникъ. Подъ редакціей Н. Д. Телешова. Съ портретами авторовъ. Москва, 1910. Цѣна 1 р. 60 к.

Красиво отпечатанная, съ недурными портретами, книга посвящена памяти русскаго первопечатника Ивана Өедорова, по случаю открытія ему памятника въ Москвѣ (въ книгѣ данъ снимокъ съ памятника). Она издана съ благотворительною цѣлью: весь сборъ поступитъ на устройство въ Москвѣ инвалиднаго дома имени Ивана Өедорова, для тружениковъ печатнаго дѣла. Въ сборникѣ, въ виду его благой цѣли, принялъ участіе цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей современной литературы. На первомъ мѣстѣ даны мысли Л. Н. Толстого „О жизни и смерти“ и факсимиле, при портретѣ, слѣдующихъ его строкъ: „Мы думаемъ о будущемъ, устраиваемъ его, а будущее совсѣмъ не важно, потому что важно одно: дѣлать дѣло жизни, а дѣло жизни въ томъ, чтобы быть въ любви со всѣми. А дѣло это можно дѣлать только сейчасъ и во всякомъ положеніи, а потому совсѣмъ все равно какое будетъ будущее и даже будетъ ли оно. Важно только сейчасъ, въ безвременный моментъ настоящаго дѣлать то, что должно“. Недавно избранный въ почетные академики Н. Н. Златовратскій далъ интересную страничку своихъ воспоминаній: „Свободный станокъ“, какъ разъ подходящую къ цѣли сборника. Это—тепло написанный разсказъ о появленіи въ глухомъ городкѣ перваго печатнаго станка, предназначеннаго для несостоявшейся газеты; въ связи съ толками объ этомъ, автору вспоминается появленіе въ его семьѣ Добролюбова и впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ раннею кончиною великаго критика. Грустнымъ колоритомъ окрашено и „Пережитое“ Е. Н. Чирикова—навѣянныя поѣздкою на волжскомъ пароходѣ воспоминанія о былой юношеской любви. Другой новый академикъ, поэтъ Бунинъ, далъ въ сборникъ нѣсколько стихотвореній и колоритный путевой набросокъ „Іудея“. В. Вересаевъ помѣстилъ критическій этюдъ объ „Аннѣ Карениной“, подъ заглавіемъ: „Мнѣ отмщеніе“. Въ слѣдующихъ словахъ резюмируетъ авторъ свое пониманіе трагедіи Анны Карениной: „Въ бракѣ

съ Каренинымъ Анна была только матерью, а не женою. Природа этого не терпитъ... Анна ушла только въ любовь, стала духовно-бездѣтною любовницею, какъ раньше была только матерью... Этого природа также не можетъ терпѣть. Поруганная, разорванная на двое, она безпощадно убиваетъ душу Анны". Этюду предпосланъ подзаголовокъ: „Изъ книги: Аполлонъ противъ Діониса" (повидимому — Л. Толстой противъ Достоевскаго). Судя по отрывку, вошедшему въ сборникъ, можно ожидать съ интересомъ появленія этой критической работы. „Плачъ Рахили", драматическая сказка г. Н. Крашенинникова, говоритъ о той же трагедіи разорванныхъ чувствъ женской любви и чувства материнства. Тѣмъ же вѣчнымъ противорѣчіямъ брака и любви посвящены беллетристическіе наброски г.г. Нилуса, Скитальца, Б. Зайцева. Съ интересомъ читаются и бытовые очерки С. Семенова, Данилина, Серафимовича, Телешова. Помѣщенъ въ сборникѣ также рядъ стихотвореній Бѣлоусова, Ф. Гаврилова, Никитина, Телешова и коротенькое стихотвореніе „Заря", извѣстнаго пѣвца Ѳ. И. Шаляпина. Сборникъ заканчивается нѣсколькими письмами Ант. Чехова и, въ общемъ, производитъ впечатлѣніе со вкусомъ и любовью подобраннаго матеріала для легкаго чтенія.

III.

— Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество. Съ аутопортретами художника и со многими иллюстраціями къ произведеніямъ Гоголя, Островскаго, Тургенева, Достоевскаго, Лермонтова, Грибоѣдова, Л. Толстого и Печерскаго. Сост. Конст. Кузьминскій. Москва, 1910. Цѣна 1 р. 25 к.

Боклевскій довольно широко извѣстенъ публикѣ, какъ иллюстраторъ „Мертвыхъ Душъ" Гоголя. Его альбомы (гоголевскіе типы) давно являются принадлежностью каждаго культурнаго дома; въ театрахъ ставятъ „Ревизора" по рисункамъ Боклевскаго; изображенія гоголевскихъ героевъ популяризированы промышленностью (на фарфорѣ, на конфектныхъ оберткахъ, въ статуэткахъ кустарей и т. п.). Со всѣмъ богатствомъ иллюстрацій Боклевскаго познакомила публику выставка его произведеній, устроенная въ концѣ прошлаго года Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ. Книга г. Кузьминскаго, организатора этой выставки, въ первый разъ знакомитъ насъ съ жизнью Боклевскаго и исторіею его творчества, которому дана справедливая, высокая оцѣнка. Боклевскій родился въ 1816 г., образованіе получилъ сначала въ московскомъ университетѣ второй половины тридцатыхъ годовъ, и уже въ это время пріобрѣлъ въ тѣсномъ кругу знакомыхъ извѣстность отличнаго рисовальщика и карриатуриста. Степень свободнаго ху-

дожника онъ получилъ только въ 1852-мъ году. Чрезъ своего университетскаго товарища, извѣстнаго критика Аполлона Григорьева, Боклевскій сошелся съ такъ-называемою „молодою редакціею“ „Москвитянина“, поклонявшеюся Гоголю и новоявленному Островскому. „Боклевскій—по словамъ С. Максимова—явился къ Островскому на помощь, какъ *толковникъ* художественныхъ красотъ, во всеоружіи опыта и силы“. Тургеневъ, въ письмѣ отъ 10 февраля 1855-го года, просилъ Островскаго „прислать нѣсколько рисунковъ г. Боклевскаго, произведенія котораго очень бы нужно было вывести на свѣтъ“... Иллюстраціи къ Островскому и затѣмъ къ Гоголю, изданныя во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, упрочили извѣстность Боклевскаго. Отъ художника Рамазанова (въ пятидесятыхъ годахъ) до В. Г. Короленка, знавшаго Боклевскаго, въ восьмидесятыхъ годахъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, цѣлый рядъ художниковъ, писателей и критиковъ восторженно отзывался о работахъ Боклевскаго. „Мертвыя Души“ были любимымъ произведеніемъ Боклевскаго; рисунки къ нимъ онъ изготовлялъ, вдумчиво и внимательно изучая „натуру“, исчезавшую съ пятидесятыхъ годовъ гоголевскую Русь, преображая дѣйствительно видѣнныя фигуры. Много лѣтъ спустя о гоголевскихъ типахъ самъ художникъ говорилъ: „я помню ихъ, я помню совершенно такихъ, я ихъ встрѣчалъ въ то время, въ массѣ, кругомъ. Это не каррикатуры, нѣтъ, это живые люди. Теперь вы ихъ не встрѣтите, и вамъ они кажутся искусственными. Но я ихъ зналъ, я ихъ видѣлъ, я жилъ среди нихъ“. Съ бо̀льшимъ трудомъ давались иллюстратору типы другихъ писателей, но и здѣсь наблюденіе дѣйствительности и любовное изученіе даннаго автора выводили художника на вѣрную дорогу. Такъ напр., Печерскій-Мельниковъ, романъ котораго „Въ лѣсахъ“ иллюстрировалъ Боклевскій, признавалъ его рисунки не только удачно передающими духовный обликъ каждаго героя, но и вѣрными съ этнографической точки зрѣнія: „это типы именно тѣхъ людей, которыхъ я не разъ видѣлъ во время моихъ поѣздокъ по нижегородскому Поволжью; теперь они всѣ, какъ живые, встаютъ предо мною“. Боклевскій скончался въ Москвѣ 10 января 1897-го года. Однимъ изъ его всегдашнихъ огорченій было недовольство прежними способами воспроизведенія рисунковъ, искажавшими оригиналы; поэтому онъ и издавалъ свои иллюстраціи довольно скупо. Многое погибло при разныхъ случайностяхъ и переѣздахъ. Теперь техника далеко ушла впередъ. Успѣхъ выставки Боклевскаго показалъ, что полное собраніе его произведеній могло бы также имѣть хорошій успѣхъ. Какъ слышно, такое изданіе уже задумано, и его можно только привѣтствовать, какъ и книгу г. Кузьминскаго; она воскрешаетъ для новыхъ поколѣній русскихъ читателей интересъ къ художнику, тѣсно

связавшему дѣло своей жизни съ крупнѣйшими именами русской литературы.—Ч. В—скій.

IV.

— С. А. Котляревскій. Правовое государство и внѣшняя политика. Москва, 1909.

Вотъ популярная книга, заслуживающая самаго широкаго распространенія. Несомнѣнно интересный вопросъ разбирается просто и доступно; имя автора гарантируетъ доброкачественность матеріала.

Книга посвящена одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ дѣятельности государства — его внѣшне-политической функціи. Вопросъ разбирается динамически, т.-е. изслѣдуется развитіе названной функціи, въ зависимости отъ измѣненій задачъ международной дѣятельности и въ связи съ развитіемъ общаго характера государства, новаго и новѣйшаго времени.

Въ первой части дается очень подробное изложеніе исторіи и догмы правовой нормировки внѣшней дѣятельности всѣхъ важнѣйшихъ государствъ по тремъ основнымъ рубрикамъ: договоры, войны и дипломатическія сношенія. Интересъ сосредоточивается на выясненіи взаимоотношенія народнаго представительства и власти при отправленіи внѣшней дѣятельности. Въ виду этого авторъ сначала настаиваетъ на тѣсной связи между правомъ международнымъ и правомъ государственнымъ, въ томъ смыслѣ, что организація и дѣятельность органовъ, вѣдающихъ внѣшнія отношенія, всецѣло опредѣляется внутренней конституціей государства. Этимъ во всякомъ конституціонномъ государствѣ обезпечивается въ большей или меньшей степени участіе представительства въ международныхъ вопросахъ. Для договоровъ авторъ особенно подчеркиваетъ значеніе ратификаціи, такъ какъ именно въ этотъ моментъ открывается доступъ участію народныхъ элементовъ. Съ другой стороны, по самой природѣ внѣшней функціи, въ области договоровъ на долю исполнительной власти необходимо приходится широкій просторъ. Особенно ярко это наблюдается въ отношеніи войны. Объявленіе войны — моментъ, допускающій прямое участіе представительства—потеряло въ наше время всякое значеніе, да и вообще распоряженіе и управленіе военной силой во всѣхъ государствахъ фактически находится въ рукахъ правительства. Коррективомъ этому служитъ то, что при вооруженныхъ столкновеніяхъ власть болѣе всего нуждается въ довѣріи и сочувствіи націи, прямомъ или косвенномъ. Дипломатическая функція также требуетъ сравнительной независимости исполнительной власти отъ парламента, основанной на строгомъ довѣріи и предполагающей отвѣтственность пра-

вительственныхъ органовъ. Соединить необходимую во внѣшнихъ отправленіяхъ самостоятельность власти и соотвѣтствіе ея дѣйствій интересамъ націи—такова задача, которую различно рѣшаютъ конституціи и практика отдѣльныхъ государствъ. На рѣшеніяхъ этихъ авторъ останавливается слишкомъ подробно. Первая часть, занимая полъ-книги, является для нея тяжелымъ балластомъ. Спеціалистъ едва-ли найдетъ въ ней что-либо новое, а простой читатель врядъ-ли осилитъ всю груду матеріала. Но если онъ все же пройдетъ черезъ эту Сахару, то слѣдующія части вполнѣ вознаградятъ его. Второй отдѣлъ посвященъ характеристикѣ тѣхъ внѣшне-политическихъ задачъ, къ которымъ пришло современное государство. Если абсолютизмъ характеризовался патримоніальнымъ духомъ власти, движимой династическими и территоріальными интересами, что сообщало политикѣ случайный характеръ и хронически приводило къ нарушенію равновѣсія между средствами и затратами націи,—то представительное государство дало существенно иное содержаніе своей международной дѣятельности. Космополитизмъ французской революціи привелъ къ идеѣ національности; правовое государство низвело власть на степень служебнаго органа, выдвинувъ на первое мѣсто интересы личности и общественныхъ классовъ; экономическое развитіе съ необходимостью привело народы на путь міровой политики. Создалась органическая солидарность государствъ, проявившаяся въ развитой международной регламентаціи. Все это заставляетъ такъ организовать внѣшне-политическую функцію, чтобы она безусловно служила народнымъ, національнымъ интересамъ и всеобщему миру. Но, съ другой стороны, выше всего для современнаго государства — потребность самосохраненія. Отсюда постоянная возможность вооруженнаго столкновенія, возможность все болѣе и болѣе умаляемая, но, по убѣжденію автора, вполнѣ неискоренимая, для нашей, по крайней мѣрѣ, эпохи. А это приводитъ къ тому, что наряду съ отвѣтственностью обращенныхъ во-внѣ органовъ государства требуется придать имъ наибольшую мощь, обусловливаемую ихъ самостоятельностью, что стоитъ въ полной гармоніи съ характеромъ общей эволюціи внутри государства. Это доказываетъ третья часть, посвященная новѣйшему парламентаризму, какъ наиболѣе чистому проявленію идеи правового государства. Авторъ очень удачно резюмируетъ все сказанное за послѣднее время по этому поводу, опредѣляя новѣйшій парламентиризмъ какъ демократизацію и концентрацію государственной власти: она все болѣе усиливается, по мѣрѣ все большей связи ея съ народомъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе книги, но оно значительно уже ея задачи. Обращаясь вообще къ построенію разбираемой работы, слѣдуетъ отмѣтить его большую шаткость и неясность. Авторъ стре-

мится выяснить и обосновать идею правового государства на почвѣ осуществленія его внѣшнихъ задачъ. Это выясненіе ему совершенно не удалось. Опредѣленіемъ понятія правового государства занято введеніе къ книгѣ. Правовое государство предполагаетъ извѣстное направленіе, извѣстную тенденцію въ развитіи государствъ. Эта тенденція состоитъ въ увеличеніи связанности государственной власти, въ ростѣ связанныхъ функцій на счетъ свободныхъ. Но, присматриваясь ближе, мы видимъ, что авторъ вкладываетъ въ свое опредѣленіе совсѣмъ различныя понятія. То говорится объ ограниченіи государства правомъ (т.-е. чего-то не-правового — правомъ), то объ ограниченіи государственной власти (т.-е. одного права другимъ), то о связанности исполнительной только власти законодательною, то о зависимости правительства отъ представительства. Ясно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ то *что* связывается, то *чѣмъ* связывается и, наконецъ, самая связанность получаютъ совершенно различное значеніе. Такое понятіе слишкомъ общо: оно позволяетъ автору считать новый парламентаризмъ простымъ развитіемъ конституціоннаго представительнаго государства, тогда какъ эти образованія покоятся на совершенно разныхъ принципахъ. Это понятіе безполезно даже для построенія автора: напримѣръ, онъ классифицируетъ договоръ не по фактической зависимости правительства, а по другому признаку, отчего страннымъ образомъ для основной мысли автора Англія оказывается въ одной рубрикѣ съ Японіей и Россіей, что и побуждаетъ его дать потомъ другую классификацію. Наконецъ, это понятіе идетъ въ разрѣзъ съ основными выводами книги. Согласно предварительной схемѣ, развитіе идетъ въ сторону большей связанности функцій власти, находя себѣ границу во внѣшне-политической сферѣ, гдѣ власть остается наиболѣе свободной; между тѣмъ, изъ изложенія вытекаетъ, что именно внѣшне-политическая дѣятельность все больше и больше связывается международной регламентаціей, а внутри-государственныя функціи стремятся къ максимальному высвобожденію. Слабостью построенія не умаляется цѣнность содержанія, богатаго однако, правильными мыслями и интересными фактами. — Н. Болдыревъ.

V.

— Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ въ 1907 г. — Составлено и разработано фабричнымъ ревизоромъ Е. Н. Дементьевымъ. Спб. 1909 г. Изд. м-ва торг. и пром., отд. пром—сти.

Сводка данныхъ, касающихся врачебной помощи фабрично-заводскимъ рабочимъ, въ первый разъ была издана въ 1899 г. бывшимъ

департаментомъ торговли и мануфактуръ министерства финансовъ. Самыя данныя относились къ 1897 г. Настоящіе матеріалы составляютъ второй выпускъ, слѣдующій за первымъ черезъ десять лѣтъ. Планъ второй анкеты въ общемъ одинаковъ съ планомъ первой; редакція текста и таблицъ принадлежитъ одному и тому же лицу. Отсюда возможность опредѣлить успѣхи, сдѣланные на этомъ пути— успѣхи болѣе чѣмъ скромные. Въ 1897 г. въ вѣдѣніи фабричной инспекціи находилось 19.292 заведенія. Изъ нихъ врачебная помощь доставлялась рабочимъ въ 3.488, что составляетъ 18%. Черезъ десять лѣтъ заведеній было всего 14.247, а организація медицинской помощи имѣлась въ 5.439, или въ 38,2%. Масса мелкихъ заведеній, прежде находившихся въ вѣдѣніи фабричной инспекціи, нынѣ изъ него изъята; въ послѣднее время, фабричной инспекціи стали подчинять заведенія лишь съ двадцатью и болѣе рабочими. Еслибы и теперь принять во вниманіе всѣ тѣ мелкія заведенія, которыя брались въ разсчетъ въ 1897 г., то процентъ заведеній, оказывающихъ врачебную помощь рабочимъ, понизился бы для 1907 г. до 27,6, и относительное увеличеніе такихъ заведеній за 10 лѣтъ выразилось бы не въ 20%, а всего въ 9,6%. Нѣсколько иной выводъ получается, если брать не число заведеній, а общее число рабочихъ, занятыхъ въ нихъ. Въ послѣднее время сильно возросло число заведеній съ большимъ числомъ рабочихъ. Въ 1897 г. на каждое заведеніе въ среднемъ приходилось 75 рабочихъ, въ 1907 г. — 128. Между тѣмъ, врачебная помощь оказывается чаще всего крупными заведеніями; въ мелкихъ она встрѣчается очень рѣдко. Въ 1907 г., напр., въ мелкихъ (менѣе 100 рабочихъ) заведеніяхъ насчитано было 204.017 рабочихъ, и изъ нихъ медицинской помощью могли пользоваться лишь 53.229 (25%); между тѣмъ какъ въ среднихъ и крупныхъ заведеніяхъ медицинской помощью могли пользоваться 84% рабочихъ. По отношенію къ числу рабочихъ, могущихъ пользоваться медицинской помощью, въ истекшее десятилѣтіе обнаружился, слѣдовательно, количественный прогрессъ. Въ *качественномъ* отношеніи картина представляется иная. Преобладающей формой оказанія медицинской помощи является амбулаторная, а не больничная; распространенность послѣдней не только не увеличилась, но относительно даже уменьшилась. Въ 1897 г. больницы были въ 20,4% заведеній, въ 1907 г.—въ 17,7%. Заведенія съ амбулаторіями въ 1897 г. составляли 42% всего числа заведеній, доставляющихъ своимъ рабочимъ какую-либо медицинскую помощь; въ 1907 г. процентъ ихъ поднялся до 53,9. Число фабрикъ, имѣющихъ у себя амбулаторіи съ пріемными при нихъ покоями уменьшилось очень рѣзко — съ 449 до 327 (съ 13 до 6 проц.). Обезпеченіе рабочихъ врачебной помощью путемъ соглашенія съ общественными, благо-

творительными или частными лѣчебными заведеніями не прогрессируетъ вовсе; какъ десять лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь эта форма наблюдается лишь на одной десятой части фабрикъ. Всѣ эти данныя приводятъ автора разбираемаго труда къ выводу, что „большинство владѣльцевъ промышленныхъ заведеній все болѣе и болѣе ограничивается устройствомъ для своихъ рабочихъ простѣйшей формы оказанія имъ врачебной помощи—амбулаторій, и все болѣе и болѣе избѣгаетъ устройства для нихъ даже пріемныхъ покоевъ, а тѣмъ больше больницъ, предпочитая отправлять рабочихъ въ случаяхъ заболѣваній съ утратой трудоспособности, т.-е. требующихъ коечнаго лѣченія, въ общественныя благотворительныя или частныя больницы“. Существующія у насъ съ 1866-го года узаконенія требуютъ отъ владѣльцевъ заведеній обязательнаго устройства больницъ для своихъ рабочихъ по разсчету одной кровати на каждыхъ 100 рабочихъ. Между тѣмъ, у насъ имѣются фабрики съ числомъ рабочихъ отъ 500 до 1.000 и даже свыше 1.000, которыя совершенно не считаются съ этимъ требованіемъ закона. Такъ, изъ подчиненныхъ фабричной инспекціи 728 заведеній, имѣющихъ свыше 500 рабочихъ, больницы существуютъ только при 421 заведеніи, т.-е. менѣе чѣмъ въ $^3/_5$, а 30 заведеній съ такимъ крупнымъ числомъ рабочихъ не даютъ никакой врачебной помощи—даже амбулаторной.

Казалось бы, что въ крупныхъ городахъ устройство правильной врачебной помощи рабочимъ гораздо легче во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что здѣсь можно было бы ожидать полнаго обезпеченія врачебной помощью всѣхъ рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ. Дѣйствительность показываетъ намъ совсѣмъ иное. Во многихъ крупныхъ городахъ положеніе дѣла оказывается гораздо худшимъ, чѣмъ въ уѣздахъ. Только въ Одессѣ число заведеній съ организованной врачебной помощью составляетъ 88%; въ Петербургѣ и Москвѣ такихъ заведеній не больше 43,8%, въ Харьковѣ они составляютъ 43,4%, въ Кіевѣ — 32,3%. Это странное явленіе авторъ объясняетъ тѣмъ, что владѣльцы фабрикъ въ городахъ просто уклоняются отъ обязанности доставлять своимъ рабочимъ врачебную помощь, ссылаясь на наличность въ городахъ многочисленныхъ общественныхъ, городскихъ и благотворительныхъ лѣчебныхъ учрежденій, гдѣ рабочіе могутъ получить эту помощь или совсѣмъ безплатно, или задешево. Что на практикѣ это ведетъ къ страшному хроническому переполненію городскихъ и другихъ больницъ—это въ соображеніе не принимается.

Авторъ неоднократно указываетъ на то, что выполненіе закона 1866 г. непосильно для владѣльцевъ предпріятій, даже крупныхъ, и считаетъ обстоятельство это „настолько яснымъ и понятнымъ, что оно не требуетъ никакихъ поясненій“. Это утвержденіе совершенно

голословно. По приведеннымъ самимъ авторомъ разсчетамъ, стоимость врачебной помощи на фабрикахъ въ собственныхъ или совмѣстно содержимыхъ больницахъ обходилась въ годъ отъ 6 р. 74 к. до 6 р. 98 к., т.-е. меньше 2 к. въ день на рабочаго. Неужели для крупнаго предпріятія немыслимъ расходъ, равный увеличенію заработной платы рабочаго на 2 к. въ день?..—Викт. П.

VI.

— А. Зотовъ. Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи. Спб., 1909 г.

Заглавіе посмертнаго труда безвременно погибшаго автора — о первомъ произведеніи котораго („Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности") своевременно была рѣчь въ нашемъ журналѣ—шире его содержанія. Этотъ трудъ не разсматриваетъ современнаго положенія англійскаго земледѣлія: онъ имѣетъ своей задачей изслѣдованіе того періода въ исторіи англійскаго сельско-хозяйственнаго быта, который наступилъ послѣ рѣзкаго паденія цѣнъ на зерно, начавшагося въ концѣ семидесятыхъ годовъ, а закончился въ началѣ текущаго столѣтія и, характеризуясь многими явленіями упадка, заслужилъ квалификацію критическаго. Это—весьма важный періодъ сельско-хозяйственной исторіи Англіи; съ научной точки зрѣнія онъ имѣетъ особенно широкое значеніе, потому что кризисъ былъ вызванъ міровыми причинами, отразившимися такъ или иначе на всей Европѣ. Вслѣдствіе невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь, естественныя послѣдствія этихъ причинъ выразились въ Англіи наиболѣе ясно. Сельско-хозяйственный кризисъ Англіи является образцомъ того, чего могутъ ожидать старыя культурныя государства отъ свободнаго соперничества своихъ выводковъ на дѣвственно-плодородныхъ, безграничныхъ пространствахъ Новаго Свѣта, и какими средствами они могутъ освободиться отъ угнетающаго вліянія этого соперничества. Такъ поставленный вопросъ подлежитъ, однако, нѣкоторому ограниченію, въ зависимости отъ общихъ и частныхъ причинъ. Старымъ культурнымъ государствамъ угрожаетъ по преимуществу конкуренція не животныхъ, а растительныхъ продуктовъ хозяйства Новаго Свѣта, потому что при экстенсивномъ земледѣліи получается гораздо больше продукта въ формѣ зерна, чѣмъ въ видѣ масла, мяса или сыра. Пережитый Европою сельско-хозяйственный кризисъ былъ, поэтому, кризисомъ зерноваго хозяйства, а путь выхода изъ угнетеннаго состоянія заключался въ преобразованіи его въ животноводческое.

Покойный авторъ остановился въ своемъ изслѣдованіи, однако, не столько на агрикультурной, сколько на экономической и финансовой сторонѣ англійскаго сельско-хозяйственнаго кризиса, и такъ какъ англійское хозяйство есть хозяйство арендаторское, то фермеръ-арендаторъ является главнымъ героемъ этого изслѣдованія. Пользуясь обширными матеріалами, собранными королевской коммиссіей въ 1893—95 г.г., авторъ показываетъ намъ, какъ падали доходы и поглощались безвозвратно расходы сельскихъ хозяевъ преимущественно въ пахатныхъ графствахъ Соединеннаго Королевства; какъ эти явленія первоначально приписывались неблагопріятнымъ метеорологическимъ вліяніямъ, а когда выяснилась истинная ихъ природа—землевладѣльцы, потерпѣвъ убытки отъ собственнаго хозяйствованія на оставляемыхъ арендаторами фермахъ, должны были согласиться на пониженіе ренты въ размѣрѣ (среднемъ) отъ 15 до 50%, смотря по сельско-хозяйственному характеру графства; какъ тяжело это запозданіе пониженія ренты отразилось на фермерахъ и многихъ землевладѣльцахъ, потерявшихъ, вслѣдствіе своего упрямства, старыхъ арендаторовъ—опытныхъ и надежныхъ хозяевъ; какъ, не смотря на пониженіе ренты, чистая прибыль фермеровъ съ 5% на затраченный капиталъ упала до $2^1/_2$%, не достигнувъ обычнаго процента на капиталъ; какъ, поэтому, фермеры продолжали покидать земли, сокращать сельско-хозяйственные расходы и посѣвы, и какъ, въ результатѣ, явилось уменьшеніе фермерскаго капитала на 100 мил. ф. ст. или на 22%, сокращеніе площади посѣва зерна—на $2^1/_4$ мил. акровъ или на 20%, числа наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ — на 360 тыс. или на 36%, уменьшеніе валовой доходности полеводства на 43 мил. фунт. или на 50%, валовой доходности животноводства — на 34 мил. фунт. или на 23%, а доходности всего сельскаго хозяйства Соединеннаго Королевства — на 80 мил. руб., или на 32%! На землевладѣльцахъ значительной части страны депрессія отразилась уничтоженіемъ ренты въ экономическомъ смыслѣ этого слова и пониженіемъ ихъ чистаго дохода (за вычетомъ налоговъ и расходовъ по имѣнію) до уровня обычнаго рыночнаго процента на затраченный на оборудованіе имѣнія капиталъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства сельско-хозяйственный кризисъ выдержали только землевладѣльцы, имѣвшіе побочные источники дохода. Многіе изъ нихъ не могли предупредить принудительной продажи своей земли по цѣнамъ, упавшимъ еще болѣе, чѣмъ понизилась рента.

Въ книгѣ Зотова разсматривается много и другихъ интересныхъ предметовъ, напр. измѣненіе скотоводства, положеніе въ сельскомъ хозяйствѣ труда, жизнеспособность крупныхъ и мелкихъ фермъ и т. п. Нѣкоторые приведенные въ ней результаты англійской сельско-хо-

зяйственной практики—напр. заключенія англійскихъ статистиковъ и хозяевъ о значеніи общихъ выгоновъ, о нормальной величинѣ мелкаго отрубного владѣнія, о преимуществахъ хозяйства на собственной и арендованной землѣ—очень поучительны и для нашихъ доморощенныхъ политиковъ, стремящихся къ водворенію въ Россіи мелкой собственности и отрубныхъ владѣній, не считаясь съ особенностями отдѣльныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества.

VII.

— Перси Ашлей. Мѣстное и центральное управленіе. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб., 1910.

Задача разсматриваемаго труда—„дать краткій обзоръ новѣйшей исторіи, основныхъ началъ и организаціи мѣстнаго управленія въ Англіи, Франціи, Пруссіи и нѣкоторыхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки". Книга эта даетъ, однако, не простой, а сравнительный обзоръ организацій мѣстныхъ учрежденій, и это позволяетъ лучше выяснить особенности различныхъ системъ. Системы мѣстныхъ учрежденій разсматриваются при этомъ не изолированно, а въ связи съ организаціей управленія центральнаго, и притомъ, какъ сказано выше, исторически, вслѣдствіе чего характеръ и значеніе мѣстныхъ учрежденій въ той или другой странѣ выясняются еще лучше. Такой методъ изученія мѣстныхъ учрежденій, помимо лучшаго уясненія ихъ характера, ясно обнаруживаетъ связь этихъ учрежденій со всѣмъ строемъ и исторіей даннаго государства и набрасываетъ на нихъ мѣстный, такъ сказать національный колоритъ, непримѣнимый въ другой обстановкѣ. Авторъ, быть можетъ, даже слишкомъ подчеркиваетъ эту черту мѣстныхъ учрежденій и предупреждаетъ противъ „неосторожныхъ" въ этой области заимствованій. „Административныя учрежденія и пріемы поддаются перенесенію и приспособленію въ меньшей степени, чѣмъ конституціи", говоритъ онъ. „Мѣстныя учрежденія въ гораздо большей степени, чѣмъ центральныя, отражаютъ на себѣ вліяніе историческихъ факторовъ, экономическихъ и соціальныхъ условій, а также національныхъ традицій и привычекъ".

Общая идея, развиваемая въ данномъ трудѣ или, лучше сказать, вытекающая изъ разсмотрѣнія предмета, заключается въ противоположеніи англійскаго типа самоуправленія французскому и прусскому. Типы эти представляются автору столь несходными, что онъ даже подвергаетъ сомнѣнію фактъ существованія самоуправленія во Франціи и въ Пруссіи, принимая за образецъ форму мѣстнаго упра-

вленія въ Англіи, при которой „на мѣстные выборные органы ложится отвѣтственность за то, чтобы въ данной мѣстности осуществлялось завѣдываніе важными отраслями общественнаго управленія, подъ наблюденіемъ центральнаго правительства, для котораго нормальный путь вмѣшательства и понужденія состоитъ въ обращеніи къ общимъ судамъ. Въ обѣихъ названныхъ странахъ нѣтъ самоуправленія, подобнаго англійскому—самоуправленія не-профессіональнаго, сдерживаемаго центральнымъ бюрократическимъ контролемъ, а имѣется лишь бюрократическое управленіе, сдерживаемое не-профессіональною критикою". „Въ Англіи мѣстные органы признаютъ себя исполнителями закона, сообразно съ волею и желаніями жителей данной мѣстности, подъ общимъ наблюденіемъ центральной власти; французскіе и прусскіе мѣстные органы считаютъ обыкновенно, что ихъ задача состоитъ въ осуществленіи на мѣстѣ воли центральнаго управленія, даже въ тѣхъ дѣлахъ, за которыми признается мѣстное значеніе".

Причины этого различія—историческія. Самоуправленіе въ Англіи—явленіе законное, на почвѣ котораго развились сами парламентскія учрежденія; бюрократія не пользовалась въ этой странѣ широкимъ и всеобъемлющимъ вліяніемъ. Исторія Франціи и Пруссіи — говоритъ авторъ—есть исторія созданія сплоченнаго и могущественнаго государства, при посредствѣ сильной бюрократіи, направляемой изъ единаго центра и преслѣдующей единообразную политику. „Въ обѣихъ странахъ народъ привыкъ ожидать руководства во всѣхъ своихъ дѣлахъ изъ этого центра, отъ монарха и его должностныхъ лицъ. Мѣстное самоуправленіе, существовавшее въ древнѣйшую эпоху, постепенно почти вымерло, и централизація получила полное развитіе. Когда же мѣстныя учрежденія возродились, то это произошло по волѣ и для цѣлей центральнаго управленія, и такимъ образомъ мѣстное самоуправленіе во Франціи и въ Пруссіи считается скорѣе какъ бы даромъ свыше, чѣмъ прирожденнымъ правомъ".

Указанныя различія характера англійскаго и континентальнаго самоуправленія постепенно выясняются по мѣрѣ чтенія интересной книги Ашлея, не только знакомящей насъ съ формами самоуправленія въ Западной Европѣ, но и многому поучающей. Изъ нея можно извлечь самопоучительныя заключенія и въ примѣненіи къ организаціи самоуправленія въ нашей странѣ. Прибавимъ, что разсматриваемый трудъ касается только организаціи, но не описываетъ фактическаго состоянія самоуправленія въ Англіи, Пруссіи или Франціи.

VIII.

— К. Я. Загорскій. Обзоръ желѣзнодорожныхъ тарифовъ Франціи, Германіи и Австро-Венгріи сравнительно съ тарифами русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб., 1910.

Наша научная литература по желѣзнодорожному хозяйству крайне скудна; въ ней не найдется ничего сколько-нибудь приближающагося къ извѣстному труду покойнаго А. И. Чупрова, вышедшему въ свѣтъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Названный выше трудъ К. Я. Загорскаго (извѣстнаго по болѣе раннему труду: „Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ“) посвященъ одному вопросу этого хозяйства—тарифамъ на перевозку грузовъ и сравнительной ихъ высотѣ въ четырехъ государствахъ. Остановиться на этомъ вопросѣ побудило автора то обстоятельство, что ссылка на западно-европейскіе тарифы служитъ однимъ изъ средствъ защиты тѣхъ или другихъ предположеній въ области тарифнаго дѣла въ Россіи; между тѣмъ, данныя для сравненія провозныхъ платъ у насъ и за границей приводятся въ такомъ видѣ (немногія отдѣльныя тарифныя ставки или общая выручка желѣзныхъ дорогъ), что совершенно не могутъ служить для сравненія высоты провозныхъ платъ. Такое сравненіе можетъ быть сдѣлано лишь послѣ тщательнаго анализа тарифныхъ системъ разныхъ государствъ и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ тождественнымъ въ различныхъ государствахъ наименованіямъ товаровъ, къ перевозкѣ которыхъ примѣняются данныя схемы. Общее заключеніе автора по предмету его изслѣдованія таково, что тарифы на продукты сельскаго хозяйства и добывающей промышленности на иностранныхъ дорогахъ по большей части выше, чѣмъ на русскихъ, а тарифы на перевозку продуктовъ перерабатывающей промышленности—ниже.

Сообразно принятому плану изслѣдованія, г. Загорскій даетъ намъ гораздо болѣе простого сравненія провозныхъ платъ. Онъ знакомитъ насъ со строемъ тарифовъ и ихъ исторіей и ставитъ систему тарифовъ въ связь съ условіями географическими, хозяйственными, историческими и съ экономической политикой правительствъ. Общее заключеніе автора состоитъ въ томъ „что каждая страна должна имѣть свои размѣры тарифныхъ ставокъ, соотвѣтствующіе ея экономическимъ, географическимъ и прочимъ условіямъ и особенностямъ. Важны не абсолютные размѣры провозныхъ платъ, но возможно лучшая приспособленность ихъ къ измѣняющимся условіямъ и нуждамъ производства и потребленія“. Такой постановкой вопроса авторъ вывелъ предметъ своего спеціальнаго, казалось бы, изслѣдованія на почву болѣе общаго интереса.—В. В.

Въ теченіе февраля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ-Мальцева, В. В.—Разсказы. Спб., 1910 т. Цѣна 1 р.

Авсѣенко, В. Г.—Сочиненія. Т. V. Млечный путь. Романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Сочиненія. Т. VI. На распутьи. Романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

——— Сочиненія. Т. VII и VIII. Женщины. Спб., 1910 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Альбовъ, М. Н.—Сочиненія. Т. V. Пшеницынъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Сочиненія. Т. VI. Хитрый планъ Мамаева. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Сочиненія. Т. VII и VIII. День да ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Въ трехъ частяхъ. Спб., 1910 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Баулина, А.—Зори вечернія. Спб., 1910 г.

Байкинъ, В.—Расказы. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

——— Разсказы. Т. II. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Бебель, Августъ.—Изъ моей жизни. (Мемуары). Перев. съ рукописи подъ ред. Н. Рязанова. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Безантъ, Анни.—Древняя мудрость. Пер. Е. П. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бердяевъ, Николай.—Духовный кризисъ интеллигенціи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Березинъ, Н. И.—Персія. Спб., 1910 г., Цѣна 40 коп.

——— Уралъ. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Берендтсъ, Э.—Къ вопросу о правовомъ положеніи Финляндіи. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Bloch, Iwan.—Половая жизнь нашего времени и ея отношеніе къ современной культурѣ. Пер. съ 6-го нѣм. изд. врача П. И. Лурье-Гиберманъ. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Бородаевскій, Валеріанъ.—Стихотворенія. Спб., 1910 г. Цѣна 85 коп.

Бѣловерскій, В. И.—Система желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сѣти россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Изд. 2-ое. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бузескулъ, В., проф. — Краткое введеніе въ исторію Греціи. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Велиховъ, Б. А.—Объ юридическомъ основаніи народнаго представительства. Спб., 1909 г.

Владимірскій, А. В., д-ръ.—Умственная работоспособность въ разные часы школьнаго дня. Спб., 1909 г.

Вольцогенъ-фонъ, Эрнстъ. — Сказки небылицы. Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гамалѣя, Н. Ф.—Алкоголизмъ. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Гернетъ, В. А.—О единствѣ вещества. Одесса, 1910 г. Цѣна 25 коп.

Головнинъ, Орестъ.—Басни. 2-ой рядъ. Москва, 1910 г. Цѣна 60 коп.

Горовцевъ.—Война и право. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

——— Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедія. Спб., 1909 г.

——— Словарь краткой энциклопедіи международнаго права. Спб., 1909 г.

Граффъ, К. — Комета Галлея. Пер. съ нѣм. Одесса, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Гринъ, А. С.—Разсказы. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Джонсонъ, И.—Чеховъ и его творческій путь. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 60 коп.

Евстифѣева, М. П.—На гнилыхъ устояхъ. Романъ. Уфа, 1910 г.
——— Полтава. Комедія въ 4-хъ д. и 8 карт. Уфа, 1909 г.
——— Разсказы бабушки въ зимнія сумерки. Уфа, 1909 г.
——— Софья Мурянцева. Романъ. Уфа, 1909 г.

Зееманъ, П. — Происхожденіе цвѣтовъ спектра. Съ приложеніемъ статьи Е. Ритца: „Линейные спектры и строеніе атомовъ". Одесса, 1910 г. Ц. 30 к.

Зомбартъ, Вернеръ. — Евреи и ихъ участіе въ образованіи современнаго хозяйства. Пер. подъ ред. П. С. Юшкевича. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Іосифовъ, І. М., проф.—О размноженіи и половомъ влеченіи человѣка съ точки зрѣнія эволюціи. Томскъ, 1910 г.

Катаевъ, И.—Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ III. Москва, 1910 г. Цѣна 80 коп.

Кизеветтеръ, А. А. — Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. IX — XIX ст. Историческій очеркъ. Москва, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Клоссовскій, А. В.—Основы метеорологіи. Одесса, 1910 г. Цѣна 4 р.

Кожевниковъ, Петръ.—Разсказы. Книга вторая. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Колтоновская, Е. А.—Новая жизнь. Критическія статьи. Спб., 1910 г. Ц. 1 р.

Коровинъ, А., д-ръ.—Дипсоманія, какъ ритмъ и истощеніе. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Кравченко, В. — Черезъ три океана. Воспоминанія о морскомъ походѣ 1904—52. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Кузьминскій, Конст. — Художникъ - иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кэджори, Ф., проф. — Исторія элементарной математики. Пер. съ англ. подъ ред. пр.-доц. И. Тимченко. Одесса, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Лемонье, Камиллъ. — Собраніе сочиненій. Т. II. Послѣдній баронъ. Пер. подъ ред. В. М. Фриче. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Лоренцъ, Г. А.—Курсъ физики. Томъ I. Пер. подъ ред. проф. Н. П. Кастерина. Одесса, 1910 г Цѣна 2 р. 75 коп.

Лоти, Пьеръ. — Собраніе сочиненій. Т. II. Исторія одного ребенка. Пер. В. М. Коршъ. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

——— Собраніе сочиненій. Т. III. Матросъ. Пер. В. Ф. Коршъ. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Лыщинскій, Левъ. — Въ этомъ ли счастье? Пьеса въ 1 дѣйствіи, съ балетомъ. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.
——— На плаху. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Манъ, Г.—Голосъ крови. Романъ. Пер. съ нѣм. М. Славинской и Р. Ландау. Москва, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Мацокинъ, Николай. — Отношенія половъ до брака въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ деревняхъ. Владивостокъ, 1909 г. Цѣна 15 коп.

Миллеръ, Всеволодъ. — Очерки русской народной словесности. Былины. Т. II. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Мордовцевъ, Д. Л.—Полное собраніе сочиненій. Т. XXXXVI. Гайдамачина. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Муриновъ, Вл.—Въ сумеркахъ жизни. Разсказы и очерки. Спб., 1910 г. Ц. 1 р.

Нимфюръ, Р.—Воздухоплаваніе. Одесса, 1910 г. Цѣна 90 коп.

Ньюкомъ, С.—Теорія движенія луны. Одесса, 1910 г. Цѣна 20 коп.

Нѣмовъ, М.—Злые соблазны. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Пажитновъ, К. А.—Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Педашенко, А. Д.—Указатели книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1900, 1901, 1902, 1906 и 1907 г.г. Изд. М. З. и Г. И. по Отдѣлу сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Спб.

Петерсонъ-Кинбергъ, Вилли. — Какъ возникли вселенная и человѣчество. Полный пер. съ нѣм. подъ ред. пр.-доц. А. Г. Генкеля. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Петровъ, Аркадій. — Какъ защищаютъ свои интересы въ Азіи Англія и Россія. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Пименова, Э.—Природа и люди Африки. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Ц. 45 к.

Потапенко, И. Н. — Сочиненія. Т. VIII. Одинъ. Романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Сочиненія. Т. X. Свѣтлый лучъ. Романъ. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Сочиненія. Т. XI. Любовь. Романъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Рамзай, В. — Введеніе въ изученіе физической химіи. Пер. подъ ред. проф. П. Меликова. Одесса, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Розенбергъ, В. Л. — Изъ школьной практики. Введеніе въ физику. Спб., 1910 г. Цѣна 45 коп.

Роу, С. — Геометрическія упражненія съ кускомъ бумаги. Одесса, 1910 г. Цѣна 90 коп.

Рыкачевъ, А. М.—Деньги и денежная власть. Часть I. Деньги. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сажинъ, И. В., д-ръ мед.—Умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ. Спб., 1910 г.

Самаринъ, Ѳедоръ. — Замѣчанія на отдѣльныя статьи одобреннаго Гос. Думой проекта закона объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій, касающихся крестьянскаго землевладѣнія. Москва, 1909 г.

Святскій, Д.—Встрѣча кометы Галлея съ землею и появленіе новой кометы. Спб., 1910 г. Цѣна 10 коп.

Семинъ, Орестъ. — Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. Земская реформа на Кавказѣ и въ нефтепромышленномъ районѣ г. Баку. Баку, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Сергѣевъ-Ценскій.—Разсказы. Томъ четвертый. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

Станковъ, Иванъ.—Хэттэянка Сатанидисъ. На островѣ Хіосѣ. Драм. этюдъ въ двухъ дѣйст. эпоха: XI в. до Р. X. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Стриндбергъ, А.—Сочиненія. Т. IX. Дѣтскія сказки и др. Москва. 1910 г. Цѣна 1 р.

Струмилинъ, С.—Аристократія духа и профанъ. Два идеала. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Тарасовъ, Н. Г., и Гартвигъ, А. Ѳ.—Изъ исторіи русской культуры. I. Славянскій поселокъ. II. Полюдье. III. Половецкій набѣгъ. Москва, 1910 г. Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

Темниковскій, Евг.—Одинъ изъ источниковъ Духовнаго Регламента. Харьковъ, 1909 г.

——— Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти. Историко-догматическій очеркъ. Ярославль, 1909 г.

Толстой, Алексѣй Н., гр. (Мирза Тургень).—Сорочьи сказки. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Томсонъ, Дж. Дж.—Корускулярная теорія вещества. Одесса, 1910 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Уэллсъ, Гербертъ-Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Томъ IV. Первые люди на лунѣ. Пер. Я. Гринцера. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Собраніе сочиненій. Томъ V. Въ дни кометы. Пер. В. Засуличъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Фарфоровскій, С. В.—Измѣненіе этническихъ признаковъ у осетинъ. Тифлисъ, 1910 г.

——— Ногайцы Ставропольской губ. Историко-Этнографическій очеркъ. Тифлисъ, 1910 г.

Фибихъ, К.—Въ бурю. Романъ. Пер. съ нѣм. Р. Ландау и М. Славинской. Ростовъ-на-Дону, 1910 г. Цѣна 35 коп.

Фонвизинъ, С.—Семь мѣсяцевъ въ Египтѣ и Палестинѣ. Очерки и впечатлѣнія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Фробеніусъ, А. — Дѣтство человѣчества. Пер. съ нѣм. С. Д. Чулока. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Фыринъ, Аркадій.—Голова Медузы. Книга стиховъ. Спб., 1910 г. Ц. 20 к.

Хэрнъ, Лафкодіо.—Въ Кругѣ. Тенгу-сама. Отрывокъ. Пер. съ англ. А. Попова. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Чинскій, фонъ, Чеславъ (Punar Bhava). — Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Оккультистическій этюдъ. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Шоу, Бернардъ.—Цезарь и Клеопатра. Ученикъ дьявола. Пер. Н. Ефроса. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Щеглова, Л. В. (В. А. Щ.).—Мережковскій. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Янтаревъ, В.—Стихи. Москва, 1910 г. Цѣна 80 коп.

— *** Осада Портъ-Артура съ точки зрѣнія права войны. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Библіотека нашихъ дѣтей. № 85. Стих. Н. Некрасова, И. Никитина и И. Сурикова. № 86. Стих. И. Козлова, Н. Языкова и Е. Баратынскаго. № 87. Стих. С. Фруга, С. Надсона и Д. Мережковскаго. № 88. Стих. А. Апухтина, Ѳ. Тютчева и А. Голенищева-Кутузова. Спб., 1910 г. Цѣна каждаго выпуска 20 к.

— Великорусскія пѣсни въ народной гармонизаціи. Записаны Е. Линевой. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Текстъ подъ ред. акад. Ѳ. Е. Корша. Выпускъ II. Пѣсни новгородскія. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Вопросы теософіи. Сборникъ статей по теософіи въ память Елены Петровны Блаватской. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

— Всеобщая библіотека. № 46. Проф. Габріэль Сэайль. Леонардо да Винчи. № 66—67. Шарль Бодлеръ. Поэмы въ прозѣ, № 72. Проф. М. Тарѣевъ. Основы христіанства. Спб., 1910 г. Цѣна выпуска по 10 коп.

— Календарь-Ежегодникъ. Безплатное приложеніе къ журналу: „Биржевой Артельщикъ". Спб., 1910 г.

— Любовь. Альманахъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Матеріалы по киргизскому землепользованію, собранные и разработанные статистической партіей Тургайско-Уральскаго Переселенческаго района. Уральскій уѣздъ. Спб., 1909 г.

— Народное образованіе въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губ., въ 1908 году. Елисаветградъ, 1909 г.

— Памяти Дарвина. Сборникъ статей проф. М. М. Ковалевскаго, проф. М. А. Мензбира, проф. И. И. Мечникова, проф. И. П. Павлова, проф. К. А. Тимирязева и проф. Н. А. Умова. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

— Студинській, Кирило, д-ре.—Корреспонденція Якове Головацьков в лiтах 1835—49. Львів, 1910 р.

— d'Abnour, contre-amiral. — Histoire abrégée des peuples de la Russie. 862—1894. Пар., 1910. Цѣна 7 фр. 50 с.

ПАМЯТИ ВѢРЫ ѲЕДОРОВНЫ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Даже тѣхъ, кто не зналъ ее лично, охватывало чувство настоящаго, большого горя, чувство невознаградимой, личной утраты, когда до нихъ долетала изъ устъ въ уста передававшаяся, непріемлемая для сердца вѣсть:

— Коммиссаржевская умерла...

Это несчастье—интимное, личное несчастье для каждаго, кто видѣлъ ее на сценѣ, видѣлъ эту нѣжную, хрупкую фигуру, эти говорящіе о страданіи глаза,—для каждаго, кто слышалъ ея какъ бы надорванный голосъ, идущій изъ глубины души и проникающій въ глубину души. Любить ея сценическія созданія—значило любить ее самоё. Объективно творящій артистъ-виртуозъ показываетъ вамъ искусно возсозданный типъ, часто совсѣмъ чуждый индивидуальности создавшаго, и вы, зная десятки типовъ, созданныхъ Савиной, можете не знать Савиной, какъ человѣка. Вѣра Ѳедоровна Коммиссаржевская—талантъ насквозь лирическій; она несла на сцену самоё себя, свою душу, свои реальныя переживанія. Ей нужны были подмостки, чтобы забыться въ воспоминаніяхъ о своихъ молодыхъ восторгахъ, чтобы выплакать горькія обиды избранной натуры, оскорбляемой грубостью жизни, чтобы возвѣстить о той высшей, побѣдной правдѣ благороднаго духа человѣческаго, которая умиленной, трагической просвѣтленностью покрываетъ ужасъ и смрадъ повседневности. Она не пряталась отъ насъ за создаваемыми ею образами. Наоборотъ—она раскрывала намъ себя въ нихъ; она, чистая, прекрасная, высокая, позволяла намъ узнавать ее, родниться съ нею, любить ее самоё и быть ей благодарными за то, что она, такая, живетъ на свѣтѣ, живетъ съ нами и передъ нами. И эта откровенно, довѣрчиво обнажавшаяся душа была не только обаятельно человѣчной, но еще и въ полной мѣрѣ современной. И оттого она была всѣмъ намъ еще ближе, еще дороже...

В. Ѳ. Коммиссаржевская родилась и выросла возлѣ сцены, хотя сама попала на сцену поздно. Ея отецъ, тонкій артистъ, знаменитый нѣкогда теноръ, послѣ того какъ простился съ рампой, посвятилъ свои силы обученію молодыхъ пѣвцовъ. Въ пѣвицы готовилась въ молодости и Вѣра Ѳедоровна, но слабая грудь не позволила ей пойти по этому пути, да и вообще, на нѣкоторое время, мысль о сценической карьерѣ была ею, повидимому, оставлена совсѣмъ. Ее под-

няла и низринула волна жизни, дала ей первые, жестокіе уроки, всколебала ея душу, углубила ея сознаніе,—словомъ, тяжкій млатъ судьбы выковывалъ ту Коммиссаржевскую, которую вскорѣ послѣ того узнала вся Россія. Не театральное училище, не школа театральныхъ подмостковъ—сама жизнь вырабатывала изъ нея артистку.

Первые драматическіе опыты Вѣры Ѳедоровны протекли въ совершенно исключительной атмосферѣ—тамъ, гдѣ зарождался новый русскій театръ. Среди учениковъ ея отца былъ и К. С. Станиславскій, тогда еще любитель драматическаго искусства, но мечтавшій уже о новыхъ путяхъ. Вмѣстѣ со своимъ учителемъ, отцомъ Вѣры Ѳедоровны, и съ Ѳедотовымъ, онъ основалъ „общество искусства и литературы", первый зародышъ будущаго Художественнаго театра. Въ квартирѣ при этомъ обществѣ жила вмѣстѣ съ отцомъ Вѣра Ѳедоровна, въ этомъ же обществѣ стала пробовать и свои сценическія силы. Начала она съ маленькихъ ролей въ водевиляхъ, потомъ играла роль Бетси въ „Плодахъ просвѣщенія" Л. Н. Толстого. Талантъ сказался сразу, его оцѣнили такіе знатоки, какъ покойный Киселевскій, и дальнѣйшій жизненный путь артистки былъ рѣшенъ. Въ 1893 г., двадцати-пятилѣтней женщиной, поступаетъ она на роли ingénue comique въ новочеркасскую труппу, сезоны 1894—1896 г.г. играетъ въ Вильнѣ, въ труппѣ Незлобина, и тутъ постепенно находитъ свое настоящее мѣсто, сосредоточиваясь на передачѣ драматическихъ потрясеній юной женской души.

Горячія симпатіи, шумный успѣхъ сопровождалъ первыя же выступленія Вѣры Ѳедоровны. Но это былъ успѣхъ мѣстный, успѣхъ въ провинціи, непровѣренный на большой сценѣ,—и, слѣдовательно, спорный. Поэтому вѣрно говорятъ, что въ 1896 г. она пришла къ намъ, на Александринскую сцену, „принцессою кочующей и бѣдной", почти невѣдомой въ столицѣ. Пришла какъ-то незамѣтно, безъ всякой рекламы—и сразу завоевала холодный, скептическій Петербургъ.

Въ пестромъ репертуарѣ Александринскаго театра, гдѣ мало было литературно цѣннаго и много совсѣмъ плохихъ пьесъ, Коммиссаржевская осталась вѣрна своему прежнему выбору—ролямъ подростковъ, только что пробуждающихся къ жизни и безпощадно ею попираемыхъ. „Бой бабочекъ", „Гибель Содома", „Волшебная сказка", „Отверженные", „Чайка", „Безприданница", „Бѣдная невѣста", много другихъ пьесъ,—Зудерманъ, Потапенко, Гюго, Чеховъ, Островскій—различные авторы, различные во многомъ типы, но всегда въ основѣ все одна и та же общая психологическая проблема, тотъ же стиль центральныхъ драматическихъ моментовъ, та же нѣжная, чуткая душа, довѣрчиво рванувшаяся къ жизни съ раскрытыми объятіями—и грубо сломанная, испуганная непонятной жестокостью жизни.

Артистка и не пробовала маскировать однообразіе своего репертуара. Она пренебрегала гримомъ и прочими внѣшними пріемами сценическаго перевоплощенія. Она совсѣмъ не стремилась къ яркому контрасту создаваемыхъ ею фигуръ, а для тонкихъ оттѣнковъ изображаемыхъ ею типовъ находила столь же тонкіе, не бьющіе въ глаза нюансы въ костюмахъ, жестикуляціи, интонаціяхъ. Для недостаточно впечатлительнаго зрителя, для недостаточно наблюдательнаго глаза эта тонкость въ отдѣлкѣ деталей терялась, какъ терялось и необыкновенное богатство нюансовъ въ психологической разработкѣ каждой отдѣльной роли. Но тамъ, гдѣ неизощренное ухо ловило лишь два-три тона за весь вечеръ, тамъ внимательный и чуткій слушатель воспринималъ безконечные переливы тончайшихъ интонацій; гдѣ глазъ профана видѣлъ лишь черное и бѣлое, тамъ привычный глазъ восхищался непрестанной игрой свѣтотѣни. И чѣмъ пристальнѣе вы вглядывались, чѣмъ сосредоточеннѣе вслушивались въ это кажущееся однообразіе, тѣмъ больше богатство тончайшихъ переживаній раскрывалось передъ вами. И это богатство исчерпать было невозможно, какъ невозможно исчерпать всю красоту стиха Фета или всѣ переливы осенняго заката.

Это пренебреженіе къ богатству и разнообразію внѣшнихъ средствъ, полное отсутствіе условности, замѣна красокъ свѣтотѣнью, камерная утонченность переживаній и ихъ передачи, этотъ откровенный субъективизмъ—все это вмѣстѣ создавало тотъ особый стиль, который такъ характеренъ для современнаго искусства и для современной души, его создавшей. И конечно, этотъ стиль шелъ вразрѣзъ съ общимъ тономъ Александринской „образцовой“ сцены, ибо она, именно какъ образцовая, хранила традицію ранѣе достигнутой ступени въ сценическомъ искусствѣ и по всей своей конструкціи отнюдь не была приспособлена къ быстрому воспріятію того, что еще только нарождалось вновь. То самое, что дѣлало Коммиссаржевскую родной для молодой публики, то самое дѣлало страннымъ ея пребываніе на „образцовой“ сценѣ. Коммиссаржевская нарушала стиль этой сцены—и сцена, въ свою очередь, связывала ея стиль и еще болѣе ея устремленіе къ чему-то еще не явившемуся, не воплощенному, но чаемому, призываемому жизнью, взволнованной въ тотъ критическій моментъ творческою грезой.

Еще въ 1900 г. чуткій Ю. Бѣляевъ писалъ: „г-жа Коммиссаржевская—слишкомъ *современная* артистка для того, чтобы могла развиваться самостоятельно, не заботясь о своихъ современникахъ. Она знаменуетъ собою особое движеніе въ искусствѣ. Но движеніе это идетъ въ ногу съ вѣкомъ, не отставая и не опережая его. Г-жа Коммиссаржевская—наша не только возрастомъ и плотью, но и духомъ.

Если намъ суждено сдѣлать шагъ впередъ по пути прогресса, она первая отмѣтитъ этотъ шагъ въ цѣломъ рядѣ глубоко прочувствованныхъ образовъ, въ противномъ же случаѣ останется ждать вмѣстѣ съ нами, когда судьбѣ заблагоразсудится дать толчокъ въ ту или другую сторону".

Эти слова оказались пророческими. Въ первые годы XX-го вѣка, когда во всей русской общественной жизни, а вмѣстѣ съ нею и въ искусствѣ, слишкомъ ярко сказался порывъ куда-то впередъ, Коммиссаржевская не могла остаться на Александринскомъ безтрепетномъ Олимпѣ, гдѣ таланты развивались и проявлялись самодовлѣюще, „самостоятельно, не заботясь о своихъ современникахъ", страшась рискованныхъ опытовъ и неизвѣданныхъ далей. Инстинктъ самосохраненія большой артистки никогда не имѣлъ власти надъ Вѣрой Ѳедоровной. Ею управляло истинно человѣческое сердце, бьющееся въ униссонъ съ энтузіастами, неустанно ищущими и чаще гибнущими, чѣмъ обрѣтающими. И она ушла съ спокойнаго, безопаснаго Олимпа, такъ быстро ею достигнутаго, ушла въ туманную даль смутныхъ надеждъ, жадныхъ дерзаній, несоразмѣренныхъ съ силами дерзающихъ, въ даль сомнительныхъ побѣдъ и вѣроятныхъ пораженій. Но для великаго сердца лучше погибнуть *съ другими*, чѣмъ спастись *одному*.

Въ 1902 г. Вѣра Ѳедоровна простилась съ Александринской сценой, совершила большую поѣздку по Россіи, превратившуюся въ сплошной тріумфъ, а черезъ годъ открыла свой собственный театръ въ Петербургѣ, чтобы дать пріютъ и просторъ тому, что рвалось къ жизни въ ней самой и вокругъ нея.

Мы всѣ помнимъ этотъ небольшой, уютный театръ въ Пассажѣ, гдѣ вокругъ Вѣры Ѳедоровны объединилось все что было нервнаго, чуткаго, ищущаго, молодого въ нашей литературѣ, критикѣ, сценическомъ искусствѣ. Мы помнимъ литературную серьезность репертуара въ этомъ театрѣ, любовную тщательность и вдумчивость постановокъ, атмосферу самоотверженнаго, благороднаго труда и вѣры не въ себя, не въ успѣхъ, а въ важность и значительность того дѣла, которое сообща тамъ дѣлалось всѣми участниками этого небывалаго дотолѣ въ Петербургѣ сценическаго предпріятія.

Въ 1906 г. театръ Коммиссаржевской перебрался въ свое собственное зданіе на Офицерской улицѣ, и одновременно совершился въ его жизни новый крупный переломъ, вызвавшій на первыхъ порахъ жестокіе протесты и критики, и артистическаго міра—переломъ, котораго и сейчасъ еще многіе не могутъ простить если не самой Вѣрѣ Ѳедоровнѣ, то тѣмъ, кто толкнулъ ее на этотъ путь. Деспотическую власть надъ своимъ театромъ Вѣра Ѳедоровна отдала В. Э. Мейер-

хольду. Въ его душѣ роились смутные замыслы о полномъ перерожденіи сценической техники и самаго смысла сценическаго искусства. Смѣлы и туманны были его мечты, и не было мѣста, гдѣ могъ бы онъ ихъ реализовать и испытать. Именно такимъ непризнаннымъ, но искреннимъ искателямъ протягивала всегда руку помощи великодушная артистка. Вѣдь, конечно, она не считала перломъ созданія пьесы Горькаго, которыя ставила у себя въ Пассажѣ. Но въ этомъ человѣкѣ бился талантъ, онъ былъ одержимъ тогда искреннимъ, хотя и немощнымъ, исканіемъ—и Вѣра Өедоровна радушно отдавала ему весь свой авторитетъ, всѣ свои средства, чтобы поддержать вспыхивавшую въ немъ искру, не дать ей потухнуть подъ гнетомъ неразвѣленности, пренебреженія, всеобщаго равнодушія. То же было потомъ съ пьесами Л. Андреева, А. Ремизова и т. п. Та же прекрасная черта натуры сказалась и въ отношеніи Вѣры Өедоровны къ В. Э. Мейерхольду.

Конечно, въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ великодушныхъ и беззавѣтныхъ исканіяхъ Коммиссаржевской, понесенныя жертвы были несоразмѣрны съ достигнутымъ результатомъ. Но, бросаясь навстрѣчу всякому, въ комъ хоть немного чуялось движеніе воды живой, Вѣра Өедоровна выполняла свое жизненное назначеніе. „Если намъ суждено сдѣлать шагъ впередъ по пути прогресса, она первая отмѣтитъ этотъ шагъ“. Не ея вина, если „этотъ шагъ“ оказался далеко не такимъ огромнымъ, какъ хотѣлось бы. Но вѣдь и во всѣхъ областяхъ нашей жизни за послѣдніе годы „шагъ впередъ по пути прогресса“ оказался обидно малымъ по сравненію съ той вѣрой, съ которой рванулась впередъ русская жизнь, по сравненію съ тѣми жертвами, которыя были принесены. И кто рѣшится сказать слово осужденія тѣмъ, кто сложилъ свои головы и души ради ничтожнаго сдвига Россіи въ сторону прогресса?..

Вѣдь не совсѣмъ же были безплодны жертвы Вѣры Өедоровны даже въ эту, самую рискованную пору ея исканій. Кто помнитъ „Сестру Беатрису“ Метерлинка или „Свадьбу Зобеиды“ Гофмансталя въ постановкѣ Мейерхольда и въ исполненіи Коммиссаржевской, тотъ согласится, что въ стилизаторскомъ фанатизмѣ была своя доля правды, что онъ раскрылъ-таки для сцены новыя, хотя и частичныя возможности. Правъ былъ авторъ одного изъ некрологовъ Вѣры Өедоровны, говоря: „можетъ-быть, ея завоеванія въ области „новаго“ оказались ничтожными; они все же—максимумъ того, что далъ сценическій модернизмъ“.

Да, Вѣра Өедоровна была вѣрна себѣ, давая просторъ замысламъ Мейерхольда, какъ осталась вѣрной себѣ и тогда, когда разсталась съ своимъ режиссеромъ, потому что онъ исчерпалъ свои возможности

и сталъ впадать въ сухой схематизмъ, какъ показала хотя бы постановка „Пелеаса и Мелисанды". Вѣчно стремящаяся, вѣчно ищущая артистка въ самомъ дѣлѣ воплощала духъ нашего мятущагося момента, для котораго нѣтъ ничего болѣе непріемлемаго, чѣмъ мертвая схема, безжизненный догматизмъ. Но разрывъ съ Мейерхольдомъ совпалъ съ тѣмъ поворотомъ въ общей нашей жизни, когда организующая вдохновенность покинула ее и смѣнилась упадкомъ и раздробленностью. Вчерашніе порывы обманули и оставили горькій осадокъ застоя — будемъ вѣрить, временнаго. Мы перестали двигаться впередъ, и, по пророчеству Ю. Бѣляева, Вѣра Ѳедоровна должна была „остаться ждать вмѣстѣ съ нами, когда судьбѣ заблагоразсудится дать толчокъ въ ту или другую сторону"...

Она не сразу поняла то, что совершилось не только въ ея личномъ дѣлѣ, но и во всей окружающей дѣйствительности. Еще цѣлый годъ послѣ разрыва съ Мейерхольдомъ она что-то пробовала—но уже безуспѣшно. Къ неуспѣху этихъ раздробленныхъ попытокъ скоро присоединилось дикое административное вмѣшательство въ репертуаръ театра. Запрещеніе „Саломеи" Уайльда наканунѣ перваго представленія подорвало матеріальныя силы театра Коммиссаржевской, заставило ее, менѣе всего думавшую о сборахъ, задуматься о прозаической сторонѣ антрепризы, толкнуло ее, рвавшуюся къ пророческому будущему, вернуться къ своему старому репертуару. Петербургская публика снова увидала „Дикарку", „Безприданницу", „Родину" и оваціями встрѣчала любимую артистку. Но *такой* успѣхъ не могъ заполнить пустоты, созданной въ душѣ Вѣры Ѳедоровны исчезновеніемъ идейнаго содержанія изъ ея дѣла.

— Поймите,—волнуясь, говорила она Л. Я. Гуревичъ,—мнѣ тягостенъ этотъ успѣхъ въ старыхъ моихъ роляхъ, которыхъ я больше не люблю... Я ищу иного, что̀ удовлетворяло бы мои высшіе запросы—и не нахожу... Мнѣ ясно, что театръ долженъ выйти на новые пути, но я не знаю, что̀ нужно сдѣлать, чтобы выйти на нихъ...

Послѣдніе мѣсяцы ея жизни были заняты новой поѣздкой по Россіи, новыми тріумфами, но въ *старыхъ* роляхъ. *Такъ* „ждать вмѣстѣ съ нами" новаго сдвига жизни она не могла, и на Рождествѣ мы прочли въ газетахъ ея письмо къ труппѣ — твердый отказъ отъ дальнѣйшей сценической дѣятельности. „Я ухожу, потому что театръ въ той формѣ, въ какой онъ существуетъ сейчасъ, пересталъ мнѣ казаться нужнымъ, и путь, которымъ я шла въ исканіи новыхъ формъ, пересталъ мнѣ казаться вѣрнымъ".

Но чѣмъ можетъ жить современная душа внѣ исканія? Чѣмъ могла жить Вѣра Ѳедоровна внѣ сцены? „Когда я думаю о своемъ призваніи, — любила она цитировать Чеховскую „Чайку" — я не боюсь

жизни". И вотъ теперь ей нельзя было уже думать о своемъ призваніи,—и жизнь стала страшной. Страхи жизни сгустились вокругъ нея, реализовались въ самую нелѣпую, безсмысленную форму заразы,—и унесли ее туда, гдѣ нѣтъ уже ни исканій, ни страховъ...

Петербургъ опустѣлъ. Онъ потерялъ единственный театръ, который его волновалъ и влекъ къ себѣ. Насъ не заставитъ больше встрепенуться премьера на Офицерской, не потрясетъ этотъ скорбный, слегка надтреснутый голосъ, не зачаруютъ эти большіе грустные глаза... Да, мы осиротѣли. Но неправы, тысячу разъ неправы тѣ, кто, подъ бременемъ утраты, говорятъ: „Ей слѣдовало оставаться одной, работать только надъ собой и для себя, не излучаться въ массу, неспособную заимствовать отъ нея ни жизни, ни красоты, не отдаваться безплоднымъ усиліямъ положить въ искусствѣ душу свою за други своя. Къ искусству неприложима заповѣдь самоотреченія. Талантъ долженъ быть эгоистиченъ". Вѣра Өедоровна Коммиссаржевская — и эгоизмъ! Она, вся сотканная изъ широкихъ сочувствій — и работа для себя! Поистинѣ, только большое горе можетъ такъ ослѣплять!

Не въ томъ ли была ея великая красота, не въ томъ ли была живая сущность ея генія, что всю себя она несла на нѣкое служеніе, что безпрестанно отдавала душу свою? Такой подвигъ бываетъ ли безплоднымъ? Святые мученики такъ же нужны человѣчеству, какъ и холодные олимпійцы. Не все еще потеряно для среды, въ которой могутъ рождаться такіе подвижники; не безнадежно время, когда заповѣдь любви можетъ свѣтить путеводной звѣздой и для искусства. Тяжела и трагична погибель Вѣры Өедоровны Коммиссаржевской, но въ этой гибели есть и великое обѣтованіе для того, за что положила она душу свою...

С. Адріановъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 марта 1910.

„Интендантскій“ вопросъ и ревизіонно-карательный способъ его разрѣшенія.—Неудавшаяся попытка создать „благонадежныхъ“ статистиковъ.—Дальнѣйшее развитіе похода на адвокатуру: дѣло прис. пов. Базунова и Аронсона; законопроектъ о консультаціяхъ.—Быть или не быть второму съѣзду писателей.—Циркуляръ тамбовскаго губернатора.—Тверское земство.—В. Ѳ. Коммиссаржевская †.

Главный предметъ правительственнаго вниманія въ данный моментъ — поскольку вниманіе отвлекается отъ окончательной ликвидаціи возвѣщенной гражданской свободы—составляетъ „интендантскій“ вопросъ. Имя сенатора Гарина уже стало нарицательнымъ. Станутъ ли также нарицательными имена трехъ новыхъ ревизующихъ сенаторовъ, еще неизвѣстно. Но рѣшимость правительства бороться съ имущественными злоупотребленіями чиновниковъ во всякомъ случаѣ очевидна, и, какъ говоритъ оффиціозъ, премьеръ-министръ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы довести борьбу до конца.

Конечно, такая рѣшимость ни съ какой точки зрѣнія не можетъ заслуживать осужденія. Казнокрадство во всѣхъ видахъ, формахъ и проявленіяхъ—нашъ старый грѣхъ, пустившій корни вездѣ, гдѣ есть казенный сундукъ и гдѣ распоряжаются казенными кредитами. Конечно, съ другой стороны, борьба съ казнокрадствомъ была, такъ сказать, однимъ изъ элементовъ государственнаго обновленія, стремленіе къ которому завершилъ манифестъ 17-го октября. А потому, говоря безотносительно, рѣшеніе П. А. Столыпина дѣйствовать въ данномъ направленіи „до конца“ не есть актъ возврата къ до-конституціоннымъ порядкамъ. Но, въ сущности, такой выводъ представляется постольку ошибочнымъ, поскольку въ вопросахъ столь сложныхъ ни о чемъ нельзя говорить безотносительно. Онъ слишкомъ простъ, чтобы быть вѣрнымъ. Въ сущности, и гаринская, и вновь назначенныя сенаторскія ревизіи знаменуютъ собою все ту же реакцію, безудержно ползущую, уже оставившую позади себя октябризмъ и нынѣ обосновавшуюся на меньшиковскомъ націонализмѣ.

Мы ни минуты не боимся упрека въ томъ, что ставимъ въ пассивъ правительству энергичныя расслѣдованія полицейскихъ, интендантскихъ, путейскихъ, магистратскихъ (въ Варшавѣ) и всѣхъ иныхъ без-

конечныхъ хищеній. Мы ихъ ставимъ въ пассивъ—точнѣе: не ставимъ въ активъ—потому, что борьба ведется на чисто личной почвѣ съ казнокрадами, а не съ казнокрадствомъ. „Интендантскій" вопросъ размѣнивается. И чѣмъ большій кругъ лицъ охватываютъ ревизіи, тѣмъ дальше отодвигается его разрѣшеніе. Изъ-за казнокрадовъ перестаетъ вырисовываться во всемъ мрачномъ величіи казнокрадство, какъ явленіе. Создается впечатлѣніе, что дѣлается что-то грандіозное, что-то положительное, и именно въ духѣ обновленія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности производится лишь очередная чистка накопленной грязи. Война 1877—1878 гг. тоже имѣла непосредственнымъ результатомъ интендантскую, въ собственномъ смыслѣ слова, чистку. Затѣмъ была чистка инженерная. Чистка и тогда выбросила на скамью подсудимыхъ не одну плотву, а нѣсколько крупныхъ щукъ. И что же? Много ли понадобилось времени, чтобы грязь снова стала наростать?

Предметъ нынѣшнихъ сенаторскихъ ревизій, какъ ясно вытекаетъ изъ Высочайшаго повелѣнія отъ 26-го января — разслѣдованіе преступныхъ дѣйствій. Ревизіи суть широко поставленныя предварительныя слѣдствія. Ревизующіе сенаторы — судебные слѣдователи, облеченные властью прокуратуры и начальства, предающаго суду. Отсюда вытекаетъ, что внутренній смыслъ предпринятыхъ ревизій заключается въ признаніи негоднымъ обычнаго аппарата раскрытія служебныхъ хищеній. Если же такъ, то первый ударъ ревизіи наносятъ существующему судебному строю, а второй — той организаціи высшихъ степеней администраціи, которая оказывается недостаточною для нормальнаго надзора за дѣятельностью низшихъ агентовъ власти. Но даже въ этихъ предѣлахъ ревизіи не имѣютъ дѣла съ казнокрадствомъ, какъ съ явленіемъ, и съ его причинами. Онѣ скользятъ и будутъ скользить по поверхности, сметая тѣхъ корыстолюбивыхъ хищниковъ, армію которыхъ создали, конечно, не ихъ личныя свойства, а общія условія государственно-правовой жизни. Практическій результатъ ревизій—рядъ судебныхъ процессовъ, болѣе или менѣе громкихъ, болѣе или менѣе скандальныхъ, и только.

Въ Казани и въ Петербургѣ уже разсматривались дѣла, возникшія вслѣдствіе ревизіи сенатора Гарина. Казанскимъ военно-окружнымъ судомъ осуждены члены мѣстной пріемной коммиссіи. Петербургскимъ—смотритель интендантскаго магазина, продавшій палатки. Повидимому, хищническая дѣятельность въ обоихъ случаяхъ была твердо установлена. А вызвали ли процессы и наложенныя на виновныхъ кары чувство удовлетворенія въ общественномъ сознаніи? Судя по тому, что писалось по поводу этихъ процессовъ въ газетахъ, приходится отвѣтить отрицательно. Оффиціозъ намъ, конечно, возразитъ ссылкой на зловредность „лѣвыхъ листковъ" и на склонность „такъ называе-

маго" общественнаго сознанія во всемъ и всегда становиться въ оппозицію правительству. Но такія возраженія слишкомъ ужъ избиты и въ достаточной мѣрѣ надоѣли. Опровергать ихъ не стоитъ. Да и не въ опроверженіяхъ дѣло, а въ фактѣ, который отнюдь не является новымъ. Вспомните процессы восьмидесятыхъ годовъ — Россицкаго и Макшеева, интендантовъ дѣйствовавшей на Балканахъ арміи, или процессъ Авринскаго, начальника могилевскаго округа путей сообщенія. Какъ относилось къ этимъ процессамъ общественное мнѣніе до суда и послѣ судебнаго разбирательства? Всѣ три — окончились сравнительно мягкими приговорами. Было ли общественное мнѣніе возмущено мягкостью наказаній? Да и одно ли общественное мнѣніе проявило снисходительное отношеніе? Какъ извѣстно, Россицкому, Макшееву и всѣмъ осужденнымъ вмѣстѣ съ ними карательныя послѣдствія приговоровъ вскорѣ были еще далѣе смягчены въ порядкѣ помилованія. Если не ошибаемся, актъ помилованія былъ примѣненъ и къ процессу могилевскихъ инженеровъ.

Секретъ раскрываютъ слова бывшаго московскаго градоначальника Рейнбота—ближайшаго кандидата на скамью подсудимыхъ. Въ своихъ ходатайствахъ о прекращеніи дѣла онъ писалъ, что возбужденныя противъ него обвиненія таковы, что, „возбуждая ихъ, надо возбудить дѣло по всей Россіи, противъ всей полиціи". Формально, такое оправданіе своей преступной дѣятельности не заслуживаетъ вниманія. Но житейски оно несомнѣнно объясняетъ и мягкость судебныхъ приговоровъ, и снисходительное отношеніе даже къ казнокрадамъ общественнаго сознанія. Общественное сознаніе и судейская совѣсть всегда чутки къ реальной правдѣ жизни. А эта правда слишкомъ громко говоритъ о безцѣльности борьбы съ преступленіемъ,—когда оно, какъ явленіе, внѣдрилось въ государственное бытіе, — путемъ изловленія отдѣльныхъ преступниковъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что, какъ бы ни окончился процессъ Рейнбота, пройдутъ годы, а можетъ быть только мѣсяцы—и „лѣвые листки", никогда не имѣвшіе основанія симпатизировать его дѣятельности, найдутъ при оцѣнкѣ его судьбы мягкія ноты. Не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что ранѣе, чѣмъ сенаторы успѣютъ закончить ревизіи, интересъ къ ревизіонно-карательному способу разрѣшенія „интендантскаго" вопроса пропадетъ, какъ къ мѣрѣ давно извѣданной и давно доказавшей свою недостаточность.

Въ предпринятой борьбѣ казнокрады отдѣлены отъ казнокрадства—и это служитъ вѣрнымъ ручательствомъ, что борьба органически не можетъ быть доведена „до конца". Казнокрады суть сложный продуктъ явленія, которое само по себѣ представляется тоже сложнымъ. „Свѣтъ" недавно писалъ: „люди — вездѣ люди; грабить

казну можно при любомъ государственномъ строѣ, при любомъ общественномъ контролѣ и свободѣ печати". Конечно: „люди — вездѣ люди". И процессы о хищникахъ казеннаго и общественнаго достоянія бываютъ повсюду. Но почему, чѣмъ дальше идти отъ странъ съ твердо установившимся гражданско-правовымъ строемъ къ странамъ, отрицающимъ свободу печати и общественный контроль и выдвигающимъ вмѣсто всего другого начало чиновничьяго всемогущества и усмотрѣнія, — почему тѣмъ болѣе спорадическіе случаи казнокрадства обращаются въ сплошной національный грѣхъ? Очевидно, людей нельзя отрывать отъ условій, въ которыхъ они живутъ и дѣйствуютъ. И въ той же самой статьѣ „Свѣтъ" опровергъ свой наивный тезисъ: „очистить — писала газета — авгіевы конюшни интендантскаго вѣдомства въ Россіи, Германіи, Франціи, Англіи было бы возможно лишь строжайшимъ устраненіемъ сыновъ израилевыхъ отъ всякихъ поставокъ и подрядовъ для казны. Скажутъ: это невозможно, неравноправно. Можетъ быть. Но тогда и сенаторскія ревизіи окажутся лишь палліативами. Дадутъ лишь новые примѣры казни маленькихъ воришекъ для назиданія большимъ".

Какъ органъ моднаго юдофобства, газета опровергла наивность наивностью. Но даже и въ глазахъ газеты, гдѣ сотрудничаетъ г. Марковъ 2-ой, существуютъ общія причины, разрушающія значеніе ревизій. Эти причины съ точностью были установлены освободительнымъ движеніемъ, и едва ли есть надобность ихъ повторять. Пока отрицаніе законности и, главнымъ образомъ, обязанности органовъ власти подчинять свою дѣятельность закону составляетъ государственно-правовой догматъ, мыслимо ли ожидать, что въ одной области—въ области соблюденія имущественныхъ интересовъ казны,—исчезнетъ самовластіе и „либеральное" отношеніе къ казеннымъ деньгамъ и къ казенному добру? Пока продолжаютъ регулировать административную дѣятельность нормы устарѣлыя, открывающія, подъ покровомъ канцелярской тайны и принципа охраненія авторитета власти, широкую возможность злоупотребленій,—мыслимо ли ждать коренной очистки „интендантскихъ" авгіевыхъ конюшенъ?

Въ послѣдніе до-конституціонные годы законодательная дѣятельность Россіи была въ состояніи паралича. Въ то же состояніе ее повергла третья Дума, споспѣшествуемая Государственнымъ Совѣтомъ. И, повидимому, на обновленіи законодательства надолго поставлена точка. Даже вермишель съ трудомъ проходитъ черезъ законодательную машину, направляющая часть которой — министерство П. А. Столыпина, а рабочія части—Дума 3-го іюня и Государственный Совѣтъ, заставляющій съ грустью вспоминать о его до-конституціонномъ прошломъ. Мирнообновленецъ Н. Н. Львовъ, въ рѣчи при обсужденіи бюджета

на 1910 г., кстати напомнилъ слова П. А. Столыпина при открытіи третьей Думы о томъ, что Россію отдѣляютъ отъ реформъ и преобразованій уже не мѣсяцы, а недѣли. Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ реформы все отдалялись, и если въ настоящій моментъ можетъ быть рѣчь о предстоящихъ реформахъ, то только о реформахъ „наоборотъ", въ родѣ новыхъ ограниченій для евреевъ, окончательнаго освобожденія губернаторовъ отъ всякихъ стѣсненій ихъ „энергіи", съуженія компетенціи органовъ самоуправленія и т. д. Въ административной дѣятельности министерства на одинъ случай увольненія костромского губернатора, г. Веретенникова, приходятся десятки приводящихъ въ изумленіе циркуляровъ неограниченныхъ воеводъ—тамбовскаго, одесскаго, вятскаго или ялтинскаго. Одесскій градоначальникъ, ген. Толмачевъ, ничтоже сумняшеся, говорилъ сотруднику „Русскаго Слова: „Если хотите ругать Драчевскаго или другого кого — присылайте статьи въ одесскія газеты,—пропущу. Они за меня не заступаются, и я за нихъ не заступлюсь. А насчетъ чего прочаго... берегитесь! У меня такое правило, что если кадетъ или прогрессистъ попроситъ разрѣшенія прочесть лекцію о воспитаніи дѣвицъ—не разрѣшу. Потому, всякое слово, вылетающее изъ устъ прогрессиста, можетъ причинить Россіи вредъ. А Драчевскаго... сдѣлайте милость,— любезно осклабился генералъ"...

Впрочемъ, будемъ справедливы. Въ военномъ вѣдомствѣ, которое первое попало подъ ревизіонно-карательные удары, реформаторская дѣятельность кипитъ. Портные торжествуютъ. Они не успѣваютъ шить платье одного покроя, какъ приходится шить другого. Управленія тасуются и переименовываются. Въ интендантствѣ заводятся офицерскіе суды чести. Собираются построить центральную лабораторію и отнять отъ солдатъ право распоряжаться такъ называемыми годовыми вещами, т.-е. бѣльемъ и сапогами. Снова, послѣ двадцати лѣтъ разговоровъ, заговорили на тему: какъ хорошо было бы, еслибы вмѣсто подрядчиковъ поставляли хлѣбъ первые производители, землевладѣльцы...

Мы только что сказали, что Государственный Совѣтъ заставляетъ съ грустью вспоминать о своемъ прошломъ. Дѣйствительно, въ этомъ прошломъ есть то, о чемъ естественно было забыто, когда, на смѣну законосовѣщательнаго Совѣта старцевъ, въ государственный строй были введены представительныя палаты съ законодательной властью, съ правомъ иниціативы и контроля. Когда черезъ четыре года, подводя итогъ „обновленію", приходится насчитывать тысячи казненныхъ, сотни закрытыхъ газетъ, розыскъ казнокрадовъ, какъ единственный плюсъ, готовящіяся реформы „на-оборотъ" и приближающійся раз-

громъ Финляндіи, то мысль столь же естественно возвращается назадъ. Стараго Государственнаго Совѣта министры боялись. Тамъ даже гр. Д. А. Толстой встрѣчалъ препятствія для своихъ искоренительныхъ вожделѣній. Тамъ были сохранены хоть остатки земской самостоятельности. Тамъ былъ хоть небольшой тормазъ для безудержнаго шествія реакціи. Тамъ не всегда боялись заподозриваній. Тамъ, во всякомъ случаѣ, не шли по пути реакціи дальше того, чего желалъ очередной распорядитель судебъ—Толстой, Сипягинъ, Плеве.

На высотѣ стараго Государственнаго Совѣта новый оказался впервые 13-го февраля. Въ этотъ день наша верхняя палата отвергла подавляющимъ большинствомъ голосовъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ о преобразованіи статистическихъ курсовъ въ высшій статистическій институтъ. Черезъ Думу проектъ прошелъ почти незамѣтно. Внѣшняя сущность проекта состояла въ требованіи создать высшее учебное заведеніе съ задачами вѣдомственно-профессіональной школы—подготовлять статистиковъ для службы по министерству внутреннихъ дѣлъ. У насъ нѣтъ статистики и статистиковъ: таковъ былъ основной мотивъ авторовъ проекта. „Мы стоимъ—говорилъ въ Совѣтѣ представитель министерства, генералъ Золотаревъ — гораздо ниже цивилизованныхъ государствъ Запада. Мы не только не знаемъ условій жизни отдѣльныхъ частей государства, но не знаемъ состоянія тѣхъ или другихъ отраслей промышленности, даже размѣровъ культурной площади; у насъ нѣтъ полнаго списка населенныхъ мѣстъ. Есть цѣлыя области, въ родѣ Терской, гдѣ нѣтъ даже правильныхъ записей рождаемости и смертей—у сѣверокавказскихъ горцевъ. Объ эмиграціи свѣдѣній не собирается, о внутреннемъ передвиженіи населенія мы знаемъ однѣ общія фразы о томъ, что весной цѣлыя полчища сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и крестьянъ тянутся съ сѣвера на югъ на заработки" („Рѣчь", № 44).

Все это совершенно вѣрно. Но если такъ, то почему нельзя использовать—поскольку нужны статистики съ высшимъ образованіемъ—юридическіе факультеты университетовъ? На это товарищъ министра, г. Крыжановскій, отвѣчалъ, что „если ждать, пока университеты смогутъ подготовить кадры опытныхъ статистиковъ, то въ теченіе десятковъ лѣтъ придется довольствоваться статистиками либо самородками, либо самоучками". Доводъ—явно неосновательный, ибо разъ признается, что нужны десятки лѣтъ, дабы подготовили статистиковъ девять существующихъ факультетовъ, то почему ихъ можетъ подготовить по мановенію волшебнаго жезла институтъ, который нужно создать, и одинъ на всю Россію? И неосновательность подобной защиты краснорѣчивѣе всякихъ словъ показала, что проектъ навѣянъ соображеніями особеннаго свойства—гораздо болѣе близкими къ охранѣ,

чѣмъ къ наукѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ задалось желаніемъ имѣть статистиковъ, прошедшихъ юридическое образованіе подъ руководствомъ профессоровъ, которыхъ въ стѣнахъ даже „истинно-русскаго" новороссійскаго университета студентамъ не часто приходится слышать. Для статистика, говорилъ ген. Золотаревъ, необходимъ „правильный" взглядъ на общественныя явленія. Что значитъ „правильный" взглядъ въ устахъ лица, стоящаго во главѣ курсовъ, гдѣ занимаетъ каѳедру Б. В. Никольскій—едва ли нужно пояснять.

Проектъ преслѣдовалъ чисто-полицейскую цѣль. До-конституціонный министръ, В. К. Плеве, какъ извѣстно, просто расправился съ земской статистикой: закрылъ во многихъ губерніяхъ оцѣночныя коммиссіи и статистиковъ разогналъ. Министерство конституціонное предполагало болѣе сложную расправу—черезъ посредство статистиковъ, спеціально воспитанныхъ въ духѣ благонадежности, твердо усвоившихъ „правильный" взглядъ на общественныя явленія и въ награду за то, а также для большей авторитетности, облеченныхъ званіемъ людей съ высшимъ образованіемъ.

Мы незнакомы въ деталяхъ съ проектомъ министерства. Но мы не удивились бы, еслибы увидѣли въ организаціи высшаго статистическаго института строго проведенныя начала автономіи. Архи-реакціонная „Земщина" на-дняхъ напечатала слѣдующія любопытныя по откровенности строки: „Насъ, правыхъ, почему-то любятъ изображать въ качествѣ принципіальныхъ противниковъ университетской автономіи. Между тѣмъ, противъ автономіи по существу ничего имѣть нельзя. Катковъ, напримѣръ, былъ страстнымъ поклонникомъ университетской автономіи въ Англіи и не признавалъ ея въ Россіи. Автономія автономіи—рознь. Представьте себѣ, что громадное большинство русской профессуры составляютъ такіе профессора, какъ академикъ А. И. Соболевскій, проф. И. Т. Тарасовъ, П. А. Кулаковскій, Б. В. Никольскій и др. О, тогда мы, всѣ правые, стояли бы за автономію высшей школы"... Русская жизнь вступила въ полосу самыхъ беззастѣнчивыхъ признаній.

Петербургскій процессъ адвокатовъ въ теченіе цѣлой недѣли былъ предметомъ самаго напряженнаго вниманія всей Россіи. Это можно сказать смѣло, нисколько не опасаясь впасть въ преувеличеніе. Когда разборъ дѣла подходилъ къ концу, намъ случайно пришлось быть внѣ Петербурга. Мѣстныя газеты были полны самыми подробными отчетами. Въ вагонѣ, въ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ, даже на улицѣ, только и слышались, что разговоры о процессѣ. Оправдательный вердиктъ былъ принятъ съ чувствомъ удовлетворенія.

Обвинительный приговоръ больно ударилъ бы не по однимъ судившимся. Какъ было установлено всѣми данными дѣла и какъ завѣрено вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей, присяжные повѣренные Базуновъ и Аронсонъ фактически не способствовали побѣгу Ольги Штейнъ. Но въ самомъ возбужденіи обвиненія слишкомъ ясно звучала нота стремленія раскрыть для прокурорскаго вторженія тѣ интимныя отношенія, не допускающія посторонняго глаза, которыя неизбѣжно устанавливаются въ уголовномъ процессѣ между защищаемыми и защитниками. Могла ли Ольга Штейнъ посвятить защитниковъ въ намѣреніе скрыться? Могла ли она по-просту спросить своихъ защитниковъ, не лучше ли ей использовать нахожденіе на свободѣ и уклониться отъ явки въ судъ, въ первый ли день процесса, или въ послѣдній — все равно? Конечно, да. Ни одинъ самый щепетильный адвокатъ не можетъ быть гарантированъ ни отъ подобнаго вопроса, ни отъ подобнаго признанія. Что онъ отвѣтитъ — дѣло его совѣсти и такта. Но обязанъ ли адвокатъ, узнавъ о намѣреніи подсудимаго бѣжать, идти и доложить о томъ суду? Конечно—нѣтъ. Конечно, онъ не имѣетъ на это права, ни нравственнаго, ни формальнаго, ибо всякое признаніе подзащитнаго составляетъ для адвоката профессіональную тайну. А если подсудимый привелъ свое намѣреніе въ исполненіе? Обязанъ ли адвокатъ идти въ судъ съ заявленіемъ о всемъ томъ, что ему извѣстно со словъ подзащитнаго и что можетъ способствовать задержанію скрывшагося? Не въ правѣ ли будетъ подзащитный сказать ему: „ты былъ моимъ защитникомъ, я отъ тебя ничего не скрывалъ, а ты меня выдалъ“?

Не споримъ: для безотвѣтственности адвоката, дѣйствующаго въ интересахъ подзащитнаго и во вредъ правосудію, должна быть грань. Но устанавливать эту грань a priori, на основаніи отвлеченныхъ формулъ уголовнаго кодекса, значитъ вырывать изъ адвокатуры душу. Грань можетъ быть устанавливаема только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, притомъ на основаніи этической оцѣнки — т.-е. сословнымъ судомъ чести. Примѣняясь къ нашей организаціи адвокатуры, мы полагаемъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касается того, что происходило между защитниками и подзащитными съ глазу на глазъ, рѣшающее слово можетъ исключительно принадлежать совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. И только когда совѣтъ скажетъ, что адвокатъ перешелъ за грань непреступнаго — только тогда возможна скамья подсудимыхъ.

Въ дѣлѣ Базунова и Аронсона ясно обрисовался на судѣ и другой моментъ—политическій. Привлеченіе ихъ было политическимъ шагомъ противъ покойнаго Перґамента. И если въ этомъ отношеніи еще могли быть сомнѣнія, то ихъ окончательно разрушилъ членъ Думы Замы-

словскій, выступавшій защитникомъ сожителя Штейнъ—Шульца. Онъ не столько защищалъ Шульца, сколько обвинялъ, въ лицѣ судившихся, покойнаго Пергамента и адвокатуру вообще. „Адвокаты опутали", „адвокаты подучили" — таковы были его главные аргументы, пересыпаемые обычными юдофобскими вставками. Не безъ злорадства Базуновъ и Аронсонъ были посажены рядомъ съ Шульцемъ. Присяжные ихъ раздѣлили: адвокаты оправданы, Шульцъ освобожденъ отъ наказанія по невмѣняемости...

Отъ привлеченія къ отвѣтственности отдѣльныхъ адвокатовъ и харьковскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ полномъ составѣ министерство перешло къ „упорядоченію" дѣятельности адвокатскихъ учрежденій. Ударъ пока направленъ на консультаціи, о которыхъ внесенъ въ Думу законопроектъ. О консультаціяхъ уже давно ведутся разговоры. Создавшіяся задолго до „обновленнаго" строя, консультаціи благополучно пережили самые мрачные годы общей и спеціально судебной — если позволительно такъ выразиться — реакціи. Въ строѣ возвѣщенной свободы обществъ и союзовъ онѣ оказались не столь легко уязвимыми. Въ законѣ не предусмотрѣна возможность ихъ закрытія по охранному мотиву, снимающему съ начальственнаго усмотрѣнія всякія правовыя путы, когда ихъ дѣятельность будетъ признана угрожающею „общественной безопасности и спокойствію". Восполненіе этого пробѣла и составляетъ главную задачу проекта. Попутно проектъ въ упрощенной формѣ простого умолчанія закрываетъ всѣ консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Предположенія проекта весьма кратки. „Совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ — гласитъ ст. 1-ая — предоставляется учреждать консультаціи изъ нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ для подачи лицамъ, къ нимъ обращающимся, совѣтовъ по юридическимъ вопросамъ". Далѣе указывается, что консультаціи „дѣйствуютъ на основаніи особыхъ уставовъ", которые „представляются на утвержденіе министра юстиціи". И затѣмъ слѣдуетъ центральное для всего проекта опредѣленіе: „Въ случаѣ обнаружившихся въ дѣятельности консультацій отступленій отъ закона или уклоненія отъ обязательныхъ для нихъ, согласно уставамъ, условій ихъ дѣятельности, а равно если дѣятельность консультацій угрожаетъ общественной безопасности и спокойствію, министру юстиціи предоставляется право закрытія консультацій". Проектъ предполагаетъ распространить вновь вводимыя правила на всѣ существующія консультаціи, „если онѣ желаютъ продолжать свою дѣятельность".

Насколько развилась организація консультацій, видно изъ того, что общее число ихъ превышаетъ 80. Въ одномъ Петербургѣ имѣется 13 консультацій: одна при судѣ, одна при мировомъ съѣздѣ и один-

надцать въ разныхъ частяхъ города, преимущественно на окраинахъ. Населеніе къ консультаціямъ привыкло. Десятки тысячъ нуждающихся въ юридической помощи ежегодно обращаются къ ихъ содѣйствію и получаютъ совѣты и указанія или вовсе безплатно, или буквально за грошевую плату. И въ громадномъ большинствѣ консультаціи—дѣло адвокатской молодежи, помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые работаютъ въ нихъ самостоятельно. Закрытіе помощническихъ консультацій и подчиненіе консультацій присяжныхъ повѣренныхъ ежеминутной угрозѣ закрытія по мотиву, равноцѣнному отсутствію какихъ бы то ни было мотивовъ,—конечно, погубитъ наладившееся трудное дѣло. Подпольная неграмотная адвокатура скажетъ спасибо. Наступило „успокоеніе"—готовится придти и „реформа".

Состоится или не состоится второй съѣздъ представителей печати? Вѣрнѣе: долженъ ли съѣздъ состояться, или нѣтъ? Этотъ вопросъ составляетъ предметъ горячихъ и страстныхъ дебатовъ въ писательской средѣ. Возникъ онъ вслѣдствіе того, что правительство вычеркнуло изъ программы занятій съѣзда вопросъ о правовомъ положеніи печати.

Въ такихъ же условіяхъ проходилъ первый съѣздъ, собиравшійся въ Петербургѣ въ концѣ іюня 1908 года. Тогда тоже было запрещено говорить о положеніи печати. Но тогда у съѣзда была спеціальная задача. Предстояло чествованіе 80-лѣтія Л. Н. Толстого, и съѣздъ былъ созванъ, главнымъ образомъ, для установленія формъ и способовъ чествованія. И всетаки, какъ мы писали непосредственно послѣ закрытія съѣзда, онъ оставилъ, въ общемъ, тяжелое впечатлѣніе [1]). По мѣрѣ того, какъ впечатлѣнія переходили въ воспоминанія, тяжелыя чувства все болѣе наростали. Теперь съ грустью приходится признать полную справедливость оцѣнки значенія перваго съѣзда, которую сдѣлалъ 6 февраля на столбцахъ „Русскихъ Вѣдомостей" А. В. Пѣшехоновъ. „Открытая съѣздомъ подписка на домъ имени Л. Н. Толстого была встрѣчена довольно холодно. Организованный имъ судъ чести, хотя съѣздъ и постарался включить въ него всѣми уважаемыхъ писателей, въ писательской средѣ не получилъ признанія и фактически не осуществился. Выбранный съѣздомъ организаціонный комитетъ по устройству слѣдующаго съѣзда чуть не распался; нѣкоторые писатели, выбранные заочно, отказались въ немъ участвовать; пополненный при помощи кооптаціи, онъ дѣйствовалъ довольно вяло. Хотя слѣдующій съѣздъ предположено было созвать черезъ 6

[1]) См. „Изъ общественной хроники", августъ 1908 г., стр. 821—824.

мѣсяцевъ, комитетъ лишь черезъ $1^1/_2$ года приступилъ къ практическому осуществленію возложенной на него задачи".

Ничего другого, кромѣ еще бо̀льшей безрезультатности, нельзя ожидать отъ второго съѣзда. У писателей, конечно, какъ у всякой профессіи, есть свои чисто профессіональные интересы и нужды, ничего общаго не имѣющіе съ политикой. Но правовое положеніе печати для нихъ составляетъ тоже профессіональный интересъ, спритомъ такой, который покрываетъ всѣ остальные. Можно ли спокойно заниматься „дѣлишками", не смѣя звука проронить о „дѣлѣ"? Если профессіональные съѣзды врачей и техниковъ сбивались и сбиваются на политику, если, не смотря на невѣроятныя усилія организаторовъ съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ, сужденія его членовъ ежедневно переходили на запретныя общеполитическія темы, то мыслима ли возможность плодотворнаго по результатамъ съѣзда людей, профессія которыхъ—отражать общественное настроеніе и формулировать волнующія общественное сознаніе мысли, и которые будутъ разсуждать о всемъ, но только не о томъ, что̀ ихъ волнуетъ? Время для профессіональныхъ съѣздовъ, посвященныхъ „дѣлишкамъ", у насъ прошло раньше, чѣмъ успѣло наступить. А время для возрожденія тѣхъ съѣздовъ, которые предшествовали короткимъ днямъ свободы, еще не настало. Мы еще слишкомъ близки къ тѣмъ днямъ. Въ писательской средѣ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, живо недавнее прошлое—партійное дробленіе и партійная рознь. Какъ ни велики стѣсненія, испытываемыя непривилегированной печатью, того единаго положительнаго лозунга, вокругъ котораго могъ бы соединиться съѣздъ, еще не найти.

Основной аргументъ сторонниковъ созыва съѣзда, хотя бы съ урѣзанной программой, заключается въ томъ, что правовой вопросъ силою вещей неизбѣжно на съѣздѣ будетъ поставленъ. Этотъ аргументъ восторжествовалъ въ засѣданіи петербургскаго литературнаго общества 12 февраля, гдѣ, послѣ бурныхъ преній и вопреки докладу совѣта, была принята слѣдующая резолюція: „Считая, что ограниченіе программы съѣзда не въ состояніи воспрепятствовать выраженію насущныхъ правовыхъ и матеріальныхъ нуждъ печати, литературное общество высказывается за участіе въ съѣздѣ писателей". Допустимъ недопустимое. Допустимъ, что ограниченіе программы дѣйствительно не будетъ въ состояніи воспрепятствовать выраженію насущныхъ правовыхъ нуждъ печати, что при первой попыткѣ перваго оратора съѣздъ не будетъ разогнанъ городовыми, что „явочнымъ" порядкомъ на немъ будетъ оглашенъ мартирологъ печати и будетъ представлено во всей красѣ безправіе въ свободѣ, торжественно возвѣщенной и безъ всякаго торжества отнятой. Во всякомъ случаѣ,

поминутная оглядка на полицейскаго окажетъ свое дѣйствіе: этого никто отрицать не станетъ. Спокойнаго обмѣна мнѣній не произойдетъ. А демонстрировать партійные счеты и кивки успѣютъ; тутъ полицейской опасности не будетъ. Въ томъ же засѣданіи литературнаго общества сторонники и противники созыва съѣзда сгруппировались по партійнымъ дѣленіямъ, и первые направляли свои ораторскіе удары не на существо вопроса, а на кадетовъ и „кадетствующихъ".

Кромѣ совѣта литературнаго общества, противъ созыва съѣзда единогласно высказался комитетъ литературнаго фонда, а также редакціи „Русскаго Богатства", „Вѣстника Европы", „Рѣчи" и трехъ московскихъ газетъ: „Русскихъ Вѣдомостей", „Русскаго Слова" и „Утра Россіи". Отношеніе провинціальной прессы еще не опредѣлилось. По поводу такого отношенія къ съѣзду, обнаружившагося въ „литературныхъ верхахъ", уже пущенъ укоръ, что „литературнымъ генераламъ" профессіональный, въ узкомъ смыслѣ слова, съѣздъ не нуженъ и что они не желаютъ принять во вниманіе интересы рядовыхъ работниковъ печати. На этотъ укоръ справедливо отвѣчало „Утро Россіи": „Не литературные генералы проваливаютъ съѣздъ, а сама жизнь съ ея желѣзною, не знающею споровъ, логикой. Именно для арміи рядовыхъ, маленькихъ журналистовъ невозможно съѣхаться и говорить о своихъ дѣлахъ, оставляя въ сторонѣ правовое положеніе печати, угнетающее ихъ морально и физически гораздо больше, нежели выдающихся журналистовъ, для которыхъ всегда и при всѣхъ условіяхъ можетъ найтись работа, которые даже среди безправія имѣютъ право писать болѣе свободно, нежели мелкіе труженики"...

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы приводили циркуляръ вятскаго губернатора, предлагавшій земскимъ начальникамъ „настойчиво" рекомендовать волостнымъ правленіямъ „новое, весьма полезное изданіе". Что это былъ бы за съѣздъ представителей печати, еслибы заранѣе было объявлено, что пишущіе обязаны забыть и этотъ циркуляръ, и вообще литературные взгляды г. Камышанскаго, столь своеобразно имъ формулированные въ томъ же циркулярѣ? Теперь передъ нами другой, еще болѣе замѣчательный „предподписочный" циркуляръ губернатора тамбовскаго [1]). Здѣсь прямо перечисляются требованія, „которыя должны быть предъявляемы періодическимъ изданіямъ". Тамбовскій губернаторъ дѣлитъ современную періодическую русскую литературу на два, какъ онъ пишетъ, рѣзко очерченныхъ лагеря: „на ту, которая пытается внести дѣйствительное просвѣщеніе, пробудить любовь къ родинѣ, къ нашей исторіи и къ тѣмъ вѣковымъ устоямъ, на которыхъ, какъ ни какъ, Россія всетаки выросла въ могучее государ-

---

[1]) Циркуляръ напечатанъ въ „Рѣчи", № 47.

ство, и на ту, которая, находясь въ рукахъ инородцевъ, преимущественно евреевъ, руководится идеалами людей, мечтающихъ о второй русской революціи, и ради этой мечты оплевываетъ Россію, смѣется надъ всѣмъ дорогимъ и святымъ для насъ, прибѣгая иногда для болѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли къ сантиментально-жалкимъ словамъ... Не подлежитъ сомнѣнію—продолжаетъ властный литературный критикъ, — что вторая литература, болѣе богато обставленная свѣдѣніями, болѣе заманчивая по красочности своей и болѣе доступная по цѣнѣ, охотно читается молодежью, которая, взвинченная писаніями „мошенниковъ пера и разбойниковъ печати", начинаетъ на все окружающее смотрѣть глазами газетчика, чтобы въ концѣ концовъ приготовить изъ себя въ лучшемъ случаѣ хмураго человѣка, въ худшемъ — революціонера". Заключенъ циркуляръ троякимъ перечнемъ изданій: во-первыхъ, „желательныхъ" для библіотекъ и читаленъ и для выписки на деньги „изъ земскихъ и городскихъ кассъ"; во-вторыхъ, „не особенно желательныхъ, но терпимыхъ", и, въ-третьихъ, „безусловно недопустимыхъ". Для характеристики перечня упомянемъ, что даже старающіеся „Голосъ Москвы" и „Голосъ Правды" отнесены лишь къ терпимымъ, „Русское Знамя", „Земщина", „Колоколъ"—конечно, въ категоріи желательныхъ.

Давно такъ повелось, что въ періодъ очередныхъ сессій губернскихъ земскихъ собраній пресса особенно внимательно относилась къ тверскому собранію. Корреспонденціи изъ Твери печатаются въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, вообще говоря, рѣдко. Въ періодъ же губернскихъ собраній и телеграммы, и телефонныя сообщенія, и письма, отправляемыя почтой, печатались чуть не ежедневно. И, конечно, еще не могло изгладиться изъ памяти — почему. Тверское земство въ теченіе многихъ лѣтъ заслуженно обращало на себя всеобщее вниманіе. Въ нынѣшнемъ году явленіе повторилось. Закрывшееся въ февралѣ тверское губернское собраніе тоже было предметомъ вниманія и тоже—правду сказать — заслуженнаго. Подъ руководствомъ г. Гурко, оно не безъ успѣха пыталось затмить славу курскихъ помѣщиковъ-земцевъ, съ г. Марковымъ во главѣ.

Передъ нами нѣсколько корреспонденцій. Имя г. Гурко упоминается во всѣхъ. Онъ былъ несомнѣннымъ героемъ собранія. Впервые избранный гласнымъ,—хотя и не имѣвшій права баллотироваться, какъ подвергшійся по суду отрѣшенію отъ должности менѣе трехъ лѣтъ назадъ,—бывшій „безстрашный" товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сразу сталъ наводить въ тверскомъ земствѣ свои порядки. Управа въ Твери архи-правая. Но и въ ней г. Гурко усмотрѣлъ кра-

молу. Съ особенной „энергіей“ онъ набросился на „страховую реформу“, введенную еще до 1906-го года лѣвымъ составомъ собранія. Реформа состояла въ томъ, что сборъ страховыхъ платежей былъ переданъ изъ рукъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ въ руки особыхъ агентовъ. „Правда,—говорилъ г. Гурко,—раньше сельскіе старосты вносили страховые платежи въ уплату казенныхъ повинностей; были и растраты“. Казалось бы, послѣ такой „правды“ и продолжать не о чемъ. Но что значатъ въ глазахъ сыска растраты, когда вмѣсто „малограмотныхъ старостъ работаетъ интеллигентный третій элементъ“! Г. Гурко потребовалъ вернуться „къ прежнему, *лучшему* порядку“. Онъ закончилъ рѣчь окрикомъ въ духѣ извѣстнаго: „не запугаете!“ „Если — съ паѳосомъ объявилъ онъ — намъ помѣшаетъ созданная агентура, то мы, не смущаясь, смѣло скажемъ: прочь съ дороги!“ Въ томъ же тонѣ величественнаго самомнѣнія былъ имъ данъ отвѣтъ предсѣдателю управы, который указалъ г. Гурко на фактическую невѣрность его утвержденій. „Если—прокричалъ отрѣшенный отъ должности сановникъ не у дѣлъ—управа не хочетъ идти навстрѣчу пожеланію возвратиться къ старымъ страховымъ порядкамъ, то мы заставимъ ее это сдѣлать“!

Штурмъ въ отношеніи страховой организаціи не удался. Какъ ни „благонамѣренно“ большинство нынѣшняго тверского собранія, оно не рискнуло сразу, по-военному, расправиться съ сложнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ сбора страховыхъ платежей. Деньги, всетаки, любятъ счетъ и не любятъ, чтобы ихъ отдавали въ руки, склонныя не передавать сборовъ по назначенію. За то въ другомъ случаѣ г. Гурко съ истинно-русскими союзниками вышли полными побѣдителями. Вопросъ касался евреевъ. Поднялъ его предсѣдатель старицкой уѣздной управы, „истинно-русскій“ г. Бухмейеръ, пославшій въ губернскую управу слѣдующіе два запроса, которые приводимъ цѣликомъ, какъ они были напечатаны въ „Русскомъ Словѣ“ (№ 25). „Старицкая управа освѣдомилась — писалъ г. Бухмейеръ въ первомъ,—что въ Бурашевской колоніи для душевно-больныхъ среди медицинскаго персонала находятся евреи. А такъ какъ старицкая управа считаетъ, что оставленіе на попеченіи евреевъ православныхъ больныхъ является совершенно невозможнымъ, то и проситъ губернскую управу увѣдомить, правдивы ли ея свѣдѣнія о врачахъ-евреяхъ“. Второй запросъ гласилъ: „Старицкая управа признаетъ, что полученіе медикаментовъ изъ еврейскихъ рукъ представляется весьма опаснымъ. Поэтому, ранѣе, чѣмъ выписывать медикаменты изъ тверского склада, старицкая уѣздная управа проситъ губернскую увѣдомить, есть ли на службѣ въ губернскомъ аптекарскомъ складѣ евреи и въ какомъ количествѣ“.

5-го февраля — разсказываетъ корреспондентъ той же газеты

(№ 30)—у губернскихъ гласныхъ праваго крыла, съ г. Гурко во главѣ, состоялось какое-то тайное совѣщаніе. 6-го февраля, въ засѣданіи земскаго собранія, тайное стало явнымъ. Въ собраніе было внесено предложеніе—принимать на земскую службу только христіанъ. Послѣ единичныхъ возраженій, предложеніе было принято. Къ мотивамъ г. Бухмейера авторы предложенія присоединили не менѣе примѣчательные. А именно: во-первыхъ, „населеніе Тверской губерніи принадлежитъ къ коренному ядру великорусскаго племени и состоитъ въ лонѣ святой православной церкви"; во-вторыхъ, „средства, коими вознаграждается служба какъ медицинскаго персонала, такъ и всѣхъ остальныхъ отраслей земскаго хозяйства, оплачивается тѣмъ же тверскимъ христіанскимъ и русскимъ населеніемъ".

Чрезвычайно характерно — для эволюціи октябризма — отнесся къ побѣдѣ тверскихъ черносотенцевъ надъ евреями „Голосъ Москвы" (№ 32). „Настойчивое—оповѣстила своихъ партійныхъ читателей газета—выполненіе съ давняго времени кадетствующими земцами въ губернскомъ земствѣ и въ управѣ „временъ освободительства" партійнаго обязательства принимать на земскую службу евреевъ, послѣдствіемъ чего очень многія должности въ лечебныхъ учрежденіяхъ, аптекахъ и даже (одна должность) въ школѣ оказались въ рукахъ евреевъ, вызвало энергическій протестъ земскаго собранія, которое постановило предложить управѣ на земскую службу лицъ не-христіанскихъ исповѣданій вовсе не принимать. Постановленіе это произвело здѣсь громадное впечатлѣніе и разсматривается какъ актъ самообороны отъ вторженія въ мѣстныя дѣла чуждыхъ элементовъ". И за что тамбовскій губернаторъ считаетъ „Голосъ Москвы" только „терпимымъ" изданіемъ?! Можно ли такъ долго не прощать старые грѣхи?!..

Трагически, заразившись оспой въ далекомъ Ташкентѣ, скончалась Вѣра Ѳедоровна Коммиссаржевская. Покойная всю жизнь свою отдала театру, и на подмосткахъ же подкралась къ ней ужасная болѣзнь. Похороны покойной были въ Петербургѣ крупнымъ общественнымъ событіемъ. На мѣсто послѣдняго упокоенія ее провожала огромная толпа. Отзывчивая, нервная, всегда охваченная жаждой исканій, Коммиссаржевская не играла, а жила на сценѣ—и въ этомъ былъ секретъ ея успѣха и широкой популярности. Отмѣчаемъ возникшую въ Москвѣ мысль, чтобы памятникъ на могилѣ покойной былъ сооруженъ на средства, собранныя путемъ всеобщей подписки...

Коммиссаржевская была популярна. Ея смерть вызвала неподдѣльную скорбь. Для „правой" печати этого оказалось достаточно, чтобы отнестись къ покойной съ злобнымъ фарисействомъ. „Судь

Божій свершился надъ дерзновенной — писалъ „Колоколъ“. — Несчастная, погибающая душа, упиваясь смрадомъ кощунственныхъ и богохульныхъ рѣчей, не прозрѣвала, что судъ Божій уже произнесенъ и страшная смерть уже стоитъ у ея порога; и правда, что эта несчастная, грѣшная душа болѣе, чѣмъ чья-либо, нуждается въ милосердіи Божіемъ и требуетъ о себѣ полезныхъ молитвъ“. Эта тирада написана по поводу запрещенія саратовскимъ епископомъ Гермогеномъ отслужить панихиду по покойной въ мѣстномъ соборѣ и разрѣшенія молиться о упокоеніи ея души не иначе, какъ въ отдаленной приходской церкви.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Комитета Попечительства о трудовой помощи.

На основаніи § XXVI Высочайше утвержденныхъ 6-го іюня 1901 года правилъ о преміяхъ Августѣйшаго Имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, симъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что *срокъ для представленія сочиненія на соисканіе премій Имени Ея Величества назначенъ на 1 Мая 1911 года.*

Преміи присуждаются: одна большая въ размѣрѣ 2.000 р. и три малыхъ—первая въ 1.000 р., а остальныя двѣ—по 750 р. Въ случаѣ, если ни одно изъ представленныхъ сочиненій не будетъ удостоено большой преміи, предназначенная на этотъ предметъ сумма или можетъ быть обращена на образованіе двухъ малыхъ премій по 1.000 р. каждая, или же можетъ быть, какъ и остальныя не розданныя преміи, обращена Комитетомъ на выполненіе сочиненія по заказу на избранную Комитетомъ тему.

Преміи присуждаются Комитетомъ Попечительства о трудовой помощи.

Къ соисканію премій допускаются какъ рукописныя, такъ и напечатанныя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ до закрытія конкурса сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ разработку вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ, о благотворительности и мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію условій труда и быта нуждающихся, съ теоретической или практической точекъ зрѣнія, въ особенности въ примѣненіи къ Россіи, изученіе исторіи, статистики и законодательства по указаннымъ отраслямъ и т. п.

Комитетъ Попечительства, когда признаетъ нужнымъ, предлагаетъ на соисканіе премій темы. Сочиненія, написанныя на свободно избранныя темы, принимаются къ соисканію вмѣстѣ съ сочиненіями на предложенныя темы; симъ послѣднимъ, при равныхъ достоинствахъ, отдается, однако, преимущество.

При представленіи сочиненій, авторы или открыто сообщаютъ свое имя, отчество, фамилію и мѣстожительство, или, въ случаѣ нежеланія ихъ оглашать, помѣщаютъ сіи свѣдѣнія въ приложенномъ къ сочи-

ненію запечатанномъ пакетѣ; въ такомъ случаѣ на сочиненіи и на пакетѣ означается принятый авторомъ девизъ, и въ пріемѣ сочиненія и пакета изъ Канцеляріи Комитета выдается особая росписка.

Сочиненія къ соисканію премій могутъ быть присылаемы или представляемы въ присутственные дни въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ по Надеждинской ул., д. № 41, кв. 2, отъ 12 до 5 час. дня.—Здѣсь же помѣщается специальная библіотека по вопросамъ призрѣнія бѣдныхъ и благотворительности.

Темы, предложенныя Комитетомъ Попечительства на конкурсъ 1911 года: 1) Системы призрѣнія бѣдныхъ въ законодательствѣ и практикѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ; 2) Историческій обзоръ мѣръ общественнаго призрѣнія и благотворительности въ Россіи; 3) Церковь въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія и благотворительности.

II.—Отъ Комитета по Высочайше разрѣшенному 26-го апрѣля 1909 г. сбору пожертвованій на образованіе фонда имени Ивана Егоровича Забѣлина на сооруженіе зданія для Московскаго Археологическаго Института и при немъ археологическаго музея имени И. Е. Забѣлина.

31 января 1907 года былъ утвержденъ въ Москвѣ Археологическій Институтъ, высшее учебное заведеніе, вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣющее своею цѣлью подготовку лицъ обоего пола для должностей въ музеяхъ, архивахъ и библіотекахъ правительственнныхъ, общественныхъ и частныхъ, а равно и научную разработку археологіи, исторіи и археографіи съ ихъ вспомогательными дисциплинами. Курсъ обученія въ Институтѣ трехлѣтній. Въ дѣйствительные слушатели принимаются лица, получившія высшее образованіе; лица же, не получившія высшаго образованія, принимаются въ Институтъ въ качествѣ вольнослушателей, но съ правомъ держать переходные и выпускные экзамены. Окончившіе курсъ Института, смотря по успѣхамъ и въ зависимости отъ защиты диссертаціи, получаютъ званія: ученаго археолога или ученаго архивиста и дѣйствительнаго члена Института, окончившаго курсъ и члена-сотрудника или, наконецъ, окончившаго курсъ Института. Въ Институтѣ преподаются слѣдующіе предметы: 1) Первобытная археологія; 2) Бытовая археологія; 3) Христіанская археологія; 4) Общая исторія искусства; 5) Исторія археологическихъ открытій; 6) Исторія греческой архитектуры и

античной декораціи; 7) Исторія итальянскаго искусства эпохи возрожденія; 8) Исторія русскаго искусства; 9) Исторія русской архитектуры; 10) Исторія русскаго языка; 11) Исторія русской литературы; 12) Славяно-русская палеографія; 13) Чтеніе древнихъ рукописей; 14) Греческая палеографія; 15) Эпиграфика; 16) Юридическія древности; 17) Исторія учрежденій; 18) Историческая географія; 19) Архивовѣдѣніе; 20) Музеовѣдѣніе; 21) Библіотековѣдѣніе; 22) Дипломатика; 23) Геральдика; 24) Нумизматика; 25) Сфрагистика; 26) Метрологія и хронологія; 27) Генеалогія; 28) Этнографія; 29) Геологія.

Въ настоящее время въ Институтѣ около 300 слушателей. Институтъ содержится исключительно на плату за слушаніе лекцій и на частныя пожертвованія и помѣщается пока въ зданіи Медвѣдниковской гимназіи.

Неимѣніе собственнаго зданія является большимъ неудобствомъ во многихъ отношеніяхъ, почему Совѣтъ Института, послѣ смерти своего почетнаго члена и члена-учредителя Ивана Егоровича Забѣлина, желая увѣковѣчить его память, постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи всероссійской подписки на образованіе капитала для сооруженія зданія Института и при немъ археологическаго музея имени И. Е. Забѣлина, на что 26 апрѣля и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Полагая, что преуспѣяніе высшаго учебнаго заведенія, посвятившаго себя изученію родной старины, основаннаго въ сердцѣ Россіи — Москвѣ, дорого всѣмъ слоямъ общества, Комитетъ проситъ не отказать въ содѣйствіи по сбору пожертвованій (денежныхъ, а также различнаго рода строительными матеріалами и предметами обстановки для зданія Института и предметами древности, вещественными и письменными, для музея).

Пожертвованія Комитетъ проситъ направлять по адресу Предсѣдателя Комитета, Директора Института Александра Ивановича Успенскаго (Москва, Зубовскій бульваръ, д. Дворцоваго Вѣдомства) или Казначея—преподавателя Института Генералъ-Маіора Никандра Александровича Маркса (Москва, Большой Власьевскій пер., д. Альбрехтъ).

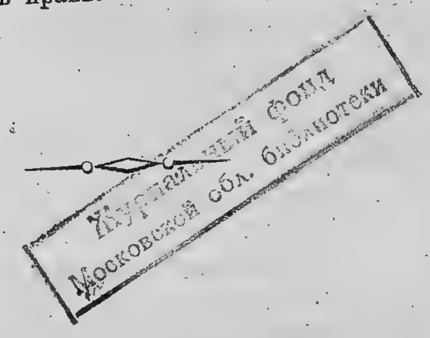
III.—Конкурсъ.

Петербургскій Клубъ Женской Прогрессивной Партіи объявляетъ конкурсъ на составленіе брошюры на тему: *Избирательныя права женщинъ.* На конкурсъ допускаются сочиненія лицъ обоего пола въ 1½—2 обыкновенныхъ печатныхъ листа, приблизительно по 35 т.

буквъ въ листѣ. Изложеніе должно быть общедоступное. Допускаются только оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Ранѣе напечатанныя брошюры и переводы къ конкурсу не допускаются. Сочиненіе, удостоенное преміи, считается собственностью автора. Сочиненіе должно быть прислано на конкурсъ не позже 1-го декабря 1910 г. по адресу: Петербургъ, Шпалерная, 42, редакція „Женскаго Вѣстника". На сочиненіи долженъ быть написанъ девизъ автора. Тотъ же девизъ обозначается на закрытомъ конвертѣ, прилагаемомъ къ сочиненію и заключающемъ въ себѣ названіе сочиненія, имя автора и его адресъ. Премія присуждается комиссіей, выбранной изъ членовъ Петербургскаго клуба женской прогрессивной партіи на общемъ собраніи клуба въ числѣ шести лицъ и двухъ кандидатокъ къ нимъ. Для присужденія преміи нужно 2/3 голосовъ членовъ комиссіи. Комиссія имѣетъ право приглашать постороннихъ лицъ для рецензій присланныхъ на конкурсъ сочиненій. Члены комиссіи, присуждающіе премію, не имѣютъ права принимать участіе въ конкурсѣ. Имена членовъ комиссіи будутъ опубликованы впослѣдствіи. Премія назначается въ размѣмѣ *ста (100) рублей*. Присужденіе преміи послѣдуетъ не позже 1-го февраля 1911 года.

Желательно, чтобы брошюра „Избирательныя права женщинъ" заключала въ себѣ слѣдующее:

1) Выясненіе значенія для женщинъ и для общества женскихъ избирательныхъ правъ въ парламентъ и въ мѣстное самоуправленіе. 2) Въ какихъ странахъ женщины имѣютъ избирательныя права. Какъ онѣ добились ихъ. На какихъ основаніяхъ ими пользуются (равное съ мужчинами, неравное, всеобщее, цензовое). Какъ ими пользуются (участіе въ выборахъ, парламентскихъ комиссіяхъ и пр.) Что онѣ сдѣлали, пользуясь избирательными правами. 3) Историческій очеркъ избирательныхъ правъ женщинъ въ Россіи. Положеніе этого вопроса у насъ въ настоящее время. Что дѣлали русскія женщины для пріобрѣтенія избирательныхъ правъ. Какъ достигнуть этой цѣли.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.—МАРТЪ.

